

ЗОЛОТАЯ

СЕРИЯ

БЕРНАРД,
ШОУ

Зарубежная литература

БЕРНАРД
ШОУ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

БЕРНАРД ШОУ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

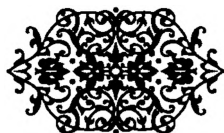

МОСКВА 2004

БЕРНАРД ШОУ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Том первый

ПЬЕСЫ

МОСКВА 2004

ББК 84(4Вл)

Ш81

Шоу Б.

Ш81

Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1: Дома вдовца; Профессия миссис Уоррен; Кандида; Ученик дьявола; Цезарь и Клеопатра; Смуглая леди сонетов; Миллионерша: Пьесы / Пер. с англ.; Вступ. ст. К. Новикова; Коммент. А. Николюкина.— М.: Литература, Мир книги, 2004.— 512 с.— (Золотая серия. Зарубежная литература).

ISBN 5-8405-0076-3 (т. 1)

ISBN 5-8405-0077-1

Крупнейший английский драматург конца XIX — первой половины XX в., Джордж Бернард Шоу (1856—1950) в своих произведениях выступает как мастер интеллектуальной драмы-дискуссии, построенной на острых диалогах, полной парадоксальных ситуаций, разрушающей все традиционные представления о театре. Его пьесы бичуют политическую реакцию, нормативную мораль, лицемерие, ханжество. В 1925 г. писателю была присуждена Нобелевская премия по литературе.

В первый том Избранных сочинений вошли самые известные драмы Б. Шоу, в разные годы с успехом поставленные на сценах многих театров нашей страны.

ББК 84(4Вл)

ISBN 5-8405-0076-3 (т. 1)

ISBN 5-8405-0077-1

© ООО «РИЦ Литература», 2002

© Сайко И. Е., серийное
оформление, 2000

© ООО «Мир книги», ООО «РИЦ
Литература», логотип серии, 2000

НЕОРДИНАРНОСТЬ КАК НОРМА

Даже в богатую на яркие личности и таланты первую половину нынешнего века современники выделяли Бернарда Шоу. С некоторой толикой иронии они говорили, что на Британских островах лишь два человека пользуются поистине всемирной известностью: Черчилль и Шоу. Тот и другой, заметим, со временем оказались в числе Нобелевских лауреатов, причем как профессиональный писатель Бернард Шоу, так и профессиональный политик Уинстон Черчилль были удостоены высшей награды именно в области литературы.

Родившийся в 1856 году, Джордж Бернард Шоу прожил девяносто четыре года. Это были годы, щедро заполненные событиями самого различного свойства,— зачастую настолько уникальными, что свидетели, равно как и последующие биографы, получили в свое распоряжение увлекательный материал и написали не один десяток книг о жизни писателя. Литература о Шоу без преувеличения огромна: ни один из ныне существующих библиографических указателей не сумел вместить все публикации. Среди обилия статей и книг значительную часть составляют работы биографического ряда. Но и сегодня еще не все этапы жизни писателя в достаточной мере освещены.

Начало жизненного пути изобиловало прозой: вынужденный переезд из родного Дублина в Лондон, вызванный неурядицами в семье и смертью сестры; неустроенная, малообеспеченная жизнь, ненавистная служба в лондонском филиале телефонной компании Эдисона, положение нищего литератора, написавшего за период с 1879 по 1883 год пять больших романов. За исключением раннего опыта в прозе («Незрелость», 1879), четыре остальных романа Бернард Шоу сумел опубликовать в малотиражных социалистических журналах. Публикации эти, впрочем, денег автору не принесли.

В пору позднейших откровений, говоря о своем лучшем романе «Карьера одного борца», Шоу вспоминал, что роман поставил своего рода рекорд, поскольку «был отвергнут шестьюдесятью издательствами, но впоследствии выдержал столько же изданий, сколько отказов». Действительно автору возвращали первые произведения по несколько раз: безуспешно пытался Шоу пристроить свои романы не только в Англии, но также в Канаде. Все это было. Однако в приведенных воспоминаниях Шоу примечательна количественная характеристика. С самого начала своей творческой биографии писатель не только сочинял литературные произведения, но и создавал совершенно особенный,

неповторимый образ ироничного, остроумного, неординарного человека. Образ этот Шоу выбрал сознательно, сообразуясь с органикой своего таланта: процесс кристаллизации имиджа занял многие годы. В зрелом возрасте писатель откровенно, — если допустить, что он когда-либо нисходил с буффонадных высот до буквальных откровений, — пояснял: «Секрет популярности в том, что иногда нужно говорить странные и непонятные вещи. Тогда вами занимаются. Человека нормального и понятного быстро забывают». Иногда Шоу повторял: «Для того чтобы повлиять на людей, их прежде всего надо поразить чем-нибудь новым, необычным, оригинальным. Пусть даже неприятным, но чем-то таким, чего они прежде не видели. Я так и делал». Биография писателя включает многочисленные подтверждения этим словам.

Мы уже приводили высказывание Шоу о шестидесяти отказах печатать его роман. Большой писатель, крупный драматург, «очень своеобразная натура», как однажды выразилась хорошо знавшая его Беатрисса Уэбб, Бернард Шоу усердно создавал вокруг своего имени ауру принципиальной непохожести, касалось ли это его творчества или приватной жизни. В его мире абсолютно все должно поражать стороннее воображение, создавая непроходимую границу между ним и остальными людьми. Если уж отвергли рукопись, то шестьдесят раз, а если роман был затем издан, то, опять же, шестьдесят раз. Обиходные цифры в мире Бернарда Шоу оказывались неприемлемы, даже неуместны, — обиходные цифры могли принизить созданный образ, низвести его до понятного, вполне обычного уровня: буквализм легко мог обернуться унижением и в конце концов уничтожением целостного имиджа. (Русскому читателю хорошо известен логический образ сходного порядка: если у него арбуз — так в семьсот рублей, если курьеры — так тридцать пять тысяч одних курьеров...)

Сложность заключалась в том, что единожды примеренный на себя образ неординарной личности требовал постоянного и повсеместного утверждения. В противном случае начинался процесс разрушения. Такова особенность всякой художественной материи, — а данное творение писателя имело куда больше общего с литературными, чем с обыденными житейскими канонами.

В 80-е годы XIX века одновременно с написанием романов Бернард Шоу немало времени отдавал приютившему его фабианскому обществу. Названное в честь римского полководца Фабия Кунктатора (сумевшего одержать победу над Ганнибалом благодаря выжидательной, осторожной тактике) фабианское общество прокламировало необходимость движения к социализму путем постепенных реформ, «пропитывая либерализм социализмом». Шоу охотно участвовал в дискуссиях, но также неоднократно выступал перед различными аудиториями. Обладая незаурядным ораторским даром, он пользовался на уличных митингах значительной популярностью. «Не раз я видел, к своему

удивлению, улицы, переполненные народом во время моих выступлений», — не без улыбки вспоминал Шоу. Его удивление бывало тем более искренним, что немало сил и ораторской изощренности приходилось тратить именно на создание необычного действия, внешне оправленного на манер митингового выступления. Очень высокий костлявый оратор находился все время в движении, отчего казалось, будто тело у него непрестанно складывается и раскладывается, наподобие хитроумного механизма. И при этом Шоу непрерывно демонстрировал свое редкостное остроумие, рассчитанное на непритязательную публику уличного митинга.

Манера держаться, многочисленные сатирические повороты мысли, умение владеть аудиторией — все это создавало впечатляющую картину. Слава Шоу-оратора не в последнюю очередь проистекала из его умения трактовать серьезные, скучные вопросы в понятном и одновременно шутиливом ракурсе. Сходным образом держался Шоу и на заседаниях фабианцев: многочисленными, подчас очень злыми шутками он превращал скучный ритуал заседаний в представление, оставляя присутствующих шокированными.

С 1885 года Шоу окупился в платную журналистику. Он выступал на страницах «Пэлл Мэл Газетт», «Уорлд» и «Стар» с книжными, театральными, музыкальными обзорами. В этот же период были написаны первые из ныне широко известных новелл: «Тайм» помещает на своих страницах «Чудесную месть», а «Мэгазин оф Мюзик» печатает очень изящную «Серенаду».

При том, что романы, газетные статьи, выступления способствовали росту популярности, настоящий успех выпал именно на долю Шоу-драматурга. Хотя вычленение писательских ипостасей (драматург, критик, романист и т. д.) в значительной степени условно, тем не менее, именно пьесы создали ему славу, именно благодаря им сделался он истинно крупным писателем.

Первая пьеса «Домá вдовца» (1892) первоначально выдержала лишь два спектакля, после чего была снята. Но благодаря ей разразился первый театральный скандал, синонимичный в мире Шоу крупному успеху. Писатель вспоминал: «Первое представление прошло весьма бурно: социалисты и независимые яростно аплодировали мне из принципа; завсегдатаи премьер неистово свистели из тех же соображений... Газеты добрых две недели обсуждали пьесу».

Вслед за «Домами вдовца» в относительно короткий срок были написаны такие известные пьесы, как «Профессия миссис Уоррен», «Кандида», «Ученик дьявола», «Цезарь и Клеопатра». В 1898 году, когда Шоу женился на Шарлотте Пейн Таунсенд, у него вышел первый двухтомник «Пьесы приятные и неприятные». С этого времени можно отсчитывать период большой литературной известности. Многочисленные его пьесы, в которых разоблачались лицемерие и жестокость представителей самых широких социальных слоев, пьесы, начиненные мощным сатири-

ческим зарядом, вызывали неоднозначную, но весьма бурную реакцию театральных зрителей и читателей. В том же 1898 году после успешной постановки в Соединенных Штатах пьесы о борьбе североамериканских колоний за независимость («Ученик дьявола») у Бернарда Шоу появился материальный достаток, несколько уравнивший в этом плане писателя и его богатую жену, которую Бернард Шоу в шутку называл «зеленоглазой миллионершей».

Не все драматические произведения по цензурным соображениям удавалось сразу поставить на сцене; тогда Шоу выпускал их отдельными изданиями, сопровождая специальными предисловиями, в которых разъяснялся замысел. Такая форма считалась весьма необычной. «Я стремился,— говорил Шоу,— сблизить драму с повестью так, чтобы ее интересно было не только смотреть, но и читать. Все это противоречило театральным канонам, вызывало протесты, критику, нападки. Шум увеличивался, а мне этого только и было нужно».

На поддержание образа работали и внелитературные эскапады Шоу, вроде организованного им в 90-е годы Общества по отмене Рождества, вроде крайне нелицеприятных высказываний в адрес признанных авторитетов. Писатель настойчиво стремился перевернуть вверх дном устойчивые представления английского общества: создатель театра идей сделал, по существу, своим ампула разрушение авторитетов, разоблачение, ниспровержение признанных кумиров,— в чем он видел одну из форм борьбы с общественными идеалами.

Бернард Шоу энергично пестовал образ этакого ирландского Мефистофеля. Не избегавший явного эпатажа, писатель говорил: «К началу XX столетия я создал себе репутацию *crank* № 1»¹.

С начала 1900-х годов произведения Шоу начинают появляться также в русских переводах. Еще не были написаны его лучшие, вошедшие в золотой фонд современной литературы, пьесы «Пигмалион», «Дом, где разбиваются сердца», «Святая Иоанна»,— еще делом будущего было написание ряда искрометных новелл, однако Шоу котировался в России на уровне классика. С 1910 года в двух различных издательствах независимо друг от друга начинают выходить два «Полных собрания сочинений» писателя.

Написание философской комедии «Человек и сверхчеловек» (1903) послужило поводом для того, чтобы обменяться с Львом Толстым, которого Шоу причислял к величайшим писателям, мыслями по фундаментальным вопросам бытия. Шоу не случайно очертил интересующий его круг вопросов, сделав на посланной Толстому книге надпись: «Интермедия в третьем акте... содержит в себе выводы автора относительно религии, богословия и эволюции и основана на его личном опыте...». На Толстого пьеса, однако, благоприятного впечатления не произвела,

¹ *Crank* (англ.) — чудило.

главным образом из-за философской позиции автора. Представляют интерес толстовские высказывания относительно характерных писательских, а также личностных черт Шоу. Отмечая большое дарование, самобытное мышление и умение проникать в существо всякого вопроса, Толстой в ответном письме выразил свое резкое неприятие существа позиции, заключавшейся в изначальном приоритете необычного, — будь то теоретические рассуждения Бернарда Шоу, его трактовки ситуаций, реплики. «В вашей книге, — писал Толстой, — я вижу желание удивить, поразить читателя своей большой эрудицией, талантом и умом. А между тем все это не только не нужно для разрешения тех вопросов, которых Вы касаетесь, но очень часто отвлекает внимание читателя от сущности предмета, привлекая его блеском изложения». В своем дневнике Толстой дал еще более емкую и жесткую характеристику. Он записал о Шоу: «He has got more brains than is good for him». («Для себя он уж слишком умный»). Не упуская из виду, что запись эта носила сугубо приватный характер, и сопоставляя ее с отзывом Толстого на одну, вполне конкретную пьесу, заметим, однако, что Лев Толстой сумел уловить вполне сущую, к тому же часто используемую манеру Шоу: постоянно удивлять, удивлять изо всех сил, обескураживать, даже если нет для того достаточно веских оснований. Пожалуй, тут дело не в писательской манере Бернарда Шоу: изваянный и отточенный образ постоянно требовал явных и неявных подтверждений особенного — писательского и личного — дарования.

Переписка между двумя писателями не сделалась постоянной. Впоследствии письма были фрагментарно опубликованы с комментариями Бернарда Шоу. Хорошо запомнив неллицеприятную, высказанную по существу, толстовскую критику, Шоу не преминул объяснить позицию Толстого предубежденностью, — и сразу же позволил себе печатно сделать бестактное замечание о плохом английском своего корреспондента.

В 1923 году Шоу создал пьесу «Святая Иоанна». Определенный парадокс заключался в том, что создатель комедийного театра свою наиболее значительную пьесу пишет в жанре героической трагедии. «Святая Иоанна» принесла автору славу, перед которой поблекли многие прежние триумфы писателя. После этой исторической хроники его мировой престиж вырос до такой степени, что один из критиков того времени, подделываясь под шутливый тон Бернарда Шоу, сказал, что, если бы писателю пришлось в голову издать свою следующую пьесу под именем «Св. Шоу», это ни у кого не вызвало бы никаких возражений.

В значительной степени благодаря успеху «Святой Иоанны» Бернарду Шоу в 1925 году была присуждена Нобелевская премия. Он удостоился награды «за творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искрометную сатиру, которая часто сочетается с исключительной поэтической красотой».

К своему лауреатству он отнесся весьма сдержанно; это рядовой человек или обыкновенный писатель мог себе позволить

иную реакцию на высшую литературную премию. Не являясь сторонником каких бы то ни было наград и отличий за литературное творчество, по поводу чего он неоднократно высказывался прежде, Шоу принял решение отказаться от премии. В письме секретарю Шведской королевской академии он так мотивировал свой отказ: «Эти деньги — спасательный круг, бросаемый пловцу, который уже достиг берега и благополучно выбрался на сушу». По этому же поводу Бернард Шоу не преминул пошутить, назвав присужденную ему Нобелевскую премию «знаком благодарности за то облегчение, которое он доставил миру, ничего не напечатав в текущем году».

Примечательно, что высшую литературную награду, предполагавшую также и выплату определенной денежной суммы, Шоу предпочел рассмотреть исключительно в монетарном ракурсе: будучи материально вполне обеспеченным (чтобы не прибегать к слову богатый), Шоу в двадцатые годы уже не нуждался в денежных инъекциях со стороны и потому, отказываясь от премии, которая составила по тогдашнему курсу сумму в 7000 фунтов стерлингов, без особых со своей стороны усилий мог подтвердить скептическое отношение к наградам. Известны его слова: «Когда я был молод, то не знал, как достать необходимые деньги; впоследствии не знал, что делать с потоком сыплющихся на меня денег».

Для разговоров о неискренности поведения буквальных оснований нет. Благоприобретенный образ поведения в определенном смысле требовал неприятия награды, тем более, награды столь авторитетной.

Что же касается мотивации отказа, то удостоенный лауреатства писатель и не обязан был раскрывать действительные причины, однако аргумент, письменно сообщенный секретарю Шведской королевской академии, на всесторонний анализ не был рассчитан изначально.

Когда, скажем, от Нобелевской премии отказался Сартр (1964), за его жестом просматривалось весомое и небезосновательное опасение, что слава Нобелевского лауреата может помешать его радикальной политической деятельности: приблизительно эту мысль Сартр изложил письменно, сделав акцент на своем нежелании быть превращенным в политический институт. Ничего столь же весомого в качестве аргумента Бернард Шоу привести не мог; весомых причин для отказа у него попросту не имелось, если, разумеется, не считать всегда преследуемое желание при любых обстоятельствах оставаться ни на кого не похожим.

Вместо Шоу на официальной церемонии вручения (фактически передача премии состоялась на следующий год) присутствовал посол Великобритании в Швеции Артур Даффу, которому и была отдана премия. Отказ Бернарда Шоу привлек широкое внимание, а сама ситуация с непринятыми премиальными деньгами начинала приобретать очертания настоящей проблемы для Шведской королевской академии. Компромиссный выход из соз-

давшегo положения нашел главный виновник, который в конечном итоге принять деньги все же согласился, однако сразу же подписал документ о создании Anglo-Swedish Literary Foundation, Англо-шведского литературного фонда, в задачу которого входило улучшение связей и взаимопонимания между Великобританией и Швецией в области литературы и искусства. На деньги фонда был впоследствии осуществлен перевод нескольких литературных произведений шведских авторов на английский язык, в частности ряда пьес Стриндберга; появление этих переводов на английском языке без специальной финансовой поддержки едва ли могло состояться в рассматриваемый период.

Создание Англо-шведского литературного фонда не получило широкой огласки, тогда как о самом факте отказа Шоу от Нобелевской премии газеты многих стран мира оповестили читателей. Некоторое время эта информация обсуждалась в печати, пока не оказалась вытесненной более свежими новостями. Результатом осведомления о отказе от премии в печати явился большой поток адресованных Шоу писем с просьбой о материальной помощи. Просьбы эти, как водится в подобных случаях, были не всегда искренними, но по-человечески понятными. Однако одаривание просителей в данной ситуации явилось бы жестом чрезмерно ординарным (и потoм: одному дашь, десять других попросят, тем десятерым дашь...). Письменные просьбы досаждали Бернарду Шоу, вызывали у него улыбочное, как бы не вполне искреннее раздражение. Получила известность его фраза: «Я мог бы простить Альфреду Нобелю изобретение динамита, но только дьявол в человеческом облике мог выдумать Нобелевскую премию».

Впрочем, хула Шоу немного стоила, поскольку большинство подобного рода оценок изначально были рассчитаны на неприятельного обывателя, всякий раз выражавшего свое возмущение любыми экстравагантными поступками писателя, но подсознательно желавшего все новых эпатажирующих выходов. Пытаясь соответствовать, писатель острил на пределе своих сил: журналисты ведущих газет устраивали буквальную охоту за любыми скандальными замечаниями Шоу. Иногда тому, что говорил и писал Шоу, явно недоставало элементарной логики, остроумие бывало сродни яркому блеску,— за быющей по глазам формой не скрывалось достаточной глубины мысли. Так, по сути, или примерно так могли бы отвечать многие другие, но дело в том, что интересны широким кругам были только лишь избранные. Шоу — один из тех.

Наработанный и год от года все возраставший авторитет писателя срабатывал практически безотказно. Когда первый его роман «Незрелость», пролежавший до того приблизительно тридцать лет в столе, был опубликован, то получил весьма комплиментарные отзывы критики. Прочитывалось и анализировалось уже не конкретное юношеское произведение неопытного беллетриста, но очередное творение мастера. Беспристрастности не было и в помине.

Даже слабые пьесы с определенного момента работали на приумножение его славы. А сам Шоу лишь отпугивался на сей счет: «Истинно великого человека успех не портит». При этом свое величие он склонен был трактовать отнюдь не метафорически.

В 1927 году, когда общественное мнение Англии, этот неустойчивый и весьма абстрактный барометр, было резко настроено против Муссолини, Бернард Шоу отправился в Италию и по возвращении однозначно высказался по поводу фашистских порядков, заявив, что диктатура Муссолини значительно превосходит демократию английского типа.

Созданный писателем для себя одного мир буквально не мог существовать в иных масштабах, а каждая новая попытка изумить по логике развития образа должна быть грандиознее, злее, искрометнее предыдущих. В противном случае публика заскучает и, сдерживая зевоту, потянется к выходу. Позднее Сидней Узбб объяснял: «Так как общественное мнение было резко настроено против Муссолини, Шоу в пику решил проявить независимость». То была, однако, независимость фразы, никак не мысли. Через некоторое время писатель столь же легко изменил свое мнение об итальянском диктаторе на прямо противоположное — и сделал это играючи, без усилий.

Презиравший торжества по случаю своих дней рождения, Шоу однажды отказался присутствовать на юбилее Шекспира, объяснив, что, если он не празднует свои дни рождения, зачем, мол, ему чужие. Однако 75-летний юбилей отпраздновать он все-таки решил, причем сделал это не где-нибудь, но в СССР.

И после смерти Шоу к личности писателя не утрачен большой интерес. За последующие годы его фигура приобрела несколько мифологический оттенок. Он сделался даже одним из персонажей так называемых литературных анекдотов, до которых были охочи недорогие иллюстрированные журналы. В 1953 году на страницах «Огонька» был опубликован один из таких анекдотов. Зрители австрийского театра уходили, не досмотрев окончания спектакля «Святая Иоанна», чтобы поспеть на последний трамвай. У Шоу спросили совета, что можно в связи с этим предпринять. Драматург прислал телеграмму: «Изменить расписание движения трамваев». Это конец анекдота. Но дело в том, что трамваи ходят по старинке; трамваи являются частью сугубо вещного, обиходного мира, который при жизни Шоу соприкасался с миром писателя в одной единственной точке, каковой и был Джордж Бернард Шоу. Теперь неповторимый мир, образующий творческим наследием писателя, получил совершенную свободу, — ни последующие биографы, ни время уже не в состоянии его изменить. Если наследие Шоу сейчас и нуждается в чем-либо, то разве что в заинтересованном читателе.

К. Новиков

ПЬЕСЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О СЕБЕ САМОМ

Есть старинная поговорка, что если человек не влюблялся до сорока лет, то лучше ему не влюбляться и после. Я давно заметил, что это правило приложимо не только к любви, но и ко многим другим вещам — так, например, к сочинению пьес, — и записал себе на память, что если я до сорока лет не напишу по меньшей мере пяти пьес, то лучше мне совсем не браться за драматургию. Однако выполнить это условие было не так-то просто. Не то чтобы у меня отсутствовало дарование драматурга, напротив, только собственная моя лень могла положить предел моей способности вызывать к жизни воображаемые персонажи в воображаемой обстановке и находить предлоги для эффектных сцен между ними. Но для того чтобы при помощи этого странного дара зарабатывать себе на хлеб, надо было вызывать к жизни такие персонажи и в такой обстановке, чтобы они представляли интерес не для меня одного, а по меньшей мере для ста тысяч моих современников — посетителей лондонских театров. Выполнить это требование было свыше моих сил. Я не любил ходового искусства, не уважал ходовой морали, не верил в ходовую религию и не преклонялся перед ходовыми добродетелями. Я был ирландцем, стало быть у меня неоткуда было взяться патриотическим чувствам ни к той стране, которую я покинул, ни к той, которая ее разорила. Будучи человеком гуманным, я питал отвращение к убийству и насилию, где бы с ними ни сталкивался. Как социалист, я ненавидел современную анархическую погоню за деньгами и считал, что равноправие — это единственная прочная основа для общественного устройства, для порядка, законности, добрых нравов и отбора на высокие должности людей, действительно к ним пригодных. Светскую жизнь, доступ к которой широко открыт для «блестящих» бездельников, я находил невыносимо скучной, не говоря уж о том, что опасался ее разлагающего влияния на мой характер, столь нуж-

дающийся в дисциплине. Я не был ни скептиком, ни циником в этих вопросах; просто я смотрел на жизнь иначе, чем средний респектабельный англичанин, а так как удовольствия я получал от нее неизмеримо больше — главным образом, от таких занятий, которые его повергли бы в глубочайшее уныние, — то это расхождение во взглядах меня мало тревожило.

Судите же сами, были ли у меня шансы написать пьесу, которая понравилась бы публике. В юности я мечтал проникнуть в литературу в качестве автора романов и действительно состряпал пять предлинных произведений этого рода и получил два или три поощрительных отзыва от самых солидных английских и американских издательств, — одновременно с их категорическим отказом рисковать ради меня своим капиталом. Но ведь всякий знает, что нет такого плохого романа, который не выгодно было бы издать, если только это вообще роман, а не окончательная бессмыслица. Другое дело, что бывают чересчур хорошие романы, и те, правда, невыгодно издавать, но мне кажется, что в данном случае такие опасения были бы неуместны. Я мог бы, конечно, утешить себя словами Уотли: «Эти дураки не знают своего собственного дурацкого ремесла», — ибо, когда мои детища нашли, наконец, дорогу в типографию и заполнили пустоты на страницах социалистических журналов, содержаемых на средства их щедрых друзей, одно или два из этих произведений все же пустили корни, жидкие и неглубокие, как у сорной травы, и до сих пор еще временами подвертываются мне под ноги.

Но как раз в это время я узнал кое-что новое о самом себе, и это убедило меня в том, что издатели были совершенно правы с коммерческой точки зрения. Узнал я это от одного приятеля, врача по глазным болезням. Както раз он осмотрел мои глаза и объявил, что я для него не представляю никакого интереса, так как у меня нормальное зрение. Я, конечно, понял это в том смысле, что у меня такое же зрение, как у всех людей; но он возразил, что я говорю парадоксы: нормальное зрение, то есть способность видеть точно и ясно, величайшая редкость; им обладают всего каких-нибудь десять процентов человечества, тогда как остальные девяносто процентов видят ненормально, и я, стало быть, представляю собой отнюдь не правило, а редкое и счастливое исключение. Тут-то я, наконец, и понял причину моих неудач на литературном

поприще: мое духовное зрение, так же как телесное, было «нормально» — я видел все не так, как другие люди, и притом лучше, чем они.

Это открытие произвело на меня большое впечатление. Сперва я решил так: ну что ж, буду продавать свои произведения тем десяти процентам, которые видят, как я, и этим зарабатывать на жизнь; но уже минутное размышление убедило меня в неосновательности таких надежд: очевидно, эти десять процентов так же бедны, как и я, и все мы навряд ли разбогатеем, если будем, так сказать, обслуживать друг друга.

Как добыть себе хлеб насущный литературным трудом, по-прежнему оставалось для меня проблемой. Будь я обыкновенным англичанином, практическим, здравомыслящим и превыше всего ценящим деньги, все разрешилось бы очень просто: я надел бы ненормальные очки и искажил бы свое зрение в угоду девяноста процентам, от которых зависел сбыт моих книг. Но я был до такой степени доволен своим превосходством, я так гордился своей ненормальной нормальностью, что мне даже в голову не приходило прибегнуть к лицемерию. Лучше жить на один фунт в неделю и смотреть прямо, чем иметь миллион и видеть все вкривь и вкось. Вопрос был в том, как добыть этот фунт в неделю. Но теперь, когда я бросил писать романы, это не составляло труда. Каждый деспот, чтобы сохранить душевное здоровье, должен иметь хотя бы одного непокорного подданного. Даже Людовик XI терпел своего исповедника, который отстаивал духовного владыку против владык мира сего. Демократия отняла скипетр у деспотов и вручила его суверенному народу; но и у этого нового владыки есть свой исповедник, а именно — критика. Критика не только полезна с медицинской точки зрения, — она приятна толпе еще и потому, что утоляет ее кровожадность своими гладиаторскими боями, ее зависть — своими нападками на великих людей, ее потребность в преклонении — хвалой, которую им возносит. Критика говорит вслух то, что всякий хотел бы сказать, но не смеет, а если и смеет, то не может по недостатку умения. Ее иконоборчество, ее призывы к бунту, ее кощунства вызывают приятный трепет даже у тех, кого они шокируют; таким образом, критик соединяет в себе исповедника и придворного шута. Если бы Гаррикс* назвал клоуном доктора Джонсона*, он высказал бы глубокую и остроумную мысль; когда же доктор

Джонсон называл так Гаррика, он только повторял одну из тех плоских издевок, мишенью которых так часто становится актер.

Именно на этом клоунском поприще я впервые завоевал известность. Достаточно мне было раскрыть свои нормальные глаза и, пустив в ход свою литературную сноровку, изложить все так, как оно мне представлялось, или, проще говоря, точно описать то, что я видел, — и я не замедлил снискать славу первого юмориста в Лондоне, изобретателя самых невероятных парадоксов. Единственный упрек, который мне то и дело приходилось слышать, это: «Почему вы никогда не бываете серьезны?» Скоро мои успехи превзошли всякие ожидания, и мои доходы возросли до невероятных размеров. Видный журнал каждую неделю отводил место для моих высказываний, словно я был самой важной персоной в королевстве. Работа моя была легка и приятна: я должен был писать рецензии обо всех творениях и творцах искусства, которых мировая столица привлекала в стены своих картинных галерей и оперных, концертных и театральных залов. Высшие классы жадно читали мои эссе, широкие массы терпеливо выслушивали мои поучения; я пользовался свободой, доступной только человеку без гроша в кармане, и возможностями, доступными только миллионеру. Если был на свете человек, которому ничего не оставалось желать, то этим человеком был я.

Но, увы, мир молодец, а я старел; его зрение становилось все острее, а мое притуплялось; он невооруженным глазом читал письма на стене, а я, глядя на них, уже вспоминал, что близится время, когда мне придется надеть очки. Все возможности были налицо, их стало даже в десять раз больше, — но использовать их уже не хватало сил, и щедрое вдохновение юности приходилось подменять хитростями и уловками опыта. Пришлось отказаться от публичных выступлений, беречь здоровье, даже отдыхать. Раньше, для того чтобы заполнить столбцы, которые мне еженедельно предоставляли в журнале, мне стоило только покачать ручку насоса — и я мог достать сколько угодно искрящейся влаги из волшебного колодца, который никогда не пересыхал; а теперь я начинал повторяться и даже — опасный признак! — по крайней мере изредка, впадать в серьезный тон; я замечал, что подчас устаю качать и что уровень воды в колодце все понижается; а самым угрожающим симптомом было то,

что я по временам с легким испугом начинал догадываться, что это фантастическое богатство нельзя приберечь себе на старость лет, как делают с деньгами те люди, которые ради денег его отвергли. А в дверь уже стучалось новое поколение, воспитанное в такой просвещенности, о какой не слыхано было в мои школьные годы. Я перечитывал свои статьи и видел, что я в тридцать лет с трепетом отваживался на то, что эти юнцы с веселым апломбом проделывают еще в колыбели. Я слушал их нетерпеливый стук и радовался за человечество, но сокрушался при мысли о своей необеспеченной старости. Разговаривая со мной, представители этого поколения величали меня «мистер» и с очаровательной добротой и простодушием давали мне понять, что я заслужил их уважение, потому что в свое время тоже сделал кое-что полезное. Мистер Пинеро* написал длинную пьесу, в которой доказывал, что людей моего возраста давно уже пора сдать в архив; и я смеялся над ним, но невеселым смехом.

В этот горький час мои сограждане, ранее упорно отвергавшие все мои попытки послужить обществу, презрительно согласились избрать меня членом церковного совета — меня, автора «Домов вдовца»! Тогда я в страхе попятился, как сделало бы на моем месте всякое мирное и полезное животное. До этого рокового дня я никогда не удаивал собирать пролитые капли волшебной влаги из моего колодца и запечатывать ее в бутылки,— для этого, думалось мне, будет еще время — когда колодец пересохнет. Но теперь я прислушался к голосу издателей — впервые с тех пор, как они отказались прислушаться к моему голосу. Я опять пересмотрел свои статьи, но подавать как новинку то, что уже было напечатано в журналах пять лет тому назад,— нет, так низко я еще не пал, хотя эта унижительная перспектива и маячила передо мной в будущем, как перед деревенским батраком маячит призрак работного дома. Нет, сказал я, начнем с менее тяжких преступлений: сперва я выпущу свои пьесы.

— Что? — воскликнете вы.— Какие пьесы? Откуда пьесы?

Позвольте вам объяснить.

Для человека, живущего в Лондоне и обладающего серьезными умственными и художественными интересами, одним из наиболее тяжелых лишений является отсутствие театра, способного удовлетворить его вкусам. Я очень люблю театр, и, как уже, наверно, заметили про-

ницательные читатели этого предисловия, я сам немножко актер. Поэтому я готов был приветствовать всякую попытку создать в Лондоне такой театр, который для только что собранной духовной жатвы девятнадцатого столетия мог бы стать тем же, чем шекспировский театр был для жатвы Ренессанса. Но скоро стало ясно, что для создания Нового театра (в те дни мы, конечно, все передовое называли «новым») нужна огромная энергия, а взять ее неоткуда; вялый интерес, проявляемый к этому делу кучкой утонченных и гордых своим превосходством ценителей — кстати сказать, отлично умеющих обходиться и без театра, — был, очевидно, недостаточен. Разжечь очаг такой энергии могла бы только спаянная работа актера и режиссера в том случае, если бы они нашли необходимое и характерное выражение для своих талантов в шедеврах новой драматургии и сумели бы раскрыть их обаяние перед зрителями. Значит, прежде всего необходимо было найти два-три шедевра. Но шедевры не валяются на улице. Не будь Ибсена, Новый театр, наверно, так и не родился бы на свет, как не родился бы Байрейтский театр* без «Нибелунгов» Вагнера. Каждая новая попытка расширить репертуар убеждала в том, что пьесы создают театр, а не театр создает пьесы. Казалось бы, нет надобности это доказывать, потому что ведь и все-то трудности возникли именно оттого, что современные драматурги писали пьесы на заказ, а не в силу внутренней необходимости. Но то, чему никто не верит, не мешает лишний раз повторить.

Итак, Ибсен стал знаменем этой новой кампании. Ее открыли мистер Чарльз Каррингтон и мисс Джэнет Ачерч, поставив в 1889 году «Кукольный дом»*. Затем они повезли эту сделавшую эпоху пьесу за границу, а мистер Грейн* продолжал военные действия в Лондоне, в своем Независимом театре. Театр впервые прочно стал на ноги после постановки «Привидений» Ибсена; но все поиски нового отечественного репертуара были до такой степени безуспешны, что до самой осени 1892 года Грейну не удалось поставить ни одной сколько-нибудь стоящей пьесы, принадлежащей перу английского автора. Не в силах выносить столь унижительное для нашей национальной гордости положение, я предложил мистеру Грейну анонсировать мою пьесу. Будучи необыкновенно смелым и предприимчивым человеком, он это сделал безо всяких колебаний. Тогда я раскопал самую пыльную

грудю моих отвергнутых рукописей и вытащил оттуда первые два акта пьесы, написанной мною в соавторстве с мистером Вильямом Арчером* в 1885 году, вскоре после того как я бросил писать романы.

Мистер Арчер уже описал в другом месте, каким невозможным соавтором я оказался: задуманный и тщательно разработанный им план очень приятной, чувствительной и «хорошо сделанной» пьесы, как раз такой, какие тогда были в моде, я совершенно исказил и исковеркал, превратив ее в гротескно-реалистическое разоблачение эксплуататоров-домовладельцев, аферистов из городского управления, а также денежных и матримониальных союзов между этой публикой и теми милыми людьми, которые живут на «независимый» доход и воображают, что вся эта грязь никак их не затрагивает. В результате получилось нечто крайне несуразное. К своей теме я отнесся достаточно серьезно, но к театру как таковому — еще не совсем, хотя, быть может, все-таки серьезней, чем сам он относился к себе. Следуя моде того времени, я ввел в свою пьесу фарсовые трюки, но в пьесе, трактующей такую глубокую, насущно важную и значительную тему, они были неуместны и только вызывали раздражение. Мистер Арчер, видя, как я уродую и его план и свою тему, поспешно отказался от соавторства, и наш неудачный замысел заглох, а у меня на руках остались два акта незаконченной и забракованной пьесы. Но когда я откопал ее после семилетнего промежутка, я пришел к мысли, что те самые особенности, которые делали ее непригодной для обыкновенного театра в 1885 году, делают ее, пожалуй, особенно подходящей для Независимого театра в 1892 году. Поэтому я дописал третий акт, присочинил натянутое пародийно-библейское название «Домá вдовца» и вручил ее мистеру Грейну, а тот, вместе со всеми заключенными в первой редакции клоунадами, преподнес ее публике в театре Ройалти. Она произвела сенсацию, совершенно несоразмерную ни с ее достоинствами, ни даже с ее недостатками, и я молниеносно обесславился как драматург. Первое представление прошло весьма бурно: социалисты и независимые яростно аплодировали мне из принципа; завсегдатаи премьер неистово свистели из таких же побуждений; сам я выступил в уже привычной для меня роли митингового оратора и произнес речь перед занавесом. Газеты добрых две недели обсуждали пьесу — и не только в обыч-

ных театральных рецензиях и заметках, но и в передовицах и письмах в редакцию; наконец, текст ее был опубликован со вступительной статьей мистера Грейна, остроумным рассказом мистера Арчера о нашем первоначальном сотрудничестве и с длинным предисловием и многочисленными комментариями автора, написанными в его самой боевой и заносчивой манере. Эта книжечка, первая из серии пьес, изданных Независимым театром, теперь уже ставшая библиографической редкостью, сохранилась как единственное воспоминание об этой недолговечной сенсации; в ней содержится текст пьесы в его первоначальном виде, со всеми нелепыми шутками и трюками, и я рекомендую ее собирателям «Гамлетов» in quarto и прочих редких и забытых первых изданий, которые злополучные авторы с радостью уничтожили бы, если б могли.

Я не добился успеха, но вызвал шум, и это было такое приятное ощущение, что я решил повторить. В следующем, то есть в 1893 году, когда споры об ибсенизме, «новой женщине» и тому подобных предметах были в полном разгаре, я написал для Независимого театра комедию под названием «Волокита». Но еще раньше, чем я ее окончил, мне стало ясно, что для заглавной роли в труппе мистера Грейна не найдется исполнителя, ибо это уже область высокой комедии, требующая исключительно искусной и тонкой игры. Я написал роль, которую мог бы сыграть только мистер Чарльз Уайндгэм*, и вставил ее в пьесу, которая немыслима была на подмостках театра «Крайтирион», — то есть попал со своей пьесой примерно в такое же положение, как Робинзон Крузо со своей первой лодкой. Тогда я отложил в сторону эту комедию и, вернувшись к настроению, в котором писал «Домá вдовца», сочинил третью пьесу — «Профессия миссис Уоррен», в которой снова затронул социальную тему огромного значения. Значительность темы и спасла пьесу, вопреки даже неопытности драматурга. В этой пьесе было решительно все, чего мог пожелать Независимый театр, и всего этого даже, пожалуй, больше, чем ему было желательно. Но тут я столкнулся с препятствием, из-за которого писанье пьес оказывается в Англии таким мучительным делом для автора, привыкшего к свободе печати. Я подразумеваю театрального цензора.

В 1737 году Генри Филдинг, самый крупный (если не считать Шекспира) из английских драматургов, писавших

для театра в промежуток между Средними веками и XIX столетием, обратил всю силу своего таланта на разоблачение и пресечение взяточничества, свирепствовавшего тогда в парламенте. Уолпол, неспособный управлять без взяток, немедленно заткнул рот театру, учредив театральную цензуру, действующую и поныне. Филдингу таким образом был закрыт путь Мольера и Аристофана; тогда он избрал путь Сервантеса — и с той поры английский роман становится гордостью мировой литературы, а английская драма ее позором. Этот гаситель, наложенный Уолполом на Филдинга, существует сейчас и для меня в лице Королевского театрального цензора, каковой джентльмен грабит, оскорбляет и подавляет меня столь же успешно, как если бы он был русским царем, а я самым ничтожным из его подданных. Грабеж выражается в том, что меня заставляют платить ему две гиней за прочтение любой моей пьесы, превышающей по размеру один акт. Я совсем не хочу, чтобы он читал мои пьесы (по крайней мере как официальное лицо; как обыкновенный читатель — пожалуйста!), наоборот, я даже считаю такую претензию с его стороны величайшей дерзостью. Но я вынужден подчиниться, ибо иначе мне не получить от него некоего изумительного по наглости документа — вся кровь кипит во мне, когда я его читаю! — удостоверяющего, что, по его мнению — его мнению! — в моей пьесе «не содержится ничего противного нравственности или в других отношениях недопустимого для исполнения в театре» и что поэтому министр двора «разрешает» ее постановку (каково нахальство!). Но даже и выдав мне такое удостоверение, цензор, как частное лицо, сохраняет за собой право подать на меня в суд за оскорбление общественной нравственности или побудить к тому других частных лиц, если его взгляд на мою пьесу в дальнейшем изменится. К тому же, если он действительно охраняет публику от моей безнравственности, почему публика сама не платит ему за эти услуги? Полицейский получает жалованье не от вора, а от того честного человека, которого он охраняет от воров. Однако, если я откажусь платить, этот тиран может разорить любого антрепренера, который вздумал бы, не считаясь с ним, поставить мою пьесу. Если же, получив свою мзду, он все-таки не решается дать санкцию на постановку, иными словами: если он больше опасается шума со стороны противников моих идей, чем со стороны их приверженцев, он может запретить мою пьесу и наложить

штраф в пятьдесят фунтов на всякого, кто примет участие в ее постановке, начиная от осветителя сцены до главного актера. И нет никаких способов избавиться от цензора. Он живет не на счет налогоплательщиков, а на счет тех сумм, которые путем шантажа вытягивает у автора; поэтому ни одной политической партии нет смысла ратовать за упразднение его должности — это не принесет ей и десятка лишних голосов на выборах. Политическое влияние отдельных лиц тоже ему не страшно. Ибо такие влиятельные лица обычно гораздо больше бывают заинтересованы в создании новых удобных и приятных должностей, чтобы пристроить к ним разных милых и приятных людей, к коим они благоволят, чем в упразднении уже существующих теплых местечек. Да и сам я, хотя отлично понимаю, что деятельность цензора отвратительна и вредоносна и что если бы я занимал этот пост (на который, вероятно, и выставлю свою кандидатуру, как только откроется вакансия), то и я не мог бы действовать иначе чем отвратительно и вредоносно, как не может не быть вредоносным стальной прут, если его засунуть в колеса паровой машины,— несмотря на все это, я и сам не решаюсь поднять вопрос об упразднении этой должности, ибо опасаясь, что наша пресса, давно забывшая славные традиции свободы слова, предложит взамен Королевского цензора что-нибудь вроде цензора Совета графства или еще какую-нибудь семиглавую гидру взамен существующей одноглавой — так что лекарство окажется горше самой болезни. Поэтому я держусь за Королевского цензора, как многие радикалы держатся за палату лордов или за короля; так женщина властного нрава, отвергая волевых мужчин, охотнее берет в мужья человека слабого и бесхарактерного. Нет, пока общество не готово еще к тому, чтобы ввести свободу театра на тех же основаниях, на каких у нас существует свобода печати, то есть дать возможность драматургу и антрепренеру ставить все что им вздумается, а за последствия отвечать перед обыкновенным судом, как отвечает сейчас автор и издатель, до тех пор я буду хранить Королевского театрального цензора как зеницу ока. Одно время я носился с мыслью подать премьер-министру коллективную Петицию о правах от всех драматургов и антрепренеров, но так как можно было сказать наперед, что девять из десяти этих жертв угнетения не только никогда не решатся оскорбить своего угнетателя, но, наоборот, немедленно начнут восхвалять его как полезнейшее из

всех английских установлений и, вместо того чтобы обсудить вопрос по существу, станут льстиво распространяться насчет высоких личных качеств нынешнего цензора, то я отказался от своего намерения. В такой осторожной тактике для многих заключается еще и прямой деловой расчет, ибо те драматурги и антрепренеры, которые процветают при нынешнем порядке, разумеется не заинтересованы в том, чтобы сменить его на другой, грозящий открыть дорогу для более широкой конкуренции; большинство этих драматургов сами до смерти боятся «новых» идей, которые при отмене цензуры смогут беспрепятственно проникнуть на сцену. Итак, да здравствует Королевский театральный цензор!

В 1893 году этот зловредный пост занимал некий джентльмен, ныне покойный, чьи воззрения сильно отставали от века. Он был открыто враждебен Новому движению, и речь, которую он произнес в 1892 году перед особой парламентской комиссией, ведающей театрами и общественными развлечениями («Синяя книга», № 240, стр. 328—335), — это, вероятно, наиболее полное собрание всех тех превратных мыслей, руководясь которыми, цензор может на своем посту наделать максимум вреда. В борьбе с ним мистер Грейн был побежден заранее. Без разрешения цензора «Профессию миссис Уоррен» можно было исполнять только в здании, не предназначенном специально для театра, и показывать только лицам, приглашенным в качестве гостей; платных зрителей не могло быть, а это лишало Независимый театр денежной поддержки, без которой он не мог обойтись. Просить же о разрешении — значило бы нарываться на верный отказ, а ставить пьесу после отказа, хотя бы и бесплатно, — значило навлечь на каждого из участников штраф в пятьдесят фунтов. Мы оказались в тупике. Пьеса была готова; Независимый театр был готов к постановке; актеры были готовы к исполнению своих ролей — и вот цензор, даже не предпринимая никаких шагов, даже ничего не зная о пьесе, одним своим существованием парализовал все наши усилия. Тогда я отложил в сторону и эту пьесу и на том закончил свою карьеру в качестве присяжного драматурга Независимого театра.

К счастью, если сцена у нас в кандалах, то печать свободна. И если бы даже удалось освободить сцену, то это не устранило бы необходимости не только исполнять, но и печатать пьесы. «Домá вдовца» шли у мистера Грейна только два раза; но иди они хоть сто раз, они все рав-

но остались бы неизвестны тем, кто не может ходить в театр по условиям местожительства, а также тем, кто хотя и может, но не ходит,— в силу ли привычки, или предрассудка, любви к покою, слабого здоровья или преклонного возраста. Есть много людей, которые читали с наслаждением всю классическую драму от Эсхила до Ибсена, но театр посещают только тогда, когда идет пьеса автора, чьи вещи они уже научились ценить как литературные произведения, или же тогда, когда выступает какой-нибудь знаменитый актер. Даже наши привычные театралы не имеют, собственно говоря, настоящей привычки к театру. Если бы в один прекрасный вечер, в разгар лондонского сезона, полиция оцепила все театры и допросила каждого зрителя о его взглядах на это развлечение, наверно не нашлось бы ни одного имеющего собственный домашний очаг лондонца, который не сознался бы, что смотрит на посещение театра — да и не только театра, а любого публичного собрания, преследующего эстетические или политические цели,— как на совершенно экстраординарный способ провести вечер; нормальный же английский способ состоит в том, чтобы сидеть у себя дома в кругу своей семьи в полном молчании за чтением книги или газеты или за игрой в хальму*, в равной мере лишая себя наслаждения и одиночеством и обществом себе подобных.

Обойдите тысячу улиц, заселенных английскими семьями среднего достатка, и ни в одной из этих семей вы не найдете даже следа каких-нибудь общественных чувств или эстетической культуры. Даже с мужчинами дело обстоит достаточно плохо: хотя у них есть отдушина — ежедневное посещение конторы, но это им не помогает, потому что и в более широкий мир деловых отношений они приносят с собой замкнутые и антиобщественные нравы «домашнего очага». Нельзя сказать, чтобы они были так уж нелюбезны и необщительны от природы, но «домашняя» жизнь прививает им столь дурные манеры, что даже соображения выгоды — ведь как дельцы они должны были бы видеть в любом человеке возможного клиента — не могут излечить их от привычки обходиться со всяким, кто не был им «представлен», как с навязчивым нахалом. Однако женщины, лишённые даже воспитательного влияния конторы, еще во сто раз хуже: они уже совсем не приспособлены к культурному общению, до такой степени они неуклюжи, невежественны и ограничены. Этой доморощенной публике никак не втолку-

ешь, что права, которыми пользуются в общественных местах они сами, в такой же мере принадлежат и другим людям. Где бы они ни сидели — в вагоне второго класса или в церкви,— каждого нового пассажира или нового молящегося они встречают примерно так, как китаец встречает «заморского дьявола», вторгающегося в его гавань.

Но по мере того как этот страшный институт семьи расшатывается — в высших классах благодаря оживленному общению их представителей между собой, а в низших благодаря специфическим условиям труда, которые делают семейную замкнутость вообще невозможной,— наблюдается заметное улучшение нравов. Даже семья из средних классов в поразительно короткий срок приобретает более человеческий облик, когда в ней заводится энергичная девушка, которая поднимает дочерний бунт (никто еще в полной мере не оценил, до какой степени современная образованная англичанка ненавидит самое слово «дом») и настаивает на своем праве вести независимую трудовую жизнь: замкнутость такой семьи ослабевает, в ее быту появляются коллективные развлечения, вроде посещения раз в неделю пригородного театра, или общедоступного концерта, или даже и того и другого. Но пробить такую брешь в этом английском пережитке гарема удастся лишь после того, как он был подвергнут обстрелу книгами и фортепианной музыкой. От книг и музыки английская семья не может отказаться, потому что только благодаря им можно кое-как выносить неопишуемую скуку домашнего очага. Его жертвы если не могут сами жить реальной жизнью, то хотят по крайней мере читать о ней, а заодно в их душу, быть может, закрадывается сомнение — стоит ли вообще принадлежать к такому классу общества, который мало того что терпит этого рода домашнюю жизнь, но еще и хвалится ею. Вот ради этих несчастных пленников домашнего очага я и стремился к тому, чтобы мои пьесы были не только поставлены, но и напечатаны.

Однако у драматурга есть и другие причины желать, чтобы его пьесы были напечатаны, и эти причины останутся в силе, даже если английские семьи начнут ходить в театр так же регулярно, как и читать газеты. Дело в том, что для вполне созвучной и удачной постановки пьесы на сцене требуется такое исключительное стечение обстоятельств, что я сомневаюсь, имело ли оно место хотя бы один-единственный раз с сотворения мира.

Возьмем того из первоклассных драматургов, кому в этом смысле больше всего повезло, — Шекспира. Хотя он писал три столетия тому назад, пьесы его до сих пор не сходят с репертуара, и среди наших заслуженных любителей театра не редкость встретить такого, кто видел на сцене по меньшей мере тридцать из тридцати семи приписываемых Шекспиру пьес, причем десяток из них — больше одного раза, а пяток — даже много раз. Я сам, используя далеко не все представлявшиеся мне возможности, видел в театре двадцать три шекспировских пьесы. Но если бы я лишь смотрел их, а не читал, мое представление о них было бы неполным и даже искаженным и фальшивым. Ведь только за последние годы некоторых из наших молодых актеров и режиссеров осенила мысль — крайне оригинальная для представителей их профессии, — что Шекспира можно исполнять так, как он писал, а не делать из его пьес то же употребление, какое кукушка делает из воробьиного гнезда. Несмотря на успех таких экспериментов, на нашей сцене до сих пор господствует убеждение, которое в свое время исповедовал Гаррик, а именно, что актер и режиссер должны приспособлять Шекспира к современному театру; им самим, конечно, кажется, что они улучшают и совершенствуют пьесу, но что они могут сделать с ней, как не огрубить ее и искалечить, если режиссер во всех отношениях уступает автору, — а такие случаи, что ни говори, бывают.

Живой автор, правда, может защищаться, но чем выше его авторитет в театральной среде, чем охотней идут ему навстречу режиссер и актеры, тем скорей он убеждается в невозможности поставить пьесу так, чтобы идеи ее были переданы верно, и вместе с тем так, чтобы она имела успех. Гораздо легче добиться полных сборов ценной извращения заключенной в пьесе философской мысли; хочется даже сказать, что истинно поэтическая драма может иметь успех у широкой публики только вопреки заключенным в ней философским мыслям. Блестящее подтверждение этого — та операция, которая была проделана над первой частью «Фауста» Гете, — из великого оригинала состряпали сперва оперу Гуно, а позже ту версию, что идет в театре «Лицеум»; в обеих философия и поэзия подменены ходульной романтикой — этим самым ходким суррогатом поэзии и философии, наповал убивающим и ту и другую. Но даже в тех случаях, когда пьесу ставят без пропусков и переделок, когда сами ак-

теры являются горячими последователями автора, она предстает перед нами до странности преображенной. Недавно мы видели образцы благоговейных сценических интерпретаций поэтической драмы, начиная от экспериментов мистера Чаррингтона с пьесами Ибсена и господина Люнье Поз с пьесами Метерлинка, где это делалось на сравнительно скромных началах, и кончая вагнеровскими фестивалями в Байрейте, где на это ухлопывались колоссальные суммы. И совершенно бесспорно утверждение, что те, кто знаком с Ибсеном и Метерлинком* только по книгам, а с Вагнером только по клавирам, не могут их вполне оценить, ибо силу воздействия драматического произведения ощущаешь до конца, только когда видишь его на сцене. Но, с другой стороны, я не знаю случая, чтобы тот, кто знакомился с драматургом только в театре, а с композитором только в концертном зале, имел о них сколько-нибудь углубленное и верное представление. Самая оригинальность и гений исполнителя вступают в конфликт с оригинальностью и гением автора. Представим себе, что Шекспир встретился с сэром Генри Ирвингом* на репетиции «Венецианского купца», а Шеридан — с мисс Адой Реган* на репетиции «Школы злословия». Легко вообразить себе те речи, которые будут при этом произнесены удивленными авторами. Например:

— Когда я смотрю на вашу игру, сэр Генри, мне кажется, что я слышу, как вопиет Израиль, оплакивая свое пленение: «Доколе, о Господи, доколе?» Для меня несколько неожиданно видеть, что страстная натура Шейлока проявляется в этом романтическом плане, вместо того чтобы проявляться в плане чистого корыстолюбия; но, пожалуйста, не меняйте свою концепцию, она чрезвычайно выгодна для нас обоих.

Или:

— Дорогая мисс Реган, позвольте поздравить вас с блестящим, подлинно трагическим исполнением, которое заставило меня устыдиться легковесности моей пьесы и совершенно позабыть о сэре Питере Тизле*, хотя именно его я хотел сделать главным действующим лицом. Я предвижу огромный успех для нас обоих в результате этого счастливого извращения моего замысла.

Но даже в том случае, когда автор ничего не выигрывает в денежном отношении, позволяя исполнителю романтизировать свою пьесу, вряд ли он будет в силах ему противостоять, ибо талант актера — это его высший суд; талантливый исполнитель взывает к актерскому инстинк-

ту самого автора, и, конечно же, автор сдастся, если только он не какой-нибудь неумолимый и непреклонный фанатик реализма. Впрочем, будь он даже таков, ему и это не поможет, ибо все его попытки заставить сильного актера дать меньше, чем он может, будут столь же бесплодны, как и попытки заставить слабого актера дать больше, чем он может.

Короче говоря, умело написанную пьесу гораздо легче приспособить к разным исполнителям, чем существующих исполнителей приспособить к разным пьесам (хотя и желательно, чтобы было как раз наоборот), и это приводит автора к заключению, что правильно передать свой замысел может только он сам. А так как он не может сыграть всю пьесу — будь он даже профессиональным актером, — то ему ничего не остается, как прибегнуть к имеющимся в его распоряжении средствам литературной выразительности, которыми издавна пользуются поэты и прозаики. Только драматурги до сих пор их почти не применяли. В шекспировском наследии у нас не сохранилось ни одного полного режиссерского экземпляра; в издании *in quarto* мы находим почти что один голый диалог. А чего бы мы не дали за режиссерский экземпляр «Гамлета», которым пользовался сам Шекспир во время репетиций, с карандашными пометками на полях его рукой! И если прибавить к этому разъяснения, которые автор давал устно по ходу действия, в особенности же описания действующих лиц, при помощи которых он пытался втолковать актерам, кого собственно они должны изображать, — какой свет пролило бы все это не только на самую пьесу, но и на всю историю шестнадцатого века! И все это у нас было бы — и даже больше, — если бы Шекспир не просто записывал текст ролей для сцены, а подготавливал свои пьесы к печати, соперничая с романистами, владеющими такой разработанной литературной техникой, как, скажем, у Мередита*. Именно отсутствием такой разработанной техники и объясняется то, что Шекспир, непревзойденный поэт, рассказчик, образитель людей, юморист и оратор, не оставил нам ни одной идейно связной драмы и не мог прибегнуть к подлинно научному методу при анализе человека и общества, хотя в таких малопопулярных пьесах, как «Все хорошо, что хорошо кончается», «Мера за меру» и «Троил и Крессида», мы видим, что он был готов начать с двадцатого столетия, если б только семнадцатое ему позволило.

Такая литературная обработка современным пьесам нужна даже больше, чем шекспировским, ибо в его время собственно актерская игра еще не отделилась вполне от декламации стихов, и описательные и повествовательные монологи выполняли ту функцию, которую теперь выполняют декорации и режиссерские ремарки. Прочитайте голый диалог из какой-нибудь елизаветинской пьесы, и вы без труда поймете все, что в ней происходит, кроме, быть может, двух-трех мест, не имеющих существенного значения, тогда как иная современная пьеса, очень занимательная на сцене, без сценических аксессуаров будет не только неудобочитаемой, но даже просто непонятной. Ее уж никак не поставишь на сценической площадке елизаветинских времен, где в центре помещался декламатор, а вокруг на стульях сидели слушатели. Крайний случай — это чистая пантомима, как «L'Enfant Prodigue»¹, в которой диалог хотя и существует, но не произносится. Если бы автор пантомимы захотел ее напечатать, то, для того чтобы сделать ее хоть сколько-нибудь понятной в чтении, ему пришлось бы вписать в нее тот диалог, который при ее постановке на сцене только подразумевается. Так вот, сделать современную постановочную пьесу понятной слушателю при помощи одного лишь диалога так же невозможно, как сделать пантомиму понятной читателю без помощи диалога.

Как ни очевидно все это, тем не менее оформление пьесы литературными средствами до сих пор еще не стало искусством, и в результате очень трудно заставить английскую публику покупать и читать пьесы. Да и с какой стати им это делать, когда в напечатанной пьесе они ничего не находят, кроме голого диалога и нескольких сухих указаний плотнику и костюмеру, вроде того что у отца героини седая борода, а в гостиной имеются три двери в правой стене, дверь и вход из оранжереи в левой и стеклянная дверь в задней? Больше всего меня удивляет, что Ибсен, тратящий по два года на то, чтобы написать трехактную пьесу, необыкновенные достоинства которой целиком зависят от тонкой характеристики действующих лиц и положений, — а добиться этого можно только путем глубокой проработки личной и семейной биографии героев, — так вот этот самый Ибсен, печатая свои пьесы, не дает ничего в ремарках, кроме чисто технических указаний, необходимых плотнику, осветителю

¹ «Блудный сын» (фр.).

и помощнику режиссера. Вряд ли кто станет отрицать, что загадочные эффекты, которые иногда от этого происходят, как бы они ни были интересны сами по себе, покупаются за счет ясности смысла. Ибсен, когда его спрашивают, что он собственно хотел сказать, отвечает: «Что я сказал, то сказал». Совершенно верно; но беда вся в том, что чего он не сказал, того не сказал. Возможно, что есть люди (я в этом сомневаюсь, потому что сам не принадлежу к их числу), которым пьесы Ибсена понятны и так, безо всяких комментариев. А есть и другие, которым не помогут никакие комментарии. Для этих двух крайних категорий всякие дальнейшие разъяснения, очевидно, излишни; но неужели не стоит позаботиться о том подавляющем большинстве, для которых несколько объяснительных слов меняют все дело!

Наконец, разрешите мне замолвить словечко за актеров. Прирожденный актер обладает живой восприимчивостью, которая позволяет ему интуитивно улавливать эмоциональные оттенки роли. Но ожидать, что он тем же интуитивным путем постигнет идейный смысл пьесы и ее конкретную обстановку, значило бы требовать от него сверхъестественной прозорливости; это все равно, что требовать от ученого астронома, чтобы он точно определил время, находясь в катакомбах. А между тем актер обычно находит в пьесе множество разъяснений по эмоциональным моментам, разъяснений, которые он сам мог бы дать не хуже, а может быть, и лучше автора; что же касается политической и религиозной атмосферы, в которой действует воплощаемое им лицо, то она остается ему совершенно неизвестной. В хорошей пьесе всегда заключена четкая концепция такого рода; часто именно она-то и является ключом к правильному исполнению; но актеры так привыкли обходиться безо всяких концепций, что если им даже ее предложить, они, пожалуй, сочтут излишним трудом в нее вдумываться; а между тем только такой вдумчивый труд, воспитывающий актера, может поставить его профессию в один ряд с профессией врача, юриста, священника и государственного деятеля. Даже если взять театр таким, каков он сейчас, и то окажется, что Шейлок как еврей и ростовщик, Отелло как мавр и солдат, Цезарь, Клеопатра и Антоний как люди, действующие в определенной политической обстановке, неизмеримо более реальны для актера, чем те бесчисленные герои, о которых ничего не известно, кроме того, что они носят хорошо сшитые костюмы, любят героиню,

расстраивают козни злодеев и затем живут счастливо до самой смерти.

Дело, стало быть, не в том, чтобы напечатать и выпустить в свет диалог пьесы, а в том, чтобы полностью донести ее содержание до читателя. А для этого нужно создать новый вид искусства; и я верю, что не пройдет и десяти лет после выпуска предлагаемых ниже двух томиков, как моя слабая и несовершенная попытка в этом направлении будет далеко превзойдена, и в пьесах, которые будут печататься тогда, краткая и сухая мизансцена, помещаемая в начале акта, разовьется в целую главу или даже ряд глав. Это может привести к образованию нового, смешанного жанра, совмещающего в себе повествование, проповедь, описание, диалог и, возможно, драму; возникнут произведения, которые можно будет читать, но не ставить на сцене. Я не возражаю против таких произведений; но сам я подходил к делу как драматург, который пишет для театра; скорее, мне можно поставить в упрек, что я слишком считался с требованиями сцены. Во всяком случае, я ничего не вводил в пьесу сверх того, что нужно для актерского исполнения, а через него — и для правильного понимания пьесы зрителем. Конечно, мне пришлось опустить многое, что может дать только игра актера, — просто потому, что письменное искусство, хотя и очень разработанное грамматически, совершенно беспомощно, когда надо передать интонацию; так, например, есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ это написать. Даже употребление разрядки вместо курсива в тех случаях, когда нужно интонацию усилить, достаточно известно за границей, непривычно для английского читателя, и пройдет еще некоторое время, пока оно станет восприниматься так, как должно. Но я все же надеюсь, что если мой читатель не поленится выполнить свою долю работы, он скоро будет понимать в моих пьесах почти столько же, сколько я сам в них понимаю.

В заключение скажу несколько слов о том, почему я назвал три пьесы, помещенные в первом томе, пьесами неприятными. Причина, положим, и так ясна: я использую здесь драматическое действие для того, чтобы заставить читателя призадуматься над некоторыми неприятными фактами. Конечно, всякая пьеса, правдиво изображающая человеческую природу, неизбежно уязвляет наше чудовищное самомнение, которому романтическая литература так бессовестно льстит. Разница, однако, в

том, что здесь мы сталкиваемся не только с комедией и трагедией отдельных человеческих характеров и судеб, но, к сожалению, и с социальными язвами, происходящими оттого, что средний доморощенный англичанин, пусть даже вполне порядочный и добрый в частной жизни, представляет собой весьма жалкую фигуру как гражданин: с одной стороны, он требует, чтобы ему совершенно бесплатно водворили на земле Золотой век, с другой стороны — он готов закрыть глаза на самые гнусные безобразия, если для пресечения их надо хотя бы на один пенс повысить те подати и налоги, которые он платит, принуждаемый к тому отчасти обманом, отчасти силой. В «Домах вдовца» я показал, что респектабельность нашей буржуазии и аристократичность младших сыновей из знатных семейств питается нищетой городских трущоб, как муха питается гнилью. Эта тема не из приятных. В «Волоките» я изобразил те нелепые и смешные сексуальные сделки, которые под именем брака заключаются у нас между мужчиной и женщиной, — причем иные видят в этом явлении политическую необходимость (особенно, когда дело касается других людей), иные — божественное установление, иные — романтический идеал, иные — домашнюю профессию для женщин, а иные — невероятную глупость и гнусность, абсолютно устарелую систему, которую общество давно переросло, однако до сих пор не изменило, так что «передовые» личности вынуждены всячески от нее уклоняться. Сцена, которой открывается «Волокита», атмосфера, в которой развивается действие, брак, которым пьеса кончается, — все это весьма типично с точки зрения умственно и эстетически сознательных представителей современного общества, и, мне кажется, трудно отрицать, что все это до крайности неприятно. В «Профессии миссис Уоррен» я без обиняков изложил то положение вещей, о котором сама миссис Уоррен говорит так: «единственный способ для женщины прилично обеспечить себя — это завести себе мужчину, которому по средствам содержать возлюбленную». В некоторых вопросах я, как большинство социалистов, крайний индивидуалист. Я считаю, что всякое общество, которое основу свою видит в честности и личном достоинстве входящих в его состав граждан, должно быть устроено так, чтобы каждый мужчина и каждая женщина могли содержать себя своим трудом, не торгуя своими привязанностями и своими убеждениями. А мы в настоящее время не только вынуждаем каждую

женщину искать себе «добытчика», законного или незаконного, обрекая ее в противном случае на тяжкие лишения и всяческие невзгоды, мы еще завели целые категории prostituiрованных мужчин, как, например, драматургов и журналистов, к коим я сам принадлежу, не говоря уже о полчищах юристов, врачей, священников и профессиональных политиков, которые каждодневно обращают свои высшие способности на дела, противные их истинным чувствам,— а это грех, по сравнению с которым грех женщины, продающей на несколько часов свое тело, столь ничтожен, что о нем не стоит и говорить; ибо в современном обществе богатый мужчина, лишенный убеждений, представляет собой куда большую опасность, чем бедная женщина, лишенная целомудрия. Эту тему тоже не назовешь приятной!

Я, однако, должен предупредить моих читателей, что моя критика направлена против них самих, а не против моих сценических персонажей. Пусть поймут хорошенько, что вина за порочное устройство общества падает не только на тех, кто самолично осуществляет коммерческие махинации, неизбежные при таком порочном устройстве, и кто, как Сарториус или миссис Уоррен, нередко проявляет при этом немалые деловые способности и даже высокие нравственные качества, но и на всех граждан в целом, ибо только общественное мнение, общественная деятельность всех граждан и общественное богатство, составляющееся из вносимых ими налогов, поможет нам заменить трущобы Сарториуса хорошими жилыми домами, интриги Чартериса — разумным браком и профессию миссис Уоррен — почетным трудом под охраной гуманного промышленного законодательства и при обеспеченном «моральном минимуме» заработной платы.

О том, как случилось, что впоследствии я стал писать пьесы, трактующие не столько о преступлениях общества, сколько о его романтических иллюзиях и о борьбе отдельных людей с этими иллюзиями,— пьесы, которые, по контрасту, можно назвать приятными, я расскажу как-нибудь позже, когда продолжу эту беседу в назидание читателям второго тома.

Предисловие к сборнику «Неприятных пьес», 1898.

ДОМА ВДОВЦА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад-ресторан при гостинице в Ремагене на Рейне: действие происходит в восьмидесятых годах XIX века. Ясный августовский день клонится к вечеру. Если глядеть вдоль Рейна, оборотясь лицом к Бонну, то направо видна калитка, ведущая на берег. Налево — здание гостиницы; при нем деревянный павильон с надписью «Table d'Hôte».

Между столиками прохаживается о ф и ц и а н т.

В дверях гостиницы появляются два английских туриста. Один, помоложе, доктор Гарри Тренч, коренастый молодой человек лет двадцати четырех, с широким затылком, темноволосый, стриженный под гребенку, с манерами заправского студента-медика, откровенный, горячий, даже немного наивный. Другой, постарше, мистер Уильям де Бур Кокэйн; ему лет сорок, а может быть, и пятьдесят; это художочный господин с редкими волосами и напыщенными манерами, щепетильный, нервный, обидчивый и, на взгляд взыскательного наблюдателя, комичный во всех своих проявлениях.

Кокэйн (*стоя на пороге гостиницы, повелительным тоном официанту*). Два пива. Сюда, в сад.

Официант уходит. Кокэйн спускается в сад.

Благодаря моему такту, Гарри, мы получили лучшую комнату в отеле. Прекрасный вид из окон. Завтра двинемся дальше, осмотрим Майнц и Франкфурт. Во Франкфурте заслуживает внимания изящная статуя женщины в доме одного из представителей местной знати, а также зоологический сад. На следующий день — Нюрнберг! Богатейшая в мире коллекция орудий пытки.

Тренч. Ладно. Посмотрите поезда, хорошо? (*Достает из кармана путеводитель Брэшо и бросает его на один из столиков.*)

Кокэйн (*хочет сесть, но останавливается*). Фу! Сколько пыли! Исключительно неопрятный народ эти иностранцы.

Тренч (*жизнерадостно*). Э, бросьте, старина! Подумаешь, какая важность. Веселей, Билли, веселей! Наслаждайтесь жизнью. (*Силой усаживает его на стул, сам садится напротив, достает трубку и во все горло затягивает песню.*)

Наполним бокалы, пусть льется
Рейнвейн полноводной рекой...

Кокэйн (*шокирован*). Гарри, умоляю вас, ведите себя приличней. Кажется, вы джентльмен, а не уличный торговец на воскресном пикнике в Хэмстед-Хис^{*}. Неужели вы стали бы так держать себя в Лондоне?

Тренч. Вот еще! Я затем и поехал за границу, чтобы повеселиться. И вам бы того же захотелось, если бы вы только что сдали экзамены, а перед тем четыре года корпели в лабораториях да в больницах. (*Снова запекает песню.*)

Кокэйн (*встает*). Тренч! Или вы будете вести себя как джентльмен, или я отказываюсь дальше сопровождать вас в этом путешествии. Вот почему англичан так не любят на континенте. Еще если б это было только перед туземцами; но среди пассажиров, севших на пароход в Бонне, были англичане. Меня весь день беспокоит мысль, что они о нас подумают. Взять хотя бы наши костюмы.

Тренч. А чем плохи наши костюмы?

Кокэйн. *Négligé*¹, дорогой мой, *négligé*! На пароходе некоторое *négligé* даже уместно, но здесь, в отеле, они, наверно, сочтут необходимым переодеться к обеду, а у вас ничего нет, кроме этой дорожной куртки. Откуда им знать, что вы из хорошей семьи, если этого не видно по вашему костюму?

Тренч. Чушь! Кто там был на пароходе? Шушера всякая, американцы и тому подобное. Начхать мне на них, Билли, вот что. Было бы кого стесняться! (*Чиркает спичкой и принимается раскуривать трубку.*)

¹ Небрежность в одежде (фр.).

Кокэйн. Тренч, я очень прошу вас не называть меня Билли хотя бы при посторонних. Моя фамилия Кокэйн. А что касается наших спутников, то я уверен, что это вполне порядочные люди: вы сами обратили внимание на то, какая у отца аристократическая внешность.

Тренч (*мгновенно присмирив*). Что? Они? (*Тушит спичку и прячет трубку в карман.*)

Кокэйн (*наслаждаясь произведенным впечатлением*). Они, Гарри, они; остановились в этом же самом отеле. Я видел зонтик отца в вестибюле.

Тренч (*он в самом деле сконфужен*). Да, пожалуй, не мешало захватить с собой другой костюм. Но с багажом всегда такая возня... (*Внезапно встает.*) Пойду помоюсь, что ли. (*Поворачивается к двери в гостиницу, но останавливается в замешательстве, видя, что в калитку входит группа путешественников.*) Ах, черт! Вот и они!

В сад входят господин и дама, за которыми следует рассыльный, нагруженный пакетами — не дорожными вещами, а только что сделанными в магазинах покупками. По-видимому, это отец с дочерью. Господину лет пятьдесят, он высокого роста, хорошо сохранился, держится очень прямо. Он гладко выбрит; крупный орлиный нос и решительная складка рта в сочетании с резким, повелительным голосом и исполненными важности манерами придают ему внушительный вид. На нем светло-серый сюртук с шелковыми отворотами и белая шляпа; через плечо висит полевой бинокль в новеньком кожаном футляре. Человек из низов, успехом в жизни обязанный только самому себе; на слух он наводит трепет, да и вообще к нему нелегко подступиться. Дочь недурна собой, хорошо одета, пышет здоровьем и, видимо, особа с характером; по манерам — девица из общества, однако все же дочь своего отца. Но она свежа и привлекательна, и ее ничуть не портит то, что энергия и жизненный напор берут в ней верх над утонченностью и изяществом.

Кокэйн (*поспешно берет под руку Тренча, который, словно остоленев, стоит и смотрит на вновь пришедших*). Опомнитесь, Гарри! Присутствие духа, дорогой мой, присутствие духа! (*Делает вместе с ним несколько шагов по направлению к гостинице.*)

Появляется о ф и ц и а н т с подносом, на котором стоит пиво.

Kellner! Ceci-là est notre table. Est-ce que vous comprenez français?¹

¹ Кельнер! Это наш столик. Вы понимаете по-французски? (фр.)

Официант (*говорит по-английски с резким немецким акцентом*). Да, сэ. Слушаю, сэ.

Господин (*рассыльному*). Положите пакеты на этот стол.

Рассыльный не понимает.

Официант (*вмешивается в их разговор*). Эти джентльмены заняли этот стол, сэ. Осмелюсь предложить...

Господин (*строго*). Что же вы не сказали раньше? (*Кокэйну с нагменной вежливостью*.) Прошу прощения, сэ.

Кокэйн. Пожалуйста, мой дорогой сэ, пожалуйста. Мы с радостью уступим вам этот столик.

Господин (*холодно поворачивается к нему спиной*). Благодарю вас. (*Рассыльному*.) Положите пакеты вон на тот стол.

Рассыльный не двигается с места, пока господин не указывает на пакеты и не стучит по другому столику, ближе к калитке.

Рассыльный. Jawohl, gnäd'ger Herr¹. (*Клагет пакеты на столик*.)

Господин (*вынимает из кармана пригоршню мелочи*). Кельнер!

Официант (*погобострастно*). Да, сэ.

Господин. Чаю. Для двоих. Сюда.

Официант. Слушаю, сэ! (*Уходит в дверь гостинойцы*.)

Господин выбирает у себя в горсти мелкую монетку и дает ее рассыльному, тот покорно берет и, притронувшись к козырьку, уходит, не смея выразить недовольство. Дочь садится за столик и, распечатав пачку фотоснимков, начинает их рассматривать. Господин достает Бедкер², придвигает стул и, прежде чем сесть, окидывает Кокэйна уничтожающим взглядом, словно спрашивая, когда же тот уберется отсюда. Кокэйн, несколько не смущаясь, с видом скромной благовоспитанности усаживается за соседний столик и обращается к Тренчу, который нерешительно бродит поодаль.

Кокэйн. Тренч, мой дорогой друг, пиво вам подано. (*Пьет*.)

Тренч (*рад предлогу вернуться к столику*). Благодарю вас, Кокэйн. (*Тоже пьет*.)

¹ Слушаю, господин (нем.).

Кокэйн. Кстати, Гарри, я уже давно хотел вас спросить: леди Роксдэл приходится вам теткой с отцовской или с материнской стороны?

Этот трюк немедленно оказывает действие. Господин прислушивается с явным интересом.

Тренч. С материнской, конечно. Что это вам вдруг пришло в голову?

Кокэйн. Да просто так. Я как раз думал... Гм! Она, разумеется, захочет, чтобы вы женились, Гарри; врачу гораздо приличнее быть женатым.

Тренч. А ей-то какое дело?

Кокэйн. Большое дело, дорогой мой! Она уже мечтает о том, как введет вашу жену в лучшее лондонское общество.

Тренч. Какая чепуха!

Кокэйн. Ах, дорогой мой, вы еще слишком молоды, вы не понимаете, какое значение имеют все эти мелочи; по виду как будто пустые светские церемонии, а на самом деле пружины и винтики великой аристократической системы.

Официант возвращается с чайным подносом и ставит его на стол.

(Кокэйн встает и обращается к старому господину.) Простите мою смелость, сэръ, но мне все-таки кажется, что вы предпочли бы этот столик и что мы вам мешаем.

Господин *(милостиво)*. Благодарю вас. Бланш, этот джентльмен так любезен, что согласен уступить нам свой столик, если тебе там больше нравится.

Бланш. Спасибо, мне совершенно все равно.

Господин *(Кокэйну)*. Кажется, вы были нашим спутником на пароходе, сэръ?

Кокэйн. Да, сэръ, мы с вами спутники — спутники и соотечественники. Ах, мы лишь тогда ощущаем прелесть родной речи, когда слышим ее под чужими небесами. Вы, вероятно, сами это отметили, сэръ.

Господин *(несколько удивлен)*. Гм! Пожалуй... Возможно — с романтической точки зрения. Но я лично, когда слышу английскую речь, чувствую себя как дома; а я терпеть не могу чувствовать себя как дома, когда я за границей. Не для этого же выбрасываешь столько денег. *(Смотрит на Тренча.)* Ваш друг, кажется, тоже был с нами на пароходе?

Кокэйн (*принимая на себя роль церемониймейстера*). Разрешите вас познакомиться. Мой глубокоуважаемый друг, доктор Тренч.

Старый господин и Тренч встают.

Тренч, дорогой мой, разрешите вам представить... (*Он вопросительно смотрит на старого господина, ожидая, что тот назовет себя.*)

Господин. Позвольте пожать вашу руку, доктор Тренч. Моя фамилия Сарториус. Я имею честь быть знакомым с леди Роксдэл, вашей, как я понимаю, близкой родственницей. Бланш!

Бланш поднимает голову.

Познакомься — доктор Тренч.

Бланш и Тренч кланяются друг другу.

Тренч. Разрешите, мистер Сарториус, представить вам моего друга, Кокэйна: мистер Уильям де Бур Кокэйн.

Кокэйн отвечает церемонный поклон. Сарториус с достоинством кивает. Тем временем возвращается о ф и ц и а н т с чайником, сахарницей и прочими принадлежностями чаепития.

Сарториус (*официанту*). Еще две чашки.

Официант. Слушаю, сэръ. (*Скрывается в дверях гостиницы.*)

Бланш. Вам с сахаром, мистер Кокэйн?

Кокэйн. Да, пожалуйста. Благодарю вас. (*Сарториусу.*) Вы очень любезны, сэръ. Гарри, несите сюда ваш стул.

Сарториус. Пожалуйста, очень рад.

Тренч приносит стул, и все рассаживаются вокруг столика.

Официант приносит чашки.

Официант. Табльдот в половине седьмого, джентльмены. Что еще прикажете, сэръ?

Сарториус. Больше ничего. Можете идти.

Официант уходит.

Кокэйн (*слабким голосом*). Долго вы думаете пробыть здесь, мисс Сарториус?

Бланш. Мы хотели побывать еще в Роландсэке. Вы не знаете, там так же красиво, как здесь?

Кокэйн. Гарри, дайте, пожалуйста, Бедкер. Благодарю вас. (*Просматривает оглавление, ища Роландсэк.*)

Бланш. С сахаром, мистер Тренч?

Тренч. Благодарю вас.

Бланш подает ему чашку и на миг взглядывает на него с особенным выражением. Тренч быстро опускает глаза, с опаской косясь на Сарториуса, который в эту минуту занят своим бутербродом.

Кокэйн. Роландсэк, по-видимому, очаровательное место. (*Читает.*) «Один из самых живописных и любимых туристами уголков на Рейне. В его окрестностях, на лесистых склонах, спускающихся к реке, расположены многочисленные виллы и прекрасные сады, принадлежащие по большей части богатым нижнерейнским купцам».

Бланш. Что ж, как будто вполне культурное и благоустроенное место. Я за то, чтобы туда поехать.

Сарториус. Совсем как у нас в Сербитоне, дорогая.

Бланш. Да, совсем как у нас.

Кокэйн. У вас дача на Темзе? Как я вам завидую.

Сарториус. Нет, я просто снял там меблированную виллу на лето. Я живу на Бедфорд-сквер. Я член церковного совета, так что должен жить в своем приходе.

Бланш. Еще чашку, мистер Кокэйн?

Кокэйн. Нет, благодарю вас. (*Сарториусу.*) Вы, кажется, уже прогулялись по городу? Смотреть тут особенно нечего, кроме церкви святого Аполлинариса.

Сарториус (*шокирован*). Какой церкви?

Кокэйн. Святого Аполлинариса.

Сарториус. Странное название для церкви. Только за границей может быть такое.

Кокэйн. Ах да, да, да... Это слабое место наших соседей. Вкус, вкус — вот чего им недостает! Но в данном случае их нельзя винить. Слабительная вода была названа по церкви, а не церковь по слабительной воде.

Сарториус (*тоном судьи, который готов признать это смягчающим обстоятельством, но отнюдь не полным оправданием*). Рад это слышать. Церковь чем-нибудь замечательна?

Кокэйн. В Бедекере она отмечена звездочкой.

Сарториус (*почтительно*). А! Тогда ее надо осмотреть.

Кокэйн (*читает*). «...воздвигнута в 1839 году архитектором Цвирнером, знаменитым строителем Кельнского собора, ныне покойным, на средства графа Фюрстенберг-Штаммгейма».

Сарториус (*эти сведения производят на него сильное впечатление*). Непременно надо ее осмотреть, мистер Кокэйн. Я понятия не имел, что строитель Кельнского собора жил так недавно.

Бланш. Довольно уже церквей, папа. Все они одинаковы и до смерти мне надоели.

Сарториус. Ну, дорогая, если ты считаешь это разумным — предпринять такое далекое и дорогое путешествие со специальной целью осмотреть все, а потом уехать, ничего не увидев...

Бланш. Только не сегодня, папа.

Сарториус. Дорогая, я хочу, чтобы ты все видела. Ведь это ради твоего образования...

Бланш (*встает, сердито вздыхая*). Ах, мое образование! Ладно уж, ладно. Придется, видно, и эту посмотреть. Вы пойдете, доктор Тренч? (*С гримаской*.) Я уверена, что эта церковь святого Иоганнеса доставит вам огромное удовольствие.

Кокэйн (*смеется с нежным лукавством*). Ах, прекрасно, прекрасно, очень остроумно! (*Серьезным тоном*.) Но знаете, мисс Сарториус, здесь и в самом деле есть церковь святого Иоганнеса. Есть Аполлинариса, а есть и Иоганнеса.

Сарториус (*сенденциозно, беря свой бинокль и направляясь к калитке*). Многое, сказанное в шутку, оборачивается правдой, мистер Кокэйн.

Кокэйн (*следуя за ним*). Как это верно! Ах, как это верно!

Уходят вдвоем, погруженные в философическое раздумье. Бланш остается на месте. Она провожает их взглядом, пока они не скрываются из виду, затем поворачивается к Тренчу и глядит на него с загадочной улыбкой, в ответ на которую он ухмыляется смущенно и вместе с тем самодовольно.

Бланш. Ну! Добились все-таки своего.

Тренч. Да. То есть Кокэйн это сделал. Я вам говорил, что он уж как-нибудь устроит. Во многих отношениях он настоящий осел; но у него замечательный такт.

Б л а н ш (*презрительно*). Такт! Какой же это такт — просто любопытство. Любопытные люди умеют заговаривать с посторонними, набили себе руку. Почему вы сами не заговорили с отцом на пароходе? Со мной небось не дожидались, пока вас представят.

Т р е н ч. А мне не очень-то и хотелось с ним заговаривать.

Б л а н ш. Вам не приходило в голову, что вы этим ставите меня в ложное положение?

Т р е н ч. Не понимаю, почему это вас ставит в ложное положение. А с вашим отцом не так-то просто заговорить. То есть теперь, когда мы познакомились, я вижу, что он совсем не такой страшный; но вся штука в том, что для того, чтобы это увидеть, надо сперва с ним познакомиться.

Б л а н ш (*нетерпеливо*). Все боятся папы. Не понимаю почему. (*Снова садится, слегка надувшись.*)

Т р е н ч (*нежно*). Но теперь-то все уладилось, правда? (*Садится возле нее.*)

Б л а н ш (*резко*). Не знаю. Откуда мне знать? Вы не имели права заговаривать со мной тогда, на пароходе. Вы думали, что я одна... (*С наигранной чувствительностью.*) Конечно, со мной не было матери...

Т р е н ч (*возмущен*). Ну, знаете! Ведь это вы первая заговорили со мной. Понятно, я рад был случаю, но, клянусь вам честью, я б даже пальцем не шевельнул, если бы вы сами меня не поманили.

Б л а н ш. Я только спросила, как называется этот замок. Тут нет ничего неприличного.

Т р е н ч. Конечно, нет. Почему бы вам и не спросить? (*С новым приливом нежности.*) Но теперь-то все уладилось, ведь да?

Б л а н ш (*мягко, устремив на него многозначительный взгляд*). Все ли?

Т р е н ч (*внезапно смущается*). Ну да... а что же? Кстати, как насчет этой церкви? Ваш отец, верно, ждет нас там.

Б л а н ш (*подавляя раздражение*). Пожалуйста, идите, если она вас так интересуется. Я вас не удерживаю.

Т р е н ч. А вы разве не пойдете?

Б л а н ш. Нет! (*С досадой отворачивается.*)

Т р е н ч (*встревожен*). Послушайте! Вы не обиделись? (*На миг она оборачивается и глядит на него с нежной*

укоризной.) Бланш! *(Она тотчас обдаёт его холодом, но она перестаралась, на него нападает робость.)* Простите, ради Бога, что я назвал вас по имени... Но я... э... *(Она спешит исправить ошибку, смягчая выражение лица. Он немедленно и бурно реагирует.)* Вы ведь не сердитесь? Мне почему-то казалось, что вы не рассердитесь. Видите, какое дело. Я, конечно, не знаю, как вы это примете... Уж очень это сразу; но обстоятельства не допускают... То есть, я хочу сказать, мой недостаток такта... *(Окончательно запутавшись, он не замечает, с какой жадностью она ждет продолжения его речи.)* Вот если б на моем месте был Кокэйн...

Бланш *(с негодованием)*. Кокэйн!

Тренч *(перепуган)*. Нет, нет, я совсем не про то... Уверяю вас! Я только хотел сказать, что он...

Бланш. Что он сейчас вернется вместе с папой.

Тренч *(отупело)*. Да. Теперь уж, наверно, скоро. Надеюсь, я вас не задерживаю?

Бланш. Я думала, что вы меня задерживаете для того, чтобы мне что-то сказать.

Тренч *(окончательно оробев)*. Нет, нет, ничего. То есть ничего важного... то есть я боюсь, что для вас это неважно. Может быть, как-нибудь в другой раз...

Бланш. Какой еще другой раз? Мы, пожалуй, никогда больше и не встретимся. *(В отчаянии.)* Скажите сейчас. Я хочу, чтобы вы сказали сейчас!

Тренч. Видите ли, я думал, что если б мы с вами сейчас решили... так или этак... То есть если бы вы могли решиться... *(От волнения он окончательно утрачивает дар речи.)*

Бланш *(теряя всякую надежду заставить его заговорить)*. Непохоже, чтобы вы могли на что-нибудь решиться, доктор Тренч.

Тренч *(заикаясь)*. Я только думал... *(Умолкает и жалобно смотрит на нее. Мгновение она колеблется, затем с рассчитанным порывом бросается ему на шею. Он стискивает ее в объятиях с возгласом облегчения.)* Бланш! Дорогая! Господи! Я уже боялся, что так ничего из себя и не выжму. Я бы тут стоял и заикался до самого вечера, если бы вы мне не помогли!

Бланш *(отстраняется от него)*. Я вам вовсе не помогала.

Тренч *(не выпуская ее)*. Я не хочу сказать, что вы нарочно. Нет, а так — инстинктивно.

Бланш *(не вполне еще успокоенная)*. Но вы еще ничего не сказали.

Тренч. Что ж тут еще говорить? Больше этого *(целует ее)* все равно не скажешь.

Бланш *(тает от поцелуев, но не упускает из виду своей цели)*. Но, Гарри...

Тренч *(в восторге от того, что она назвала его по имени)*. Да, милочка?

Бланш. Когда мы поженимся?

Тренч. Завтра. В первой церкви, которая нам попадется. Вот хоть в этой — святого Аполлинариса.

Бланш. Нет, серьезно. Ведь это очень серьезно, Гарри. Не надо с этим шутить.

Тренч *(внезапно оглядываясь на калитку и выпуская Бланш)* Тсс! Они уже возвращаются.

Бланш. О, ччер... *(Ее восклицание тонет в звоне, доносящемся из дверей гостиницы.)*

На пороге появляется потрясающий колокольчиком о ф и ц и а н т.
Кокэйн и Сарториус входят через садовую калитку.

Официант. Табльдот через двадцать минут, леди и джентльмены. *(Уходит в гостиницу.)*

Сарториус *(он очень серьезен)*. Я думал, ты пойдешь с нами, Бланш.

Бланш. Да, папа. Мы только что хотели идти.

Сарториус. Тут всюду столько пыли. Надо пойти почиститься перед обедом. Пойдем, дитя мое. *(Полагает ей руку. Его торжественный тон всех терроризирует.)*

Бланш молча уходит, опираясь на руку отца. Кокэйн, не менее напыщенный, чем сам Сарториус, смотрит на Тренча строгим взором судьи.

Кокэйн *(укоризненно)*. Нет, дорогой мой. Нет, нет. Никуда не годится. Краснею за вас. Никогда в жизни мне еще не было так стыдно. Вы злоупотребили неопытностью этой беззащитной девушки.

Тренч *(с горячностью)*. Кокэйн!

Кокэйн *(неумолимо)*. Отец ее, по всем признакам, настоящий джентльмен. Я имел честь с ним познакомиться, я представил ему вас; полагаясь на меня, он с полным спокойствием оставил свою дочь под вашим покровительством. И что же я вижу по возвращении? Что видит ее отец? О Тренч, Тренч! Нет, дорогой мой, нет. Дурной вкус, Гарри, дурной тон!

Тренч. Вздор! Ничего вы не видели.

Кокэйн. Ничего не видели! Она, истинная леди, благовоспитаннейшая девица, у вас в объятиях — и вы говорите, что мы ничего не видели! — а в дверях официант трезвонит в огромный колокол, тщетно стараясь привлечь к себе ваше внимание. *(Продолжает свою нотацию с удвоенной строгостью.)* Неужели у вас нет принципов, Тренч? Неужели у вас нет религиозных убеждений? Неужели вам не знакомы принятые в порядочном обществе обычаи? Вы целовались...

Тренч. Ну, этого вы не могли видеть.

Кокэйн. Мы не только видели, мы слышали. Звук вашего поцелуя разнесся по всему Рейну. Не унижайтесь до лжи, Тренч.

Тренч. Чепуха, Билли! Вы...

Кокэйн. Опять! Я уже просил вас не употреблять это вульгарное уменьшительное. Как я могу ожидать, что солидные состоятельные люди отнесутся ко мне с уважением, если меня на каждом шагу будут обзывать Билли? Меня зовут Уильям! Уильям де Бур Кокэйн.

Тренч. Ах, да ну вас! Ну, ну, не обижайтесь, старина. Что вы так ершитесь из-за всяких пустяков? У меня это как-то само выходит, что я вас зову Билли: к вам это идет.

Кокэйн *(уязвлен)*. В вас нет деликатности, Тренч, нет такта. Конечно, я никому об этом не говорю, но боюсь, что из вас никогда не получится истинного джентльмена.

В дверях гостиницы появляется Сарториус.

Вот мой друг Сарториус; он, очевидно, намерен потребовать у вас объяснений. Меня не удивило бы, если б он захватил с собой хлыст. Я удаляюсь, не желая быть свидетелем прискорбной сцены.

Тренч. Стойте, Билли! Не уходите. Мне как раз сейчас неудобно говорить с ним наедине.

Кокэйн *(качает головой)*. Деликатность, Гарри, деликатность! Хороший вкус! *(Уходит.)*

Тренч пытается улизнуть в другую сторону. Он с непринужденным видом направляется к калитке.

Сарториус *(тоном гипнотизера)*. Доктор Тренч!

Тренч (*останавливается и поворачивается к нему*). Ах, это вы, мистер Сарториус? Ну, как вам понравилась церковь?

Сарториус молча указывает ему на стул. Тренч, парализованный собственным волнением и торжественным тоном Сарториуса, беспомощно опускается на сиденье.

Сарториус (*тоже садится*). Вы беседовали с моей дочерью, доктор Тренч...

Тренч (*все еще пытаясь держать себя непринужденно*). Да, побеседовали... так вообще поболтали, пока вы с Кокэйном были в церкви. А как вам понравился Кокэйн, мистер Сарториус? Изумительно тактичный человек, правда?

Сарториус (*не обращая внимания на эти увертки*). Я только что говорил с дочерью, доктор Тренч. У нее создалось впечатление, будто между вами двумя произошло нечто такое, что я, как отец — отец девушки, рано утратившей мать, — считаю своим долгом немедленно привести в ясность. Моя дочь — быть может, по своему неразумию — приняла ваши слова всерьез; и я...

Тренч. Но...

Сарториус. Минуточку. Я сам был молод — молоде, чем можно себе представить, судя по мне сейчас. Я имею в виду душевную молодость. И если вы говорили несерьезно...

Тренч (*простоудушно*). Но я говорил совершенно серьезно. Я хочу жениться на вашей дочери, мистер Сарториус. Надеюсь, вы не против?

Сарториус (*инстинктивно сразу же хватается за преимущество, которое дает ему смирение Тренча, но все же не забывает, что перед ним племянник леди Роксгэл*). Пока нет. Ваше предложение, по-видимому, вполне серьезно и благородно, и я лично считаю его для себя за честь.

Тренч (*приятно удивлен*). Ну, так, значит, это дело решенное? Вы очень добры.

Сарториус. Не спешите, мистер Тренч, не спешите. Такие дела не решаются в одну минуту.

Тренч. Ну конечно. Есть еще разные формальности и тому подобное. Но между нами это уже решено, да?

Сарториус. Гм! Больше вам нечего прибавить?

Тренч. Только то, что... Да нет, собственно говоря нечего. Разве только то, что я всем сердцем люблю...

Сарториус (*прерывает его*). Например, что-нибудь относительно ваших родных. Вы не ожидаете возражений с их стороны?

Тренч. Ну, их это совершенно не касается.

Сарториус (*с жаром*). Простите, сэр, это их очень даже касается.

Тренч озадачен.

Я твердо решил, что моя дочь войдет только в ту семью, где ее примут с уважением, на которое ей дает право ее образование и воспитание (здесь выдержка изменяет ему, и он повторяет, словно Тренч ему противоречит), да, и ее воспитание.

Тренч (*все более изумляясь*). Ну ясно. Само собой разумеется. Но почему вы думаете, что Бланш не понравится моим родным? Ведь мой отец был младшим сыном; поэтому мне и пришлось избрать себе профессию, и так далее; мои родные и не ждут, что мы будем устраивать для них приемы, они прекрасно понимают, что это нам не по средствам. Зато они будут приглашать нас к себе. Они всегда меня приглашают.

Сарториус. Нет, сэр, этого мало. Я знаю, что во многих семьях очень косо смотрят на всякого, кто не принадлежит к их кругу.

Тренч. Но мои родные вовсе не какие-нибудь снобы. Уверяю вас. И чем же Бланш не леди? Ну так чего им еще надо?

Сарториус (*прочувствованно*). Я рад, что вы так думаете. (*Протягивает руку Тренчу, тот в недоумении берет ее.*) Я сам так думаю. (*Благодарно пожимает руку Тренча, затем отпускает ее.*) А теперь вот что я вам скажу, доктор Тренч: вы поступили со мной честно, и вам тоже не придется на меня жаловаться. Денежных затруднений у вас не будет. И устраивать приемы можете сколько вам угодно. Я вам это гарантирую. Но и я со своей стороны тоже должен иметь гарантию, что моя дочь будет принята в вашей семье как равная.

Тренч. Гарантию?

Сарториус. Да. Достаточную гарантию. Я желал бы, чтобы вы написали своим родным, сообщили им о своем намерении и прибавили, что найдете нужным, о тех качествах, которые дают моей дочери право войти в высший круг общества. Когда вы мне покажете письма от старших членов вашей семьи — письма, в которых вас

поздравляют и приветствуют ваш выбор,— тогда я сочту себя удовлетворенным. Я, кажется, ясно выразился?

Тренч (*очень удивлен, но обрадован*). Вполне. Вы, право, очень добры. Благодарю вас. Раз вы этого хотите, я, понятно, напишу своим родным. Но только напрасно вы сомневаетесь. Уверяю вас, они все будут очень рады. Я им велю ответить с обратной почтой.

Сарториус. Благодарю вас. А пока я попросил бы вас не считать помолвку окончательной.

Тренч. Не считать окончательной?.. А, понимаю. Вы хотите сказать, между Бланш и...

Сарториус. Я хочу сказать, между вами и мисс Сарториус. Когда несколько времени тому назад я прервал вашу беседу, вы оба, по-видимому, считали дело решенным. Но если возникнут препятствия и этот брак — вы видите, я говорю о браке,— если этот брак расстроится, я не хочу, чтобы Бланш имела повод жалеть, что позволила постороннему мужчине...

Тренч сочувственно кивает.

Вот именно. Могу я рассчитывать, что вы сами сумеете соблюсти должное расстояние и этим избавите меня от необходимости ограничить знакомство, которое обещает быть столь приятным для всех нас?

Тренч. Конечно, сэр, раз таково ваше желание.

Они пожимают друг другу руки.

Сарториус (*встает*). Вы, кажется, сказали, что напишете домой сегодня?

Тренч (*с жаром*). Сейчас напишу, не сходя с места.

Сарториус. В таком случае не буду вам мешать... (*Запинается в смущении, так как эта беседа оставила в нем чувство некоторой неловкости, но он побеждает себя усилием воли и, уже поворачиваясь к выходу, с достоинством добавляет.*) Я очень рад, что мы пришли к соглашению. (*Уходит в дверь гостиной.*)

Тотчас из-за кустов появляется Кокэйн, который все время слонялся поблизости, мучимый любопытством.

Тренч (*взволнованно*). Билли! Вы как раз кстати. Окажите мне услугу. Сочините-ка за меня письмо, а я потом перепишу.

Кокэйн. Кажется, я путешествую с вами в качестве друга, Тренч, а не в качестве вашего секретаря.

Тренч. Ну и напишите как друг. Это к моей тете Марии, насчет Бланш и меня. Надо ей сообщить...

Кокэйн. Насчет Бланш и вас? Сообщить ей о том, что было? Предать вас, моего друга? И забыть, что я обращаюсь к леди? Ни за что!

Тренч. Ерунда, Билли. Не притворяйтесь, будто не понимаете. Мы с Бланш обручены — слышите, обручены! Что вы на это скажете? Письмо должно пойти с вечерней почтой. А вы лучше всех можете мне посоветовать, как писать и что писать. Ну же, старина! *(Усаживает Кокэйна за столик и всячески старается его умаслить.)* Вот вам карандаш. Нет ли у вас кусочка... Ну да ладно, можно писать на карте, на обороте. *(Вырывает карту из Бедекера и расстилает ее на столе, чистой стороной вверх.)*

Кокэйн берет карандаш и готовится писать.

Вот так, очень хорошо. Страшно вам благодарен, дружище. Ну, шпарьте! *(Тревожно.)* Только вы там все-таки поосторожней насчет выражений, Кокэйн.

Кокэйн *(откладывает карандаш)*. Если вы сомневаетесь в моей способности найти подходящие выражения для письма к леди Роксдэл...

Тренч *(стараясь задобрить его)*. Что вы, что вы, старина! Кто же это сделает лучше вас. Я только хотел объяснить. Видите ли, Сарториус почему-то вбил себе в голову, что мои родные будут задирать нос перед Бланш. И он даст согласие лишь в том случае, если они пришлют нам поздравления, и приглашения, и прочее тому подобное. Так уж вы сочините такое письмо, чтобы тетя Мария сейчас же ответила, с обратной почтой, и написала, что она в восторге, и пригласила нас — то есть Бланш и меня — погостить у нее, ну и остальное в том же духе. Ну, вы понимаете. В общем изложите все эдак в разговорном тоне, ну и...

Кокэйн *(уничтожающе)*. Изложите вы мне все в разговорном тоне, а я, надеюсь, сумею передать это леди Роксдэл с надлежащим тактом и деликатностью. Кто такой Сарториус?

Тренч *(смущен)*. Не знаю. Я не спросил. Как-то неудобно задавать такие вопросы... то есть по крайней ме-

ре такому человеку, как он. Нельзя ли как-нибудь это обойти, а? Мне, право, не хочется его спрашивать.

Кокэйн. Я могу это обойти, если вы желаете. Ничего нет легче. Но если вы полагаете, что леди Роксдэл согласится это обойти, то я другого мнения. Может быть, я не прав. Весьма вероятно. Кажется, я вообще никогда не бываю прав. Но таково мое мнение.

Тренч (*в замешательстве*). Ах, черт возьми! Как же быть? Да вы просто напишите, что он джентльмен,— это нас ни к чему не обязывает. А главное, напирайте на то, что он богат и что Бланш его единственная дочь. Ну, тетя Мария и успокоится.

Кокэйн. Гарри Тренч! Когда же вы, наконец, возьметесь за ум? Это серьезное дело. Не будьте легкомысленны, Гарри, не будьте легкомысленны.

Тренч. Тьфу! А вы не будьте таким добродетельным.

Кокэйн. Я не добродетелен. Вернее, я не собираюсь учить вас добродетели. Вот это, пожалуй, будет точная формулировка: я добродетелен, но не учу добродетели. А вы, Гарри, скажите мне вот что: если вы берете за женой приданое, разве ваших родных не должно интересоваться, откуда взялись эти деньги? А вас самого — вас самого, Гарри, это не интересует?

Тренч беспомощно смотрит на него, нервно ломая пальцы.

(*Кокэйн откладывает карандаш и с подчеркнутым равнодушием откидывается на стуле.*) Конечно, это не мое дело. Я только так — высказываю предположение. Что вы знаете о Сарториусе? Может быть, он просто-напросто удалившийся на покой грабитель.

Из дверей гостиницы выходят Бланш и Сарториус, одетые к обеду.

Тренч. Тсс! Они идут сюда. Вы уж кончайте с этим до обеда, хорошо? Будьте другом! Вы меня очень обяжете.

Кокэйн (*нетерпеливо*). Идите себе, идите, вы мне мешаете. (Машет на него рукой и принимается писать.)

Тренч (*смирненно и с благодарностью*). Хорошо, дружище. Страшно вам благодарен.

Бланш, оставив отца в саду, направляется к калитке, ведущей на берег. Сарториус с Бедекером в руках проходит между столиками, садится неподалеку от Кокэйна и погружается в чтение.

(Тренч обращается к Сарториусу.) Вы не возражаете, сэр, если я поведу Бланш к столу?

Сарториус. Пожалуйста, доктор Тренч. Сделайте одолжение. (Любезным жестом предлагает ему присоединиться к Бланш.)

Тренч устремляется вслед за Бланш в калитку.

Над Рейном разгорается закат, заливая все красным светом. Кокэйн, терзаемый муками творчества, строя гримасы, трудится над письмом.

Заметив, что Сарториус наблюдает за ним, приходит в смущение.

Надеюсь, я не мешаю вам, мистер Кокэйн?

Кокэйн. О нет,нисколько. Наш друг Тренч возложил на меня трудное и крайне щекотливое поручение. Он просил меня, как друга семьи, написать его родным об одном деле, касающемся вас, мистер Сарториус.

Сарториус. Вот как, мистер Кокэйн! Ну что ж. Лучше вас никому это и не сделать.

Кокэйн (скромничая). Ну, это слишком сильно сказано, мистер Сарториус, слишком сильно сказано. Но вы видите сами, что такое Тренч, В своем роде отличный малый, мистер Сарториус. Прекрасный молодой человек. Но в таких семейных делах требуется соблюдение форм. Требуется такт. А такт — это слабое место Тренча. У него золотое сердце, но никакого такта. Решительно никакого. А ведь все зависит от того, как это изложить леди Роксдэл. Но на меня вы можете положиться. Я знаю женщин.

Сарториус. Что ж, очень хорошо. Но как бы она к этому ни отнеслась, — а меня, мистер Кокэйн, очень мало заботит, как люди ко мне относятся, — я во всяком случае надеюсь, что, когда мы вернемся в Англию, мы будем иметь удовольствие видеть вас в нашем доме.

Кокэйн (очарован его любезностью). Мой дорогой сэр! Ваши слова обличают в вас истинного английского джентльмена.

Сарториус. Ну что вы. Мы всегда будем рады вас видеть. Но я боюсь, что отрываю вас от письма. Прошу вас, продолжайте. Не буду вам мешать. (Делает вид, что хочет встать, но остается сидеть и добавляет.) Впрочем, не могу ли я быть вам полезным? Например, уточнить какой-нибудь неясный для вас вопрос или даже — если вы не примете это в обиду от старика — помочь вам своим опытом, указать, например, в какой форме лучше

преподнести те или другие сведения? *(Кокэйн несколько удивлен. Сарториус пристально глядит на него, затем говорит медленно и многозначительно.)* Я всегда буду рад оказать помощь другу доктора Тренча, любую помощь, насколько это в пределах моих возможностей и моих средств.

Кокэйн. Дорогой мистер Сарториус, вы, право, очень добры. Мы с Тренчем как раз ломали голову над этим письмом; и, правда, есть тут один или два пункта, которые для нас не ясны. *(Щелетильно.)* Но я не позволил Гарри расспрашивать вас. Нет, ни в коем случае. Я указал ему, что будет гораздо тактичнее, гораздо деликатнее подождать, пока вы сами пожелаете дать нужные сведения.

Сарториус. Гм! Разрешите узнать, что вы уже написали?

Кокэйн. «Моя дорогая тетя Мария». То есть это, конечно, не моя тетя, а Тренча; леди Роксдэл — мой большой друг. Я, видите ли, составляю для него черновик, а он потом перепишет.

Сарториус. Понятно. Продолжайте, пожалуйста. Или вы позволите мне предложить?..

Кокэйн *(с жаром)*. Все ваши предложения, дорогой мистер Сарториус, будут весьма ценны... весьма ценны и весьма желательны.

Сарториус. Я бы начал так: «Совершая путешествие по Рейну вместе с моим другом Кокэйном...»

Кокэйн *(пишет и бормочет про себя)*. Превосходно, превосходно. Именно то, что нужно... «вместе с моим другом Кокэйном...»

Сарториус. «...я познакомился...», или «повстречался», или «набрел» — что, по-вашему, больше подходит к стилю вашего друга. Не будем слишком церемониться.

Кокэйн. «Набрел»! О нет. Слишком *degagé*¹, мистер Сарториус, слишком *degagé*... Я бы сказал так: «Я имел удовольствие завязать знакомство».

Сарториус. Ни в коем случае. Об этом пусть леди Роксдэл судит сама. Оставьте, как было. «Я познакомился с молодой девицей, дочерью...» *(Умолкает.)*

Кокэйн *(пишет)*. «...с молодой девицей, дочерью...» Дальше?

Сарториус. Ну, скажем, «джентльмена».

¹ Развязно (фр.).

Кокэйи (*удивлен*). Само собой разумеется.

Сарториус (*неожиданно разгряжаясь*). Вовсе не само собой разумеется, сэр.

Кокэйи недоуменно смотрит на него; в нем зашевелилось подозрение.

(*Сарториус, овладев собой, смущенно продолжает.*) Гм!.. «...джентльмена, имеющего солидное состояние и положение в обществе...»

Кокэйи (*повторяет слова по мере того, как их пишет, но уже с ноткой холодности в голосе*). «...положение в обществе...»

Сарториус. «...которым он, однако, обязан только самому себе».

Кокэйи, которому теперь ситуация стала совершенно ясна, откидывается на спинку стула и, вместо того чтобы писать, бесцеремонно разглядывает Сарториуса.

Написали?

Кокэйи (*покровительственным тоном*). Ага. Так, так. (*Пишет.*) «...только самому себе». Именно. Продолжайте, мистер Сарториус, продолжайте. Вы выражаетесь чрезвычайно ясно.

Сарториус. «Молодая девица — единственная наследница отца, выходя замуж, не будет стеснена в средствах. Она получила наилучшее воспитание и образование, какое можно приобрести не щадя затрат, и всегда жила в самой утонченной и изысканной обстановке. Она во всех отношениях...»

Кокэйи (*прерывает*). Простите, но вам не кажется, что это несколько смахивает на рекламу? Я только так, с точки зрения хорошего вкуса.

Сарториус (*обеспокоен*). Пожалуй, вы правы. Я, конечно, не стремлюсь диктовать вам каждое слово...

Кокэйи. Ну конечно. Вполне вас понимаю.

Сарториус. Но я не хотел бы, чтобы у леди Роксдэл создалось неправильное представление о... о воспитании моей дочери. Что же касается меня...

Кокэйи. Ну, тут будет достаточно указать вашу профессию, или ваше занятие, или... (*Останавливается, и несколько секунд оба испытующе глядят друг на друга.*)

Сарториус (*с расстановкой*). Мои средства, сэр, слагаются из дохода от целого ряда больших жилых до-

мов в Лондоне. Земля, на которой они построены, принадлежит в основном леди Роксдэл, а доктор Тренч имеет закладную на эти дома, и эта закладная, кажется, является единственным источником его средств. Сказать по правде, мистер Кокэйн, мне очень хорошо известны денежные дела доктора Тренча, и я уже давно искал случая познакомиться с ним лично.

Кокэйн *(снова становится любезным; однако его любопытство еще не удовлетворено)*. Какое замечательное совпадение. А в каком районе находятся эти дома?

Сарториус. В Лондоне, сэр. Управление этой недвижимостью занимает все мое время, за исключением тех часов, которые я посвящаю обычным занятиям и развлечениям, приличным джентльмену. *(Встает и вынимает бумажник с визитными карточками.)* Остальное я предоставляю на ваше усмотрение, сэр. *(Кладет визитную карточку на стол.)* Это мой сербитонский адрес. Если вся эта затея кончится разочарованием для Бланш, ей, вероятно, не захочется встречаться с вами. Но если все обернется так, как мы рассчитываем, то друзья доктора Тренча будут и нашими друзьями.

Кокэйн *(встает, с карандашом и бумагой в руках, и говорит самоуверенно)*. Положитесь на меня, мистер Сарториус. Здесь *(указывает себе на лоб)* письмо уже готово. Через пять минут оно будет готово и здесь. *(Указывает на бумагу, кивком головы подкрепляет свои слова и принимается ходить взад и вперед по сагу, то записывая что-то на бумаге, то постукивая себя по лбу, всем своим видом показывая, что в нем совершается напряженная умственная работа.)*

Сарториус *(смотрит на часы, потом зовет, обернувшись к калитке)*. Бланш!

Бланш *(издали)*. Да?

Сарториус. Пора идти к столу, дорогая. *(Уходит в павильон с надписью «Table d'Hôte».)*

Бланш *(голос ее слышен ближе)*. Иду. *(Входит через калитку в сопровождении Тренча и направляется к павильону.)*

Тренч *(полушепотом)*. Бланш! Подождите минутку.

Она останавливается.

Надо нам вести себя поосторожней, когда ваш отец где-нибудь поблизости. Мне пришлось ему пообещать, что я

не буду считать нашу помолвку окончательной, пока не получу ответа из дому.

Бланш (*с холодком в голосе*). Ах так! Понимаю. Ваши родные могут решить, что я вам не пара, и тогда свадьбе не бывать. А они, конечно, именно так и решат.

Тренч (*встревожен*). Не говорите этого, Бланш; можно подумать, что вам все равно. Вы-то сами считаете ее окончательной? Вы мне еще не дали слова.

Бланш. Нет, дала. И отцу я тоже дала слово. Но я его нарушила ради вас. Я, видно, не так щепетильна, как вы. Но вот что я вам скажу: если вы не считаете нашу помолвку окончательной — что бы ни ответили ваши родственники, что бы вы ни пообещали моему отцу, — так давайте порвем все сейчас, и дело с концом.

Тренч (*теряя голову от наплыва чувств*). Бланш! Клянусь вам честью! Что бы там ни говорили мои родные, что бы я сам ни обещал...

В дверях павильона появляется о ф и ц и а н т и оглушительно звонит в колокольчик.

Ах, чтоб тебе провалиться!

Кокэйн (*подходит к ним, размахивая письмом*). Готово, дорогой мой, готово! Сказано — сделано; секунда в секунду! *C'est fini, mon garçon, c'est fini!*¹

Сарториус возвращается.

Сарториус. Вы поведете Бланш к столу, доктор Тренч?

Тренч предлагает руку Бланш, и они уходят.

Кончили письмо, мистер Кокэйн?

Кокэйн (*с выражением авторской гордости погает листок Сарториусу*). Вот оно!

Сарториус читает, кивками выражая полное удовлетворение.

Сарториус (*возвращает письмо Кокэйну*). Благодарю вас, мистер Кокэйн. Вы в совершенстве владеете пером.

¹ Готово, милый мой, готово! (фр.)

Кокэйн (*вместе с Сарториусом направляются к павильону*). Ну что вы, что вы. Всего лишь капелька такта, мистер Сарториус, капелька знания света, капелька понимания женской натуры...

Исчезают в дверях павильона.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Библиотечная комната в хорошо обставленной вилле в Сербитоне. Солнечное сентябрьское утро. Сарториус сидит за письменным столом, просматривая деловую корреспонденцию. Позади него — камин, на лето заставленный цветами; в противоположной стене — окно. Между столом и окном сидит Бланш, одетая в свое самое кокетливое платье, и читает журнал. В средней стене дверь, окрашенная, так же как и вся мебель, под красное дерево, с медной арматурой, лепными колонками по бокам и фронтоном наверху. Всюду по стенам полки, на полках книги в роскошных переплетах, плотно пригнанные одна к другой, словно кирпичи. В углу библиотечная лесенка.

Сарториус. Бланш!

Бланш. Да, папа.

Сарториус. У меня есть новости.

Бланш. Какие?

Сарториус. Интересные для тебя. Письмо от Тренча.

Бланш (*с притворным равнодушием*). Вот как!

Сарториус. «Вот как!» Это все, что ты находишь мне сказать? Ладно. (*Продолжает работать.*)

Пауза.

Бланш. Что говорят его родные, папа?

Сарториус. Его родные? Не знаю. (*Продолжает писать.*)

Пауза.

Бланш. А он что говорит?

Сарториус. Он? Он ничего не говорит. (*Не спеша складывает письмо и оглядывается в поисках конверта.*) Он предпочитает сообщить нам о результатах своих... куда это я его девал? А, вот. Да! Он предпочитает сообщить нам о результатах переговоров лично.

Бланш (*вскакивает*). Ах, папа! Когда он приедет?

Сарториус. Если он пойдет со станции пешком, то будет здесь через полчаса. А если поедет, то его надо ждать с минуты на минуту.

Бланш (*спешит к двери*). Ах!

Сарториус. Бланш!

Бланш. Что, папа?

Сарториус. Надеюсь, ты воздержишься от встречи с ним, пока я сам с ним не переговорю.

Бланш (*лицемерно*). Ну конечно, папочка. Мне это даже в голову не приходило.

Сарториус. Это все, что я хотел сказать. (*Бланш уже на пороге, он протягивает к ней руку и говорит пог напылом отеческих чувств.*) Дорогое мое дитя!

Бланш возвращается и целует его. Стук в дверь.

Войдите.

Входит Ликчиз с небольшим черным чемоданом в руках. Он бедно и неряшливо одет, в несвежем белье; лицо у него не слишком чисто вырито, борода и бакенбарды растут клоچьями, на голове небольшая плешь. Судя по выражению рта и глаз, это цепкий, задиристый человек с темпераментом фокстерьера, но перед Сарториусом он трепещет и раболепствует. Он кланяется Бланш и приветствует ее словами: «С добрым утром, мисс». Она проходит мимо, едва удостоив его презрительным кивком.

Ликчиз. С добрым утром, сэръ.

Сарториус (*грубо и отрывисто*). Здравствуйте!

Ликчиз (*достаёт из чемоданчика небольшой мешочек с деньгами*). Сегодня немного, сэръ. Я только что имел честь познакомиться с доктором Тренчем, сэръ.

Сарториус (*недовольным тоном, поднимая глаза от листка, на котором пишет*). Вот как?

Ликчиз. Да, сэръ. Доктор Тренч просил указать ему дорогу со станции и был так добр, что подвез меня в экипаже.

Сарториус. А где же он сам?

Ликчиз. Задержался в вестибюле, сэръ, вместе со своим другом. Наверно, беседует с мисс Сарториус.

Сарториус. С каким таким другом?

Ликчиз. С ним еще господин. Мистер Кокэйн.

Сарториус. Я вижу, вы уже с ними разговорились?

Ликчиз. Мы ведь вместе ехали со станции, сэръ.

Сарториус (*резко*). Почему вы не приехали девятичасовым?

Ликчиз. Я думал...

Сарториус. Ладно. Теперь это уже не исправишь, так что неважно, что вы думали. Но впредь не извольте откладывать мои дела до последней минуты. Как там в Сент-Джайлсе? Были еще неприятности?

Ликчиз. Санитарный инспектор придирается из-за дома номер тринадцать по Робинс Роу. Говорит, что будет жаловаться в церковный совет.

Сарториус. Вы ему сказали, что я член церковного совета?

Ликчиз. Да, сэр.

Сарториус. Ну?

Ликчиз. Он говорит, что так и знал, а то вы не посмели бы так нагло нарушать закон. Я ведь только передаю его слова, сэр.

Сарториус. Гм! Вы узнали, как его фамилия?

Ликчиз. Узнал, сэр. Спикмэн.

Сарториус. Запишите ее в календаре — против того дня, когда будет заседание санитарной комиссии. Я научу мистера Спикмэна с большим уважением относиться к церковному совету.

Ликчиз (*с сомнением*). Церковный совет ему ничего не может сделать, сэр. Он подчинен только городскому управлению.

Сарториус. Я вас об этом не спрашивал. Покажите счета.

Ликчиз достает приходно-расходную книгу, подает ее Сарториусу и записывает, что ему велено, в лежащем на столе календаре, все время тревожно поглядывая на Сарториуса, погруженного в просмотр счетов.

(*Сарториус встает, хмуря брови.*) Один фунт четыре шиллинга за ремонт по дому номер тринадцать. Это еще что такое?

Ликчиз. Это за ремонт лестницы, сэр, на третьем этаже. По ней прямо ходить опасно. Ступеньки чуть не все поломаны, а перил вовсе нет. Я велел приколотить там несколько досок.

Сарториус. Досок? Это для чего же? Чтобы жильцам было чем топить, что ли? Они ведь все сожгут, до последней щепки. Вы израсходовали двадцать четыре шиллинга моих денег на дрова для квартирантов.

Ликчиз. Там надо бы каменную лестницу, сэр. Это в конечном счете дало бы экономию. Священник говорит...

Сарториус. Кто-о?

Ликчиз. Священник, сэр, всего-навсего священник. Не то чтобы я очень с ним считался, но если бы вы знали, как он меня извел с этой лестницей...

Сарториус. Я англичанин, и я не потерплю, чтобы какой-то священник вмешивался в мои дела. (*Вдруг грозно поворачивается к Ликчизу.*) Послушайте-ка, мистер Ликчиз! Вот уже третий раз за этот год вы мне подаете счета на ремонт стоимостью выше одного фунта. Я вам неоднократно объяснял, что это не какие-нибудь роскошные квартиры в Вест-Энде. Я вас не раз предупреждал, чтобы вы не смели болтать о моих делах с посторонними. Вам не угодно считаться с моими желаниями? Хорошо. Вы уволены.

Ликчиз (*в ужасе*). Что вы, сэр! Ради Бога...

Сарториус (*жестко*). Вы уволены.

Ликчиз. Мистер Сарториус, это несправедливо! Это несправедливо, сэр! Ни один человек на свете не мог бы больше, чем я, выжать из этих несчастных бедняков или меньше при этом истратить! Я так замарал себе руки на этой работе, что для чистого дела они уже и не годятся. А теперь вы меня выгоняете...

Сарториус (*перебивая его, угрожающим тоном*). Это что за разговоры о грязных руках? Если я узнаю, что вы хоть на волос отступили от буквы закона, я сам упеку вас под суд. Знаете, что нужно для того, чтобы руки у вас всегда были чисты? Не обманывать доверия своего хозяина. Запишите это себе на память — пригодится на новой службе.

Горничная (*распахивая дверь*). Мистер Тренч и мистер Кокэйн!

Входят Кокэйн и Тренч. Тренч франтовски одет; он в прекрасном настроении. У Кокэйна вид крайне самодовольный.

Сарториус. Здравствуйте, доктор Тренч. С добрым утром, мистер Кокэйн. Рад вас видеть у себя. Мистер Ликчиз, положите счета и деньги на стол, я после посмотрю и рассчитаюсь с вами..

Ликчиз отходит к столу и в глубоком унынии начинает приводить в порядок счета. Горничная уходит.

Тренч (*взглянул на Ликчиза*). Мы вам не помешали, сэръ?

Сарториус. Нисколько. Садитесь, пожалуйста. Боюсь, что я заставил вас ждать.

Тренч (*сагаясь на стул, на котором сидела Бланш*). О нет, ни капельки. Мы только что вошли. (*Достает связку писем и принимается ее развязывать.*)

Кокэйн (*подходит к столу у окна, но, прежде чем сесть, восхищенным взглядом обводит комнату*). Сколько книг! Как вы, должно быть, счастливы здесь, мистер Сарториус. Литературная атмосфера.

Сарториус (*садится*). А я в них и не заглядываю. Бланш — та иной раз берет что-нибудь почитать. Я этот дом выбрал главное из-за песчаной почвы. Процент смертности здесь очень низкий.

Тренч (*торжествуя*). Ну, я вам привез целую кучу писем. Все мои родные в восторге от того, что я решил, наконец, остепениться. Тетя Мария хочет, чтобы свадьба была у нее в доме. (*Погает Сарториусу письмо.*)

Сарториус. Тетя Мария?

Кокэйн. Леди Роксдэл, дорогой мистер Сарториус. Он подразумевает леди Роксдэл. Выражайтесь же немного тактичнее, друг мой.

Тренч. Ну да, леди Роксдэл. Дядя Гарри...

Кокэйн. Сэр Гарри Тренч. Его крестный отец, дорогой сэръ, его крестный отец.

Тренч. Ну да, мой крестный. Веселый старикан, он бы вам понравился. Он предлагает нам свой дом в Сент-Эндрюс, если мы решим проводить медовый месяц в Лондоне. (*Погает Сарториусу другое письмо.*) Это, знаете, такой дом, что жить в нем, конечно, невозможно, ну а все-таки очень мило со стороны дядюшки, что он нам предложил, правда?

Сарториус (*с трудом скрывая удовольствие, которое он испытывает при упоминании стольких титулов*). Без сомнения. Это весьма удовлетворительные письма, доктор Тренч.

Тренч. Вот, вот, я и говорю. Тетя Мария прямо молодчина! Почитайте там постскриптум: она говорит, что сразу узнала руку Кокэйна в моем письме. (*Посмеиваясь.*) Это ведь он его сочинял.

Сарториус (*обмениваясь взглядом с Кокэйном*). Неужели? Очевидно, мистер Кокэйн сделал это с большим тактом.

Кокэйн. Вы слишком любезны, сэра.

Тренч *(сияя)*. Ну, что вы теперь скажете, мистер Сарториус? Можно считать нашу помолвку окончательной?

Сарториус. Безусловно. *(Встает и протягивает руку Тренчу. Тот тоже встает и трясет его руку, не находя слов от счастья.)*

Кокэйн *(становится между ними)*. Разрешите поздравить вас обоих. *(Пожимает руки одновременно тому и другому.)*

Сарториус. А теперь, господа, я должен пойти поговорить с дочерью. Доктор Тренч, надеюсь, вы не лишите меня удовольствия первому сообщить ей радостную весть? Мне столько раз приходилось ее огорчать, с тех пор как мы с вами познакомились. Разрешите покинуть вас на несколько минут?

Кокэйн *(тоном гружеского протеста)*. Пожалуйста, сэра, о чем тут спрашивать?

Тренч. Сделайте одолжение.

Сарториус. Благодарю вас. *(Уходит.)*

Тренч *(опять посмеиваясь)*. Он, бедняга, думает, что это для нее новость! А она уже читала все письма.

Кокэйн. Никак не могу назвать ваше поведение корректным, Гарри. Вы поддерживали с ней тайную переписку...

Ликчиз *(вкрадчиво)*. Господа...

Тренч } *(оборачиваются, они совсем забыли о его*
Кокэйн } *присутствии)*. Что?

Ликчиз *(становится между ними, говорит поодобострастно, но страшно волнуясь и спеша)*. Простите, господа, я хочу вас попросить... *(Тренчу.)* Я собственно к вам обращаюсь, сэра. Не могли бы вы замолвить за меня словечко хозяину? Он только что меня уволил. А у меня четверо детей, и я у них единственный кормилец. Одно ваше слово, сэра... В такой счастливый день он вам не откажет...

Тренч *(в затруднении)*. Видите ли, мистер Ликчиз, по-моему, мне неудобно вмешиваться. Очень сожалею.

Кокэйн. Конечно, неудобно. Это был бы весьма дурной тон.

Ликчиз. Вы молоды, сэра, вы не понимаете, что это значит для такого, как я, потерять работу! Ну что вам стоит помочь бедному человеку? Позвольте, я вам расскажу, как было дело. Я только...

Тренч (*ему жаль Ликчиза, но, чувствуя, что заступничество за него сулит неприятности, он рад пригнуться к случаю и напускает на себя официальный тон*). Нет, я не стану слушать. Я вам скажу напрямик, мистер Ликчиз, что не считаю мистера Сарториуса способным поступать опрометчиво или бессердечно. Я с его стороны всегда встречал только доброту и великодушие; я полагаю, что в ваших делах он может разобраться лучше, чем я.

Кокэйн (*с пробудившимся любопытством*). А по моему, вам не мешает выслушать, Гарри. Вреда от этого не будет. Послушаем, что скажет мистер Ликчиз.

Ликчиз. Да нет, сэръ, не стоит. Уж раз этого человека называют добрым и великодушным!.. Ну, прощенья просим.

Тренч (*строго*). Если вы хотите, чтобы я вам помог, мистер Ликчиз, то позвольте вам сказать, что вы избираете неправильный путь, дурно отзываясь о мистере Сарториусе.

Ликчиз. А я разве что против него говорю? Вот ваш друг свидетель: сказал я против него хоть что-нибудь?

Кокэйн. Верно. Совершенно верно. Будьте справедливы, Гарри.

Ликчиз. Помяните мое слово, господа, он еще обо мне пожалеет. И не позже как через неделю, когда новый агент будет сдавать ему квартирную плату. Вы сами почувствуете разницу, доктор Тренч, когда вы или ваши дети вступят во владение этими домами. Я выцарапывал деньги там, где никто другой в жизни бы не выцарапал. И вот благодарность! Смотрите сюда, джентльмены. Посмотрите на этот мешок с деньгами! Тут каждый пенни слезами полит; на него бы хлеба купить ребенку, потому что ребенок плачет от голода, — а я прихожу и выдираю последний грош у них из глотки. До тех пор пристаю, и требую, и угрожаю, пока не отдадут. Знаете, джентльмены, я уже очерствел на этой работе; но тут есть такие деньги, к которым я бы никогда не прикоснулся, кабы не страх, что мои собственные дети останутся без хлеба, если я не угожу хозяину. И вот только за то, что я истратил двадцать четыре шиллинга на ремонт лестницы, — а на этой лестнице уже три женщины покалечились, и случись еще такое, он бы непременно угодил под суд, — так вот за то, что я истратил эти гроши, он меня выгоняет!.. Слушать ничего не хочет, хоть я и предложил возместить этот расход из своего кармана, да и сейчас не

отказываюсь, только бы вы, сэр, замолвили за меня словечко.

Тренч (*в ужасе*). Вы отнимали хлеб у голодного ребенка!.. Ну, знаете, так вам и надо. Будь я отцом одного из этих ребят, я б вам не увольнение, я бы вам кое-что похуже показал! И мне еще за вас заступаться!.. Пальцем не пошевельну, хотя б от этого зависело спасение вашей души, если только она у вас имеется. Мистер Сарториус совершенно прав.

Ликчиз (*смотрит на него во все глаза; и, как ни терзает его тревога, на миг она уступает место презрительному удивлению*). Господи! Вы только послушайте, что он говорит! Ну и невинный же вы ягненок, как посмотрю я на вас, сэр! Вы что думаете — он меня уволил за то, что я был слишком жесток? Да как раз наоборот — за то, что я был недостаточно жесток. Ему ведь все мало; если б я с них шкуру живьем содрал, он бы и то сказал, что мало. Я не говорю, что он хуже всех домовладельцев в Лондоне, — есть такие, что хуже быть нельзя; но только если взять самого плохого, так и он ничем не лучше. А я, хоть и не пристало мне самому себя хвалить, я прямо скажу: лучшего управляющего, чем я, у него еще не бывало. Я столько выжимал из этих домов и так мало на них тратил, что никто даже не поверит, кто знаком с этими делами. Я знаю свои заслуги, доктор Тренч, и раз другие о них молчат, так приходится самому говорить.

Кокэйн. Что это за дома? Какого типа?

Ликчиз. Жилые дома, сэр, где квартиры сдаются понедельно. Комнату там можно снять, а то и полкомнаты, а то и угол. Выгодное дело, если умеючи за него взяться. Выгодней нету. Это подсчитано: с кубического фута такие дома дают больше дохода, чем самый шикарный особняк на Парк-лэйн.

Тренч. Я надеюсь, что у мистера Сарториуса не много таких домов, как бы они ни были доходны.

Ликчиз. А у него только такие и есть. Это-то и показывает, какая у него деловая сметка. Он всегда так и поступал: как только накопит несколько сотен фунтов, так сейчас и покупает старые дома. Такие дома, сэр, что вы бы нос зажали, доведись вам мимо пройти. У него есть дома в Сент-Джайлсе, есть в Мэрилебоне, есть в Бетнал Грине. Вы только посмотрите, как он сам живет, — уж значит это выгодное дело. Сам-то он ищет, где

почва песчаная да где процент смертности низкий. А вот пойдете как-нибудь со мной на Робинс Роу,— я вам покажу, какая там почва и какой процент смертности. И заметьте, что это все моими руками добывается; сам-то он небось не пойдет собирать с жильцов квартирную плату!

Тренч. Вы хотите сказать, что все его доходы, все его состояние — из этого источника?

Ликчиз. А как же? Все до последнего пенни.

Тренч так потрясен, что вынужден сесть.

Кокэйн (*смотрит на него с состраданием*). Ах, дорогой мой друг, алчность — это корень всех зол.

Ликчиз. Да, сэр. И каждый из нас не прочь иметь у себя в саду деревце от этого корня.

Кокэйн (*высокомерно*). Я не с вами говорю, мистер Ликчиз. Не хочу судить вас слишком строго, но профессия сборщика квартирной платы всегда внушала мне особое отвращение.

Ликчиз. Профессия как профессия, не хуже многих других. А мне нужно о детях думать.

Кокэйн. Согласен. Это оправдание у вас действительно есть. И оно есть также у нашего друга Сарториуса. Его привязанность к дочери многое искупает... безусловно многое искупает.

Ликчиз. Она счастливая дочь, сэр. Немало дочерей выгоняли на улицу для того, чтобы Сарториус мог тешить свои родительские чувства. Что поделаешь, сэр, в делах всегда так. (*Вкрадчиво.*) А теперь, сэр, когда ваш друг знает, что я не виноват, он ведь не откажется замолвить за меня словечко?

Тренч (*сердито встает*). И не подумаю. Все это мерзость с начала и до конца, и вы, как пособник, ничего лучшего и не заслуживаете. Я уже сталкивался с такими фактами, когда работал в больнице. И у меня прямо кровь закипала, когда я думал, что ничего против этого нельзя сделать.

Ликчиз (*не в силах сдержать накопившееся раздражение*). Вот как, сэр! Мерзость-то мерзость, а от своей доли небось не откажетесь, когда женитесь на мисс Бланш. (*Яростно.*) Кто из нас хуже, хотел бы я знать,— я ли, который выдирает эти деньги у людей из глотки для того, чтобы мои дети не остались без крова, или вы, ко-

торый тратите их на свои удовольствия да еще норовите свалить вину на другого!

Кокэй н. Совершенно неподходящие выражения в разговоре с джентльменом, мистер Ликчиз. Прямо какой-то революционный душок...

Ликчиз. Может быть. Но только Робинс Роу не школа светских манер. Вы походите там недельку, другую... Вот меня увольняют, так не угодно ли на мое место? Там всего наслушаетесь.

Кокэй н (*с достоинством*). Вы знаете, с кем вы говорите, милейший?

Ликчиз. Очень даже хорошо знаю. Что же, молиться на вас прикажете? Очень вы мне нужны — и вы и все вам подобные! Я беден, вот в чем загвоздка! Беден — ну, значит жулик! И жалеть меня нечего и заступаться не надо,— прибыли-то вам от этого ведь никакой нет! (*Опомнившись, униженным тоном Тренчу.*) Одно только словечко, сэр! Что вам стоит!

В дверях появляется Сарториус, они его не замечают.

Пожалейте бедного человека!

Тренч. Вы сами, кажется, не слишком жалели других, по собственным вашим признаниям.

Ликчиз (*снова выходит из себя*). Побольше, чем ваш драгоценный тестюшка. Я во всяком случае... (*Легяной голос Сарториуса заставляет его застыть на месте.*)

Сарториус. Будьте любезны явиться сюда завтра, мистер Ликчиз, не позже десяти утра; тогда мы закончим наши дела. Сегодня я вас больше не задерживаю.

Присмиривший Ликчиз уходит среди гробового молчания.

(*После неловкой паузы Сарториус продолжает.*) Это один из моих агентов,— вернее, бывший мой агент. Мне пришлось его уволить, так как он неоднократно нарушал мои предписания.

Тренч молчит.

(*Сарториус, поборов смущение, говорит нарочито шутивым, поддразнивающим тоном, который не идет к нему ни при каких обстоятельствах, а в данную минуту кажется невыносимо фальшивым.*) Бланш сейчас придет, Гарри.

Тренча коробит.

Я полагаю, что теперь мне можно вас так называть. Не прогуляться ли нам с вами по саду, мистер Кокэйн! Мои цветники славятся на всю округу.

Кокэйн. С восторгом, дорогой мистер Сарториус, с восторгом! Ваша жизнь здесь — это идиллия, настоящая идиллия. Мы только что об этом говорили.

Сарториус (лукаво). А Гарри и Бланш потом к нам присоединятся... Немного погодя, а? Она сейчас придет.

Тренч (торопливо). Нет! Я сейчас не могу с ней разговаривать.

Сарториус (посмеиваясь). Да неужели! Ха, ха!

От этого смеха, который он слышит впервые, Тренча всего передергивает. Даже Кокэйна берет оторопь, но он тотчас же овладевает собой.

Кокэйн. Ха, ха, ха! Хо! хо!

Тренч. Да вы не понимаете...

Сарториус. Не понимаем? Так-таки и не понимаем? А, мистер Кокэйн? Ха, ха!

Кокэйн. Где уж понять! Ха! ха! ха!

Уходят, продолжая смеяться. Тренч, внутренне содрогаясь, опускается на стул. В дверях появляется Бланш. Лицо ее вспыхивает радостью, когда она видит, что он один. Она на цыпочках подходит к нему сзади и зажимает ему глаза. Он вскрикивает от неожиданности и, резко вскочив, вырывается из ее рук.

Бланш (удивлена). Гарри!

Тренч (силясь быть вежливым). Простите, пожалуйста! Я задумался... Пожалуйста, садитесь.

Бланш (подозрительно смотрит на него). Что-нибудь случилось? (Не спеша усаживается возле письменного стола.)

Тренч садится на место Кокэйна.

Тренч. Нет, нет, ничего.

Бланш. Папа вас чем-нибудь обидел?

Тренч. Мы с ним почти и не разговаривали. (Встает, берет свой стул и ставит его рядом со стулом Бланш. Это ей больше нравится. Она глядит на него с самой обворожительной улыбкой. У него вырывается что-то вроде рыдания, он хватается за руки и страстно их целует. Затем, заглядывая ей в глаза, торжественно спрашивает.) Бланш! Вы любите деньги?

Б л а н ш *(весело)*. Очень. А вы хотите мне дать?

Т р е н ч *(морщится)*. Не шутите с этим, это очень серьезно. Знаете ли вы, что мы будем очень бедны?

Б л а н ш. Это оттого у вас был такой вид, словно у вас болят зубы?

Т р е н ч *(умоляюще)*. Дорогая! Право, это совсем не шутки. Знаете ли вы, что все мои доходы составляют семьсот фунтов в год?

Б л а н ш. Это ужасно!

Т р е н ч. Бланш, да послушай же! Говорю тебе, это очень серьезно!

Б л а н ш. Мой дорогой мальчик! На эту сумму, пожалуй, нелегко вести хозяйство, не будь у меня своих денег. Но папа обещал, что после замужества я стану еще богаче, чем сейчас.

Т р е н ч. Нет, мы можем рассчитывать только на эти семьсот фунтов. Мы должны сами себя содержать.

Б л а н ш. А это так и будет, Гарри. Только если бы ты меня кормил на эти семьсот фунтов, ты стал бы вдвое беднее; а вместо того я сделаю тебя вдвое богаче.

Тренч качает головой.

Разве папа что-нибудь возражает?

Т р е н ч *(встает со вздохом и ставит свой стул на прежнее место)*. Нет, он не возражает. *(Садится, повесив голову.)*

Когда Бланш опять заговаривает, по ее лицу и голосу видно, что в ней нарастает раздражение.

Б л а н ш. Гарри. Тебе гордость не позволяет брать деньги у папы?

Т р е н ч. Да, Бланш. Гордость не позволяет.

Б л а н ш *(помолчав)*. Это нехорошо по отношению ко мне, Гарри.

Т р е н ч. Не сердись на меня, Бланш... Я... я не могу тебе объяснить. В конце концов, это вполне естественно.

Б л а н ш. А тебе не приходило в голову, что у меня тоже есть гордость?

Т р е н ч. Ну, это пустяки. Про тебя никто не подумает, что ты вышла замуж ради денег.

Б л а н ш. А если и подумает, то не осудит. И тебя тоже. *(Встает и принимается беспокойно ходить взад и*

вперед.) Гарри, мы не можем жить на семьсот фунтов в год. И нечестно требовать этого от меня только потому, что ты боишься, как бы люди о тебе плохо не подумали.

Тренч. Дело не только в этом, Бланш.

Бланш. А в чем же?

Тренч. Да нет, ни в чем... я просто...

Бланш (*подходит к нему сзади, кладет руку на плечи и, нагнувшись к нему, с наигранной шутливостью говорит*). Ну конечно, ни в чем. Не глупи, Гарри. Будь паймальчиком и выслушай меня. Я знаю, как мы сделаем. У тебя есть гордость, ты не хочешь жить на мой счет. А у меня тоже есть гордость, и я не хочу жить на твой. У тебя семьсот фунтов в год. Я попрошу папу, чтобы он пока давал мне тоже ровно семьсот. Вот мы и будем квиты. Против этого тебе уж нечего возразить.

Тренч. Это невозможно.

Бланш. Невозможно?

Тренч. Да, невозможно. Я твердо решил, что ни одного пенни не возьму у твоего отца.

Бланш. Да ведь он мне даст эти деньги, а не тебе.

Тренч. Это все равно. (*Хочет сыграть на чувстве.*) Я так люблю тебя, что не вижу разницы. (*Нерешительно протягивает ей руку через плечо. Она с такой же нерешительностью берет ее. Оба искренне стремятся к примирению.*)

Бланш. Это очень мило сказано, Гарри. Но я уверена, что тут еще что-то кроется, что мне следовало бы знать. Может быть, папа тебя все-таки обидел?

Тренч. Нет, он был очень добр... то есть по крайней мере со мной. Дело не в этом. Ты все равно не догадешься, Бланш. Да и не к чему тебе знать. Ты только огорчишься, а пожалуй, еще и рассердишься. Это, конечно, не надо так понимать, что мы всю жизнь будем жить на семьсот фунтов в год. Я всерьез займусь медициной. Увидишь, как я буду работать! До кровавых мозолей.

Бланш (*играет его пальцами, все еще склонившись над ним*). Но я совсем не хочу, чтобы у моего мальчика были кровавые мозоли. Я тогда не буду его любить. Гарри, я требую, чтобы ты объяснил мне, в чем дело. (*Он отнимает у нее руку. Она вспыхивает гневным румянцем, и когда она заговаривает, в голосе ее нет и следа благовоспитанных, светских интонаций.*) Ненавижу секреты! И не выношу, когда со мной обращаются как с ребенком!

Тренч (*ему не нравится ее тон*). Тут нечего объяснять. Просто я считаю неудобным пользоваться щедростью вашего отца, вот и все.

Бланш. Полчаса тому назад, когда мы разговаривали в вестибюле и вы показывали мне письма, вы не находили это неудобным. Ваши родные не находят это неудобным. У них нет возражений против нашего брака. А у вас теперь, значит, есть?

Тренч (*серьезно*). Не против брака, Бланш. Речь идет только о деньгах.

Бланш (*умоляюще, еще раз голос ее становится мягким и кротким*). Гарри, не будем ссориться. Не надо. Папа никогда не допустит, чтобы я целиком зависела от тебя. И, правду сказать, мне это самой не нравится. Если ты хоть заикнешься ему об этом, он разорвет нашу помолвку. Только этого ты и добьешься.

Тренч (*упрямо*). Тут уж я ничего не могу сделать.

Бланш (*бледнея от бешенства*). Ничего не можешь! А... я начинаю понимать. Хорошо, я избавляю вас от хлопот. Можете сказать папе, что я вам отказала. Это разрешит все ваши затруднения.

Тренч (*поражен*). Бланш! Что с тобой? Ты обиделась?

Бланш. Обиделась! Вы еще смеете спрашивать!

Тренч. Смеете!

Бланш. Гораздо достойней было бы признаться, что вы только играли мной тогда, на Рейне! Зачем вы сегодня приехали? Зачем писали вашим родным?

Тренч. Бланш! Ты сердишься и сама не знаешь, что говоришь...

Бланш. Это не ответ. Вы надеялись, что ваши родные не согласятся, — а они как раз и согласились; видно, рады поскорей сбыть вас с рук. Просто сбежать у вас совести не хватило, а сказать правду стыдно. Вот вы и придумали — разозлить меня до того, чтобы я сама от вас отказалась. Очень красиво и совершенно по-мужски — постараться свалить всю вину на женщину! Хорошо, будь по-вашему: возвращаю вам ваше слово. Только лучше бы вы придумали другой способ открыть мне глаза, хоть самый грубый... ударили бы меня, что ли, чем вот так вилять, как вы сейчас!

Тренч (*в гневе*). Вилять!.. Ну, знаете, если б я думал, что вы способны так кидаться на человека, я б с вами никогда не заговорил. Мне и сейчас-то с вами говорить не хочется.

Бланш. И не придется. Больше никогда не придется. Уж я об этом позабочусь. *(Бежит к двери.)*

Тренч *(встревожен)*. Что вы хотите сделать?

Бланш. Принести ваши письма — ваши лживые письма, и ваши подарки — ваши ненавистные подарки, и вернуть их вам. Я очень рада, что наша помолвка строилась; и я никогда...

В ту минуту, когда Бланш берется за ручку, дверь открывается изнутри; входит Сарториус и плотно затворяет дверь за собой.

Сарториус *(перебивает ее, строго)*. Тише, Бланш! Ты уж себя не помнишь, кричишь так, что слышно по всему дому. В чем дело?

Бланш *(она в таком бешенстве, что ей безразлично, слышит ее кто-нибудь или нет)*. А это ты у него спроси. Денег, видите ли, брать не хочет! Придумал благовидный предлог!

Сарториус. Предлог? Для чего предлог?

Бланш. Для того, чтобы меня бросить.

Тренч *(возмущенно)*. Никогда я не говорил...

Бланш *(еще более возмущенно)*. Нет, говорил! Говорил! Вы только это и говорили!

Бланш и Тренч говорят оба сразу, каждый старается перекричать другого.

Тренч. Совсем я не хочу вас бросить! Неправда! Вы сами знаете, что неправда! Ложь! Я не потерплю...

Бланш. Нет, хотите, хотите! Но я вас сама знать не желаю! Ненавижу вас! Всегда ненавидела! Грубый, наглый, подлый...

Сарториус *(выйдя из терпения)*. Молчать! *(Еще более грозно.)* Молчать!

Бланш и Тренч умолкают.

(Сарториус твердо продолжает.) Бланш! Надо все-таки владеть собой. Я уже предупреждал тебя, что не потерплю таких сцен. Прислуга все слышит. Доктор Тренч может сам за себя ответить. А тебе лучше всего уйти. *(Распахивает дверь оранжереи и зовет.)* Мистер Кокэйн, можно вас сюда на минутку?

Кокэйн *(из оранжереи)*. Иду, дорогой мистер Сарториус, иду. *(Появляется в дверях.)*

Бланш. Я и сама не хочу тут оставаться. Надеюсь, что когда я вернусь, ты будешь один, без посторонних.

У Тренча вырывается нечленораздельное восклицание. Бланш уходит, по пути окинув Кокэйна гневным взглядом. Он удивленно смотрит ей вслед, потом вопросительно глядит на обоих мужчин. Сарториус сердито захлопывает дверь и поворачивается к Тренчу.

Сарториус *(вызывающе)*. Ну, сэръ...

Тренч *(перебивает, еще более вызывающе)*. Что, сэръ?

Кокэйн *(становится между ними)*. Спокойнее, дорогой мой друг, спокойнее. Учтивость, Гарри, соблюдайте учтивость.

Сарториус *(овладевает собой)*. Если вы хотите мне что-то сказать, мистер Тренч, я готов вас выслушать. А затем разрешите сказать мне.

Тренч *(пристыжен)*. Простите. Виноват. Я вас слушаю.

Сарториус. Должен ли я это понимать так, что вы отказываетесь жениться на моей дочери?

Тренч. Ничего подобного. Это она отказывается выйти за меня замуж. Но так или иначе, а мы не женимся, если вы об этом спрашиваете.

Сарториус. Доктор Тренч, я буду с вами откровенен. Я знаю, что Бланш не в меру вспыльчива. Это такая же неотъемлемая ее черта, как сильная воля и большая смелость, — в такой степени эти качества редко встречаются даже у мужчин. С этим вам нужно заранее примириться. Если для этой ссоры нет других причин, кроме характера Бланш, то, поверьте мне, завтра все забудется. Но я понял из ее слов, что возникли какие-то препятствия из-за денег.

Тренч *(снова приходя в волнение)*. Все препятствия были с ее стороны. Да это бы еще ничего, но она тут такого наговорила!.. Показала, что вот настолько *(делает жест пальцами)* меня не любит!

Кокэйн *(умиротворяющим тоном)*. Дорогой мой друг...

Тренч. Замолчите, Билли! После таких сцен, право, отпадает охота даже глядеть на женщин. Вы посудите сами, мистер Сарториус. Я ей объяснил положение со всей деликатностью, со всей осторожностью, ни словом не упомянул о причинах, только спросил, согласна ли она

жить на один мой доход, а она накинулась на меня, словно я грубиян какой-нибудь!

Сарториус. Жить на один ваш доход! Это невозможно: моя дочь привыкла совсем к другой обстановке. Разве я не сказал уже, что дам необходимые средства? Разве Бланш не говорила вам, что я ей обещал?

Тренч. Да, да, я знаю, мистер Сарториус. И я очень вам благодарен. Но я предпочел бы ничего не брать у вас, кроме самой Бланш.

Сарториус. Почему же вы раньше этого не сказали?

Тренч. Не важно почему. Не будем говорить об этом.

Сарториус. Не важно! Нет, это очень важно, сэр. Я требую ответа. Почему вы не сказали раньше?

Тренч. Раньше я сам не знал.

Сарториус (*раздражен*). Так надо было знать, прежде чем брать на себя такое серьезное обязательство. (*Начинает возбужденно ходить по комнате.*)

Тренч (*в негодовании*). Надо было знать! Кокэйн, ну где тут здравый смысл? (*Лицо Кокэйна выражает усилие беспристрастно оценить положение, но он ничего не отвечает, и Тренч снова обращается к Сарториусу, на этот раз гораздо менее почтительным тоном.*) Откуда мне, черт возьми, было знать? Вы мне ничего не говорили.

Сарториус. Не увертывайтесь, сэр. Вы только что сказали, что раньше сами не знали своих намерений.

Тренч. Ничего подобного я не говорил. Я сказал, что не знал, откуда у вас деньги.

Сарториус. Это ложь! Я...

Кокэйн. Спокойнее, дорогой мистер Сарториус. Спокойнее, Гарри. Возьмите себя в руки. *Suaviter in modo, fort...*¹

Тренч. Пускай сперва он себя возьмет! Набрасывается на меня чуть не с кулаками!

Сарториус. Мистер Кокэйн, будьте свидетелем. Я дал исчерпывающие объяснения по этому вопросу. Я сказал, что я своим положением обязан только самому себе: все, что у меня есть, нажито моим трудом. И я этого не стыжусь.

Тренч. И все вранье. Я только что узнал от вашего агента, этого... Ликчиза, или как там его зовут, как вы

¹ *Suaviter in modo, fortiter in re* — мягче по форме, тверже по существу (*латинская поговорка*).

нажили состояние. Вымогали последние гроши у несчастных бедняков, не брезгуя при этом пускать в ход угрозы и насилие и всякого рода мелкое тиранство!

Сарториус (*в ярости*). Сэр!

Угрожающе смотрят друг на друга.

Кокэйн (*кротко*). За квартиру нужно платить, дорогой мой. Тут ничего не поделаешь, Гарри, ничего не поделаешь.

Тренч в сердцах отворачивается. Сарториус с минуту смотрит на него в раздумье, затем, снова приняв спокойный и полный достоинства вид, говорит с подчеркнутой вежливостью, но также и с ноткой снисхождения к его молодости и неразумию.

Сарториус. Боюсь, доктор Тренч, что вы еще очень неопытны в делах. Простите, что я на минуту забыл об этом. Могу я попросить вас воздержаться от окончательного приговора до тех пор, пока мы с вами не побеседуем спокойно и обстоятельно и не обсудим со всех сторон ваши сентиментальные представления? Не обижайтесь, что я так их называю. (*Берется за стул и жестом предлагает Тренчу сесть на гругой, рядом.*)

Кокэйн. Очень деликатно выражено, дорогой мистер Сарториус. Гарри, сядьте и выслушайте... и обсудите дело спокойно и беспристрастно. Не упрямитесь.

Тренч. Хорошо, я сяду и выслушаю. Только не знаю, как вы ухитритесь из черного сделать белое. И мне надоело, что все мне читают нотации, словно я тут один виноват. (*Садится.*)

Кокэйн подсаживается к нему справа. Все готовят к обстоятельному разговору.

Сарториус. Прежде всего, доктор Тренч, договоримся: надеюсь, что вы не социалист и не что-нибудь подобное?

Тренч. Конечно, нет. Я консерватор... то есть... по крайней мере если б я дал себе труд голосовать, то я бы подал голос за кандидата консервативной партии.

Кокэйн. Правильно, Гарри, правильно! Верность старому знамени!

Сарториус. Я очень рад, что хоть в этом у нас нет разногласий. Я, само собой разумеется, тоже консерва-

тор; не какой-нибудь узкий и закоснелый ретроград, не враг истинного прогресса, но все же консерватор. Что касается Ликчиза, то тут довольно сказать одно: не далее как сегодня я его уволил за то, что он обманул мое доверие; поэтому его нельзя считать беспристрастным и незаинтересованным свидетелем. Теперь о моих делах. Моей задачей было предоставить жилище очень бедным людям, — которым ведь тоже нужен кров над головой, — за плату, соответствующую их скромным средствам. Вы ведь не станете требовать, чтобы я это делал даром?

Тренч. Это все очень мило, но вопрос в том, какого рода жилье вы им даете за эту плату? Человек должен где-то жить, а не то его сажают в тюрьму. Этим и пользуются и заставляют его платить за грязный угол, не пригодный даже под собачью конуру. Почему вы не строите приличные дома и не даете людям полноценный товар за их деньги?

Сарториус (*полный сострадания к такой наивности*). Мой юный друг, бедняки не умеют жить в приличных домах; они их через неделю обратят в развалины. Вы мне не верите — испытайте сами. Поставьте на свой счет все недостающие перила и решетки, приделайте крышки к бакам для воды и мусорным ящикам — и через три дня ни одной не окажется на месте: сожгут, сэр, все сожгут до последней щепки. Я их не виню; им нужно топливо, а достать его другим способом они часто не имеют возможности. Но я не могу без конца тратить деньги на ремонт только для того, чтобы они все растащили, когда мне с трудом удается выцарапать у них четыре шиллинга шесть пенсов в неделю за комнату, что в Лондоне является нормальной квартирной платой. Нет, джентльмены, есть такая степень бедности, когда людям нельзя помочь, как бы вы им ни сочувствовали. В конечном счете это им приносит больше вреда, чем пользы. Я предпочитаю сберечь деньги и построить лишний дом для тех, кто совсем не имеет крова, — и отложить кое-что для Бланш. (*Он смотрит на своих собеседников.*)

Оба молчат; Тренча не убедили эти доводы, но он пасует перед красноречием Сарториуса; Кокэйн сокрушенно задумался.

(Сарториус сдвигает брови, подается вперед на стуле, словно готовясь к прыжку, и с ударением спрашивает у

Тренча.) А теперь, доктор Тренч, разрешите у вас спросить, откуда берется ваш доход?

Тренч (*вызывающе*). Из процентов по ценным бумагам. Не от сдачи домов внаем. Тут по крайней мере я чист. Из процентов по закладной.

Сарториус (*с силой*). Да, по закладной на мои дома. Когда я, по вашему выражению, вымогаю у бедняков то, что они сами по доброй воле согласились мне платить, я не смею истратить ни единого пенни из этих денег до тех пор, пока не выплачу вам ваши семьсот фунтов в год. Что Ликчиз делал для меня, то я делаю для вас. Оба мы только посредники, а хозяин — вы. И так как из-за бедности моих клиентов мое дело сопряжено с коммерческим риском, то вы и тянете с меня чудовищный и ни с чем не сообразный процент — семь годовых! — и тем самым заставляете меня в свою очередь выжимать последний фартинг из квартирантов. И, однако, доктор Тренч, хотя сами вы никогда палец о палец не ударили ради собственного благополучия, вы не постеснялись говорить обо мне с презрением только потому, что я обращаю всю свою энергию и весь свой опыт на управление нашим имуществом и на то, чтобы поддерживать его в удовлетворительном состоянии.

Кокэйн (*с облегчением*). Превосходно, дорогой мистер Сарториус, превосходно! Я чувствовал, что Тренч говорит вздор, непрактический вздор. Прекратим этот разговор, дорогой мой друг, вы только ставите себя в смешное положение, когда беретесь судить о делах. Я вам говорил, что тут ничего не поделаешь.

Тренч (*ошеломлен*). Вы хотите сказать, что я такой же негодяй, как и вы?

Кокэйн. Стыдитесь, Гарри, стыдитесь! Какая бестактность! Будьте джентльменом, извинитесь.

Сарториус. Разрешите мне, мистер Кокэйн. (*Тренчу.*) Если говоря, что вы такой же негодяй, как я, вы подразумеваете, что вы так же бессильны, как и я, изменить нынешний строй общества, то вы, к сожалению, правы.

Тренч отвечает не сразу. Он смотрит на Сарториуса, широко раскрыв глаза, потом, опустив голову, тупо глядит в землю, свесив между колен руки со сплетенными пальцами, — моральный банкрот, живая картина душевного упадка. Кокэйн подходит к нему и с видом сочувствия кладет руку ему на плечо.

Кокэйн (*мягко*). Ну же, Гарри, ну! Возьмите себя в руки. Мистер Сарториус ждет ответа.

Тренч (*все еще подавленный, медленно разжимает пальцы, выпрямляется, упершись ладонями в колени, обдергивает жилет; он пытается философски отнестись к постигшему его разочарованию*). Да, кто сам живет в стеклянном доме, тот не смеет бросать камнями в других. Но, честное слово, я не знал, что мой дом стеклянный, пока вы мне не показали. Прошу прощения. (*Протягивает руку Сарториусу.*)

Сарториус. Ни слова больше, Гарри. Ваши чувства делают вам честь. Уверяю вас, что я сам их разделяю. Всякий, в ком есть сердце, хотел бы, чтобы другой, лучший порядок вещей был практически осуществим. Но, к несчастью, это не так.

Тренч (*несколько утешен*). По-видимому, да.

Кокэйн. Вы правы, дорогой мистер Сарториус, вы безусловно правы. Всею виной прирост населения.

Сарториус (*Тренчу*). Надеюсь, я убедил вас, сэр, что вам нет оснований возражать против того, чтобы Бланш брала деньги у меня, — не больше, чем мне против того, чтобы она брала их у вас.

Тренч (*в унылом раздумье*). Да, по-видимому так. Похоже, что мы все одна шайка. Простите, что я тут так нашумел.

Сарториус. Ну что вы, есть о чем говорить. Наоборот, я очень благодарен вам за то, что вы умолчали перед Бланш о причине ваших сомнений. Это в высшей степени благородно с вашей стороны. Пожалуй, лучше ей и впредь ничего не знать.

Тренч (*с волнением*). Но я должен ей объяснить. Вы видели, как она рассердилась.

Сарториус. Предоставьте это мне. (*Смотрит на часы, затем звонит.*) Скоро завтрак. Вы, может быть, захотите почиститься с дороги, а я пока поговорю с Бланш; надеюсь, что все обойдется к нашему общему удовольствию.

Входит горничная.

(*Сарториус обращается к ней своим обычным повелительным тоном.*) Скажите мисс Бланш, чтобы она пришла сюда.

Горничная (*лицо у нее заметно вытягивается*). Слушаю, сэр. (*Нерешительно идет к двери.*)

Сарториус (*передумав*). Подождите.

Она останавливается.

Пойдите к мисс Бланш, спросите ее от меня, как она себя чувствует, и скажите, что я здесь один и хотел бы видеть ее на минутку, если она не занята.

Горничная (*с облегчением*). Слушаю, сэр. (*Уходит.*)

Сарториус. Позвольте, я вас провожу в вашу комнату, Гарри. Надеюсь, вы скоро будете чувствовать себя здесь как дома. Вам тоже, мистер Кокэйн, надо у нас освоиться. Пойдемте, пока не пришла Бланш. (*Направляется к двери.*)

Кокэйн (*следуя за ним, весело*). После нашей маленькой дискуссии у меня появился прекрасный аппетит.

Тренч (*мрачно*). А у меня пропал.

Сарториус распахивает перед ними дверь. Они выходят. Он сам уже на пороге, когда возвращается горничная. Это кроткая, чувствительная девушка, глаза у нее на мокром месте, она и сейчас еле сдерживает слезы.

Сарториус. Ну? Придет мисс Бланш?

Горничная. Да, сэр. Кажется, придет, сэр.

Сарториус. Подождите ее здесь и скажите, что я сейчас вернусь.

Горничная. Слушаю, сэр. (*Входит в комнату. Когда она проходит мимо Сарториуса, у нее вырывается сдвоенное рыдание.*)

Сарториус окидывает ее подозрительным взглядом и, притворив дверь, идет за ней.

Сарториус (*понизив голос*). Что с вами?

Горничная (*всхлипнув*). Ничего, сэр.

Сарториус (*все так же вполголоса, но угрожающим тоном*). Извольте вести себя прилично, когда у нас гости. Слышите?

Горничная. Да, сэр.

Сарториус уходит. Слышен его голос за дверью: «Простите, я вас задержал, надо было кое-что сказать прислуге», и ответы Тренча: «Ничего, пожалуйста», и Кокэйна: «Пожалуйста, пожалуйста, дорогой мистер Сарториус». Голоса замирают в отдалении. Горничная сморкается, вытирает глаза, подходит к книжному шкафу и достает из ящика лист оберточной бумаги и клубок шпагата, кладет все на стол. Она еще

не совсем успокоилась и по временам всхлипывает. Входит Б л а н ш со шкатулкой в руках. Ее лицо в эту минуту — лицо сильной, решительной женщины, охваченной неудержимым гневом. Горничная смотрит на нее взглядом, выражающим одновременно оскорбленную преданность и физический страх.

Б л а н ш (*оглядываясь*). Где папа?

Горничная (*грожащим голосом, стараясь умиловать ее*). Он сказал, что сейчас придет, мисс. Сказал, что сию минуту. Я приготовила бумагу, мисс. И веревочку. (*Расстилает бумагу на столе.*) Позвольте, я заверну.

Б л а н ш. Не надо. Не суйтесь не в свое дело. (*Опрокидывает шкатулку на бумагу. Оттуда выпадает связка писем и несколько драгоценных вещичек. Бланш срывает с пальца кольцо и так стремительно кидает его в общую кучу, что оно скатывается со стола на ковер. Горничная покорно подбирает его и кладет на стол. При этом она опять всхлипывает и утирает глаза.*) Чего вы плачете?

Горничная (*жалобно*). Вы так грубо со мной разговариваете, мисс Бланш. А я вас так люблю. Никто другой не стал бы это выносить.

Б л а н ш. Ну так уходите. Вы мне не нужны. Слышите? Убирайтесь.

Горничная (*в отчаянии, падая на колени*). Нет, нет, мисс Бланш! Не прогоняйте меня! Пожалуйста...

Б л а н ш (*с отвращением*). Фу! Видеть вас не могу!

Горничная горько плачет, уязвленная в самое сердце.

Перестаньте реветь. Они ушли?

Горничная (*плача*). Ох, как вы могли мне это сказать, мисс Бланш. А я вас так...

Б л а н ш (*хватает ее за волосы и за горло*). Перестань реветь! Убью!

Горничная (*умоляет и уговаривает, но все вполголоса, чтобы их не услышали*). Пустите, мисс Бланш, вы же потом сами пожалеете, ведь всегда так. Вспомните, как в прошлый раз я расшибла себе голову...

Б л а н ш (*в бешенстве*). Ты будешь отвечать или нет? Они ушли?

Горничная. Ликчиз ушел, он ужасно... (*У нее вырывается сдвоенный крик — видно, пальцы Бланш крепко впилась в нее.*)

Б л а н ш. Я тебя о Ликчизе спрашиваю? Дрянь! Ведь сама знаешь! Ты это нарочно!

Горничная (*задыхаясь*). Они остались завтракать.
Бланш (*напряженно смотрит ей в лицо*). А он?
Горничная (*шепотом, сочувственно кивая*). Он тоже, мисс.

Бланш медленно отпускает ее и стоит выпрямившись, сжав кулаки и закусив губы. Горничная, определив, что приступ гнева кончился и ей больше не угрожает насилие, присаживается на корточки и пытается привести в порядок волосы и наколку, по временам всхлипывая от боли и усталости.

Ну вот, теперь у меня руки дрожат, и вся посуда будет звенеть на подносе, и все это заметят. Как вам не советно, мисс Бланш...

Кашель Сарториуса за дверью.

Бланш (*быстро*). Тсс! Встаньте!

Горничная вскакивает и, приняв степенный вид, проходит к двери мимо Сарториуса. Сарториус провожает ее строгим взглядом и подходит к Бланш. Горничная тихо затворяет за собой дверь.

Сарториус (*сокрушенным тоном*). Дитя мое, неужели ты не можешь совладать со своим нравом?

Бланш (*тяжело дышит, успокаиваясь после припадка*). Не могу. И не хочу. Я и так стараюсь. Кто меня любит, тот не покинет меня из-за моего нрава. Я никому его не показываю, кроме этой девушки, и одна она из всех наших слуг не берет расчета.

Сарториус. Но, дорогая, вспомни, что у нас за завтраком будут гости. Я и решил сперва поговорить с тобой — сказать, что я все уладил с Тренчем. Это Ликчиз ему Бог знает чего наплел. Тренч просто дурак, молодозелено! Ну, да я все уладил.

Бланш. Я не хочу выходить замуж за дурака.

Сарториус. Тогда тебе придется поискать себе мужа старше тридцати лет. Нельзя требовать слишком много, дитя мое. Ты будешь богаче своего мужа и, как мне кажется, умнее. Это не так плохо.

Бланш (*прижимается к его плечу*). Папа!

Сарториус. Что, дорогая?

Бланш. С этим замужеством... Могу я поступить так, как я сама хочу, или я должна сделать так, как ты хочешь?

Сарториус (*уклончиво*). Бланш...

Бланш. Нет, папа, ты должен мне ответить.

Сарториус (*отбрасывает всякую сдержанность и дает волю чувству*). Дорогое мое дитя, поступай, как сама хочешь. И сейчас и всегда. У меня только одно желание — видеть мою девочку счастливой.

Бланш. Тогда я не выйду за него. Он насмеялся надо мной. Он считает нас ниже себя, он нас стыдится, он посмел сказать, что не хочет, чтобы ты благодетельствовал ему, — как будто в этом для него есть что-то позорное. А потом... все-таки соблазнился деньгами! (*Бросается отцу на шею.*) Папа! Я не хочу выходить замуж, я не хочу тебя покидать! Ведь нам до сих пор так хорошо жилось вместе! Мне даже думать противно о замужестве, я его совсем не люблю, я не хочу с тобой расставаться.

Входят Тренч и Кокэйн, но Бланш ничего не слышит, кроме собственного голоса, и не замечает их.

Только прогони его. Обещай, что его прогонишь, и мы по-старому будем жить вместе... (*Видит Тренча.*) Ах!.. (*Прячет лицо на груди отца.*)

Тренч (*нервно*). Надеюсь, мы не помешали...

Сарториус (*внушительно*). Доктор Тренч! Моя дочь передумала.

Тренч (*в замешательстве*). Значит ли это...

Кокэйн (*перебывает, чрезвычайно кислым тоном*). Боюсь, мой дорогой друг, что при данных обстоятельствах это значит, что нам придется позавтракать где-нибудь в другом месте.

Тренч. Но, мистер Сарториус, вы объяснили?..

Сарториус (*прямо ему в лицо*). Я все объяснил, сэр. Прощайте.

Тренч, вспыхнув, делает шаг вперед. Бланш выскальзывает из объятий отца и падает на стул. Сарториус, выпрямившись во весь рост, стоит над нею, как страж.

Тренч (*с негодованием отворачивается*). Пойдем, Кокэйн.

Кокэйн. Пойдемте, Гарри, пойдемте.

Тренч уходит, очень сердитый. По дороге ему попадается горничная; в руках у нее поднос, вся посуда на нем звенит.

(*Кокэйн оборачивается к Сарториусу.*) Я очень ошибся в вас, сэр, очень. Прощайте. (*Уходит вслед за Тренчем.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Сарториуса на Бедфорд-сквер. Зимний вечер, топится камин, шторы опущены, и лампы зажжены. Сарториус и Бланш уныло сидят у камина. Горничная только что принесла кофе и расставляет чашки на столике между ними. Посреди комнаты большой стол. Если, стоя у стола, обернуться лицом к окнам, то напротив находится концертный рояль, закрытый чем-то вроде тюлевого покрывала, что свидетельствует о том, что инструмент открывают редко, а может быть и никогда; на его крышке стоит миниатюрный мольберт с увеличенной фотографией Бланш. В комнате две двери: одна налево, ведущая в кабинет, другая в углу, около правого окна, ведущая в коридор. Бланш вяжет, возле нее рабочая корзинка. Сарториус сидит у самого камина и читает газету. Горничная уходит.

Сарториус. Бланш, дорогая.

Бланш. Да?

Сарториус. Сегодня мы долго беседовали с доктором насчет поездки за границу.

Бланш (*нетерпеливо*). Я совершенно здорова. И я не хочу ехать за границу. Мне даже думать об этом противно. Что ты все беспокоишься о моем здоровье?

Сарториус. Речь шла не о твоём здоровье, Бланш, а о моем.

Бланш (*встает*). О твоём? (*Встревоженная, идет к отцу*.) Папа! Ты болен?

Сарториус. Болезни придут, Бланш, ведь это неизбежно, и гораздо раньше, чем ты успеешь стать пожилой женщиной.

Бланш. Но сейчас-то ты здоров?

Сарториус. Видишь ли, доктор считает, что мне нужна перемена впечатлений, путешествие, развлечения...

Бланш. Развлечения! Тебе нужны развлечения! (*Невесело смеется и садится на ковер у ног Сарториуса*.) Папа, скажи, почему это другими людьми ты вертишь, как хочешь, а со мной совсем не умеешь хитрить? Думаешь, я не понимаю, зачем тебе понадобилось за границу? Раз я не соглашаюсь быть больной и не позволяю тебе стать моей сиделкой — ну, значит, больным будешь ты, а я сиделкой.

Сарториус. Что же делать, дорогая. Ты утверждаешь, что ты здорова и что тебя ничто не тревожит,—

приходится мне признаваться, что я нездоров и что меня кое-что тревожит. А так жить, как мы эти четыре месяца, дальше нельзя. Ты совсем извелась, да и мне было нелегко.

Лицо Бланш омрачается; она отворачивается и молчит задумавшись.

(Сарториус напрасно ждет ответа, потом добавляет, понизив голос.) Нужно ли быть такой непреклонной, Бланш?

Бланш. Я думала, что ты уважаешь непреклонность. Ты сам всегда так гордился своей непреклонностью.

Сарториус. Пустяки, дорогая, совершеннейшие пустяки. Мне много раз приходилось уступать. И я мог бы назвать тебе сколько угодно очень мягких людей, которые добились в жизни не меньше, чем я, а удовольствия при этом получали гораздо больше. Если ты только из гордости насилуешь себя...

Бланш. Я не насилую себя. Не понимаю, о чем ты говоришь. *(Хочет встать и отойти.)*

Сарториус *(удерживает ее за руку, когда она еще только приподнимается)*. Дитя мое, не таись от меня, словно я тебе чужой. Ты страдаешь из-за того...

Бланш *(резко вырывается и вскакивает на ноги)*. Папа! Если ты это скажешь, я покончу с собой. Это неправда. Пусть бы он даже сам сюда пришел, пусть бы стоял сейчас передо мной на коленях, я б лучше из дому ушла, только бы его не видеть. *(Уходит в волнении.)*

Сарториус с глубоким вздохом опять поворачивается к камину.

Сарториус *(мрачно глядит в огонь)*. Как быть? Спорить с ней — так потом от нее целый месяц слова не добьешься.словно не с дочерью живешь, а с конторщиком или со слугой. А уступить ей сейчас — значит и всегда придется уступать. Но что поделаешь! Я, правда, привык всегда ставить на своем, но надо же как-нибудь с этим покончить. Она молода — ей жить, а не мне.

Входит горничная.

Горничная. Там мистер Ликчиз пришел, сэр, хочет вас видеть. Велел сказать, что по очень важному делу. По вашему делу, сэр.

Сарториус. Какой еще мистер Ликчиз? Ликчиз, что у меня служил?

Горничная. Тот самый, сэр. Но только его теперь и не узнать.

Сарториус (*хмурится*). Гм! С голоду, наверно, подыхает? Милостыню пришел просить?

Горничная (*с жаром отвергает это предположение*). Ах, нет, сэр! Он теперь прямо важный барин! В меховом пальто, сэр! В экипаже приехал! Бритый, чистый! Он, наверно, наследство получил, сэр.

Сарториус. Гм! Впустите его.

Ликчиз, дожидавшийся за дверью, тотчас входит. В его наружности удивительная перемена. Он во фраке, в пальто, подбитом мехом, отливающим всеми оттенками тигровой шкуры. Галстук заколот булавкой с крупным брильянтом, массивная золотая цепь гиляндой вьется по отросшему брюшку, бакенбарды сбиты, теперь он носит усики, нафабранные и закрученные. Сарториус глядит на него в немом изумлении, а Ликчиз останавливается и с улыбкой позволяет полюбоваться собой, от души наслаждаясь произведенным эффектом. Горничная не меньше его наслаждается этим *coup de théâtre*¹ и, вся сияя, спешит к выходу, чтобы поделиться сенсационной новостью на кухне. Ликчиз завершает сцену победоносным кивком Сарториусу.

Сарториус (*опомнившись, враждебно*). Ну?

Ликчиз. Очень хорошо, Сарториус, благодарю вас.

Сарториус. Я не спрашиваю о вашем здоровье, и вы это прекрасно знаете. Какое там у вас дело?

Ликчиз. А такое дело, Сарториус, что я с ним и в другое место могу пойти, если тут меня недостаточно вежливо встретят. Мы теперь с вами на равных правах. Не вы были моим хозяином, а ваши деньги, не воображайте, будто вы. А теперь, когда у меня у самого денег, слава Богу, довольно, и я от вас больше не завишу...

Сарториус (*решительно подходит к двери и распахивает ее*). Ступайте-ка со своей независимостью вон из моего дома. Я ее тут не потерплю.

Ликчиз (*снисходительно*). Ну, ну, Сарториус, не упрямитесь. Я пришел к вам как друг, для того, чтобы положить денежки вам в карман. Не станете же вы меня уверять, будто деньги вас не интересуют?

Сарториус (*колеблется, затем притворяет дверь и недоверчиво спрашивает*). Сколько денег?

Ликчиз (*торжествуя победу, подходит к стулу, на котором сидела Бланш, и сбрасывает пальто*). Вот так-то

¹ Театральный эффект (фр.).

лучше. Теперь вы опять стали самим собой, Сарториус. Да вы бы предложили мне сесть, сказали бы: почувствуйте, мол, себя как дома.

Сарториус (*идет к нему от двери*). А я вот думаю, не взять ли вас за шиворот да не спустить ли с лестницы, наглец вы этакий.

Ликчиз (*ничуть не смущаясь, вешает пальто на спинку стула, попутно достает из кармана портсигар*). Мы с вами, Сарториус, два сапога пара, так что не стоит мне на вас обижаться. Не хотите ли сигарку?

Сарториус. Здесь нельзя курить, это комната моей дочери. Но сесть можете.

Садятся.

Ликчиз. Мои дела пошли в гору с тех пор, как мы с вами в последний раз виделись.

Сарториус. Вижу.

Ликчиз. И отчасти я этим обязан вам. Вас это удивляет?

Сарториус. Меня это не касается.

Ликчиз. Это вам так кажется, Сарториус, потому что раньше вас никогда не касалось, как я живу, пока вы жили себе припеваючи на те денежки, что я собирал для вас с квартирантов. Но я тоже кое-что приобрел на Робинс Роу.

Сарториус. Я так и думал. Вы пришли вернуть наворованное?

Ликчиз. Вы б не взяли, даже если б я вам предложил. Это не деньги, Сарториус, а знание. Полезные сведения по очень важному общественному вопросу — о жилищных условиях рабочего класса. Известно вам, что для их обследования создана правительственная комиссия?

Сарториус. Ага, понимаю. Вы давали им показания.

Ликчиз. Показания? Нет. Какая мне была б от этого польза? Ну, оплатили бы мне расходы... да еще Бог весть по какой расценке. Нет, я не давал показаний. Но я вам скажу, что я сделал, Я оставил при себе то, что знаю, — из уважения к двум-трем людям, которым было бы неприятно, если бы в Синей брошюре про них написали, что их дома — рассадник заразы. Их агент так был мной доволен, что даже выписал мне чек на сумму... ну ладно, не важно на какую сумму. Но с этим я уж мог начать, а мне только того и надо было — начать. Дальше я уже

сам стал на ноги. Я прихватил с собой первый отчет комиссии — он в кармане пальто. *(Идет к стулу, достает из кармана пальто синюю брошюру.)* Вот я тут загнул страницу. Я думал, вам будет интересно почитать. *(Перегибает брошюру и подает Сарториусу.)*

Сарториус. Так, значит, шантаж? *(Не заглядывая в брошюру, кладет ее на стол и выразительно стучит по ней кулаком.)* Мне все равно, что обо мне ни напишут в каких угодно Синих книгах... Мои друзья их не читают. И я не министр и не выставляю свою кандидатуру в парламент. Этим способом у меня ничего не выудишь.

Ликчиз *(оскорблен)*. Шантаж! Мистер Сарториус, неужели вы думаете, что я хоть слово сказал о ваших домах? Подводить старого знакомого! Ну нет, это не моему. А кроме того, они и так уже все про вас знали. Помните лестницу, из-за которой мы с вами поссорились? Еще священник поднял тогда историю, потому что на ней женщина покалечилась? Они его вызвали и допрашивали целых полдня. Уж он им и расписал! Очень неделикатно поступил, не по-джентльменски, не по-христиански. Мне прямо стыдно за него. А вы говорите — шантаж! Мне это никогда и на ум не приходило!

Сарториус. Хорошо. А что вам приходило на ум? Выкладывайте.

Ликчиз *(с вызывающей неторопливостью усмехается и загадочно смотрит на Сарториуса)*. Вы с тех пор не делали в своих домах ремонта? Не потратили на это сотню-другую фунтов?

Сарториус, потеряв терпение, делает угрожающий жест.

Ну, ну, не лезьте сразу на стену. Я вот знаю одного домовладельца, у него дома возле Тауэра — уж такие лачуги, хуже во всем Лондоне не найдешь... Так вот, он по моему совету в одной половине домов произвел капитальный ремонт, а другую сдал под склады новой торговой компании. Есть такая — Северо-Лондонские мясолодобины. Я сам акционер, член-учредитель. А чем это кончилось, как вы думаете?

Сарториус. Надо полагать, банкротством.

Ликчиз. Банкротством! Как бы не так! Компенсацию ему уплатили, мистер Сарториус, компенсацию. Понимаете?

Сарториус. Компенсацию? За что?

Ликчиз. А видите ли, его участки понадобились для расширения Монетного двора, вот и пришлось дать отступного компании, а за дома уплатить компенсацию. Такие вещи полезно знать заранее. И всегда кто-нибудь да знает, в какой бы тайне это ни держалось.

Сарториус (*он заинтересован, но по-прежнему настороже*). Ну?

Ликчиз. Другого ничего не скажете, мистер Сарториус? «Ну»! Словно я лошадь! А допустим, я разнюхал, что городская управа решила проложить новую магистраль и для этого снести всю Робинс Роу? А на месте Берк Уок будут торговые ряды, где за витрину станут платить по тридцать фунтов с квадратного фута? А? Вы и тогда ничего не скажете, кроме «ну»? (*Сарториус колеблется, с сомнением глядя на него. Ликчиз встает и охорашивается, показывая себя со всех сторон*). Поглядите-ка на меня, мистер Сарториус. Поглядите, как я одет! А цепочка какая! А брюшко какое отрастил! Думаете, это я тем заработал, что умел вовремя молчать? Нет-с! Тем, что умел вовремя смотреть и слушать.

Входит Бланш, за ней горничная с подносом, на который она начинает собирать кофейную посуду. Сарториус, раздосадованный этой помехой, встает и жестом предлагает Ликчизу перейти в кабинет.

Сарториус. Тсс! Поговорим в кабинете. Там тоже топится камин и можно курить. Бланш! Наш старый знакомый.

Ликчиз. Для меня мисс Бланш всегда была доброй знакомой. И я этого не забыл. Как поживаете, мисс Бланш?

Бланш. Мистер Ликчиз! Я вас и не узнала.

Ликчиз. Да и вы малость изменились, мисс.

Бланш (*поспешно*). Нет, что вы, я такая же, как всегда. Как здоровье миссис Ликчиз и дет...

Сарториус (*нетерпеливо*). У нас дело, Бланш. Ты потом поговоришь с мистером Ликчизом. Пойдемте.

Сарториус и Ликчиз уходят в кабинет. Бланш, удивленная резкостью отца, мгновение смотрит им вслед, потом, заметив пальто Ликчиза на своем стуле, берет его в руки и с любопытством разглядывает.

Горничная. Какой шикарный, а, мисс Бланш? Он, наверно, наследство получил. (*Таинственно.*) Какие-то дела у него с хозяином. Посмотрите, мисс Бланш! При-

вез ему вот эту книжищу. *(Показывает Бланш Синюю брошюру.)*

Бланш *(с пробудившимся любопытством)*. Покажите. *(Берет брошюру и раскрывает ее.)* Тут что-то про папу. *(Садится и начинает читать.)*

Горничная *(убирает со столика и отставляет его в угол)*. А как помолодел, мисс Бланш, а? Я чуть со смеху не померла, как увидела его без бакенбард. Чудно с непривычки.

Бланш не отвечает.

Вы уже отпили кофе, мисс? Можно убирать?

Бланш не отвечает.

Видно, интересная книга, мисс?

Бланш вскакивает. Горничная только взглядывает ей в лицо и мгновенно на цыпочках выбегает из комнаты, прихватив поднос.

Бланш. Так вот почему он не хотел брать денег! *(Пытается разорвать брошюру, это ей не удается, тогда она с размаху бросает ее в огонь. Брошюра заваливается за каминную решетку.)* Лучше б у меня не было ни отца, ни семьи, никого! Как нет матери! Священник! Негодяй! «Владелец худших трущоб во всем Лондоне». «Владелец трущоб»! *(Закрывает лицо руками и грожа опускается на стул, на котором висит пальто Ликчиза.)*

Дверь из кабинета растворяется.

Ликчиз *(голос его слышен из кабинета)*. Подождите пять минут, и я его привезу.

Бланш хватает какое-то рукоделье из корзинки и сидит выпрямившись и молча, делая вид, что шьет. Ликчиз входит в гостиную, продолжая разговор с Сарторисом, который идет за ним следом.

Он тут живет, за углом, на Гауэр-стрит; а мой экипаж ждет у подъезда. С вашего позволения, мисс Бланш. *(Осторожно тянет свое пальто.)*

Бланш *(встает)*. Простите, пожалуйста. Надеюсь, я его не помяла.

Ликчиз *(надевая пальто, галантно)*. Сделайте одолжение, мисс Бланш! Был бы счастлив, если бы вы

его еще помяли — сейчас, например! Не прощайтесь со мной, мисс, я скоро вернусь и парочку друзей привезу с собой. Пока, Сарториус! Я мигом! (*Уходит.*)

Сарториус оглядывается, ища книгу.

Б л а н ш . Я думала, ты покончил с Ликчизом.

С а р т о р и у с . Нет, еще не совсем. Он тут оставил мне брошюру для просмотра, большую, в синей обложке. Горничная что ли убрала? (*Видит брошюру за каминной решеткой, смотрит на Бланш и добавляет.*) Ты ее не видала?

Б л а н ш . Нет... да... (*Сердито.*) Нет, не видала. Какое мне до нее дело?

Сарториус достает брошюру, стряхивает с нее пепел, спокойно садится и читает; пробежав взглядом несколько страниц, кивает, словно найдя именно то, чего ожидал.

С а р т о р и у с . Подумай, Бланш, как это странно, что господа из парламента, которые пишут эти брошюры, до такой степени ничего не смыслят в практической жизни. Ведь прочитав это, так можно подумать, что мы с тобой — самая алчная, прижимистая, бессердечная парочка на свете!

Б л а н ш . Это неправда, что тут написано? О состоянии домов?

С а р т о р и у с (*спокойно*). О нет, это чистая правда.

Б л а н ш . Но мы в этом не виноваты?

С а р т о р и у с . Видишь ли, Бланш, если бы я отремонтировал как следует эти дома, пришлось бы повесить квартирную плату настолько, что бедняки не смогли бы ее платить и остались бы на улице, без крова.

Б л а н ш . Ну так выгони их вон и пусти приличных жильцов. С какой стати нам терпеть неприятности из-за того, что мы даем кров всяким нищим?

С а р т о р и у с (*широко раскрывает глаза*). Это несколько жестоко по отношению к ним. Ты не находишь, дитя мое?

Б л а н ш . Ах, я ненавижу бедняков. По крайней мере вот таких грязных, пьяных оборванцев, которые живут как свиньи. Если непременно нужно о них заботиться, пусть это делают другие. Как можно ожидать, чтобы люди нас уважали, когда про нас пишут такие вещи, как в этой мерзкой брошюре?

Сарториус (*холодно, с оттенком грусти в голосе*). Я вижу, что мне удалось сделать из тебя настоящую леди, Бланш.

Бланш (*вызывающе*). Ты жалеешь об этом?

Сарториус. Нет, дорогая, конечно нет. Но знаешь ли ты, что моя мать была очень бедна, и в своей бедности не она была виновата?

Бланш. Может быть, но те, с кем мы хотим водить знакомство, этого не знают. А я в этом тоже не виновата и не понимаю, почему я должна из-за этого страдать.

Сарториус (*в гневе*). Кто это вас заставляет страдать, мисс? Где б ты была сейчас, если б твоя бабушка не простаивала по тринадцать часов в день у корыта, чтобы только поднять меня на ноги, почитая себя богатой, когда ей удавалось заработать пятнадцать шиллингов в неделю?

Бланш (*сердито*). Жила б, наверно, так же, как она, вместо того чтобы жить лучше. А по-твоему, нужно залезть обратно в эти трущобы — вот те, что здесь описаны, и копошиться там в грязи в память бабушки? Мне противно об этом думать! Я знать об этом ничего не хочу! Я тебя за то и люблю, что ты воспитал меня для лучшей участи! (*В сторону, отворачиваясь.*) Я бы возненавидела тебя, если б ты этого не сделал.

Сарториус (*сгается*). Хорошо, дитя мое. Должно быть, для тебя, при твоём воспитании, естественно так чувствовать. Так именно и чувствуют настоящие леди. Не будем ссориться из-за этого. Больше тебе не придется страдать. Я решил отремонтировать эти дома и впредь пускать квартирантов совсем другого сорта. Ну? Ты довольна? Я только жду согласия владелицы земельных участков, на которых они построены, — леди Роксдэл.

Бланш. Леди Роксдэл?

Сарториус. Да. Но я рассчитываю, что и держатель закладной возьмет на себя часть риска.

Бланш. Держатель закладной! Ты хочешь сказать... (*Не решается закончить. Сарториус делает это за нее.*)

Сарториус. Гарри Тренч, да. И заметь, Бланш, если он одобрит мой план, мне придется встречаться с ним на дружеской ноге.

Бланш. И приглашать его к нам в дом?

Сарториус. Только по делу. Ты можешь не выходить к нему, если не хочешь.

Бланш (*очень взволнована*). Когда он придет?

Сарториус. Тут нельзя терять время. Ликчиз поехал за ним.

Бланш (*в смятении*). Так он сейчас будет здесь! Что мне делать?

Сарториус. Советую тебе поздороваться с ним, как будто ничего не произошло, а затем уйти и не мешать нашему деловому разговору. Или ты боишься встретиться с ним?

Бланш. Боюсь! Нет, я не боюсь. Еще бы я стала бояться! Но...

Голос Ликчиза (*за дверью*). Прямо, прямо, доктор. Вы тут еще ни разу не бывали, но я-то знаю этот дом, как свой собственный.

Бланш. Они уже приехали. Не говори, что я тут. (*Убегает в кабинет.*)

Входит Ликчиз, а с ним Тренч и Кокэйн. Кокэйн с чувством жмет руку Сарториусу. Тренч, какой-то огрубевший и надутый, — видно, он еще не примирился с нанесенной ему обидой, — коротко и сухо кланяется Сарториусу. Общую неловкость несколько рассеивает Ликчиз, который говорит без умолку, пока все они рассаживаются вокруг большого стола: Тренч ближе к камину, Кокэйн к роялю, а остальные между ними; Ликчиз рядом с Кокэйном.

Ликчиз. Ну, вот мы опять все вместе. Собрание друзей! Мистера Кокэйна вы помните? Он теперь со мной работает, помогает мне, как друг, насчет писем и прочего. Секретарь, одним словом. Я-то не Бог весть какой писатель, литературного слога у меня нет, вот он и подпускает его куда надо, в письма или там в проспекты и объявления. Верно, Кокэйн? Что ж, зазорного в этом ведь ничего нет. Вот он мне и сегодня помог — уговорил своего старого приятеля, доктора Тренча, насчет того дельца, о котором мы с вами беседовали.

Кокэйн (*с видом непокупной добродетели*). Нет, мистер Ликчиз, я его не уговаривал. Нет. Для меня это принципиальный вопрос. Я сказал ему: Гарри, это ваш долг — ваш долг! — превратить эти омерзительные конуры в удобные и благоустроенные жилища. Ваша обязанность, как человека науки, содействовать оздоровлению общества. В вопросах долга нет места уговорам, даже со стороны лучшего друга.

Сарториус (*Тренчу*). Я тоже, как прекрасно выразился мистер Кокэйн, смотрю на это как на свою обязанность; обязанность, которой я, быть может, слишком

долго пренебрегал из сострадания к беднейшим нашим квартирантам.

Ликчиз. А конечно, обязанность, это же ясней ясного, джентльмены. Долг! В делах я, знаете ли, сам жох, своего никому не уступаю. Но раз долг — тут уж не поспоришь!

Тренч. Не знаю, почему это сейчас мой долг, а четыре месяца тому назад не было моим долгом? Для меня это просто вопрос выгоды.

Кокэйн. Стыдитесь, Гарри, стыдитесь! Позор!

Тренч. Заткнитесь, дурак!

Кокэйн вскакивает.

Ликчиз (*хватая его за полу и удерживая на месте*). Легче, легче, мистер секретарь. Доктор Тренч пошутил.

Кокэйн. Я требую, чтобы он взял назад свои слова! Меня назвали дураком!

Тренч (*мрачно*). А вы и есть дурак!

Кокэйн. В таком случае вы набитый дурак! Вот вам!

Тренч. Очень хорошо. Этот вопрос, значит, улажен.

Кокэйн, фыркнув, садится.

Я хочу сказать вот что. Нечего тут разводить канитель. Насколько я понимаю, Робинс Роу решено снести и на ее месте проложить новую улицу с выходом на набережную; и вся штука в том, чтобы нам получить побольше компенсации.

Ликчиз (*ухмыляется*). Правильно, доктор Тренч. В самую точку.

Тренч (*продолжает*). И, по-видимому, положение такое: чем грязней дом, тем больше от него дохода, а чем он чище, тем большую за него дают компенсацию. Поэтому долой грязь и да здравствует чистота.

Сарториус. Я бы не стал, пожалуй, употреблять столь резкие выражения, но...

Кокэйн. Совершенно справедливо, мистер Сарториус, совершенно справедливо! Трудно найти более безвкусные, более бестактные выражения!

Сарториус. Тут я с вами не согласен, мистер Кокэйн! Доктор Тренч говорит откровенно, как деловой человек. Я смотрю шире — как общественный деятель. Мы живем в век прогресса, когда гуманные идеи полу-

чают все более широкое распространение: это нужно принять в расчет. Но практические выводы у меня те же, что и у него. А при данных обстоятельствах я не счел бы себя вправе требовать большой компенсации.

Ликчиз. Ну да. А если бы и потребовали, так вам бы не дали. Позвольте, я вам объясню, доктор Тренч. Весь фокус, видите ли, в том, что церковные советы имеют законное право совать нос в такие вот дома, где живет всякая голь перекатная, и вполне могут испортить нам всю музыку. В доброе старое время это не имело значения, потому что церковные советы — это были мы сами. Ни про какие выборы тогда и слуху не было, а просто приходили мы все десять человек в одну комнату, да и выбирали друг друга; а потом делали все что нам угодно. Ну, эта лошадка больше не играет: короче говоря, таким людям, как вы и мистер Сарториус, тут больше делать нечего. Мой вам совет — воспользуйтесь случаем и развяжитесь с этими домами. В том корпусе, что на углу Крибс-Маркет, сделайте ремонт, не пожалейте денег, пусть хоть с виду будет этакий образцовый жилой дом. А другой корпус сдайте мне под склады для Северо-Лондонских мясохладобоев. Не пройдет и двух лет, как эти дома снесут, чтобы очистить место для новой магистрали, которая перережет город с севера на юг, и вам выплатят компенсацию в двойном размере против нынешней их стоимости плюс расходы по ремонту. А оставите так, как есть, — вас того и гляди оштрафуют да еще притянут к суду, а дома все-таки снесут. Так что ловите момент.

Кокэйн. Слушайте, слушайте! Слушайте! Превосходно сформулировано с деловой точки зрения! Я понимаю, Тренч, что моральная сторона дела вас не интересует, но коммерческие соображения мистера Ликчиза и для вас должны быть убедительны.

Тренч. Но почему вы не можете обойтись без меня? Какое мне до всего этого дело? Я ведь только держатель закладной.

Сарториус. В этой комбинации есть известный риск, доктор Тренч. Допустим, совет графства решит в конце концов проложить улицу в другом месте. Тогда все, что мы затратим на ремонт, будет выброшенные деньги! Хуже чем выброшенные, потому что квартиры могут полгода простоять пустыми или их удастся сдать не все. А вы по-прежнему будете требовать свои семь годовых.

Тренч. Надо же человеку жить.

Кокэйн. Je n'en vois pas la nécessité¹.

Тренч. Молчите, Билли! Или хоть говорите на языке, который понимаете. Нет, мистер Сарториус. Я очень был бы рад войти с вами в компанию, но не могу. Мне это не по карману. Так что вопрос исчерпан.

Ликчиз. Ну, одно только могу сказать,— что вы очень неразумный молодой человек.

Кокэйн. Ага! Что я вам говорил, Гарри?

Тренч. Простите, а какое вам до этого дело, мистер Ликчиз?

Ликчиз. Мы живем в свободной стране; каждый имеет право высказывать свое мнение.

Кокэйн восклицает: «Правильно! Правильно!»

А где же ваше сочувствие беднякам, доктор Тренч? Вспомните, как вы это близко приняли к сердцу, когда я вам в первый раз про них рассказал? А теперь вы их, значит, совсем не жалеете?

Тренч. Бросьте. На это вы меня не подденете. Вы мне очень убедительно доказали, что в нашем деле не приходится разводить сантименты, а теперь, когда вам понадобился мой капитал для ваших спекуляций, так, смотри ты, какие стали филантропы! Нет, я получил хороший урок и впредь намерен крепко держаться за свои денежки. У меня их и так не слишком много.

Сарториус. По правде сказать, доктор Тренч, я могу обойтись и без вашего согласия. Мне нетрудно будет достать денег в другом месте и выкупить у вас закладную. И тогда — раз уж вы так боитесь риска — помещайте ваши десять тысяч фунтов в государственные бумаги и получайте двести пятьдесят фунтов в год вместо семисот.

Тренч, окончательно загнанный в тупик, растерянно смотрит на него. Молчание нарушает Кокэйн.

Кокэйн. Вот, Гарри, к чему приводит скупость. Двух третей вашего дохода как не бывало. И поделом вам, поделом.

Тренч. Это все очень хорошо, но я одного не понимаю. Если вы можете проделать со мной такую штуку, почему вы давно этого не сделали?

¹ Не вижу в том необходимости (фр.).

Сарториус. Потому, что другому кредитору, вероятно, пришлось бы платить такие же проценты, так что я ничего бы не выиграл, а вы потеряли бы свыше четырехсот фунтов, что для вас весьма чувствительный урон. А я не имел никакого желания поступать с вами не подружески; я б и сейчас не стал, если б меня не вынуждали обстоятельства, о которых упоминал мистер Ликчиз. А кроме того, доктор Тренч, одно время я питал надежду, что нас будут соединять еще более тесные узы, чем узы дружбы.

Ликчиз (*вскакивая, с облегчением*). Ну, слава Богу! Выпустили, наконец, кота из мешка. Извините, доктор Тренч. Извините, мистер Сарториус, прошу прощения за мою вольность, сэр. Почему бы доктору Тренчу не жениться на мисс Бланш? Все бы и уладилось как нельзя лучше!

Общее волнение. Ликчиз садится с торжествующим видом.

Кокэйн. Вы забываете, мистер Ликчиз, что молодая девица, с чьим вкусом приходится считаться, категорически возражает против такого жениха.

Тренч. Ишь ты! Вы, может, думаете, что она пленилась вашей особой?

Кокэйн. Я этого не сказал, Тренч. Ни один деликатный человек не позволит себе таких намеков. У вас грубый ум, Тренч, грубый ум.

Тренч. Ладно, Кокэйн. Свое мнение о вашем уме я уже высказал.

Кокэйн (*в бешенстве вскакивает*). А я уже высказал свое о вашем! Могу повторить! Всегда готов это сделать!

Ликчиз. Полноте, мистер секретарь. Мы с вами люди семейные, где уж нам заглядываться на молодых девиц. Но мисс Бланш я знаю: на дела у нее острый глаз, отцовский! Объясните ей, в чем тут штука, и она сама поладит с доктором Тренчем. Почему бы и не внести в дела капельку поэзии, раз это не требует лишних затрат? У нас ведь у каждого есть сердце, не просто же мы счетные машины.

Сарториус (*возмущен*). То есть вы предлагаете, Ликчиз, чтобы моя дочь пошла в придачу к денежной сделке между вами?

Ликчиз. Э, Сарториус, не становитесь вы на ходули, словно вы только один отец на свете. У меня тоже есть

дочь, и отцовские чувства я понимаю не хуже вашего. А предлагаю я только то, что может составить счастье мисс Бланш и доктора Тренча.

Кокэй н. Мистер Сарториус, Ликчиз внешне, может быть, несколько грубоват, но у него золотое сердце. И говорит он дело. Если мисс Сарториус действительно способна питать чувства к Гарри, то я со своей стороны не нахожу никаких возражений.

Тренч. Вы-то еще куда суετε свой нос?

Ликчиз. Спокойней, доктор Тренч, спокойней. Мы ждем вашего ответа. Хотите ли вы по-прежнему жениться на мисс Бланш, если она будет согласна?

Тренч (сухо). Не знаю. Не уверен, что хочу.

Сарториус в негодовании встает.

Ликчиз. Минуточку, мистер Сарториус. (Тренчу.) Вы не уверены, что хотите... Так. Ну, а уверены ли вы, что не хотите? Вот что нам нужно знать.

Тренч (брезгливо). Я вообще не желаю, чтобы мои отношения с мисс Сарториус припутывались к этой сделке. (Встает и отходит от стола.)

Ликчиз (встает). Правильно. Вот это ответ джентльмена. (Вкрадчиво.) Вы не обидитесь, доктор Тренч, если мы с хозяином и с Кокэйном перейдем на минутку в кабинет — набросать условия сдачи этих домов под склады для Северо-Лондонских мясохладобоев?

Тренч. Пожалуйста, мне-то что. Я уйду. Говорить больше не о чем.

Ликчиз. Нет, нет, не уходите. Подождите минутку: мы с Кокэйном живо отделаемся и подвезем вас до дому. Подождете? Сделайте такую милость.

Тренч. Ладно, подожду.

Ликчиз (весело). Ну я же знал!

Сарториус (у дверей в кабинет, пропуская вперед Кокэйна). Прошу вас, сэр.

Кокэйн благодарит поклоном и проходит в кабинет.

Ликчиз (в дверях, на ухо Сарториусу). Нет, Сарториус, такого управителя, как я, вам уже не сыскать! А? (Посмеиваясь проходит в кабинет, Сарториус за ним.)

Тренч, оставшись один, настороженно оглядывается и прислушивается, затем на цыпочках подходит к роялю и, облокотившись на крышку,

рассматривает портрет Бланш. Через миг в дверях появляется сама Б л а н ш. Увидев, чем он занят, она тихонько притворяет дверь и подкрадывается к нему сзади, пристально следя за каждым его движением. Он выпрямляется, снимает портрет с мольберта и хочет его поцеловать, но сперва воровато оглядывается, желая убедиться, что его никто не видит, и вдруг замечает Бланш, уже подошедшую к нему вплотную. Он роняет портрет и в полной растерянности, смотрит на нее.

Б л а н ш *(сварливо)*. Ну? Вы, значит, опять сюда явились. Хватило у вас низости снова прийти в этот дом. *(Он краснеет и отступает на шаг. Она безжалостно следует за ним.)* Видно, у вас совсем нет самолюбия! Почему вы не уходите?

Весь красный от обиды, Тренч сердито хватая свою шляпу со стола, но, повернувшись к выходу, видит, что Бланш загородила ему дорогу; волей-неволей ему приходится остановиться.

Ну что же вы? Я вас не держу.

Минуту они стоят друг против друга, совсем близко; она смотрит на него вызывающим, дразнящим взглядом, одновременно приказывая и запрещая ему идти, вся во власти нескрываемого животного возбуждения. Внезапно его осеняет догадка, что истинная подоплека ее свирепости — страсть и что в сущности это объяснение в любви. Глаза его вспыхивают, в углах рта появляется хитрая складка; с нарочитым равнодушием он идет обратно к своему стулу и садится, скрестив руки на груди. Она идет через всю комнату следом за ним.

Ах да, я забыла: вы узнали, что тут можно нажить деньги. Ликчиз вам сказал. Вы, такой бескорыстный, такой гордый, что даже у отца ничего не хотели брать! *(После каждой фразы она останавливается и смотрит, как реагирует на укол ее жертва.)* Вы, конечно, станете меня уверять, что сюда вас привело одно лишь человеколюбие, вы решили осчастливить бедняков тем, что перестроите эти дома.

Тренч сохраняет прежнее положение и не отвечает.

Ну да, когда мой отец вас заставил, а Ликчиз придумал, как сделать, чтобы это было выгодно. О, я знаю папу. И знаю вас. И вот стоило вас поманить, и вы прибежали сюда, в этот дом, где вам отказали, откуда вас выгнали. *(Лицо Тренча омрачается; она это замечает и глаза ее вспыхивают.)* Ага! Этого вы не забыли? Да, да, так оно и было; вы не можете это отрицать. *(Садится и говорит,*

смягчив голее, с притворным состраганием.) Должна вам сказать, что вы представляете собой очень жалкую фигуру, Гарри, очень, очень жалкую.

Услышав, что она назвала его по имени, Тренч немного разжимает руки, и слабая улыбка — предвкушение торжества — появляется на его губах.

А еще такой джентльмен! С такой знатной родней! С такими высокопоставленными знакомствами! Такой щепетильный в вопросе о том, откуда берутся наши деньги! Удивляюсь вам. Честное слово, удивляюсь! Уж, казалось бы, раз другого ничего нет — так хоть чувство собственного достоинства ваши родные могли вам передать! Вы, может быть, думаете, что сейчас играете достойную роль?

Ответа нет.

Уверяю вас, что самую смешную, самую глупую, какая только может быть. Что вам говорить — вы не знаете, что делать — тоже не знаете. Да и правда, что тут скажешь? Трудно оправдать подобное поведение.

Тренч по-прежнему смотрит прямо перед собой и складывает губы, словно собираясь засвистать. Это раздражает Бланш, и она становится подчеркнуто вежливой.

Простите, доктор Тренч; кажется, я вам мешаю? *(Встает.)* Не буду больше вас отвлекать. Вы, по-видимому, чувствуете себя здесь совершенно как дома, и мне можно не извиняться в том, что оставляю вас одного. *(Делает вид, будто идет к двери, но он не трогается с места; тогда она возвращается и подходит к нему сзади.)* Гарри. *(Он не оборачивается; она делает еще шаг к нему.)* Гарри, я хочу, чтобы вы ответили мне на один вопрос. *(Настойчиво, наклоняясь над ним.)* Поглядите мне в лицо.

Ответа нет.

Слышите? *(Кладет руку ему на плечо.)* Поглядите — мне — в лицо. *(Он крепко зажмуривает глаза и усмехается. Она вдруг опускается на колени, прижимаясь грудью к его правому плечу, и, взяв за щеки, силком поворачивает его голову к себе.)* Гарри, что вы делали с моим портретом — вот сейчас, когда вы думали, что вы один? *(Он раскрыва-*

ет глаза, в них светится ликование. Она бросается ему на шею и стискивает его в страстном объятии, спрашивая с яростной нежностью.) Как вы смели трогать мои вещи?

Дверь в кабинет приотворяется, слышны голоса.

Тренч. Кто-то идет.

Бланш одним прыжком усаживается обратно на стул и отодвигает его как можно дальше от Тренча. Кокэйн, Ликчиз и Сарториус выходят из кабинета. Сарториус и Ликчиз подходят к Тренчу. Кокэйн с видом неотразимого сердцееда направляется к Бланш.

Кокэйн. Добрый вечер, мисс Сарториус! Прекрасная погода, не правда ли?.. В честь возвращения блудного сына!

Бланш. Прекрасная, мистер Кокэйн. Очень рада вас видеть. *(Подает ему руну, он галантно подносит ее к губам.)*

Ликчиз *(вполголоса Тренчу, стоя по левую руку от него)*. Что скажете новенького, мистер Тренч?

Тренч *(Сарториусу, который стоит по его правую руку)*. Я с вами, как бы ни обернулось дело. *(Пожимает руку Сарториусу.)*

В дверях показывается горничная.

Бланш. Папа, ужин подан.

Кокэйн. Разрешите мне.

Все выходят — Бланш под руку с Кокэйном, за ними Ликчиз, подхватив с шутовским видом под руку Сарториуса с одной стороны и Тренча с другой.

ПРОФЕССИЯ МИССИС УОРРЕН

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Летний день в Суррее. Садики перед коттеджем на восточном склоне холма к югу от Хэзльмира. Налево и несколько выше — коттедж под соломенной кровлей, с крыльцом и большим решетчатым окном слева от крыльца. Сад обнесен сплошным забором, направо калитка. За забором — деревенский луг, поднимающийся по кособогу до самого горизонта. На крыльце, рядом со скамейкой, сложены садовые стулья. Под окном прислонен к стене дамский велосипед. Направо от крыльца висит гамак между двумя столбиками. Большой полотняный зонт, воткнутый в землю, защищает от солнца молодую девушку, лежащую в гамаке, головой к коттеджу и ногами к калитке. Она читает, делая пометки. Перед гамаком, так, чтобы можно было достать рукой, стоит простой кухонный стул с грудой увесистых книг и солидным запасом бумаги. Из-за угла коттеджа показывается д ж е н т л ь м е н, идущий по лугу. Он уже немолод, похож на художника, одет не по моде, но очень тщательно, чисто выбрит, с живым, впечатлительным лицом, держится вежливо и скромно. Шелковистые черные волосы с сильной проседью. Брови седые, усы черные. Он, по-видимому, не вполне уверен, куда ли идет; подойдя к забору, заглядывает в сад и видит молодую девушку.

Д ж е н т л ь м е н (*снимая шляпу*). Простите. Не можете ли вы сказать мне, где здесь Хайндхед-Вью, дом миссис Алисон?

Молодая девушка (*отрываясь от книги*). Это и есть дом миссис Алисон. (*Опять углубляется в чтение.*)

Д ж е н т л ь м е н. Ах вот как! Быть может... позвольте узнать, не вы ли мисс Виви Уоррен?

Молодая девушка (*резким тоном, приподнявшись на локте, чтоб разглядеть его как следует*). Да, я.

Джентльмен (*робко и миролюбиво*). Я, кажется, помешал вам. Моя фамилия Прэд.

Виви с размаху швыряет книги на стул и соскакивает с гамака.

О, пожалуйста, не беспокойтесь из-за меня.

Виви (*идет к калитке и распахивает ее перед гостем*). Входите, мистер Прэд.

Прэд входит.

Рада вас видеть. (*Она решительно и приветливо пожимает ему руку.*)

Это очень привлекательный образец здравомыслящей, дельной, образованной молодой англичанки средних классов. Ей двадцать два года. Живая, решительная, уверена в себе, хладнокровна. Платье простое, удобное для работы и в то же время изящное. На поясе среди брелочков висит на цепочке вечное перо и разрезальный нож.

Прэд. Вы очень любезны, мисс Уоррен.

Виви с шумом захлопывает калитку. Прэд идет в глубину сада, пошевеливая пальцами, слегка онемевшими от ее пожатия.

Ваша матушка уже приехала?

Виви (*быстро настораживаясь*). А она должна приехать?

Прэд (*в изумлении*). Разве вы нас не ждали?

Виви. Нет.

Прэд. Боже мой, надеюсь, что я не ошибся днем. Я на это способен, знаете ли. Ваша матушка условилась со мной, что она приедет из Лондона, а я приеду из Хоршэма, для того чтобы познакомиться с вами.

Виви (*отнюдь не радостно*). Вот как? Гм! Моя матушка любит делать мне такие сюрпризы; должно быть, проверяет, как я веду себя без нее. Что ж, как-нибудь я ей тоже устрою сюрприз: пусть не затевает ничего, не поставив меня в известность. Она не приехала.

Прэд (*в смущении*). Мне, право, очень жаль.

Виви (*переменив гнев на милость*). Ведь это же не ваша вина, мистер Прэд! Я очень рада, что вы приехали, поверьте мне. Из всех знакомых моей матери вы единственный, кого я просила привезти ко мне.

Прэд (*успокоенный и обрадованный*). Вот это действительно мило с вашей стороны, мисс Уоррен!

В и в и. Хотите войти в дом? Или лучше посидим и поговорим здесь, на воздухе?

Прэд. На воздухе будет гораздо приятнее, как вы думаете?

В и в и. Ну, так я пойду принесу вам стул. *(Идет к крыльцу за садовым стулом.)*

Прэд *(следует за ней)*. Ради Бога! Позвольте мне. *(Завладевает стулом.)*

В и в и *(выпуская стул из рук)*. Берегите пальцы; они довольно-таки каверзные, эти стулья. *(Идет к стулу, на котором лежат книги, сбрасывает их в гамак и одним движением руки переставляет стул вперед.)*

Прэд *(кое-как справившись с раскладным стулом)*. Позвольте мне взять этот жесткий стул! Я люблю жесткие стулья.

В и в и. Я тоже люблю. *(Садится.)* Садитесь, мистер Прэд. *(Приглашение звучит добродушно-повелительно — очевидно, его старание угодить кажется ей просто слабостью характера.)*

Прэд медлит.

Прэд. А не лучше ли нам пойти на станцию встретить вашу матушку?

В и в и *(равнодушно)*. Зачем? Дорогу она знает.

Прэд *(огорченно)*. Да, да, надо полагать. *(Садится.)*

В и в и. А знаете ли, вы именно такой, как я думала. Надеюсь, мы с вами подружимся.

Прэд *(снова просяв)*. Благодарю вас, милая мисс Уоррен, благодарю вас. Боже мой! Как я рад, что ваша матушка не испортила вас!

В и в и. Чем это?

Прэд. Ну, вас могли вырастить очень чопорной. Знаете, милая мисс Уоррен, я прирожденный анархист. Ненавижу всякий авторитет. Это портит отношения между родителями и детьми, даже между матерью и дочерью. Я всегда опасался, что ваша матушка злоупотребит своим авторитетом и воспитает вас в самых строгих приличиях. Как хорошо, что она этого не сделала.

В и в и. А разве я вела себя неприлично?

Прэд. О нет, Боже мой, нет! То есть это не то, что принято считать неприличным, вы же понимаете.

Виви кивает головой.

(Прэд воодушевленно продолжает.) Но как вы это прелестно сказали, что хотите дружить со мной. Вы, современные девушки, замечательный народ, просто замечательный.

Виви. Да? *(Смотрит на него с сомнением, начиная разочаровываться в его уме и характере.)*

Прэд. Когда я был в вашем возрасте, юноши и девушки боялись друг друга; не было товарищеских отношений, ничего настоящего, одна галантность, взятая напрокат из романов, да и то фальшивая и вульгарная до последней степени. Девическая скромность! Рыцарская галантность! Вечно говорили «нет», когда хотелось сказать «да», — суций ад для чувствительных и робких натур!

Виви. Да, могу себе представить. Должно быть, много времени тратилось попусту, особенно у женщин.

Прэд. Да, тратилась попусту жизнь, время, все решительно. Но теперь все идет к лучшему. Знаете, после ваших блестящих успехов в Кембридже я был в таком волнении от предстоящего знакомства с вами, — в мое время это была неслыханная вещь. Как это хорошо, что вы заняли третье место на экзамене по математике. Именно третье. Первое место всегда занимает какой-нибудь рассеянный, чахлый юнец, который заучился чуть ли не до смерти.

Виви. Это себе дороже стоит. В другой раз я бы не взялась держать экзамен за такие деньги.

Прэд *(в ужасе)*. За какие деньги?

Виви. Я выдержала экзамен за пятьдесят фунтов.

Прэд. За пятьдесят фунтов?

Виви. Вы, может быть, не знаете, как это вышло? Мисс Лэтем, моя преподавательница в Ньюнхэме, сказала маме, что я могу отличиться на экзамене по математике, если возьмусь за дело всерьез. А тогда газеты наперебой кричали о Филиппе Соммерс, которая отвоєвала первое место по математике, — да вы, верно, помните, — вот мама и вбила себе в голову, что я должна сделать то же самое. Я сказала ей напрямик, что не стоит тратить время на зубрежку, раз я не собираюсь идти в учительницы, но что за пятьдесят фунтов попробую занять четвертое или пятое место. На этом мы с ней и порешили, хотя без воркотни не обошлось. Я сделала больше, чем обещала, но в другой раз за такие деньги не возьмусь. За двести фунтов — еще куда ни шло.

Прэд *(значительно остыв)*. Боже правый! Какой практический взгляд на вещи!

Виви. А вы разве думали, что я непрактичная?

Прэд. Нет, нет, что вы. Но ведь практический человек должен принять в соображение, что эта высокая честь не только стоит труда, но и обогащает человека!

Виви. Обогащает! Дорогой мистер Прэд, да знаете ли вы, что такое экзамен по математике? Надо зубрить, зубрить и зубрить по шесть, по восемь часов в день математику и только математику. Предполагается, что я что-то смыслю в точных науках; но я не знаю ровно ничего, кроме того, что относится к математике. Я умею делать расчеты для инженеров, электриков, страховых обществ и так далее; но я почти ничего не смыслю ни в технике, ни в электричестве, ни в страховании. Я даже арифметики не знаю как следует. Во всем остальном, кроме математики, тенниса, еды, спанья, езды на велосипеде и ходьбы пешком, я круглая невежда, не лучше других девушек, которые не сдавали математики.

Прэд (*в возмущении*). Какая дикая, гнусная, подлая система! Я так и знал! Я всегда чувствовал, что она должна губить в женщине все прекрасное...

Виви. Ну, против этого я ничуть не возражаю. Мне это только на пользу, уверяю вас.

Прэд. Ба! Каким это образом?

Виви. Я хочу нанять контору в Сити и заняться нотариальными расчетами и делами по передаче имущества. Это будет для меня предлогом изучить юриспруденцию и между делом приглядеться к бирже. Я приехала сюда, чтобы позаниматься на свободе правом, а не отдыхать, как воображает моя мамаша. Терпеть не могу отдыхать.

Прэд. Вас послушать — волосы становятся дыбом! Неужели в вашей жизни совсем нет места ни романтике, ни красоте?

Виви. Мне до них никакого дела нет, уверяю вас.

Прэд. Не может быть.

Виви. Нет, почему же. Я люблю работать, люблю получать деньги за свою работу. Когда устану, люблю удобное кресло, хорошую сигару, стаканчик виски и детективный роман с занимательной интригой.

Прэд (*вскакивает вне себя от возмущения*). Не верю! Я художник, и я не могу этому поверить, отказываюсь верить. Вы, я вижу, еще не знаете, какой чудесный мир открывает перед нами искусство.

Виви. Да нет, знаю. Весной я прожила полтора месяца в Лондоне у Онории Фрззер. Мама думала, что мы вдвоем бегаем по театрам и музеям, а на самом деле я

целыми днями работала у Онории, делала для нее расчеты, помогала ей, насколько это возможно для новичка. По вечерам мы курили и разговаривали и даже не думали никуда выходить, разве только на прогулку. Я замечательно провела время, просто как никогда. Оправдала все свои расходы, да еще познакомилась с делом, не платя за обучение.

Прэд. Но, Боже правый, при чем же тут искусство, мисс Уоррен?

Виви. Поймите! Начала я совсем с другого. Я приехала в город по приглашению одного артистического семейства на Фиджонс-авеню; с одной из дочерей я училась в Ньюхэме. Они водили меня в Национальную галерею...

Прэд (*огобрительно*). Ага! (*Успокоившись, садится на место.*)

Виви (*продолжает*). ...в оперу...

Прэд (*еще более довольный*). Отлично!

Виви. ...и на концерт; там оркестр целый вечер играл Бетховена, Вагнера и тому подобное. Во второй раз я ни за какие коврижки не пошла бы. Из вежливости я терпела три дня, а потом сказала напрямик, что больше не в состоянии выдержать, и уехала на Чэнсери-лэйн*. Теперь вы видите, какая перед вами замечательная современная молодая девица. Как вы думаете, полажу я с моей матерью?

Прэд (*растерявшись*). Ну, я надеюсь, э... э...

Виви. Нет, мне не так уж важно, на что вы надеетесь, а вот что вы думаете, это я хотела бы знать.

Прэд. Откровенно говоря, боюсь, что ваша матушка будет разочарована. Не то чтобы у вас были какие-нибудь недостатки, я вовсе не то хочу сказать... Но вы так не похожи на ее идеал.

Виви. На... что?

Прэд. На ее идеал.

Виви. Какой же у нее идеал?

Прэд. Вы должны были заметить, мисс Уоррен, что люди, недовольные собственным воспитанием, обычно думают, что жизнь станет лучше, если воспитывать молодежь по-другому. А жизнь вашей матушки была... э-э... как вы, вероятно, знаете...

Виви. Ничего я не знаю. С самого детства я живу в Англии, в школе, или в колледже, или у людей, которым платят за то, чтобы они обо мне заботились. Я всю свою жизнь прожила среди чужих; моя мать жила то в Брюсселе, то в Вене и ни разу не позволила мне приехать к

ней. Я вижу ее только тогда, когда она приезжает на несколько дней в Англию. Я не жалею. Ко мне относились хорошо, все это было очень приятно, и денег было всегда много, а с ними легче живется. Но не воображайте, будто я что-нибудь знаю о моей матери. Я знаю гораздо меньше вашего.

Прэд (*чувствуя себя очень неловко*). В таком случае... (*Он умолкает, совершенно растерявшись, затем делает отчаянную попытку перейти на веселый тон.*) К чему, однако, мы все это говорим! Разумеется, вы отлично поладите с вашей матушкой. (*Он встает и лобуется видом.*) У вас тут очаровательные места!

Виви (*непреклонно*). Вы сильно уклонились от темы, мистер Прэд. Почему же нельзя говорить о жизни моей матери?

Прэд. Подумайте сами, мисс Виви. Это так естественно, что я считаю неудобным говорить о моей старой приятельнице с ее дочерью. У вас будет много случаев побеседовать об этом с ней самой, когда она приедет.

Виви. Нет, она тоже не захочет. (*Вставая.*) Не хотите, не надо, я вас не заставляю. Только вот что, мистер Прэд. Нам не обойтись без генерального сражения, когда мать узнает о моем плане основаться на Чэнсери-лэйн.

Прэд (*сокрушенно*). Боюсь, что не обойтись.

Виви. Я это сражение выиграю, потому что мне ничего не нужно, разве только на дорогу до Лондона, а там я начну зарабатывать на жизнь, помогая Онории. Кроме того, у меня нет никаких тайн, а у матери, кажется, есть. Я и это пушу в ход, если понадобится.

Прэд (*глубоко возмущенный*). Нет, нет, ради Бога! Этого никак нельзя.

Виви. Тогда скажите, почему нельзя.

Прэд. Право, ну как же это можно. Я обращаюсь к вашим лучшим чувствам.

Виви улыбается его сентиментальности.

Кроме того, вы, может быть, много берете на себя. С вашей матушкой шутки плохи, если она рассердится.

Виви. Вы меня не запугаете, мистер Прэд. На Чэнсери-лэйн я имела случай изучить двух-трех дам, очень похожих на мою мамашу; они приходили за советом к Онории. Можете держать пари, я непременно выиграю. Но если я, по неведению, задену больше, чем рассчитывала, не забудьте, что вы сами отказались просветить ме-

ня. А теперь переменяем тему. *(Она берет стул и переставляет его обратно к гамаку, так же как и раньше, одним взмахом руки.)*

Прэд *(в отчаянии идет напролом)*. Одно слово, мисс Уоррен. Пожалуй, лучше сказать вам. Это очень нелегко, но...

Миссис Уоррен и сэр Джордж Крофтс подходят к калитке. Миссис Уоррен — женщина лет сорока пяти, видная собой, одета очень крикливо — в яркой шляпке и пестрой, сидящей в обтяжку кофточке с модными рукавами. Порядком избалованная и властная; пожалуй, слишком вульгарная, но в общем весьма представительная и добродушная старая мошенница. Крофтс — высокий, плотный мужчина лет пятидесяти, одет по моде и слишком молодо. Голос гнусавый, гораздо жиже, чем можно ожидать, судя по его мощной фигуре. Гладко выбрит, бульдожьей челюсти, большие плоские уши, толстая шея — замечательное сочетание самых низкопробных разновидностей кутилы, спортсмена и светского человека.

Виви. Вот они. *(Встречает их у калитки.)* Здравствуй, мама. Мистер Прэд уже полчаса тебя дожидается.

Миссис Уоррен. Ну, если вам пришлось ждать, Прэдди, вы сами виноваты: я думала, у вас хватит догадки сообразить, что я поеду с поездом в три десять. Виви, надень шляпу, деточка, ты загорись. Ах, я забыла познатькомить вас. Сэр Джордж Крофтс; моя маленькая Виви.

Крофтс подходит к Виви с самым галантным видом, на какой способен. Она кланяется, не подавая ему руки.

Крофтс. Могу ли я пожать руку молодой особе, с которой я очень давно знаком понаслышке, как с дочерью одной из самых моих старинных приятельниц?

Виви *(недружелюбно меряя его взглядом)*. Если хотите. *(Берет галантно протянутую ей руку и жмет с такой силой, что у Крофтса глаза лезут на лоб; потом отворачивается и говорит матери.)* Хотите войти в дом или принести вам еще пару стульев? *(Идет к крыльцу за стульями.)*

Миссис Уоррен. Ну, Джордж, что вы о ней думаете?

Крофтс *(упав духом)*. Хватка у нее крепкая. Вы с ней за руку здоровались, Прэд?

Прэд. Ничего, это скоро пройдет.

Крофтс. Надеюсь.

Виви несет еще два стула.

(Крофтс спешит ей помочь.) Разрешите мне.

Миссис Уоррен *(покровительственно)*. Пускай сэр Джордж тебе поможет, милочка.

Виви *(сует ему оба стула)*. Вот вам. *(Вытирает руки и обращается к миссис Уоррен.)* Не хотите ли чаю?

Миссис Уоррен *(садится на стул Прэда и обмахивается веером)*. Просто умираю, до того хочется пить.

Виви. Сейчас я это устрою. *(Входит в коттедж.)*

Тем временем сэр Джордж раскладывает один из стульев и ставит его возле миссис Уоррен, слева. Второй стул он бросает на траву, садится и сосет набалдашник. Вид у него удрученный и довольно глупый. Прэд, все еще чувствуя себя очень неловко, топчется справа от них.

Миссис Уоррен *(Прэду, глядя на Крофтса)*. Поглядите-ка на него, Прэдди, просто сердце радуется, верно? Он приставал ко мне целых три года, всю жизнь мне отравил, чтобы я ему показала мою девочку; а теперь, когда его познакомили, он и нос на квинту. *(С живостью.)* Ну же! Сядьте прямо, Джордж, и выньте палку из рта.

Крофтс неохотно подчиняется.

Прэд. Вот что я хочу сказать, если мне будет дозволено: нам пора уже бросить эту привычку считать ее маленькой девочкой. Она ведь выдержала экзамен с отличием; да и, насколько я убедился, она, пожалуй, взрослее нас с вами.

Миссис Уоррен *(весело смеется)*. Послушайте-ка его, Джордж! Взрослее нас с вами! Ну, я вижу, Виви успела вам внушить, какая она важная особа.

Прэд. Молодежь очень ценит, когда к ней относятся с уважением.

Миссис Уоррен. Да, и из молодежи следует выбивать эту дурь, и еще кое-что в придачу. Не вмешивайтесь, Прэдди. Я не хуже вашего знаю, как мне обращаться с моей дочерью.

Прэд, грустно качая головой, уходит в глубь сада, заложив руки за спину.

(Миссис Уоррен притворно смеется, однако глядит ему вслед с заметной тревогой. Крофтсу, шепотом.) Что с ним такое? Чего это он расстроился?

Крофтс *(угрюмо)*. Вы боитесь Прэда?

Миссис Уоррен (*сердито*). Что? Я? Боюсь нашего милейшего Прэдди? Да его ни одна муха не боится.

Крофтс. А вот вы его боитесь.

Миссис Уоррен (*сердито*). Я попрошу вас не соваться куда не следует и не срывать зло на мне, когда вы не в духе. Вас-то уж я ни в коем случае не боюсь. Если вы не желаете быть любезным, отправляйтесь лучше домой. (*Она встает и, повернувшись к нему спиной, оказывается лицом к лицу с Прэдом.*) Ну, Прэдди, я же знаю, что всему виной ваше доброе сердце. Вы боитесь, что я с ней буду резка.

Прэд. Милая Китти, вам кажется, что я обиделся. Напрасно вы так думаете, право напрасно. Ведь вы знаете, я подчас замечаю много такого, что ускользает от вас; и хотя вы никогда не слушаете моих советов, все же сознаетесь иногда, что следовало бы послушать.

Миссис Уоррен. Так что же вы заметили теперь?

Прэд. Только то, что Виви взрослая женщина. Пожалуйста, Китти, отнеситесь к ней со всем возможным уважением.

Миссис Уоррен (*искренне изумлена*). С уважением! Относиться с уважением к моей собственной дочери? Еще чего не угодно ли?

Виви (*показывается в дверях коттеджа и зовет миссис Уоррен*). Мама, не хотите ли до чая пройти в мою комнату и снять шляпу?

Миссис Уоррен. Да, милочка. (*Она снисходительно улыбается Прэду и, проходя мимо него к крыльцу, треплет его по щеке.*) Не сердитесь, Прэдди. (*Входит в дом вслед за Виви.*)

Крофтс (*торопливо*). Послушайте, Прэд!

Прэд. Да?

Крофтс. Я хочу задать вам довольно щекотливый вопрос.

Прэд. Пожалуйста. (*Берет стул миссис Уоррен и подсаживается вплотную к Крофтсу.*)

Крофтс. Правильно: они могут услышать нас из окна. Послушайте, Китти никогда не говорила вам, кто отец этой девушки?

Прэд. Никогда.

Крофтс. У вас нет подозрений, кто бы это мог быть?

Прэд. Ни малейших.

Крофтс (*не веря ни единому слову*). Я, разумеется, понимаю, вы, быть может, считаете своей обязанностью

молчать, если она вам даже что-нибудь и сказала. Но такое неопределенное положение очень неудобно терпеть, когда мы будем видеться с мисс Уоррен каждый день. Почему мы знаем, как нам следует к ней относиться?

Прэд. Не все ли это равно? Будем относиться к ней так, как она того заслуживает. Какое нам дело, кто был ее отец?

Крофтс (*погозрительно*). Так, значит, вы знаете, кто он был?

Прэд (*с прорывающимся раздражением*). Я же только что сказал, что не знаю. Разве вы не слышали?

Крофтс. Послушайте, Прэд... Ну, прошу вас, сделайте мне такое одолжение. Если вы знаете...

Протестующее движение со стороны Прэда.

Я только говорю, если вы знаете, вы могли бы хоть успокоить меня на ее счет.

Прэд (*сурово*). Что вы этим хотите сказать?

Крофтс. Дело в том, что меня к ней тянет. О, не пугайтесь: это вполне невинное чувство. Вот это-то меня и удивляет. Потому что, насколько мне известно, я и сам мог бы быть ее отцом.

Прэд. Вы? Не может быть!

Крофтс (*ловит его на слове*). Вы наверное знаете, что это не я?

Прэд. Я ничего на этот счет не знаю, во всяком случае не больше вашего. В самом деле, Крофтс... да нет, это просто немыслимо. Ни малейшего сходства.

Крофтс. Ну, что до этого, так между ней и ее матерью тоже ни малейшего сходства, сколько я вижу. А может быть, вы ее отец, а?

Прэд (*возмущенно поднимаясь*). Что вы, Крофтс!

Крофтс. Почему же вы обижаетесь, Прэд! Ведь мы с вами люди светские.

Прэд (*сделав над собой усилие, говорит мягко и серьезно*). Выслушайте меня, дорогой Крофтс. (*Снова садится.*) Я не имею никакого отношения к этой стороне жизни миссис Уоррен и никогда не имел. Она не говорила со мной на эту тему, а я, разумеется, ее не расспрашивал. Ваше чутье подскажет вам, что красивая женщина нуждается в таких друзьях, которые... ну, скажем, дружили бы с ней на иных основаниях. Красота стала бы для нее проклятием, если б всегда действовала без про-

маха. А вы, вероятно, с Китти в более коротких отношениях: вы бы лучше сами ее спросили.

Крофтс. Я ее спрашивал, и не раз. Но она твердо решила ни с кем не делить свою дочь, и если бы это было можно, говорила бы, что у нее совсем нет отца. *(Вставая.)* Меня это очень беспокоит, Прэд.

Прэд *(тоже вставая)*. Ну что ж, во всяком случае по возрасту вы ей годитесь в отцы, а потому давайте решим относиться к мисс Виви по-отечески, как к молоденькой девушке, которую оба мы обязаны беречь и защищать. Ну, что вы на это скажете?

Крофтс *(ворчливо)*. Я не старше вас, если уж на то пошло.

Прэд. Нет, мой милый, вы старше; вы родились стариком. А я родился мальчишкой; я никогда в жизни не был уверен в себе, как полагается взрослому человеку.

Миссис Уоррен *(зовет из коттеджа)*. Прэдди! Джордж! Чай пи-и-ть!

Крофтс *(торопливо)*. Она нас зовет. *(Бежит к дому.)*

Прэд озабоченно качает головой и не спеша идет вслед за ним, но тут его окликает молодой человек, который только что появился на лугу и направляется к калитке. Это очень милый молодой человек лет двадцати, красивый, изящно одетый и совершенно ни к чему не пригодный, с приятным голосом и добродушно-фамильярными манерами; в руках у него охотничье ружье.

Молодой человек. Эй, Прэд!

Прэд. Боже мой, Фрэнк Гарднер?

Фрэнк входит в сад к дружески здоровается с Прэдом.

Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Я в гостях у папы.

Прэд. У папы римского?

Фрэнк. Да, он здешний пастор. Этой осенью я живу у своих, экономии ради. В июле я дошел до точки. Папе римскому пришлось заплатить за меня долги. Поэтому он сидит теперь на мели, и я вместе с ним. А вас как сюда занесло? У вас тут есть знакомые?

Прэд. Да, я приехал в гости к мисс Уоррен.

Фрэнк *(с восторгом)*. Как? Да разве вы знаете Виви? Это такая прелесть! Я учу ее стрелять — видите? *(Показывает ружье.)* Очень рад, что она с вами знакома; вы как раз подходящее для нее знакомство. *(Улыбается,*

и его приятный голос становится певучим, когда он восклицает.) Нет, как это здорово, что вы здесь, Прэдди!

Прэд. Я старый знакомый ее матушки. Миссис Уоррен пригласила меня сюда, чтобы познакомиться с дочерью.

Фрэнк. Ее матушка? Да разве она здесь?

Прэд. Да, в доме, пьет чай.

Миссис Уоррен (*зовет из глубины дома*). Прэдди-и! Пирог остынет!

Прэд (*отзывается*). Да, миссис Уоррен. Сию минуту. Я встретил знакомого.

Миссис Уоррен. Кого?

Прэд (*громче*). Знакомого.

Миссис Уоррен. Ведите его сюда.

Прэд. Хорошо. (*Фрэнку*.) Ну как? Принимаете приглашение?

Фрэнк (*с сомнением, но заранее радуясь*). Это и есть мамаша Виви?

Прэд. Да.

Фрэнк. Ну и ну! Вот так потеха! Как, по-вашему, я ей понравлюсь?

Прэд. Не сомневаюсь, что вы и здесь, как везде, добьетесь успеха. Войдите и попробуйте. (*Идет к двери*.)

Фрэнк. Постойте. (*Серьезно*.) Я хочу вам доверить тайну.

Прэд. Не надо. Опять какая-нибудь новая глупость, вроде кельнерши в Редхилле.

Фрэнк. Ну нет, это куда серьезнее. Скажите, вы только сегодня познакомились с Виви?

Прэд. Да.

Фрэнк (*восторженно*). Ну, так вы понятия не имеете, что это за девушка! Какой характер! Какой здравый смысл! А какая умница! Нет, Прэд, это такая умница, скажу я вам! И к тому же... надо ли вам говорить... влюблена в меня.

Крофтс (*высовывается из окна*). Послушайте, Прэд, где вы там застряли? Идите сюда. (*Скрывается*.)

Фрэнк. Ну и тип! На собачьей выставке ему наверняка дали бы награду. Кто это такой?

Прэд. Сэр Джордж Крофтс, старый знакомый миссис Уоррен. Идемте скорее в дом.

По дороге к дому их останавливает оклик из-за калитки. Они оборачиваются: через забор на них смотрит пожилой п а с т о р.

Пастор (*зовет*). Фрэнк!

Фрэнк. Да! *(Прэду.)* Папа римский. *(Пастору.)* Да, да, родитель, сейчас иду, хорошо. *(Прэду.)* Послушайте, Прэд, ступайте-ка вы пить чай. Я скоро приду.

Прэд. Очень хорошо. *(Входит в дом.)*

Пастор стоит, облокотившись на калитку. Достопочтенному Сэмюэлю Гарднеру, пастору англиканской церкви, за пятьдесят. Внешне это претенциозный, шумливый, надоедливый человек. По существу — отмирающее социальное явление: сын неудачник, пристроенный отцом к духовному сословию. Он тщетно пытается утвердить свой авторитет главы семейства и пастыря церкви и не способен внушить к себе уважение ни в той, ни в другой роли.

Пастор. Ну, сэр? С кем вы тут водите знакомство, позвольте вас спросить?

Фрэнк. Ничего, родитель, все в порядке, идите сюда.

Пастор. Нет, сэр, не войду, пока не узнаю, чей это сад.

Фрэнк. Ничего, ничего. Это сад мисс Уоррен.

Пастор. Она, кажется, ни разу не заглянула в церковь, как приехала.

Фрэнк. Ну конечно; она передовая женщина и в науках ушла дальше вас, отличилась по математике; зачем же она пойдет слушать вашу проповедь?

Пастор. Что за неуважение, сэр?

Фрэнк. Не беда, нас никто не слышит. Входите. *(Открывает калитку и бесцеремонно втаскивает отца в сад.)* Я хочу вас с ней познакомить. Родитель, вы помните, что вы мне советовали в июле?

Пастор *(строго.)* Да, помню. Я советовал вам преодолеть свою лень и ветренность, избрать себе достойную профессию и работать, для того чтобы не сидеть на моей шее, а жить своим трудом.

Фрэнк. Нет, это вы придумали после. А тогда вы сказали, что так как у меня нет ни ума, ни денег, то мне всего лучше будет воспользоваться моей красотой и жениться на какой-нибудь особе, у которой имеется и то и другое. Ну, так вот. Мисс Уоррен умна — этого вы не можете отрицать.

Пастор. Одного ума тут мало.

Фрэнк. Разумеется, мало; есть и деньги.

Пастор *(сурово прерывает его.)* Я думал не о деньгах, сэр. Я имел в виду нечто не столь низменное — например, общественное положение.

Фрэнк. Я за ним не гонюсь.

Пастор. А я гонюсь, сэр.

Фрэнк. Вас никто и не просит на ней жениться. Во всяком случае она заняла в Кембридже одно из первых мест, и денег у нее, кажется, сколько угодно.

Пастор (*снисходит до попытки состричь*). Очень сомневаюсь, чтобы у нее было столько денег, сколько вам требуется.

Фрэнк. Ну что вы, я вовсе уж не такой расточитель. Живу я очень скромно — не пью, почти не держу пари и не жуирую напропалую, как вы жуировали в мои годы.

Пастор (*грозно, но без достаточной уверенности*). Молчать, сэр!

Фрэнк. Когда я разыграл дурака из-за кельнерши в Редхилле, вы же сами мне говорили, что предлагали одной даме пятьдесят фунтов за ваши письма к ней...

Пастор (*в ужасе*). Ш-ш-ш, Фрэнк, ради Бога! (*Боязливо оглядывается по сторонам. Уверившись, что никто не подслушивает, опять собирается с духом и начинает грозно, но более пониженным тоном.*) Ты поступил не по-джентльменски. Ты воспользовался тем, что я доверил тебе для твоего же блага, чтобы спасти тебя от ошибки, в которой ты каялся бы всю жизнь. Остерегись ошибок твоего отца и не оправдывай ими своих собственных.

Фрэнк. Вы слышали анекдот насчет писем герцога Веллингтона?*

Пастор. Нет, не слышал и слышать не желаю.

Фрэнк. Железный Герцог не выбросил на ветер пятьдесят фунтов, старик был не из таковских. Он просто-напросто написал: «Дорогая Дженни! Печатай, черт с тобой. Твой любящий Веллингтон». Вот бы и вам так.

Пастор (*жалобно*). Фрэнк, мой мальчик, написав эти письма, я оказался во власти этой женщины. А рассказав тебе о них, я, к сожалению, очутился до некоторой степени в твоей власти. Она не взяла денег, и я никогда не забуду ее слов: «Знание — сила, и я его не продам». С тех пор прошло больше двадцати лет, а она так и не воспользовалась своей властью и не доставила мне ни минуты беспокойства. Ты со мной поступаешь хуже, чем она, Фрэнк.

Фрэнк. Ну еще бы! Ведь вы ее не допекали каждый день проповедями, как допекаете меня.

Пастор (*уязвленный чуть ли не до слез*). Прощайте, сэр. Вы неисправимы. (*Идет к калитке.*)

Фрэнк (*нисколько не расстроженный*). Скажите там, что я не вернусь домой к чаю, сделайте мне такое одол-

жение, родитель! (*Идет к дому, навстречу ему выходит Виви, за ней Прэд и Крофтс.*)

Виви (*Фрэнку.*) Это ваш отец, Фрэнк? Я очень хочу с ним познакомиться.

Фрэнк. Разумеется. (*Кричит вслеп отцу.*) Родитель!

Достопочтенный Сэмюэль у калитки оборачивается, растерянно хватаясь за шляпу. Прэд подходит с другой стороны сада и заранее сияет, предвидя обмен любезностями.

Позвольте познакомиться вас: мой отец — мисс Уоррен.

Виви (*подходит к пастору и пожимает ему руку.*) Очень рада видеть вас, мистер Гарднер. (*Зовет, обращаясь в сторону коттеджа.*) Мама, пойдите сюда, вы нам нужны.

Миссис Уоррен появляется на пороге и, узнав пастора, на мгновение застывает от неожиданности.

Виви (*продолжает*). Позвольте вас познакомиться...

Миссис Уоррен (*налетая на достопочтенного Сэмюэля*). Да ведь это Сэм Гарднер! Скажите, пожалуйста, пастором стал! Не узнаете нас, Сэм? Это Джордж Крофтс, собственной персоной, только вдвое толще прежнего. А меня вы помните?

Пастор (*весь побагровев*). Я, право... э-э...

Миссис Уоррен. Ну конечно, помните. У меня до сих пор хранится папка ваших писем, я недавно на них наткнулась.

Пастор (*готовый провалиться сквозь землю*). Мисс Вавасур, кажется?

Миссис Уоррен (*быстро останавливает его громким шепотом*). Ш-ш! Что вы! Миссис Уоррен... разве вы не видите, что здесь моя дочь?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В коттедже, после захода солнца. Если смотреть изнутри дома на восток, а не снаружи, на запад, то решетчатое окно с задернутыми занавесками приходится посредине передней стены коттеджа, а входная дверь — слева. В боковой стене слева — дверь, ведущая в кухню. В глубине, у той же стены, — буфет, на нем спички и свеча; рядом, прислоненное к полке, стоит ружье Фрэнка. Посредине комнаты — стол с зажженной лампой. Книги и бумаги Виви лежат на другом столе, у стены, справа от окна. Камин, с правой стороны широкая скамья; огня в камине нет. Два стула стоят справа и слева от стола. Дверь коттеджа открывается; видно, что

на дворе звездная ночь. Входит миссис Уоррен, закутанная в шаль Виви, за ней идет Фрэнк. Она устала, ей надоело гулять, и она с облегчением вздыхает; откалывает шляпу, снимает ее, втыкает булавку в тюль и кладет шляпу на стол. Фрэнк швыряет кепи на подоконник.

Миссис Уоррен. О Господи! Не знаю, право, что на даче хуже — гулять или сидеть дома сложа руки? Я бы с удовольствием выпила виски с содовой, если б оно водилось в здешних местах.

Фрэнк. Может быть, у Виви найдется?

Миссис Уоррен. Какие глупости! На что может понадобиться виски такой молоденькой девушке? Ну да ладно, не беда. Удивляюсь, как она может здесь жить! Нет, в Вене гораздо веселей.

Фрэнк. Поедьте со мной в Вену. *(Он помогает миссис Уоррен снять шаль и при этом галантно обнимает ее за плечи.)*

Миссис Уоррен. Да ну вас! Я вижу, яблоко от яблони недалеко падает.

Фрэнк. А что? Я напоминаю вам родителя? *(Вешает шаль на спинку стула и садится.)*

Миссис Уоррен. Не ваше дело. Что вы в этом смыслите? Вы же еще мальчишка. *(Отходит к камину, поглядывая от соблазна.)*

Фрэнк. Так едем со мной в Вену, а? Вот было бы весело.

Миссис Уоррен. Нет, спасибо. В Вене вам не место, сперва подрастите немножко. *(Кивком головы подчеркивает этот совет. Фрэнк делает жалобную гримасу, но глаза его смеются. Миссис Уоррен смотрит на него, потом встает и подходит ближе.)* послушайте-ка вы, мальчик! *(Берет его лицо в свои руки и поворачивает к себе.)* Я вас наизусть знаю, потому что вы вылитый отец; знаю лучше, чем вы сами себя знаете. Так вот, выкиньте меня из головы, оставьте эти глупости. Слышите?

Фрэнк *(нежным голосом, стараясь пленить ее)*. Ничего не могу с собой поделать, миссис Уоррен: это у нас фамильное.

Миссис Уоррен делает вид, что хочет надрать ему уши, с минуту смотрит на красивое, улыбающееся лицо Фрэнка, борясь с искушением, наконец целует его и сейчас же отворачивается, сердясь на саму себя.

Миссис Уоррен. Ну вот! Не надо было этого делать. Какая же я дрянь. Ничего, мой милый, не прида-

вайте значения: это материнский поцелуй. Пойдите поухаживайте за Виви.

Фрэнк. Я и так ухаживаю.

Миссис Уоррен (*резко оборачиваясь к нему, с тревогой в голосе*). Что-о?

Фрэнк. Мы с Виви большие приятели.

Миссис Уоррен. В каком это смысле? Вот что я вам скажу: я не желаю, чтобы всякий беспутный мальчишка заигрывал с моей дочерью. Слышите? Не желаю.

Фрэнк (*нисколько не смущаясь*). Дорогая миссис Уоррен, не тревожьтесь. У меня честные намерения, в высшей степени честные; а ваша дочка отлично может за себя постоять. Она куда меньше нуждается в присмотре, чем ее мамаша. Она, знаете ли, не такая красивая.

Миссис Уоррен (*растерявшись от такой наглости*). Ну и нахал, просто клейма негде поставить! Не знаю, откуда это у вас,— только уж не от папаши. Так помните: я вас предупредила.

Крофтс и distinguished Сэмюэль входят из сада, беседа.

Ну, куда вы оба пропали? А где Прэдди и Виви?

Крофтс (*кладя шляпу на скамью, а трость ставя к камину*). Они поднялись на гору. А мы ходили в деревню. Мне захотелось пить. (*Садится на скамью и кладет ноги на сиденье.*)

Миссис Уоррен. Как же это она ушла, не сказавши мне? (*Фрэнку.*) Подайте отцу стул, Фрэнк. Что за манеры?

Фрэнк вскакивает и с изящным поклоном уступает отцу свой стул; берет другой стул, у стены, ставит его к столу и садится между отцом — справа, и миссис Уоррен слева.

Джордж, а где же вы будете ночевать? Здесь вам оставаться нельзя. И куда денется Прэдди?

Крофтс. Меня берет к себе Гарднер.

Миссис Уоррен. Ну конечно, вы о себе позаботились. А как же Прэдди?

Крофтс. Не знаю. По-моему, он может переночевать в гостинице.

Миссис Уоррен. У вас не найдется для него места, Сэм?

Пастор. Э-э... видите ли, в качестве местного пастора я не могу поступать так, как мне лично нравится. Э-э... какое общественное положение занимает мистер Прэд?

Миссис Уоррен. Успокойтесь, он архитектор. Вы настоящее ископаемое, Сэм!

Фрэнк. Да, можете быть спокойны, родитель. Он строил это поместье в Уэльсе для герцога... как его, Кернарвонский замок, что ли... Да вы, верно, знаете. *(Он подмигивает миссис Уоррен и как ни в чем не бывало переводит взгляд на отца.)*

Пастор. Ах, в таком случае мы, разумеется, будем очень рады! Я полагаю, он лично знаком с герцогом?

Фрэнк. Ну еще бы, как нельзя лучше! Мы его упрячем в бывшую комнату Джорджины.

Миссис Уоррен. Ну, значит, это улажено. Хоть бы они поскорей приходили; надо ужинать. Что за прогулки, когда ночь на дворе.

Крофтс *(ворчливо)*. А вам какая беда?

Миссис Уоррен. Беда или не беда, мне это не нравится.

Фрэнк. Лучше не дожидаться их, миссис Уоррен. Прэда теперь силком не загонишь. Ведь он понятия не имел, что значит бродить среди вереска в летнюю ночь с моей Виви.

Крофтс *(от изумления спускает ноги и садится как следует)*. Послушайте! Нельзя ли полегче?

Пастор *(в испуге забывает о профессиональных манерах и говорит с искренним чувством и силой)*. Фрэнк, раз и навсегда, об этом не может быть и речи. Миссис Уоррен тебе скажет, что об этом нечего и думать.

Крофтс. Разумеется, нечего.

Фрэнк *(с чарующим спокойствием)*. Это верно, миссис Уоррен?

Миссис Уоррен *(в раздумье)*. Право, Сэм, я не знаю. Если девочка хочет выйти замуж, что толку ее удерживать.

Пастор. Но выйти за него! Вашей дочери за моего сына! Подумайте сами: это невозможно.

Крофтс. Разумеется, невозможно. Выкиньте это из головы, Китти.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Почему это? Разве моя дочь недостаточно хороша для его сына?

Пастор. Но, право же, дорогая миссис Уоррен, вы сами знаете причину...

Миссис Уоррен *(с вызовом)*. Не знаю я никаких причин. А если вы знаете, расскажите Фрэнку, или Виви, или вашим прихожанам, коли хотите.

Пастор (*беспомощно*). Вы прекрасно знаете, что я никому не могу сказать. Но мой сын поверит мне, если я ему скажу, что такие причины есть.

Фрэнк. Совершенно верно, папочка, он вам поверит. Но когда же ваши доводы влияли на поведение вашего сына?

Крофтс. Вы не можете на ней жениться, вот и все. (*Встает, подходит к камину и становится к Фрэнку спиной, решительно нахмурившись.*)

Миссис Уоррен (*резко набрасывается на Крофтса*). Вам-то до этого какое дело, скажите пожалуйста?

Фрэнк (*в самом нежном лирическом тоне*). Именно это я и сам собирался спросить, только по-своему, более деликатно.

Крофтс (*к миссис Уоррен*). Я полагаю, вы не захотите выдать девушку за человека моложе ее самой, без профессии и без гроша в кармане. Спросите Сэма, если вы мне не верите. (*Пастору.*) Много ли вы собираетесь дать вашему сыну?

Пастор. Ничего больше не дам. Он уже получил свою долю и в июле истратил последнее.

Лицо миссис Уоррен вытягивается.

Крофтс (*наблюдает за ней*). Ну что? Я же вам говорил. (*Опять садится на скамью и кладет ноги на сиденье, по-видимому, считая вопрос решенным.*)

Фрэнк (*жалобно*). Все это так меркантильно. Неужели вы думаете, что мисс Уоррен выйдет замуж ради денег? Если мы любим друг друга...

Миссис Уоррен. Благодарю вас. Ваша любовь недорого стоит, мой милый. Если у вас нет средств содержать жену, то это решает дело: Виви вам не достанется.

Фрэнк (*посмеиваясь*). А вы что скажете, родитель?

Пастор. Я согласен с миссис Уоррен.

Фрэнк. А наш милейший Крофтс уже выразил свое мнение.

Крофтс (*сердито поворачивается, опираясь на локоть*). Вот что: мне надоели ваши дерзости.

Фрэнк (*колко*). Очень жаль, что приходится вас осадить, Крофтс, но вы сейчас позволили себе говорить со мной по-отечески. Мне и одного отца за глаза довольно, благодарю вас.

Крофтс (*презрительно*). Пф! (*Опять отворачивается.*)

Фрэнк *(вставая)*. Миссис Уоррен, я не могу отказаться от моей Виви даже ради вас.

Миссис Уоррен *(ворчит)*. Негодный мальчишка!

Фрэнк *(продолжает)*. И так как у вас, насколько я понимаю, другие виды, то я сию минуту объяснюсь с Виви.

Остальные смотрят на него во все глаза.

(Фрэнк начинает декламировать.)

Судьбы страшится только тот,
Кто слишком осторожен;
А тот, кто смел, на все идет
И все отдаст — иль все возьмет*.

Во время декламации дверь открывается: входят Прэд и Виви. Фрэнк умолкает. Прэд кладет шляпу на буфет. Манеры всего общества мгновенно изменяются к лучшему. Крофтс снимает ноги со скамьи и садится как следует, уступая Прэду место рядом с собою. Миссис Уоррен тоже подтягивается и отводит душу в воркотне.

Миссис Уоррен. Где ты была, Виви?

Виви *(снимает шляпу и небрежно бросает ее на стол)*. На холме.

Миссис Уоррен. Как же ты ушла, не сказавшись мне? Почему я знаю, куда ты девалась? А тут еще ночь на дворе!

Виви *(подходит к двери в кухню и открывает ее, не обращая внимания на мать)*. Как насчет ужина?

Все, кроме миссис Уоррен, встают.

Боюсь, что нам здесь будет тесновато.

Миссис Уоррен. Ты слышишь, что я говорю, Виви?

Виви *(спокойно)*. Да, слышу. *(Возвращаясь к вопросу об ужине.)* Сколько нас тут? *(Считает.)* Один, два, три, четыре, пять, шесть. Ну что ж, двоим придется подождать, пока остальные кончат; у миссис Алисон всего четыре прибора.

Прэд. О, не беспокойтесь обо мне, я...

Виви. Вы долго гуляли и проголодались, мистер Прэд; вы сейчас же сядете ужинать. Сама я могу подождать. Кто-нибудь один составит мне компанию. Фрэнк, вы хотите есть?

Фрэнк. Совсем не хочу... окончательно потерял аппетит, по правде говоря.

Миссис Уоррен. Вы тоже не голодны, Джордж. Вы можете подождать.

Крофтс. Да, как бы не так, я после чая еще ничего не ел. Может быть, Сэм подождет?

Фрэнк. Вы хотите уморить голодом моего бедного папу?

Пастор *(недовольно)*. Позвольте мне говорить самому за себя, сэр. Я с удовольствием подожду.

Виви *(решительно)*. Это совсем не нужно. Ждать придется только двоим. *(Она распахивает дверь в кухню.)* Мистер Гарднер, дайте руку маме.

Достопочтенный Сэмюэль ведет миссис Уоррен в столовую, за ними следуют Прэд и Крофтс. Все, кроме Прэда, явно недовольны таким порядком действий, но не знают, как ему воспротивиться. Виви стоит в дверях и смотрит на них.

Вы можете протиснуться в тот уголок, мистер Прэд? Это довольно трудно. Осторожней, не запачкайтесь об стенку — вот так. Ну как, теперь всем удобно?

Прэд *(из столовой)*. Вполне, благодарю вас.

Миссис Уоррен *(из столовой)*. Не закрывай двери, милочка.

Виви хочет возразить, но Фрэнк останавливает ее жестом, крадется на цыпочках к входной двери и бесшумно распахивает ее настежь.

Господи, какой сквозняк! Лучше закрой дверь, милочка.

Виви хлопает дверью и, с неудовольствием заметив, что шляпа и шаль ее матери валяются на стуле, аккуратно складывает их на подоконник. Фрэнк бесшумно закрывает входную дверь.

Фрэнк *(торжествующе)*. Ага! Насилу отделались. Ну, Виввумс, как вам понравился мой родитель?

Виви *(задумчиво и серьезно)*. Я с ним и двух слов не сказала. По-моему, он пороху не выдумает.

Фрэнк. Нет, знаете ли, старик вовсе не так глуп, как кажется. Понимаете, он стал священником не по своей охоте и, стараясь выдержать эту роль, строит дурака и пересаливает при этом. Нет, родитель вовсе не так плох, бедняга. Вы не думайте, я его даже люблю. Намерения у него самые благие. Как по-вашему, вы с ним поладите?

Виви *(довольно сухо)*. Не думаю, чтобы в будущем мне пришлось иметь с ним дело, да и со всем кружком

маминых старых друзей, исключая, пожалуй, Прэда. А как вам понравилась моя мать?

Фрэнк. По чистой совести?

Виви. По чистой совести.

Фрэнк. Что ж, она занятная. Только и штука же, скажу я вам. А Крофтс!.. О Боже ты мой, Крофтс! *(Усаживается рядом с Виви.)*

Виви. Ну и компания, Фрэнк!

Фрэнк. Ну и народец!

Виви *(со всей силой презрения)*. Если бы я думала, что буду такая же, что из меня выйдет пустельга, без единой мысли в голове, заботящаяся только о том, как бы убить время от завтрака до обеда и от обеда до ужина, без выдержки, без характера, я бы ни минуты не колебалась: вскрыла бы себе вены, и дело с концом.

Фрэнк. Нет, нет, не надо. К чему им себя утруждать, если они могут прожить и без забот? Хотел бы я, чтобы и мне так повезло. А вот что они не в форме, это мне не нравится. Опустились, ужасно опустились, это никуда не годится.

Виви. А вы думаете, что в старости будете лучше Крофтса, если не возьметесь за дело?

Фрэнк. Конечно, какое же может быть сравнение! К чему Виввумс читать нотации: ее мальчик неисправим. *(Он нежно берет лицо Виви в свои руки.)*

Виви *(резко отводя его руки)*. Отстаньте. Виввумс сегодня не в настроении нежничать со своим мальчиком. *(Встает и переходит на другую сторону комнаты.)*

Фрэнк *(следуя за ней по пятам)*. Какая недобрая!

Виви *(топает на него)*. Перестаньте шутить. Я говорю серьезно.

Фрэнк. Хорошо. Подойдем к этому научно. Мисс Уоррен, известно ли вам, что все передовые мыслители единогласно утверждают, будто бы значительная часть недугов современной цивилизации объясняется половым голодом среди молодежи? Так вот я...

Виви *(резко прерывает его)*. Вы становитесь невыносимы. *(Отворяет дверь в столовую.)* Найдется у вас место для Фрэнка? Он жалуется на голод.

Миссис Уоррен *(из столовой)*. Конечно, найдется. *(Гремит ножами и стаканами, передвигая приборы.)* Вот, рядом со мной есть место. Идите сюда, мистер Фрэнк.

Фрэнк. Виввумс здорово достанется за это от ее мальчика. *(Уходит в кухню.)*

Миссис Уоррен *(из столовой)*. И ты тоже, Виви, иди сюда, деточка. Ты, верно, проголодалась.

Входит миссис Уоррен, за ней Крофтс, который с подчеркнутым уважением держит дверь открытой перед Виви. Она выходит не глядя на него; Крофтс закрывает за ней дверь.

Как, Джордж, неужели вы поужинали? Вы же ничего не ели. Что это с вами случилось?

Крофтс. Мне хотелось только пить. *(Он засовывает руки в карманы и начинает расхаживать по комнате, встревоженный и недовольный.)*

Миссис Уоррен. Уж на что я люблю поесть, но тут особенно не разойдешься: холодная говядина, сыр да салат. *(Вздыхает, словно не совсем сыта, и лениво усаживается на скамью у камина.)*

Крофтс. К чему вы поощряете этого щенка?

Миссис Уоррен *(сразу насторожившись)*. Пожалуйста, Джордж, что вам далась эта девочка? Я ведь заметила, как вы на нее смотрите. Не забывайте, что я вас знаю, мне понятно, что значат эти ваши взгляды.

Крофтс. Подумаешь беда, уж и посмотреть на нее нельзя?

Миссис Уоррен. Я бы вас выставила за дверь и спровадила обратно в Лондон, если бы заметила, что у вас на уме глупости. Мне один мизинец моей дочери дороже, чем вы со всеми вашими потрохами.

Крофтс отвечает ей насмешливой улыбкой. Миссис Уоррен, покраснев оттого, что не произвела впечатления в роли любящей матери, сбавляет тон.

Успокойтесь, у этого щенка не больше вашего шансов на успех.

Крофтс. Уж нельзя человеку проявить интерес к девушке!

Миссис Уоррен. Только не такому человеку, как вы.

Крофтс. Сколько ей лет?

Миссис Уоррен. Не ваше дело.

Крофтс. Почему вы из этого делаете тайну?

Миссис Уоррен. Потому что я так хочу.

Крофтс. Что ж, мне еще нет пятидесяти, мое состояние не уменьшилось...

Миссис Уоррен *(прерывает его)*. Ну еще бы! Вы хоть и кутила, а скарעד...

Крофтс *(продолжает)*. ...а баронеты не каждый день подвертываются под руку. Никто другой с моим положением в обществе не станет терпеть такую тещу, как вы. Почему бы ей не выйти за меня?

Миссис Уоррен. За вас?

Крофтс. Мы отлично зажили бы втроем. Я умру раньше, она останется эффектной вдовой с круглым капиталцем. Почему же нет? Это пришло мне в голову, пока я гулял тут с этим болваном.

Миссис Уоррен *(в возмущении)*. Да, да, только такое и приходит вам в голову!

Крофтс останавливается на подороге, и оба они смотрят друг на друга: она — прямо в глаза, с презрительной миной, за которой таится страх, он — искоса, с плотоядным блеском в глазах, с циничной усмешкой искusstеля.

Крофтс *(начинает беспокоиться и настаивать, видя, что миссис Уоррен не проявляет никакого сочувствия)*. Послушайте, Китти, вы рассудительная женщина, вам незачем прикидываться ханжой. Я ни о чем не спрашиваю, и вам не нужно отвечать. Я завещаю ей все мое состояние; а если вам лично понадобится чек в день свадьбы, можете сами назначить сумму... в пределах благозумия.

Миссис Уоррен. И вы тем же кончили, Джордж, чем кончают все старые развалины!

Крофтс *(свирепо)*. Черт бы вас побрал!

Прежде чем миссис Уоррен успеваеt ему ответить, дверь из другой комнаты открывается; слышны приближающиеся голоса. Крофтс, не в силах овладеть собой, выбегает из коттеджа. Входит п а с т о р.

Пастор *(оглядываясь по сторонам)*. А где же сэp Джордж?

Миссис Уоррен. Пошел курить трубку.

Пастор берет шляпу со стола и подсаживается к миссис Уоррен. Тем временем входит В и в и, за ней Ф р э н к, который бросается на первый попавшийся стул с видом крайнего утомления.

(Миссис Уоррен оглядывается на Виви и говорит, подчеркивая материнскую заботливость более обычного.) Ну, милочка, хорошо ли ты поужинала?

В и в и. Вы же знаете, что такое ужины миссис Алисон. *(Обращается к Фрэнку, очень ласково.)* Бедняжечка Фрэнк! Неужели всю говядину съели? Неужели ему так-

таки ничего и не досталось, кроме хлеба с сыром да имбирного пива? *(Серьезным тоном, словно решив, что шуток на сегодня довольно.)* Масло просто ужасное. Нужно будет заказать в лавке.

Фрэнк. Да, закажите, ради Бога!

Виви подходит к письменному столу и делает пометку, чтобы не забыть заказать масло. Из столовой входит Прэд, пряча в карман платок, которым он пользовался вместо салфетки.

Пастор. Фрэнк, мой мальчик, нам пора домой. Твоя мать еще не знает, что у нас будут гости.

Прэд. Боюсь, что мы вас стесним.

Фрэнк. Нисколько, Прэд. Моя мать будет в восторге. Это истинно утонченная, художественная натура, и крутлый год она не видит никого, кроме родителя; можете себе представить, каково ей здесь живется! Скучища смертная! *(Достопочтенному Сэмюэлю.)* Вы ведь не художественная натура; верно, папаша? Так вот, берите Прэда и ведите его домой; а я останусь здесь и побеседую с миссис Уоррен. Крофтса вы найдете в саду. Он составит отличную компанию нашему бульдогу.

Прэд *(берет свою шляпу с буфета и подходит к Фрэнку)*. Идемте с нами, Фрэнк. Миссис Уоррен давно не видела мисс Виви, а мы им не дали побыть ни минуты вместе.

Фрэнк *(расчувствовавшись, смотрит на Прэда с сентиментальным восхищением)*. Ну разумеется, я совсем забыл. Благодарю, что напомнили. Джентльмен с головы до пяток, Прэдди! Всегда вы были моим идеалом, всю жизнь! *(Он поднимается с места, но на минуту оттанавливается между отцом и Прэдом и кладет руку на плечо Прэда.)* Ах, если б вы были моим отцом вместо этого недостойного старика! *(Кладет другую руку на плечо отцу.)*

Пастор *(кипятится)*. Молчать, сэр, молчать! Не кощунствуйте.

Миссис Уоррен *(смеется от души)*. Вам надо держать его поостроже, Сэм. Доброй ночи. Вот передайте Джорджу его шляпу и палку с приветом от меня.

Пастор *(берет и то и другое)*. Спокойной ночи. *(Прощается. Проходя мимо Виви, прощается с ней и пожимает ей руку, потом грозно командует Фрэнку.)* Домой, сэр, сию минуту домой! *(Уходит.)*

Миссис Уоррен. До свиданья, Прэдди.

Прэд. До свиданья, Китти. *(Дружески жмут друг другу руки.)*

Фрэнк. А поцеловаться?

Миссис Уоррен лениво провожает его к калитке.

Виви. Нет. Я вас ненавижу. *(Берет книги и бумагу с письменного стола и садится с ними к другому столу, поближе к камину.)*

Фрэнк *(с гримасой)*. Жаль. *(Идет за ружьем и кепи.)*

Тем временем миссис Уоррен возвращается.

(Он берет ее за руку.) Спокойной ночи, миссис Уоррен. *(Целует ей руку.)*

Миссис Уоррен выдергивает свою руку, поджав губы, и, как видно, очень не прочь надрать ему уши. Фрэнк лукаво смеется и выбегает, хлопнув дверью.

Миссис Уоррен *(покорившись мысли, что придется проскучать вечер одним после ухода мужчин)*. Ну, видела ли ты когда-нибудь такого болтуна? Вот озорник! *(Садится за стол.)* Я думаю, милочка, ты напрасно его поощряешь. По-моему, он самый настоящий шалопай.

Виви *(встает, чтобы взять еще несколько книг)*. Да, я боюсь, что бедный Фрэнк действительно шалопай. Надо будет от него отделаться; но мне его жалко, хоть он этого и не стоит, бедный мальчик. Этот Крофтс тоже, по-моему, не слишком приятная фигура, правда?

Миссис Уоррен *(уязвленная равнодушным тоном Виви)*. Что ты знаешь о мужчинах, чтобы так о них разговаривать? Сэр Джордж — мой друг, ты теперь часто будешь его видеть, и тебе придется примириться с этим.

Виви *(невозмутимо)*. Почему? *(Садится и раскрывает книгу.)* Вы думаете, мы так уж часто будем бывать вместе? Я хочу сказать: мы с вами?

Миссис Уоррен *(смотрит на нее в изумлении)*. Конечно, до тех пор пока ты не выйдешь замуж. Ты ведь больше не вернешься в колледж?

Виви. Вы думаете, что мой образ жизни подойдет вам? Я в этом сомневаюсь.

Миссис Уоррен. Твой образ жизни! Что ты этим хочешь сказать?

Виви *(разрезая книгу ножом, висящим у нее на поясе)*. Мама, вам никогда не приходило в голову, что у меня тоже есть свой образ жизни, как у других людей?

Миссис Уоррен. Что за вздор ты болтаешь? Тебе, должно быть, хочется показать свою независимость, раз ты стала такой важной особой у себя в школе. Не дури, милая.

Виви (*снисходительно*). Больше вам нечего сказать по этому поводу, мама?

Миссис Уоррен (*растерянно, потом сердито*). Что ты ко мне пристала? (*В бешенстве.*) Придержи язык!

Виви продолжает работать, не теряя времени.

Туда же, со своим образом жизни; скажите пожалуйста! Еще чего! (*Опять смотрит на Виви. Та не отвечает.*) Образ жизни у тебя будет такой, какой мне вздумается, вот и все.

Опять пауза.

То-то, я вижу, ты напустила на себя важность, с тех пор как выдержала этот самый экзамен... как он там у вас называется? Если ты думаешь, что я это буду терпеть, то ошибаешься; и чем скорей ты это поймешь, тем лучше. (*Бормочет.*) Больше мне нечего сказать по этому поводу. Ну-ну! (*Опять сердито повышает голос.*) Да вы знаете ли, с кем разговариваете, мисс?

Виви (*смотрит на нее через стол, не поднимая головы от книги*). Нет, не знаю. Кто вы и что вы?

Миссис Уоррен (*встает, задыхаясь*). Ах ты дрянь!

Виви. Моя репутация, мое общественное положение и профессия, которую я себе выбрала, всем известны. А мне о вас ничего не известно. Какой образ жизни вы приглашаете меня разделить с вами и сэром Джорджем Крофтсом, скажите пожалуйста?

Миссис Уоррен. Смотри! Как бы я не сделала что-нибудь такое, о чем потом пожалею, да и ты тоже.

Виви (*спокойно и решительно отодвигая книги в сторону*). Что ж, оставим этот разговор, пока вы не будете в состоянии вести его. (*Рассматривает мать критически.*) Вам нужно побольше ходить пешком и играть в теннис. Вы возмутительно опустили и не в форме; сегодня вы не могли сделать двадцати шагов в гору без одышки, а руки у вас сплошной жир. Смотрите, какие у меня руки. (*Показывает руки.*)

Миссис Уоррен (*беспомощно взглянув на нее, начинает хныкать*). Виви...

Виви (*вскакивает с места*). Пожалуйста, не начинайте плакать. Все что угодно, только не это. Я совершенно не выношу слез. Я уйду из комнаты, если вы заплачете.

Миссис Уоррен (*жалобно*). Моя дорогая, как можешь ты быть так резка со мной? Разве я не имею права на тебя как твоя мать?

Виви. А это верно, что вы моя мать?

Миссис Уоррен (*в ужасе*). Верно ли, что я твоя мать? О Виви!

Виви. Тогда где же наши родные? Где мой отец, где друзья нашей семьи? Вы предъявляете права матери; право называть меня деточкой и глупышкой; говорить со мной в таком тоне, как ни одна преподавательница в колледже не смела со мной говорить; диктовать мне правила поведения и навязывать мне в знакомые скота, лондонского кутилу самого последнего разбора,— это всякому сразу видно. Я еще не оспариваю этих прав, я хочу сперва узнать, имеется ли для них реальное основание?

Миссис Уоррен (*в отчаянии бросается на колени*). О нет, нет! Не надо, не надо! Я твоя мать! Я клянусь тебе! Не может быть, чтобы ты пошла против меня — ты, мое собственное дитя; не выродок же ты. Ты ведь веришь мне? Скажи, что ты мне веришь.

Виви. Кто мой отец?

Миссис Уоррен. Ты сама не знаешь, о чем ты спрашиваешь. Этого я не могу сказать.

Виви (*решительно*). Нет, можете, если захотите. Я имею право знать, и вам очень хорошо известно, что я имею это право. Можете не говорить мне, если вам угодно, но в таком случае завтра утром мы с вами расстаемся навсегда.

Миссис Уоррен. Я не могу этого слышать, это ужасно! Ты не захочешь... ты не бросишь меня.

Виви (*непреклонно*). Брошу, и не колеблясь ни минуты, если вы не перестанете этим шутить. (*Вздвигнув от отвращения.*) Как могу я быть уверена, что в моих жилах не течет отравленная кровь этого прожигателя жизни?

Миссис Уоррен. Нет, нет! Клянусь, что это не он и не кто-нибудь другой из тех, кого ты знаешь. По крайней мере хоть в этом я уверена.

Виви сурово взглядывает на мать, когда до нее доходит
СМЫСЛ ЭТИХ СЛОВ.

Виви (*с расстановкой*). По крайней мере в этом вы уверены... Ага! Вы хотите сказать, что это — все, в чем вы уверены. (*Задумчиво.*) Понимаю.

Миссис Уоррен закрывает лицо руками.

Будет, мама, вы же ничего такого не чувствуете.

Миссис Уоррен опускает руки и жалостно взглядывает на Виви.

(*Виви достает часы из кармана и говорит.*) Ну, на сегодня довольно. В котором часу подавать завтрак? В половине девятого не слишком рано для вас?

Миссис Уоррен (*вне себя*). Боже мой, что ты за женщина?

Виви (*хладнокровно*). Женщина, каких очень много на свете, я надеюсь. Иначе не понимаю, как бы на этом свете делалось дело. Ну же! (*Берет мать за руку и очень решительно дергает ее.*) Возьмите себя в руки. Вот так.

Миссис Уоррен (*ворчливо*). Как ты груба со мной, Виви.

Виви. Пустяки. Не пора ли спать? Уже одиннадцатый час.

Миссис Уоррен (*с ожесточением*). Что толку ложиться? Неужели ты думаешь, что я засну теперь?

Виви. Почему же нет? Я засну.

Миссис Уоррен. Ты! У тебя нет сердца. (*Вдруг раздражается бурной тирадой на естественном для нее языке женщины из протонародья, — махнув рукой на материнский авторитет и на светские условности и обретя новую силу в сознании собственной правоты.*) Нет, не могу я больше терпеть. Где же после этого справедливость? Какое ты имеешь право задирать нос передо мной? Ты передо мной хвастаешься, чем ты стала! Передо мной! А кто, как не я, тебе в этом помог? А мне кто помогал? Стыдно тебе! Ты дурная дочь, ханжа и гордячка!

Виви (*садится, пожимая плечами, но без прежней уверенности; ее слова, которые за минуту до этого казались ей самой такими благоразумными и убедительными, звучат сухо и лицемерно по сравнению с той силой, которая слышится в тоне миссис Уоррен*). Не думайте, ради Бога, что я ставлю себя выше вас. Вы нападали на меня, пользуясь материнским авторитетом; я защищалась, пользуясь превосходством порядочной женщины. Скажу прямо, я не намерена терпеть ваши выходки; но если вы

прекратите их, вам не придется терпеть от меня. У вас могут быть свои убеждения, свой образ жизни — это ваше право; я вам мешать не буду.

Миссис Уоррен. Мои убеждения, мой образ жизни! Вы послушайте ее только! Что же, по-твоему, я воспитывалась так же, как ты, могла привередничать и выбирать себе образ жизни? По-твоему, я потому на это пошла, что мне нравилась такая жизнь, или я думала, что так и следует, и не захотела бы поступить в колледж и стать образованной, если б у меня была возможность!

Виви. Какой-нибудь выбор есть у каждого. Не всякая девушка может стать королевой Англии или начальницей Ньюхэмского колледжа, но даже самая бедная может стать либо тряпичницей, либо цветочницей, смотря по вкусу. Люди всегда сваливают вину на силу обстоятельств. Я не верю в силу обстоятельств. В этом мире добивается успеха только тот, кто ищет нужных ему условий и, если не находит, создает их сам.

Миссис Уоррен. На словах все легко, очень легко, а вот не хочешь ли, я тебе расскажу, какие были у меня условия?

Виви. Да, расскажите. Может быть, вы сядете?

Миссис Уоррен. Сяду, сяду, не беспокойся. *(С ожесточенной энергией выдвигает стул вперед и садится.)*

Виви смотрит на нее с невольным уважением.

Знаешь, кто была твоя бабушка?

Виви. Нет.

Миссис Уоррен. Нет, не знаешь! Так я тебе скажу. Она называла себя вдовой, торговала жареной рыбой в лавчонке близ Монетного двора и жила на это с четырьмя дочерьми. Две из них были родные сестры — это мы с Лиз; и обе мы были красивые и статные. Должно быть, наш отец был человек сытый и гладкий. Мать врал, будто бы он был из благородных, — ну, не знаю. А другие две — наши сводные сестры — были щуплые, некрасивые, сущие заморыши, зато честные и работающие. Мы с Лиз забили бы их до смерти, если б не мать, — та нас тоже била смертным боем, чтобы мы их не трогали. Ведь они были честные. Ну и чего же они добились своей честностью? Я тебе скажу. Одна работала на фабрике свинцовых белил по двенадцать часов в день, за девять шиллингов в неделю, пока не умерла от свинцового отравления. Она думала, что у нее только руки отнимутся,

но она умерла. Другую нам всегда ставили в пример, потому что она вышла замуж за рабочего с продовольственного склада и содержала его комнату и трех ребят в чистоте и опрятности на восемнадцать шиллингов в неделю... пока муж не запил. Стоило ради этого быть честной, как ты думаешь?

Виви (*с сосредоточенным вниманием*). Вы с сестрой так думали тогда?

Миссис Уоррен. У Лиз было свое мнение, у нее характер сильнее. Мы с ней учились в церковной школе — а все для того, чтобы быть похожими на леди и хвастаться перед другими девчонками, которые нигде не учились и ничего не знали. Потом Лиз в один прекрасный вечер ушла из дому да так и не вернулась. Учительница думала, что и я скоро пушусь по той же дорожке; недаром священник все твердил мне, что Лиззи плохо кончит — бросится с Ватерлооского моста. Идиот несчастный, много он смыслил! Ну, а меня фабрика белил больше пугала, чем река; да и ты бы испугалась на моем месте. Священник устроил меня судомойкой в ресторан общества трезвости — за спиртным можно было посылать. Потом я стала кельнершей; потом перешла в бар на Ватерлооском вокзале — четырнадцать часов в сутки подавать и мыть рюмки за четыре шиллинга в неделю, на своих харчах. Это считалось большим повышением. И вот в одну мерзкую, холодную ночь, когда я так устала, что едва держалась на ногах, заходит в бар за полпинтой виски — кто бы ты думала? — Лиззи! В длинной меховой ротонде, нарядная и беззаботная, с целой кучей золотых в кошельке.

Виви (*утрюмо*). Моя тетушка Лиззи?

Миссис Уоррен. Да, и такую тетушку никому не стыдно иметь! Она живет сейчас в Винчестере, рядом с собором; она там одна из первых дам в городе. Вывозит молоденьких девушек на балы, вот как! Станет она топиться, как бы не так! Ты вся в нее: она всегда была настоящая деловая женщина — всегда копила деньги, умела казаться порядочной, никогда не теряла головы и не упускала случая. Когда она увидела, какая из меня выросла красавица, она тут же сказала мне через стойку: «Что ты здесь делаешь, дурочка? Убиваешь здоровье и красоту для того, чтобы другие наживались?» Лиз тогда копила деньги, чтобы открыть собственное заведение в Брюсселе, и решила, что вдвоем мы накопим скорее. Она дала мне займы и научила, как взяться за дело; и я тоже

начала мало-помалу откладывать деньги — сперва отдала ей долг, а потом вошла в дело компаньоном. Чего ради мне было отказываться? Дом в Брюсселе был самый первоклассный и уж куда более подходящее место для женщины, чем та фабрика, где отравилась Анна-Джэйн. Ни с одной из наших девушек не обращались так, как со мной, когда я работала судомойкой в этом ресторане общества трезвости, или в вокзальном баре, или дома. Потвоему, лучше бы я извелась на черной работе и к сорока годам стала старухой?

Виви (*теперь взволнованная рассказом*). Нет, но почему вы выбрали такую профессию? Копить деньги и добиваться успеха можно и во всяком другом деле.

Миссис Уоррен. Да, копить деньги! А откуда женщине взять эти самые деньги в другом деле? Попробуй-ка отложи что-нибудь из четырех шиллингов в неделю; да еще и одеться надо на эти же деньги. Ничего не выйдет. Другое дело, если ты некрасива и много не зарабатываешь; или если у тебя есть способности к музыке, или к сцене, или к газетной работе. А мы с Лиз ничего этого не умели; только и всего, что были хорошенькие и могли нравиться мужчинам. Так неужели нам с Лиз было оставаться в дурах, чтоб другие, нанимая нас в кельнерши, продавщицы, кассирши, торговали нашей красотой, когда мы сами могли торговать ею и получать на руки не какие-то гроши, а всю прибыль сполна? Как же, держи карман!

Виви. Вы, разумеется, были совершенно правы — с практической точки зрения.

Миссис Уоррен. Да и со всякой другой тоже. Чему учат порядочных девушек, как не тому, чтобы ловить женихов и, выйдя за богатого, жить на его денежки? Как будто брак что-нибудь меняет. Просто с души воротит от такого лицемерия! Нам с Лиз приходилось работать, экономить и рассчитывать, как всем другим людям, — иначе мы были бы такие же нищие, как любая распустеха и пьяница, которая воображает, что ей всегда будет везти. (*С большой силой.*) Презираю таких женщин! Они просто тряпки. А что я ненавижу в женщинах, так это бесхарактерность.

Виви. Но, мама, скажите откровенно: ведь всякой женщине с характером, как вы это называете, должно быть просто противно зарабатывать деньги таким способом?

Миссис Уоррен. Ну да, конечно. Никому не нравится работать и зарабатывать деньги, да ведь приходится. Иной раз пожалеешь бедную девушку: она и устала и не в духе, а тут нужно угождать мужчине, до которого ей дела нет,— какому-нибудь полупьяному дураку, который воображает, что очень любезен, а сам дразнит, пристаёт и надоедает женщине так, что никаким деньгам не обрадуешься. Ну, тут уж приходится мириться с неприятностями и терпеть всякое, как терпят сиделки в больнице. Ради собственного удовольствия ни одна женщина не пойдет на эту работу; а послушать наших ханжей, так это сплошные розы!

Виви. А все-таки вы считаете, что стоит этим заниматься? Дело выгодное?

Миссис Уоррен. Бедной девушке, разумеется, стоит, если она не поддается соблазну, если она красива, строгих правил и с умом. Это гораздо лучше всех других дорог, открытых для женщин. Я, конечно, всегда считала, что это неправильно. Как это несправедливо, Виви, что для женщины нет лучшей дороги. Что бы ни говорили, а я стою на своем: это несправедливо. Но справедливо или нет, а дело от этого не меняется, и простым девушкам приходится с этим мириться. А вот образованной девушке, разумеется, не стоит. Если бы ты за это взялась, ты была бы дура, а я была бы дура, если бы взялась за что-нибудь другое.

Виви (*все сильнее и сильнее волнуясь*). Мама, предположим, мы с вами были бы бедны, как вы в те горькие дни,— вы уверены, что не посоветовали бы мне лучше выйти за рабочего, поступить в бар или даже на фабрику?

Миссис Уоррен (*с негодованием*). Конечно, нет. Хорошая же я, по-твоему, мать! Да ты и сама перестала бы уважать себя, если б голодала и работала, как каторжная! А чего стоит женщина, да и вся наша жизнь, без уважения к себе? Почему я ни в ком не нуждаюсь и в состоянии дать моей дочери первоклассное образование, а другие женщины, у которых были возможности не хуже моих, очутились на улице? Потому что я никогда не теряла выдержки и уважения к себе. Почему Лиз все уважают в Винчестере? Да все потому же. А где бы мы были, если б слушали бредни священника? Мыли бы полы за полтора шиллинга в день, и в будущем рассчитывать нам было бы не на что, кроме дома призрения и больничной койки. Пусть тебя не сбивают с толку те, кто не знает жизни, моя деточка. Единственный способ для

женщины прилично обеспечить себя — это завести себе мужчину, которому по средствам содержать возлюбленную. Если она одного с ним круга, пускай выходит за него замуж; если она ниже — ей нечего на это рассчитывать, да и не стоит: это ей не принесет счастья. Спроси любую даму высшего круга, и она тебе скажет то же, только я тебе говорю прямо, а та начнет разводить турысы на колесах. Вот и вся разница.

В и в и *(смотря на нее, как очарованная)*. Милая мама, вы удивительная женщина, другой такой нет. И вы в самом деле ни капельки не сомневаетесь... и... и не стыдитесь?

Миссис Уоррен. Нет, милочка. Ведь это только так принято стыдиться, этого от женщины ждут. Женщине часто приходится кривить душой, хотя она и не чувствует ничего такого. Лиз, бывало, сердилась на меня за то, что я все выкладываю начистоту. Она говорила, что нечего об этом трубить, каждая женщина сама поймет, как себя держать, на это есть глаза. Ну да ведь Лиз настоящая леди! У нее это от природы, а я всегда была немножко простовата. Когда ты мне присылала свои карточки, я так бывала рада, что ты растешь похожей на Лиз; у тебя такое же благородство и решительность в манерах. Ну, а я терпеть не могу говорить одно, когда все знают, что я думаю другое. Что толку лицемерить? Если женщин заставляют вести такую жизнь, незачем притворяться, что она какая-то иная. Нет, по правде сказать, я никогда ни капельки не стыдилась. По-моему, я имею право гордиться, что мы все так прилично устроили, и никто про нас слова худого не скажет; и нашим девушкам всегда хорошо жилось. Некоторые из них очень хорошо устроились, одна даже вышла замуж за посланника. Но теперь я, конечно, об этом ни гу-гу; что о нас подумают? *(Зевает.)* О Господи! Я все-таки спать захотела в конце концов. *(Лениво потягивается, чувствуя себя умиротворенной после бурной вспышки и готовая спокойно отойти ко сну.)*

В и в и. Зато я теперь, должно быть, не усну. *(Идет к буфету и зажигает свечу, потом гасит лампу, в комнате становится гораздо темнее.)* Надо впустить свежего воздуха, прежде чем запереть окна. *(Распахивает дверь, на дворе ярко светит луна.)* Какая ночь! Посмотрите! *(Отдергивает занавеску на окне.)*

Все залито сиянием восходящей луны.

Миссис Уоррен (*окидывает пейзаж небрежным взглядом*). Да, милая, только смотри не схвати простуду от ночного воздуха.

Виви (*презрительно*). Пустяки.

Миссис Уоррен (*обиженно*). Ну да, все, что я говорю, по-твоему пустяки..

Виви (*оборачивается к ней*). Нет, что вы, мама, вовсе нет. Вы меня окончательно победили сегодня, а я думала, что выйдет по-другому. Мы подружимся теперь, хорошо?

Миссис Уоррен (*с некоторым унынием качает головой*). То-то и есть, что вышло по-другому. Ну что ж, ничего не поделаешь. Мне всегда приходилось уступать Лиз, а теперь, видно, придется уступить тебе.

Виви. Ну, ничего. Подите ко мне. Спокойной ночи, моя милая старенькая мама. (*Обнимает мать.*)

Миссис Уоррен (*нежно*). Я хорошо тебя воспитала; правда, милочка?

Виви. Правда.

Миссис Уоррен. И ты за это будешь ласкова со старухой матерью, правда?

Виви. Буду, мама.

Миссис Уоррен (*елейным тоном*). Дай я тебя благословлю, моя родная, милая деточка, материнским благословением. (*Нежно обнимает дочь и возводит глаза к потолку, словно спрашивает благословения свыше.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Утро следующего дня в пасторском саду; с безоблачного неба сияет солнце. В садовой стене, как раз посредине, деревянная калитка, такая широкая, что проедет карета. Рядом с калиткой — колокольчик, соединенный с висящей снаружи ручкой. Аллея для экипажей проходит посредине сада, сворачивает налево и заканчивается перед крыльцом круглой, усыпанной гравием площадкой. За калиткой видна пыльная дорога, идущая параллельно стене, за дорогой — узкая полоска травы и неогороженная сосновая роща. На лужайке, между домом и аллеей, подстриженный тис, под ним садовая скамейка. С противоположной стороны сада идет буксовая изгородь; на газоне — солнечные часы, и рядом с ними — железный стул. Узкая дорожка позади солнечных часов ведет к изгороди.

Фрэнк сидит на стуле возле солнечных часов, положив на них утренние газеты, и читает. Пастор выходит из дома. Его знобит, глаза у него красные. Он неуверенно смотрит на Фрэнка.

Фрэнк *(вынув из кармана часы)*. Половина двенадцатого. Нечего сказать, подходящее время для ректора являться к завтраку!

Пастор. Не издевайся, Фрэнк, не издевайся. Я немного... э-э... *(Вздрагивает.)*

Фрэнк. Раскис?

Пастор *(с негодованием, протестуя против этого выражения)*. Нет, сэр: нездоров сегодня с утра. Где твоя мать?

Фрэнк. Не бойтесь, ее здесь нет. Забрала с собой Бесси и уехала в город с поездом одиннадцать тринадцать. Просила передать вам несколько поручений. Чувствуете ли вы себя в силах выслушать меня сейчас или подождать, пока вы позавтракаете?

Пастор. Я уже завтракал. Удивляюсь, как могла твоя мать уехать в город, когда у нас гости. Они сочтут это странным.

Фрэнк. Может быть, она это предвидела. Во всяком случае, если Крофтс останется у нас гостить и вы с ним намерены каждую ночь просиживать до четырех часов, вспоминая события вашей бурной молодости, то ее прямой долг, как хорошей хозяйки, поехать в город и заказать бочонок виски и сотни три сифонов содовой.

Пастор. Я не заметил, чтобы сэр Джордж пил чрез меру.

Фрэнк. Вы были не в состоянии это заметить, родитель.

Пастор. Ты хочешь сказать, что я...

Фрэнк *(спокойно)*. Я в жизни не видел менее трезвого пастора. Анекдоты, которые вы рассказывали о вашем прошлом, были просто ужасны; и я не думаю, чтобы Прэд остался ночевать под вашим кровом, если б они с матерью не пришли так по душе друг другу.

Пастор. Пустяки, сэр Джордж Крофтс — мой гость. Должен же я о чем-нибудь с ним разговаривать, а у него только одна тема для разговора... Где сейчас мистер Прэд?

Фрэнк. Повез маму и Бесси на станцию.

Пастор. А Крофтс встал?

Фрэнк. О, давным-давно. Он ни в одном глазу! Видно, что чаще вашего практиковался, — а всего вернее, практикуется непрерывно. Ушел куда-то курить.

Фрэнк опять берется за газету. Достопочтенный Сэмюэль в унынии поворачивает к калитке, потом нерешительно возвращается.

Пастор. Э-э... Фрэнк!

Фрэнк. Да?

Пастор. Как, по-твоему, эти Уоррены ждут, что мы их пригласим к себе после вчерашнего?

Фрэнк. Они уже приглашены. Крофтс сообщил за завтраком, что вы просили его пригласить к нам миссис Уоррен и Виви и передать им, чтобы они располагались здесь как дома. Именно после этого сообщения мама вспомнила, что ей нужно поехать в город с поездом одиннадцать тринадцать.

Пастор *(в припадке отчаяния)*. Никогда я их не приглашал! Даже и не думал приглашать.

Фрэнк *(сочувственно)*. Где же вам знать, родитель, что вы вчера думали и чего не думали? А вот и Прэд вернулся.

Прэд *(входит в калитку)*. Доброе утро.

Пастор. Доброе утро. Я должен извиниться перед вами, что не вышел к завтраку. У меня... э-э...

Фрэнк. Пасторский катар горла, Прэд. К счастью, не хронический.

Прэд *(меняя тему)*. Надо сказать, что ваш дом стоит на замечательно красивом месте. Нет, в самом деле место чудесное.

Пастор. Да, действительно... Фрэнк поведет вас погулять, если хотите. А меня уж вы, пожалуйста, извините: я должен воспользоваться случаем и написать проповедь, пока миссис Гарднер нет дома. Развлекайтесь без меня. Вы позволите?

Прэд. Ну разумеется, разумеется. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

Пастор. Благодарю вас. Ну, я... э-э... э-э... *(Бормоча, поворачивает к крыльцу и скрывается за дверью.)*

Прэд *(садится на траву рядом с Фрэнком, обхватив руками колени)*. Странное, должно быть, занятие — писать проповеди каждую неделю.

Фрэнк. Ну еще бы не странное! Если б он их писал, а то он их покупает готовые. Просто пошел пить соду.

Прэд. Мой дорогой мальчик, мне хотелось бы, чтобы вы были почтительнее с вашим отцом. Вы можете быть очень милы, когда захотите.

Фрэнк. Мой дорогой Прэдди, вы забываете, что мне приходится жить с родителем. Когда люди живут вместе — все равно отец ли это с сыном, муж с женой или брат с сестрой, — они уже не могут притворяться вежливыми, что так легко во время десятиминутного ви-

зита. А у родителя, при всех его высоких домашних достоинствах, бесхарактерность овечья, а чванство и злопаятность ослиные.

Прэд. Что вы, дорогой мой Фрэнк! Ради Бога, опомнитесь! Ведь он вам отец.

Фрэнк. Ну что ж, я и воздаю ему должное. *(Встает и швыряет газету на скамью.)* Нет, вы подумайте, поручил Крофтсу пригласить к нам миссис Уоррен. Надо полагать, спьяну. Вы знаете, Прэдди, мама и слышать не хочет о миссис Уоррен. Виви лучше не приходите к нам, пока ее мамаша не уедет.

Прэд. Но ведь ваша матушка ничего не знает о миссис Уоррен? *(Поднимает с земли газету и садится читать.)*

Фрэнк. Понятия не имею. Должно быть, знает, если уехала в город. Не то что бы мать имела что-нибудь против нее в общепринятом смысле: она оставалась верным другом многим женщинам, которые попадали в беду. Но все это были порядочные женщины. Вот в чем существенная разница. У миссис Уоррен, без сомнения, есть свои достоинства, но она уж слишком вульгарна, мать с ней просто не захочет разговаривать. Так вот... Это что такое?

Его восклицание вызвано вторичным появлением пастора: он выбегает из дома в испуге, весь запыхавшись.

Пастор. Фрэнк, миссис Уоррен с дочерью идут сюда вместе с Крофтсом, я видел их из окон кабинета. Что мне говорить, где твоя мать?

Фрэнк. Наденьте шляпу и ступайте им навстречу, скажите, что вы им страшно рады, что Фрэнк в саду, а мама с Бесси вызваны к больной родственнице и очень сожалеют, что не могли остаться дома; выразите надежду, что миссис Уоррен хорошо провела ночь и... и... одним словом, говорите все, что в голову взбредет, кроме правды, а в остальном положитесь на волю Божию.

Пастор. Но как же мы от них отделаемся потом?

Фрэнк. Теперь уж некогда об этом думать. Одну минуту! *(Убегает в дом.)*

Пастор. Он такой несдержанный. Я просто не знаю, что с ним делать, мистер Прэд.

Фрэнк *(возвращается с черной фетровой шляпой и нахлобучивает ее отцу на голову)*. Ну, идите скорей. Мы с Прэдом останемся здесь как ни в чем не бывало.

Пастор растерянно, но покорно спешит к калитке. Прэд встает с земли и отряхивается.

Надо как-нибудь спровадить старуху обратно в город. Ну, по совести, милый Прэдди, неужели вам приятно видеть их вместе — Виви с мамашей?

Прэд. Почему же?

Фрэнк (*с гримасой отвращения*). Неужели вас от этого зрелища не коробит? Эта старая карга, способная на любую гнусность, — и Виви! Бр-р!

Прэд. Тише, пожалуйста. Они идут.

Пастор с Крофтсом показываются на дороге, за ними, нежно обнявшись, идут миссис Уоррен и Виви.

Фрэнк. Смотрите-ка, что она делает, — ни больше ни меньше, как обняла старуху за талию. И рука правая — значит, это ее затея. Она становится сентиментальна, ей-богу! Бр-р! Неужели вас это не коробит?

Пастор открывает калитку; миссис Уоррен и Виви проходят мимо него и останавливаются посредине сада, разглядывая дом. Фрэнк в притворном восторге бросается к миссис Уоррен.

Как я рад вас видеть, миссис Уоррен! Как вам к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Миссис Уоррен. Ну, ну, нечего! Вы слышали, Джордж? Он говорит, что мне к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Пастор (*все еще держит калитку открытой для Крофтса, который угрюмо и неохотно проходит в сад*). Вам все к лицу, миссис Уоррен.

Фрэнк. Браво, родитель! Ну, а теперь вот что: давайте повеселимся всю до завтрака. Сначала осмотрим церковь. Без этого нельзя. Церковь, знаете ли, замечательная, тринадцатого века; родитель к ней питает слабость, потому что собрал деньги на реставрацию и перестроил ее до основания шесть лет назад. Прэд нам растолкует, что в ней хорошего.

Прэд (*поднимаясь*). С удовольствием, если после реставрации там осталось что-нибудь хорошее.

Пастор (*гостеприимно улыбаясь*). Я буду очень рад, если сэр Джордж и миссис Уоррен в самом деле захотят посмотреть ее.

Миссис Уоррен. Ну так идем посмотрим, и дело в сторону.

Крофтс (*опять поворачивает к калитке*). Я не возражаю.

Пастор. Нет, не сюда. Мы пройдем полем, если позволите. (*Ведет их по узенькой тропинке мимо буксовой изгороди.*)

Крофтс. Что ж, пожалуйста. (*Идет рядом с пастором.*)

Прэд и миссис Уоррен следуют за ними. Виви не двигается с места и смотрит им вслед, выражение ее лица в эту минуту становится особенно решительным.

Фрэнк. А вы разве не идете?

Виви. Нет. Я должна сделать вам замечание, Фрэнк. Вы позволили себе издеваться над моей матерью, вот только что, когда говорили насчет пасторского сада. Прошу вас обращаться с моей матерью так же почтительно, как вы обращаетесь со своей.

Фрэнк. Моя милая Вив, она этого не оценит. Она не похожа на мою мать; не годится с той и другой обращаться одинаково. Но что такое с вами случилось? Вчера вечером у нас с вами было полное единомыслие насчет вашей матери и ее компании, а сегодня утром вы позируете в роли любящей дочери и ходите обнявшись с вашей мамашей.

Виви (*вспыхнув*). Позирую!

Фрэнк. Да, я так это понял. Первый раз в жизни вижу, что вы перестаете быть собой и становитесь посредственностью.

Виви (*сдерживаясь*). Да, Фрэнк, произошла перемена, и я не думаю, чтоб она была к худшему. Вчера я вела себя как педантка.

Фрэнк. А сегодня?

Виви (*дрогнула, но смотрит на него в упор*). Сегодня я знаю мою мать лучше, чем вы.

Фрэнк. Боже вас сохрани!

Виви. Что вы хотите этим сказать?

Фрэнк. Вив, у безнравственных людей существует нечто вроде общего языка, о котором вы и понятия не имеете,— вы слишком цельная натура. Вот это и роднит вашу мать со мной, вот поэтому я знаю ее лучше, чем вы,— так, как вам никогда не узнать.

Виви. Ошибаетесь. Вы ничего о ней не знаете. Если б вы знали, с какими обстоятельствами ей пришлось бороться...

Фрэнк (*ловко заканчивая фразу*). ...то я понял бы, отчего она стала такая, правда? А не все ли это равно? Какие бы там ни были обстоятельства, а с вашей матерью вы не уживетесь, Вив.

Виви (*очень сердито*). Почему же?

Фрэнк. Потому что она дрянная старуха, Вив. Если вы при мне еще раз обнимете ее за талию, я тут же застрелюсь в знак протеста.

Виви. Значит, я должна выбирать между вами и моей матерью?

Фрэнк (*любезно*). Ну, зачем же ставить миссис Уоррен в такое невыгодное положение. Нет, Вив, ваш влюбленный мальчик никогда вас не оставит. Но тем больше он тревожится за вас и боится, как бы вы не наделали ошибок. Что уж тут, Вив, ваша мать невозможна. Она, может быть, и добрая старуха, но непорядочная, в высшей степени непорядочная.

Виви (*горячо*). Фрэнк! (*Он не сдается. Она уходит от него и садится на скамью под тисовым деревом, стараясь успокоиться и взять себя в руки, потом говорит.*) Значит, все должны ее оставить, потому что она, как вы выражаетесь, непорядочная? Значит, она не имеет права жить?

Фрэнк. Не бойтесь, Вив, она не останется в одиночестве. (*Подсаживается к Виви на скамью.*)

Виви. Но я должна ее оставить, так по-вашему?

Фрэнк (*ребячливо, нежным подкупающим голосом, стараясь заговорить ее*). Не надо к ней переезжать. Все равно не получится семейная группа: маменька с дочкой. Только расстроит нашу семейную группу.

Виви (*впадая в его тон*). Какую семейную группу?

Фрэнк. Дети в лесу: Виви и маленький Фрэнк. (*Обнимает Виви за талию и прижимается к ней, словно сонный ребенок.*) Уйдем в темный лес и зароемся в листья.

Виви (*укачивает его, как нянька ребенка*). И уснем крепким сном под зеленою сенью.

Фрэнк. С милой умницей-девочкой глупенький мальчик.

Виви. Милый маленький мальчик с дурнушкой-девчонкой.

Фрэнк. В мире и тишине, подальше от безмозглого папаши и сомнительной...

Виви (*заглушает последние два слова, прижав голову Фрэнка к груди*). Ш-ш-ш! Девочке хочется совсем забыть о своей матери.

Они молчат некоторое время, укачивая друг друга. Потом Виви пробуждается словно от толчка

Какие же мы идиоты! Ну, сядьте как следует. Боже мой! Ваши волосы... *(Приглаживает их.)* Неужели все взрослые люди играют вот так, по-ребячьи, когда на них никто не смотрит? В детстве я никогда этого не делала.

Фрэнк. И я тоже. Вы моя первая подруга. *(Он хочет поцеловать ее руку, но сначала оглядывается и совершенно неожиданно видит Крофтса, выходящего из-за bushes изгороди.)* О, черт бы его взял!

Виви. Кого, милый?

Фрэнк *(шепотом)*. Ш-ш! Тут эта скотина, Крофтс! *(Отсаживается подальше как ни в чем не бывало.)*

Крофтс. Мгу я сказать вам несколько слов, мисс Виви?

Виви. Разумеется.

Крофтс *(Фрэнку)*. Извините меня, Гарднер. Вас ждут в церкви, если вы ничего не имеете против.

Фрэнк *(вставая)*. Все, что вам угодно, Крофтс,— только не церковь. Если вам что-нибудь понадобится, Виви, позвоните в колокольчик у калитки. *(С безукоризненной учтивостью направляется к дому.)*

Крофтс *(смотрит ему вслед, хитро прищурившись, и говорит Виви тоном близкого друга, пользующегося особыми правами)*. Приятный молодой человек, мисс Виви. Жаль, что у него нет денег, верно?

Виви. Вы так думаете?

Крофтс. Ну какое у него будущее? Ни профессии, ни состояния. Куда он годится?

Виви. Я знаю его слабые стороны, сэр Джордж.

Крофтс *(слегка растерявшись оттого, что его так верно поняли)*. О, не в том дело. А просто, пока мы живем на земле, от этого не уйти: деньги есть деньги.

Виви не отвечает.

Хорошая погода, верно?

Виви *(с плохо скрытым презрением к такой неудачной попытке завязать разговор)*. Счень.

Крофтс *(грубовато и добродушно, делая вид, что ему нравится ее смелость)*. Ну, я не о том хотел говорить. *(Подсаживается к ней поближе.)* Послушайте, мисс

Виви. Я очень хорошо понимаю, что я не компания для молодых девиц.

Виви. Вот как, сэр Джордж?

Крофтс. И сказать вам по правде, я к этому не стремлюсь. Но у меня слово с делом не расходится, и если я что-нибудь чувствую, так не на шутку, а уж если я что-нибудь дорого ценю, так плачу за это наличными. Вот я какой человек.

Виви. Это, по-моему, делает вам честь.

Крофтс. О, я вовсе не собираюсь хвастаться. У меня есть свои недостатки, само собой разумеется, и я это понимаю лучше всякого другого, я знаю, что я не совершенство, — это одно из преимуществ зрелого возраста. А я уже не молод и помню об этом. Но правила жизни у меня простые и, мне думается, хорошие. В отношениях с мужчиной — честь, в отношениях с женщиной — верность; не быть ханжой и не разводить бобов насчет религии, а твердо верить, что все, в общем, идет к лучшему.

Виви *(с язвительной иронией)*. Верить в силу, которая находится вне нас и стремится к добру, да?

Крофтс *(приняв это всерьез)*. Вот именно, вне нас. Вы-то понимаете, что я хочу сказать. Ну, а теперь перейдем к делу. Вы, может быть, думаете, что я промотал свои деньги зря? Ничего подобного: я теперь богаче, чем в тот день, когда получил наследство. Жизненный опыт помог мне: я вложил свой капитал в такое дело, которое другие упустили из виду; в чем другом я, может быть, и отстал, зато уж в денежном отношении — будьте покойны, не подкачаю.

Виви. Вы очень любезны, что сообщаете мне все это.

Крофтс. Ну, полно, мисс Виви. Будто бы вы не понимаете, к чему я клоню. Я хочу обзавестись леди Крофтс. Вам, верно, кажется, что я действую уж слишком напрямик?

Виви. Вовсе нет, я очень вам обязана, что вы высказались так определенно и по-деловому. Я вполне могу оценить ваше предложение: деньги, общественное положение, титул леди Крофтс и так далее. Но я все-таки должна отказаться, с вашего разрешения. Лучше не надо. Нет и нет. *(Встает и подходит к солнечным часам, чтобы избавиться от соседства с Крофтсом.)*

Крофтс *(ничуть не обескуражен; пользуясь освободившимся на скамье местом, располагается поудобнее, словно при ухаживании два-три предварительных отказа в порядке вещей)*. Я не тороплюсь. Это только чтобы вы

знали, на случай если молодой Гарднер вздумает вас поймать. Вопрос остается открытым.

Виви (*резко*). Мой отказ окончательный. Я не передумаю.

На Крофтса ее отказ не производит никакого впечатления. Он ухмыляется: поставив локти на колени, наклоняется вперед, тычет палкой в какую-то несчастную букашку и хитрым взглядом смотрит на Виви. Она отворачивается в раздражении.

Крофтс. Я гораздо старше вас, на двадцать пять лет — это четверть столетия. Я не собираюсь жить вечно и позабочусь о том, чтобы вы были обеспечены после моей смерти.

Виви. Меня и это не соблазняет, сэръ Джордж. Не лучше ли вам примириться с моим ответом? Нет ни малейшей надежды, чтобы я его изменила.

Крофтс (*встает, сшибает палкой маргаритку и начинает прохаживаться взад и вперед*). Что ж, не беда. Я бы мог сообщить вам кое-что, и вы мигом передумали бы. Но не хочу; я предпочитаю честно добиваться вашего расположения. Я был верным другом вашей матери, спросите ее сами. Если б не мои советы и помощь, она бы никогда не нажила тех денег, которые пошли на ваше образование, не говоря уж о деньгах, которыми я ссудил ее. Немного сыщется людей, которые поддержали бы ее, как я. Я вложил в это дело не меньше сорока тысяч фунтов.

Виви (*смотрит на него в изумлении*). Вы хотите сказать, что вы были компаньоном моей матери?

Крофтс. Да. Теперь подумайте сами, от скольких объяснений и хлопот мы избавились бы, если бы все это осталось, так сказать, в кругу семьи. Спросите вашу матушку, захочет ли она рассказывать обо всех своих делах постороннему человеку?

Виви. Не вижу, в чем тут затруднение. Насколько я понимаю, дело ликвидировано и капитал положен в банк.

Крофтс (*остолбенев от изумления*). Ликвидировано! Ликвидировать дело, которое дает тридцать пять процентов прибыли в самый плохой год! С какой же стати? Кто это вам сказал?

Виви (*меняясь в лице*). Вы хотите сказать, что оно все еще... (*Резко обрывает фразу и хватается за солнечные часы, чтобы не упасть. Потом быстрыми шагами идет к стулу и садится.*) О каком деле вы говорите?

Крофтс. Собственно говоря, это дело не такое, чтобы оно могло считаться... ну, первоклассным, что ли, в моем кругу... в нашем кругу, если вы со временем пере-

думаете насчет моего предложения. Не то чтобы тут была какая-нибудь тайна,— не думайте, нет. Вы, разумеется, и сами понимаете: раз в нем принимает участие ваша мать, то в этом деле нет решительно ничего сомнительного, нечестного. Я ее знаю много лет и могу сказать, что она скорее руку себе отрубит, чем возьмется за что-нибудь подозрительное. Да я вам расскажу, если хотите. Не знаю, случалось ли вам замечать, путешествуя за границей, как трудно найти действительно удобный пансион...

В и в и *(с отвращением, глядя в сторону)* Да, продолжайте, пожалуйста.

Крофтс. Ну вот, в этом-то и вся суть. А ваша матушка — прекрасный организатор. У нас два пансиона в Брюсселе, один в Берлине, один в Вене и два в Будапеште. Разумеется, кроме нас участвуют и другие, но в наших руках большая часть капитала, а ваша матушка незаменима как директор предприятия. Вы, я думаю, обратили внимание, что она почти все время в разъездах. Но об этом, понимаете ли, лучше не говорить в обществе. Скажи только слово «пансион», и пойдут слухи, что ты содержишь кабак. Вы же не захотите, чтобы о вашей матери ходили такие слухи, правда? Вот почему мы и молчим на этот счет. Кстати, вы ведь никому не скажете? Уж если оно хранилось в секрете столько времени, пускай и дальше так будет.

В и в и. И это-то дело вы приглашаете меня вести вместе с вами?

Крофтс. О нет. Мои дела жены не касаются. Вы будете в них участвовать не больше, чем всегда участвовали.

В и в и. Я участвовала? Что вы хотите сказать?

Крофтс. Только то, что вы жили на эти деньги. Этими деньгами заплачено за ваше образование и за платье, которое на вас надето. Не брезгуйте людьми дела, мисс Виви: без них где были бы ваши колледжи, ваши Ньюхэмы и Гертоны?

В и в и *(вставая, почти вне себя)*. Берегитесь! Я знаю, какое это дело.

Крофтс *(егва удерживаясь от брани)*. Кто вам сказал?

В и в и. Ваш компаньон — моя мать.

Крофтс *(задыхаясь от ярости)*. Старая...

В и в и. Так, так.

Слово застревает у Крофтса на языке, он стоит, задыхаясь от злобы и бешено бранясь про себя; однако, понимая, что ему следует держаться сочувственного тона, находит выход в благородном негодовании.

Крофтс. Какое неуважение к вам! Я бы никогда вам этого не сказал.

Виви. Вы, верно, сказали бы мне после свадьбы; это было бы надежное средство держать меня в руках.

Крофтс (*совершенно искренне*). Вот уж не собирался. Честное слово джентльмена!

Виви (*смотрит на него во все глаза; однако, сознавая комизм его протеста, она успокаивается и, собравшись с силами, отвечает презрительно и сдержанно*). Это неважно. Я думаю, вы понимаете, что наше знакомство должно прекратиться сегодня же, как только мы уедем отсюда.

Крофтс. Почему? Потому что я помогал вашей матери?

Виви. Моя мать была бедная женщина, и ей не оставалось другого выбора, вот почему она на это пошла. А вы были богач и джентльмен и пошли на это ради тридцати пяти процентов прибыли. По-моему, вы самый обыкновенный негодяй. Вот что я о вас думаю.

Крофтс (*таращит на нее глаза; он нисколько не обижен и чувствует себя гораздо легче оттого, что дело пошло начистоту, без прежних церемоний*). Ха-ха-ха! Так, так, барышня, валяйте! Мне это не повредит, а вам доставит удовольствие. Почему бы, черт возьми, мне не вложить моих денег в это дело? Я получаю проценты с капитала, как и другие; надеюсь, вы не думаете, что я сам пачкаю руки этой работой? Что вы! Не станете же вы отказываться от знакомства с герцогом Белгрэвиа, кузеном моей матери, из-за того, что часть его доходов достается ему не вполне безгрешным путем? Я думаю, вы не перестанете кланяться архиепископу Кентерберийскому из-за того, что в его домах сдаются квартиры мытарям и грешникам? Вы помните стипендию Крофтса в Ньюхэме? Так вот, она была основана моим братом, членом парламента. Он получает двадцать два процента прибыли с фабрики, где работают шестьсот девушек, и ни одна из них не зарабатывает столько, чтобы можно было на это прожить. Как же, вы думаете, они сводят концы с концами? Спросите вашу матушку! И что же, по-вашему, я должен отказаться от тридцати пяти процентов прибыли, когда все прочие загребают сколько могут, как полагается умным людям? Как же, нашли дурака! Если вы будете выбирать своих знакомых по признаку высокой нравственности, вам лучше уехать из Англии или совсем отказаться от общества.

Виви (*чувствуя угрызения совести*). Вы можете еще сказать, что я сама никогда не спрашивала, откуда берутся деньги, которые я трачу. Думаю, что я нисколько не лучше вас.

Крофтс (*совершенно успокоившись*). Ну разумеется! И очень хорошо! Ведь вреда от этого нет, в конце концов. (*Игриво поддразнивает ее.*) Так, значит, вы уж не считаете меня таким негодяем, передумали теперь, а?

Виви. Я делила с вами прибыль, а сейчас поставила себя на одну доску с вами, высказав, что я о вас думаю.

Крофтс (*серьезно и дружески*). Ну так что же из этого? Вы увидите, что я не так уж плох: я не гонюсь за всякими там умственными тонкостями, зато умею чувствовать по-человечески; к тому же мы, Крофтсы, не терпим вульгарности, это уж у нас в крови, и, я думаю, в этом мы с вами сойдемся. Поверьте мне, мисс Виви, на свете не так уж плохо жить, как каркают все эти пророки. Пока вы не идете против общества в открытую, оно не станет задавать вам щекотливые вопросы; зато с выскочками, которые лезут на рожон, разделяются в два счета. Всего лучше сохраняется в тайне то, о чем все догадываются. В том обществе, в которое я вас введу, ни одна дама, ни один джентльмен не забудутся настолько, чтобы судачить о моих делах или о делах вашей матери. Никто другой не создаст вам такого прочного положения в обществе.

Виви (*с любопытством наблюдает за ним*). Вам, верно, кажется, что вы со мной отлично столковались?

Крофтс. Я льщу себя надеждой, что теперь вы обо мне лучшего мнения, чем были сначала.

Виви (*спокойно*). Теперь я нахожу, что о вас вообще не стоит думать. Когда я думаю о том обществе, которое вас терпит, и о законах, которые вас защищают, когда я думаю, как беспомощны были бы девять девушек из десяти в руках у моей матери — продажной женщины, и у вас — ее сутенера-капиталиста...

Крофтс (*побагровев*). Ах, мерзкая!

Виви. Это лишнее. Я и без того чувствую себя мерзко. (*Поднимает щеколду калитки, намереваясь открыть ее и выйти.*)

Крофтс бежит за Виви и кладет руку на верхнюю перекладину, не давая ей открыть калитку.

Крофтс (*задыхаясь от ярости*). Вы думаете, что я это так и стерплю от вас, чертенок вы такой?

В и в и *(невозмутимо)*. Успокойтесь. Сейчас кто-нибудь выйдет на звонок. (Не отступая ни на шаг, ударяет по звонку тыльной стороной руки.)

Звонок резко дребезжит, и Крофтс невольно отскакивает назад. Почти в то же мгновение на крыльце появляется Фрэнк с винтовкой.

Фрэнк *(любезно и радостно)*. Дать вам ружье, Вив, или мне самому распорядиться?

В и в и. Фрэнк, вы слышали?

Фрэнк *(сбегая по ступенькам в сад)*. Только звонок, уверяю вас; я боялся, как бы вам не пришлось дожидаться. По-моему, я проявил тонкое понимание вашего характера, Крофтс.

Крофтс. Мне ничего не стоит отнять у вас это ружье и обломать его об вашу голову.

Фрэнк *(осторожно подкрадывается к нему)*. Ради Бога, не надо. Я так неосторожен в обращении с оружием. Непременно выйдет несчастный случай, и на следствии мне сделают выговор за небрежность.

В и в и. Уберите ружье, Фрэнк, это ни к чему.

Фрэнк. Совершенно верно, Вив. Лучше поймать его в капкан — это как-то больше по-спортсменски.

Уязвленный Крофтс делает угрожающий жест.

Крофтс, у меня тут пятнадцать патронов, а на таком расстоянии я стреляю без промаха, тем более в мишень ваших размеров.

Крофтс. Не бойтесь, пожалуйста. Я вас не трону.

Фрэнк. Очень великодушно с вашей стороны при данных обстоятельствах! Благодарю вас!

Крофтс. Я уйду, но сначала я кое-что сообщу вам. Вам это небезынтересно, ведь вы так привязаны друг к другу. Мистер Фрэнк, позвольте вас представить вашей сводной сестре, дочери почтенного Сэмюэля Гарднера. Мисс Виви: ваш сводный брат. Всего лучшего. *(Выходит через калитку на дорогу.)*

Фрэнк *(после минутного оцепенения берет за винтовку)*. Вы засвидетельствуете, Вив, что это был несчастный случай. *(Прицеливается в удаляющуюся фигуру Крофтса.)*

В и в и *(хватается за гуло и направляет его себе в грудь)*. Теперь стреляйте. Можно.

Фрэнк *(выпускает из рук винтовку)*. Стойте! Осторожнее.

Виви разжимает руку. Винтовка падает на траву.

Ох, и задали же вы страху своему мальчику. А если б она выстрелила? Уф! *(Как подкошенный падает на скамью.)*

Виви. А если б и выстрелила: от острой физической боли мне стало бы легче.

Фрэнк *(ласково)*. Не принимайте этого всерьез, милая Виви. Подумайте, даже если этот субъект под дулом винтовки первый раз в жизни сказал правду, то мы теперь только стали настоящими детьми в лесу. *(Протягивает к ней руки.)* Пойдем и зароемся в листья.

Виви *(с криком отшатывается)*. Нет, нет, только не это.

Фрэнк. Почему, что же случилось?

Виви. Прощайте. *(Идет к калитке.)*

Фрэнк *(вскакивая)*. Нет! Стойте, Виви! Виви!

Она оборачивается.

Куда вы идете? Где вас искать?

Виви. У Онории Фрээр, Чэнсери-лэйн, шестьдесят семь, там я и останусь навсегда. *(Быстро уходит в направлении, противоположном тому, по которому пошел Крофтс.)*

Фрэнк. Послушайте, по стойте! О черт! *(Бежит за ней.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Онории Фрээр на Чэнсери-лэйн. Конторское помещение в верхнем этаже Нью-Стоун Билдингс; зеркальное окно, облезлые стены, электрическое освещение и патентованная печь. В окно видны трубы Линкольн-Инна и вечернее небо за ними. Посреди комнаты большой письменный стол, заваленный горами книг и бумаг; на нем коробка сигар, пепельницы и настольная электрическая лампа. С правой и с левой стороны стола — стулья. Конторка клерка, запертая и прибранная, стоит у стены, ближе к двери, ведущей во внутренние комнаты. В противоположной стене дверь, ведущая в общий коридор. Верхняя панель двери из матового стекла, снаружи на ней черная надпись: «Фрээр и Уоррен». Угол между этой дверью и окном заставлен суконной ширмой.

Фрэнк, в светлом модном костюме, с тросточкой, перчатками и белой шляпой в руках, ходит взад и вперед по комнате. Кто-то старается отпереть дверь ключом.

Фрэнк. Входите. Не заперто.

Входит Виви, в шляпе и жакетке; она останавливается, глядя на Фрэнка в изумлении.

Виви (*строго*). Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Жду вас. Я здесь уже сколько времени. Кто же так занимается делом? (*Кладет шляпу и трость на стол, одним прыжком взбирается на табурет клерка и смотрит на Виви, настроенный, по всем признакам, особенно задорно и легкомысленно.*)

Виви. Я уходила ровно на двадцать минут, выпить чашку чаю. (*Снимает шляпу и жакет и вешает их за ширмой.*) Как вы сюда вошли?

Фрэнк. Ваш «персонал» был еще на месте, когда я явился. Он пошел играть в крикет на Примроз-хилл. Напрасно вы нанимаете мальчика, вам бы надо выдвигать женщин.

Виви. Зачем вы пришли?

Фрэнк (*соскочив с табурета, подходит к ней*). Вив, поедем тоже куда-нибудь развлекаться, как ваш персонал. Что вы думаете насчет Ричмонда*, мюзик-холла и веселого ужина?

Виви. Это мне не по средствам. Я должна проработать еще часов шесть, прежде чем лягу.

Фрэнк. Не по средствам, нам с вами? Эге! Смотрите-ка! (*Достает из кармана горсть золотых и бренчит ими.*) Золото, Вив, золото!

Виви. Откуда оно у вас?

Фрэнк. Выиграл, Вив, выиграл! В покер.

Виви. Фу! Это хуже воровства! Нет, не поеду. (*Садится к рабочему столу, спиной к стеклянной двери, и начинает перелистывать бумаги.*)

Фрэнк (*жалобно*). Но, моя милая Виви, у меня к вам такой серьезный разговор!

Виви. Очень хорошо. Садитесь на стул Онории и разговаривайте. Я люблю поболтать минут десять после чая.

Фрэнк ворчит.

Нечего стонать, я неумолима.

Фрэнк садится против нее, нахохлившись.

Передайте, пожалуйста, ящик с сигарами.

Фрэнк (*толкает ящик через стол*). Отвратительная женская привычка. Порядочные мужчины больше не курят сигар.

Виви. Да, им не нравится запах в конторе; нам пришлось перейти на папиросы. (*Открывает ящик, берет папиросу и закуривает. Предлагает Фрэнку. Он отказывается, делая кислое лицо. Она откидывается на спинку стула, курит.*) Ну, начинайте.

Фрэнк. Я хочу знать, чего вы добились.

Виви. Все было устроено в двадцать минут, как только я приехала. Оказалось, что у Онории в этом году очень много работы; она как раз собиралась предложить мне стать ее компаньоном, когда я вошла и объявила, что у меня за душой нет ни фартинга. Вот я и водворилась здесь, а Онорию отправила отдохнуть недели на две. Что было в Хэльмире после моего отъезда?

Фрэнк. Ничего решительно. Я сказал, что вы уехали в город по важному делу.

Виви. Ну?

Фрэнк. Ну, они молчали, оттого что растерялись, или Крофтс подготовил вашу мать. Во всяком случае она ничего не сказала, и Крофтс ничего не сказал, а Прэдди только хлопал глазами. После чаю они ушли, и с тех пор их не видел.

Виви (*мирно кивает, следя за струйкой дыма*). Ну и отлично.

Фрэнк (*неодобрительно оглядывая комнату*). Вы что же, так и будете сидеть в этой отвратительной дыре?

Виви (*энергично разгоняет дым и выпрямляется*). Да. За эти два дня ко мне вернулись все силы и самообладание. Я никогда в жизни не поеду больше отдыхать.

Фрэнк (*с кислой миной*). Н-да! Вид у вас счастливый и неприступный.

Виви (*мрачно*). Тем лучше для меня.

Фрэнк (*вставая*). Послушайте, Вив, нам надо объясниться. Мы расстались с вами по недоразумению. (*Садится на стол рядом с ней.*)

Виви (*тушит окурки*). Ну что ж, объясните, в чем дело.

Фрэнк. Вы помните, что сказал Крофтс?

Виви. Помню.

Фрэнк. Это разоблачение должно было совершенно изменить наши чувства друг к другу. Оно поставило нас в отношения брата и сестры.

Виви. Да.

Фрэнк. А у вас когда-нибудь был брат?

Виви. Нет.

Фрэнк. Ну так вы и понятия не имеете, что значит быть братом и сестрой. У меня сестер целая куча. Братские чувства мне знакомы как нельзя лучше; и уверяю вас — то, что я чувствую к вам, нисколько на них не похоже. У девочек своя дорога, у меня своя, и мы ничуть не огорчимся, если никогда больше не увидим друг друга. Вот это братские чувства. А без вас я и дня не проживу. Какие же это братские чувства? Это как раз то, что я чувствовал за час до разоблачения Крофтса. Короче говоря, милая Виви, это юная мечта любви.

Виви (*язвительно*). То есть именно то чувство, Фрэнк, которое привело вашего отца к ногам моей матери. Так, что ли?

Фрэнк (*в возмущении в одну секунду скатывается со стола*). Я решительно не согласен, чтобы мои чувства сравнивали с теми, какие способен питать достопочтенный Сэмюэль; и совершенно не согласен сравнивать вас с вашей матерью. (*Опять взбирается на свой насест.*) Кроме того, я этой истории не верю. Я пристал к отцу и получил от него ответ, равносильный отрицанию.

Виви. Что же он сказал?

Фрэнк. Сказал, что тут, должно быть, какая-то ошибка.

Виви. Вы ему верите?

Фрэнк. Я скорее готов поверить на слово ему, чем Крофтсу.

Виви. Разве это что-нибудь меняет — то есть в ваших глазах, для вашей совести? Ведь на деле это ничего не меняет.

Фрэнк (*качая головой*). Для меня решительно ничего.

Виви. И для меня тоже.

Фрэнк (*смотрит на нее в изумлении*). Но это просто поразительно! А я-то думал, что наши отношения совершенно изменились в ваших глазах — для вашей совести, как вы выразились, — в ту же минуту, после слов этой скотины Крофтса.

Виви. Нет, не в том дело. Я ему не поверила. А хотела бы поверить.

Фрэнк. Как?

Виви. По-моему, отношения брата и сестры для нас самые подходящие.

Фрэнк. Вы в самом деле так думаете?

В и в и . Да, только такими отношениями я и дорожу, даже если б между нами возможны были какие-нибудь другие. Я так думаю.

Ф р э н к (*поднимает брови с видом человека, которого вдруг озарило, и говорит в приливе рыцарских чувств*). Милая Виви, почему же вы раньше этого не сказали? Мне очень жаль, что я надоедал вам. Разумеется, я понимаю.

В и в и (*удивленно*). Что понимаете?

Ф р э н к . О, я вовсе не дурак в обычном смысле слова — я только в библейском: проделываю все то, что мудрец объявил суетой на основании собственного весьма обширного опыта. Вижу, что я уже не милый мальчик, Виввумс. Не бойтесь, я больше не стану звать вас Виввумс, разве только если вам надоест ваш новый друг, кто бы он ни был.

В и в и . Мой новый друг?

Ф р э н к (*убежденно*). Непременно должен быть новый. Всегда так. Других причин просто не бывает.

В и в и . Ваше счастье, что вы так думаете.

Кто-то стучится в дверь.

Ф р э н к . Провалиться бы вашему гостю, кто бы он ни был?

В и в и . Это Прэд. Он уезжает в Италию и хочет проститься. Я просила его зайти сегодня. Пойдите откройте ему.

Ф р э н к . Мы можем возобновить наш разговор после его отъезда в Италию. Я его пересажу. (*Идет к двери и открывает ее.*) Здравствуйте, Прэдди. Очень рад вас видеть. Войдите.

Входит П р э д в приподнятом настроении, одетый по-дорожному.

П р э д . Как поживаете, мисс Уоррен?

Виви дружески жмет Прэду руку, хотя ее коробит некоторая сентиментальность его настроения.

Я отправляюсь через час с Гольборнского виадука. Как бы мне хотелось уговорить вас поехать в Италию.

В и в и . Зачем?

П р э д . Как зачем? Затем, чтобы проникнуться красотой и романтикой, разумеется.

Виви, вздрогнув, придвигает свой стул к столу, словно ищет утешения и поддержки в работе, которая ее ждет. Прэд садится напротив. Фрэнк ставит стул рядом с Виви, лениво и небрежно садится и разговаривает с ней, глядя через плечо.

Фрэнк. Бесполезно, Прэдди. Виви — прозаическая особа. Она равнодушна к моей романтике и нечувствительна к моей красоте.

Виви. Мистер Прэд, раз и навсегда: для меня в жизни нет ни красоты, ни романтики. Жизнь есть жизнь, и я беру ее такой, как она есть.

Прэд (*восторженно*). Вы этого не скажете, когда побываете в Вероне и в Венеции. Вы будете плакать от восторга, что живете в таком прекрасном мире.

Фрэнк. Весьма красноречиво, Прэдди. Продолжайте в том же духе.

Прэд. Уверяю вас, я действительно плакал — и, надеюсь, опять заплачу, в пятьдесят-то лет! А в вашем возрасте, мисс Уоррен, незачем даже и ездить так далеко. Вы буквально воспарите духом, уже завидев Остенде. Вас очарует веселье, живость, бодрящая атмосфера Брюсселя.

Виви (*вскакивает, не в силах скрыть отвращение*). Ох!..

Прэд (*встает*). Что такое?

Фрэнк (*тоже встает*). Виви!

Виви (*Прэду, с горьким упреком*). Неужели в разговоре со мной вы не могли найти другого примера вашей красоты и романтики, кроме Брюсселя?

Прэд (*не понимая*). Конечно, это совсем не то, что Верона. Я вовсе не хочу внушить вам мысль...

Виви (*с горечью*). Вероятно, красота и романтика и там и здесь одна и та же.

Прэд (*совершенно отрезвившись, встревоженно*). Милая мисс Уоррен, я... (*Вопросительно смотрит на Фрэнка*). Что-нибудь случилось?

Фрэнк. Ваши восторги кажутся Виви легкомысленными, Прэд. Она теперь трагически смотрит на вещи.

Виви (*резко*). Придержите язык, Фрэнк! Что за глупости!

Фрэнк (*садится*). Как вам нравятся такие манеры, Прэд?

Прэд (*озабоченно и почтительно*). Увести его, мисс Уоррен? Я чувствую, что мы вам мешаем работать. (*Хочет встать*.)

Вивви. Сидите, пожалуйста; я еще не собираюсь работать.

Прэд садится.

Вы оба думаете, что у меня истерика. Ничего подобного. Но, с вашего разрешения, я попросила бы вас оставить в покое две темы. Одна (*обращается к Фрэнку*) — это мечта о любви, в какой бы форме она ни выражалась; а другая (*обращается к Прэду*) — красота и романтика жизни, особенно если примером ей служат брюссельские веселости. Сами вы вольны питать какие угодно иллюзии на этот счет; у меня их больше нет. Если мы трое останемся друзьями, то ко мне вы должны относиться как к деловой женщине, неизменно одинокой (*Фрэнку*) и неизменно чуждой романтике (*Прэду*).

Фрэнк. Я тоже останусь неизменно одиноким, пока вы не перемените мнения. Прэдди, оставим эту тему. Ваше красноречие пригодится на что-нибудь другое.

Прэд (*неуверенно*). Боюсь, что я не умею говорить ни о чем другом. Евангелие Искусства — единственное, которое я могу проповедовать. Я знаю, мисс Уоррен поклоняется евангелию Успеха; но и об этом нам нельзя разговаривать, чтобы не задеть вас, Фрэнк, — ведь вы же решили, что вам не нужен успех.

Фрэнк. Не бойтесь меня задеть. Дайте мне какой-нибудь хороший совет, пожалуйста; это мне будет очень полезно. Попытайтесь еще раз сделать из меня человека, Вив. Ну, что там требуется: энергия, бережливость, дальновидность, уважение к себе, характер. Вы ненавидите бесхарактерных людей, Вив, не так ли?

Вивви (*морщась*). Довольно, довольно! К чему это отвратительное лицемерие? Мистер Прэд, если в мире только и есть, что эти два евангелия, то всем нам лучше покончить с собой; оба они носят в себе одну и ту же гниль; насквозь прогнили.

Фрэнк (*смотрит на нее критически*). В вас сегодня чувствуется поэтическая жилка, Вив, которой до сих пор не хватало.

Прэд (*протестуя*). Мой милый Фрэнк, надо же немножко сочувствовать.

Вивви (*не щадя себя*). Нет, это мне полезно. Это мне не позволит впасть в сентиментальность.

Фрэнк (*шутливо*). К которой вас влечет неудержимо?

Вивви (*почти истерически*). Да, да, так мне и надо! Не щадите меня. На минуту я расчувствовалась, и еще как расчувствовалась — при лунном свете! А теперь...

Фрэнк *(с живостью)*. Вив, послушайте! Осторожней. Не выдавайте себя.

Виви. Так ведь для мистера Прэда это не новость — о моей матери. *(Прэду.)* Лучше бы вы все рассказали мне в то утро, мистер Прэд. Вы уж очень старомодны, в конце концов, с этой вашей деликатностью.

Прэд. Нет, это вы немножко старомодны с вашими предрассудками, мисс Уоррен. Я должен сказать вам, как художник, что, по моему убеждению, самые интимные человеческие отношения стоят за пределами закона и несравненно выше его. Хотя мне известно, что ваша матушка незамужняя женщина, я ничуть не меньше ее уважаю. Напротив, я уважаю ее больше.

Фрэнк *(легкомысленно)*. Слушайте, слушайте!

Виви *(широко открыв глаза)*. И это все, что вам известно?

Прэд. Разумеется, это все.

Виви. Значит, оба вы ничего не знаете. Все ваши догадки — сама невинность по сравнению с правдой.

Прэд *(встает, волнуясь и негодуя и только усилием воли удерживая себя в границах учтивости)*. Надеюсь, что нет. *(Повышая голос.)* Надеюсь, что нет, мисс Уоррен.

Фрэнк *(выразительно свистит)*. Фью-ю!

Виви. Вы только затрудняете мое признание, мистер Прэд.

Прэд *(несмотря на свои рыцарские чувства, сдается)*. Если есть нечто худшее — я хочу сказать: нечто другое, — вы уверены, что вы вправе нам это сказать, мисс Уоррен?

Виви. Я уверена, что если б у меня хватило смелости, я до самой моей смерти только и делала бы, что рассказывала это всем и каждому, клеймила бы и жгла их, чтобы они понесли свою долю позора и стыда, как несу я. Больше всего на свете я презираю жалкую условность, которая берет под защиту эти порядки, запрещая женщине говорить о них. И все-таки я не в силах сказать вам. Позорные слова, определяющие, что такое моя мать, звучат в моих ушах, просятся на язык, но я не могу произнести их, я стораю от стыда. *(Она закрывает лицо руками.)*

Мужчины в изумлении смотрят друг на друга, потом опять на Виви. Она поднимает голову с отчаянной решимостью и берет лист бумаги и перо.

Вот что, я составляю вам проспект.

Фрэнк. Она с ума сошла! Слышите, Вив, вы сумасшедшая. Ну, возьмите себя в руки.

Виви. Вот увидите. *(Пишет.)* «Основной капитал, не менее сорока тысяч фунтов, принадлежит сэру Джорджу Крофтсу, баронету, главному акционеру. Отделения в Брюсселе, Берлине, Вене и Будапеште. Директор — миссис Уоррен». Да, не забыть бы ее основную профессию. Вот! *(Подвигает к ним листок.)* Нет, нет, не читайте, не надо! *(Берет бумагу и разрывает ее в клочки, потом, охватив голову руками, прячет лицо, припав к столу.)*

Фрэнк, который внимательно следил из-за плеча за тем, что она пишет, делает большие глаза, достает карточку из кармана и, нацарапав на ней два слова, молча передает Прэду, который в изумлении читает и поспешно прячет в карман.

Фрэнк *(нежно шепчет)*. Вив, милая, это ничего. Я прочел то, что вы написали, и Прэдди тоже. И мы остаемся, как и до сих пор, вашими преданными друзьями.

Прэд. Да, мисс Уоррен. Я должен сказать, что вы самая замечательная, самая храбрая женщина, какую я встречал.

Этот сентиментальный комплимент оживляет Виви. Она отвергает его, нетерпеливо мотнув головой, и заставляет себя встать, опираясь на стол.

Фрэнк. Не двигайтесь, Виви, если вам трудно. Не принуждайте себя.

Виви. Благодарю вас. В одном вы всегда можете на меня положиться: я не заплачу и не упаду в обморок. *(Делает несколько шагов к двери в другую комнату и останавливается рядом с Прэдом.)* Мне понадобится гораздо больше храбрости для того, чтобы сказать моей матери, что наши дороги разошлись. Разрешите, я пойду на минуту в другую комнату, приведу себя в порядок.

Прэд. Может быть, нам уйти?

Виви. Нет, нет, я сейчас вернусь. Только на минуту. *(Уходит.)*

Прэд *(открывает ей дверь)*. Какое поразительное открытие! Я совершенно разочаровался в Крофтсе, совершенно!

Фрэнк. А я нисколько. По-моему, теперь вполне ясно, что это за фигура. Но какой удар для меня, Прэдди. Я уже не могу на ней жениться.

Прэд *(сурово)*. Фрэнк!

Они смотрят друг на друга: Фрэнк невозмутимо, Прэд с глубоким возмущением.

Позвольте мне сказать вам, Гарднер, что если вы бросите ее теперь, вы сделаете большую подлость.

Фрэнк. Добрый мой Прэдди! Какое рыцарство! Но вы ошибаетесь: загвоздка не в моральной стороне дела, а в денежной. Теперь я до старухиных денег и пальцем не могу дотронуться.

Прэд. А вы на них рассчитывали, когда собирались жениться?

Фрэнк. А на что же еще? У меня нет своих денег и ни малейшей способности наживать их. Если б я теперь женился на Вив, ей пришлось бы содержать меня, и я обошелся бы ей куда дороже, чем стою.

Прэд. Но такой умный, способный юноша, как вы, может и сам что-нибудь заработать.

Фрэнк. Ну да, кое-что может. *(Вынимает деньги.)* Вот это я заработал вчера — в полтора часа. Но это была чистая спекуляция. Нет, милый Прэдди, даже если Бесси с Джорджиной выйдут за миллионеров и родитель умрет, не оставив им ни гроша, у меня будет всего-навсего четыре сотни в год. А вы знаете, старик у меня недогадливый, он проживет до семидесяти, и я еще двадцать лет просижу на голодном пайке. Нет, поскольку зависит от меня, я не допущу, чтобы Вив терпела нужду. Я благородно ретируюсь и уступаю поле действия нашей золотой молодежи. Так что это решено. Ей я этим докучать не буду, оставляю ей записочку, когда уйдем. Она поймет.

Прэд *(жмет ему руку)*. Вы честный человек, Фрэнк! Я от всего сердца прошу у вас прощения. Но разве так необходимо больше с ней не видеться?

Фрэнк. Больше не видеться? Черта с два! Что это вам взбрело в голову? Я буду заходить к ней как можно чаще, буду ей братом. Вы, романтики, делаете самые нелепые выводы из самых простых вещей.

Стук в дверь.

Кто бы это мог быть? Не откроете ли вы дверь? Если это клиент, то будет гораздо приличнее, если выйдете вы, а не я.

Прэд. Да, пожалуй. *(Идет к двери и открывает.)*

Фрэнк садится на стул Виви и пишет записку.

Дорогая Китти, входите, входите же.

Миссис Уоррен входит и боязливо оглядывается по сторонам, ища Виви. Она сделала все возможное, чтобы выглядеть почтенной матроной. Яркую шляпу заменил темный ток, пестрая блузка прикрыта дорогой мантилей черного шелка. Вид у нее жалкий, встревоженный, ей не по себе — по-видимому от страха.

Миссис Уоррен (*Фрэнку*). Как! Вы здесь?

Фрэнк (*оборачиваясь, но не вставая*). Здесь, и в восторге от того, что вас вижу. Вы словно дыхание весны.

Миссис Уоррен. О, пойдите вы с вашими глупостями! (*Понизив голос.*) Где Виви?

Фрэнк выразительно кивает на дверь второй комнаты.

(*Вдруг садится, чуть ли не со слезами.*) Прэдди, она не захочет меня видеть, как вы думаете?

Прэд. Почему же не захочет, милая Китти? Не огорчайтесь.

Миссис Уоррен. Где уж вам понять почему! Невинный младенец... Мистер Фрэнк, она вам ничего не говорила?

Фрэнк (*складывая записку*). Она вас непременно увидит, если (*очень выразительно*) вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен. А почему бы мне ее не дождаться?

Фрэнк насмешливо смотрит на нее, осторожно кладет записку на чернильницу, чтобы Виви не могла ее не заметить, когда ей понадобится обмакнуть перо, потом встает, подходит к миссис Уоррен и посвящает ей все свое внимание.

Фрэнк. Дорогая миссис Уоррен, предположим, вы были бы воробышком, маленьким, хорошеньким воробышком, и прыгали бы по мостовой и вдруг увидели бы, что на вас надвигается паровой каток. Стали бы вы его дожидаться?

Миссис Уоррен. Отстаньте вы от меня с вашими воробьями. Зачем она убежала из Хэсльмира?

Фрэнк. Боюсь, что она вам скажет, если вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен. Вы хотите, чтоб я ушла?

Фрэнк. Нет, я, как всегда, хочу, чтобы вы остались. Но я советую вам уйти.

Миссис Уоррен. Как! И никогда ее больше не видеть?

Фрэнк. Вот именно.

Миссис Уоррен (*опять плачет*). Прэдди, не позволяйте ему меня тиранить. (*Торопливо вытирает глаза.*) Она рассердится, если увидит, что я плакала.

Фрэнк (*к его легкомысленной нежности примешивается нотка истинного сочувствия*). Вы знаете, что Прэдди — сама доброта, миссис Уоррен. Прэдди? Как вы скажете? Уходить или оставаться?

Прэд (*миссис Уоррен*). Мне было бы очень жаль причинить вам напрасные страдания, но, мне кажется, вам лучше не дожидаться. Дело в том...

За дверью слышны шаги Виви.

Фрэнк. Ш-ш! Слишком поздно. Она идет.

Миссис Уоррен. Не говорите ей, что я плакала.

Входит Виви, останавливается и серьезно смотрит на миссис Уоррен, которая приветствует ее истерически-радостно.

Деточка! Наконец-то ты явилась.

Виви. Я рада, что вы пришли, мне нужно с вами поговорить. Вы, кажется, сказали, что уходите, Фрэнк?

Фрэнк. Да, ухожу. Пойдемте со мной, миссис Уоррен. Не хотите ли проехаться в Ричмонд, а вечером пойти в театр? В Ричмонде вполне безопасно. Там нет паровых катков.

Виви. Пустяки, Фрэнк. Моя мать останется здесь.

Миссис Уоррен (*в страхе*). Не знаю, может быть мне лучше уйти? Мы мешаем тебе работать...

Виви (*спокойно и решительно*). Мистер Прэд, уведите, пожалуйста, Фрэнка. Садитесь, мама.

Миссис Уоррен беспомощно садится.

Прэд. Идем, Фрэнк. До свиданья, мисс Виви.

Виви (*пожимая ему руку*). До свиданья. Желаю вам счастливого пути.

Прэд. Благодарю вас, благодарю.

Фрэнк (*миссис Уоррен*). До свиданья, а все-таки лучше бы вы послушались моего совета. (*Пожимает ей руку. Легкомысленным тоном, Виви.*) До скорого, Вив.

Виви. До свиданья.

Фрэнк уходит с улыбкой, не пожав ей руки.

Прэд (с грустью). До свиданья, Китти.
Миссис Уоррен (плаксиво). До свиданья!

Прэд уходит. Виви, спокойная, очень серьезная, садится на место Онории и ждет, чтобы мать заговорила. Миссис Уоррен, боясь молчания, начинает, не теряя времени.

Виви, почему же ты уехала, не сказав мне ни слова? Как ты могла? И что ты сделала с бедным Джорджем? Я хотела взять его с собой, да он отвертелся. Видно было, что он тебя до смерти боится. Вообрази, он и меня не пустил. Как будто (вздрагивает) я тебя боюсь, милочка.

Виви становится еще мрачнее,

Но я, разумеется, ему сказала, что мы уже все решили и уладили и что мы с тобой в самых лучших отношениях. (Она не выдерживает.) Виви, что это значит? (Достает из конверта листок, подходит к столу и протягивает его Виви.) Я получила это из банка сегодня утром.

Виви. Это мои деньги за месяц. Мне их прислали на днях, как всегда. Я просто отослала их обратно и попросила перевести на ваш счет, а квитанцию послать вам. Теперь я сама буду себя содержать.

Миссис Уоррен (боится понять). Может быть, этого мало? Почему же ты не сказала мне? (С хитрым блеском в глазах.) Я могу давать вдвое больше, я и так собиралась. Только скажи, сколько тебе нужно.

Виви. Вы прекрасно знаете, что дело совсем не в этом. Я пойду своей дорогой, у меня будет свое дело и свои друзья. А у вас своя дорога. (Встает.) Прощайте.

Миссис Уоррен (в ужасе). Прощайте?

Виви. Да, прощайте. Ну к чему мы будем устраивать ненужную сцену? Вы же прекрасно понимаете: сэр Джордж Крофтс все мне рассказал.

Миссис Уоррен (сердито). Старый... (Вовремя спохватывается и бледнеет оттого, что слово едва не вырвалось у нее.)

Виви. Так, так.

Миссис Уоррен. Язык бы ему отрезать! Но я думала, что с этим уже кончено: ведь ты сказала, что тебе все равно.

Виви (твердо). Простите, мне не все равно.

Миссис Уоррен. Но я же тебе объяснила.

Виви. Вы объяснили только, что вас привело к вашей профессии. Но ничего не сказали о том, что вы ее до сих пор не бросили. (Садится.)

Миссис Уоррен, прикусив язык, в отчаянии смотрит на Виви, которая ждет, втайне надеясь, что битва кончена. Но на лице миссис Уоррен опять появляется хитрое выражение, и, наклонившись через стол, она говорит лукаво и настойчиво, почти шепотом.

Миссис Уоррен. Виви, знаешь ли ты, как я богата? Виви. Не сомневаюсь, что вы очень богаты.

Миссис Уоррен. Но ты плохо понимаешь, что это значит, ты слишком молода. Это значит новое платье каждый день; это значит балы и театры каждый вечер; это значит первые джентльмены Европы у твоих ног; это значит красивый дом и множество прислуги; это значит самые тонкие кушанья и напитки; это значит все, что тебе нравится, все, чего душа пожелает, все, что только вздумает. А здесь ты что такое? Не лучше прислуги! Мучаешься и корпишь над работой с утра до ночи ради заработка и двух дешевых платьев в год. Подумай-ка хорошенько. *(Вкрадчиво.)* Ты возмущаешься, я знаю. Я понимаю твои чувства, они делают тебе честь; но, поверь мне, никто тебя не осудит, можешь положиться на мое слово. А я знаю молодых девушек, знаю, что ты переменишь свое мнение, когда подумаешь как следует.

Виви. Так вот как это делается? Вы, должно быть, много раз говорили все это другим женщинам, оттого у вас и получается так гладко.

Миссис Уоррен *(страстно)*. Разве я тебя прошу о чем-нибудь дурном?

Виви презрительно отворачивается.

(В отчаянии продолжает.) Виви, послушай меня. Ты не понимаешь; тебя нарочно учили не тому, что нужно; ты не знаешь по-настоящему, что такое жизнь.

Виви *(в недоумении)*. Как не тому учили? Что вы хотите сказать?

Миссис Уоррен. Я хочу сказать, что ты напрасно упускаешь свое счастье. Ты думаешь, что люди — то, чем хотят казаться, и что все так и есть, как тебя учили думать в школе,— хорошо и правильно? Так нет же, все это только притворство, чтобы держать в руках трусливых, смиренных, обыкновенных людишек. Хочешь узнать это в сорок лет, как другие женщины, когда будет уже поздно, или вовремя, от родной матери, которая тебя любит и может поклясться, что все это правда, святая правда? *(Настойчиво.)* Виви, умные люди, настоящие

люди, кто всем правит,— знают это. Они поступают по-моему и думают по-моему. Я многих таких знаю. Я знаю их, я познакомлю тебя с ними, они станут твоими друзьями. У меня ничего дурного на уме нет; вот этого ты не понимаешь, тебе внушили самые дикие понятия обо мне. Что знают эти твои учителя о жизни и о таких людях, как я? Когда они меня видели, когда говорили со мной, когда хоть слышали от кого-нибудь обо мне? Дурачье! Да разве они сделали бы что-нибудь для тебя, если б я им не платила? Разве я тебе не говорила, что хочу, чтобы ты была порядочной? Разве я не воспитала тебя так, чтобы ты была порядочной? И разве ты можешь оставаться порядочной без моих денег, без моего влияния, без друзей Лиззи? Ведь ты сама себя режешь и мне разбиваешь сердце тем, что отворачиваешься от меня.

Виви. Я узнаю жизненную философию Крофтса, мама. Все это я слышала от него у Гарднеров.

Миссис Уоррен. Ты думаешь, я хочу навязать тебе этого старого шута? Нет, Виви, клянусь тебе, что нет!

Виви. Не беда, если б и хотели; вам бы это не удалось. *(Миссис Уоррен содрогается, глубоко оскорбленная равнодушием Виви к ее материнским заботам. Виви, не понимая этого и не желая понимать, продолжает спокойно.)* Мама, вы плохо меня знаете. Я возражаю против Крофтса не больше, чем против всякого другого грубияна его круга. Сказать вам по правде, я даже отдаю ему должное за то, что у него хватило характера пользоваться жизнью по-своему и наживать деньги, вместо того чтобы охотиться на фазанов и лисиц, обедать в гостях, одеваться у лучших портных и вообще бездельничать, как это принято в его обществе. И я прекрасно знаю: будь я в тех же обстоятельствах, что и моя тетушка Лиз, я бы поступила точно так же. Не думаю, чтоб у меня было больше предрассудков и чопорности, чем у вас; думаю даже, что меньше. Думаю, что я не так сентиментальна. Я очень хорошо знаю, что вся светская мораль — сплошное притворство, что если б я взяла ваши деньги и всю остальную жизнь тратила бы их, как принято в обществе, я без всяких внушений стала бы такой же пустой и никчемной, как самая последняя светская дурочка. Но я не хочу быть пустой. Мне было бы неинтересно кататься в парке, рекламируя свою портниху и своего каретного мастера, или скучать в опере, демонстрируя целую выставку брильянтов.

Миссис Уоррен *(растерянно)*. Но...

Виви. Погодите минуту, я еще не кончила. Скажите мне, почему вы не бросаете этого дела теперь, когда вы от него уже не зависите? Ваша сестра, говорите вы, бросила. Почему же вы этого не делаете?

Миссис Уоррен. Ну, для Лиз это очень легко, она любит хорошее общество, у нее вид настоящей дамы. А ты вообрази меня в Винчестере! Грачи на деревьях — и те заклевали бы меня, если б я не умерла от скуки. Мне нужна работа, нужно движение, иначе я с ума сойду от тоски. А что же еще я могу делать? Эта жизнь мне подходит, и ни для какой другой я не гожусь. Если я перестану этим заниматься, найдутся другие, так что вреда я не приношу. И потом — это выгодно, а я люблю наживать деньги. Нет, нечего и толковать, бросить дело я не могу — ни для кого. Да и зачем тебе о нем знать? Я никогда не заикнусь об этом. Крофтса я к тебе не подпущу. Я не буду часто тебе надоедать: ты же видишь, мне постоянно приходится разъезжать с места на место. А когда я умру, ты совсем от меня избавишься.

Виви. Нет, я дочь своей матери. Я такая же, как вы: мне нужна работа, нужно зарабатывать больше, чем я трачу. Но у меня другая работа и другая дорога. Мы должны расстаться. И для нас изменится очень немного: вместо того чтобы встретиться, может быть, несколько раз за двадцать лет, мы не встретимся никогда, вот и все.

Миссис Уоррен (*глухим от слез голосом*). Виви, я хотела бывать с тобой чаще, правда хотела.

Виви. Не стоит, мама. Меня не переделаешь дешевыми слезами и просьбами, так же как и вас, я думаю.

Миссис Уоррен (*вне себя*). По-твоему, материнские слезы дешевы?!

Виви. Они вам ничего не стоят; а меня вы просите отдать за них душевный мир и спокойствие всей моей жизни. На что я вам нужна, даже если б вы добились своего? Что между нами общего и какое счастье мы можем дать друг другу?

Миссис Уоррен (*забывшись, переходит на просторечье*). Я тебе мать, ты мне дочь! Мне нужна моя дочь. Я имею на тебя права. Кто будет обо мне заботиться, когда я состарюсь? Многие девушки привязывались ко мне, как к родной матери, и плакали, расставаясь со мной, а я никого не пожалела, потому что ждала тебя. Я осталась одинокой ради тебя. Ты не имеешь права идти против меня и забывать дочерний долг.

Виви (*настраиваясь враждебно; в голосе матери ей слышится эхо труппы*). Дочерний долг? Я так и думала, что мы до этого дойдем. Раз навсегда, мама: вам нужна дочь, Фрэнку нужна жена, — а мне не нужно матери и не нужно мужа. Я не пощадила ни себя, ни Фрэнка, когда выпроводила его. Вы думаете, я пощажу вас?

Миссис Уоррен (*с силой*). О, я знаю таких, как ты, — у тебя нет жалости ни к себе, ни к другим. Я знаю. Мой опыт хоть в этом мне помог: я умею распознавать ханжу, лицемерную, сухую, бессердечную женщину. Что ж, оставайся одна, мне тебя не надо! Только послушай. Знаешь, что я с тобой сделала бы, если бы ты родилась снова? Да, сделала бы, свидетель Бог!

Виви. Задушила бы меня, верно?

Миссис Уоррен. Нет, я воспитала бы тебя так, чтоб ты была мне настоящей дочерью, а не такой, какая ты теперь, — с твоей гордостью, предрассудками и образованием, которое ты у меня украли. Да, украли! Ну, отойди, если посмеешь! Скажи, что это, как не воровство, а? Я воспитала бы тебя у себя дома, да.

Виви (*спокойно*). В одном из ваших домов.

Миссис Уоррен (*взвизгивает*). Послушайте ее! Посмотрите, как она плюет на седые волосы своей матери! Дай тебе Бог дожить до того, чтобы твоя дочь растоптала тебя так же, как ты растоптала меня. И ты доживешь до этого, доживешь! Не бывать счастливой той женщине, которую мать прокляла!

Виви. Перестаньте беситься, мама. Это только раздражает. Будет вам. Я, пожалуй, единственная из молодых женщин, попавших вам в руки, которой вы сделали добро. Не жалеете об этом.

Миссис Уоррен. Да! Прости меня, Господи, это правда! И только ты одна пошла против меня. Ведь это же несправедливо, так несправедливо, так несправедливо! Я всегда хотела быть хорошей женщиной. Я пробовала честно работать — и мной помыкали, как тряпкой, пока я не прокляла тот день, когда впервые услышала о честной работе. Я была хорошей матерью; я вырастила дочь хорошей женщиной — и за это она чурается меня, как прокаженной. О, если б можно было начать жизнь сначала! Сказала бы я словечко этому лицемеру священнику из нашей школы! С этих пор — пусть простит меня Бог перед смертью! — я буду делать только зло и ничего, кроме зла. И наживаться на нем.

Виви. Да. Уж лучше выбрать свою дорогу и идти по ней до конца. Если бы я была на вашем месте, я, может быть, делала бы то же, что и вы; только не стала бы жить одной жизнью, а верить в другую. Ведь в душе вы раба условностей. Потому-то я с вами и прощаюсь. Права я или нет?

Миссис Уоррен *(не понимая)*. В чем? В том, что отказываешься от моих денег?

Виви. Нет, в том, что отказываюсь от вас. Я была бы дура, если бы этого не сделала. Верно?

Миссис Уоррен *(ворчливо)*. Ну, уж если на то пошло, пожалуй, ты и права. Только, Господи помилуй, что же это будет, если все начнут поступать как должно! А теперь мне лучше уйти, раз во мне здесь не нуждаются. *(Поворачивается к двери.)*

Виви *(любезно)*. Вы не хотите пожать мне руку?

Миссис Уоррен *(в ярости смотрит на дочь, обуреваемая желанием ударить ее)*. Нет, спасибо. Прощай!

Виви *(сухо)*. Прощайте.

Миссис Уоррен уходит, хлопнув дверью.

(С лица Виви сходит напряженное выражение, оно проясняется. Виви вздыхает с огромным облегчением, не то плача, не то смеясь; решительно подходит к столу, отставляет в сторону лампу, придвигает к себе грудку бумаг; хочет окунуть перо в чернильницу и видит записку Фрэнк. Она небрежно разворачивает ее и пробегает, мимоходом улыбаясь оригинальному обороту речи.) Прощай и ты, Фрэнк. *(Рвет записку и бросает клочки в корзину, не задумываясь ни на минуту. Потом решительно берется за работу и с головой уходит в вычисления.)*

КАНДИДА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ясное октябрьское утро в северо-восточной части Лондона; это обширный район вдали от кварталов Мейфера и Сент-Джемса; в его трущобах нет той скученности, духоты и зловония. Он невозмутим в своем мещански-непритязательном существовании: широкие улицы, многотысячное население, обилие уродливых железных писсуаров, бесчисленные клубы радикалов, трамвайные пути, по которым непрерывным потоком несутся желтые вагоны. Главные улицы благоденствуют среди палисадников, поросших травой, не истоптанных человеческой ногой за пределами дорожки, ведущей от ворот к подъезду; глаз отупело мирится с унылым однообразием неприглядных кирпичных домов, черных чугунных решеток, каменных тротуаров, шиферных крыш, с благопристойностью дурно одетых и непристойностью бедно одетых людей, которые здесь ко всему пригляделись и по большей части бескорыстно занимаются чужими делами. Некоторая доля энергии и оживления сказывается в кокнейской страсти к наживе и деловой предприимчивости. Даже полисмены и часовни чередуются здесь не достаточно редко, чтобы нарушить однообразие. Солнце весело сияет, никакого тумана. И хотя дым на всем оставляет явные следы, отчего лица, руки, штукатурка, кирпич и все кругом не отличаются ни чистотой, ни свежестью, он висит не такой тяжелой пеленой, чтобы беспокоить лондонского обывателя.

В этой пустыне неприглядности есть свой оазис. Неподалеку от ведущей сюда Хэкней-Род имеется парк в двести семнадцать акров, обнесенный не решеткой, а деревянным забором; зеленые лужайки, деревья, озеро для любителей купаться, цветочные клумбы, делающие честь прославленному кокнейскому искусству возделывания газона, и песчаная площадка — куча песку, когда-то привезенного с пляжа для забавы детей, но быстро покинутая ими, после того как она превратилась в естественный приют паразитов, в обиталище всякой мелкой твари, которой изобилуют Кингленд, Хэкней и Хокстон. Павильон для оркестра, лишенная всякого убранства трибуна для религиозных, антирелигиозных и политических ораторов, крикетное поле, спортивная площадка и старинная каменная беседка — таковы его аттракционы. Там, где пейзаж обрамлен деревьями или зелеными холмами,— это

приятное место; там, где голая земля подходит к серому забору, кирпичу, штукатурке, к высоко расклеенным рекламам, тесному строю труб и завесе дыма, — ландшафт уныл и мрачен.

Самый приятный вид, на Виктория-парк, открывается из окна дома, принадлежащего церкви святого Доминика; отсюда не видно ни одного кирпича. Дом приходского священника стоит обособленно, у него свой палисадник и крытое крыльцо. Посетители ходят через крыльцо и террасу; поставщики провизии и свои домашние ходят через дверь под крыльцом, ведущую в нижнее помещение, которое состоит из столовой и кухни. Наверху, вровень с входной дверью, расположена гостиная с большим зеркальным окном в парк. В этой единственной комнате, куда не допускаются дети и семейные трапезы, трудится приходский священник, достопочтенный Джемс Мэвор Морелл. Он сидит на жестком вертящемся стуле с круглой спинкой, в конце длинного стола, который стоит так, что, глядя через левое плечо, можно наслаждаться видом парка. К противоположному концу стола придвинут маленький столик, на нем пишущая машинка. За машинкой, спиной к окну, сидит машинистка. Большой стол завален брошюрами, журналами, письмами, заставлен целой системой картотечных ящиков, тут же календарь-блокнот, почтовые весы и прочее. Перед столом, посредине, повернутый сиденьем к священнику, стоит стул для посетителей. Рядом, так, что можно достать рукой, — этажерка, и на ней фотография в рамке. Стена позади уставлена книжными полками, и зоркому, опытному глазу нетрудно догадаться о склонности священника к казуистике и богословию — по теологическим очеркам Мориса* и полному собранию стихов Браунинга*, о его прогрессивных убеждениях — по «Прогрессу и бедности»*, выделяющемуся своим желтым корешком, по «Фабианским опытам»*, «Сну про Джона Болла»*, «Капиталу» Маркса и десятку других литературных вех социализма. Напротив, в другом конце комнаты, около стола с машинкой, дверь. Подальше, против камина — книжный шкаф и рядом кушетка. В камине горит веселый огонь; и этот уголок у камелька с удобным креслом и черным обливным, расписанным цветами горшком для угля с одной стороны и маленьким детским стульчиком — с другой выглядит очень уютно. В деревянной полированной раме камина вырезаны изящные полочки с тоненькими полосками зеркала, пропущенными в панели; на полке, в кожаном футляре, неизменный свадебный подарок — будильник, а на стене над камином — большая репродукция с главной фигуры Тициана «Успения»*. В общем, это комната хорошей хозяйки, над которой, в пределах письменного стола, одержал верх беспорядочный мужчина; но повсюду вне этих пределов женщина безусловно сохраняет полный авторитет. Декоративные качества обстановки изобилуют стиль «гостиного гарнитура», изготовляемого предприимчивой мебельной фирмой из предместья; но в комнате нет ничего ни бесполезного, ни претенциозного; ист-эндскому священнику не по карману всякие нарядные безделушки.

Достопочтенный Джемс Мэвор Морелл — христианский социалист*, священник англиканской церкви и активный член гильдии святого Матвея и христианского социалистического союза. Человек лет сорока, крепкого сложения и красивой внешности, бодрый, жизнерадостный, пользующийся всеобщей любовью, он подкупает своей неистощимой энергией, приятными, мягкими, предупредительными манерами, сильным проникновенным голосом в сочетании с отчетливой дик-

цией опытного оратора и богатой экспрессией, которой он пользуется с великим мастерством. Это первоклассный священник, который может сказать что угодно кому угодно, который умеет поучать людей, не восстанавливая их против себя, умеет держать их в повиновении, не унижая их, и в случае надобности позволяет себе вмешиваться в их дела, не проявляя при этом никакой навязчивости. Заложенный в нем запас энтузиазма и доброжелательных чувств не иссякает ни на миг. Тем не менее он хорошо ест и спит, что позволяет ему с честью одерживать победу в повседневной борьбе между затратой сил и их восстановлением. Вместе с тем это большой ребенок, которому прощают, что он хвастается своей силой и бессознательно доволен собой. У него здоровый цвет лица, хороший лоб, как бы обрубленные брови, светлые живые глаза, решительный, грубо очерченный рот, внушительный нос с подвижными, раздувающимися ноздрями драматического оратора, лишенный, как и все его черты, какого-либо изящества.

Машинистка, мисс Прозерпина Гарнетт, — маленькая подвижная женщина лет около тридцати, из мещанской семьи, опрятно, но простенько одетая — в черной шерстяной юбке и блузке. Довольно бойка и резка на язык; не отличается большой любезностью в обращении, но по существу чуткий и преданный человек. Она деловито стучит на своей машинке, в то время как Морелл распечатывает последнюю письмо из утренней почты. Он пробегает его и издает комический вздох отчаяния.

Прозерпина. Еще лекция?

Морелл. Хокстонское общество свободомыслящих граждан просит меня выступить у них в воскресенье утром. *(Он выразительно подчеркивает слово «воскресенье», как явно нелепый пункт письма.)* А что они собой представляют?

Прозерпина. Анархисты-коммунисты, кажется.

Морелл. Вот именно, что анархисты... Не знают, что нельзя приглашать священника на митинг в воскресенье. Скажите им, пусть придут в церковь, если хотят послушать меня: им это будет полезно. Скажите, что я выступаю только по понедельникам и по четвергам. Календарь у вас?

Прозерпина *(беря календарь)*. Да.

Морелл. Есть у меня какая-нибудь лекция в следующий понедельник?

Прозерпина *(заглядывает в календарь)*. Клуб радикалов в Хэмлет Тауэр.

Морелл. Так. Ну а в четверг?

Прозерпина. Гильдия святого Матвея — в понедельник. Независимая рабочая партия*, гринвичский филиал, — в четверг. В понедельник — социал-демократическая федерация* в Майл-Энде. Четверг — первый урок

с конфирмантами*. (*Нетерпеливо.*) Ах, я лучше напишу им, что вы не можете. Подумаешь, какая-то кучка безграмотных, дерзких уличных разносчиков, у которых нет ни гроша!

Морелл (*посмеиваясь*). Да, но, видите ли, это мои близкие родственники, мисс Гарнетт.

Прозерпина (*изумленно уставившись на него*). Ваши родственники?

Морелл. Да, у нас один и тот же Отец — на небесах.

Прозерпина (*с облегчением*). О, только-то!

Морелл (*с огорчением, доставляющим некоторое удовольствие человеку, который умеет так бесподобно выразить его голосом*). Ах, вы не верите. Вот так-то и все — только говорят это. Никто не верит, никто. (*Оживленно, снова переходя к делу.*) Да, да! Ну что же, мисс Прозерпина? Неужели вы не можете найти свободного дня для разносчиков? А как насчет двадцать пятого? Третьего дня это число было свободно.

Прозерпина (*перелистывая календарь*). Занято — Фабианское общество*.

Морелл. Вот навязалось это Фабианское общество! А двадцать восьмое тоже не выйдет?

Прозерпина. Обед в Сити. Вы приглашены на обед в Клуб предпринимателей.

Морелл. Ну вот и отлично: вместо этого я отправлюсь в Хокстонское общество свободомыслящих граждан.

Прозерпина молча записывает, и в каждой черточке ее лица сквозит неуловимое презрение к хокстонским анархистам. Морелл срывает бандероль с оттиска «Церковного реформатора», присланного по почте, и пробегает передовицу мистера Стюарта Хэдлема и извещения гильдии святого Матвея. Действие оживляется появлением помощника Морелла, почтенного Александра Милла, юного джентльмена, которого Морелл откопал в ближайшей университетской общине, куда этот молодой человек явился из Оксфорда, чтобы облагодетельствовать лондонский Ист-Энд своим университетским образованием. Это самодовольно-добродушный, увлекающийся юнец, в котором нет ничего определенно невыносимого, за исключением его привычки говорить вытянув губы трубочкой, что якобы способствует более изысканному произношению гласных и к чему пока и сводятся все его попытки насадить оксфордскую утонченность в противодействие хэкснейской вульгарности. Морелл, которого он завоевал своей истинно собачьей преданностью, снисходительно поглядывает на него поверх «Церковного реформатора».

Морелл. Ну, Лекси? Как всегда, с опозданием?

Лекси. Боюсь, что да. Как бы я хотел научиться вставать пораньше.

Морелл *(в восторге от избытка собственной энергии)*. Ха-ха-ха! *(Лукаво.)* Бодрствуйте и молитесь, Лекси, бодрствуйте и молитесь!

Лекси. Я знаю. *(Стараясь быть остроумным.)* Но как же я могу бодрствовать и молиться, когда я сплю? Не правда ли, мисс Просси? *(Идет к камину.)*

Прозерпина *(резко)*. Мисс Гарнетт, сделайте одолжение!

Лекси. Прошу прощения! Мисс Гарнетт.

Прозерпина. Вам придется сегодня поработать за двоих.

Лекси *(стоя у камина)*. Почему?

Прозерпина. Неважно почему. Вам полезно будет хоть раз в жизни взять пример с меня: заработать свой обед, прежде чем съесть его. Довольно лентяйничать. Вам следовало быть на обходе еще полчаса тому назад.

Лекси *(в недоумении)*. Она это серьезно говорит, Морелл?

Морелл *(в самом веселом настроении, глаза так и сияют)*. Да. Сегодня я лентяйничаю.

Лекси. Вы! Да разве вы умеете?

Морелл *(поднимаясь со стула)*. Ха-ха-ха! А то нет? Сегодня утро мое все, целиком. Сейчас приезжает моя жена; она должна быть здесь в одиннадцать сорок пять.

Лекси *(удивленно)*. Она уже возвращается? С детьми? Я думал, они пробудут там до конца месяца.

Морелл. Так оно и есть: она приезжает только на два дня — захватить теплые вещи для Джимми и посмотреть, как мы тут живем без нее.

Лекси *(с беспокойством в голосе)*. Но, дорогой Морелл, если Джимми и Флэффи действительно болели скарлатиной, разве вы считаете разумным...

Морелл. Скарлатина? Ерунда, просто краснуха. Я сам занес ее сюда из школы с Пикрофт-стрит. Священник — это все равно что доктор, дитя мое. Он не должен бояться заразы, как солдат не боится пули. *(Похлопывает Лекси по плечу.)* Подцепите краснуху, Лекси, если сумеете: моя жена будет ухаживать за вами. То-то будет счастье для вас! А?

Лекси *(смущенно улыбаясь)*. Вас очень трудно понять, вы так говорите о миссис Морелл...

Морелл *(с чувством)*. Ах, дитя мое, женитесь на хорошей женщине, тогда вы поймете. Это предвкушение того высшего блаженства, что ждет нас в царствии Божиим, которое мы пытаемся создать на земле. Это изле-

чит вас от лентяйства. Честный человек понимает, что он должен платить небу за каждый счастливый час доброй мерой сурового, бескорыстного труда, который состоит в служении ближним. Мы не имеем права пользоваться счастьем, если мы не насаждаем его, как не имеем права пользоваться богатством, не заработав его. Найдите себе такую жену, как моя Кандида, и вы всегда будете в долгу! *(Он ласково похлопывает Лекси по спине и идет к выходу.)*

Лекси. Ах, подождите минутку, я забыл.

Морелл останавливается и оборачивается, держась за ручку двери.

Ваш тесть собирался зайти к вам.

Морелл, сразу меняясь в лице, снова закрывает дверь.

Морелл *(удивленно и недовольно)*. Мистер Берджесс?

Лекси. Да. Я встретил его в парке, он очень оживленно беседовал с кем-то. Он просил меня передать вам, что зайдет.

Морелл *(несколько недоверчиво)*. Но ведь он не был у нас целых три года. Да вы не ошиблись, Лекси? Вы не шутите, а?

Лекси *(серьезно)*. Нет, не шучу, сэр.

Морелл *(задумчиво)*. Гм! Пора ему взглянуть на Кандиду, пока она еще не успела измениться так, что он ее и не узнает. *(Выходит из комнаты с видом человека, который подчиняется неизбежному.)*

Лекси смотрит ему вслед с восторженно-глупым обожанием. Мисс Гарнетт, подавляя невольное желание хорошенько тряхнуть Лекси, дает выход своим чувствам в свирепой трескотне на машинке.

Лекси. Что за чудесный человек! Какая любящая душа! *(Садится на стул Морелла у стола и, расположившись поудобнее, вынимает папиросу.)*

Прозерпина *(нетерпеливо выдергивает из машинки письмо, которое она только что дописала, и складывает его)*. Ах, можно любить свою жену и не сходить с ума!

Лекси *(шокированный)*. Мисс Просси!

Прозерпина *(деловито достает конверт, в который вкладывает письмо)*. Тут Кандида, там Кандида, везде Кандида! *(Лижет края конверта, чтобы заклеить его.)* Да это кого угодно можно вывести из терпенья *(постукивает по конверту кулаком)*, когда при тебе бессмыс-

леннейшим образом превозносят до небес самую заурядную женщину только из-за того, что у нее красивые волосы и приличная фигура.

Лекси (*с укоризненной важностью*). Я считаю ее поразительно красивой, мисс Гарнетт. (*Берет фотографию, разглядывает ее и добавляет с еще большей убежденностью.*) Поразительно красива. Какие чудесные глаза!

Прозерпина. У нее глаза ничуть не лучше, чем у меня. Вот!

Лекси ставит фотографию на место и сурово глядит на мисс Гарнетт.

А ведь сознайтесь, что вы считаете меня некрасивой и заурядной.

Лекси (*величественно поднимаясь*). Упаси меня Боже, чтобы я мог думать так хотя бы о самом ничтожном творении рук Господних! (*С чопорным видом отходит от нее и идет через комнату к книжному шкафу.*)

Прозерпина (*иронически*). Благодарю вас. Очень любезно и утешительно!

Лекси (*огорченный ее испорченностью*). Я не подозревал, что вы имеете что-то против миссис Морелл.

Прозерпина (*с негодованием*). Я ничего не имею против нее. Она очень милая, очень добрая, я очень люблю ее, и я лучше любого мужчины умею ценить ее хорошие качества.

Лекси грустно качает головой. Мисс Гарнетт подбегает к нему крайне раздраженная.

Вы мне не верите? Вы думаете, я ревную? Скажите, какое у вас глубокое знание человеческого сердца, мистер Лекси Милл! Как вы прекрасно читаете в женской душе, не правда ли? Должно быть, так приятно быть мужчиной и обладать тонким, пронизательным умом, вместо нашей глупой чувствительности, и знать, что если мы не разделяем ваших любовных иллюзий, так это только потому, что все мы ревнуем одна к другой. (*Она круто отворачивается, пожимает плечами и подходит к камину погреть руки.*)

Лекси. Ах, мисс Просси, если б только вы, женщины, умели так же пользоваться силой мужчины, как вы пользуетесь его слабостями, тогда не было бы никакого женского вопроса.

Прозерпина (*через плечо, нагнувшись и держа руку над огнем*). Где вы это слышали? Вероятно, от Морелла? Ведь не сами же вы это придумали, куда вам!

Лекси. Совершенно верно. Я не стыжусь признать, что я усвоил это от него, так же как я усвоил от него много других духовных истин. Он говорил это на собрании в годовщину Женской либеральной федерации. Разрешите прибавить только, что если женщины этого не оценили, то я, мужчина, оценил. (*Снова повертывается к шкафу, полагая, что уж теперь-то он ее сломил.*)

Прозерпина (*поправляя прическу перед узкой полоской зеркала в каминной раме*). Будьте так добры, когда вы говорите со мной, излагать ваши собственные мысли, какие они ни на есть, а не его. Если бы вы только знали, какой у вас жалкий вид, когда вы пытаетесь подражать ему.

Лекси (*уязвленный*). Я стараюсь следовать его примеру, а не подражать ему.

Прозерпина (*возвращаясь к своему рабочему столу, снова накидывается на Лекси*). Нет, подражаете, подражаете! Почему вы носите зонтик под мышкой, а не в руке, как все люди? Почему вы ходите выставив вперед подбородок, быстрым шагом и с таким деловым видом? Это вы-то! Когда вы не способны подняться с постели раньше половины десятого. Почему вы во время проповеди говорите «познание», когда вы всегда произносите «познание» в разговоре? Ах! Вы думаете, я не знаю. (*Усаживается за машинку.*) Пожалуйста, извольте приниматься за работу; достаточно мы с вами сегодня потеряли времени. Вот вам копия расписания на сегодняшний день. (*Протягивает ему листок.*)

Лекси (*глубоко оскорбленный*). Благодарю вас. (*Берет листок и, остановившись у стола, спиной к ней, читает расписание.*)

Прозерпина принимается переписывать на машинке стенограмму, не обращая на Лекси внимания. Входит без доклада мистер Берджесс. Это человек лет шестидесяти, огрубевший мелкий коммерсант, приниженный своей вечной расчетливостью, но постепенно благодаря сытой жизни и коммерческим успехам раздобревший и размякший до ленивого самодовольства. Тупой, невежественный человек, для которого самое главное в жизни собственное брюхо; грубый и высокомерный с людьми, получающими ничтожную плату за свой труд, заискивающий перед богатством и титулом — и при этом вполне искренний, без всякой злобы и зависти к тем и к другим. Для него не нашлось в мире никакой сносно оплачиваемой работы, ничего, кроме грязных делишек, — это наложило на него отпечаток животной тупости и хамства.

Но он этого не подозревает и от души верит, что его коммерческие успехи являются неизбежным, благотворным для общества торжеством усердия, способностей, проницательности и опыта делового человека, который в частной жизни беспечен, привязчив и снисходителен к чужим порокам. Он маленького роста, толстый, с плоским квадратным лицом и приплюснутым носом; редкая с проседью борода цвета мочалы; маленькие водянисто-голубые глаза смотрят с жалостно-сентиментальным выражением, которое благодаря манере напыщенно подчеркивать слова проскальзывает также и в его разговоре.

Берджесс (*останавливаясь в дверях и оглядываясь по сторонам*). Мне сказали, что мистер Морелл здесь.

Прозерпина (*поднимаясь*). Я вам его сейчас позову.

Берджесс (*видимо, разочарованный*). Вы, по-моему, не та молодая леди, которая раньше писала у него на машинке.

Прозерпина. Нет.

Берджесс (*себе под нос, пробираясь к камину*). Нет, та была помоложе.

Мисс Гарнетт удивленно смотрит на него, затем выходит, сильно хлопнув дверью.

В обход собираетесь, мистер Милл?

Лекси (*складывая расписание и пряча его в карман*). Да. Мне пора идти.

Берджесс (*величественно*). Я не задерживаю вас, мистер Милл. Мне нужно поговорить с мистером Мореллом с глазу на глаз.

Лекси (*обиженно*). Я не намерен мешать вам, можете не сомневаться, мистер Берджесс. До свиданья.

Берджесс (*покровительственно*). До свиданья.

Лекси идет к двери; в это время входит Морелл.

Морелл (*Лекси*). На работу?

Лекси. Да, сэр.

Морелл (*ласково похлопывая его по плечу*). Возьмите мой шелковый шарф и закутайте шею. Сегодня холодный ветер. Ну, берите.

Лекси, просияв, вполне вознагражденный за грубость Берджесса, уходит.

Берджесс. Балуете, как всегда, своих помощников, Джемс. Здравствуйте. Когда я плачу человеку жалованье

и он находится в зависимости от меня, я держу себя с ним так, что он знает свое место.

Морелл *(очень сухо)*. Я всегда держусь со своими помощниками так, что они прекрасно знают свое место, место моих соратников и товарищей. Если бы вы могли заставить своих клерков и рабочих работать так, как я заставляю своих помощников, вы бы давно разбогатели. Пожалуйста, садитесь в ваше кресло. *(Властным жестом указывает ему на кресло у камина, затем отодвигает от стола свободный стул и усаживается в несколько подчеркнутом отдалении от своего гостя.)*

Берджесс *(не двигаясь)*. Все такой же, как прежде, Джемс.

Морелл. Когда вы были у нас последний раз,— как будто года три тому назад,— мне помнится, вы выразились примерно так же, только несколько более откровенно. Вот в точности ваши слова: «Все такой же болван, как прежде, Джемс!»

Берджесс *(успокоительно)*. Ну что ж, может быть я так и сказал, но *(с заискивающим благодушием)* я не хотел сказать ничего обидного. Священнику, знаете, полагается быть чуточку блаженным; это только подходит к его ремеслу. Я пришел сюда не затем, чтобы поднимать старые ссоры, а затем, чтобы покончить и забыть все, что между нами было. *(Внезапно принимая в высшей степени торжественный вид и направляясь к Мореллу.)* Джемс, три года тому назад вы сыграли со мной скверную штуку. Вы провалили мой контракт; а когда я — ну понятно, в огорчении — сказал вам несколько крепких слов, вы восстановили против меня мою дочь. Так вот, я поступаю как христианин. *(Протягивает ему руку.)* Я прощаю вас, Джемс.

Морелл *(вскакивая)*. Черт знает что за бесстыдство!

Берджесс *(пятацится от него, обиженный чуть не до слез)*. Прилично ли так выражаться священнику, Джемс? Да еще такому достойному священнику, как вы!

Морелл *(гневно)*. Нет, сэр, священнику так неприлично выражаться, я не так выразился. Я должен был сказать: да провалитесь вы в преисподнюю с вашим дьявольским бесстыдством! Вот как сказал бы вам святой Павел и любой честный священнослужитель. Вы думаете, я забыл этот ваш подряд на поставку одежды для рабочего дома?*

Берджесс *(объятый гражданскими чувствами)*. Я действовал в интересах налогоплательщиков, Джемс. Это

был самый дешевый подряд, уж этого вы не можете отрицать.

Морелл. Да, самый дешевый, потому что вы платили рабочим такие гроши, что с вами не мог конкурировать ни один предприниматель. Женщины, которые шили эту одежду, получали у вас нищенскую оплату, хуже чем нищенскую! Вы обрекали их на такую нужду, что им не оставалось ничего другого, как идти на улицу, чтобы не умереть с голоду. *(Все больше и больше раздражаясь.)* Эти женщины были мои прихожанки. Я пристыдил попечителей так, что они отказались принять ваш подряд, я пристыдил налогоплательщиков — как они могли допустить это. Я пристыдил всех, кроме вас! *(Вне себя от негодования.)* Как вы осмеливаетесь, сэр, являться сюда и говорить, что вы прощаете меня, и произносить имя вашей дочери, и...

Берджесс. Успокойтесь, успокойтесь, Джемс, успокойтесь! Не надо так волноваться из-за пустяков. Я признал, что я был не прав...

Морелл *(с возмущением)*. Признали? Я что-то не слышал.

Берджесс. Разумеется, признал. Я и сейчас готов признать. Ну, слушайте, я прошу у вас прощения за то письмо, которое я написал вам. Теперь вы довольны?

Морелл *(хрустя пальцами)*. Это ровно ничего не значит. А плату вы повысили?

Берджесс *(торжествующе)*. Да.

Морелл *(остолбенев)*. Что?

Берджесс *(умильно)*. Я стал примерным хозяином. Я больше не держу на работе женщин: я их всех рассчитал; всю работу делают у меня машины. Нет ни одного рабочего, который получал бы меньше шести пенсов в час, а квалифицированные мастера получают по ставке профсоюза. *(С гордостью.)* Что вы мне на это скажете?

Морелл *(потрясенный)*. Возможно ли! Ну что ж, об одном раскаявшемся грешнике больше радости на небесах... *(Направляясь к Берджессу в порыве сердечного раскаяния.)* Дорогой Берджесс, от всего сердца прошу вас простить меня за то, что я дурно думал о вас. *(Хватая его за руку.)* А теперь скажите, разве вы не чувствуете себя лучше от этой перемены? Ну признайтесь: вы чувствуете себя счастливее? И вид у вас более счастливый.

Берджесс *(угрюмо)*. Что ж, может статься. Надо полагать, что так оно и есть, раз уж вы заметили это. Во всяком случае контракт мой в муниципальном совете

приняли. *(Злобно.)* Они не желали иметь со мной дела, пока я не поднял ставки. Черт бы их побрал, суются не в свое дело, ослиные головы!

Морелл *(совершенно отчаявшись, отпускает его руку)*. Ах вот почему вы повысили оплату! *(Мрачно садится на свое место.)*

Берджесс *(строго, наставительно и постепенно повышая тон)*. А почему бы еще я стал это делать? К чему это ведет, кроме пьянства и зазнайства среди рабочих? *(Он с чрезвычайно внушительным видом усаживается в кресло.)* Все это очень хорошо для вас, Джемс. Вы благодаря этому попадаете в газеты, вас перевозносят, вы становитесь знаменитостью, но вам никогда в голову не приходит, сколько вреда вы приносите, отнимая деньги у людей, которые могли бы употребить их с пользой, и перекладывая их в карман рабочих, которые не знают, что с ними делать.

Морелл *(тяжело вздохнув, говорит с холодной учтивостью)*. Что вас привело сегодня ко мне? Я не стану притворяться, скажу прямо: я не думаю, чтобы вы пришли ко мне просто из родственных чувств.

Берджесс *(упрямо)*. Вот именно, исключительно из родственных чувств, и ничего больше.

Морелл *(с усталым спокойствием)*. Я не верю вам.

Берджесс *(поднимаясь, с угрожающим видом)*. Прошу вас, не говорите мне этого, Джемс Мэвор Морелл.

Морелл *(равнодушно)*. Я буду говорить до тех пор, пока вы не убедитесь сами, что это правда. Я не верю ни одному вашему слову!

Берджесс *(захлебываясь от наплыва оскорбленных чувств)*. А, вот как! Ну, ежели вам угодно продолжать ссору, я думаю, мне лучше уйти. *(Он нерешительно делает шаг к двери.)*

Морелл не двигается.

(Берджесс медлит.) Я не ожидал, что вы окажетесь таким непримиримым, Джемс.

Морелл по-прежнему безмолвствует.

(Берджесс делает еще несколько нерешительных шагов к двери, затем возвращается, хныча.) Жили же мы с вами раньше в ладу, хоть и расходились во взглядах. Почему же вы вдруг стали ко мне так относиться? Даю вам честное слово, я пришел сюда из чисто дружеских чувств,

мне надоело жить в ссоре с мужем родной моей дочери. Полно, Джемс, будьте же христианином. Ну, дайте мне руку. *(Он с чувством кладет руку на плечо Морелла.)*

Морелл *(задумчиво, поднимая на него взгляд)*. Послушайте, Берджесс. Хотите вы быть у нас таким желанным гостем, каким вы были до того, как у вас сорвался этот контракт?

Берджесс. Хочу, Джемс. Честное слово, хочу.

Морелл. Тогда почему же вы не ведете себя так же, как раньше?

Берджесс *(осторожно снимая руку с плеча Морелла)*. Что вы хотите сказать?

Морелл. Я вам сейчас объясню. Вы тогда считали меня желторотым болваном.

Берджесс *(заискивающе)*. Да нет, Джемс, я...

Морелл *(обрывая его)*. Нет, считали. А я считал вас старым мошенником.

Берджесс *(огорченный тем, что Морелл так несправедлив к самому себе)*. Нет, что вы, Джемс! Неправда, вы клеветаете на себя.

Морелл. Да, я считал вас старым мошенником. Однако это не мешало нам поддерживать хорошие отношения. Бог создал вас тем, что я называю мошенником, и Бог же создал меня тем, что вы называете болваном.

Это умозаключение колеблет основы моральных принципов и понятий Берджесса. Он весь как-то оседает и, беспомощно уставившись на Морелла, испуганно вытягивает перед собой руку, как будто для того, чтобы не потерять равновесие, точно пол ускользает у него из-под ног.

(Морелл продолжает тем же спокойным, убежденным тоном.) А мне не подобает роптать на создание рук Его, ибо как в том, так и в другом случае это Его воля. Если вы пришли сюда честно, как истинный, убежденный, уважающий себя мошенник, который защищает свое мошенничество и гордится им,— милости просим. Но *(голос Морелла становится грозным, он встает и внушительно стучит кулаком по спинке стула)* я не потерплю, чтобы вы являлись сюда морочить мне голову рассказами о том, что вы стали примерным хозяином и добродетельным человеком, тогда как вы просто ханжа, вывернувший шкуру наизнанку ради того, чтобы добиться выгодного контракта в муниципальном совете. *(Трясет энергично головой в подкрепление своих слов, затем подходит к камину и, став спиной к огню, с внушительным и непринужденным видом продолжает.)* Нет, я требую,

чтобы человек оставался верен себе даже в своих пороках. Так вот, не угодно ли? Или берите шляпу и проваливайте, или садитесь и извольте дать мне откровенное, достойное истинного мошенника объяснение: почему вам понадобилось мириться со мной?

Берджесс, смятение которого улеглось настолько, что он пытается выразить свои чувства изумленной улыбкой, испытывает явное облегчение от такого конкретного предложения. Он с минуту обдумывает его, затем медленно и с величайшей скромностью садится на стул, с которого только что поднялся Морелл.

Вот так-то. А теперь выкладывайте.

Берджесс (*хихикая*). Право, вы все-таки большой чудак, Джемс, как хотите! Но (*почти с восторгом*) вас нельзя не любить. Опять-таки, как я уже сказал, нельзя, разумеется, принимать всерьез все, что говорит священник, иначе как же можно было бы жить. Согласитесь сами. (*Он настраивается на более глубокомысленный лад и, устремив взгляд на Морелла, продолжает с тупой серьезностью.*) Что ж, я, пожалуй, готов признаться, раз уж вы желаете, чтобы мы были совершенно откровенны друг с другом: я действительно считал вас когда-то чутьточку блаженным, но теперь я начинаю думать, что у меня, как говорится, был несколько отсталый взгляд.

Морелл (*торжествующе*). Ага! Наконец-то вы додумались!

Берджесс (*многозначительно*). Да, времена меняются так, что даже трудно поверить. Пять лет тому назад ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову считаться с вашими идеями. Я, признаться, даже удивлялся, как вас вообще подпускают к кафедре. Да что! Я знаю одного священника, которому лондонский епископ несколько лет не давал ходу, хотя этот бедный малый держался за свою религию ничуть не больше вашего. Но теперь, если бы мне предложили поспорить на тысячу фунтов, что вы когда-нибудь сами станете епископом, я бы воздержался. (*С важностью.*) Вы и ваша братия входите в силу; я теперь вижу это. И уж придется им как-нибудь да ублажить вас, хотя бы только для того, чтобы заткнуть вам рот. Надо признаться, у вас, в конце концов, было верное чутье, Джемс; для человека такого сорта, как вы, ваша профессия — это выгодная профессия.

Морелл (*не колеблясь, решительно протягивает ему руку*). Вашу руку, Берджесс. Вот теперь вы разговариваете честно. Не думаю, что меня когда-нибудь сделают

епископом; но если сделают, я познакомлю вас с самыми крупными воротилами, каких я только смогу заполнить к себе на званые обеды.

Берджесс (*подымаясь с глуповатой улыбкой и отвечая на гружеское рукопожатие*). Вы все шутите, Джемс. Ну, теперь, значит, конец ссоре?

Женский голос. Скажи да, Джемс.

Оба, вздрогнув от неожиданности, оборачиваются и видят только что вошедшую Кандиду, которая смотрит на них с обычным для нее выражением шутиливой материнской снисходительности. Это женщина в возрасте тридцати трех лет, с хорошей фигурой, склонной к полноте, но сейчас как раз в меру, во всем обаянии молодости и материнства. По ее манере держать себя чувствуется, что эта женщина умеет расположить к себе людей и заставить их подчиняться и что она пользуется этим, нисколько не задумываясь. В этом отношении она мало отличается от любой хорошенькой женщины, которая достаточно умно пускает в ход свою женскую привлекательность для мелких эгоистических целей; но ясный лоб Кандиды, ее смелый взгляд, выразительный рот и подбородок свидетельствуют о широте ума и возвышенности натуры, которые облагораживают эту вкрадчивость в подходе к людям. Мудрый сердцевед, взглянув на нее, тотчас же догадался бы, что тот, кто повесил над ее камином Деву из Тицианова «Успения», сделал это потому, что он уловил между ними некое духовное сходство; но, разумеется, он не заподозрил бы ни на минуту, что такая мысль могла прийти в голову ее супругу или ей самой: трудно предположить, чтобы они хоть сколько-нибудь интересовались Тицианом. Сейчас она в шляпке и мантилье; в одной руке у нее перетянутый ремнями плед, из которого торчит зонтик, в другой — ручной саквояж и пачка иллюстрированных журналов.

Морелл (*потрясенный своей забывчивостью*). Кандида! Как... (*Смотрит на часы и ужасается, обнаружив, что уже так поздно*.) Милочка моя! (*Бросается к ней, выхватывает у нее из рук плед, не переставая упрекать себя и проявлять свое огорчение*.) Ведь я собирался встретить тебя на станции и не заметил, как прошло время. (*Бросает плед на кушетку*.) Я так заговорился (*подбегает к ней*), что совсем забыл... Ах! (*Обнимает ее, снедаемый чувством раскаянья*.)

Берджесс (*несколько сконфуженный и не уверенный в том, как к нему отнесутся*). Как поживаешь, Канди?

Кандида, все еще в объятиях Морелла, подставляет отцу щеку для поцелуя.

Мы с Джемсом заключили мир, почетный мир. Не правда ли, Джемс?

Морелл (*нетерпеливо*). А ну вас, с вашим миром! Я из-за вас опоздал встретить Кандиду. (*С сочувственным пылом.*) Бедняжка моя, как же ты справилась с багажом? Как...

Кандида (*останавливая его и высвобождаясь из его объятий*). Ну будет, будет, будет! Я была не одна. Я там подружилась с Юджином, и он проводил меня сюда.

Морелл (*приятно удивленный*). Юджин!

Кандида. Да, он возится с моим багажом, бедный мальчик. Поди сейчас же, милый, а то он расплатится с извозчиком, а я не хочу этого.

Морелл поспешно выходит. Кандида ставит на пол саквояж, затем снимает мантилью и шляпку и кладет их на кушетку рядом с пледом, разговаривая в то же время с отцом.

Ну, папа, как вы все поживаете дома?

Берджесс. Да что там, какая может быть радость дома, с тех пор как ты уехала от нас, Канди. Хоть бы ты когда-нибудь заглянула и поговорила с сестрой. Кто такой этот Юджин, который приехал с тобой?

Кандида. О, Юджин — это одна из находок Джемса. Он наткнулся на него в прошлом году в июне, когда тот спал на набережной. Ты не обратил внимания на нашу новую картину? (*Показывая на «Деву».*) Это он подарил нам.

Берджесс (*недоверчиво*). Чушь! И как это ты можешь рассказывать такие небылицы мне, своему родному отцу, что какой-то бродяга покупает такие картины! (*Строго.*) Не выдумывай, Канди. Это благочестивая картина, и выбирал ее сам Джемс.

Кандида. Вот и не угадал. Юджин вовсе не бродяга.

Берджесс. А кто же он такой? (*Иронически.*) Благородный джентльмен, надо полагать?

Кандида (*кивая с торжеством*). Да. У него дядя — лорд. Настоящий живой пэр.

Берджесс (*не решаясь поверить столь замечательной новости*). Быть не может!

Кандида. Да. И у него был чек в кармане на пятьдесят пять фунтов, сроком на неделю, когда Джемс нашел его на набережной. Он думал, что не может получить по нему до конца недели, и ему было стыдно попросить в долг, он такой славный мальчик! Мы очень полюбили его.

Берджесс (*делает вид, что ему наплевать на аристократию, а у самого глаза загорелись*). Гм... Я так думаю, что этот племянник пэра вряд ли бы прельстился вашим Викторией-парком, если бы он не был малость придурковат. (*Снова разглядывая картину.*) Разумеется, эта картина не в моем вкусе, Канди, но все же это превосходное, прямо, можно сказать, первоклассное произведение искусства; в этом-то уж я разбираюсь. Ты, конечно, познакомишь меня с ним, Канди? (*С беспокойством смотрит на свои карманные часы.*) Я могу побыть еще минуты две, не больше.

Морелл возвращается с Юджином, на которого Берджесс смотрит влажным от восхищения взором. Это несколько странный, застенчивый молодой человек лет восемнадцати, хрупкий, женственный, со слабым детским голосом; испуганное, напряженное выражение его лица и его манера как-то робко ступшевываться изобличают болезненную чувствительность утонченного и остро восприимчивого юноши, у которого еще не успел сложиться характер. Беспомощно нерешительный, он не знает, куда девать себя, что с собой делать. Он оробел при виде Берджесса, и, если бы у него хватило смелости, он с радостью убежал бы и спрятался. Но та острота, с какой он переживает любое самое обыкновенное состояние, простирается от избытка нервной силы, а его глаза, ноздри, рот свидетельствуют о неукротимом, бурном своеволлии, которое, судя по его лбу, уже отмеченному чертами страдания, направлено не в дурную сторону. Он так необычен, что кажется почти не от мира сего. Люди прозаического склада склонны усматривать в этой отрешенности нечто пагубное, тогда как поэтические натуры видят в ней нечто божественное. Костюм его имеет беспорядочный вид. Поношенная расстегнутая куртка из синей саржи поверх шерстяной теннисной сорочки, шелковый платок вместо галстука, брюки из той же материи, что и куртка, коричневые парусиновые туфли. Он, по видимому, валялся на траве в этом костюме, переходил вброд речку, и, судя по всему, его одежда никогда не испытала на себе прикосновения щетки. Увидев незнакомого человека, он останавливается в дверях, затем пробирается вдоль стены в противоположный конец комнаты.

Морелл (*входя*). Идемте, идемте. Какие-нибудь четверть часа вы можете уделить нам во всяком случае. Это мой тесть. Мистер Берджесс — мистер Марчбэнкс.

Марчбэнкс (*нервно жметя к книжному шкафу*). Очень приятно познакомиться, сэра.

Берджесс (*с величайшим благодушием направляет к нему через всю комнату, в то время как Морелл подходит к Кандиге, которая стоит у камина*). Счастлив познакомиться с вами, чрезвычайно, мистер Марчбэнкс. (*Вынуждая его к рукопожатию.*) Как вы себя чувствуете? Хороший денек, не правда ли? Надеюсь, вы не позволяе-

те Джемсу засорять вам голову всякими безумными идеями?

Марчбэнкс. Безумными идеями? О, вы имеете в виду социализм. Нет!

Берджесс. Хорошо делаете. *(Снова взглядывая на часы.)* Да, а мне уже пора идти, ничего не поделаешь. Вам со мной не по пути, мистер Марчбэнкс?

Марчбэнкс. В какую сторону вы идете?

Берджесс. На станцию Виктория-парк. Поезд в Сити идет в двенадцать двадцать пять.

Морелл. Глупости. Я надеюсь, Юджин останется завтракать с нами.

Марчбэнкс *(взволнованно отнекиваясь)*. Нет... я... я...

Берджесс. Отлично, отлично, я не настаиваю. Вы, конечно, предпочитаете позавтракать с Канди. Когда-нибудь, я надеюсь, вы пообедаете со мной в Клубе предпринимателей в Нортон Фолгэйт.

Марчбэнкс. Благодарю вас, мистер Берджесс. А где находится Нортон Фолгэйт — где-то в Суррее, не правда ли?

Берджесс, в невыразимом восторге, давится от смеха.

Кандида *(спешит на выручку)*. Ты опоздаешь на поезд, папа. Тебе нужно идти сию же минуту. Приходи к обеду, и ты расскажешь тогда мистеру Марчбэнксу, где твой клуб.

Берджесс *(покатываясь со смеху)*. «Где-то в Суррее»!.. Нет, вы только послушайте! Неплохо, а? В жизни своей не встречал человека, который не знает, где находится Нортон Фолгэйт. *(Смущенный собственной шумной развязностью.)* До свиданья, мистер Марчбэнкс. Я знаю, вы слишком хорошо воспитаны и не осудите меня за то, что я посмеялся. *(Снова протягивает ему руку.)*

Марчбэнкс *(нервно, рывком хватая протянутую ему руку)*. Нет, ничуть.

Берджесс. Ну, будь здорова, Канди. Я загляну попозже. До свиданья, Джемс.

Морелл. Вам действительно нужно идти?

Берджесс. Да вы не беспокойтесь. *(Несокрушимый в своем благодушии, уходит.)*

Морелл. Я провожу вас. *(Идет вслед за ним.)*

Юджин провожает их испуганным взглядом, затаив дыханье, пока Берджесс не исчезает за дверью.

К а н д и д а . Ну, Юджин!

Юджин, вздрогнув, оборачивается и стремительно направляется к Кандиде, но, встретив ее смеющийся взгляд, останавливается.

Что вы скажете о моем отце?

Марчбэнкс. Я? Да ведь мы только что познакомились. Кажется, очень симпатичный старый джентльмен.

К а н д и д а (*с мягкой иронией*). И вы пойдете в Клуб предпринимателей обедать с ним, правда?

Марчбэнкс (*растерянно, — он принимает это совершенно серьезно*). Да, если это вам доставит удовольствие.

К а н д и д а (*пронутая*). Знаете, Юджин, вы очень милый мальчик, несмотря на все ваши странности. Если бы вы посмеялись над моим отцом, я бы не обиделась, но я еще больше люблю вас за то, что вы были так милы с ним.

Марчбэнкс. А разве нужно было смеяться? Кажется, он сказал что-то смешное; но я так всегда стесняюсь с незнакомыми людьми... И я никогда не понимаю шуток. Мне очень жаль. (*Садится на кушетку, упершись локтями в колени, сжав виски кулаками с видом безнадежного страдания.*)

К а н д и д а (*ласково тормоша его*). Да будет вам! Взрослый вы ребенок! Что с вами, вы сегодня хуже, чем всегда. Почему вы были такой грустный дорогой, когда мы с вами ехали в кэбе?

Марчбэнкс. Ах, да так... просто я думал, сколько я должен заплатить извозчику. Я знаю, что это ужасно глупо, но вы не представляете себе, какой страх я испытываю перед такими вещами, — я так теряюсь, когда мне приходится иметь дело с незнакомыми людьми. (*Поспешно и успокаивающе.*) Но все обошлось благополучно: он весь просиял и снял шляпу, когда Морелл дал ему два шиллинга. А я собирался дать ему десять.

Кандида смеется от всей души. Входит Морелл с небольшой пачкой писем и газет, полученных с дневной почтой.

К а н д и д а . Ах, Джемс, милый, он собирался дать извозчику десять шиллингов — десять шиллингов за три минуты езды! Нет, ты подумай!

Морелл (*у стола, просматривая письма*). Не обижайтесь на нее, Марчбэнкс. Инстинкт, который заставляет человека быть щедрым, — это благородный инстинкт, лучше того, который вынуждает его скупиться, и встречается он не так часто.

Марчбэнкс (*снова впадая в уныние*). Нет — трусость, невежество. Миссис Морелл совершенно права.

Кандида. Разумеется, она права. (*Берет свой саквояж.*) А теперь разрешите мне удалиться и оставить вас с Джемсом. Вы слишком поэтическая натура и вряд ли способны представить себе, в каком состоянии находит женщина свой дом после трехнедельного отсутствия. Передайте-ка мне мой плед.

Юджин достает с кушетки перетянутый ремнями плед и подает ей.
Она берет его в левую руку, держа саквояж в правой.

Теперь перекиньте мне на руку мой плащ.

Он повинуется.

Теперь давайте шляпу.

Он подносит ей шляпу, она прихватывает ее той рукой, в которой у нее саквояж.

Теперь откройте мне дверь.

Он бросается вперед и распахивает перед ней дверь.

Благодарю вас. (*Она выходит.*)

Марчбэнкс закрывает дверь.

Морелл (*по-прежнему чем-то занят у стола*). Вы, конечно, останетесь завтракать, Марчбэнкс?

Марчбэнкс (*испуганно*). Я не должен. (*Он быстро смотрит на Мореллу, но тотчас же опускает глаза, избегая его открытого взгляда, и добавляет с явной неискренностью.*) Я хочу сказать: я не могу.

Морелл. Вы хотите сказать, что вам не хочется.

Марчбэнкс (*горячо*). Нет, я бы очень хотел, правда. Я вам очень признателен. Но... но...

Морелл. Но-но-но-но... Глупости! Если вам хочется остаться, оставайтесь. Не станете же вы уверять меня, что у вас какие-то дела. Если вы стесняетесь, пойдите прогуляйтесь в парке, можете сочинять стихи до половины второго, а потом приходите, и мы хорошенько закусим.

Марчбэнкс. Благодарю вас. Мне бы очень хотелось. Но я не смею, правда. Дело в том, что миссис Морелл сказала мне, что я не должен. Она сказала мне, что

она не думает, что вы пригласите меня остаться завтракать, но что мне надо запомнить, что, если вы и предложите, так это не значит, что вы на самом деле этого хотите. *(Жалобно.)* Она сказала, что я должен понимать, но я не понимаю. Пожалуйста, не говорите ей, что я вам сказал.

Морелл *(посмеиваясь)*. Только и всего? Но разве мое предложение прогуляться в парке не разрешает затруднения?

Марчбэнкс. Каким образом?

Морелл *(шутливо)*. Ах вы, бестолковая голова! *(Но взятый им развязный тон смущает его самого, так же как и Юджина, он одергивает себя.)* Нет, я не то говорю. *(Поясняет с ласковой серьезностью.)* Милый юноша, в счастливом браке, подобном нашему, возвращение супруги в родной дом есть нечто глубоко священное.

Марчбэнкс бросает на него быстрый взгляд, пока еще только наполовину угадывая, что он хочет сказать.

Старый друг или истинно благородная и сочувственная душа не могут быть помехой в такие минуты, но случайный гость — да.

Пришибленное, испуганное выражение яснее проступает на лице Юджина, когда он, наконец, понимает.

(Морелл, поглощенный своей мыслью, продолжает, не замечая этого.) Кандида думала, что мне будет нежелательно ваше присутствие, но она ошиблась. Я очень вас люблю, мой мальчик, и мне хочется, чтобы вы сами увидели, какое счастье — такое супружество, как наше.

Марчбэнкс. Счастье? Ваше супружество! Вы так думаете? Вы верите этому?

Морелл *(беспечно)*. Я знаю, мой мальчик. Ларошфуко* утверждает, что браки бывают удобные, но счастливых браков не бывает. Вы представить себе не можете, какое это удовлетворение — уличить в обмане бесстыдного лгуна и гнусного циника. Ха-ха-ха! Ну вот, а теперь отправляйтесь в парк сочинять стихи. До половины второго, точно. Мы никого не ждем.

Марчбэнкс *(вне себя)*. Нет, подождите, вы напрасно... Я вам открыю глаза.

Морелл *(в недоумении)*. Как? Откроете что?

Марчбэнкс. Я должен поговорить с вами. Нам с вами необходимо объясниться.

Морелл (*бросая выразительный взгляд на часы*). Сейчас?

Марчбэнкс (*с жаром*). Сейчас. Прежде чем вы выйдете из этой комнаты. (*Он отступает на несколько шагов и останавливается, как бы готовясь загородить Мореллу дорогу к двери.*)

Морелл (*внушительным тоном, почувствовав, что это действительно что-то серьезное*). Я не собираюсь уходить отсюда, я думал, вы собираетесь.

Юджин, ошеломленный его решительным тоном, отворачивается, сдерживая гнев. Морелл подходит к нему и ласково, но твердо кладет ему руку на плечо, невзирая на его попытки стряхнуть ее.

Так вот, сядьте спокойно и расскажите, в чем дело. И помните — мы с вами друзья; и нам нечего бояться, что у кого-нибудь из нас не хватит терпения и участия выслушать другого, о чем бы ни шла речь.

Марчбэнкс (*круто повернувшись к нему всем телом*). Не думайте, я ничуть не забываюсь. Я просто (*в отчаянии закрывает лицо руками*) в ужасе. (*Отнимает руки от лица и, яростно наступая на Морелла, продолжает угрожающе.*) Вы увидите, захочется ли вам сейчас проявить терпение и участие.

Морелл, твердый как скала, смотрит на него снисходительно.

Не смотрите на меня с таким самодовольным видом. Вы думаете, вы сильнее меня, но я могу сразить вас, если только у вас есть сердце в груди.

Морелл (*несокрушимо уверенный*). Разите меня, мой мальчик. Ну, выкладывайте.

Марчбэнкс. Прежде всего...

Морелл. Прежде всего?

Марчбэнкс. Я люблю вашу жену.

Морелл, отпрянув, с минуту глядит на него в полном недоумении и внезапно раздражается неудержимым хохотом. Юджин озадачен, но нимало не смущен; он мгновенно преисполняется негодованием и презрением.

Морелл (*садится, чтобы перевести дух*). Ну разумеется, дитя мое! Конечно, вы ее любите. Ее все любят и ничего не могут с этим поделать; и я только радуюсь этому. Но (*глядя на него с комическим изумлением*) послушайте, Юджин, неужели вы считаете, что нам с вами нужно объясняться по этому поводу? Ведь вам еще и

двадцати нет, а ей уже за тридцать. Не кажется ли вам, что это просто ребяческая блажь?

Марчбэнкс (*в исступлении*). Вы осмеливаетесь говорить так о ней! Вот как вы понимаете любовь, которую она внушает! Вы ее оскорбляете.

Морелл (*быстро поднимается и говорит совсем другим тоном*). Эй, Юджин, будьте осторожней. Я терпелив. Я надеюсь не потерять терпения. Но есть вещи, которых я не могу позволить. Не требуйте от меня снисходительности, какую я проявил бы к ребенку. Будьте мужчиной.

Марчбэнкс (*делает жест, точно отмахиваясь от чего-то*). Ах, оставим весь этот ханжеский жаргон. Просто ужас берет, когда подумаешь, в каких дозах вы пичкали ее им все эти унылые годы, когда вы так эгоистично и слепо приносили ее в жертву своему чванству,— вы, у которого (*наступая на него*)... у которого нет ни одной мысли, ни одного чувства, общего с ней.

Морелл (*философически*). Она как будто отлично мирится с этим. (*Глядя на него в упор.*) Юджин, дорогой мой, вы спятили, вы просто спятили! Вот вам мое совершенно откровенное, искреннее мнение. (*Отчитывая его, он впадает в привычный наставительный тон и, став на ковер у камина, греет за спиной руки.*)

Марчбэнкс. А вы думаете, я не знаю? Неужели вы считаете, что то, из-за чего люди способны сходить с ума, менее реально или менее истинно, чем все то, к чему они подходят в полном разуме?

В глазах Морелла впервые мелькает сомнение. Он забывает о том, что он хотел погреть руки, и стоит, слушая, потрясенный и поглощенный какой-то мыслью.

Это-то и есть самое настоящее; если в жизни есть что-нибудь настоящее, так только это. Вы очень спокойны, и рассудительны, и сдержанны со мной, потому что вы видите, что я схожу с ума по вашей жене; так же вот и этот старик, который только что был здесь: он нисколько не беспокоится насчет вашего социализма, потому что он видит, что вы на нем помешаны.

Замешательство Морелла заметно растет. Юджин пользуется этим, донимая его жестокими вопросами.

Разве это доказывает, что вы не правы? Разве ваше самодовольное превосходство доказывает мне, что я не прав?

Морелл. Марчбэнкс, какой дьявол вложил эти слова в ваши уста? Легко, ах, как легко поколебать веру человека в самого себя. Воспользоваться этим, сокрушить дух человека — это призвание дьявола. Подумайте о том, что вы делаете. Подумайте.

Марчбэнкс *(безжалостно)*. Я знаю. Я делаю это умышленно. Я сказал, что я могу сразить вас.

Они секунду смотрят друг на друга угрожающе. Затем к Мореллу возвращается чувство собственного достоинства.

Морелл *(с благородной мягкостью)*. Юджин, послушайте. Когда-нибудь, я надеюсь и верю, вы будете таким же счастливым человеком, как я. *(Юджин презрительно фыркает, явно давая понять, что он ни во что не ставит его счастье. Морелл, глубоко оскорбленный, сдерживает себя, проявляя изумительное терпение, и продолжает спокойно, с великолепным мастерством.)* Вы женитесь, и вы будете стремиться употребить все ваши силы и таланты на то, чтобы сделать каждый уголок на земле таким же счастливым, как ваш собственный дом, вы будете одним из создателей царства божьего на земле. И — кто знает? — может быть, вам предстоит стать мастером и строителем там, где я всего-навсего только скромный ремесленник, — ибо не думайте, мой мальчик, что я не способен видеть в вас, несмотря на ваш юный возраст, задатки высоких дарований, на которые я никогда не осмеливался притязать. Я хорошо знаю, что именно в поэте божественный дух человека, Бог, который обитает в нем, — наиболее богоподобен. И вы должны содрогаться при мысли об этом — при мысли о том тяжком бремени, о великом даре поэта, который вы, может быть, несете в себе.

Марчбэнкс *(запальчиво и нераскаянно; мальчишеская откровенность его суждений резко восстает против красноречия Морелла)*. Нисколько я от этого не содрогаюсь. Наоборот, я содрогаюсь от отсутствия этого в других.

Морелл *(удваивая силу своего красноречия, воодушевляемого искренним чувством и подстегиваемого упрямством Марчбэнкса)*. Тогда помогите зажечь это в них, во мне, а не гасите. В будущем, когда вы будете так же счастливы, как я, я пребуду вашим истинным братом в вере. Я помогу вам сохранить веру в то, что Бог создал

для нас мир, которому только наше собственное безрас- судство препятствует стать раем. Я помогу вам сохранить веру в то, что ваш труд, каждая кроха ваших усилий сеет счастье для великой жатвы, которую все мы — даже са- мые ничтожные из нас — некогда пожнем. И наконец,— и поверьте мне, это не самое малое,— я помогу вам со- хранить веру в то, что ваша жена любит вас и счастлива в своем доме. Мы нуждаемся в такой помощи, Мар- чбэнкс, мы постоянно испытываем в ней великую нужду. Так много вещей способно заставить нас усомниться,— достаточно только позволить чему-нибудь поколебать наш душевный мир. Даже у себя дома мы живем словно в лагере, осажденном со всех сторон вражеской ратью сомнений. Неужели вы способны стать предателем и по- зволить им завладеть мной?

Марчбэнкс (*с отвращением оглядывает комнату*). И это так всегда для нее в этом доме? Женщина с боль- шой душой, жаждущая реальности, правды, свободы! А ее пичкают метафорами, проповедями, пошлыми разгла- гольствованиями, жалкой риторикой. Вы думаете, жен- ская душа может существовать вашим проповедническим талантом?

Морелл (*уязвленный*). Марчбэнкс, с вами трудно не потерять терпения. Мой талант подобен вашему, по- скольку он вообще имеет какую-нибудь цену: это дар находить слова для божественной истины.

Марчбэнкс (*запальчиво*). Дар пустословия, и ниче- го больше! А при чем тут истина, какое отношение к ней имеет ваше искусство ловко трепать языком? Не больше, чем игра на шарманке. Я никогда не был в вашей церкви, но мне случалось бывать на ваших политических митин- гах, и я видел, как вы вызывали у собрания так называе- мый энтузиазм: вы просто-напросто приводили их в та- кое возбужденное состояние, что они вели себя совер- шенно как пьяные. А их жены смотрели на них и диви- лись: что за дураки! О, это старая история, о ней гово- рится еще в Библии. Я думаю, царь Давид в припадках исступления был очень похож на вас. (*Добывая его ци- татой.*) «Но жена презирала его в сердце своем...»

Морелл (*яростно*). Убирайтесь вон из моего дома! Вы слышите? (*Наступает на него угрожающе.*)

Марчбэнкс (*пятясь к кушетке*). Оставьте меня! Не трогайте меня! (*Морелл с силой хватает его за воротник. Марчбэнкс съеживается, падает на кушетку и неистово*

вопит.) Перестаньте, Морелл, если вы ударите меня, я покончу с собой! Я не перенесу этого! *(Почти в истерике.)* Пустите меня! Уберите вашу руку!

Морелл *(медленно, с подчеркнутым презрением)*. Вы жалкий, трусливый щенок. *(Отпускает его.)* Убирайтесь, пока вы со страха не закатили истерику.

Марчбэнкс *(на кушетке, задыхаясь, но испытывая облегчение после того, как Морелл убрал руку)*. Я не боюсь вас! Это вы боитесь меня.

Морелл *(спокойно, глядя на него сверху вниз)*. Похоже на это, не правда ли?

Марчбэнкс *(с яростным упрямством)*. Да, похоже.

Морелл презрительно отворачивается и отходит. Юджин вскакивает и идет за ним.

Вы думаете, если я не могу выносить, когда меня грубо хватают, если *(со слезами в голосе)* я способен только плакать от бешенства, когда я встречаюсь с насилием, если не могу снять тяжелый чемодан с кэба, как это делаете вы, не могу подраться за вашу жену, как какой-нибудь пьяный матрос,— так это значит, что я вас боюсь? Ошибаетесь! Если я не обладаю тем, что называется британским мужеством, то у меня нет и британской трусости: я не боюсь поповских идей. Я буду бороться с вашими идеями. Я вырву ее из рабства, в котором они ее держат. Я сокрушу их своими собственными идеями. Вы выгоняете меня вон из дома, потому что вы не осмеливаетесь предоставить ей выбор между вашими и моими идеями. Вы боитесь позволить мне еще раз увидеть ее.

Морелл, разозленный, внезапно поворачивается к нему. Юджин в невольном ужасе отскакивает и бросается к двери.

Оставьте меня, я вам говорю. Я уйду.

Морелл *(с холодным презрением)*. Подождите минутку, я не трону вас, не бойтесь. Когда моя жена вернется, она заинтересуется, почему вы ушли. А когда она узнает, что вы больше не переступите нашего порога, она будет допытываться, почему это так. Так вот, я не хочу огорчать ее рассказом о том, что вы вели себя как подлец.

Марчбэнкс *(возвращаясь, со вновь вспыхнувшей злобой)*. Вы расскажете, вы должны это сделать. Если вы скажете ей что-нибудь другое, кроме того, что было на

самом деле, — вы лжец и трус. Скажите ей то, что я сказал: и как вы были мужественны и решительны и трясли меня, как терьер трясет крысу, и как я ежился и испугался, и как вы обозвали меня жалким, трусливым щенком и выгнали вон из дома. Если вы не расскажете ей, я расскажу. Я напишу ей.

Морелл (*сбитый с толку*). Зачем вам нужно, чтобы она это знала?

Марчбэнкс (*в лирическом экстазе*). Тогда она поймет меня и узнает, что я понимаю ее. Если вы утаите от нее хоть одно слово из того, что было сказано здесь, если вы не готовы сложить правду к ее ногам, как готов я, — тогда вы будете знать до конца ваших дней, что она по-настоящему принадлежит мне, а не вам. Прощайте. (*Уходит.*)

Морелл (*страшно встревоженный*). Пойдите, я не хочу ей рассказывать.

Марчбэнкс (*оборачиваясь, около двери*). Правду или ложь, но вы должны будете сказать ей, если я уйду.

Морелл (*мнется*). Марчбэнкс, иногда бывает простительно...

Марчбэнкс (*резко обрывает его*). Знаю — простительно солгать. Это будет бесполезно. Прощайте, господин поп!

Когда Марчбэнкс поворачивается, чтобы уйти, дверь открывается и входит К а н д и д а, одетая по-домашнему.

Кандида. Вы уходите, Юджин? (*Приглядываясь к нему внимательнее.*) Ах, дорогой мой, как это похоже на вас — идти на улицу в таком виде! Ну, ясное дело, поэт. Посмотрите на него, Джемс! (*Она берет его за куртку и тащит вперед, показать Мореллу.*) Посмотри на его воротник, на его галстук, посмотри на его волосы. Можно подумать, что вас кто-то оттащил.

Юджин невольно оборачивается и взглядывает на Морелла.

Ну-ка, стойте смирно. (*Она застегивает его воротник, завязывает бантом шейный платок и приглаживает ему волосы.*) Ну вот. Теперь вы выглядите так мило, что, я думаю, вам лучше в конце концов остаться позавтракать, хотя я вам и говорила, что вы не должны оставаться. Завтрак будет готов через полчаса. (*Она еще раз поправляет его бант. Он целует ей руку.*) Не дурите.

Марчбэнкс. Мне, конечно, хотелось бы остаться, если только досточтимый джентльмен, ваш супруг, не имеет ничего против.

Кандида. Оставить его, Джемс, если он обещает быть хорошим мальчиком и поможет мне накрыть на стол?

Морелл. О да, конечно. Разумеется, ему лучше остаться. *(Он подходит к столу и делает вид, что разбирает какие-то бумаги.)*

Марчбэнкс *(предлагает руку Кандиге)*. Идемте накрывать на стол.

Она берет его под руку. Они вместе идут к двери.

Я счастливейший из смертных!

Морелл. Таким был я — час тому назад.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же день. Та же комната. Под вечер. Стул для посетителей придвинут к столу. Марчбэнкс один; от нечего делать пытается выяснить, как это пишут на машинке. Услышав чьи-то шаги у двери, он потихоньку, виновато отходит к окну и делает вид, что рассматривает окрестности. Входит мисс Гарнетт с блокнотом, в котором она стенографирует письма Морелла, подходит к машинке и садится расшифровывать. Ей очень некогда, и она не замечает Юджина; но едва начал вторую строчку, тут же обрывает и с досадой смотрит на машинку.

Прозерпина. Ах, мученье! Вы трогали мою машинку, мистер Марчбэнкс! И вы напрасно делаете вид, будто вы ее не трогали.

Марчбэнкс *(робко)*. Я очень извиняюсь, мисс Гарнетт, я только пробовал писать... а она не пишет.

Прозерпина. Ну вот, и изменили интервал.

Марчбэнкс *(горячо)*. Уверяю вас, я ничего не менял. Я только дернул рычажок и вот это маленькое колесико. И оно щелкнуло.

Прозерпина. А, теперь понятно. *(Она переводит интервал и тараторит без передышки.)* Вы, должно быть, думали, что это нечто вроде шарманки: стоит только повернуть ручку, и она сама собой напишет вам чудесное любовное письмо, а?

Марчбэнкс (*серьезно*). Я думаю, машинку можно заставить писать любовные письма. Они же все пишутся на один лад, не правда ли?

Прозерпина (*готова возмутиться: вести дискуссию такого рода — если только это не делается в шутку — против ее правил*). Откуда я знаю? Почему вы меня об этом спрашиваете?

Марчбэнкс. Прошу прощения. Мне казалось, что у умных людей, у людей, которые занимаются делами, ведут корреспонденцию и все такое,— что у них есть всегда любовные дела, а иначе они бы с ума сошли.

Прозерпина (*вскакивает оскорбленная*). Мистер Марчбэнкс! (*Строго смотрит на него и с величественным видом направляется к книжному шкафу*.)

Марчбэнкс (*смирненно приближаясь к ней*). Надеюсь, я не обидел вас? Вероятно, мне не следовало касаться ваших любовных дел.

Прозерпина (*выдергивает синюю книжку с полки и круто поворачивается к нему*). У меня нет никаких любовных дел. Как вы смеете говорить мне подобные вещи? (*Берет книгу под мышку и возвращается к машинке*.)

Марчбэнкс (*с внезапно пробудившимся сочувствием и интересом*). Ах, вот что? Вы, верно, застенчивы, вроде меня.

Прозерпина. Нисколько я не застенчива. Что вы хотите сказать?

Марчбэнкс (*задушевно*). Нет, наверно вы застенчивы; вот поэтому-то на свете так мало взаимной любви. Мы все тоскуем о любви, это первая потребность нашей природы, первая мольба нашего сердца, но мы не смеем высказать наших желаний, мы слишком застенчивы. (*С большим жаром*.) О мисс Гарнетт, чего бы вы не дали за то, чтобы не испытывать страха, стыда!..

Прозерпина (*шокированная*). Нет, честное слово!

Марчбэнкс (*стремительно-нетерпеливо*). Ах, не говорите вы мне всяких этих глупых слов, они меня не обманут, какой в них смысл? Почему вы боитесь быть со мной такой, какая вы на самом деле? Я совершенно такой же, как вы.

Прозерпина. Как я? Скажите, пожалуйста, кому это вы думаете польстить — мне или себе? Я что-то не могу решить, кому именно. (*Она снова направляется к машинке*.)

Марчбэнкс (*останавливает ее с таинственным видом*). Ш-ш-ш... Я всюду ищу любви — и нахожу несметное

количество ее в сердцах людей. Но когда я пытаюсь вымолить ее, эта ужасная застенчивость сковывает меня, и я стою немой... или хуже, чем немой, говорю бессмысленные вещи, глупую ложь. И я вижу, как нежность, о которой я тоскую, расточают собакам, кошкам, потому что они просто подходят и просят. *(Почти шепотом.)* Ее нужно просить; она подобна призраку — не может заговорить, пока не заговорят с ней. *(Обычным голосом, но с глубокой меланхолией.)* Вся любовь в мире жаждет заговорить, только она не смеет, потому что она стыдится, стыдится! В этом трагедия мира. *(С глубоким вздохом садится на стул для посетителей и закрывает лицо руками.)*

Прозерпина *(изумлена, старается не выдать себя: первое ее правило при встрече с незнакомыми молодыми людьми)*. Люди испорченные превозмогают время от времени эту стыдливость, не правда ли?

Марчбэнкс *(вскакивает, чуть ли не в ярости)*. Испорченные люди — это те, у которых нет любви. Поэтому у них нет и стыда. Они способны просить любви, потому что они не нуждаются в ней, они способны предлагать ее, потому что им нечего дать. *(Опускается на стул и добавляет грустным тоном.)* Но мы, которые обладаем любовью и жаждем соединить ее с любовью других, мы не смеем вымолвить ни слова. *(Робко.)* Вы согласны с этим, не правда ли?

Прозерпина. Послушайте, если вы не перестанете говорить подобные вещи, я уйду из комнаты, мистер Марчбэнкс. Честное слово, я уйду. Это непорядочно. *(Усаживается за машинку, открывает синюю книжку и собирается переписывать из нее.)*

Марчбэнкс *(безнадежным тоном)*. Все то, о чем стоит говорить, все считается непорядочным. *(Поднимается и бродит по комнате с растерянным видом.)* Я не могу понять вас, мисс Гарнетт. О чем же мне разговаривать?

Прозерпина *(поучительно)*. Говорите о безразличных вещах, говорите о погоде.

Марчбэнкс. Могли бы вы стоять и разговаривать о безразличных вещах, если бы рядом с вами ребенок горько плакал от голода?

Прозерпина. Полагаю, что нет.

Марчбэнкс. Так вот. Я не могу разговаривать о безразличных вещах, когда мое сердце горько плачет от голода.

Прозерпина. Тогда придержите язык.

Марчбэнкс. Да. Вот к этому мы всегда и приходим. Придерживаем язык. А разве от этого перестанет плакать ваше сердце? Ведь оно плачет, разве не правда? Оно должно плакать, если только оно у вас есть.

Прозерпина (*внезапно вскакивает, хватаясь рукой за сердце*). Ах, нет смысла пытаться работать, когда вы ведете такие разговоры. (*Она выходит из-за своего маленького столика и садится на кушетку. Чувства ее явно затронуты.*) Вас совершенно не касается, плачет мое сердце или нет, но я все-таки хочу вам сказать...

Марчбэнкс. Вы можете не говорить. Я и так знал, что оно должно плакать.

Прозерпина. Но помните, если вы когда-нибудь расскажете о том, что я вам сказала, я отрекусь.

Марчбэнкс (*участливо*). Да, я понимаю. Итак, значит, у вас не хватает смелости признаться ему?

Прозерпина (*подскакивая*). Ему! Кому это?

Марчбэнкс. Ну, кто бы это ни был — человеку, которого вы любите. Это может быть кто угодно. Может быть, мистер Милл, помощник священника...

Прозерпина (*с презрением*). Мистер Милл!!! Вот уж поистине достойный объект, чтобы я стала по нем убиваться! Скорей бы уж я выбрала вас, чем мистера Милла.

Марчбэнкс (*ежится*). Нет, что вы! Мне очень жаль, но вы не должны думать об этом. Я...

Прозерпина (*с раздражением идет к камину и останавливается, повернувшись к Марчбэнксу спиной*). О, не пугайтесь! Это не вы. Речь идет не о каком-то определенном человеке.

Марчбэнкс. Я понимаю, вы чувствуете, что могли бы любить кого угодно, кто предложил бы...

Прозерпина (*в бешенстве*). Кого угодно... кто предложил бы... нет, на это я не способна. За кого вы меня принимаете?

Марчбэнкс (*обескураженный*). Все не так. Вы не хотите мне по-настоящему ответить, а только повторяете слова, которые все говорят. (*Он подходит к кушетке и опускается на нее в полном унынии.*)

Прозерпина (*уязвленная тем, что она принимает за презрение аристократа к ее особе*). О, пожалуйста, если вы жаждете оригинальных разговоров, можете разговаривать сами с собой.

Марчбэнкс. Так поступают все поэты. Они разговаривают вслух сами с собой, а мир подслушивает их. Но так ужасно одиноко, когда не слышишь речей другого.

Прозерпина. Подождите, вот придет мистер Морелл. Он с вами поговорит.

Марчбэнкса передергивает.

О, вам совершенно незачем так гримасничать. Он разговаривает получше вас. *(Запальчиво.)* Он с вами так поговорит, что вы прикусите язычок. *(Она сердито идет к своему столику, как вдруг Марчбэнкс, внезапно осененный, вскакивает и останавливает ее.)*

Марчбэнкс. А, понимаю.

Прозерпина *(покраснев)*. Что вы понимаете?

Марчбэнкс. Вашу тайну. Но скажите, это действительно возможно, чтобы его могла любить женщина?

Прозерпина *(словно это уже переходит всякие границы)*. Ну, знаете!

Марчбэнкс *(с жаром)*. Нет, ответьте мне! Я хочу это знать. Мне нужно знать. Я не понимаю этого. Я ничего не вижу в нем, кроме слов, благочестивых сентенций и того, что люди называют добротой. Это нельзя любить.

Прозерпина *(тоном холодной назидательности)*. Я просто не знаю, о чем вы говорите. Я не понимаю вас.

Марчбэнкс *(с раздражением)*. Нет, понимаете. Вы лжете.

Прозерпина. О-о!

Марчбэнкс. Вы понимаете и вы знаете. *(Решившись во что бы то ни стало добиться от нее ответа.)* Может ли женщина любить его?

Прозерпина *(глядя ему прямо в лицо)*. Да.

Он закрывает лицо руками.

Что с вами?

Он отнимает руки, и ей открывается его лицо: трагическая маска. Испуганная, она поспешно отступает в дальний угол, не сводя глаз с его лица, пока он, повернувшись к ней спиной, не направляется к детскому стульчику у камина, где садится в полном отчаянии. Когда она подходит к двери, дверь открывается и входит Берджесс.

(Увидев его, она вскрикивает.) Слава тебе Господи, наконец кто-то пришел. *(Садится, успокоившись, за свой столик и вставляет в машинку чистый лист бумаги.)*

Берджесс направляется к Юджину.

Берджесс (*почтительно наклоняясь к титулованному гостю*). Так вот как, они оставляют вас скучать одного, мистер Марчбэнкс. Я пришел составить вам компанию.

Марчбэнкс смотрит на него в ужасе, чего Берджесс совершенно не замечает.

Джемс принимает какую-то депутацию в столовой, а Канди наверху занимается с девочкой-швеей, которую она опекает. (*Соболезнующе.*) Вам, должно быть, скучно здесь одному, и поговорить-то не с кем, кроме машинистки. (*Он подвигает себе кресло и усаживается.*)

Прозерпина (*совершенно разъяренная*). Теперь ему, наверно, будет очень весело, раз он сможет наслаждаться вашим изысканным разговором. Можно его поздравить. (*Яростно стучит на машинке.*)

Берджесс (*пораженный ее дерзостью*). Насколько мне известно, я к вам не обращаюсь, молодая особа.

Прозерпина (*ехидно Марчбэнксу*). Видели ли вы когда-нибудь такие прекрасные манеры, мистер Марчбэнкс?

Берджесс (*напыщенно*). Мистер Марчбэнкс — джентльмен и знает свое место, чего нельзя сказать о некоторых других.

Прозерпина (*колко*). Во всяком случае мы с вами не леди и не джентльмены. Уж я бы с вами поговорила начистоту, если бы здесь не было мистера Марчбэнкса. (*Она так резко выдергивает письмо из машинки, что бумага рвется.*) Ну вот, теперь я испортила письмо, придется все снова переписывать. Ах, это выше моих сил. Толстый старый болван!

Берджесс (*подымается, задыхаясь от негодования*). Что-о? Это я — старый болван? Я? Нет, это уж слишком. (*Вне себя от ярости.*) Хорошо, барышня, хорошо. Подождите, вот я поговорю с вашим хозяином, вы у меня увидите, я проучу вас. Не я буду, если не проучу.

Прозерпина (*чувствуя, что перешла границы*). Я...

Берджесс (*обрывая ее*). Нет, довольно. Нам с вами больше не о чем говорить. Я вам покажу, кто я.

Прозерпина с вызывающим треском переводит каретку и продолжает писать.

Не обращайтесь на нее внимания, мистер Марчбэнкс, она недостойна этого. (*Он снова величественно усаживается в кресло.*)

Марчбэнкс (*расстроенный, с жалким видом*). Не лучше ли нам переменить тему разговора? Я... я не думаю, чтобы мисс Гарнетт хотела сказать что-нибудь...

Прозерпина (*настойчиво и убежденно*). Хотела сказать!.. Да, вот как раз то самое, что сказала.

Берджесс. Стану я унижать себя, обращая на нее внимание.

Раздаются два звонка.

Прозерпина (*берет свой блокнот и бумаги*). Это меня. (*Поспешно уходит.*)

Берджесс (*кричит ей вдогонку*). Обойдемся и без вас. (*Несколько утешенный сознанием, что за ним осталось последнее слово, однако не совсем отказавшись от мысли придумать что-нибудь покрепче, он некоторое время смотрит ей вслеп, затем опускается в кресло рядом с Юджином и говорит конфиденциальным тоном.*) Ну вот, теперь, когда мы с вами остались одни, мистер Марчбэнкс, разрешите мне сказать вам по-дружески то, о чем я не заикался никому. Вы давно знакомы с моим зятем Джемсом?

Марчбэнкс. Не знаю. Я никогда не помню чисел. Вероятно, несколько месяцев.

Берджесс. И вы никогда ничего такого за ним не замечали... странного?

Марчбэнкс. Да нет, кажется.

Берджесс (*внушительно*). Вот то-то и дело, что нет. Это-то и опасно. Так вот, знаете — он не в своем уме.

Марчбэнкс. Не в своем уме?

Берджесс. Спятил вконец! Вы понаблюдайте за ним. Сами увидите.

Марчбэнкс (*смущенно*). Но, быть может, это просто кажется, потому что его убеждения...

Берджесс (*тыча его указательным пальцем в колено, чтобы заставить себя слушать*). Это вот как раз то, что я всегда думал, мистер Марчбэнкс. Я долгое время считал, что это только убеждения, но вы все-таки попомните мои слова: убеждения, знаете, это нечто весьма, весьма серьезное, когда люди начинают из-за них вести себя так, как он. Но я не об этом хотел. (*Он оглядывается, желая удостовериться, что они одни, и, наклонившись к Юджину, говорит ему на ухо.*) Как вы думаете, что он сказал мне здесь, вот в этой самой комнате, нынче утром?

Марчбэнкс. Что?

Берджесс. Он мне сказал, — и это так же верно, как то, что мы вот здесь с вами сейчас сидим, — он мне сказал: «Я — болван, — вот что он сказал, — а вы, говорит, вы — мошенник». И так это, знаете, спокойно. Это я-то мошенник, подумайте! И тут же пожал мне руку, точно это что-то очень лестное! Так что же после этого можно сказать — этот человек в здравом уме?

Морелл (*кричит Прозерпине, открывая дверь*). Запишите их имена и адреса, мисс Гарнетт.

Прозерпина (*за сценой*). Да, мистер Морелл.

Морелл входит с бумагами, которые ему принесла депутация.

Берджесс (*Марчбэнксу*). Вот и он. Вы только последите за ним, и вы увидите. (*Поднимаясь, величественно.*) Я очень сожалею, Джемс, но я должен обратиться к вам с жалобой. Я не хотел делать этого, но чувствую, что обязан. Этого требуют долг и справедливость.

Морелл. А что случилось?

Берджесс. Мистер Марчбэнкс не откажется подтвердить, он был свидетелем. (*Весьма торжественно.*) Эта ваша юная особа забылась настолько, что обозвала меня толстым старым болваном.

Морелл (*с величайшим благодушием*). Ах, но до чего же это похоже на Просси! Вот чистая душа! Не умеет сдерживать себя. Бедняжка Просси! Ха-ха-ха!

Берджесс (*трясая от ярости*). И вы думаете, что я могу стерпеть такую штуку от подобной особы?

Морелл. Какая чепуха! Не станете же вы придавать этому значение! Не обращайтесь внимания. (*Идет к шкафу и прячет бумаги.*)

Берджесс. Я не обращаю внимания. Я выше этого. Но разве это справедливо — вот что я хочу знать. Справедливо это?

Морелл. Ну, это уж вопрос, касающийся церкви, а не мирян. Причинила она вам какое-нибудь зло? Вот о чем вы можете спрашивать. Ясное дело, нет. И не думайте больше об этом. (*Дав таким образом понять, что вопрос исчерпан, направляется к своему столу и начинает разбирать почту.*)

Берджесс (*тихо Марчбэнксу*). Ну, что я вам говорил? Совершенно не в своем уме. (*Он подходит к столу и с кислой учтивостью проголодавшегося человека спрашивает Морелла.*) Когда обед, Джемс?

Морелл. Да не раньше, чем часа через два.

Берджесс (*с жалобной покорностью*). Дайте мне какую-нибудь хорошую книжку, Джемс, почитать у камина. Будьте добрым малым.

Морелл. Какую же вам дать книжку? Что-нибудь действительно хорошее?

Берджесс (*чуть не с воплем протеста*). Да нет же, что-нибудь позанятнее, чтобы провести время.

Морелл берет со стола иллюстрированный журнал и подает ему.

(*Он смиренно принимает.*) Спасибо, Джемс. (*Возвращается к своему креслу у камина, усаживается поудобнее и погружается в чтение.*)

Морелл (*пишет за столом*). Кандида сейчас освободится и придет к нам. Она уже проводила свою ученицу. Наливает лампы.

Марчбэнкс (*вскакивает в ужасе*). Но ведь она испортит себе руки! Я не могу перенести это, Морелл, это позор. Я лучше пойду и налью сам. (*Направляется к двери.*)

Морелл. Не советую.

Марчбэнкс нерешительно останавливается.

А то она, пожалуй, заставит вас вычистить мои ботинки, чтобы избавить меня от этого.

Берджесс (*строго, с неодобрением*). Разве у вас больше нет прислуги, Джемс?

Морелл. Есть. Но ведь она же не рабыня. А у нас в доме так все поставлено, будто у нас по крайней мере трое слуг. Вот каждому и приходится брать что-нибудь на себя. В общем это не страшно. Просси и я, мы можем разговаривать о делах после завтрака, в то время, как мы моем посуду. Мыть посуду не так уж неприятно, если это делать вдвоем.

Марчбэнкс (*угрученно*). И вы думаете, все женщины такие толстокожие, как мисс Гарнетт?

Берджесс (*с воодушевлением*). Суцая правда, мистер Марчбэнкс. Что правда, то правда. Вот именно — толстокожая!

Морелл (*спокойно и многозначительно*). Марчбэнкс! Марчбэнкс. Да?

Морелл. Сколько слуг у вашего отца?

Марчбэнкс (*недовольно*). О, я не знаю. (*Он возвращается к кушетке, словно стараясь уйти подалее*)

от этого вопроса, и садится, снедаемый мыслью о керосине.)

Морелл *(весьма внушительно)*. Так много, что вы даже и не знаете сколько? *(Уже тоном выговора.)* И вот, когда нужно сделать что-нибудь этакое толстокожее, вы звоните и отдаете приказание, чтобы это сделал кто-нибудь другой, да?

Марчбэнкс. Ах, не мучайте меня! Ведь вы-то даже не даете себе труда позвонить. И вот сейчас прекрасные пальчики вашей жены пачкаются в керосине, а вы расположились здесь со всеми удобствами и проповедуете, проповедуете, проповедуете. Слова, слова, слова!

Берджесс *(горячо приветствуя эту отповедь)*. Вот это, черт возьми, здорово! Нет, вы только послушайте! *(Торжествующе.)* Ага, что? Получили, Джемс?

Входит Кандида в фартуке, держа в руках настольную лампу, которую только остается зажечь. Она ставит ее на стол к Мореллу.

Кандида *(морщится, потирая кончики пальцев)*. Если вы останетесь у нас, Юджин, я думаю поручить вам лампы.

Марчбэнкс. Я останусь при условии, что вы всю черную работу поручите мне.

Кандида. Очень мило. Но, пожалуй, придется сначала посмотреть, как это у вас выходит. *(Поворачиваясь к Мореллу.)* Джемс, не очень-то ты хорошо смотрел за хозяйством.

Морелл. А что же такое я сделал, или — чего я не сделал, дорогая моя?

Кандида *(с искренним огорчением)*. Моей любимой щеточкой чистили грязные кастрюли.

Душераздирающий вопль Марчбэнкса. Берджесс изумленно озирается.

(Кандида погбегает к кушетке.) Что случилось? Вам дурно, Юджин?

Марчбэнкс. Нет, не дурно, но это кошмар! Кошмар! Кошмар! *(Хватается руками за голову.)*

Берджесс *(потрясенный)*. Что? Вы страдаете кошмарами, мистер Марчбэнкс? Вам нужно как-нибудь постараться избавиться от этого.

Кандида *(успокаиваясь)*. Глупости, папа. Это просто поэтические кошмары. Не правда ли, Юджин? *(Треплет его по плечу.)*

Берджесс (*сбитый с толку*). Ах, поэтические... Вон оно что. В таком случае прошу прощения. (*Снова поворачивается к камину, сконфуженный.*)

Кандида. Так в чем же дело, Юджин? Щетка?

Его передергивает.

Ну ладно. Не огорчайтесь. (*Сажится подле него.*) Когда-нибудь вы подарите мне хорошенькую новенькую щеточку из слоновой кости с перламутровой отделкой.

Марчбэнкс (*мягко и мелодично, но грустно и тоскуя*). Нет не щетку, а лодочку... маленький кораблик, и мы уплывем на нем далеко, далеко от света — туда, где мраморный пол обмывают дожди и сушит солнце, где южный ветер метет чудесные зеленые и пурпурные ковры... Или колесницу, которая унесет нас далеко в небо, где лампы — это звезды, и их не нужно наливать каждый день керосином.

Морелл (*резко*). И где нечего будет делать — только лентяйничать. Жить в свое удовольствие и ни о чем не думать.

Кандида (*загетая*). Ах, Джемс, как же ты мог так все испортить!

Марчбэнкс (*воспламеняясь*). Да, жить в свое удовольствие и не думать ни о чем. Иначе говоря, быть прекрасным, свободным и счастливым. Разве каждый мужчина не желает этого всей душой женщине, которую он любит? Вот мой идеал. А какой же идеал у вас и у всех этих ужасных людей, которые ютятся в безобразных, жмущихся друг к другу домах? Проповеди и щетки! Вам — проповеди, а жене — щетки.

Кандида (*живо*). Он сам чистит себе башмаки, Юджин. А вот завтра вы их будете чистить, за то что вы так говорите о нем.

Марчбэнкс. Ах, не будем говорить о башмаках. Ваши ножки были бы так прекрасны на зелени гор.

Кандида. Хороши бы они были без башмаков на Хэкней-Род.

Берджесс (*шокированный*). Слушай, Канди, нельзя же так вульгарно. Мистер Марчбэнкс не привык к этому. Ты опять доведешь его до кошмаров — до поэтических, я хочу сказать.

Морелл молчит. Можно подумать, что он занят письмами. В действительности его тревожит и гнетет только что сделанное им печальное открытие: чем увереннее он в своих нравоучительных тирадах, тем

легче и решительнее побивает его Юджин. Сознание, что он начинает бояться человека, которого не уважает, наполняет его горечью. Входит мисс Г а р н е т т с телеграммой.

Прозерпина (*протягивая телеграмму Мореллу*). Ответ оплачен. Посыльный ждет. (*Направляясь к своей машинке и усаживаясь за стол, говорит Кандиде.*) Мария все приготовила для вас в кухне, миссис Морелл.

Кандида поднимается.

Там уже принесли лук.

Марчбэнкс (*согрогаясь*). Лук?

Кандида. Да, лук. И даже не испанский, а противные маленькие красные луковки. Вы мне можете крошить их. Идемте-ка. (*Она хватает его за руку и тащит за собой.*)

Берджесс вскакивает ошеломленный и, застыв от изумления, глядит им вслед.

Берджесс. Канди не годилось бы так обращаться с племянником пэра. Она уж слишком далеко заходит... Слушайте-ка, Джемс, а он что — всегда такой чудной?

Морелл (*отрывисто, обдумывая телеграмму*). Не знаю.

Берджесс (*прочувствованно*). Разговаривать-то он большой мастер. У меня всегда была склонность к этой... как ее? — поэзии. Канди в меня пошла, видно. Вечно, бывало, заставляла меня рассказывать ей сказки, когда еще была вот этакой крошкой. (*Показывает рост ребенка, примерно фута два от пола.*)

Морелл (*очень озабоченный*). Вот как. (*Помахивает телеграммой, чтобы высохли чернила, и уходит.*)

Прозерпина. И вы сами придумывали ей эти сказки, из собственной головы?

Берджесс не достаивает ее ответом и принимает высокомерно-презрительную позу.

(*Спокойно.*) Вот никогда бы не подумала, что в вас кроются такие таланты. Между прочим, я хотела предупредить вас, раз уж вы воспылали такой нежной любовью к мистеру Марчбэнксу: он не в своем уме.

Берджесс. Не в своем уме! Как, и он тоже?

Прозерпина. Просто одержимый. Он меня до того напугал, что и рассказать не могу, как раз перед тем, как вы сюда пришли. Вы не заметили, какие он странные вещи говорит?

Берджесс. Так вот что значат эти его поэтические кошмары! Ах, черт подери, и верно ведь! У меня раза два мелькнула мысль, что он немножко не в себе. *(Идет через всю комнату к двери и говорит, постепенно повышая голос.)* Нечего сказать, попадешь в такой желтый дом, и некому человека предостеречь, кроме вас.

Прозерпина *(когда он проходит мимо нее)*. Да, подумайте! Какой ужас, если что-нибудь случится с вами.

Берджесс *(высокомерно)*. Оставьте ваши замечания при себе. Скажите вашему хозяину, что я пошел в сад покурить.

Прозерпина *(насмешливо)*. О!

Входит Морелл.

Берджесс *(слащаво)*. Иду прогуляться в садик, покурить, Джемс.

Морелл *(резко)*. А, отлично, отлично.

Берджесс выходит, напуская на себя вид разбитого, дряхлого старика. Морелл, стоя у стола, перебирает бумаги.

(Полушутливо, вскользь Прозерпине.) Ну, мисс Просси, что это вам взбрело в голову придумывать клички моему тестю?

Прозерпина *(вспыхивает, становится ярко-пунцовой, поднимает на него полуиспуганный, полуукоризненный взгляд)*. Я... *(Разражается слезами.)*

Морелл *(с нежной шутливостью наклоняется к ней через стол)*. Ну, полно, полно! Будет вам, Просси! Конечно, он старый толстый болван, ведь это же сущая правда!

Громко всхлипывая, она бросается к выходу и исчезает, сильно хлопнув дверью. Морелл грустно качает головой, вздыхает, устало идет к своему столу, садится и принимается за работу. Он кажется постаревшим и измученным.

Входит Кандида. Она покончила со своим хозяйством и сняла фартук. Сразу заметив его удрученный вид, она тихонько усаживается на стул для посетителей и внимательно смотрит на Морелла не говоря ни слова.

(Морелл взглядывает на нее, не выпуская пера, как бы не намереваясь отрываться от работы.) Ну, что скажешь? Где Юджин?

Кандида. В кухне. Моей руки под краном. Из него выйдет чудесный поваренок, если только он сумеет преодолеть свой страх перед Марией.

Морелл *(кратко)*. Гм... да, разумеется. *(Снова начинает писать.)*

Кандида *(подходит ближе, мягко кладет ему руку на рукав)*. Погоди, милый, дай мне посмотреть на тебя. *(Он роняет перо и покоряется. Она заставляет его погнуться, выводит из-за стола и внимательно разглядывает его.)* Ну-ка, поверни, лицо к свету. *(Ставит его против окна.)* Мой мальчик неважно выглядит. Он что, слишком много работал?

Морелл. Не больше, чем всегда.

Кандида. Он такой бледный, седой, морщинистый и старенький. *(Морелл заметно мрачнеет, а она продолжает в нарочито шутливом тоне.)* Вот! *(Тащит его к креслу.)* Довольно тебе писать сегодня. Пусть Просси закончит за тебя, а ты иди поговори со мной.

Морелл. Но...

Кандида *(настойчиво)*. Да, ты должен со мной поговорить. *(Усаживает его и садится сама на коврик у его ног.)* Ну вот. *(Похлопывая его по руке.)* Вот у тебя вид уже много лучше. Для чего это тебе каждый вечер ходить читать лекции и выступать на собраниях? Я совсем не вижу тебя по вечерам. Конечно, то, что ты говоришь, это все очень верно и правильно, но ведь это же все попусту. Они ни чуточки не считаются с тем, что ты говоришь. Они будто бы со всем согласны, но какой толк в том, что они со всем согласны, если они делают не то, что надо, стоит только тебе отвернуться. Взять хотя бы наших прихожан церкви святого Доминика. Почему, ты думаешь, они приходят на твои проповеди каждое воскресенье? Да просто потому, что если в течение шести дней они только и занимаются, что делами да загребанием денег, то на седьмой им хочется забыться и отдохнуть, чтобы потом можно было со свежими силами снова загребать деньги еще пуще прежнего. Ты положительно помогаешь им в этом, вместо того чтобы удерживать.

Морелл *(решительно и серьезно)*. Ты отлично знаешь, Кандида, что им нередко здорово достается от меня. Но если это их хождение в церковь для них только развлечение и отдых, почему же они не ищут какого-нибудь

более легкомысленного развлечения, чего-нибудь, что более отвечало бы их прихотям? Хорошо уже и то, что они предпочитают пойти в воскресенье к святому Доминику, а не в какое-нибудь злачное место.

Кандида. О, злачные места по воскресеньям закрыты. А если бы они даже и не были закрыты, они не решаются идти туда — из боязни, что их увидят. Кроме того, Джемс, дорогой, ты так замечательно проповедуешь, что это все равно, что пойти на какое-нибудь представление. Почему, ты думаешь, женщины слушают тебя с таким восторгом?

Морелл (*шокированный*). Кандида!

Кандида. О, я-то знаю! Ты глупый мальчик. Ты думаешь, это все твой социализм или религия? Но если бы это было так, тогда они бы и делали то, что ты им говоришь, вместо того чтобы приходить и только глазеть на тебя. Ах, у всех у них та же болезнь, что и у Просси.

Морелл. Просси? Какая болезнь? Что ты хочешь сказать, Кандида?

Кандида. Ну да, Просси и все твои другие секретарши, какие только были у тебя. Почему Просси снисходит до того, чтобы мыть посуду, чистить картошку и делать то, что должно бы ей казаться унижительным, получая при этом на шесть шиллингов меньше, чем она получала в конторе? Она влюблена в тебя, Джемс, вот в чем дело. Все они влюблены в тебя, а ты влюблен в свои проповеди, потому что ты так замечательно проповедуешь. Ты думаешь, что весь этот энтузиазм из-за царства божьего на земле. И они думают то же самое. Ах ты мой глупенький!

Морелл. Кандида, какой чудовищный, какой разлагающий душу цинизм! Ты что — шутишь? Или... но может ли это быть — ты ревнуешь?

Кандида (*в странной задумчивости*). Да, я иногда чувствую, что я немножко ревную.

Морелл (*недоверчиво*). К Просси?

Кандида (*смеясь*). Нет, нет, нет! Не то что ревную, а огорчаюсь за кого-то, кого не любят так, как должны были бы любить.

Морелл. За меня?

Кандида. За тебя! Да ведь ты так избалован любовью и обожанием, что я просто боюсь, как бы это тебе не повредило! Нет, я имела в виду Юджина.

Морелл (*ошеломленный*). Юджина?

Кандида. Мне кажется несправедливым, что вся любовь отдается тебе, а ему — ничего, хотя он нуждается в ней гораздо больше, чем ты.

Морелла невольно передергивает.

Что с тобой? Я чем-нибудь расстроила тебя?

Морелл (*поспешно*). Нет, нет. (*Глядя на нее тревожно и настойчиво.*) Ты знаешь, что я совершенно уверен в тебе, Кандида.

Кандида. Вот хвастунишка! Ты так уверен в своей привлекательности?

Морелл. Кандида, ты удивляешь меня. Я говорю не о своей привлекательности, а о твоей добродетели, о твоей чистоте, — вот на что я полагаюсь.

Кандида. Фу, как у тебя язык поворачивается говорить мне такие гадкие, такие неприятные вещи! Ты действительно поп, Джемс, сущий поп!

Морелл (*отворачиваясь от нее, потрясенный*). Вот то же самое говорит Юджин.

Кандида (*оживляясь, прижимается к нему, положив ему руку на колено*). О, Юджин всегда прав. Замечательный мальчик! Я очень привязалась к нему за это время в деревне. Ты знаешь, Джемс, хотя он сам еще ничего не подозревает, но он готов влюбиться в меня без памяти.

Морелл (*мрачно*). Ах, он не подозревает?

Кандида. Ни чуточки. (*Она снимает руку с его колена и, усевшись поудобней, сложив руки на коленях, погружается в задумчивость.*) Когда-нибудь он это поймет, когда будет взрослым и опытным — как ты. И он поймет, что я об этом знала. Мне интересно, что он подумает обо мне тогда?

Морелл. Ничего дурного, Кандида; я надеюсь и верю — ничего дурного.

Кандида (*с сомнением*). Это будет зависеть...

Морелл (*совершенно сбитый с толку*). Будет зависеть! От чего?

Кандида (*глядя на него*). Будет зависеть от того, как у него сложится все.

Морелл недоуменно смотрит на нее.

Разве ты не понимаешь? Это будет зависеть от того, как он узнает, что такое любовь. Я имею в виду женщину, которая откроет ему это.

Морелл *(в полном замешательстве)*. Да... нет... я не понимаю, что ты хочешь сказать.

Кандида *(поясняя)*. Если он узнает это от хорошей женщины, тогда все будет хорошо: он простит меня.

Морелл. Простит?

Кандида. Но представь себе, если он узнает это от дурной женщины, как это случается со многими, в особенности с поэтическими натурами, которые воображают, что все женщины ангелы! Что, если он откроет цену любви только после того, как уже растратит ее зря и осквернит себя в своем неведении! Простит ли он меня тогда, как ты думаешь?

Морелл. Простит тебя — за что?

Кандида *(разочарованная его непониманием, но все с той же неизменной нежностью)*. Ты не понимаешь? *(Он качает головой; она снова обращается к нему с сердечной доверчивостью.)* Я хочу сказать: простит ли он мне, что я не открыла ему этого сама? Что я толкнула, его к дурным женщинам во имя моей добродетели — моей чистоты, как ты называешь это? Ах, Джемс, как плохо ты знаешь меня, если способен говорить, что ты полагаешься на мою чистоту и добродетель. С какой радостью я отдала бы и то и другое бедному Юджину — так же, как я отдала бы свою шаль несчастному, продрогшему нищему, — если бы не было чего-то другого, что удерживает меня. Полагайся на то, что я люблю тебя, Джемс, потому что, если это исчезнет, то что мне твои проповеди? Пустые фразы, которыми ты изо дня в день обманываешь себя и других. *(Она приподнимается, собираясь встать.)*

Морелл. Его слова!

Кандида *(останавливаясь)*. Чьи слова?

Морелл. Юджина.

Кандида *(восхищенно)*. Он всегда прав! Он понимает тебя, понимает меня, он понимает Прокси, а ты, Джемс, ты ничего не понимаешь. *(Смеется и целует его в утешение.)*

Морелл отшатывается, словно его ударили, и вскакивает.

Морелл. Как ты можешь? О Кандида! *(В голосе его страдание.)* Лучше бы ты проткнула мне сердце раскаленным железом, чем подарить мне такой поцелуй.

Кандида *(подымается, испуганная)*. Дорогой мой, что случилось?

Морелл (*вне себя, отмахиваясь от нее*). Не трогай меня.

Кандида (*в изумлении*). Джемс!

Их прерывает появление Марчбэнкса и Берджесса. Берджесс останавливается у двери, выпучив глаза, в то время как Юджин бросается вперед и становится между ними.

Марчбэнкс. Что случилось?

Морелл (*смертельно бледный, сдерживая себя неимоверным усилием*). Ничего, кроме того, что или вы были правы сегодня утром, или Кандида сошла с ума.

Берджесс (*громогласно протестуя*). Как? Что? Канди тоже сошла с ума? Ну, ну! (*Он проходит через всю комнату к камину, громко изъясляя свое возмущение, и, остановившись, выколачивает над решеткой пепел из трубки.*)

Морелл садится с безнадежным видом, опустив голову на руки и крепко стиснув пальцы, чтобы сдержать дрожь.

Кандида (*Мореллу, смеясь, с облегчением*). Ах, ты, значит, шокирован — и это все? Какие же вы, однако, рабы условностей, вы, люди с независимыми взглядами!

Берджесс. Слушай, Канди, веди себя прилично. Что подумает о тебе мистер Марчбэнкс?!

Кандида. Вот что получается из нравочений Джемса, который говорит мне, что надо жить своим умом и никогда не кривить душой из страха — что подумают о тебе другие. Все идет как по маслу, пока я думаю то же, что думает он. Но стоило мне подумать что-то другое, и вот — посмотрите на него! Нет, вы только посмотрите! (*Она, смеясь, показывает на Морелла. Повидимому, ее это очень забавляет.*)

Юджин взглядывает на Морелла и тотчас же прижимает руку к сердцу, как бы почувствовав сильную боль. Он садится на кушетку с таким видом, словно оказался свидетелем трагедии.

Берджесс (*у камина*). А верно, Джемс! Вы сегодня что-то сдали против обычного.

Морелл (*со смехом, похожим на рыдание*). Полагаю, что нет. Прошу всех извинить меня. Я не подозревал, что стал центром внимания. (*Овладевает собой*). Ну хорошо, хорошо, хорошо! (*Он идет к своему столу и с решительным и бодрым видом берется за работу.*)

Кандида (*подходит к кушетке и садится рядом с Марчбэнксом, все в том же шутливом настроении*). Ну, Юджин, почему вы такой грустный? Может быть, это мой лук заставил вас всплакнуть?

Марчбэнкс (*тихо, ей*). Нет, ваша жестокость. Я ненавижу жестокость. Это ужасно видеть, как человек заставляет страдать другого.

Кандида (*поглаживает его по плечу с ироническим видом*). Бедный мальчик! С ним поступили жестоко! Его заставили резать ломтиками противные красные луковицы!

Марчбэнкс (*нетерпеливо*). Перестаньте, перестаньте, я говорю не о себе. Вы заставили его ужасно страдать. Я чувствую его боль в моем сердце. Я знаю, что это не ваша вина,— это должно было случиться. Но не шутите над этим. Во мне все переворачивается, когда я вижу, что вы мучаете его и смеетесь над ним.

Кандида (*в недоумении*). Я мучаю Джемса? Какой вздор, Юджин, как вы любите преувеличивать! Глупенький! (*Встревоженная, идет к столу*.) Довольно тебе работать, мой милый. Пойдем поговорим с нами.

Морелл (*ласково, но с горечью*). Нет, нет. Я не умею разговаривать, я могу только проповедовать.

Кандида (*ласкаясь к нему*). Ну иди прочти нам проповедь.

Берджесс (*решительно протестуя*). Ах нет, Канди, вот еще недоставало!

Входит Лекси Милл с встревоженным и озабоченным видом.

Лекси (*спеша поздороваться с Кандигой*). Как поживаете, миссис Морелл? Так приятно видеть вас снова дома.

Кандида. Благодарю вас, Лекси. Вы знакомы с Юджином, не правда ли?

Лекси. О да. Как поживаете, Марчбэнкс?

Марчбэнкс. Отлично, благодарю вас.

Лекси (*Мореллу*). Я только что из гильдии святого Матвея. Они в большом смятении от вашей телеграммы.

Кандида. А что за телеграмма, Джемс?

Лекси (*Кандиге*). Мистер Морелл должен был выступать у них сегодня вечером. Они сняли большой зал на Мэр-стрит и ухлопали массу денег на плакаты. Морелл телеграфировал им, что он не может выступать. Для них это было как гром среди ясного неба.

Кандида (*изумлена, в ней просыпается подозрение, что тут что-то неладно*). Отказался выступать?

Берджесс. Похоже, что это первый раз в жизни — а, Канди?

Лекси (*Мореллу*). Они хотели послать вам срочную телеграмму, узнать, не перемените ли вы свое решение. Вы получили ее?

Морелл (*сдерживая нетерпение*). Да, да, получил.

Лекси. Телеграмма была с оплаченным ответом.

Морелл. Да. Я знаю. Я уже ответил. Я не могу сегодня.

Кандида. Но почему, Джемс?

Морелл (*почти грубо*). Потому что не хочу. Эти люди забывают, что и я человек. Они думают, что я какая-то говорильная машина, которую каждый вечер можно заводить для их удовольствия. Неужели я не могу провести один вечер дома с женой и друзьями?

Все поражены этой вспышкой, кроме Юджина, который сидит с застывшим лицом.

Кандида. Ах, Джемс, это ответ на мои слова? Но ведь завтра ты будешь мучиться угрызениями совести.

Лекси (*робко и настойчиво*). Я, конечно, понимаю, но они телеграфировали во все концы, чтобы найти другого оратора, и не могли заполучить никого, кроме председателя лиги агностиков.

Морелл (*живо*). Ну что ж, прекрасный оратор, чего им еще надо?

Лекси. Но ведь он только и кричит, что социализм несовместим с христианством. Он сведет на нет все, чего мы добились. Конечно, вам лучше знать, но... (Пожимает плечами и идет к камину.)

Кандида (*ласково*). О, пойди, пожалуйста, Джемс. Мы все пойдем.

Берджесс (*ворчливо*). Послушай-ка, Канди! Помоему, давайте лучше посидим по-хорошему дома, у камелька. Ведь он там пробудет часа два, не больше.

Кандида. Тебе будет так же хорошо и на митинге. Мы все усядемся на трибуне, как важные персоны.

Марчбэнкс (*в испуге*). Пожалуйста, давайте не надо на трибуну — нет, нет, а то все будут смотреть на нас. Я не могу. Я сяду где-нибудь подальше, сзади.

Кандида. Не бойтесь. Они так все будут глазеть на Джемса, что и не заметят вас.

Морелл. Болезнь Прокси — а, Кандида?

Кандида (*весело*). Да.

Берджесс (*заинтересованный*). Болезнь Просси? О чем это вы, Джемс?

Морелл (*не обращая на него внимания, встает, идет к двери и, приоткрыв ее, кричит повелительным тоном*). Мисс Гарнетт!

Прозерпина (*за сценой*). Да, мистер Морелл, иду.

Все молча ждут, кроме Берджесса, который отводит в сторону Лекси.

Берджесс. Послушайте-ка, мистер Милл! Чем это больна Просси? Что с ней случилось?

Лекси (*конфиденциально*). Да я, право, не знаю. Она очень странно разговаривала со мной сегодня утром. Боюсь, что с ней что-то неладно.

Берджесс (*остолбенев*). Что? Так это, верно, разное! Четверо в одном доме!

Прозерпина (*появляясь в дверях*). Да, мистер Морелл?

Морелл. Дайте телеграмму гильдии святого Матвея, что я приеду.

Прозерпина (*удивленно*). А разве они не знают, что вы приедете?

Морелл (*повелительно*). Сделайте, как я вам говорю.

Прозерпина, испуганная, садится за машинку и пишет. Морелл, к которому вернулась вся его энергия и решительность, подходит к Берджессу. Кандида следит за его движениями с возрастающим удивлением и тревогой.

Берджесс, вам не хочется идти?

Берджесс. Ну зачем вы так говорите, Джемс? Просто ведь сегодня не воскресенье, вы же знаете.

Морелл. Очень жаль. А я думал, вам приятно будет познакомиться с председателем гильдии, он член комитета общественных работ при муниципальном совете и пользуется кое-каким влиянием при раздаче подрядов.

Берджесс сразу оживляется.

Так вы приедете?

Берджесс (*с жаром*). Ну ясное дело, приду, Джемс. Еще бы, такое удовольствие вас послушать.

Морелл (*поворачиваясь к Просси*). Я хочу, чтобы вы кое-что застенографировали, мисс Гарнетт, если вы только не заняты сегодня.

Прозерпина кивает, не решаясь вымолвить ни слова.

Вы пойдете, Лекси, я полагаю?

Лекси. Разумеется.

Кандида. Мы все идем, Джемс.

Морелл. Нет. Тебе незачем идти. И Юджин не пойдет. Ты останешься здесь и займешь его — чтобы отпраздновать твое возвращение домой.

Юджин встает, у него перехватывает горло.

Кандида. Но, Джемс...

Морелл *(властно)*. Я настаиваю. Тебе незачем идти, и ему тоже незачем.

Кандида пытается возразить.

Вы можете не беспокоиться, у меня будет масса народа и без вас. Ваши стулья пригодятся кому-нибудь из необращенных, из тех, кому еще ни разу не приходилось слышать мою проповедь.

Кандида *(встревоженная)*. Юджин, а разве вам не хочется пойти?

Морелл. Я опасаясь выступить перед Юджином, он так критически относится к проповедям *(глядит на него)*, он знает, что я боюсь его. Он мне сказал это сегодня утром. Так вот, я хочу показать ему, как я его боюсь: я оставляю его на твое попечение, Кандида.

Марчбэнкс *(про себя, с живым чувством)*. Вот это смело! Это великолепно!

Кандида *(в беспокойстве)*. Но... но... что такое случилось, Джемс? *(В смятении.)* Я ничего не понимаю.

Морелл *(нежно обнимает ее и целует в лоб)*. А я думал, милочка, что это я ничего не понимаю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер, половина одиннадцатого. Шторы опущены. Горят лампы. Машина закрыта колпаком. Большой стол приведен в порядок. По всему видно, что деловой день кончен. Кандида и Марчбэнкс у камина. Настольная лампа стоит на каминной полке над Марчбэнксом, который прикорнул на маленьком стульчике и читает вслух. Кучка тетрадок и два-три томика стихов разбросаны около него на ковре. Кандида в кресле. В руке у нее легкая каминная кочерга, которую она держит стоймя. Она откинулась на спинку кресла и смотрит пристальным

взглядом на медную ручку кочерги. Ноги вытянуты к огню, каблучки на каминной решетке. Она замечталась и мысли ее витают где-то далеко.

Марчбэнкс (*прерывая свою декламацию*). Каждый поэт, который когда-нибудь жил на земле, пытался выразить эту мысль в сонете. Это неизбежно. Это само собой так выходит. (*Он смотрит на Кандиду, ожидая ответа, и замечает, что она не отрываясь глядит на кочергу.*) Вы не слушаете?

Ответа нет.

Миссис Морелл!

Кандида (*очнувшись*). А?

Марчбэнкс. Вы не слушаете?

Кандида (*виновато, с преувеличенной учтивостью*). Да нет, что вы! Это очень мило. Продолжайте, Юджин! Я жажду узнать, что случилось с ангелом.

Марчбэнкс (*роняет тетрадку на пол*). Простите меня, я вижу, что надоел вам.

Кандида. Да нет, ни чуточки не надоели, уверяю вас. Продолжайте, пожалуйста. Читайте, Юджин.

Марчбэнкс. Я кончил читать стихи об ангеле по крайней мере четверть часа тому назад. После этого я успел прочесть еще несколько стихов.

Кандида (*с раскаянием в голосе*). Мне очень стыдно, Юджин. Я думаю, это кочерга так заворожила меня. (*Она опускает кочергу на пол.*)

Марчбэнкс. Да и меня она ужасно смущала.

Кандида. Так почему же вы не сказали мне? Я бы сразу положила ее.

Марчбэнкс. Я боялся сказать вам. Она была похожа на какое-то оружие. Если бы я был героем из старинного предания, я положил бы между нами мой обнаженный меч. Если б вошел Морелл, он подумал бы, что вы нарочно взяли кочергу, потому что между нами нет обнаженного меча.

Кандида (*удивленно*). Что? (Глядя на него с недоумением.) Я что-то не совсем понимаю. У меня как-то все перепуталось от этих ваших сонетов. Почему между нами должен быть меч?

Марчбэнкс (*уклончиво*). Да нет, пустяки. (*Нагибается за тетрадкой.*)

Кандида. Положите ее обратно, Юджин. Есть пределы моей любви к поэзии, даже к вашей поэзии. Вы чи-

таете мне уже больше двух часов — с тех пор как ушел Джемс. Мне хочется поговорить.

Марчбэнкс (*испуганно поднимается*). Нет, мне нельзя разговаривать. (*Он растерянно озирается кругом и внезапно заявляет.*) Я думаю, мне лучше пойти погулять в парке. (*Делает шаг к двери.*)

Кандида. Глупости. Парк уже давно закрыт. Пойдите и сядьте вот здесь, на коврик у камина, и рассказывайте мне всякий фантастический вздор, как вы это всегда делаете. Развлекайте меня. Ну, хотите?

Марчбэнкс (*в ужасе и в экстазе*). Да!

Кандида. Тогда идите сюда. (*Она отодвигает свой стул, чтобы освободить место.*)

Юджин колеблется, потом нерешительно растягивается на ковре, лицом вверх, положив голову ей на колени, и смотрит на нее.

Марчбэнкс. Ах, я чувствовал себя таким несчастным весь вечер оттого, что поступал так, как надо; а теперь я поступаю так, как не надо, — и я счастлив.

Кандида (*нежно и в то же время слегка забавляясь*). Да? Я уверена, что вы чувствуете себя страшно взрослым, дерзким и искусным обманщиком И очень гордитесь этим.

Марчбэнкс (*быстро поднимая голову и глядя ей в глаза*). Берегитесь! Если бы вы только знали, насколько я старше вас. (*Он становится перед ней на колени, стискивает руки, кладет их ей на колени и говорит с нарастающим жаром, чувствуя, что кровь в нем закипает.*) Можно мне сказать вам одну дерзкую вещь?

Кандида (*без малейшего страха или холодности, с глубоким уважением к его чувству, но с оттенком мудрой материнской шутливости*). Нет. Но вы можете сказать мне все, что вы по-настоящему, искренне чувствуете. Все что угодно. Я не боюсь, если только это будет ваше истинное «я» и не будет позой — любезной, дерзкой или даже поэтической позой. Я обращаюсь к вашему благородству и правдивости. Ну, а теперь говорите все, что хотите.

Марчбэнкс (*нетерпеливое выражение исчезает с его лица, губы и ноздри перестают дрожать, а глаза загораются пламенным воодушевлением*). О, теперь уж я ничего не могу сказать. Все слова, которые я знаю, все они — та или другая поза; все, кроме одного.

Кандида. Что же это за слово?

Марчбэнкс (*мягко, погружаясь в музыку этого имени*). Кандида, Кандида, Кандида, Кандида, Кандида... Я должен теперь назвать вас так, потому что вы приказали мне быть честным и правдивым, а у меня ни в мыслях, ни в чувствах нет никакой миссис Морелл, а всегда — Кандида.

Кандида. Конечно. А что вы хотите сказать Кандиде?

Марчбэнкс. Ничего — только повторять ваше имя тысячу раз. Разве вы не чувствуете, что всякий раз — это словно молитва к вам?

Кандида. А вы счастливы тем, что можете молиться?

Марчбэнкс. Да, очень.

Кандида. Ну так, значит, это счастье — ответ на вашу молитву. А вам хочется чего-нибудь еще?

Марчбэнкс. Нет. Я на небе, где нет желаний!

Входит Морелл. Он останавливается на пороге и сразу замечает эту сцену.

Морелл (*спокойно и сдержанно*). Надеюсь, я не помешал вам?

Кандида от неожиданности вскакивает, но не обнаруживает ни малейшего смущения и тут же смеется над собой. Юджин, который от ее резкого движения оказывается во весь рост на полу, спокойно садится, обхватив руками колени. Он тоже нисколько не смущен.

Кандида. Ах, Джемс, и напутал же ты меня! Я так увлеклась здесь с Юджином, что не слышала, как ты отпирал дверь. Ну, как прошел митинг? Хорошо ли ты говорил?

Морелл. Так хорошо, как никогда в жизни.

Кандида. Вот это замечательно! Какой же был сбор?

Морелл. Забыл спросить.

Кандида (*Юджину*). Должно быть, это была великолепная речь, иначе он бы не забыл. (*Мореллу*.) А где же остальные?

Морелл. Они ушли задолго до того, как мне удалось выбраться оттуда. Я уж думал, что мне никогда не удастся уйти. Я полагаю, они отправились куда-нибудь ужинать.

Кандида (*деловитым домашним тоном*). В таком случае Мария может лечь спать. Пойду скажу ей. (*Она идет в кухню*.)

Морелл (*глядя сурово на Марчбэнкса*). Ну?

Марчбэнкс (*продолжает сидеть на ковре в нелепой позе; он чувствует себя с Мореллом совершенно непринужденно и держится таким лукавым бесенком*). Ну?

Морелл. Вы что-нибудь хотите сказать мне?

Марчбэнкс. Да только то, что я разыгрывал дурака здесь, в гостиной, в то время как вы проделывали это публично.

Морелл. Но несколько иным способом, полагаю?

Марчбэнкс (*вскакивая, говорит с жаром*). Точно, точно, точно таким же! Совершенно так же, как вы, я разыгрывал из себя добродетельного человека. Когда вы тут развели вашу героиню насчет того, чтобы оставить меня наедине с Кандидой...

Морелл (*невольно*). С Кандидой?

Марчбэнкс. Да. Видите, как я далеко зашел! Но героиня, знаете, вещь заразительная — и я заразился этой немощью от вас. Я поклялся не произносить без вас ни одного слова, которое я не мог бы произнести месяц назад и притом в вашем присутствии.

Морелл. И вы сдержали вашу клятву?

Марчбэнкс (*внезапно подтягивается на руках и усаживается на спинку кресла*). Да, более или менее, — я изменил ей всего лишь за десять минут до вашего появления. А до этой минуты я, как проклятый, читал стихи — собственные, еще чьи-то, — только чтобы не заговорить. Я стоял перед воротами рая, не пытаюсь войти. Вы представить себе не можете, как это было героично и до чего противно. А потом...

Морелл (*с трудом сдерживая нетерпение*). Потом?

Марчбэнкс (*спокойно съезжая со спинки кресла на сиденье*). Потом ей уж стало невтерпеж слушать стихи.

Морелл. И вы, в конце концов, приблизились к воротам рая?

Марчбэнкс. Да.

Морелл. Как? (*Исступленно*.) Да отвечайте же! Неужели у вас нет сострадания ко мне?

Марчбэнкс (*мягко и мелодично*). И тут она превратилась в ангела, и вспыхнул огненный меч, который сверкал повсюду, — и я не мог войти, потому что я увидел, что эти ворота были в действительности воротами ада.

Морелл (*торжествующе*). Она оттолкнула вас!

Марчбэнкс (*вскакивая с гневным презрением*). Да нет! Какой же вы болван! Если бы она это сделала, разве я мог бы чувствовать себя в раю? Оттолкнула! Вы думаете, это спасло бы нас — такое добродетельное возмущение

ние?! Вы даже недостойны существовать в одном мире с ней! (*Презрительно повернувшись, уходит в другой конец комнаты.*)

Морелл (*наблюдает за ним, не двигаясь с места*). Вы думаете, вам придает достоинство то, что вы наносите мне оскорбления, Юджин?

Марчбэнкс. На чем и оканчивается ваше тысяча первое поучение, Морелл! В конце концов, ваши проповеди меня мало восхищают. Я думаю, что и сам мог бы это делать, и получше. Человек, с которым я хотел бы помериться, это тот, за кого Кандида вышла замуж.

Морелл. Человек... за кого?.. Вы имеете в виду меня?

Марчбэнкс. Я имею в виду не достопочтенного Джемса Мэвор Морелла, резонера и пустослова. Я имею в виду настоящего человека, которого достопочтенный Джемс прячет где-то под своей черной рясой. Человека, которого полюбила Кандида. Не могла же такая женщина, как Кандида, полюбить вас только за то, что вы застегиваете свой ворот сзади, а не спереди.

Морелл (*смело и решительно*). Когда Кандида отдала мне свою руку, я был тем же резонером и пустословом, что и сейчас. И я носил вот эту черную рясу и застегивал свой ворот сзади, а не спереди. Вы думаете, я больше заслужил бы ее любовь, если бы не был искренним в своей профессии?

Марчбэнкс (*на кушетке, обняв руками колени*). О, она простила вам это так же, как она прощает мне, что я трус, и рохля, и то, что вы называете — жалкий, трусливый щенок, и прочее. (*Мечтательно.*) У такой женщины, как она, божественный дар ясновидения. Она любит наши души, а не наши безумства, прихоти или иллюзии, не наши воротники, и одежду, и прочее тряпье и лохмотья, которыми мы прикрыты. (*Он задумывается на мгновение, затем обращается к Мореллу и спрашивает в упор.*) Что мне хотелось бы знать, так это — как вам удалось переступить через огненный меч, который остановил меня?

Морелл. Может быть, все объясняется тем, что меня не прервали через десять минут?

Марчбэнкс (*отшатываясь*). Что?

Морелл. Человек может подняться на самые высокие вершины, но долго пребывать там он не может.

Марчбэнкс. Неправда. Он может пребывать там вечно, и только там! А в те минуты, когда он не там, он не может ощущать ни покоя, ни тихого величия жизни. Где же, по-вашему, должен я быть, как не на вершинах?

Морелл. В кухне, крошить лук, наливать лампы.

Марчбэнкс. Или с кафедры заниматься чисткой дешевых глиняных душ?

Морелл. Да, и там тоже. Именно там я заслужил свою золотую минуту и право в такую минуту добиваться ее любви. Я не брал этих минут в долг и не пользовался ими, чтобы воровать чужое счастье.

Марчбэнкс (*с отвращением вскакивает и стремительно идет к камину*). Не сомневаюсь, что эта сделка была проведена вами с такой же честностью, с какой вы покупаете фунт сыра. (*Он останавливается не доходя до ковра, и, стоя спиной к Мореллу, говорит в задумчивости, словно самому себе.*) А я мог только вымалывать у нее, как нищий.

Морелл (*вздрагивая*). Несчастный, продрогший нищий, который просит у нее ее шаль.

Марчбэнкс (*удивленно оборачивается*). Вы очень добры, что вспоминаете мои стихи. Да, если хотите: несчастный, продрогший нищий, который просит у нее ее шаль.

Морелл (*возбужденно*). И она отказала вам. Хотите, я вам скажу, почему она отказала? Я могу вам это сказать. И с ее собственных слов. Она отказала вам, потому что...

Марчбэнкс. Она не отказывала.

Морелл. Нет?

Марчбэнкс. Она предлагала мне все, о чем бы я ни попросил. Свою шаль, свои крылья, звездный венец на ее голове, лилии в ее руках, лунный серп под ее ногами.

Морелл (*хватая его*). Да ну, говорите напрямик. Моя жена — это, в конце концов, моя жена. Хватит с меня ваших поэтических фокусов. Я знаю одно — если я потерял ее любовь, а вы приобрели ее, то никакой закон не может удержать ее.

Марчбэнкс (*посмеиваясь, без всякого страха и не сопротивляясь*). Хватайте меня прямо за шиворот, Морелл, — она поправит мой воротник, как она это сделала сегодня утром. (*В тихом экстазе.*) Я почувствую, как ее руки коснутся меня.

Морелл. Вы, гадкий чертенок, как вы решаются говорить мне такие вещи? Или (*с внезапным подозрением*) было что-то, от чего вы расхрабрились?

Марчбэнкс. Я вас больше не боюсь. Я не любил вас раньше, поэтому меня передергивало от вашего прикосновения. Но сегодня, когда она мучила вас, я понял,

что вы любите ее. С этой минуты я стал вашим другом. Можете задушить меня, если хотите.

Морелл (*отпуская его*). Юджин, если это не самая бессердечная ложь, если в вас есть хоть искра человеческого чувства, скажите мне, что здесь произошло, пока меня не было дома?

Марчбэнкс. Что произошло? Ну вот — пылающий меч... ну...

Морелл топает ногой в нетерпении.

Ну хорошо, я буду говорить самой деревянной прозой. Я любил ее так упоительно, что не мыслил никакого другого блаженства, кроме того, которое давала мне эта любовь. И прежде чем я успел спуститься с этих необъятных высот, появились вы.

Морелл (*мучаясь*). Значит, еще ничего не решено? Все те же мучительные сомнения?

Марчбэнкс. Мучительные? Я счастливейший из людей. Я не желаю ничего, кроме ее счастья. (*В порыве чувства.*) Ах, Морелл, давайте оба откажемся от нее. Зачем заставлять ее выбирать между несчастным, нервным заморышем вроде меня и чугунно-болванным попом вроде вас? Давайте отправимся в паломничество — вы на восток, я на запад — в поисках достойного возлюбленного для нее. Какого-нибудь прекрасного архангела с пурпуровыми крылами!

Морелл. Какого-нибудь проходимца. Если она до того потеряла голову, что может покинуть меня для вас, кто же защитит ее? Кто поможет ей? Кто будет работать для нее? Кто будет отцом ее детям? (*Он растерянно садится на кушетку и, опершись локтями на колени, подпирает голову кулаками.*)

Марчбэнкс (*хрустя пальцами в неистовстве*). Она не задает таких идиотских вопросов. Она сама хочет защищать кого-то, кому-то помогать, работать для этого человека, и чтобы он дал ей детей, которых она могла бы защищать, помогать им и работать для них. Взрослого человека, который стал ребенком. Ах вы тупица, тупица, трижды тупица! Я — этот человек, Морелл! Я — этот человек. (*В возбуждении приплясывает вокруг Морелла, выкрикивая.*) Вы не понимаете, что такое женщина. Позовите ее, Морелл, позовите ее, и пусть она выберет между...

Дверь открывается, и входит К а н д и д а. Она останавливается, точно окаменев.

Кандида (*ошеломленная, на пороге.*) Силы небесные! Юджин, что с вами?

Марчбэнкс (*гурашливо*). Мы тут с Джемсом состязались по части проповедей. И я разбил его в пух и прах.

Кандида быстро оглядывается на Морелла; видя, что он расстроен, она бросается к нему в явном огорчении.

Кандида. Вы его обидели? Чтобы этого больше не было, Юджин! Слышите! (*Она кладет руку на плечо Мореллу, в своем огорчении даже утрачивая чувство супружеского такта.*) Я не хочу, чтобы моего мальчика обижали. Я буду защищать его.

Морелл (*поднимается торжествующе*). Защищать!

Кандида (*не глядя на него, Юджину*). Что вы тут ему наговорили?

Марчбэнкс (*испуганно*). Ничего... Я...

Кандида. Юджин! Ничего?

Марчбэнкс (*жалобно*). Я хотел сказать. Простите... Я больше не буду. Правда, не буду. Я не буду к нему приставать.

Морелл (*в негодовании, с угрожающим видом порывается к Юджину*). Вы не будете ко мне приставать? Ах вы молокосос!..

Кандида (*останавливая его*). Ш-ш! Не надо. Я сама поговорю с ним.

Марчбэнкс. О, вы не сердитесь на меня? Скажите!..

Кандида (*строго*). Да, сержусь, очень сержусь. И даже намерена выгнать вас вон отсюда.

Морелл (*неприятно пораженный резкостью Кандиды и отнюдь не соблазняясь перспективой быть спасенным ею от другого мужчины*). Успокойся, Кандида, успокойся. Я и сам могу постоять за себя.

Кандида (*глядит его по плечу*). Ну да, милый, конечно ты можешь. Но я не хочу, чтобы тебя расстраивали и огорчали.

Марчбэнкс (*чуть не плача направляется к двери*). Я уйду.

Кандида. Вам совершенно незачем уходить. Я не могу позволить вам уйти в такой поздний час. (*Сердито*). Постыдитесь, вам должно быть стыдно.

Марчбэнкс (*в отчаянии*). Что же я сделал?

Кандида. Я знаю, что вы сделали; и знаю так хорошо, как если бы я все время была здесь. Это недостойно! Вы настоящий ребенок. Вы не способны держать язык за зубами.

Марчбэнкс. Я готов скорее десять раз умереть, чем огорчить вас хоть на одно мгновение.

Кандида (*с крайним презрением к этой ребячливости*). Много мне толку от того, что вы за меня будете умирать!

Морелл. Кандида, милая, подобные пререкания становятся просто неприличными. Это вопрос, который решают между собой мужчины. Я и должен его решать.

Кандида. Это, по-твоему, мужчина? (*Юджину*). Скверный мальчишка!

Марчбэнкс (*обретая от этой головоломки какую-то своеобразную и трогательную храбрость*). Если меня распекают как мальчишку, значит я могу оправдываться, как мальчишка. Он начал первый! А он старше меня.

Кандида (*несколько теряя свою самоуверенность, едва только у нее возникает подозрение, что Морелл уронил свое достоинство*). Этого не может быть. (*Мореллу*.) Джемс, ведь не ты начал, правда?

Морелл (*презрительно*). Нет!

Марчбэнкс (*возмущенно*). Ого!

Морелл (*Юджину*). Вы начали это сегодня утром!

Кандида, тотчас же связывая эти слова с теми таинственными намеками, которые Морелл ей делал еще днем, взглядывает на Юджина с подозрением.

(*Морелл продолжает с пафосом оскорбленного превосходства*.) Но в другом отношении вы правы. Я из нас двоих старше и, надеюсь, сильнее, Кандида. Так что тебе уж лучше предоставить это дело мне.

Кандида (*снова стараясь успокоить его*). Да, милый. Но... (*озабоченно*) я не понимаю, что ты говоришь о сегодняшнем утре?

Морелл (*мягко выговаривая ей*). Тебе и нечего понимать, дорогая.

Кандида. Послушай, Джемс, я...

Раздается звонок.

Вот еще доставало! Они все вернулись сюда! (*Идет открывать дверь*.)

Марчбэнкс (*побегая к Мореллу*). Ах, Морелл, как все это ужасно! Она сердится на нас! Она ненавидит меня! Что мне делать?

Морелл (*с преувеличенным отчаянием хватается за голову*). Юджин, у меня голова идет кругом! Я, кажется,

сейчас начну хохотать! *(Он бегаёт взад и вперед по комнате.)*

Марчбэнкс *(беспокойно бегаёт за ним)*. Нет, нет, она подумает, что я довел вас до истерики. Пожалуйста, не хохочите.

Раздаются, приближаясь, громкие голоса, смех. Лекси Милл, с блестящими глазами, в явно приподнятом настроении, входит одновременно с Берджессом. У Берджесса самодовольный вид, физиономия его лоснится, но он вполне владеет собой. Мисс Гарнетт, в самой своей нарядной шляпке и жакетке, входит за ними следом, и хотя глаза ее сверкают ярче, чем обычно, она, по-видимому, удручена раскаянием. Она становится спиной к своему столику и, опершись на него одной рукой, другой проводит по лбу, как бы чувствуя усталость и головокружение. Марчбэнкс, снова одолеваемый застенчивостью, жметя в угол около окна, где стоят книги Морелла.

Лекси *(возбужденно)*. Морелл, я должен поздравить вас! *(Трясет ему руку.)* Какая замечательная, вдохновенная, прекрасная речь! Вы превзошли самого себя.

Берджесс. Верно, Джемс! Я не проронил ни одного слова. Ни разу даже не зевнул. Не правда ли, мисс Гарнетт?

Прозерпина *(госагливо)*. Ах, было мне время смотреть на вас. Я только старалась поспеть со стенограммой. *(Вынимает блокнот, смотрит на свои записи и при виде их готова расплакаться.)*

Морелл. Что, Просси, я очень торопился?

Прозерпина. Очень! Вы знаете, я не могу записывать больше девяноста слов в минуту. *(Она даёт выход своим чувствам, сердито швыряя блокнот на машинку: её работа на завтра.)*

Морелл *(успокаивающе)*. Ну ничего, ничего, ничего. Не огорчайтесь. Вы ужинали? Все?

Лекси. Мистер Берджесс был до того любезен, что угостил нас роскошным ужином в «Бельгреве».

Берджесс *(великодушно)*. Ну стоит ли говорить об этом, мистер Милл! Я очень рад, что вам понравилось мое скромное угощение.

Прозерпина. Мы пили шампанское! Я никогда его не пробовала. У меня совсем голова закружилась.

Морелл *(удивленно)*. Ужин с шампанским! Вот это замечательно. Что же, это мое красноречие привело к такому сумасбродству?

Лекси *(риторически)*. Ваше красноречие и доброе сердце Мистера Берджесса. *(Снова воодушевляясь.)* А

какой замечательный человек этот председатель! Он ужинал вместе с нами.

Морелл (*многозначительно, глядя на Берджесса*). А-а-а! Председатель! Теперь я понимаю.

Берджесс сдержанно покашливает, чтобы скрыть свое торжество по поводу одержанной им дипломатической победы. Он подходит к камину. Лекси, скрестив руки, с вдохновенным видом прислоняется к изголовью кушетки, чтобы удержать равновесие. Входит Кандида с подносом в руках, на котором стаканы, лимоны и кувшин с горячей водой.

Кандида. Кто хочет лимонада? Вы знаете наши правила — полнейшее воздержание. (*Она ставит поднос на стол и берет выжималку для лимона, вопросительно оглядывая присутствующих.*)

Морелл. Напрасно ты хлопочешь, дорогая. Они все пили шампанское. Прозерпина нарушила свой обет.

Кандида. Неужели это правда, вы пили шампанское?

Прозерпина (*строптиво*). Да, пила. Я давала зарок не пить только пиво, а это — шампанское. Терпеть не могу пива. У вас есть срочные письма, мистер Морелл?

Морелл. Нет, сегодня ничего не нужно.

Прозерпина. Очень хорошо. Тогда — покойной ночи всем.

Лекси (*галантно*). Может быть, проводить вас, мисс Гарнетт?

Прозерпина. Нет, благодарю вас. Сегодня я ни с кем не решусь пойти. Лучше бы я не пила этой отравы. (*Она неуверенно нацеливается на дверь и ныряет в нее с опасностью для жизни.*)

Берджесс (*в негодовании*). Отрава! Подумайте! Эта особа не знает, что такое шампанское. Поммери и Грино — двенадцать шиллингов шесть пенсов бутылка! Она выпила два бокала почти залпом.

Морелл (*встревоженно*). Пойдите проводите ее, Лекси.

Лекси (*в смятении*). Но если она и в самом деле... Вдруг она начнет петь на улице или что-нибудь в этом роде?

Морелл. Вот то-то и есть. Может случиться. Поэтому вам и надо доставить ее домой.

Кандида. Пожалуйста, Лекси! Будьте добрым мальчиком. (*Она пожимает ему руку и тихонько подталкивает его к двери.*)

Лекси. По-видимому, таков мой долг. Надеюсь, в этом не будет прямой необходимости. Спокойной ночи, миссис Морелл. *(К остальным.)* До свиданья. *(Уходит.)*

Кандида закрывает за ним дверь.

Берджесс. Его развезло от благочестия после двух глотков. Нет, разучились люди пить! *(Засуетившись, уходит от камина.)* Ну, Джемс, пора закрывать лавочку. Мистер Марчбэнкс, может быть вы составите мне компанию по дороге домой?

Марчбэнкс *(встрепенувшись)*. Да. Я думаю, мне лучше уйти. *(Поспешно идет к двери, но Кандида становится перед дверью, загоразивая ему дорогу.)*

Кандида *(спокойно, повелительным тоном)*. Сядьте. Вам еще рано уходить.

Марчбэнкс *(струхнув)*. Нет, я... я и не собирался. *(Он возвращается и с несчастным видом садится на кушетку.)*

Кандида. Мистер Марчбэнкс останется у нас ночевать, папа.

Берджесс. Отлично. В таком случае покойной ночи. Всего доброго, Джемс. *(Он пожимает руку Мореллу и подходит к Юджину.)* Скажите им, чтобы они дали вам ночник, мистер Марчбэнкс! На случай, если вдруг ночью у вас опять будут эти ваши кошмары... Покойной ночи!

Марчбэнкс. Благодарю вас. Попрошу. Покойной ночи, мистер Берджесс!

Они жмут друг другу руки. Берджесс идет к двери.

Кандида *(окликая Морелла, который идет провожать Берджесса)*. Не ходи, милый. Я подам папе пальто. *(Она уходит с Берджессом.)*

Марчбэнкс. Морелл! Сейчас будет ужасная сцена, вы не боитесь?

Морелл. Нимало.

Марчбэнкс. Никогда я до сих пор не завидовал вашему мужеству. *(Он робко встает и умоляюще кладет руку на рукав Мореллу.)* Не выдавайте меня, а?

Морелл *(решительно отстраняя его)*. Каждый за себя, Юджин. Она ведь должна выбрать между нами.

Возвращается Кандида. Юджин снова садится на кушетку, точно провинившийся школьник.

Кандида (*становится между ними и обращается к Юджину*). Вы раскаиваетесь?

Марчбэнкс (*пылко*). Да, от всего сердца.

Кандида. Хорошо, тогда вы прощены. Теперь отправляйтесь спать, как послушный мальчик. Я хочу поговорить о вас с Джемсом.

Марчбэнкс (*подымаясь в смятении*). О, я не могу, Морелл! Я должен быть здесь. Я никуда не уйду. Скажите ей.

Кандида (*погозрение которой переходит в уверенность*). Сказать мне? А что? (*Он испуганно отводит глаза, она оборачивается и, не произнося ни слова, обращается с таким же вопросом к Мореллу.*)

Морелл (*мужественно приготовившись встретить катастрофу*). Мне нечего сказать ей, кроме... (*здесь голос его становится глубоким и приобретает оттенок рассчитанно-проникновенной нежности*) того, что она мое величайшее сокровище на земле — если она действительно моя.

Кандида (*холодно, оскорбленная тем, что он впадает в свой ораторский тон и обращается к ней, точно она аудитория гильдии святого Матвея*). Если это все, то не сомневаюсь, что Юджин может сказать мне не меньше.

Марчбэнкс (*в унынии*). Она смеется над нами, Морелл.

Морелл (*он готов всплыть*). Тут нет ничего смешного. Разве ты смеешься над нами, Кандида?

Кандида (*со сдержанным недовольством*). От Юджина ничего не укроется, Джемс,— я надеюсь, что мне можно посмеяться. Но я боюсь, как бы мне не пришлось рассердиться, и всерьез рассердиться. (*Она идет к камину и останавливается, опершись рукой на карниз и поставив ногу на решетку, между тем как Юджин крадет-ся к Мореллу и дергает его за рукав.*)

Марчбэнкс (*шепчет*). Стойте, Морелл, давайте ничего не будем говорить!

Морелл (*отталкивая Юджина, даже не удостоив его взглядом*). Надеюсь, это не угроза, Кандида?

Кандида (*выразительно*). Берегись, Джемс! Юджин, я просила вас уйти. Вы идете?

Морелл (*топая ногой*). Он не уйдет! Я хочу, чтобы он остался.

Марчбэнкс. Я сделаю все, что она хочет. (*Поворачивается к двери.*)

Кандида. Стойте!

Юджин повинуется.

Вы разве не слышали? Джемс сказал, чтобы вы остались. Джемс — хозяин здесь. Разве вы этого не знаете?

Марчбэнкс (*вспыхивая свойственным юному поэту бешенством против тирании*). По какому праву он хозяин?

Кандида (*спокойно*). Скажи ему, Джемс.

Морелл (*в замешательстве*). Дорогая моя, я не знаю, по какому праву я здесь хозяин. Я не претендую на такие права.

Кандида (*с бесконечным упреком*). Ты не знаешь... Ах, Джемс, Джемс! (*Загумчиво, Юджину.*) Ну, а вы понимаете это, Юджин?

Он беспомощно качает головой, не смея взглянуть на нее.

Нет, вы слишком молоды. Ну хорошо, я позволяю вам остаться. Оставайтесь и учитесь. (*Отходит от камина и становится между ними.*) Ну, Джемс, так в чем же дело? Расскажи.

Марчбэнкс (*прерывающимся шепотом Мореллу*). Не рассказывайте!

Кандида. Ну же, я слушаю.

Морелл (*нерешительно*). Я хотел подготовить тебя осторожно, Кандида, чтобы ты не поняла меня превратно.

Кандида. Да, милый. Я не сомневаюсь, что ты этого хотел. Но это неважно. Я пойму так, как надо.

Морелл. Так вот... гм... гм... (*Он мнетя, силясь начать издали, и не знает, как приступить к этому объяснению, чтобы оно вышло достаточным убедительным.*)

Кандида. Так как же?

Морелл (*неожиданно для себя выпаливает*). Юджин заявляет, что ты любишь его.

Марчбэнкс (*в испуглении*). Нет, нет, нет — никогда! Я не говорил этого, миссис Морелл, это неправда! Я сказал, что я люблю вас. Я сказал, что я понимаю вас, а что он не может вас понять. И все это я говорил не после того, что произошло здесь, у камина, — нет, нет, честное слово! Это было утром.

Кандида (*начинает понимать*). Ах, утром!

Марчбэнкс. Да! (*Смотрит на нее, моля о доверии, и затем просто добавляет.*) Вот почему мой воротник был в таком виде.

Кандида (*до нее не сразу доходит смысл его слов*). Воротник? (*Она поворачивается к Мореллу.*) О Джемс, неужели ты... (*Она замолкает.*)

Морелл (*пристыженный*). Ты знаешь, Кандида, я не всегда могу совладать с собой. А он сказал (*вздрагивая*), что ты меня презираешь в сердце своем.

Кандида (*быстро, Юджину*). Вы это сказали?

Марчбэнкс (*перепутанно*). Нет.

Кандида (*строго*). Значит, Джемс лжет? Вы это хотите сказать?

Марчбэнкс. Нет! Нет! Я... я... (*Выпаливает в отчаянии.*) Это жена Давида. И это не дома было. Это было, когда она видела, как он пляшет перед народом.

Морелл (*похватывая реплику с ловкостью искусного спорщика*). Пляшет перед всем народом, Кандида... и думает, что он трогает их сердца своим искусством, тогда как у них это — только... болезнь Прокси! (*Кандида собирается протестовать, он поднимает руку, чтобы заставить ее замолчать.*) Не пытайся притворяться возмущенной, Кандида!

Кандида. Притворяться?

Морелл (*продолжает*). Юджин абсолютно прав. Как ты мне сказала несколько часов тому назад, он всегда прав! Он не говорит ничего, чего бы уже не говорила ты, — и гораздо лучше его. Он поэт, который видит все. А я бедный поп, который ничего не понимает.

Кандида (*раскаиваясь*). И ты можешь придавать значение тому, что говорит этот сумасшедший мальчишка, потому что я в шутку говорю что-то похожее?

Морелл. У этого сумасшедшего мальчишки наитие младенца и мудрость змия! Он говорит, что ты принадлежишь ему, а не мне; и — прав он или не прав — я начал бояться, что это может оказаться правдой. Я не хочу мучиться сомнениями или подозрениями, я не хочу жить рядом с тобой и что-то скрывать от тебя. Я не хочу подвергаться унижительным пыткам ревности. Мы стоворились с ним, он и я, что ты выберешь одного из нас. Я жду решения.

Кандида (*медленно отступая на шаг, слегка раздраженная этой риторикой, несмотря на искреннее чувство, которое слышится за ней*). Ах, так мне, значит, придется выбирать! Вот как! Надо полагать, это уж вопрос совершенно решенный, и я обязательно должна принадлежать одному из вас?

Морелл (*твердо*). Да, безусловно. Ты должна вы- брать раз и навсегда.

Марчбэнкс (*взволнованно*). Морелл, вы не пони- маете: она хочет сказать, что она принадлежит самой себе!

Кандида. Да, я хочу сказать это и еще многое дру- гое, мистер Юджин, как вы это сейчас оба узнаете. А теперь, мои лорды и повелители, что же вам угодно предложить за меня? Меня сейчас как будто продают с аукциона. Что ты даешь за меня, Джемс?

Морелл (*укоризненно*). Канди... (*Силы его иссякли, глаза наполняются слезами, в горле комок, оратор пре- вращается в раненое животное.*) Не могу говорить...

Кандида (*невольно бросаясь к нему*). Родной мой!..

Марчбэнкс (*в совершенном неистовстве*). Стойте! Это нечестно! Вы не должны ей показывать, что вы страдаете, Морелл. Я тоже как на дыбе, но я не плачу!..

Морелл (*собирая все свои силы*). Да, вы правы. Я прошу не жалости. (*Отстраняет Кандиду.*)

Кандида (*отходит от него, расхоложенная*). Прошу прощенья, Джемс, я тебя не трогаю. Я жду, что ты дашь за меня.

Морелл (*с гордым смирением*). Мне нечего предло- жить тебе, кроме моей силы для твоей защиты, моей че- стности для твоего спокойствия, моих способностей и труда для твоего существования, моего авторитета и по- ложения для твоего достоинства. Это все, что подобает мужчине предложить женщине.

Кандида (*совершенно невозмутимо*). А вы, Юджин, что вы можете предложить?

Марчбэнкс. Мою слабость, мое одиночество, мое безутешное сердце.

Кандида (*тронутая*). Это хорошая цена, Юджин. Теперь я знаю, кого я выберу. (*Умолкает и с интересом пе- реводит взгляд с одного на другого, словно взвешивая их.*)

Морелл, выпренная самоуверенность которого переходит в невыно- симый ужас, когда он слышит, что дает за Кандиду Юджин, уже не в силах скрывать свое отчаяние. Юджин, в страшном напряжении, застыл недвижимый.

Морелл (*задыхаясь, с мольбой, голосом, который рвется из глубины его отчаяния*). Кандида!

Марчбэнкс (*в сторону, вспыхивая презрением*). Трус!

Кандида (*многозначительно*). Я отдам себя слабей- шему из вас двоих.

Юджин сразу угадывает, что она хочет сказать, лицо его белеет, как сталь в горниле.

Морелл (*опускает голову, застывая в оцепенении*). Я принимаю твой приговор, Кандида.

Кандида. Вы меня поняли, Юджин?

Марчбэнкс. О, я чувствую, что обречен! Ему это было бы не по силам.

Морелл (*недоверчиво, поднимая голову, с тупым видом*). Так ты говорила обо мне, Кандида?

Кандида (*чуть-чуть улыбаясь*). Давайте сядем и поговорим спокойно, как трое хороших друзей. (*Мореллу*). Сядь, милый.

Морелл, растерянный, придвигает от камина детский стульчик.

Дайте-ка мне то кресло, Юджин! (*Она показывает на кресло.*)

Он молча приносит кресло, преисполненный какого-то холодного мужества, ставит его около Морелла, чуть-чуть позади. Она садится. Он идет к стулу для посетителей и садится на него, все такой же спокойный и непроницаемый. Когда все уселись, она начинает говорить, и ее ровный, трезвый, мягкий голос действует на них успокаивающе.

Вы помните, что вы мне рассказывали о себе, Юджин? Как никто не заботился о вас, с тех пор как умерла ваша старушка няня, как ваши умные, фешенебельные сестры и преуспевающие братья были любимцами ваших родителей, каким несчастным чувствовали вы себя в Итоне, как ваш отец лишил вас средств, чтобы добиться вашего возвращения в Оксфорд, как вам приходилось жить без утешения, без радости, без всякого прибежища, одиноким, нелюбимым, непонятым, бедный мальчик?

Марчбэнкс (*уверенный в благородстве выпавшего ему жребия*). У меня были мои книги. У меня была приroda. И, наконец, я встретил вас.

Кандида. Ну, не стоит сейчас говорить об этом. Теперь я хочу, чтобы вы посмотрели на этого другого мальчика — на моего мальчика, избалованного с колыбели. Мы два раза в месяц ездим навещать его родителей. Вам бы не мешало как-нибудь поехать с нами, Юджин, и полюбоваться на фотографии этого героя семьи. Джемсбэби — самый замечательный из всех бэби! Джемс, получающий свою первую школьную награду в зрелом воз-

расте восьми лет! Джемс в величии своих одиннадцати лет! Джемс в своей первой сюртучной паре! Джемс во всевозможных славных обстоятельствах своей жизни! Вы знаете, какой он сильный, — я надеюсь, он не наставил вам синяков? — какой он умный, какой удачливый! *(С возрастающей серьезностью.)* Спросите мать Джемса и его трех сестер, чего им стоило избавить Джемса от труда заниматься чем бы то ни было, кроме того, чтобы быть сильным, умным и счастливым! Спросите меня, чего это стоит — быть Джемсу матерью, тремя его сестрами, и женой, и матерью его детей — всем сразу! Спросите Просси и Марию, сколько хлопот в доме, даже когда у нас нет гостей, которые помогают крошить лук. Спросите лавочников, которые не прочь испортить Джемсу настроение и его прекрасные проповеди, кто их выставляет вон? Когда нужно отдать деньги — отдает он, а когда нужно в них отказать — отказываю я. Я создала для него крепость покоя, снисхождения, любви и вечно стою на часах, оберегая его от мелких будничных забот. Я сделала его здесь хозяином, а он даже и не знает этого и минуту тому назад не мог сказать вам, как это случилось. *(С нежной иронией.)* А когда ему пришло в голову, что я могу уйти от него с вами, единственная его мысль была: что станется со мной? И чтобы я осталась, он предложил мне *(наклоняется и ласково гладит Морелла по голове при каждой фразе)* свою силу для моей защиты, свои способности для моего существования, свое положение для моего достоинства, свое... *(Запинаясь.)* Ах, я спутала все твои прекрасные фразы и разрушила их ритм, правда, милый? *(Она нежно прижимается щекой к его щеке.)*

Морелл *(потрясенный, опускается на колени около кресла Кандиды и обнимает ее с юношеским порывом)*. Все это правда. Каждое слово. То, что я есть, — это ты сделала из меня трудами рук своих и любовью твоего сердца. Ты — моя жена, моя мать и мои сестры. Ты для меня соединение всех забот любви.

Кандида *(в его объятиях, улыбаясь, Юджину)*. А могу я для вас быть матерью и сестрами, Юджин?

Марчбэнкс *(вскакивая, с яростным жестом отвращения)*. Нет! Никогда! Прочь, прочь отсюда! Ночь, поглотит меня!

Кандида *(быстро поднимается и удерживает его)*. Но куда же вы сейчас пойдете, Юджин?

Марчбэнкс (*чувствуется, что теперь это уже говорит мужчина, а не мальчик*). Я знаю свой час,— и он пробил. Я не могу медлить с тем, что мне суждено свершить.

Морелл (*встревоженный, поднимается с колен*). Кандида, как бы он чего-нибудь не выкинул!

Кандида (*спокойно, улыбаясь Юджину*). Бояться нечего! Он научился жить без счастья.

Марчбэнкс. Я больше не хочу счастья. Жизнь благороднее этого. Священник Джемс! Я отдаю вам свое счастье обеими руками,— я люблю вас, потому что вы сумели наполнить сердце женщины, которую я любил. Прощайте! (*Направляется к двери.*)

Кандида. Еще одно, последнее слово. (*Он останавливается, не оборачиваясь. Она подходит к нему.*) Сколько вам лет, Юджин?

Марчбэнкс. Я сейчас стар, как мир. Сегодня утром мне было восемнадцать.

Кандида. Восемнадцать! Можете вы сочинить для меня маленький стишок из двух фраз, которые я вам сейчас скажу? И пообещайте мне повторять их про себя всякий раз, когда вы будете вспоминать обо мне.

Марчбэнкс (*не двигаясь*). Хорошо.

Кандида. Когда мне будет тридцать — ей будет сорок пять. Когда мне будет шестьдесят — ей будет семьдесят пять.

Марчбэнкс (*поворачиваясь к ней*). Через сто лет нам будет поровну. Но у меня в сердце есть тайна получше этой. А теперь пустите. Ночь заждалась меня.

Кандида. Прощайте. (*Она берет его лицо обеими руками и, когда он, угадав ее намерение, преклоняет колена, целует его в лоб; затем он исчезает, скрываясь в темноте. Она поворачивается к Мореллу, протягивая ему руки.*) Ах, Джемс!

Они обнимаются, но они не знают тайны, которую унес с собой поэт.

УЧЕНИК ДЬЯВОЛА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зимой 1777 года, в унылый час перехода от черной ночи к хмурому утру, миссис Даджен бодрствует в своем доме на окраине городка Узбстербриджа, штат Нью-Гэмпшир, в кухне, которая в то же время служит и жилой комнатой. Миссис Даджен нельзя назвать привлекательной. Ночь, проведенная без сна, не красит женщину, а миссис Даджен и в лучшие минуты своей жизни кажется угрюмой и мрачной от суровых складок на лице, которые говорят о крутом нраве и непомерной гордости, подавляемых окаменелыми догмами и традициями отжившего пуританства. Она уже немолода, но жизнь, полная трудов, не принесла ей ничего, кроме полновластия и одиночества в этом уютном доме да прочной славы доброй христианки среди соседей, для которых пьянство и разгул все еще настолько заманчивее религии и нравственных подвигов, что добродетель представляется им попросту самобичеванием. А так как от самобичевания недалеко и до бичевания других, то с понятием добродетели стали связывать вообще все неприятное. Поэтому миссис Даджен, будучи особой крайне неприятной, почитается крайне добродетельной. Если не говорить о явных злодеяниях, ей все дозволено, кроме разве каких-либо милых слабостей, и в сущности она, сама того не зная, пользуется такой свободой поведения, как ни одна женщина во всем приходе, лишь потому, что ни разу не преступила седьмой заповеди и не пропустила ни одной воскресной службы в пресвитерианской церкви.

1777 год — это год, когда американские колонии, не столько в силу своих стремлений, сколько в силу своей тяжести, только что оторвались от Англии и страсти, разгоревшиеся в связи с этим событием, нашли себе выход в вооруженной борьбе, в которой англичане видят подавление мятежа и утверждение британского могущества, а американцы — защиту принципов свободы, отпор тирании и принесение себя в жертву на алтарь Прав Человека. Здесь нет надобности вдаваться в оценку этих явно идеализированных представлений; достаточно сказать вполне беспристрастно, что воодушевленные ими американцы и англичане почитают своим высоким нравственным долгом истреблять друг друга как можно усерднее и что военные действия, направленные к достижению этой благородной цели, находятся в самом раз-

гаре, причем духовенство в том и другом лагере оказывает моральную поддержку воюющим, призывая на них Божье благословение, каждый со своей стороны. Одним словом, обстоятельства таковы, что неприятная миссис Даджен сейчас далеко не единственная женщина, которая проводит ночи без сна в ожидании вестей. И не одна она засыпает под утро на стуле, с риском ткнуться носом в пламя очага. Голова уснувшей миссис Даджен прикрыта шалью, ноги покоятся на широкой железной решетке, этой ступени домашнего алтаря — очага с его священными атрибутами: котлом, таганями и огромным крюком, к которому подвешивается при обжаривании мясо. Против очага, сбоку от миссис Даджен, стоит обыкновенный кухонный стол, и на нем свеча в оловянном подсвечнике. Стул, на котором сидит миссис Даджен, — простой, некрашенный, с жестким деревянным сиденьем, как и все прочие стулья в комнате, но спинка у него круглая, резная, и сиденье выточено в некотором соответствии с формами сидящего, так что, по видимому, это почетное седалище. В комнате три двери: одна, по той же стене, что и очаг, ведет в спальню хозяйки дома; другая, как раз напротив — в чулан для стирки и мытья посуды; входная дверь, с тяжелым замком, щеколдой и громоздким деревянным засовом, расположена в передней стене, между окном, которое находится посредине, и углом, ближайшим к двери в спальню. Между окном и дверью — вешалка, при виде которой наблюдательный зритель сразу догадается, что никого из мужчин нет дома, так как на крючках не висит ни одной шляпы и ни одного плаща. По другую сторону окна — стенные часы с белым деревянным циферблатом, черными железными гирями и медным маятником. Ближе к углу — большой дубовый поставец, нижнее отделение которого состоит из полок, уставленных простой фаянсовой посудой, а верхнее глухое и заперто на ключ.

У стены, что против очага, рядом с дверью в чулан, стоит черный диван, безобразный до неприличия. При взгляде на него обнаруживается, что миссис Даджен не одна в комнате. В уголке дивана спит девочка лет шестнадцати — семнадцати. Она кажется забитой и робкой; у нее черные волосы и обветренная кожа. На ней плохонькое платье — равное, линиярое, закапанное ягодным соком и вообще не слишком чистое; оно падает свободными складками, открывая босые загорелые ноги, и это позволяет предположить, что под платьем надето не слишком много.

В дверь стучат, но не так громко, чтобы разбудить спящих. Потом еще раз погромче, и миссис Даджен слегка шевелится во сне. Наконец, слышно, как дергают замок, что сразу заставляет ее вскочить на ноги.

Миссис Даджен *(с угрозой)*. Ты что это не отворяешь? *(Видит, что девочка уснула, и тотчас бурно дает выход накопившему раздражению.)* Скажите на милость, а! Да это просто... *(Трясет ее.)* Вставай, вставай, сейчас же! Слышишь?

Девочка *(приподнимаясь)*. Что случилось?

Миссис Даджен. Сейчас же вставай! Стыда в тебе нет, бессердечная ты грешница! Отец еще в гробу не остыл, а она тут разоспалась.

Девочка *(еще полусонная)*. Я не хотела. Я нечаянно...

Миссис Даджен *(обрывает ее)*. Да, да, за оправданиями у тебя дело не станет. Нечаянно! *(С яростью, так как стук в дверь возобновляется.)* Ты почему же не идешь отворить дверь своему дяде, а? Не знаешь, что я целую ночь глаз не сомкнула, дожидаясь его? *(Грубо сталкивает ее с дивана.)* Ладно! Сама отворю, от тебя все равно никакого проку. Ступай подложи дров в огонь.

Девочка, испуганная и жалкая, идет к очагу и подкладывает в огонь большое полено. Миссис Даджен отодвигает засов и, распахнув дверь, выпускает в душную кухню струю не столько свежего, сколько промозглого и холодного утреннего воздуха, а заодно своего младшего сына Кристи — толстого придурковатого парня лет двадцати двух, со светлыми волосами и круглым лицом, закутанного в серый плащ и клетчатую шаль. Он, поеживаясь, спешит подсесть к огню, предоставив миссис Даджен возиться с дверным засовом.

Кристи *(у очага)*. Бр-р-р! Ну и холодище! *(Заметив девочку и вытирающим на нее глаза.)* Ты кто же такая?

Девочка *(робко)*. Эсси.

Миссис Даджен. Да вот, поневоле спросишь. *(К Эсси.)* Ступай, девочка, к себе в комнату и ложись, раз уж ты такая бесчувственная, что не можешь удержаться от сна. Твоя история такого свойства, что не годится даже для твоих собственных ушей.

Эсси. Я...

Миссис Даджен *(повелительно)*. Вы не отвечайте, мисс, а покажите, что вы умеете слушаться, и делайте то, что вам говорят.

Эсси, сдерживая слезы, идет через всю комнату к двери чулана.

Да не забудь молитву прочитать.

Эсси выходит.

Если б не я, она бы вчера улеглась спать, словно ничего и не случилось.

Кристи *(равнодушно)*. А чего ей особенно убиваться из-за дядюшки Питера? Она ведь не родня нам.

Миссис Даджен. Что ты такое говоришь, мальчик? Ведь она же его дочь — наказание за все его нечестивые, позорные дела. *(Обрушивается на стул всей своей тяжестью.)*

Кристи *(вытирающим глаза)*. Дочка дядюшки Питера?

Миссис Даджен. А иначе откуда бы ей тут взяться? Мало мне было хлопот и забот с собственными дочерьми, не говоря уж о тебе и твоём бездельнике брате, так вот теперь ещё возись с дядюшкиными приبلудышами...

Кристи (*перебивает её, опасливо косясь на дверь, в которую вышла Эсси*). Тс-с! Ещё услышит.

Миссис Даджен (*повышая голос*). Пусть слышит. Кто боится Господа Бога, тот не боится назвать дела дьявола так, как они того заслуживают.

Кристи, постыдно равнодушный к борьбе добра и зла, греется, уставясь на огонь.

Что ж, долго ты ещё будешь глаза пялить, точно осоловелая свинья? Какие новости привез?

Кристи (*сняв шляпу и плащ, идет к вешалке*). Новость тебе священник объявит. Он сейчас придет сюда.

Миссис Даджен. Какую новость?

Кристи (*привстав, по детской привычке, на цыпочки, чтоб повесить шляпу, хоть теперь в этом вовсе нет надобности, тоном безмятежного спокойствия, который плохо вяжется с содержанием его слов*). Отец-то помер тоже.

Миссис Даджен (*остолбенев*). Твой отец!

Кристи (*насупившись, возвращается к огню и продолжает греться, уделяя этому занятию значительно больше внимания, чем разговору с матерью*). Что ж, я что ли виноват? Когда мы приехали в Невинстаун, он уже лежал в постели, больной. Сперва он и не признал нас. Священник уселся подле него, а меня прогнал. В ночь он и помер.

Миссис Даджен (*разражаясь сухими, злобными рыданиями*). Нет, уж это слишком, это слишком! Братец его, который всю жизнь позорил нас, угодил на виселицу как мятежник; а твой отец, вместо того чтобы сидеть добром дома, со своей семьей, поскакал за ним — и вот теперь умер и все бросил на меня одну. Да еще эту девочонку прислал, чтоб я с ней нянчилась! (*Резким движением надвигает шаль на лоб*.) Грех это, вот я что скажу. Грех, и только.

Кристи (*помолчав немного, с тупой, скотской радостью в голосе*). А денек-то, видно, славный будет.

Миссис Даджен (*передразнивая его*). Денек славный... А у самого только что отец умер. Да есть ли у тебя сердце, мальчик?

Кристи (*упрямо*). А что ж тут такого? Выходит, если у человека отец умер, так ему и про погоду слова сказать нельзя?

Миссис Даджен (*с горечью*). Хорошее утешенье мне мои дети. Один сын — дурак, другой — пропащая душа, ушел из родного дома и живет среди цыган, контрабандистов и преступников, самого отребья людского.

В дверь стучат.

Кристи (*не двигаясь с места*). Это священник.

Миссис Даджен (*резко*). Может, ты встанешь ипустишь мистера Андерсона в дом?

Кристи нерешительно направляется к двери. Миссис Даджен закрывает лицо руками, так как ей в качестве вдовы надлежит быть убитой горем. Кристи отворяет дверь, и в кухню входит священник Антон и Андерсон — человек трезвого ума, живого нрава и приветливого душевного склада. Ему лет пятьдесят, и он держится с достоинством, присущим его профессии; но это достоинство вполне мирское, смягченное дружелюбной и тактичной манерой обхождения и отнюдь не наводящее на мысль о бесповоротной отрешенности от всего земного. По наружности это сильный, здоровый мужчина с толстой шеей сангвиника; уголки его резко очерченного, весело улыбающегося рта прячутся в складках мясистых щек. Без сомнения — превосходный пастыр духовный, но вместе с тем человек, способный взять лучшее и от здешнего мира и сознающий, быть может не без виноватого чувства, что уживается он с этим миром легче, чем подобало бы истинному пресвитерианину.

Андерсон (*снимая свой плащ и поглядывая на миссис Даджен*). Ты сказал ей?

Кристи. Она меня заставила. (*Запирает дверь, потягивается, потом бредет к дивану, садится и вскоре засыпает.*)

Андерсон снова с состраданием смотрит на миссис Даджен, затем вешает плащ и шляпу на вешалку. Миссис Даджен вытирает глаза и поднимает голову.

Андерсон. Сестра! Тяжко легла на вас десница Господня.

Миссис Даджен (*упорствуя в своем смирении*). Такова, стало быть, воля Его, и я должна склониться перед ней. Но мне нелегко. Зачем только Тимоти понадобилось ехать в Спрингтаун и напоминать всем о своем родстве с человеком, приговоренным к виселице и (*со злобой*) заслужившим ее, если уж на то пошло.

Андерсон (*мягко*). Это был его брат, миссис Даджен.

Миссис Даджен. Тимоти не признавал его за брата, после того как мы поженились; он слишком уважал меня, чтоб навязывать мне подобного братца. А вы думаете, этот негодный себялюбец Питер поскакал бы за тридцать миль, чтобы взглянуть, как Тимоти надевают петлю на шею? И тридцати шагов не прошел бы, не из таких. Но, как бы там ни было, я должна с покорностью нести свой крест. Слов меньше, толку больше.

Андерсон (*подойдя к огню и став к нему спиной; очень внушительно*). Ваш старший сын присутствовал при казни, миссис Даджен.

Миссис Даджен (*неприятно пораженная*). Ричард?

Андерсон (*кивнув*). Да.

Миссис Даджен (*грозно*). Пусть это ему послужит предостережением. Он и сам, верно, кончит тем же — распутник, нечестивец, безбожник!.. (*Она вдруг останавливается — голос изменил ей — и с явным испугом спрашивает.*) А Тимоти его видел?

Андерсон. Да.

Миссис Даджен (*затаив дыхание*). Ну?

Андерсон. Он только видел его в толпе; они не разговаривали.

Миссис Даджен облегченно переводит дух.

Ваш муж был очень взволнован и потрясен ужасной смертью своего брата.

Миссис Даджен усмехается.

(*Андерсон, меняя тон, обращается к ней настойчиво и с оттенком негодования.*) Что ж, разве это не естественно, миссис Даджен? В эту минуту он подумал о своем блудном сыне, и сердце его смягчилось. Он послал за ним.

Миссис Даджен (*со вновь зародившейся тревогой*). Послал за Ричардом?

Андерсон. Да, но Ричард не захотел прийти. Он ответил отцу через посланного. И, к сожалению, должен сказать, это был дурной ответ, страшный ответ.

Миссис Даджен. Что же он ответил?

Андерсон. Что он всегда будет на стороне своего беспутного дяди и против своих праведных родителей, и в этом мире и в будущем.

Миссис Даджен (*непримиримо*). Он понесет кару за это. Он понесет кару за это — и здесь и там.

Андерсон. Это не в нашей воле, миссис Даджен.

Миссис Даджен. А я разве другое говорю, мистер Андерсон? Но ведь нас учат, что зло будет наказано. Зачем нам исполнять свой долг и блюсти закон Господень, если не будет никакой разницы между нами и теми, кто живет как заблагорассудится и глумится над нами и над словом Творца своего?

Андерсон. Что ж, земной отец Ричарда был милосерд к нему, а его небесным судиею будет Тот, кто всем нам отец.

Миссис Даджен *(забывшись)*. Земной отец Ричарда был безмозглый...

Андерсон *(потрясенный)*. О!

Миссис Даджен *(слегка устыдясь)*. В конце концов, я мать Ричарда. Если уж я против него, кто вправе быть за него? *(Стараясь загладить свой промах)*. Присядьте, мистер Андерсон. Мне бы давно надо предложить вам, но я так взволнована.

Андерсон. Благодарю вас. *(Берет стул, стоящий перед очагом, и поворачивает его так, чтобы можно было поудобнее расположиться у огня. Усевшись, продолжает тоном человека, который сознает, что заводит разговор на щекотливую тему)*. Вам Кристи сказал про новое завещание?

Миссис Даджен *(все ее опасения возвратились)*. Новое завещание? Разве Тимоти... *(Голос у нее срывается, и она не может договорить)*.

Андерсон. Да. В последний час он изменил свою волю.

Миссис Даджен *(бледнея от бешенства)*. И вы дали ему меня ограбить?

Андерсон. Я был не вправе помешать ему отдать свои деньги своему сыну.

Миссис Даджен. У него ничего не было своего. Его деньги — это те деньги, которые я принесла ему в приданое. Деньги мои и сын мой, и я одна могла решать, как тут поступить. При мне он никогда не отважился бы на такую подлость, и он это хорошо знал. Оттого-то он и улизнул исподтишка, точно вор, чтобы, прикрывшись законом, ограбить меня за моей спиной. А вам, мистер Андерсон, вам, проповеднику слова Божия, тем зазорней быть сообщником в таком преступном деле.

Андерсон *(поднимаясь)*. Я не в обиде на вас за эти слова, сказанные в пылу горя.

Миссис Даджен *(презрительно)*. Горя!

Андерсон. Ну, разочарования — если сердце подсказывает вам, что это более подходящее слово.

Миссис Даджен. Сердце! Сердце! С каких это пор вы стали считать, что должно доверяться голосу сердца?

Андерсон *(с несколько виноватым видом)*. Я... э-э...

Миссис Даджен *(страстно)*. Не лгите, мистер Андерсон. Нас учат, что сердце человеческое неверно и лживо, что оно закоснело во зле. Мое сердце когда-то принадлежало не Тимоти, а его брату, тому самому нечестивцу, что только что кончил свои дни с веревкой на шее, — да, именно так, Питеру Даджену. Вы это знаете: старый Эли Хоукинс, чье место вы заступили в нашем приходе, — хотя вы не достойны развязать шнурки на его башмаках, — он вам рассказал об этом, когда вверял заботу о наших душах. Вон он-то и предостерег меня против моего сердца и придал мне силы устоять; и по его совету я выбрала себе мужа доброго и богобоязненного, как тогда казалось. Не это ли послушание сделало меня тем, что я есть? А вы — вы-то сами женились по влечению сердца, а теперь толкуете о том, что мне подсказывает мое сердце. Ступайте домой к своей красивой жене, мистер Андерсон, а меня оставьте и дайте мне помолиться спокойно. *(Она отворачивается, подпирает голову руками и, предавшись мыслям о несправедливости судьбы, перестает замечать его присутствие.)*

Андерсон *(который и сам рад уйти)*. Да не допустит Господь, чтобы я помешал вам обратиться к источнику всяческого утешения. *(Идет к вешалке за своим плащом и шляпой.)*

Миссис Даджен *(не глядя на него)*. Господь и без вас знает, что допускать и чего не допускать.

Андерсон. И Господь знает, кого прощать! И я надеюсь, что Он простит Эли Хоукинса и меня, если когда-либо мы учили противно Его закону. *(Застегивает плащ и готовится выйти.)* Еще одно слово... по неотложному делу, миссис Даджен. Предстоит чтение завещания, и Ричард вправе присутствовать. Он здесь, в городе, но он великодушно заявил, что не хочет вторгаться сюда силой.

Миссис Даджен. Он *должен* сюда прийти. Уж не воображает ли он, что ради его удобства мы покинем дом его отца? Пусть приходят все; и пусть приходят скорее и скорее уходят. Нечего полдня отлынивать от работы под предлогом завещания. Я буду готова, не беспокойтесь.

Андерсон (*гелая два-три шага к ней*). Миссис Даджен! Я когда-то пользовался некоторым влиянием на вас. С каких пор я его утратил?

Миссис Даджен (*по-прежнему не глядя на него*). С тех пор как женились по любви. Вот теперь вы знаете.

Андерсон. Да, теперь знаю. (*Выходит, погруженный в раздумье.*)

Миссис Даджен (*про себя, гудая о муже*). Вор! Вор! (*Сердито срывается со стула, сбрасывает шаль с головы и принимается за уборку комнаты к предстоящему чтению завещания. Для начала стул Андерсена вооружается на прежнее место, а тот, на котором сидела она сама, оплетает к окну. Потом она окликает обычным своим суровым, гневным, повелительным тоном.*) Кристи!

Никакого ответа. Кристи крепко спит.

Кристи! (*Подходит и грубо трясет его.*) Вставай сию же минуту! Не стыдно тебе? Отец умер, а он спит как ни в чем не бывало! (*Возвращается к столу, ставит свечу на полку над очагом, вынимает из ящика красную скатерть и накрывает стол.*)

Кристи (*неохотно поднимаясь*). А что ж, по-твоему, нам теперь и спать нельзя, пока не кончится траур?

Миссис Даджен. Ладно, хватит разговоров! Иди сюда, помоги мне переставить стол.

Вдвоем они выдвигают стол на середину комнаты, так что сторона Кристи обращена к очагу, а сторона миссис Даджен — к дивану. Кристи при первой же возможности отходит к огню, предоставив матери одной окончательно устанавливать стол на место.

Сейчас священник придет с адвокатом, и вся родня соберется слушать завещание, а ты все будешь нежиться у огня? Ступай разбуди девчонку и потом растопи печку в сарае, здесь тебе завтракать не придется. Да смотри умойся хорошенько и приведи себя в порядок к приходу гостей. (*Она размечает действиями весь этот перечень приказаний: подходит к поставцу, опирает его, достает графин с вином, который, без сомнения, хранится там с последнего семейного торжества, вынимает также несколько стаканов — и ставит все это на стол. Затем следуют два блюда зеленого стекла; на одно она кладет ячменный пирог и рядом нож, на другое высыпает немного печенья из жестяной банки, потом две или три штуки откладывает обратно и тщательно пересчитывает остальное.*) Смотри, здесь десять штук; так вот чтоб

их и оставалось десять, когда я оденусь и выйду сюда. И не вздумай выковыривать изюм из пирога. И Эсси скажи то же самое. Надеюсь, ты сумеешь принести клетку с тучелами птиц, не разбив стекла по дороге. *(Убирает банку с печеньем в поставец, запирает дверцу и заботливо прячет ключ в карман.)*

Кристи *(мешкая у огня)*. Ты бы лучше чернильницу поставила для адвоката.

Миссис Даджен. Вас не спрашивают, сэзр! Ступай и делай, что тебе сказано.

Кристи хмуро поворачивается, собираясь исполнить приказание.

Погоди, сперва открой ставни, пусть день в окно светит. Неужели я должна нести всю тяжелую работу в доме, а такой здоровый олух будет слоняться без дела!

Кристи подходит к окну, вынимает железный болт из боковых скоб и ставит на пол рядом, потом растворяет ставни. За окном брезжит серое, пасмурное утро. Миссис Даджен берет подсвечник с полки над очагом, задувает свечу, снимает нагар пальцами, предварительно облизав их для этого, и снова ставит подсвечник со свечой на полку.

Кристи *(глядя в окно)*. Священникова жена идет.

Миссис Даджен *(недовольная)*. Как! Сюда идет?

Кристи. Ну да.

Миссис Даджен. С чего это ей вздумалось тревожить людей в такой час? Я еще даже не одета, чтобы гостей принимать.

Кристи. А ты бы у нее спросила.

Миссис Даджен *(с угрозой)*. А ты бы научился разговаривать повежливее.

Кристи, надувшись, шагает к двери. Она идет за ним, продолжая забрасывать его поручениями.

Девчонке скажи, чтоб шла сюда, ко мне, как только позавтракает. Да пусть приведет себя в порядок, чтоб не стыдно было показаться на люди.

Кристи выходит и захлопывает дверь у нее перед носом.

Хорош, нечего сказать!

В наружную дверь стучат. Миссис Даджен поворачивается и довольно негостеприимно кричит:

Войдите!

Джудит Андерсон, жена священника, входит в комнату. Джудит лет на двадцать с лишком моложе своего мужа, но по жизненной энергии ей далеко до него. Она красива, изящна, женственна, и привычка к восторгам и ухаживаниям помогла ей составить о себе достаточно лестное мнение, чтобы в нем черпать уверенность, которая ей заменяет силу. Она мило и со вкусом одета; какие-то милые черточки в ее лице изобличают чувствительность, воспитанную склонностью к мечтам. Даже в присутствии ей самодовольстве есть что-то милое, как в хвастливости ребенка. В общем — это существо, способное тронуть любого мягкосердечного наблюдателя, знающего, как неуютен наш мир. Ясно, что Андерсон мог сделать и худший выбор, а она, как женщина, нуждающаяся в защите и опоре, не могла сделать лучшего.

Ах, это вы, миссис Андерсон!

Джудит (*очень любезно, почти покровительственно*). Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезной, миссис Даджен? Чем-нибудь помочь по хозяйству, чтобы все в доме было готово, когда соберутся слушать завещание?

Миссис Даджен (*холодно*). Благодарю вас, миссис Андерсон, у меня в доме всегда все готово к приему любых гостей.

Джудит (*снисходительно-гружелюбно*). Да, это верно. Может быть, я вам даже помешала своим приходом.

Миссис Даджен. О, одним человеком больше или меньше, не все ли это равно сегодня, миссис Андерсон? Раз уж вы пришли, оставайтесь. Только, если вас не затруднит, закройте дверь, пожалуйста.

Джудит улыбается, как будто говоря: «Какая же я неловкая!», и запирает дверь движением, исполненным раздражающей уверенности в том, что она делает нечто очень милое и приятное.

Вот так-то лучше. Теперь мне надо пойти прибраться немного самой. Вам, я думаю, нетрудно будет посидеть здесь, на случай если кто придет раньше, чем я буду готова?

Джудит (*милостиво отпуская ее*). Ну конечно, конечно. Положитесь на меня, миссис Даджен, и можете не спешить. (*Вешает свой плащ и шляпку.*)

Миссис Даджен (*почти с издевкой*). Это, пожалуй, больше подойдет вам, чем помогать по хозяйству.

Входит Эсси.

А, это ты? (*Строго.*) Поди сюда, дай-ка я на тебя погляжу.

Эсси робко приближается. Миссис Даджен хватается за руку и бесцеремонно поворачивает во все стороны, проверяя результаты ее по-

пыток навести чистоту и порядок в своем обличье — результаты, которые свидетельствуют о недостатке опыта и в особенности рвения.

Гм! Это у тебя называется причесаться как следует? Сразу видно, кто ты есть и как тебя воспитывали. *(Бросает ее руку и продолжает тоном, не допускающим возражений.)* Запомни, что я тебе теперь скажу, и выполняй все в точности. Сядь там, в уголке у огня; когда соберутся, не смей говорить ни слова, покуда тебя не спросят.

Эсси пятится к очагу.

Пускай родичи твоего отца видят тебя и знают, что ты здесь; они столько же обязаны заботиться, чтоб ты не умерла с голоду, сколько и я. Помочь во всяком случае должны бы. Но только не вздумай распускать язык и вольничать, точно ты им ровня. Поняла?

Эсси. Да.

Миссис Даджен. Ну вот, ступай и делай, что тебе сказано.

Эсси, вся съезжившись, присаживается на угол решетки, с той стороны очага, которая дальше от двери.

Не обращайтесь на нее внимания, миссис Андерсон; вам известно, кто она и что. Если она вас беспокоит, вы только скажите мне, я с ней быстро управлюсь. *(Уходит в спальню, властно прихлопнув за собой дверь, как будто даже дверь нужно держать в строгости, для того чтобы она исправно делала свое дело.)*

Джудит *(поучает Эсси и одновременно переставляет по-своему вино и печенье на столе)*. Ты не должна обижаться, если тетюшка строга с тобой. Она очень хорошая женщина и желает тебе добра.

Эсси *(с тупым безразличием горя)*. Да.

Джудит *(раздосадованная нечувствительностью Эсси к утешениям и назиданиям и ее неспособностью оценить снисходительную любезность сделанного замечания)*. Надеюсь, ты не собираешься дуться, Эсси?

Эсси. Нет.

Джудит. Ну вот, умница. *(Ставит у стола два стула, спинками к окну, с приятным сознанием, что она более предусмотрительная хозяйка, чем миссис Даджен.)* Ты знаешь кого-нибудь из родственников твоего отца?

Эсси. Нет. Они никто не хотели с ним зняться; они слишком набожные. Отец часто поминал Дика Даджена, но я его ни разу не видела.

Джудит (*явно шокированная*). Дик Даджен! Эсси, ты ведь хочешь быть хорошей девушкой, показать, что ты умеешь ценить добро, и своим достойным поведением заслужить себе место в этом доме?

Эсси (*без особого энтузиазма*). Да.

Джудит. Ну, так никогда не произноси имени Ричарда Даджена, даже не думай о нем. Он дурной человек.

Эсси. А что он сделал?

Джудит. Ты не должна расспрашивать о нем, Эсси. Ты еще слишком молода, чтобы понять, что это значит — дурной человек. Он контрабандист. Он живет среди цыган, не любит свою мать и своих родных и по воскресеньям, вместо того чтобы ходить в церковь, дерется и играет в карты. Старайся никогда не подпускать его к себе, Эсси, и помни, что, водясь с подобными людьми, ты запятнаешь и себя и весь наш женский род.

Эсси. Да.

Джудит (*прежним недовольным тоном*). Боюсь, что ты говоришь «да» и «нет», не дав себе труда подумать хорошенько.

Эсси. Да. То есть я хотела сказать...

Джудит (*строго*). Что ты хотела сказать?

Эсси (*сдерживая слезы*). Только... мой отец тоже был контрабандист... и...

В дверь стучат.

Джудит. Ну вот, уже идут. Не забывай, Эсси, чему тебя учила тетушка, и будь умницей.

Кристи несет подставку с птичьими чучелами в стеклянном ящике и чернильницу и ставит то и другое на стол.

Доброе утро, мистер Даджен. Будьте так добры, отоприте дверь: пришел кто-то.

Кристи. Доброе утро. (*Отодвигает дверной засов.*)

На дворе уже совсем рассвело и стало теплее, и Андерсон, который входит первым, оставил дома свой плащ. Вместе с Андерсоном является адвокат Хоукинс — жизнерадостный мужчина средних лет, в коричневых гетрах и желтых брюках для верховой езды, больше похожий на сквайра, чем на стряпчего. Он и Андерсон, по праву представителей ученых сословий, возглавляют шествие. За ними следуют родственники. Впереди всех старший дядя, Уильям Даджен, — нескладный верзила с носом сливою, явно не принадлежащий к разряду аскетов и постников; его костюм и его боязливая жена не из тех костюмов и жен, по которым сразу узнается человек, преуспевающий

в жизни. Младший дядя, Тайтэс Даджен, — маленький, поджарый человечек, похожий на фокстерьера; при нем огромная жена, которая кичится своим богатством; по всему видно, что ни ему, ни ей не знакомы затруднения, обычные в домашнем обиходе Уильяма.

Хоукинс сразу же энергичным шагом направляется к столу и усаживается на стул, стоящий ближе к дивану, так как именно здесь Кристи поместил чернильницу; он ставит шляпу на пол и вынимает завещание. Дядя Уильям подходит к очагу, поворачивается к огню спиной и греет полы своего сюртука, бросив миссис Уильям одну у дверей. Дядя Тайтэс, который в семье слышет за дамского угодника, спешит к ней на выручку и, подав ей свободную руку, ведет к дивану, где затем и сам уютно устраивается между собственной супругой и братниной. Андерсон вешает свою шляпу и отходит в сторону, ожидая случая перемолвиться словом с Джудит.

Джудит. Она сейчас выйдет. Попроси их подождать. *(Спучит в дверь спальни; подождав ответа, открывает дверь и входит.)*

Андерсон *(занимая место за столом против Хоукинса)*. Наша бедная, скорбящая сестра сейчас выйдет к нам. Все ли мы в сборе?

Кристи *(у двери, которую он только что запер)*. Все, кроме Дика.

Невозмутимость, с которой Кристи произнес имя нечестивца, оскорбила семейное чувство морали. Дядя Уильям медленно и безостановочно качает головой. Миссис Тайтэс судорожно ловит носом воздух. Ее супруг берет слово.

Дядя Тайтэс. Я надеюсь, он сделает нам одолжение и не придет. Я твердо надеюсь.

Все Даджены издают одобрительное бормотание, кроме Кристи, который переходит к окну и занимает там наблюдательный пост. Хоукинс загадочно улыбается, как будто ему известно нечто такое, что сразу заставило бы их всех запеть по-другому, доведись им узнать это. Андерсон нервничает: торжественные семейные советы, особенно по траурному поводу, не в его вкусе. В дверях спальни появляется Джудит.

Джудит (мягко, но внушительно). Друзья мои, — миссис Даджен! *(Берет стул, стоящий у очага, и подвигает его миссис Даджен, которая выходит из спальни, вся в черном, держа в руке чистый носовой платок и прикладывая его к глазам.)*

Все встают, за исключением Эсси. Миссис Уильям и миссис Тайтэс извлекают столь же чистые носовые платки и тихо плачут. Трогательная минута.

Дядя Уильям. Может быть, тебе легче станет, сестра, если мы прочитаем молитву?

Дядя Тайтэс. Или споем гимн?

Андерсон (*с некоторой поспешностью*). Я сегодня навестил уже нашу сестру, друзья мои. Испросим благословения в сердцах наших.

Все (*за исключением Эсси*). Аминь.

Все садятся, кроме Джудит, которая становится за стулом миссис Дагжен.

Джудит (*Эсси*). Эсси, ты сказала «аминь»?

Эсси (*испуганно*). Нет.

Джудит. Так будь умницей и скажи.

Эсси. Аминь.

Дядя Уильям (*обогрляюще*). Ну, ничего, ничего. Мы знаем, кто ты такая, но мы будем к тебе добры, если ты постарайшься хорошо вести себя и заслужишь это. Все мы равны перед престолом Всевышнего.

Эта республиканская идея не встречает сочувствия у женщин, которые убеждены, что именно престол Всевышнего — то место, где их превосходство, часто оспариваемое в этом мире, наконец будет признано и вознаграждено по заслугам.

Кристи (*у окна*). А вот и Дик.

Андерсон и Хоукинс оглядываются с приветливым выражением. Эсси поднимает голову, и сквозь ее тупое безразличие пробивается искорка интереса. Кристи, ослабившись, выжидательно смотрит на дверь. Остальные застыли в томительном предчувствии опасности, которою грозит Добродетели приближение Порока в неприкрытом виде. Закоренелый грешник появляется в дверях, освещенный утренним солнцем, которое красит его явно не по заслугам. Он безусловно самый красивый в семье; только выражение лица у него дерзкое и язвительное, манера держаться глумливая и вызывающая; одежда живописно небрежна. Но лоб и рисунок губ изобличают непреклонность духа поистине удивительную, а глаза горят фанатическим огнем.

Ричард (*на пороге, снимая шляпу*). Леди и джентльмены! Ваш слуга, ваш покорнейший слуга! (*С этим откровенно издевательским приветствием он швыряет шляпу Кристи, который подпрыгивает от неожиданности, точно зазевавшийся вратарь, а сам выходит на середину комнаты, останавливается и непринужденно оглядывает все общество.*) Какая радость написана на ваших лицах! Как вы все счастливы меня видеть! (*Поворачивается к миссис Дагжен, и верхняя губа у него зловеще приподнимается, обнажая клыки, когда он встре-*

чает ее полный ненависти взгляд.) Что, матушка, как всегда, соблюдаем приличия? Что ж, правильно, правильно.

Джудит демонстративно отступает от него в дальний угол кухни, инстинктивно подобрав юбку, словно для того, чтобы уберечься от прикосновения заразы. Дядя Тайтэс спешит выказать ей свое одобрение, бросившись добывать для нее стул.

Как! Дядюшка Уильям! Да мы с вами не видались с тех пор, как вы бросили пить. *(Бедный дядя Уильям, сконфуженный, хочет возразить, но Ричард, гружески хлопнув его по плечу, прибавляет.)* Ведь вы же бросили, верно? И хорошо сделали, а то уж очень вы усердствовали. *(Поворачивает спину дяде Уильяму и направляется к дивану.)* А где же наш честный барышник, дядюшка Тайтэс? Дядюшка Тайтэс, покажитесь. *(Застигнув Тайтэса в тот момент, когда тот подставляет стул Джудит.)* Ну конечно, как всегда, ухаживает за дамами.

Дядя Тайтэс *(негодуя)*. Стыдитесь, сэр...

Ричард *(перебегает его, насильно пожимая ему руку)*. Стыжусь, стыжусь, но и горжусь тоже — горжусь своим дядюшкой, всеми своими родственниками. *(Снова оглядывает присутствующих.)* Разве можно смотреть на них и не испытывать при этом гордости и удовольствия!

Дядя Тайтэс, уничтоженный, возвращается на свое прежнее место.

(Ричард поворачивается к столу.) А, мистер Андерсон! Всё заняты добрыми делами, всё пасете свое стадо. Не давайте им сбиваться с пути, пастор, не давайте им сбиваться с пути. Ага! *(С размаху усаживается на стол и берет в руки графин с вином.)* Чокнемся, мистер Андерсон, за доброе старое время.

Андерсон. Вы, кажется, знаете, мистер Даджен, что я не привык пить до обеда.

Ричард. Со временем привыкнете, пастор. Вот дядюшка Уильям — так тот даже до завтрака пьет. Верьте мне: от этого ваши проповеди только станут елейнее. *(Нюхает вино и корчит гримасу.)* Только не советую начинать с хереса моей матушки. Я его раз отведал тайком, когда мне было лет шесть, и с тех самых пор отличаюсь умеренностью. *(Ставит графин на место и меняет тему.)* Так я слышал, вы женились, пастор? И говорят, ваша жена гораздо красивее, чем подобает доброй христианке.

Андерсон *(спокойно указывает на Джудит)*. Вот моя жена, сэр.

Джудит встает и застывает в позе несокрушимой добродетели.

Ричард *(соскакивает со стола, повинувшись инстинктивному чувству приличия)*. Ваш слуга, сударыня. Не обижайтесь на меня. *(Внимательно смотрит на нее.)* Что ж, ваша слава не преувеличена, но, к сожалению, по вашему лицу видно, что вы добродетельная женщина.

Джудит явно шокирована и опускается на свое место под возмущенно-сочувственный ропот всей родни. Андерсон, который достаточно умен, чтобы понять, что подобные изъятия недовольствия только забавляют и раздражают человека, задавшегося целью злить окружающих, сохраняет все свое благодушие.

Но все равно, пастор, я вас теперь уважаю больше прежнего. Да, кстати; я как будто слышал, что наш безвременно скончавшийся дядюшка Питер хоть и не был женат, но оставил потомство?

Дядя Тайтэс. У него был только один внебрачный ребенок, сэр.

Ричард. Только один! По-вашему, это пустяки? Я краснею за вас, дядюшка Тайтэс.

Андерсон. Мистер Даджен, вы находитесь в присутствии вашей матери, удрученной горем.

Ричард. Я весьма растроган ее горем, пастор. А кстати, где он, этот внебрачный ребенок?

Андерсон *(указывая на Эсси)*. Перед вами, сэр, и слушает ваши речи.

Ричард *(от неожиданности бросив паясничать)*. Как! Какого же черта вы мне об этом не сказали раньше? Дети довольно видят горя в этом доме и без того, чтобы... *(Мучимый угрызениями совести, бросается к Эсси.)* Послушай, сестренка! Ты не сердись на меня, я не хотел тебя огорчить.

Эсси поднимает на него взгляд, полный благодарности.

(Выражение ее лица и следы слез на нем глубоко трогают Ричарда, и он кричит в бурном порыве гнева.) Кто заставил ее плакать?.. Кто обидел ее? Клянусь Богом...

Миссис Даджен *(встает и наступает на него)*. Придержи язык, богохульник. С меня довольно. Прочь из моего дома!

Ричард. А почему вы знаете, что дом ваш? Ведь завещание еще не прочитано.

Мгновение они смотрят друг другу в глаза с непримиримой ненавистью, потом миссис Даджен, побежденная, тяжело опускается на место. Ричард решительным шагом проходит мимо Андерсона к окну и берется рукой за резную спинку стоящего там стула.

Леди и джентльмены! Приветствую вас как старший сын своего покойного отца и недостойный глава этого дома. С вашего разрешения, мистер Андерсон, с вашего разрешения, адвокат Хоукинс. Место главы семейства — во главе стола. *(Ставит стул с резной спинкой к столу, между священником и стряпчим, садится и тоном председателя обращается ко всем присутствующим.)* Мы собрались здесь сегодня по прискорбному поводу: в семье скончался отец, дядя повешен и, должно быть, угодил в преисподнюю. *(Сокрушенно качает головой.)*

Родственники цепенеют от ужаса.

Вот, вот, так и надо; стройте самые постные мины *(взгляд его падает на Эсси, и тотчас же голос теплеет и тон становится серьезнее)*, только бы у девочки в глазах светилась надежда. *(Живо.)* Ну, адвокат Хоукинс, к делу, к делу! Читайте завещание, друг.

Тайтэс. Мистер Хоукинс, не позволяйте приказывать вам и понукать вас.

Хоукинс *(любезно и предупредительно)*. Я уверен, что мистер Даджен не имел в виду ничего обидного. Я вас и секунды не задержу, мистер Даджен. Вот только надену очки... *(Шарит по карманам.)*

Даджены переглядываются, предчувствуя недоброе.

Ричард. Ага! Они заметили вашу вежливость, мистер Хоукинс. Они готовы к самому худшему. Стакан вина, покуда вы не начали, — это прочистит вам горло. *(Наливает стакан и подает ему, потом берет грутой и наливает себе.)*

Хоукинс. Благодарю вас, мистер Даджен. Ваше здоровье, сэр!

Ричард. И ваше, сэр! *(Он уже поднес стакан к губам, но вдруг спохватывается, недоверчиво косится на вино и говорит с ударением.)* Не будет ли кто-нибудь так добр дать мне стакан воды?

Эсси, неотступно следившая за каждым его словом и движением, потихоньку встает, проскальзывает за спиной миссис Даджен в спальню, возвращается оттуда с кувшином в руке и, стараясь производить как можно меньше шума, выходит из дому.

Хоукинс. Завещание написано не совсем таким слогом, каким пишутся обычно юридические документы.

Ричард. Да, мой отец умер без поддержки закона.

Хоукинс. Bravo, мистер Даджен, bravo! (*Приготовляется читать.*) Вы готовы, сэр?

Ричард. Готов, давно готов. Да вразумит нас Господь и да поможет нам принять с благодарностью то, что нам предстоит услышать. Начинайте.

Хоукинс (*читает*). «Это есть последняя воля и завещание, составленное мною, Тимоти Дадженом, на моем смертном одре, в городе Невинстауне, по дороге из Спрингтауна в Узбстербридж, сентября двадцать четвертого дня, года одна тысяча семьсот семьдесят седьмого. Настоящим я отменяю все ранее составленные мною завещания и заявляю, что нахожусь в здравом уме и знаю, что делаю, и что это моя настоятельная воля, согласная с моими собственными желаниями и чувствами».

Ричард (*взглянув на мать*). Гм!

Хоукинс (*качая головой*). Плохой слог, сэр, никуда не годный слог. «Моему младшему сыну, Кристоферу Даджену, назначаю и завещаю сто фунтов, из которых пятьдесят фунтов должны быть ему выплачены в день его свадьбы с Саррой Уилкинс, если она пойдет за него, и по десяти фунтов при рождении каждого ребенка, счетом до пяти».

Ричард. А если она не пойдет за него?

Кристи. Пойдет, раз у меня будет пятьдесят фунтов.

Ричард. Хорошо сказано, брат! Дальше.

Хоукинс. «Жене моей, Анне Даджен, рожденной Анне Примроз...» — вот видите, как он не разбирается в законе, мистер Даджен: ваша мать не родилась Анной, а была наречена так при крещении,— «...назначаю и завещаю пожизненную ренту в пятьдесят два фунта в год...»

Миссис Даджен судорожным усилием сохраняет неподвижность под устремленными на нее взглядами.

...которые должны ей выплачиваться из процентов с ее собственных денег...» Ну что это за выражение, мистер Даджен? С ее собственных денег!

Миссис Даджен. Очень правильное выражение, потому что это святая истина. Они все мои собственные, до последнего пенни. Пятьдесят два фунта в год!

Хоукинс. «И за все ее благочестие и доброту поручаю ее милосердию детей, которых я всегда старался держать от нее подальше, насколько у меня хватало сил».

Миссис Даджен. Такова моя награда! *(Сдерживая накапливающую ярость.)* Вы знаете, что я об этом думаю, мистер Андерсон, вы знаете, как я это назвала.

Андерсон. Ничего не поделаешь, миссис Даджен. Нужно терпеливо сносить выпавшие нам испытания. *(Хоукинсу.)* Продолжайте, сэр.

Хоукинс. «Старшему моему сыну и наследнику, Ричарду Даджену, назначаю и завещаю мой дом в Уэбстербридже со всеми угодьями, а также прочее мое имущество...»

Ричард. Ого-го! Упитанный телец, священник! Вот он, упитанный телец!

Хоукинс. «...на нижеследующих условиях...»

Ричард. Ах, черт! Есть условия?

Хоукинс. «Именно: первое — что он не допустит, чтобы незаконная дочка моего брата Питера умерла с голоду или пошла по дурной дорожке из-за нужды».

Ричард *(с жаром, стукнув кулаком по столу)*. Принято!

Миссис Даджен поворачивается, чтобы бросить злобный взгляд на Эсси, видит, что ее нет на месте, и в поисках оглядывается по сторонам; убедившись, что девочка без разрешения покинула комнату, мстительно сжимает губы.

Хоукинс. «Второе — что он будет хорошо относиться к моей старой лошади Джиму...» *(Снова качает головой.)* «Джемсу», вот как надо было написать, сэр.

Ричард. Джемс будет как сыр в масле кататься. Дальше.

Хоукинс. «...и оставит у себя на работе моего глухого батрака Проджера Фестона».

Ричард. Проджер Фестон каждую субботу будет пьян в доску.

Хоукинс. «Третье — что он сделает Кристи свадебный подарок из числа тех красивых вещей, что стоят в парадной комнате».

Ричард *(поднимая ящик с птичьими чучелами)*. Вот тебе, Кристи.

Кристи (*разочарованно*). Я бы лучше взял фарфоровых павлинов.

Ричард. Получишь и то и другое.

Кристи в восторге.

Дальше?

Хоукинс. «Четвертое и последнее — что он постарается жить в ладу со своей матерью, поскольку она будет на это согласна».

Ричард (*с сомнением*). Гм! Больше ничего, мистер Хоукинс?

Хоукинс (*торжественно*). «В заключение я передаю свою грешную душу в руки Творца моего, смиренно испрашивая прощения за все мои грехи и ошибки, и надеюсь, что Он наставит моего сына на путь добра, так чтобы никто не мог сказать, будто я поступил неправильно, доверив ему больше, чем другим, в свой смертный час, здесь, на чужой стороне».

Андерсон. Аминь.

Дяди и тетки. Аминь.

Ричард. А матушка не сказала «аминь».

Миссис Даджен (*встает, еще не соглашаясь без борьбы отгнать то, что считала своим*). А правильное это завещание, мистер Хоукинс? Помните: ведь у меня хранится настоящее, законное завещание, которое вы сами составляли, и там сказано, что все переходит ко мне.

Хоукинс. Написано очень плохо и совсем не по форме, миссис Даджен, однако (*любезный поклон в сторону Ричарда*), на мой взгляд, покойный распорядился своим имуществом как нельзя лучше.

Андерсон (*предупреждая возражения миссис Даджен*). Вас не о том спрашивают, мистер Хоукинс. Имеет ли это завещание законную силу?

Хоукинс. Суд признает действительным это, а не то.

Андерсон. Но почему, если то больше соответствует установленным образцам?

Хоукинс. Потому что суд всегда постарается решить дело в пользу мужчины, а не женщины, особенно если этот мужчина — старший сын. Говорил я вам, миссис Даджен, когда вы меня звали составлять завещание, что это неразумная затея, и хоть бы вы и заставили мистера Даджена подписать его, он все равно не успокоится, пока не уничтожит его силу. Но вы не хотели слушать

моего совета. А теперь вот мистер Ричард — голова все-му. *(Поднимает шляпу с полу, встает и рассовывает по карманам бумаги и очки.)*

Это служит сигналом, что пора расходиться. Андерсон достает свою шляпу с вешалки, подходит к очагу и заговаривает с дядей Уильямом. Тайтэс подает Джудит шляпку и плащ. Тетки, встав с дивана, беседуют с Хоукинсом. Миссис Даджен, теперь незваная гостья в своем собственном доме, стоит неподвижно: она подавлена несправедливостью закона по отношению к женщинам, но готова принять его, как приучена принимать всякое тяжкое бедствие, усматривая в нем доказательство величия силы, его наставшей, и собственного ничтожества. Ибо не следует забывать, что в это время Мэри Уолстонкрафт еще только восемнадцатилетняя девушка и до появления ее «Защиты прав женщины» остается добрых полтора десятка лет. Миссис Даджен выходит из своего оцепенения, увидев Эсси, которая возвращается с полным кувшином воды. Она несет кувшин Ричарду, но миссис Даджен перехватывает ее по дороге.

Миссис Даджен *(с угрозой)*. Ты где была?

Эсси, перепутанная, пытается ответить, но не может,

Как ты смела уйти без спросу, после того что я тебе наказывала?

Эсси. Он просил пить... *(От страха у нее язык прилипает к гортани.)*

Джудит *(строго, но не так сурово)*. Кто просил пить?

Эсси без слов кивает на Ричарда.

Ричард. Что? Я?

Джудит *(скандализованная)*. Эсси, Эсси!

Ричард. Ах да, верно! *(Берет стакан и подставляет Эсси. Она наклоняет кувшин, но у нее трясутся руки.)* Что такое? Ты меня боишься?

Эсси *(торопливо)*. Нет. Я... *(Наливает воду.)*

Ричард *(отпив немного)*. Ого, да ты ходила к тому колодцу, что у ворот рынка, не иначе. *(Пьет.)* Чудесная вода! Спасибо тебе! *(К несчастью, в этот миг ему на глаза попадает Джудит, на лице которой написано самое чопорное неодобрение его явной симпатии к пожирающей его преданным взором Эсси. Тотчас же к нему возвращается прежнее насмешливое озорство. Он ставит стакан на стол, демонстративно обнимает Эсси за плечи и ведет ее в круг гостей. Так как при этом миссис Даджен оказывается у них на дороге, то, поравнявшись с ней, он произносит.)* С вашего разрешения, матушка! *(И принуждает ее посторониться.)* Тебя как зовут? Бесси?

Эсси. Эсси.

Ричард. Ну да, Эсси. А ты хорошая девочка, Эсси?

Эсси (*глубоко разочарованная тем, что он, именно он тоже начинает с этого*). Да. (*Неуверенно смотрит на Джудит*.) Я думаю... то есть я надеюсь...

Ричард. Скажи мне, Эсси, слышала ты когда-нибудь о том, кого называют дьяволом?

Андерсон (*возмущенный*). Посовеститесь, сэр, такому ребенку...

Ричард. Прошу прощения, священник; я не мешаю вашим проповедям, не прерывайте вы моих. (*Эсси*.) Знаешь, Эсси, как меня называют?

Эсси. Дик.

Ричард (*улыбаясь, треплет ее по плечу*). Верно, Дик. Но не только Дик. Меня называют Ученик Дьявола.

Эсси. А вы зачем позволяете?

Ричард (*серьезно*). Потому что это правда. Меня воспитывали в иной вере, но я с самого начала знал, что истинный мой наставник, повелитель и друг — дьявол. Я видел, что правда на его стороне, и что только из страха мир подлаживается к тому, кто одержал над ним победу. Я втайне молился ему; и он утешал меня и не допустил, чтобы мой дух сломили в доме, где постоянно лились детские слезы. Я обещал ему свою душу и поклялся, что всегда буду стоять за него и в этом мире и в грядущем. Это обещание и эта клятва сделали меня человеком. Отныне этот дом — его дом, и никогда здесь не заплачет ребенок; этот очаг — его алтарь, и ни одна живая душа не будет дрожать здесь от страха долгими темными вечерами. Ну (*резким движением повернувшись к остальным*), вы, добрые люди, кто из вас возьмет эту девочку и спасет ее из дома дьявола?

Джудит (*подойдя к Эсси и кладя ей руку на плечо*). Я возьму. Вас надо заживо сжечь.

Эсси. Но я не хочу! (*Отступает назад, так что Ричард и Джудит оказываются лицом к лицу*.)

Ричард. Вы слышали, добродетельнейшая леди? Не хочет!

Дядя Тайтэс. Берегитесь, Ричард Даджен. Закон...

Ричард (*угрожающе поворачивается к нему*). Берегитесь вы сами. Через час здесь перестанут действовать все законы, кроме одного — закона войны. Я видел солдат на дороге в шести милях отсюда; еще до полудня майор Суиндон водрузит на рыночной площади виселицу для мятежников.

Андерсон (*спокойно*). Что же тут для нас опасного, сэр?

Ричард. Больше, чем вы думаете. В Спрингтауне он не того повесил, кого ему надо было; у Дадженов доброе имя, и он думал, что дядюшка Питер почтенный человек. Следующий раз он выберет самое уважаемое лицо в городе, только бы удалось обвинить его в мятежных речах. А ведь мы все мятежники, вы сами знаете.

Все мужчины (*за исключением Андерсона*). Нет, нет, нет!

Ричард. Да, вы мятежники. Пусть вы и не кляли короля Георга на всех перекрестках, как я, но вы молились о его поражении. А служили молебны вы, Антони Андерсон, и вы же продали семейную Библию, чтобы купить себе пару пистолетов. Меня, может быть, англичане и не повесят: не такое уж назидательное зрелище — Ученик Дьявола, отплясывающий в воздухе. Иное дело — священник!

Джудит, потрясенная, хватается за Андерсона.

Или адвокат!

Хоукинс усмехается с видом человека, который сумеет позаботиться о себе.

Или честный барышник!

Дядя Тайтэс рычит на него в ярости и страхе.

Или пропойца, бросивший пить!

Дядя Уильям жалобно стонет и трясется от ужаса.

Вот это действительно прекрасное доказательство, что король Георг шутить не любит!

Андерсон (*с полным самообладанием*). Успокойся, дорогая: он просто пугает нас. Никакой опасности нет. (*Бежит жену к выходу.*)

Вслед за ними теснятся остальные, за исключением Эсси, которая остается подле Ричарда.

Ричард (*продолжая шумно издеваться*). Что же вы, а? Есть среди вас охотники остаться со мной, поднять американский флаг на крыше дома дьявола и драться за свободу?

Они торопятся выйти, подталкивая друг друга в спешке. Кристи вместе со всеми.

Ха-ха! Да здравствует дьявол! (*Видя, что миссис Дагжен тоже направилась к двери.*) Как, матушка! И ты уходишь?

Миссис Дагжен (*мертвенно-бледная, прижимая руку к груди, как будто ей нанесен смертельный удар*). Проклинаю тебя! В последний час свой проклинаю тебя! (*Выходит.*)

Ричард (*кричит ей вслеп*). Это принесет мне счастье.

Эсси (*робко*). А мне можно остаться?

Ричард (*оглянувшись*). Как! Они так испугались за свое тело, что позабыли о спасении твоей души! Ну конечно, оставайся. (*Снова поворачивается к двери и возбужденно потрясает кулаком вслеп ушедшим. Левая его рука, висящая неподвижно, тоже сжимается в кулак. Эсси вдруг хватает ее и целует, роняя на нее слезы. Он вздрагивает и оглядывается.*) Слезы! Крещение дьявола! (*Она, рыдая, падает на колени. Он ласково наклоняется, чтобы поднять ее.*) Ну ничего, Эсси; такими слезами можешь поплакать немножко, если уж тебе очень хочется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дом священника Андерсона стоит на главной улице Уэбстербриджа, неподалеку от ратуши. Жителю Новой Англии XVIII века он представляется много великолепнее простого фермерского дома Дагженов, но и в нем все настолько просто, что современный агент по недвижимости пустил бы оба дома внаем по одной цене. В жилой комнате такой же кухонный очаг — с котлом, с противнем для поджаривания хлеба, с подвижным железным крюком, чтобы подвешивать мясо, и с широкой решеткой, на которой стоит котелок и блюдо с гренками, смазанными маслом. Дверь, расположенная сбоку от очага, поближе к углу, не имеет ни филенок, ни металлических наличников, ни даже ручки; она сколочена из простых досок и запирается на засов. Стол простой, кухонный, покрыт коричневой клеенкой, протершейся на углах; на нем лакированный поднос с чайной посудой: две толстые фаянсовые чашки с блюдцами, такая же полоскательница и молочник вместимостью не меньше кварты; в центре стола — деревянная дощечка, на которой лежит большой каравай хлеба и рядом квадратный полуфунтовый кусок масла в фаянсовой чайнике. Большой дубовый шкаф, вделанный в стену напротив очага, служит не для декоративных целей, а для использования по назначению; на гвозде, вбитом снаружи в дверцу, висит домашний сюртук священника — знак, что хозяина нет дома, потому что, когда он дома, здесь висит его парадный сюртук. Высокие сапоги для верховой езды гордо красуются на полу возле шкафа, — по-

видимому, это их обычное место. Одним словом, кухня, столовая и гостиная священника еще не эволюционировали настолько, чтобы выделиться в три самостоятельных помещения; и с точки зрения нашего изнеженного века, он живет ничуть не лучше Дадженов.

Но разница все-таки есть. Прежде всего миссис Андерсон — особа, значительно более приятная для семейной жизни, нежели миссис Даджен. На что миссис Даджен не преминула бы возразить, и довольно резонно, что у миссис Андерсон нет детей, требующих присмотра, нет кур, свиней и домашней скотины, есть постоянный, твердый доход, не зависящий от урожая и ярмарочных цен, есть любящий муж, за которым она живет как за каменной стеной, — короче говоря, что жизнь в пасторском доме настолько же легка, насколько она тяжела на ферме. Это все верно. Но объяснить факт — еще не значит его опровергнуть; и, как ни мала заслуга миссис Андерсон в том, что она сумела сделать свой дом приятным и радостным, нужно признать, что ей это удалось в полной мере. Внешними вещественными знаками ее социального превосходства служат дорожка на полу, потолок, оштукатуренный в просветах между балками, и стулья — хотя и без обивки, но отполированные и покрашенные. Искусство представлено здесь портретом какой-то пресвитерианской духовной особы, копией с рафаэлевской «Проповеди святого Павла в Афинах» и подаренными к свадьбе часами рококо на полке над очагом, которые защищены с флангов парой миниатюр в рамках, парой глиняных собачек с корзинками в зубах и парой больших морских раковин. Очень украшает комнату низкое и широкое, почти во всю стену, окно с решетчатым переплетом, задержанное до половины высоты маленькими красными занавесками. Дивана в комнате нет; но около шкафа стоит нечто вроде деревянного кресла с резной спинкой, достаточно широкого для двоих. В общем это как раз тот тип комнаты, возврат к которому благодаря усилиям мистера Фиалппа Уэбба^а и его последователей в искусстве интерьерера стал, в конце концов, идеалом девятнадцатого века, хотя пятьдесят лет тому назад ни один уважающий себя священник не стал бы жить в такой комнате.

Уже вечер, и в комнате темно, только уютно тлеют угли в очаге да в окно проникает тусклый свет керосиновых уличных фонарей; видно, что идет ровный, затяжной, теплый, не подгоняемый ветром дождь. На городских часах бьет четверть, и в комнату входит Джудит с двумя свечами в глиняных подсвечниках, которые она ставит на стол. От ее утренней самоуверенности не осталось и следа; она полна страха и тревоги. Она подходит к окну и смотрит на улицу. Первое, что она видит там, — это ее муж, под дождем торопящийся домой. У нее вырывается короткий вздох облегчения, очень похожий на всхлип, и она поворачивается к двери. Входит Андерсон, закутанный в насквозь промокший плащ.

Джудит (бросаясь к нему). О, наконец-то, наконец-то ты пришел! (Хочет обнять его.)

Андерсон (отстраняясь). Осторожно, моя дорогая, — я весь мокрый. Дай мне раньше снять плащ. (Ставит перед очагом стул спинкой к огню, развешивает

на нем плащ, стряхивает капли воды со шляпы и кладет ее на решетку очага и тогда только поворачивается к Джудит и раскрывает ей объятия.) Ну вот!

Она кидается к нему на грудь.

Не запоздал я? На городских часах било четверть, когда я подходил к дому, но городские всегда спешат.

Джудит. Сегодня они, наверно, отстают. Я так рада, что ты уже дома.

Андерсон (*крепко прижимая ее к себе*). Беспокоилась, голубка моя?

Джудит. Немножко.

Андерсон. Да ты как будто плакала?

Джудит. Так, чуть-чуть. Не обращай внимания. Теперь уже все прошло.

Звук трубы где-то в отдалении.

(Она испуганно вздрагивает и отступает к креслу с резной спинкой.) Что это?

Андерсон (*идет за ней, ласково усаживает ее в кресло и сам садится рядом*). Король Георг, больше ничего, моя дорогая. Сбор в казармы, или сигнал на переключку, или вечерняя зоря, или приказ сесть, или еще что-нибудь. Солдаты не звонят в колокол и не кричат в окно, если им что нужно, а посылают трубача, чтобы он переполошил весь город.

Джудит. Ты думаешь, есть все-таки опасность?

Андерсон. Ни малейшей.

Джудит. Это ты говоришь, чтобы успокоить меня, а не потому, что на самом деле уверен.

Андерсон. Милая моя, опасность всегда существует в этом мире для тех, кто ее боится. Существует опасность, что наш дом сгорит ночью, однако это не мешает нам спать спокойным сном.

Джудит. Да, я знаю, ты всегда так говоришь; и ты прав. Ну конечно прав. Только я, наверно, не очень храбрая,— и в этом все дело. У меня сердце сжимается всякий раз, как я вспомню про солдат.

Андерсон. Ничего, дорогая; храбрость тем дороже, чем больших она стоит усилий.

Джудит. Да, должно быть. (*Снова обнимает его.*) Милый мой, какой ты храбрый! (*Со слезами на глазах.*) Я тоже буду храброй... вот увидишь: тебе не придется стыдиться своей жены.

Андерсон. Вот и хорошо. Очень рад это от тебя слышать. Так, так! *(Весело встает и подходит к огню, чтобы посушить башмаки.)* Заходил я к Ричарду Даджену, но не застал его дома.

Джудит *(встает, не веря своим ушам.)* Ты был у этого человека?

Андерсон. Да ничего не случилось, милая. Его не было дома.

Джудит *(едва не плача, как будто этот визит — личное оскорбление для нее)*. Но зачем ты туда ходил?

Андерсон *(очень серьезным тоном)*. Видишь ли, в городе ходят толки, что майор Суиндон собирается сделать здесь то же, что он сделал в Спрингтауне: взять самого отъявленного мятежника — ведь он нас всех так называет — и повесить его в назидание остальным. Там он ухватился за Питера Даджена, как за человека с худшей славой в городе; и все считают, что здесь его выбор падет на Ричарда, по тому же признаку.

Джудит. Но Ричард сказал...

Андерсон *(добродушно перебивая ее)*. Хо! Ричард сказал! Ричард для того и сказал, дорогая моя, чтобы напугать тебя и меня. Он сказал то, во что и сам, пожалуй, рад бы поверить, да простит его Господь! Страшно представить, каково думать о смерти такому человеку. Вот я и решил, что нужно предостеречь его. Я ему оставил записку.

Джудит *(сердито)*. Какую записку?

Андерсон. Да вот, что я хотел бы сказать ему несколько слов по делу, которое его касается, и буду очень рад, если он зайдет сюда мимоходом.

Джудит *(окаменев от ужаса)*. Ты позвал этого человека сюда?

Андерсон. Именно так.

Джудит *(падает в кресло, прижав руки к груди)*. Хоть бы он не пришел! Господи, хоть бы он не пришел!

Андерсон. Почему? Разве ты не хочешь, чтобы я предупредил его об опасности?

Джудит. Нет, нет, пусть он узнает, что ему грозит... О Тони, скажи... это очень дурно — ненавидеть богохульника и дурного человека? Я его ненавижу. Он у меня из головы не выходит. Я знаю, он принесет нам горе. Он оскорбил тебя, оскорбил меня, оскорбил свою мать...

Андерсон. А мы простим его, голубка, и все забудется.

Джудит. Я знаю, знаю, что это дурно — ненавидеть кого-нибудь, но...

Андерсон (*подходит к ней; шутивно-ласковым тоном*). Полно, дорогая, не такая уж ты грешница, как тебе кажется. Самый большой грех по отношению к ближнему — не ненависть, а равнодушие; вот истинно вершина бесчеловечности. В конце концов, моя дорогая, если присмотреться к людям, ты сама удивишься, до чего ненависть похожа на любовь.

Она вздрагивает от непонятого волнения — даже испуга. Его забавляет это.

Да да; я говорю вполне серьезно. Вспомни, как многие из наших друзей, мужья и жены, мучают друг друга, подозревают, ревнуют, дня не дают друг другу дышать свободно — и, право же, больше похожи на тюремщиков или рабовладельцев, чем на любящих супругов. А теперь вспомни, каковы эти самые люди со своими врагами — щепетильны, сдержанны, независимы, исполнены достоинства, следят за каждым сказанным словом. Ха! Не приходило ли тебе когда-нибудь в голову, что любой из них, сам того не зная, больший друг врагу своему, чем собственному мужу или жене? Да вот хоть ты, моя дорогая: сама того не зная, ты, право же, больше любишь Ричарда, чем меня!

Джудит. О, не говори так, Тони, даже в шутку не говори! Ты не знаешь, как во мне все переворачивается от таких слов.

Андерсон (*смеется*). Ну, ну, не сердись, голубка! Он дурной человек, и ты его ненавидишь, как он того и заслуживает. А сейчас ты меня напоишь чаем, правда?

Джудит (*полная раскаяния*). Ох, я совсем забыла! Заставила тебя ждать столько времени! (*Идет к очагу и ставит котелок на огонь.*)

Андерсон (*направляясь к шкафу и на ходу снимая сюртук*). Ты зашила рукав моего старого сюртука?

Джудит. Да, дорогой! (*Хлопочет у стола, заваривая чай.*)

Андерсон (*переодеваясь в старый сюртук и вешая на гвоздь тот, который он только что снял*). Кто-нибудь заходил, пока меня не было?

Джудит. Нет, только...

В дверь стучат.

(Она сильно вздрагивает, выгавая свое напряженное состояние, и отступает к дальнему краю стола, с чайницей и ложкой в руках.) Кто это?

Андерсон *(подходит к ней и успокоительно треплет ее по плечу)*. Ну, ну, голубка. Не съедят тебя, кто бы там ни был.

Она силится улыбнуться, едва сдерживая слезы. Он подходит к двери и распахивает ее. На пороге стоит Р и ч а р д, без плаща, в одной куртке.

Надо было вам прямо поднять щеколду и войти, мистер Даджен. У нас просто, без церемоний. *(Радушно.)* Входите.

Ричард непринужденно входит в комнату, останавливается у стола и неторопливо осматривается; когда ему на глаза попадается портрет духовной особы, он слегка морщит нос. Джудит упорно глядит на чайницу, которую держит в руках.

Дождь перестал? *(Затворяет дверь.)*

Р и ч а р д. Ну да, кой... *(Ловит взгляд Джудит, которая в это мгновение быстро и надменно вскинула голову.)* Прошу прощения, но *(показывая свою вымокшую куртку)* — сами видите!

Андерсон. А вы снимите куртку, сэр, и повесьте ее у огня: моя жена извинит вас. Джудит, подсыпь еще ложку чаю на долю мистера Даджена.

Р и ч а р д *(смотрит на него, нагло прищурившись)*. Эх, деньги — волшебная сила! Пастор, неужели даже вы решились быть со мной обходительнее, с тех пор как я сделался наследником своего отца?

Джудит в негодовании роняет ложку.

Андерсон *(ничуть не задевший, помогает Ричарду стащить с плеч мокрую куртку)*. Я думаю, сэр, поскольку вы не отказываетесь от моего гостеприимства, не может быть, чтобы вы так дурно его истолковали. Садитесь, пожалуйста. *(Держа куртку Ричарда в одной руке, грутою указывает на кресло с резной спинкой.)*

Ричард, оставшись в одной рубашке, с минуту глядит так, как будто собирается ответить дерзостью, но потом, качнув головой, как бы в признание того, что священник одержал верх, послушно усаживается в кресло. Андерсон сбрасывает свой плащ со спинки стула на сиденье и на его место вешает перед огнем куртку Ричарда.

Р и ч а р д. Я пришел по вашему приглашению, сэр. Вы написали, что имеете сообщить мне что-то важное.

Андерсон. Мой долг велит мне предостеречь вас.

Ричард *(быстро вставая)*. Вы собираетесь читать мне проповедь? Простите, но я охотнее прогуляюсь под дождем. *(Делает движение к стулу, на котором висит его куртка.)*

Андерсон *(останавливая его)*. Не пугайтесь, сэр; я не такой уж рьяный проповедник. Можете быть совершенно спокойны.

Ричард невольно улыбается. Его взгляд теряет свою жесткость, он даже делает движение рукой, словно извиняясь.

(Андерсон, видя, что его удалось приручить, заговаривает снова, на этот раз уже серьезным тоном.) Мистер Даджен, вам угрожает опасность.

Ричард. Опасность? Какая?

Андерсон. Вам грозит участь вашего дяди. Виселица майора Суиндона.

Ричард. Это вам она грозит, а не мне. Я ведь предупредил вас, что...

Андерсон *(перебивая его, добродушно, но веско)*. Знаю, знаю, мистер Даджен, но в городе все другого мнения. Наконец, даже если б мне угрожала опасность, меня здесь удерживает долг, которым я не могу пренебречь. Но вы человек, ничем не связанный. Зачем вам подвергать себя риску?

Ричард. А вы думаете, велика будет потеря, если меня повесят?

Андерсон. Я думаю, что человеческую жизнь всегда стоит спасти, каков бы ни был человек.

Ричард отвечает ему иронический поклон. Андерсон кланяется в ответ так же шутивно.

Прошу к столу. Выпейте чашку чаю, это вас предохранит от простуды.

Ричард. Я замечаю, что миссис Андерсон не так уж настаивает на этом, как вы, пастор.

Джудит *(ее душит негодование, которое муж, по ее мнению, должен был бы разделить, давая резкий отпор Ричарду за каждый его оскорбительный выпад)*. Прошу вас — ради моего мужа. *(Берет чайник со стола и ставит его на огонь.)*

Ричард. Знаю, что не ради меня самого, сударыня. *(Встает.)* Нет, пастор, я, пожалуй, не преломлю хлеба в вашем доме.

Андерсон *(живо)*. Объясните, почему?

Ричард. Потому что в вас есть что-то такое, что мне внушает уважение и заставляет желать, чтоб мы с вами были врагами.

Андерсон. Хорошо сказано, сэр. На таких условиях я согласен быть врагом и вашим и чьим угодно. Джудит, мистер Даджен выпьет чаю с нами. Садитесь, на огне чай быстро настоится.

Ричард смотрит на него слегка растерянно, потом садится и низко наклоняет голову, чтоб не видно было его лица.

Я как раз только что говорил своей жене, мистер Даджен, что дружба...

Джудит хватает его за руку и умоляюще смотрит на него, вложив в движение и во взгляд столько пылкости, что он сразу останавливается.

Ну, ну, ладно! Оказывается, я вам об этом не должен говорить, хоть тут нет ничего такого, что могло бы повредить нашей дру... то есть я хотел сказать — вражде. Джудит вам лютый враг.

Ричард. Если бы все мои враги походили на миссис Андерсон, я был бы самым добрым христианином в Америке.

Андерсон *(говольный, хлопает Джудит по руке)*. Слыхала, Джудит? Мистер Даджен, оказывается, умеет говорить комплименты.

Кто-то приподнимает снаружи дверную щеколду.

Джудит *(вздрогнув)*. Кто там?

Входит Кристи.

Кристи *(останавливается и, вытаращив глаза, глядит на Ричарда)*. Это ты тут?

Ричард. Да, я. Проваливай отсюда, дурень! Миссис Андерсон не собирается угощать чаем все наше семейство сразу.

Кристи *(подходя ближе)*. Мать совсем плоха.

Ричард. Что ж, она тебя послала за мной?

Кристи. Нет.

Ричард. Я так и думал.

Кристи. Она меня послала за священником, чтоб он сейчас же пришел.

Джудит (*Андерсону*). Только хоть чаю раньше выпей.

Андерсон. Я с большим удовольствием выпью его, когда вернусь, дорогая. (*Берется за свой плащ.*)

Кристи. Дождя-то нету.

Андерсон (*бросает плащ и берет с решетки шляпу*). Где сейчас твоя мать, Кристи?

Кристи. У дядюшки Тэйтэса.

Андерсон. За доктором ты ходил?

Кристи. Нет, она не велела.

Андерсон. Сейчас же ступай за ним, я тебя догоню у его дома.

Кристи поворачивается к двери.

Погоди минутку. Твой брат, верно, хочет, чтоб ты ему рассказал поподробнее.

Ричард. Вот еще! Он все равно ничего толком не скажет, да и мне ни к чему. (*Свирепо.*) Ну, марш отсюда, остолоп!

Кристи уходит.

(*Ричард добавляет несколько смущенно.*) Мы и без него скоро все узнаем.

Андерсон. Ну хорошо. Тогда, с вашего разрешения, я сам расскажу вам все, когда вернусь. Джудит, ты напои мистера Даджена чаем и удержи его тут до моего прихода.

Джудит (*побледнев и вся грожа*). Как, мне...

Андерсон (*перебивает, чтобы скрыть ее волнение*). Моя дорогая, я ведь могу на тебя положиться?

Джудит (*делая жалкие усилия казаться достойной его доверия*). Да.

Андерсон (*прижимаясь щекой к ее руке*). Вы уж извините нас, стариков, мистер Даджен. (*Идет к двери.*) Я не прощаюсь — надеюсь, что еще застану вас здесь. (*Выходит.*)

Ричард и Джудит следят за ним в окно, пока он не скрывается из виду; потом долго молча, в замешательстве, смотрят друг на друга. Ричард, заметив, что у Джудит дрожат губы, первым приходит в себя.

Ричард. Миссис Андерсон, мне очень хорошо известно, как вы ко мне относитесь. Я не собираюсь навязывать вам свое общество. Покойной ночи. (*Снова направляется к очагу за своей курткой.*)

Джудит (*становится у него на дороге*). Нет, нет, не уходите! Пожалуйста, не уходите.

Ричард (*грубо*). Почему? Вы ведь сами хотите, чтоб я ушел.

Джудит. Да, но... (*В отчаянии ломает руки.*) О, если я вам скажу правду, вы потом все время будете меня мучить.

Ричард (*возмущенно*). Мучить? Кто дал вам право так говорить? И после этого вы воображаете, что я тут останусь?

Джудит. Я хочу, чтоб вы остались, но только (*с неожиданной злостью, точно рассерженный ребенок*) вовсе не потому, что мне это приятно.

Ричард. Вот как!

Джудит. Да, и уж лучше уходите. Но только я хочу, чтоб вы знали всю правду. Я вас ненавижу и боюсь; и мой муж это знает. Если он вас не застанет здесь, когда вернется, он подумает, что я его не послушалась и прогнала вас.

Ричард (*с иронией*). Тогда как на самом деле вы были так милы и любезны и выказали мне столько радушия, что я захотел уйти просто из упрямства. Так?

Джудит, почувствовав вдруг, что силы у нее иссякли, падает на стул и разражается слезами.

Перестаньте, перестаньте, сейчас же перестаньте. Не надо. (*Прижимает руку к груди, как будто у него там рана.*) Он меня поразил в самое сердце, выказав себя настоящим мужчиной. Теперь вы хотите еще растравить боль, выказав себя настоящей женщиной? Разве он не внушил вам, что вы, как и он сам, выше моих насмешек?

Она перестает плакать и, постепенно успокаиваясь, смотрит на него с боязливым любопытством.

Ну вот, теперь все в порядке. (*Участливо.*) Вам уже лучше, верно? (*Подбодряющим жестом кладет ей руку на плечо.*)

Она тотчас же встает, приняв холодный и надменный вид, и смотрит на него с вызовом.

(*Мгновенно к нему возвращается прежний язвительный тон.*) А-а, ну так-то лучше. Вы опять стали сами собой, и Ричард тоже. Что ж, сядем пить чай, как мирная, добропорядочная парочка, и будем дожидаться возвращения вашего мужа.

Джудит *(ей немного совестно)*. Да, конечно. Я... мне очень жаль, что я так глупо вела себя. *(Наклоняется к очагу за блюдом с гренками.)*

Ричард. А мне очень жаль — из-за вас, — что я таков, как я есть. Позвольте... *(Берет у нее из рук блюдо и несет к столу.)*

Джудит *(идет за ним с чайником)*. Пожалуйста, садитесь.

Он садится за стол со стороны шкафа; там стоит прибор — тарелка и нож. Второй прибор поставлен рядом, но Джудит садится напротив, со стороны очага, и пододвигает к себе поднос.

Вам с сахаром?

Ричард. Нет, но молока побольше. Позвольте положить вам гренки. *(Кладет гренки на тарелку, стоящую перед соседним стулом, и потом передает ей вместе с ножом. Это сразу показывает, как хорошо он понял, что она умышленно села погальше от него, изменив своему обычному месту.)*

Джудит *(смысл его поступка ей ясен)*. Благодарю вас. *(Передает ему чашку чаю.)* И себе тоже, пожалуйста.

Ричард. Благодарю вас. *(Кладет один ломтик на свою тарелку.)*

Джудит *(в это время наливает чай себе; замечая, что он ни к чему не притрагивается)*. Вам не нравится? Почему вы ничего не едите и не пьете?

Ричард. А вы почему?

Джудит *(нервно)*. Я вообще не люблю чай. Вы на меня не обращайте внимания.

Ричард *(задумчиво оглядываясь по сторонам)*. Я все думаю... Чудно как-то. Я чувствую, как хорошо и покойно в этом доме. Я, кажется, никогда в жизни не отдыхал так душой, как сейчас; и все-таки я твердо знаю, что не мог бы здесь жить. Вероятно, домашний уют вообще не по мне. Но это очень хорошо; в этом есть что-то почти святое. *(С минуту сидит в раздумье, потом вдруг тихо смеется.)*

Джудит *(встрепенувшись)*. Чему вы?

Ричард. Мне пришло в голову, что если б сюда заглянул сейчас кто-нибудь чужой, он принял бы нас за мужа и жену.

Джудит *(обиженно)*. Вы намекаете на то, что по возрасту вы мне подходите больше, чем мой муж?

Ричард *(изумленный таким неожиданным истолкованием)*. У меня и в мыслях ничего подобного не было!

(Снова впадая в язвительный тон.) Оказывается, домашние радости имеют свою оборотную сторону.

Джудит *(сердито)*. Во всяком случае лучше иметь мужем человека, которого все уважают, чем... чем...

Ричард. Чем Ученика Дьявола. Вы правы. Но я думаю, что это ваша любовь помогает ему быть хорошим человеком точно так же, как ваша ненависть помогает мне быть плохим.

Джудит. Мой муж так добр к вам. Он простил вам все ваши оскорбления и думает о том, как бы спасти вас. Неужели же вы не можете простить ему, что он гораздо лучше вас? Как вы смеете его унижать, ставя себя на его место?

Ричард. Я?

Джудит. Да, вы. Вы сказали, что если бы кто-нибудь заглянул сюда, нас приняли бы за мужа и... *(Смолкает в испуге.)*

В окно видно, как к дому подходит взвод солдат.

Английские солдаты! Господи, что им...

Ричард *(прислушиваясь)*. Ш-ш-ш!

Голос *(за дверью)*. Стой! Четверым встать здесь. Двое — вперед, за мной!

Джудит привстает, вслушиваясь и расширенными глазами глядя на Ричарда, который берет чашку и самым прозаическим образом принимается пить чай как раз в ту минуту, когда на двери, резко звякнув, взлетает цеколда и в комнату входит английский сержант в сопровождении двух рядовых, которые останавливаются у порога.

Сержант быстрым шагом подходит к столу.

Сержант. Прошу извинить за беспокойство, мэм, — служба! Антони Андерсон, именем короля Георга вы арестованы как мятежник.

Джудит *(делая движение в сторону Ричарда)*. Но это не...

Он вскидывает на нее быстрый взгляд, не меняя выражения лица. Она закрывает рот рукой, которую подняла, чтобы указать на него, и стоит так, в безмолвном ужасе глядя на все, что перед ней происходит.

Сержант. Ну, пастор, надевайте сюртук и пойдем.

Ричард. Да, я иду. *(Встает и делает шаг по направлению к своей куртке, но тут же спохватывается и, стоя спиной к сержанту, не поворачивая головы, медленно обводит глазами комнату, пока не замечает черный*

сюртук Ангерсона, висящий на шкафу. С полным спокойствием подходит к шкафу, снимает сюртук и облачается в него. При мысли о том, что он выступает в роли пастора, ему становится смешно; он смотрит на свою руку в черном рукаве и лукаво улыбается Джудит, но ее побелевшее лицо говорит ему, что она мучительно старается осознать не юмор положения, а весь его ужас. Он поворачивается к сержанту, который в это время подошел к нему, пряча за спиной пару наручников, и говорит почти весело.) Вам когда-нибудь уже приходилось арестовывать человека в таком платье, сержант?

Сержант (с инстинктивным уважением отчасти к черному сюртуку, отчасти к безупречному тону и поведению Ричарда). Да пожалуй, что нет, сэр. Разве только армейского капеллана. (Показывает наручники.) Прошу извинить, сэр, но служба...

Ричард. Все понятно, сержант. Я здесь не вижу ничего зазорного. Благодарю за вашу деликатность. (Протягивает руки.)

Сержант (оставляя его жест без внимания). Джентльмен джентльмена понимает, сэр. Не хотите ли сказать перед уходом словечко вашей хозяйке?

Ричард (улыбаясь). Ну, мы ведь еще увидимся до того, как... э-э... (Он хотел сказать: «До того, как меня повесят».)

Сержант (громко, с преувеличенной веселостью). Конечно, конечно. Леди не к чему беспокоиться. Но все-таки... (Понизив голос так, чтобы слышал только Ричард.) Другого случая не будет, сэр.

С минуту они многозначительно смотрят друг на друга. Потом Ричард шумно переводит дух и поворачивается к Джудит.

Ричард (отчетливо и с ударением). Моя дорогая...

Джудит поднимает к нему жалкое, бледное лицо и хочет ответить, но не может, хочет подойти ближе, но не решается выпустить из рук край стола, за который ухватилась, ища опоры.

Этот бравый джентльмен настолько любезен, что дает нам возможность проститься.

Сержант деликатно отходит к своим людям, охраняющим дверь.

Щадя тебя, он хотел скрыть истину, но лучше тебе знать все. Ты меня слушаешь?

Она утвердительно кивает головой.

Ты понимаешь, что я иду на смерть?

Она кивает головой в знак того, что понимает.

Помни, ты должна обязательно разыскать нашего друга, который только что был здесь. Ты понимаешь?

Она кивает головой.

Ты должна сделать так, чтобы опасность не коснулась его. Ни за что на свете не рассказывай ему о том, что меня ждет; а если он все-таки узнает, скажи, что он не может меня спасти: они повесят его, но не помилуют и меня. И скажи ему, что я верен своей религии, как он верен своей, и что он может положиться на меня до конца. *(Поворачивается и хочет идти, но встречает взгляд сержанта, в котором как будто мелькнуло подозрение. Секунду он соображает, потом поворачивается снова к Джудит, и тень проказливой улыбки появляется на его сосредоточенном, серьезном лице.)* А теперь, моя радость, боюсь, сержант не поверит, что ты в самом деле добрая и любящая жена, если ты не поцелуешь меня на прощанье. *(Подходит ближе к ней и раскрывает объятия. Она отпускает стол и почти валится к Ричарду на грудь.)*

Джудит *(слова душат ее)*. Я должна... это убийство...

Ричард. Нет, только поцелуй. *(Тихо, ей.)* Ради него...

Джудит. Я не могу. Вы...

Ричард *(прижимает ее к себе в порыве жалости к ее мучениям)*. Бедная девочка!

Джудит с внезапной решимостью обхватывает его руками, целует и, выскользнув из его объятий, падает на пол в глубоком обмороке, как будто поцелуй убил ее.

Ричард *(торопливо подходит к сержанту)*. Идем, сержант, скорей, пока она не очнулась. Давайте наручники. *(Протягивает руки.)*

Сержант *(пряча наручники в карман)*. Не нужно, сэр, я вам доверяю. Вы настоящий человек. Вам бы солдатом быть, сэр. В середину, прошу вас.

Солдаты становятся один впереди, другой позади Ричарда. Сержант распахивает дверь.

Ричард (*оглядываясь в последний раз*). Прощай, жена! Прощай, родной дом! Приглушим барабаны и — вперед!

Сержант делает головному знак трогаться. Все четверо гуськом быстро выходят из комнаты.

• • •

Когда Андерсон возвращается от миссис Даджен, он, к удивлению своему, находит комнату как будто пустой и погруженной почти в полную темноту, если не считать отсветов от очага, — одна свеча догорела, а другая вот-вот догорит.

Андерсон. Что же это такое?.. (*Зовет.*) Джудит, Джудит! (*Прислушивается — ответа нет.*) Гм! (*Идет к шкафу, достает из ящика свечу, зажигает ее от едва теплящегося огонька той, что стоит на столе, и при свете ее с удивлением оглядывает нетронутую еду. Потом вставляет свечу в подсвечник, снимает шляпу и озадаченно почесывает затылок. Этот жест заставляет его нагнуть голову, и тут он замечает Джудит — с закрытыми глазами, неподвижно распростертую на полу. Он бросается к ней, становится на колени, приподнимает ей голову.*) Джудит!

Джудит (*просыпаясь; обморок ее перешел в сон, как следствие усталости после перенесенного волнения*). Да? Ты звал? Что случилось?

Андерсон. Я только что вошел и вижу, ты лежишь на полу, свечи догорели, чай в чашках совсем холодный... Что здесь произошло?

Джудит (*мысли ее еще блуждают*). Не знаю. Я спала. Вероятно... (*Растерянно умолкает.*)

Андерсон (*со стоном*). Да простит мне Бог, что я оставил тебя одну с этим негодяем.

Джудит сразу все вспоминает. С жалобным криком она хватается за мужа и вместе с ним встает на ноги.

(*Он ласково обнимает ее.*) Бедная моя голубка!

Джудит (*в исступлении прижимаясь к нему*). Что мне делать! О Боже мой, что мне делать!

Андерсон. Ничего, успокойся, моя дорогая, моя любимая. Это я виноват. Успокойся, теперь тебе нечего бояться... и ты ведь невредима, правда? (*Отпускает ее,*

чтобы посмотреть, в силах ли она стоять без поддержки.) Ну вот, ну вот, все хорошо. Только бы ты была невредима, остальное все не важно.

Джудит. Да, да, да! Я невредима.

Андерсон. Хвала Господу! Ну, а теперь успокойся. *(Подводит ее к креслу с резной спинкой, усаживает и сам садится рядом.)* Сядь, отдохни, ты мне все завтра расскажешь *(видя ее ужас и неправильно истолковывая его)* или не расскажешь совсем, если это тебе тяжело. Ну, ну! *(Весело.)* Я вот тебе свежего чая заварю, это тебя сразу подкрепит. *(Идет к столу и выливает чай из чайника в полоскательницу.)*

Джудит *(напряженным, неестественным голосом)*. Тони!

Андерсон. Что, дорогая?

Джудит. Ты не думаешь, что это все нам только снится?

Андерсон *(оглядывается на нее с тревогой, но продолжает весело и сосредоточенно хлопотать над чайником)*. Может быть, голубка, может быть. Но пусть уж тогда тебе заодно приснится чашка чаю.

Джудит. Перестань, перестань шутить! Ты не знаешь... *(Закрывает лицо судорожно сцепленными руками.)*

Андерсон *(выдержка изменяет ему, он оставляет чайник и подходит к ней)*. Дорогая моя, что случилось? Я не могу больше, ты должна мне сказать. Это все моя вина; безумие было довериться ему.

Джудит. Нет, не говори так. Ты не должен так говорить. Он... нет, нет! Не могу! Тони, не говори со мной. Возьми мою руку, обе возьми.

Он берет ее руки, недоумевая.

Заставь меня думать о тебе, а не о нем. Опасность грозит, страшная опасность. Она грозит тебе, а я не могу заставить себя думать об этом, не могу, не могу! У меня все время он на уме. Его надо спасти... Нет, это тебя надо спасти... Тебя, тебя, тебя. *(Вскакивает, как будто намереваясь что-то делать, куда-то идти.)* О Господи, помоги мне!

Андерсон *(не поднимаясь с места, мягко, но решительно удерживает ее руки в своих)*. Спокойней, спокойней, голубка... Ты точно не в себе.

Джудит. Может быть... Что мне делать! Что мне делать! *(Вырывает у него руки.)* Я должна спасти его. *(Она бросается к двери.)*

Андерсон, увидев это, поспешно встает. Но дверь в эту минуту стремительно распахивается, и в комнату, задыхаясь, вбегает Эсси. Это неожиданное появление настолько неприятно Джудит, что сразу приводит ее в себя.

(Резко и неприветливо она спрашивает.) Что тебе нужно?

Эсси. Мне сказали, чтоб я шла к вам.

Андерсон. Кто сказал?

Эсси *(вытаращив на него глаза, как будто его присутствие кажется ей удивительным)*. Вы тут?

Джудит. Разумеется. Что еще за глупости!

Андерсон. Не надо так сурово, дорогая моя. Ты ее испугаешь. *(Становясь между ними.)* Поди сюда, Эсси.

Эсси подходит к нему.

Кто тебя прислал?

Эсси. Дик. Он мне это передал через солдата. Чтоб я сейчас же шла сюда и делала то, что велит миссис Андерсон.

Андерсон *(осененный догадкой)*. Солдат? О, теперь я все понял. Они арестовали Ричарда.

Джудит заламывает руки в отчаянии.

Эсси. Нет. Я спрашивала солдата. Никто Дика не трогал. Но солдат сказал, что взяли вас.

Андерсон. Меня?! *(Озадаченный, поворачивается к Джудит, ища у нее объяснения.)*

Джудит *(вкрадчиво)*. Да, да, милый, я все понимаю. *(Эсси.)* Спасибо тебе, Эсси, что пришла, но ты мне пока не нужна. Можешь идти домой.

Эсси *(подозрительно)*. А вы верно знаете, что с Диком ничего не случилось? Может, он нарочно велел сказать, что это священника взяли? *(С тревогой.)* Миссис Андерсон, как вы думаете, может это быть?

Андерсон. Если это так, Джудит, скажи ей правду. Все равно она узнает от первого встречного на улице.

Джудит отворачивается и закрывает рукой глаза.

Эсси *(жалобно)*. Ой, что же ему теперь будет? Что ему теперь будет? Они его повесят?

Джудит конвульсивно вздрагивает и бросается на стул — тот, на котором сидел у стола Ричард.

Андерсон (*треплет Эсси по плечу, стараясь ее утешить*). Не думаю. Не думаю. Может быть, если ты наберешься мужества и терпения, мы как-нибудь найдем способ помочь ему.

Эсси. Да, да, помочь ему... Да, да, да... Я буду умницей.

Андерсон. Джудит, я сейчас же иду к нему.

Джудит (*вскакивая*). Нет, нет! Ты должен уехать... уехать куда-нибудь далеко, где тебе не грозит опасность.

Андерсон. Ха!

Джудит (*страстно*). Ты хочешь убить меня? Ты думаешь, я могу так жить — день за днем цепенеть от страха при каждом стуке в дверь, при каждом шорохе шагов, ночь за ночью проводить без сна, прислушиваясь в смертельном ужасе — вот они идут за тобой?!

Андерсон. А ты думаешь, легче будет сознавать, что я бросил свой пост и убежал при первом признаке опасности?

Джудит (*в отчаянии*). Ты не уедешь. Я знаю. Ты останешься здесь... а я сойду с ума.

Андерсон. Дорогая моя, твой долг...

Джудит (*исступленно*). А, что мне долг!

Андерсон (*потрясенный*). Джудит!

Джудит. Я исполню свой долг. Я верна своему долгу. Долг велит мне сделать так, чтобы ты уехал, спасти тебя, предоставить его собственной судьбе.

У Эсси вырывается крик отчаяния; она бессильно валится на стул у очага и тихо плачет.

Чувство подсказывает мне то же, что вот ей, — спасти его во что бы то ни стало, хоть для него самого гораздо лучше было бы умереть! Гораздо возвышеннее! Но я знаю: ты поступишь по-своему, как и он. Я бессильна. (*Тяжело опускается в кресло с резной спинкой.*) Я ведь только женщина. Я могу лишь одно — сидеть тут и мучиться. Но ты скажи ему, что я пыталась тебя спасти, что я все делала для того, чтобы тебя спасти.

Андерсон. Дорогая моя, боюсь, что он гораздо больше беспокоится о собственном спасении, нежели о моем.

Джудит. Замолчи! Или я возненавижу тебя.

Андерсон. Ну, ну, ну! Мне надо уходить, а как я тебя оставляю в таком состоянии? Ты ведь не помнишь, что говоришь. (*Поворачивается к Эсси.*) Эсси!

Эсси (*поспешно встает и вытирает глаза*). Да?

Андерсон. Будь умницей, ступай на улицу и подожди меня там; миссис Андерсон не вполне здорова.

Эсси смотрит на него недоверчиво.

Не бойся, я сейчас выйду; и я пойду к Дику.

Эсси. А вы верно к нему пойдете? (Шепотом.) Вы ее не слушаете?

Андерсон (*с улыбкой*). Нет, нет, все будет в порядке. В полном порядке.

Эсси идет к двери.

Ну вот, умница. (*Закрывает за ней дверь и возвращается к Джудит.*)

Джудит (*она сидит, прямая и неподвижная*). Ты идешь на смерть.

Андерсон (*шутливо*). Тогда, пожалуй, нужно надеть парадный сюртук. (*Поворачивается к шкафу, принимаясь стягивать один рукав.*) А где же... (*Секунду смотрит в недоумении на пустой гвоздь, потом быстро оглядывается на очаг, идет к нему торопливым шагом и берет со стула куртку Ричарда.*) Что это, голубка? Он ушел в моем парадном сюртуке?

Джудит (*по-прежнему не шевелясь*). Да.

Андерсон. Верно, солдаты ошиблись?

Джудит. Да, они ошиблись.

Андерсон. Так ведь он мог сказать им. Должно быть, очень растерялся, бедняга?

Джудит. Да, он мог сказать им. И я тоже могла.

Андерсон. Странно, странно это вышло... даже, можно сказать, забавно. Удивительно, как такие вот пустяки действуют на нас даже в самых... (*Обрывает фразу и принимается натягивать куртку Ричарда.*) Надо, пожалуй, отнести ему его куртку. Знаю, что он скажет! (*Перегрязнивая язвительный тон Ричарда.*) «Что, пастор, забеспокоились о моей душе, а заодно и о своем сюртуке?»

Джудит. Да, именно так он и скажет. (*Рассеянно.*) Неважно. Больше я никогда не увижу ни тебя, ни его.

Андерсон (*погдразнивая ее*). Та-та-та! (*Садится с ней рядом.*) Это ты так держишь обещание, что мне не придется краснеть за свою храбрую жену?

Джудит. Нет, это я так его нарушаю. Я не в силах сдержать обещание, данное ему; почему же мне держать обещание, данное тебе?

Андерсон. Оставь эти туманные фразы, моя дорогая. Они производят впечатление неискренних.

Она глядит на него с невыразимым укором.

Да, да, дорогая, вздор всегда неискренен; а моя милая девочка сейчас говорит вздор. Именно вздор.

Ее лицо темнеет; с безмолвным упорством она смотрит прямо перед собой и больше уже не поворачивается к нему, поглощенная мыслями о судьбе Ричарда.

(Он наблюдает за ней, видит, что его шуточный тон не оказал на нее никакого действия, и оставляет его, больше не пытаясь скрыть свою тревогу.) Я все-таки хотел бы знать, что так напугало тебя. Была борьба? Он сопротивлялся?

Джудит. Нет. Он улыбался.

Андерсон. Как тебе кажется, он понимал, что его ждет?

Джудит. Он понимал, что ждет тебя.

Андерсон. Меня?

Джудит *(без всякого выражения)*. Он сказал: «Нужно сделать так, чтобы опасность не коснулась его». Я обещала... и не могу сдержать свое обещание. Он сказал: «Ни за что на свете не рассказывайте ему о том, что меня ждет». А я рассказала. Он сказал, что если ты узнаешь, тебе все равно не удастся его спасти — они повесят его, но не пощадят и тебя.

Андерсон *(вставая, в порыве великодушного негодования)*. И ты думаешь, я допущу, чтобы человек с такой душой умер как пес, когда достаточно нескольких слов, чтобы он умер как христианин? Мне стыдно за тебя, Джудит!

Джудит. Он останется верен своей религии, как ты верен своей, и ты можешь положиться на него до конца. Так он сказал.

Андерсон. Да простит ему Господь! Что он еще сказал?

Джудит. Он сказал: «Прощайте».

Андерсон *(в волнении шагает из угла в угол)*. Ах, бедняга, бедняга! Джудит, ты по крайней мере была с ним ласкова и сердечна на прощанье?

Джудит. Я поцеловала его.

Андерсон. Что? Джудит!

Джудит. Ты недоволен?

Андерсон. Нет, нет. Ты поступила правильно... ты поступила правильно. Бедняга, бедняга. *(С глубокой печалью.)* Погибнуть на виселице — в его годы! Ну, и потом что же, его увели?

Джудит *(устало)*. Потом ты оказался здесь; а до того я больше ничего не помню. Кажется, я лишилась чувств. Давай простимся, Тони. Я могу опять лишиться чувств. Как бы я хотела умереть.

Андерсон. Полно, полно, моя дорогая. Ты должна взять себя в руки и быть рассудительной. Мне не грозит никакая опасность, ни малейшая.

Джудит *(с силой)*. Ты идешь на смерть, Тони, на верную смерть, — если только Господь допустит, чтобы казнили невинных. Ты его не увидишь; тебя арестуют, как только ты назовешь свое имя. Солдаты приходили за тобой.

Андерсон *(как громом пораженный)*. За мной?!! *(Его кулаки сжимаются, на шее вздуваются жилы, лицо багровеет, мешки под глазами набухают горячею кровью; тихий, мирный человек исчезает, превратясь в грозного и неукротимого воина.)*

Но Джудит, по-прежнему поглощенная своим, не смотрит на него; ее глаза устремлены вперед с твердостью, которая — словно ответ твердости Ричарда.

Джудит. Он назвался твоим именем, он пошел на смерть, чтобы спасти тебя. Вот почему он ушел в твою смертку. Вот почему я поцеловала его.

Андерсон *(раздражаясь)*. Тысяча проклятий! *(Голос его звучит властно и сурово, движения полны грубой силы.)* Эй! Эсси! Эсси!

Эсси *(вбегая)*. Я здесь.

Андерсон *(стремительно)*. Беги в харчевню, живо, со всех ног! Скажи, пусть седлают самую сильную и быструю лошадь, какая только есть.

Джудит поднимается и смотрит на него, задыхаясь, не веря своим ушам.

Гнедую кобылу, если она в стойле. Только сейчас же, сию минуту. Сама ступай на конюшню и скажи там негру, что он получит серебряный доллар, если лошадь будет готова к моему приходу, и что я иду следом за тобой. Ну, беги.

Эсси, повинувшись напору его энергии, стремглав вылетает из дома. Он хватает свои сапоги, бросается на стул перед очагом и торопливо принимается надевать их.

Джудит (*у нее не укладывается в голове, что он способен на подобное*). Ты не идешь к нему?

Андерсон. К нему? А что пользы в этом? (*Бормоча себе под нос, с трудом натягивает, наконец, один сапог.*) К ним, вот куда мне надо. (*Джудит, повелительно.*) Достань пистолеты, я их возьму с собой. И деньги, деньги; мне нужны деньги — все, что есть в доме. (*Наклоняется над вторым сапогом, ворча.*) Велика прибыль для него, если я ему составлю компанию на виселице. (*Надевает сапог.*)

Джудит. Значит, ты его покидаешь?

Андерсон. Придержи язык, женщина, и достань мне пистолеты.

Джудит подходит к шкафу и достает кожаный пояс, к которому прикреплены пара пистолетов, пороховница и патронташ. Она бросает все это на стол, потом отпирает один из ящиков и вынимает кошелек.

(*Андерсон хватается за пояс и, надевая его, продолжает.*) Если он в моем платье сошел за меня, почему бы мне в его платье не сойти за него? (*Застегивает пряжку и оправляет пояс.*) Похож я на него?

Джудит (*повернувшись к нему с кошельком в руке*). Совсем не похож.

Андерсон (*вырывает у нее кошелек и высыпает его содержимое на стол*). Гм! Увидим!

Джудит (*беспомощно опускается в кресло*). Может быть, помолиться? Как ты думаешь, Тони?

Андерсон (*пересчитывая деньги*). Молиться! Как будто молитвой можно отвести петлю от шеи Ричарда!

Джудит. Бог может смягчить сердце майора Суиндона.

Андерсон (*пряча в карман деньги, презрительно*). Что ж, пусть попробует. Я не Бог, и я должен действовать иначе.

У Джудит дух захватывает от такого кощунства.

(*Он бросает кошелек на стол.*) На, убери. Я взял двадцать пять долларов.

Джудит. Неужели ты совсем позабыл о том, что ты священник?

Андерсон. А, ко всем... Тыфу! Шляпа, где моя шляпа? (*Хватает шляпу, плащ, в лихорадочной спешке надевает то и другое.*) Вот что, слушай. Если тебе удастся

проникнуть к нему под видом жены, скажи, пусть придержит язык до утра; этого времени мне хватит.

Джудит (*мрачно*). Ты можешь положиться на него до конца.

Андерсон. Ты глупа, Джудит, просто глупа. (*На мгновение обуздав свою бурную стремительность, говорит почти прежним тоном спокойной и внушительной уверенности.*) Ты не знаешь человека, с которым живешь.

Возвращается Эсси.

(*Он сразу набрасывается на нее.*) Ну что, готова лошадь?

Эсси (*задыхаясь*). Будет готова, как придете.

Андерсон. Отлично. (*Направляется к двери.*)

Джудит (*встает и невольным движением протягивает руки ему вслед*). Ты даже не хочешь проститься со мной!

Андерсон. И потерять еще полминуты? Вздор! (*Со стремительностью горной лавины исчезает.*)

Эсси (*погбегает к Джудит*). Он пошел спасать Ричарда, да?

Джудит. Спасать Ричарда! Нет, это Ричард его спас. Он пошел спасать себя. Ричард умрет.

Эсси с криком отчаяния падает на колени, закрыв руками лицо. Джудит не замечает ее; она неподвижно смотрит прямо перед собой — туда, где ей чудится Ричард, идущий на смерть.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

На следующее утро, едва рассвело, сержант отпирает дверь маленькой пустой приемной в городской ратуше, где разместился штаб английских войск, и приглашает Джудит войти. Она провела мучительную ночь, вероятно полную лихорадочных видений, потому что даже сейчас, в реальной обстановке серенького, пасмурного утра, как только внимание ее перестают привлекать посторонние вещи, у нее вновь появляется тот же неподвижный, устремленный в пространство взгляд.

По мнению сержанта, ее чувства заслуживают уважения, и он относится к ней с добродушной участливостью солдата. Ладно скроенный мужчина, гордый своим чином и своим мундиром, он чувствует в себе все данные для того, чтобы, оставаясь в рамках почтительности, утешить и подбодрить ее.

Сержант. Вот, мэ, здесь вы можете поговорить с ним спокойно и без помех.

Джудит. Мне долго придется ждать?

Сержант. Нет, мэ, минутку, не больше. Ночь он у нас пробыл в тюрьме, а сейчас его привели сюда, на суд. Вы не беспокойтесь, мэ: спал он, как дитя малое, а утром позавтракал на славу.

Джудит (*недоверчиво*). Он в хорошем настроении?

Сержант. В самом что ни на есть лучшем, мэ. Вчера вечером наш капеллан заходил к нему, и он у него выиграл семнадцать шиллингов в «три листика». И все поделил между нами, как настоящий джентльмен. Служба службой, мэ, это, конечно; но вы тут среди друзей.

Слышен приближающийся солдатский шаг.

Ну, вот и он.

Входит Ричард, непринужденно, без тени тревоги или подавленности. Сержант кивает сопровождающим его конвойным и показывает на ключ от комнаты, который он держит в руке. Конвойные уходят.

Хозяйка ваша, сэ.

Ричард (*направляясь к ней*). Как! Моя жена! Моя милая женушка! (*Берет ее руку и целует с развязной, преувеличенной галантностью.*) Сколько же времени вы дадите безутешному супругу на последнее прощанье, сержант?

Сержант. Сколько можно будет, сэ. Мы вас не станем тревожить, покуда не соберется суд.

Ричард. Но ведь уже время.

Сержант. Время-то время, сэ, но вышла задержка. Только что прибыл генерал Бэргойн — Джонни-джентльмен, как он у нас прозывается, сэ, — а ему не меньше получаса понадобится, чтобы во всем найти непорядки. Уж я его знаю, сэ; я с ним в Португалии служил. Двадцать минут верных у вас есть, сэ, и, с вашего разрешения, я больше ни одной из них не отниму. (*Выходит и запирает дверь.*)

Ричард тотчас же оставляет свой развязный тон и обращается к Джудит с сердечной искренностью.

Ричард. Миссис Андерсон, вы очень добры, что пришли. Как вы себя чувствуете после вчерашнего? Мне пришлось уйти, когда вы еще лежали без памяти, но я

дал знать Эсси, чтобы она пошла помочь вам. Поняла она, что от нее требовалось?

Джудит (*задыхаясь и торопясь*). О, забудьте про меня; я не для того пришла сюда, чтобы говорить о себе. Скажите мне, они в самом деле вас... (*Она не договаривает: «повесят».*)

Ричард (*с усмешкой*). Ровно в полдень. По крайней мере именно в этот час они разделались с дядюшкой Питером.

Джудит содрогается.

Что, ваш муж вне опасности? Где он?

Джудит. Он больше не муж мне.

Ричард (*широко раскрывает глаза*). Что?

Джудит. Я послушалась вас. Я рассказала ему все. Я думала, он придет сюда и спасет вас. А он бежал.

Ричард. Но ведь именно на это я и рассчитывал. Что толку, если бы он остался? Они повесили бы нас обоих, и только.

Джудит (*серьезно и укоризненно*). Ричард Даджен, скажите мне по всей совести, что сделали бы вы на его месте?

Ричард. То же самое, конечно.

Джудит. Ах, почему вы не хотите говорить со мной попросту — честно и откровенно! Если вы так своекорыстны, зачем же вы допустили, чтоб вас арестовали вчера?

Ричард (*весело*). Честное слово, миссис Андерсон, я и сам не знаю. Со вчерашнего вечера задаю себе этот самый вопрос и не могу никак найти причину — зачем я это сделал.

Джудит. Нет, вы знаете — вы сделали это ради его спасения, потому что считали, что он достойнее вас.

Ричард (*смеясь*). Ого! Ну нет! Это было бы очень возвышенно, слов нет, но я не настолько скромнен. Нет, я сделал это не ради него.

Джудит (*после паузы, во время которой она смотрит на него со смущением во взгляде и медленно, мучительно краснеет*). Тогда — ради меня?

Ричард (*рыцарски*). Да, пожалуй, что и вы тут не совсем сторона. Отчасти это было ради вас. Кстати сказать, вы дали им арестовать меня.

Джудит. О, вы думаете, я не твердила себе это целую ночь? Ваша смерть будет у меня на совести. (*Вневольном порыве протягивает ему руку и говорит с глубо-*

ким чувством.) Если бы я могла спасти вас, как вы спасли его, самая жестокая казнь меня не испугала бы.

Ричард (*улыбаясь, берет Джудит за руку, но удерживает ее на расстоянии вытянутой руки*). Я бы вам никогда этого не позволил.

Джудит. Но ведь я могу спасти вас.

Ричард. Как? Обменяться со мной платьем?

Джудит (*высвобождает руку и прикладывает палец к его губам*). Не надо... (*Она хочет сказать: «Не надо шутить».*) Нет — открыть суду, кто вы такой на самом деле.

Ричард (*нахмурившись*). Бесполезно: меня все равно не помилуют, а ему это может помешать уйти. Они твердо решили вздернуть тут сегодня кого-нибудь на страх всем нам. А мы вот, на страх им, покажем, что умеем стоять друг за друга до самого конца. Это единственная сила, которая может прогнать Бэргойна обратно за океан и сделать Америку свободной страной.

Джудит (*нетерпеливо*). Какое все это имеет значение?

Ричард (*смеясь*). В самом деле, какое это имеет значение? И что вообще имеет значение? Видите ли, миссис Андерсон, у мужчин иногда бывают чудные идеи, но женщины сразу видят их нелепость.

Джудит. Женщины из-за них теряют тех, кого любят.

Ричард. Ну, всегда можно полюбить кого-нибудь другого.

Джудит (*возмущенная*). О! (*С силой.*) Вы понимаете, что идете на самоубийство?

Ричард. Это единственный вид убийства, на который я имею право, миссис Андерсон. Не огорчайтесь: с моей смертью ни одна женщина не потеряет любимого человека. (*Улыбаясь.*) Обо мне, слава Богу, некому пожалеть. Вы слышали, что моя мать умерла?

Джудит. Умерла!

Ричард. Сегодня в ночь, от болезни сердца. Ее последним словом, обращенным ко мне, было проклятие. Что ж, вряд ли я предпочел бы ее благословение. Другие родичи не слишком станут сокрушаться по поводу моей смерти. Эсси поплачет день или два, но я позаботился о ней — я вчера тоже составил завещание.

Джудит (*после паузы, глухо*). А я?

Ричард (*изумленный*). Вы?

Джудит. Да, я. По-вашему, мне все равно?

Ричард (*весело и грубовато*). Ну разумеется! Вы вчера довольно откровенно говорили о своих чувствах ко мне. То, что произошло потом, быть может несколько смягчило их, но поверьте мне, миссис Андерсон, ни капли моей крови, ни волоска на моей голове вам не будет по-настоящему жаль. Вы еще порадуетесь, что избавились от меня, — вчера ли, сегодня ли, разница невелика.

Джудит (*голос у нее дрожит*). Что мне сделать, чтоб вы поняли, как вы ошибаетесь?

Ричард. Не беспокойтесь. Я готов вам поверить, что теперь вы ко мне относитесь чуть получше, чем прежде. Я только хочу сказать, сердце ваше не разобьется оттого, что я умру.

Джудит (*почти шепотом*). Вы думаете? (*Кладет руки ему на плечи и пристально смотрит на него.*)

Ричард (*пораженный — он угадал истину*). Миссис Андерсон!

На городских часах бьет четверть.

(*Он овладевает собой, снимает ее руки со своих плеч и говорит почти холодно.*) Простите, сейчас за мной придут. Слишком поздно.

Джудит. Нет, не поздно. Вызовите меня как свидетельницу. Они не посмеют убить вас, когда узнают, как геройски вы поступили.

Ричард (*почти с насмешкой*). В самом деле! Но если я не доведу дело до конца, где же тут героизм? Они увидят, что я просто-напросто провел их, и повесят меня за это как собаку. И поделом мне будет!

Джудит (*вне себя*). Нет, вы просто хотите умереть!

Ричард (*упрямо*). Совсем не хочу.

Джудит. Так почему же не попытаться найти путь к спасению? Я умоляю вас! Послушайте! Вы только что сказали, что спасли его ради меня, — да, да (*хватает его за руку, уловив его отрицательное движение*), отчасти ради меня. Так спасите же теперь самого себя ради меня. И я пойду за вами на край света.

Ричард (*взяв ее за обе руки и слегка отстранив от себя, смотрит ей прямо в лицо*). Джудит!

Джудит (*едва дыша, радостно вздрогнув при звуке своего имени*). Да?

Ричард. Если я сказал, желая доставить вам удовольствие, что то, что я сделал, я сделал хотя бы отчасти ради вас, — я солгал, как все мужчины лгут женщинам.

Вы знаете, я много жил среди недостойных мужчин, да и среди недостойных женщин тоже. И вот я видел, что каждый из них становится порой и лучше и добрее именно тогда, когда он влюблен. *(Он произносит это слово с чисто пуританским презрением.)* Это научило меня не слишком ценить людей за то добро, которое делается только сгоряча. То, что я сделал вчера, я сделал с холодной головой, и сделал не столько для вашего мужа или *(с беспощадной прямоотой)* для вас, сколько для самого себя.

Она поникает, сраженная.

Никаких особых причин у меня не было. Могу сказать только одно: когда дело обернулось так, что надо было снять петлю со своей шеи и надеть ее на чужую, я попросту не смог. Не знаю почему, — я сам себе кажусь дураком после этого, — но я не мог; и теперь не могу. Я с детства привык повиноваться закону собственной природы, и я не могу пойти против него, хотя бы мне угрожали десять виселиц, а не одна.

Она медленно подняла голову и теперь смотрит ему прямо в лицо.

То же самое я сделал бы для кого угодно и для чьей угодно жены. *(Отпускает ее руки.)* Теперь вам ясно?

Джудит. Да. Вы хотите сказать, что не любите меня.

Ричард *(он возмущен; с бесконечным презрением)*. И это все, что вы поняли из моих слов?

Джудит. Что же еще я могла понять... и что может быть хуже для меня?

Сержант стучит в дверь. Этот стук отдается у нее в сердце.

О, еще одну минуту! *(Бросается на колени.)* Умоляю вас...

Ричард. Тс-с! *(Кричит.)* Войдите!

Сержант поворачивает ключ в замке и открывает дверь.
Конвойные стоят у порога.

Сержант *(входя)*. Пора, сэр...

Ричард. Я готов, сержант. Ну, моя дорогая. *(Хочет поднять ее.)*

Джудит *(цепляясь за него)*. Еще только одно — люблю вас, заклинаю вас! Позвольте мне присутствовать на суде. Я была у майора Суиндона; он сказал, что меня

пустят, если вы попросите. Вы сделаете это. Это моя последняя просьба. Я никогда больше ни о чем не попрошу вас. *(Обнимает его колени.)* Вы должны, вы не можете мне отказать!

Р и ч а р д. А если я сделаю это, вы будете молчать?

Д ж у д и т. Буду.

Р и ч а р д. Обещаете?

Д ж у д и т. Обещаю... *(Рыдания оголевают, ее.)*

Р и ч а р д *(наклоняется и берет ее под руку)*. Сержант, прошу вас, помогите мне.

Выходят все трое: Джудит посредине, судорожно всхлипывая, мужчины ее поддерживают с обеих сторон.

• • •

Между тем в зале совета все уже приготовлено для военного суда. Это большая комната с высокими стенами; посреди, на почетном месте, стоит кресло под балдахинем красновато-коричневого цвета, на котором вытканы золотом корона и королевский вензель G. R.¹ Перед креслом стол, накрытый сукном того же красновато-коричневого цвета; на нем колокольчик, массивная чернильница и письменные принадлежности. Вокруг стола несколько стульев. Дверь находится по правую руку от сидящего в почетном кресле — когда кто-нибудь в нем сидит; сейчас оно пусто. Майор С у и н д о н, бесцветный блондин лет сорока пяти, по виду судья — добросовестный, исполнительный служака, сидит у стола сбоку, спиной к двери, и пишет. Некоторое время он один в комнате; затем сержант докладывает о прибытии генерала, и по его приниженному тону можно догадаться, что Джонни-джентльмен успел сделать свое пребывание здесь довольно ощутимым.

С е р ж а н т. Генерал, сэръ.

Суиндон поспешно встает. Г е н е р а л входит, сержант выходит. Генералу Бэргойну пятьдесят пять лет, он очень хорошо сохранился. Это светский человек, обладающий врожденной галантностью, что в свое время привело его к романтической женитьбе с увозом невесты, незаурядным остроумием, что позволяет ему писать комедии, которые имеют успех, и аристократическими связями, что помогло ему сделать блистательную карьеру. В его лице особенно примечательны глаза — большие, блестящие, умные и пронизательные; без них, пожалуй, тонкий нос и маленький рот навели бы на мысль о несколько большей разборчивости и меньшей твердости, чем требуется для первоклассного генерала. В данный момент глаза смотрят гневно и мрачно, губы сжаты, ноздри раздуваются.

Б э р г о й н. Майор Суиндон, я полагаю?

¹ Georgius Rex — король Георг *(лат.)*.

Суиндон. Так точно. Генерал Бэргойн, если я не ошибаюсь?

Церемонно раскланиваются.

Очень рад именно сегодня получить поддержку в вашем лице. Не очень веселое занятие — вешать этого злосчастного священника.

Бэргойн (*с размаху усаживается в кресло Суиндона*). Да, сэр, совсем не веселое. Публичная казнь — слишком большая честь для него; даже будь он служителем англиканской церкви, вы не могли бы придумать ничего более лестного. Мученичество, сэр, как раз по вкусу таким людям, — это единственный способ прославиться, не обладая никакими талантами. Но, так или иначе, вы нас вынуждаете повесить его; и чем скорее он будет повешен, тем лучше.

Суиндон. Казнь назначена на двенадцать часов дня. Все уже готово, остается только судить его.

Бэргойн (*глядя на него с плохо сдерживаемым гневом*). Да, только это — и еще, пожалуй, спасти собственную шкуру. Как вам нравятся спрингтаунские новости?

Суиндон. Ничего заслуживающего внимания. Последние донесения были удовлетворительны.

Бэргойн (*встает в изумлении*). Удовлетворительны, сэр! Удовлетворительны!! (*Секунду смотрит на него в упор, затем добавляет, зловеще подчеркивая свои слова.*) Очень рад, что вы так расцениваете положение вещей.

Суиндон (*озадаченный*). Должен ли я понимать, что ваше мнение...

Бэргойн. Я не высказывал своего мнения. Не в моих правилах употреблять те крепкие выражения, пристрастие к которым, увы, столь присуще людям нашей профессии. Если б не это, я, может быть, сумел бы высказать вам свое мнение о спрингтаунских новостях — новостях, о которых вы (*строго*), по-видимому, еще не слышали. Сколько времени вам требуется, чтобы узнать новости от ваших подчиненных? Вероятно, не меньше месяца?

Суиндон (*обиженно*). Должно быть, сэр, донесение было доставлено вам вместо меня. Что-нибудь серьезное?

Бэргойн (*достает из кармана донесение и показывает ему*). Спрингтаун в руках мятежников. (*Бросает донесение на стол.*)

Суиндон (*потрясенный*). Со вчерашнего дня!

Бэргойн. С двух часов ночи. Очень может быть, что сегодня к двум часам ночи в их руках окажемся и мы. Об этом вы не подумали?

Суиндон (*твердо*). Если б это случилось, генерал, британский солдат сумеет постоять за себя.

Бэргойн (*желчно*). А потому, вероятно, британскому офицеру незачем знать свое дело: британский солдат исправит все его промахи своим штыком. На будущее, сэр, я просил бы вас несколько больше щадить жизнь ваших людей и несколько меньше щадить собственные умственные способности.

Суиндон. Прошу простить меня, сэр. Конечно, я не могу равняться с вами по уму и развитию. Я могу лишь делать все, что в моих силах, в остальном положившись на верность моих соотечественников.

Бэргойн (*с неожиданным сарказмом*). Позвольте спросить вас, майор Суиндон, вы не пишете мелодрам?

Суиндон (*вспыхнув*). Нет, сэр.

Бэргойн. Какая жалость! Какая жалость! (*Оставив саркастический тон и глядя ему прямо в глаза, веско и внушительно.*) Сэр, отдаете ли вы себе отчет в том, что только два обстоятельства служат нам пока защитой от катастрофы — наша собственная бравада и неорганизованность колонистов? Но ведь они такие же англичане, как и мы с вами; и, кроме того, их шестеро на каждого из нас (*с ударением*), — шестеро против одного, сэр. А наши войска наполовину состоят из гессенцев, брауншвейгцев, прусских драгун и индейцев с томагавками. Вот те соотечественники, на верность которых вы собираетесь положиться! Теперь представьте себе: вдруг у мятежников найдется вождь? Вдруг спрингтаунские вести означают, что такой вождь уже нашелся? Что мы тогда будем делать? А?

Суиндон (*мрачно*). Я полагаю, сэр, — исполнять свой долг.

Бэргойн (*с прежним сарказмом, махнув на него рукой, как на безнадежного гурака*). Да, да, разумеется. Благодарю вас, майор Суиндон, благодарю вас. Вы вполне разрешили вопрос, сэр; пролили яркий свет на создавшееся положение. Как отрадно сознавать, что рядом со мною находится верный и опытный офицер, на которого я вполне могу опереться в столь серьезный момент. Я думаю, сэр, для нас обоих полезно будет, если мы без отлагательства приступим к казни вашего диссидента (*звонит в колокольчик*), — это даст выход нашим чувст-

вам, тем более что мои правила лишают меня возможности отвести душу привычным для военного способом.

Сержант появляется на пороге.

Введите арестованного.

Сержант. Слушаю, сэр.

Бэргойн. И скажите всем офицерам, которые вам попадутся по дороге, что суд больше не может их ждать.

Суиндон (*сдерживаясь с большим трудом*). Все члены суда давно готовы, сэр. Они уже больше получаса дожидаются, когда вам будет угодно открыть заседание. Все давно готовы, сэр.

Бэргойн (*кратко*). И я тоже.

Входят несколько офицеров и занимают места за столом. Один садится сбоку, напротив двери, и готовится вести протокол судебного заседания. Судя по мундирам, здесь представлены 9-й, 20-й, 21-й, 24-й, 47-й, 53-й и 62-й британские пехотные полки. Один из офицеров в чине генерал-майора королевской артиллерии. Среди прочих есть и немецкие офицеры — из полков Брауншвейгского, Прусского драгунского и Гессенских стрелков.

С добрым утром, джентльмены. Крайне сожалею, что пришлось побеспокоить вас. Очень любезно, что вы согласились уделить нам несколько минут вашего времени.

Суиндон. Угодно вам председательствовать, сэр?

Бэргойн (*теперь, на людях, он проявляет еще больше учтивости, внешнего лоска, изысканности в выражениях и язвительности в тоне*). Нет, сэр. Я слишком ясно сознаю свое несовершенство, чтобы брать на себя так много. Я, если позволите, займу место у ног Гамалиила*. (*Подходит к крайнему стулу со стороны двери и, жестом пригласив Суиндона занять почетное кресло, стоит, выжидая, пока тот сядет первым.*)

Суиндон (*крайне раздосадованный*). Как вам угодно, сэр. Я лишь стараюсь исполнить свой долг при весьма затруднительных обстоятельствах. (*Садится в почетное кресло.*)

Бэргойн, на время оставив свой деланный тон, садится тоже и, озабоченно нахмурив брови, углубляется в бумаги, размышляя о критическом положении, в котором он очутился, и о полнейшей никчемности Суиндона. Вводят Ричарда. Джудит идет рядом с ним. Их конвоируют четверо солдат под командой сержанта — двое впереди и двое сзади. Они проходят через всю залу, направляясь к

противоположной стене; но Ричарда, как только он минует почетное кресло, сержант останавливает движением руки и сам становится за его спиной, Джудит робко жметесь к стене. Четверо конвоиров выстраиваются в нескольких шагах от нее.

Бэргойн (*подняв голову и увидев Джудит*). Что это за женщина?

Сержант. Жена подсудимого, сэр.

Суиндон (*нервничая*). Она просила меня разрешить ей присутствовать, и я подумал...

Бэргойн (*договаривая за него, с иронией*). Вы подумали, что это доставит ей удовольствие. Понятно, понятно. (*Мягко.*) Подайте стул даме и устройте ее по возможности удобнее.

Сержант приносит стул и ставит неподалеку от Ричарда.

Джудит. Благодарю вас, сэр. (*В благоговейном ужасе приседает перед Бэргойном, который отвечает величественным наклоном головы.*)

Суиндон (*Ричарду, резко*). Ваше имя, сэр?

Ричард (*с добродушным озорством*). Полно вам! Что ж, вы меня привели сюда, даже не зная, кто я такой?

Суиндон. Форма требует, сэр, чтобы вы назвали свое имя.

Ричард. Ну, если форма требует, то мое имя Антони Андерсон, я священник пресвитерианской церкви.

Бэргойн (*с интересом*). Вот как! Скажите, мистер Андерсон, в чем суть вашего учения?

Ричард. С удовольствием изложу вам, если у нас хватит времени. Для полного вашего обращения мне потребуется не менее двух недель.

Суиндон (*обрывая его*). Мы здесь не для того, чтобы обсуждать ваши убеждения.

Бэргойн (*с изысканнейшим поклоном в сторону злополучного Суиндона*). Принимаю ваш выговор.

Суиндон (*смутившись*). Но я не вам, я...

Бэргойн. Ничего, пожалуйста. (*Ричарду, крайне вежливо.*) У вас есть политические убеждения, мистер Андерсон?

Ричард. Насколько я понимаю, мы собрались здесь именно для того, чтобы это выяснить.

Суиндон (*строго*). Вы намерены отрицать, что вы мятежник?

Ричард. Я американец, сэр.

Суиндон. Что, по-вашему, я должен думать после такого заявления?

Ричард. По-моему, солдатам вообще думать не полагается, сэр.

Бэргойна этот ответ приводит в такой восторг, что он почти готов примириться с потерей Америки.

Суиндон (*позеленев от злости*). Арестованный, предлагаю вам воздержаться от дерзостей.

Ричард. Ничего не поделаешь, генерал. Если вы решили повесить человека, вы тем самым даете ему в руки преимущество. Зачем мне быть с вами вежливым? Все равно — семь бед, один ответ..

Суиндон. Вы не имеете права утверждать, будто у суда имеется заранее принятое решение. И потрудитесь не называть меня генералом. Я майор Суиндон.

Ричард. Тысяча извинений! Я полагал, что имею честь беседовать с Джонни-джентльменом.

Движение среди офицеров. Сержанту большого труда стоит удержаться от смеха.

Бэргойн (*с отменной любезностью*). Кажется, Джонни-джентльмен — это я, сэр, к вашим услугам. Друзья обычно зовут меня генералом Бэргойном.

Ричард отвечает ему изысканно вежливый поклон.

Надеюсь, вы, как джентльмен и человек разумный, несмотря на ваше призвание, поймете, что если мы будем иметь несчастье повесить вас, это произойдет исключительно в силу политической необходимости и военного долга, без малейшего личного недоброжелательства с нашей стороны.

Ричард. Ах вот как? Это, разумеется, совершенно меняет дело.

Все невольно улыбаются; кое-кто из самых молодых офицеров, не выдержав, фыркает.

Джудит (*все эти шутки и любезности еще усиливают ее ужас*). О, как вы можете!

Ричард. Вы обещали молчать.

Бэргойн (*обращаясь к Джудит с подчеркнутой почтительностью*). Поверьте, сударыня, мы бесконечно

обязаны вашему супругу за его истинно джентльменское отношение к этой крайне неприятной процедуре. Сержант! Подайте стул мистеру Андерсону.

Сержант исполняет приказание. Ричард садится.

Ну-с, майор Суиндон, мы ждем.

Суиндон. Мистер Андерсон, я полагаю, вам известно, к чему обязывает вас долг верноподданного его величества короля Георга Третьего?

Ричард. Мне известно, сэръ, что его величество король Георг Третий собирается меня повесить за то, что я не хочу, чтобы лорд Норт* грабил меня.

Суиндон. Это крамольные речи, сэръ.

Ричард. Да. Но я говорю то, что думаю.

Бэргойн (*явно не одобряя такую линию защиты, но сохраняя вежливый тон*). Не кажется ли вам, мистер Андерсон, что вы занимаете в этом вопросе — простите меня за резкое выражение — несколько вульгарную позицию? Стоит ли кричать о грабеже по такому пустяковому поводу, как почтовая пошлина, чайная пошлина или еще что-нибудь в этом роде? Настоящий джентльмен тем и отличается, что всегда платит с улыбкой.

Ричард. Не в деньгах дело, генерал. Но когда тебя обирает безмозглый тупица и кретин вроде короля Георга...

Суиндон (*скандализованный*). Тс-с, сэръ! Молчите!

Сержант (*совершенно потрясенный, громовым голосом*). Молчать!

Бэргойн (*невозмутимо*). У вас, я вижу, свой особый взгляд. Мое положение не позволяет мне вдаваться в это; разве только в частном разговоре. Но, разумеется, мистер Андерсон (*пожимает плечами*), если вы твердо решили быть повешенным...

Джудит вздрагивает.

...дальнейшие разговоры излишни. Своеобразный вкус, однако! (*Снова пожимает плечами.*)

Суиндон (*Бэргойну*). Будем вызывать свидетелей?

Ричард. К чему свидетели? Если б наши горожане прислушивались к моим словам, вас встретили бы здесь баррикады на улицах, бойницы в каждом доме и жители с оружием в руках, готовые до последнего человека защищать от вас свой город. Но, к сожалению, вы пришли,

когда мы еще не научились переходить от слов к делу; а потом было уже поздно.

Суиндон (*строго*). Отлично, сэр, мы дадим вам и вашим горожанам урок, который не скоро забудется. Имеете вы еще что-нибудь сказать?

Ричард. Думаю, что у вас могло хватить совести поступить со мной как с военнопленным и расстрелять меня как человека, а не вешать как собаку.

Бэргойн (*сочувственно*). О мистер Андерсон, извините меня, но это рассуждение штатского. Вам неизвестно, видимо, каков средний процент попаданий у стрелков армии его величества короля Георга Третьего. Знаете вы, что произойдет, если мы вышлем взвод солдат расстрелять вас? Половина даст промах, а остальные такого натворят, что офицеру военной полиции придется приканчивать вас из пистолета. Тогда как повесить вас мы можем с совершенным знанием дела и к полному вашему удовлетворению. (*Дружелюбно*.) Я вам от души советую быть повешенным, мистер Андерсон.

Джудит (*ей гурно от этих разговоров*). Боже правый!

Ричард (*Джудит*). Вы обещали! (*Бэргойну*.) Благодарю вас, генерал; об этой стороне дела я не подумал. Чтобы сделать вам приятное, я снимаю свои возражения относительно веревки. Настоятельно прошу повесить меня.

Бэргойн (*любезно*). Двенадцать часов дня для вас удобно, мистер Андерсон?

Ричард. Ровно в двенадцать я буду к вашим услугам, генерал.

Бэргойн (*поднимаясь*). Джентльмены, вопрос исчерпан.

Все встают.

Джудит (*бросаясь к столу*). Нет, нет, не может быть, чтоб вы послали человека на смерть вот так, даже без настоящего суда, даже не задумавшись над тем, что вы делаете, даже... (*Она не может найти слов*.)

Ричард. Так-то вы держите обещание?

Джудит. Если я должна молчать, говорите вы сами. Защищайтесь, спасите себя: скажите им правду.

Ричард (*с тревогой*). Я уже достаточно наговорил им правды для того, чтобы меня повесили десять раз, а не один. Еще слово, и вы навлечете опасность на других людей, а меня все равно не спасете.

Бэргойн. Дорогая леди, наше единственное желание — по возможности избежать неприятностей. Неужели вам было бы легче, если бы мы затеяли здесь торжественную кутерьму с переодеванием моего друга Суиндона в черную мантию и так далее? Я лично считаю, что все мы должны быть благодарны вашему мужу за проявленный им такт и благоразумие джентльмена...

Джудит (*бросая слова ему в лицо*). Вы сумасшедший! Неужели вам нипочем любое преступление, лишь бы только все было сделано по-джентльменски? Неужели вам нипочем убить человека, если только, убивая, вы облачены в красный мундир? (*В исступлении.*) Вы не повесите этого человека! Это не мой муж.

Офицеры переглядываются и начинают шептаться; немцы спрашивают соседей, что такое сказала эта женщина. Бэргойн, на которого явно подействовал страстный упрек Джудит, сразу же приходит в себя при этом новом и неожиданном обороте дела. Ричард тем временем возвышает голос, стараясь перекрыть общий шум.

Ричард. Джентльмены, прошу вас положить этому конец. Она никак не поверит, что меня невозможно спасти. Объявите судебное заседание закрытым.

Бэргойн (*голосом настолько спокойным и твердым, что при звуке его тотчас же водворяется тишина*). Одну минуту, джентльмены. (*Садится на прежнее место. Суиндон и офицеры следуют его примеру.*) Сударыня, я хотел бы точнее понять ваши слова. Означают ли они, что этот джентльмен не ваш муж, или же только — как бы это выразиться поделикатнее, — что вы ему не жена?

Джудит. Я не понимаю, что вы хотите сказать. Я вам говорю, что это не мой муж, мой муж убежал. Этот человек выдал себя за него, чтобы его спасти. Спросите кого хотите, пусть остановят любого прохожего на улице и приведут сюда как свидетеля, — он вам сейчас же скажет, Антони Андерсон это или нет.

Бэргойн (*по-прежнему сохраняя полное спокойствие*). Сержант.

Сержант. Слушаю, сэр.

Бэргойн. Ступайте на улицу и приведите сюда первого горожанина, который вам попадется навстречу.

Сержант (*направляясь к двери*). Слушаю, сэр.

Бэргойн (*ему вслед*). Первого прилично одетого, трезвого горожанина, который вам попадется.

Сержант. Слушаю, сэр. (*Выходит.*)

Бэргойн. Присядьте, мистер Андерсон. Вы разрешите пока называть вас этим именем?

Ричард садится.

Присядьте и вы, сударыня, куда приведут свидетеля. Дайте даме газету почитать.

Ричард *(негодующе)*. Как вам не стыдно!

Бэргойн *(с лукавой усмешкой)*. Если вы не муж ей, сэр, дело не представляет ничего серьезного... для нее.

Ричард закусывает губу, вынужденный замолчать.

Джудит *(Ричарду, возвращаясь на свое место)*. Я не могла иначе. *(Он качает головой. Она садится.)*

Бэргойн. Вы, конечно, понимаете, мистер Андерсон, что вам не следует возлагать надежд на этот маленький инцидент. Нам нужен кто-нибудь для примера остальным.

Ричард. Понимаю. Думаю, что мои объяснения вам не понадобятся?

Бэргойн. Если вы ничего не имеете против, мы предпочли бы показание беспристрастного лица.

Сержант вводит в комнату Кристи, который испуганно озирается по сторонам; в руке у сержанта пакет с бумагами.

Сержант *(передавая пакет Бэргойну)*. Дешети, сэр. Доставлены капралом тридцать третьего. Так гнал, что едва живой добрался, сэр.

Бэргойн вскрывает пакет и углубляется в чтение дешети. Содержание их оказывается настолько серьезным, что совершенно отвлекает его внимание от суда.

(К Кристи.) Ну, ты! Шляпу долой и слушай, что тебе говорят. *(Занимает позицию позади Кристи, который остановился с той стороны, где сидит Бэргойн.)*

Ричард *(обращаясь к Кристи привычным своим задиристым тоном)*. Чего боишься, дурак: ты тут только за свидетеля, тебя никто вешать не собирается.

Суиндон. Ваше имя?

Кристи. Кристи.

Ричард *(раздраженно)*. Кристофер Даджен. Просто-филя несчастный! Полностью надо говорить.

Суиндон. Арестованный, прошу не вмешиваться. Подсказывать свидетелю запрещается.

Ричард. Ладно. Только предупреждаю, если вы хотите из него что-нибудь вытянуть, надо тянуть клещами. Благочестивая матушка так потрудилась над его воспитанием, что не оставила ему ни разума, ни соображения.

Бэргойн (*вскочив на ноги, отрывисто, сержанту*). Где человек, который это привез?

Сержант. В караульном помещении, сэр.

Бэргойн выходит из комнаты с поспешностью, которая заставляет офицеров переглянуться.

Суиндон (*Кристи*). Знаете ли вы Антони Андерсона, местного священника?

Кристи. Еще бы не знать! (*Как бы погрязневая, что Суиндон просто осел, если сомневается в этом.*)

Суиндон. Он находится здесь?

Кристи (*оглядываясь*). Не знаю.

Суиндон. Вы его не видите?

Кристи. Нет.

Суиндон. Вам как будто знаком арестованный?

Кристи. Это Дик, что ли?

Суиндон. Кто такой Дик?

Кристи (*указывая на Ричарда*). А вот он.

Суиндон. Как его зовут?

Кристи. Дик.

Ричард. Отвечай как следует, дурья башка! Какой я им Дик!

Кристи. А что же ты, не Дик, что ли? Как же мне еще сказать?

Суиндон. Обращайтесь ко мне, сэр. А вы, арестованный, помолчите. Скажите, кто этот человек?

Кристи. Мой брат Дик — Ричард то есть, Ричард Даджен.

Суиндон. Ваш брат?

Кристи. Ну да.

Суиндон. Вы уверены, что это не Андерсон?

Кристи. Кто?

Ричард (*выйдя из себя*). Я, я, я, чтоб тебя...

Суиндон. Молчите, сэр.

Сержант (*кричит*). Молчать!

Ричард (*сердито*). Тьфу! (*Кристи.*) Он думает, что я пастор Андерсон, и спрашивает тебя, верно это или нет. Отвечай ему и перестань ухмыляться, точно клоун.

Кристи (*ухмыляясь шире прежнего*). Ты — пастор? Андерсон — священник, достойный человек, а Дик — пропащий; с ним порядочные люди и знаться не хотят. Он у нас дурной сын, а я хороший.

Офицеры громко хохочут; солдаты улыбаются.

Суиндон. Кто арестовал этого человека?

Сержант. Я, сэр. Я его застал у священника в доме, за чайным столом вдвоем с этой леди, без сюртука, совсем по-домашнему. Если он ей не муж, тем хуже для них.

Суиндон. И он откликнулся на имя священника?

Сержант. Да, сэр! Хотя, пожалуй, кроме как по имени, он ничем на священника не похож. Вот и наш капеллан вам скажет, сэр.

Суиндон (*Ричарду, с угрозой*). Итак, сэр, вы, значит, пытались ввести нас в заблуждение. Ваше настоящее имя — Ричард Даджен?

Ричард. Разобрались наконец!

Суиндон. Даджен... это имя нам как будто знакомо.

Ричард. Еще бы, Питер Даджен, которого вы убили, был мой дядя.

Суиндон. Гм! (*Поджимает губы и смотрит на Ричарда с многозначительной суровостью.*)

Кристи. Они тебя повесят, Дик?

Ричард. Да. Убирайся отсюда; ты больше не нужен.

Кристи. Так я могу взять себе фарфоровых павлинов?

Ричард (*вскакивая*). Пошел вон! Пошел вон, ты, скотина безмозглая!

Кристи, перепуганный, убегает. Суиндон встает. И все остальные тоже встают.

Суиндон. Ричард Даджен! Поскольку вы пожелали выдать себя за священника Андерсона, вы им останетесь до конца. Казнь состоится сегодня в полдень, как и назначено; и если до этого часа настоящий Андерсон не явится, вы займете его место на виселице. Сержант, уведите арестованного.

Джудит (*в смятении*). Нет, нет!

Суиндон (*раздраженно, опасаясь, как бы она не возобновила свои мольбы*). Уберите эту женщину.

Ричард (*одним прыжком, с ловкостью тигра перемахнув через стол, хватая Суиндона за горло*). Негодяй!

Сержант бросается на выручку с одной стороны, солдаты — с другой. Они хватают Ричарда и оттаскивают на прежнее место. Суиндон, которого бешеный наскок Ричарда опрокинул на стол, поднимается и приводит себя в порядок. Он хочет заговорить, но его предупреждает Б э р г о й н, только что появившийся в дверях с двумя бумагами в руке, белой и голубой — письмом и депешей.

Б э р г о й н (*подходит к столу, с рассчитанным хладнокровием*). В чем дело? Что здесь произошло? Мистер Андерсон, вы меня удивляете.

Р и ч а р д. Сожалею, если обеспокоил вас, генерал. Я только хотел придушить вот этого вашего подчиненного. (*Яростно, Суиндону.*) Ты раздражил во мне дьявола своей грубостью с женщиной! Собака желтомордая, с каким удовольствием я раскроил бы твою поганую башку! (*Протягивает сержанту обе руки.*) Наденьте на меня наручники, живо! Иначе я не отвечаю за себя.

Сержант достает из кармана пару наручников и вопросительно смотрит на Бэргойна.

Б э р г о й н. Майор Суиндон, вы оскорбили эту даму грубым словом?

Суиндон (*сердито*). Разумеется, нет, сэр. Вам бы не следовало задавать мне подобный вопрос. Я приказал ее вывести, так как она нарушила порядок, а этот человек набросился на меня. Уберите наручники, я в состоянии сам справиться.

Р и ч а р д. Ну, раз вы заговорили как мужчина, наша ссора кончена.

Б э р г о й н. Мистер Андерсон...

Суиндон. Его зовут Даджен, сэр, Ричард Даджен. Он самозванец!

Б э р г о й н (*раздраженно*). Чушь, сэр, Даджена вы повесили в Спрингтауне.

Р и ч а р д. То был мой дядя, генерал.

Б э р г о й н. Ах, вот как, дядя? (*Суиндону.*) Прошу извинить меня, майор Суиндон.

Суиндон принимает извинение довольно хмуро.

(*Бэргойн поворачивается к Ричарду.*) Как-то не совсем удачно складываются у нас отношения с вашим семейством. Ну, хорошо, мистер Даджен, вот о чем я хотел спросить вас. Кто такой (*заглядывает в письмо*) Уильям Мэйндек Паршоттер?

Ричард. Мэр Спрингтауна...

Бэргойн. А что, этот Уильям... Мэйндек и так далее — человек слова?

Ричард. Вы у него покупаете что-нибудь?

Бэргойн. Нет.

Ричард. Тогда можете на него положиться.

Бэргойн. Благодарю вас, мистер... э-э... Даджен. Кстати, если вы не мистер Андерсон, разве мы... майор Суиндон, как? *(Он хочет сказать: «Разве мы все-таки повесим его?»)*

Ричард. Распоряжение остается в силе, генерал.

Бэргойн. Да? Очень сожалею, очень. Ну, до свидания, мистер Даджен. До свидания, сударыня.

Ричард *(почти грубо останавливает Джудит, которая снова хотела броситься вперед с безрассудной мольбой, и решительным движением берет ее под руку)*. Ни слова больше! Идем.

Джудит смотрит на него умоляюще, но его решительность подавляет ее. Конвой занимает свои места, и они выходят. Сержант, сердито насупившись, шагает позади Ричарда, поглядывая на него с опаской, точно на дикого зверя.

Бэргойн. Джентльмены, не смею вас больше задерживать. Майор Суиндон, на два слова.

Офицеры выходят.

(Бэргойн с невозмутимым спокойствием ждет, пока последний из них скроется за дверью. Потом лицо его сразу становится серьезным, и он обращается к Суиндону, в первый раз называя его просто по фамилии.) Суиндон! Знаете, что это такое? *(Показывает письмо.)*

Суиндон. Что?

Бэргойн. Они требуют охранное свидетельство на имя одного из офицеров ополчения, который явится к нам сюда для переговоров.

Суиндон. Ага, забили отбой!

Бэргойн. Дальше говорится, что они намерены послать того самого человека, который прошлой ночью поднял восстание в Спрингтауне и вытеснил оттуда наши части; так чтобы мы знали, что имеем дело с лицом значительным.

Суиндон. Ха!

Бэргойн. Ему даются все полномочия для выработки условий... чего, как бы вы думали?

Суиндон. Их сдачи, надеюсь?

Бэргойн. Нет. Вывода наших войск из города. Они дают нам шесть часов на то, чтобы полностью очистить Узбстербридж.

Суиндон. Какая беспримерная наглость!

Бэргойн. Как мы должны поступить, по-вашему?

Суиндон. Немедленно выступить в поход на Спрингтаун и нанести решительный удар.

Бэргойн. Гм!.. *(Направляясь к двери.)* Пойдемте в комендатуру.

Суиндон. Зачем?

Бэргойн. Писать охранное свидетельство. *(Берется за ручку двери.)*

Суиндон *(не двигаясь с места)*. Генерал Бэргойн!

Бэргойн *(оглянувшись)*. Сэр?

Суиндон. Считаю своим долгом заявить вам, сэр, что, в моих глазах, угроза толпы взбунтовавшихся лавочников — недостаточная причина, чтобы нам отступить.

Бэргойн *(невозмутимо)*. Предположим, я откажусь от командования, что вы предпримете?

Суиндон. Я предприму то, для чего мы проделали весь путь от Квебека к югу и для чего генерал Хоу * проделал весь путь от Нью-Йорка к северу, — пойду на соединение с ним в Олбэни, чтобы совместными силами уничтожить всю армию мятежников.

Бэргойн *(загадочно)*. А лондонских наших врагов вы тоже рассчитываете уничтожить?

Суиндон. Лондонских? А что это за враги?

Бэргойн *(мрачно)*. Бездарность и легкомыслие, не-радивость и волокита. *(Указывает на депешу, которая у него в руке, и говорит с отчаянием в голосе и во взгляде.)* Я только что узнал, сэр, что генерал Хоу все еще в Нью-Йорке.

Суиндон *(как громом пораженный)*. Великий Боже! Он ослушался приказа!

Бэргойн *(с язвительным спокойствием)*. Он не получил приказа, сэр. Какой-то джентльмен в Лондоне забыл отправить этот приказ, торопился за город, должно быть. Его воскресный отдых будет стоить Англии ее американских колоний, а мы с вами через несколько дней очутимся в Саратогге с пятью тысячами солдат против семнадцати тысяч мятежников в неприступной позиции.

Суиндон *(потрясенный)*. Не может быть!

Бэргойн *(холодно)*. Простите?

Суиндон. Я не могу этому поверить. Что скажет история?

Бэргойн. История, сэръ, налжет, как всегда. Пойдемте, нужно поторопиться с этим охранным свидетельством. (*Выходит.*)

Суиндон (*следуя за ним в полной растерянности*). Боже мой, Боже мой! Мы погибли!

• • •

Близится полдень, и на рыночной площади уже чувствуется оживление. К виселице, которая на страх преступникам постоянно красуется среди площади по соседству с более мелкими, хоть и зловещими орудиями кары, такими как позорный столб, колодки и помост для наказания плетьюми, прилажена новая веревка, и петля закинута на перекладину, чтоб не могли достать мальчишки. Лестница-стремянка уже тоже на месте, — городской клерк принес ее и стережет от любопытных. У горожан, собравшихся на площади, вид оживленный и довольный; по Узбстербриджу разнеслась уже весть о том, что мятежник, которого собираются вздернуть король Георг и его страшный генерал, — не священник Андерсон, а Ученик Дьявола, а потому можно наслаждаться зрелищем казни, не смущая себя сомнениями в ее справедливости или беспокойными мыслями о том, что не следовало допускать ее без борьбы. Кое-кто в толпе даже начинает проявлять признаки нетерпения, так как двенадцатый час уже близок, а никаких приготовлений, кроме прихода клерка с лестницей, пока не видно. Но вот раздаются, наконец, возгласы: «Идут! Идут!», и на площадь быстрым шагом, со штыками наперевес, прокладывая себе путь в толпе, входит отряд британской пехоты вперемежку с гессенцами.

Сержант. Стой! Смирно! Равняйся!

Солдаты строятся прямоугольником вокруг виселицы; унтер-офицеры во главе с сержантом энергично выталкивают всех, кто случайно оказался внутри прямоугольника.

Марш, марш! Проваливайте отсюда, живо! Ничего, придет время, сами будете здесь болтаться. Держи равнение, чертвы гуссаки! Что там с ними по-немецки лопотать! Прикладом по ногам — сразу поймут! Ну, марш, марш отсюда! (*Наталкивается на Джудит, которая стоит у самой виселицы.*) Вот еще тоже! Вам тут и вовсе делать нечего.

Джудит. Позвольте мне остаться. Я не помешаю.

Сержант. Ладно, ладно, без разговоров. Постыдитесь бы приходиться смотреть, как вешают человека, который вам не муж. И он тоже хорош! Я его отрекомендовал майору как джентльмена, а он набросился на майора

и чуть не задушил, да еще обозвал его величество кретином. Так что проваливайте отсюда, да поживее!

Д ж у д и т . Вот вам два серебряных доллара, только не гоните меня.

Сержант без долгих колебаний, бросив быстрый взгляд по сторонам, сует деньги в карман; затем говорит громко, тоном благородного негодования.

Сержант. Как! Вы хотите подкупить меня при исполнении обязанностей? Никогда! Я вот вас проучу за попытку совратить офицера королевской службы. До окончания казни вы арестованы. Извольте стоять вот здесь, на этом месте, и не вздумайте отойти, покада я не дам разрешения. *(Погмигнув ей, указывает в правый угол прямоугольника, позади виселицы, потом поворачивается к ней спиной и снова начинает орать.)* Равнение! Не напирай!

В толпе раздаются возгласы: «Тс-с! Тише!»; доносятся звуки духового оркестра, исполняющего похоронный марш из оратории Генделя «Саул». Мгновенно шум стихает: сержант и унтер-офицеры бегут в глубину прямоугольника и, торопливым шепотом отдавая приказания и подталкивая недостаточно проворных, заставляют ряды разомкнуться и пропустить траурную процессию, подвигающуюся под охраной двойной шеренги солдат. Впереди идут Бэргойн и Суиндон; вступив на площадь, они брезгливо косятся на виселицу и, взяв сразу немного в сторону, так, чтобы избежать необходимости пройти под ней, останавливаются в правой половине прямоугольника. За ними следует мистер Брюднелл — капеллан, в полном облачении, с раскрытым трепником в руке, и рядом с ним Ричард, вид у которого мрачный и вызывающий; он демонстративно проходит под самой виселицей и останавливается в двух шагах от нее. За ним идет палач — дюжий солдат, в одной рубашке с засученными рукавами. Дальше два солдата катят легкую походную повозку. Шествие замыкает оркестр, который располагается позади прямоугольника и доигрывает похоронный марш. Джудит, с тоской глядя на Ричарда, прокрадывается к виселице и прислоняется к правому столбу. В продолжение следующего разговора повозку подкатывают под виселицу оглоблями назад, и оба солдата становятся по сторонам. Палач достает из повозки маленькую лесенку и приставляет ее к задку повозки, чтобы осужденному удобно было взойти. Затем он взбирается на стремянку, прислоненную к столбу, и перерезает шнурок, которым петля подвязана к перекладине, веревка соскальзывает, и петля раскачивается в воздухе над повозкой, куда, спустившись с лестницы, забирается палач.

Ричард *(Брюднеллу, с трудом сдерживая раздражение)*. Послушайте, сэр! Человеку вашей профессии не место здесь. Ушли бы вы лучше.

Суиндон. Осужденный, если в вас сохранилась хоть капля чувства приличия, советую вам выслушать

напутствие капеллана и с должным уважением отнестись к торжественности момента.

Капеллан (*Ричарду, с мягким укором*). Постарайтесь взять себя в руки и покориться воле Божией. (*Поднимает перед собой требник, готовясь начать молитву.*)

Ричард. Вы хотите сказать — вашей воле, сэ, и воле вот этих двух ваших сообщников. (*Указывает на Бэргойна и Суиндона.*) Ни в них, ни в вас я ничего божественного не вижу. Толковать о христианстве, собираясь вешать врага своего,— слыхано ли где подобное кощунство! (*Обращаясь к Суиндону, более резко.*) А вы воспользовались «торжественностью момента», чтобы поразить народ своим благородным величием,— и музыка Генделя, и священник, присутствие которого придает убийству вид благочестивого деяния! Что ж, вы воображаете, что я стану помогать вам? Вы мне посоветовали выбрать веревку, так как вы слишком плохо знаете свое дело, чтобы расстрелять человека как следует. Так вот, вешайте — и покончим с этим.

Суиндон (*капеллану*). Может быть, вам удастся на него воздействовать, мистер Брюднелл?

Капеллан. Попытаюсь, сэ. (*Начинает читать.*) «Человек, рожденный от женщины...»

Ричард (*глядя на него в упор*). «Не убий».

Брюднелл едва не роняет из рук требник.

Капеллан (*признавая свою беспомощность*). Что же мне сказать вам, мистер Даджен?

Ричард. Оставьте меня, добрый человек, в покое.

Бэргойн (*со светской предупредительностью*). Я полагаю, мистер Брюднелл, поскольку обычная процедура кажется мистеру Даджену неуместной, лучше, пожалуй, отложить ее до того времени, когда... э-э... когда она уже ни в какой мере не будет беспокоить мистера Даджена.

Брюднелл, пожимая плечами, захлопывает требник и отходит в глубину прямоугольника.

Вы словно торопитесь, мистер Даджен?

Ричард (*ужас смерти наступил его*). Вы думаете, так приятно дожидаться этого? Вы приняли решение совершить убийство — так убивайте, и делу конец.

Бэргойн. Мистер Даджен, мы это делаем лишь потому...

Ричард. Что вам за это платят.

Суиндон. Это наглая... *(Проглатывает свое возмущение.)*

Бэргойн *(с пленительным добродушием)*. Мне, право, очень жаль, что вы такого мнения, мистер Даджен. Если бы вы знали, во что обошелся мне мой чин и сколько я получаю жалованья, вы бы не так плохо думали обо мне. Я все-таки хотел бы, чтоб мы расстались друзьями.

Ричард. Послушайте вы, генерал Бэргойн! Если вы воображаете, что мне нравится быть повешенным, вы ошибаетесь. Совсем не нравится, и я не собираюсь делать вид, будто я в восторге. А если вы воображаете, что разодолжили меня своим джентльменством, так и это тоже зря. Мне вся эта история дьявольски не по душе, и только одно у меня есть маленькое утешение: то, что, когда все кончится, вам тут будет не веселее, чем мне там, наверху. *(Поворачивается и идет к повозке. Но в эту минуту Джудит, протянув вперед руки, загораживает ему дорогу. Ричард, чувствуя, что еще немного — и самообладание изменит ему, отступает назад с криком.)* Зачем вы здесь? Вам здесь не место! *(Она делает движение, как будто хочет дотронуться до него. Он отстраняется почти со злостью.)* Нет, нет, уходите; мне будет труднее при вас. Да возьмите же ее кто-нибудь!

Джудит. Вы не хотите проститься со мной?

Ричард *(позволяя ей взять его руку)*. Ну хорошо, прощайте. А теперь уходите... Скорее уходите.

Джудит не выпускает его руки — ей мало этого холодного прощанья, — и когда он делает попытку высвободиться, она, не помня себя, бросается к нему на грудь.

Суиндон *(строго, сержанту, который, заметив движение Джудит, поспешил было к ней, чтобы помешать, но не успел и остановился в нерешительности)*. Что это значит? Как она сюда попала?

Сержант *(виновато)*. Не знаю, сэр. Такая хитрая — всюду пролезет.

Бэргойн. Она подкупила вас.

Сержант *(протестующе)*. Что вы, сэр...

Суиндон *(свирепо)*. Назад!

Сержант повинуется.

Ричард (*умоляющим взглядом перебрав всех вокруг, останавливается на Бэргойне, как на самом разумном*). Возьмите ее. Неужели вы не понимаете, что я сейчас не могу возиться с женщиной?

Бэргойн (*подходя к Джудит и взяв ее под руку*). Прошу вас, сударыня. Я вас не гоню. Можете не выходить из круга, но только встаньте позади нас и не смотрите.

Джудит поворачивается к Бэргойну и отпускает руку Ричарда, который, шумно, с захлебом, переводя дух, бежит к повозке, как к спасительному пристанищу, и поспешно взбирается на нее. Палач снимает с него сюртук и отводит ему руки за спину.

Джудит (*мягко, но настойчиво вырывает у Бэргойна свою руку*). Нет, я останусь тут; я не буду смотреть. (*Возвращается на прежнее место, у правого столба виселицы; хочет взглянуть на Ричарда, но тотчас же отворачивается, вся согroгнувшись, и падает на колени, шепча молитву.*)

К ней подходит Брюднелл, державшийся в стороне.

Бэргойн (*увидев ее на коленях, успокоенно кивает головой*). Вот и хорошо. Не трогайте ее, мистер Брюднелл; теперь все будет в порядке.

Брюднелл также кивает и отходит, глядя на нее с состраданием.

(*Бэргойн занимает свое место и достает из кармана изящный золотой хронометр*). Ну как, приготовления закончены? Не следует задерживать мистера Даджена.

Тем временем у Ричарда руки уже связаны за спиной и петля накинута на шею. Солдаты берутся за оглобли, готовясь откатить повозку в сторону. Палач, встав позади Ричарда, подает сержанту знак.

Сержант. Все готово, сэр.

Бэргойн. Не желаете ли еще что-нибудь сказать, мистер Даджен? Осталось две минуты.

Ричард (*твердым голосом человека, преодолевшего ужас смерти*). У вас часы на две минуты отстают, генерал, мне отсюда видны городские.

На городских часах бьет первый удар. Толпа, тихо ахнув, невольно жмется назад.

Аминь! Отдаю свою жизнь за будущее мира.

Андерсон (*врываясь на площадь*). Аминь! Остановите казнь! (*Прорывает ряды солдат как раз напротив Бэргойна и, задыхаясь, бросается к виселице.*) Я — Антони Андерсон, тот самый, кого вы искали.

Толпа, затаив дыхание, напряженно слушает. Джудит приподнимается и смотрит на Андерсона широко раскрытыми глазами, потом воздевает руки к небу движением человека, самая страстная молитва которого услышана.

Суиндон. Вот как? Что ж, вы явились как раз вовремя, чтобы занять свое место на виселице. Взять его!

По знаку сержанта двое солдат выходят вперед, чтобы схватить Андерсона

Андерсон (*выхватив какую-то бумагу, сует ее под самый нос Суиндону*). Мое охранное свидетельство, сэр!

Суиндон (*пораженный*). Охранное свидетельство! Так это вы...

Андерсон (*выразительно*). Да, это я.

Солдаты берут его за плечи.

Велите вашим людям убрать от меня руки.

Суиндон (*солдатам*). Не троньте его.

Сержант. Назад!

Солдаты возвращаются в строй. Радостный шум в толпе; горожане, видя, как уверенно пастор разговаривает с неприятелем, оживленно переглядываются в предвкушении торжества.

Андерсон (*с глубоким вздохом облегчения, отирая платком пот со лба*). Слава Богу, я поспел вовремя!

Бэргойн (*с обычной своей невозмутимостью, все еще держа хронометр в руке*). Не только вовремя, сэр, но даже с запасом. Я бы никогда не позволил себе повесить джентльмена по американским часам. (*Прячет хронометр.*)

Андерсон. Да, генерал, на несколько минут мы уже опередили вас. А теперь прикажите снять петлю с шеи этого американского гражданина.

Бэргойн (*палачу, отменно вежливо*). Будьте так добры, развяжите мистера Даджена.

Палач снимает петлю с шеи Ричарда, развязывает ему руки и помогает надеть сюртук.

Джудит (*робко приблизившись к Андерсону*). Тони...

Андерсон (*обняв ее одной рукой и любовно погрозившая*). Ну, что ты теперь скажешь о своем муже, а? а??

Джудит. Мне стыдно... (*Прячет лицо у него на груди.*)

Бэргойн (*Суиндону*). Вы как будто испытали разочарование, майор Суиндон?

Суиндон. Вы как будто потерпели поражение, генерал Бэргойн?

Бэргойн. Да, потерпел; и я достаточно человечен, чтобы радоваться этому.

Ричард соскакивает с повозки — Брюднелл поспешил подставить ему плечо для опоры, — бежит к Андерсону и горячо жмет ему руку — левую, так как правой тот обнимает Джудит.

Кстати, мистер Андерсон, я не совсем понимаю... Свидетельство было выписано для офицера ополчения. А между тем я полагал (*взглядом, настолько пристальным, насколько это допускает его хорошее воспитание, окидывает сапоги, пистолеты и принадлежащую Ричарду куртку*), что вы — священник?

Андерсон (*стоя между Ричардом и Джудит*). Сэр! Только в грозный час испытания человек познает свое истинное назначение. Этот глупый молодой человек (*кладет руку на плечо Ричарду*) хвастливо называл себя Учеником Дьявола; но когда для него наступил час испытания, он понял, что призван страдать и оставаться верным до конца. Я привык думать о себе как о мирном проповеднике слова Господня, но когда мой час испытания настал, оказалось, что я призван быть человеком действия и что мое настоящее место среди боевых кликов, в грохоте сражений. И вот в пятьдесят лет я начинаю новую жизнь — как Антони Андерсон, капитан Спрингтаунского отряда народного ополчения; а этот Ученик Дьявола отныне станет называться достопочтенным Ричардом Дадженом, займет мое место на церковной кафедре и будет наставлять на путь истинный мою глупенькую, чувствительную женушку. (*Кладет другую руку на плечо Джудит, которая украдкой косится на Ричарда, желая увидать, как нравится ему такая перспектива.*) Ваша мать говорила мне как-то, Ричард, что если бы я был рожден для духовного звания, я бы никогда не выбрал себе в жены Джудит. Боюсь, что она была права. Так что, с вашего разрешения, я уже останусь в вашем платье, а вы оставайтесь в моем.

Ричард. Пастор... то есть капитан Андерсон, я выказал себя дураком.

Джудит. Героем!

Ричард. Да это примерно одно и то же. (*Досадуя на самого себя.*) Хотя нет; если б у меня была хоть капля ума, я сделал бы для вас то, что вы для меня сделали, вместо того чтобы идти на бессмысленную жертву.

Андерсон. Вовсе не бессмысленную, мой мальчик. Всему свое место в мире, и святые нужны так же, как и солдаты. (*Повернувшись к Бэргойну.*) А теперь, генерал, — время не ждет, и Америка торопится. Вы, надеюсь, поняли, что можно брать города и выигрывать сражения, но нельзя покорить целый народ?

Бэргойн. Дорогой сэръ, без завоеваний не может быть аристократии. Приглашаю вас к себе в штаб, мы там договоримся обо всем.

Андерсон. К вашим услугам, сэръ. (*Ричарду.*) А вы, мой мальчик, проводите Джудит домой вместо меня, хорошо? (*Подталкивает ее к нему.*) Я готов, генерал. (*Деловитым шагом направляется через площадь в сторону ратуши, оставив Джудит и Ричарда вдвоем.*)

Бэргойн следует за ним, но, сделав несколько шагов, останавливается и поворачивается к Ричарду.

Бэргойн. Да, кстати, мистер Даджен, буду очень рад, если вы пожелаете ко мне позавтракать в половине второго. (*Немного выждав, добавляет с едва заметным лукавством.*) Вместе с миссис Андерсон, если она согласится оказать мне честь. (*Суиндону, в котором все клокочет от бешенства.*) Не расстраивайтесь, майор Суиндон: ваш друг, британский солдат, может устоять против чего угодно, кроме британского военного министерства. (*Уходит вслед за Андерсоном.*)

Сержант (*Суиндону*). Каковы будут приказания, сэръ?

Суиндон (*со злостью*). Приказания! Что толку теперь приказывать! Армии нет. Назад в казармы и ко всем... (*Делает резкий поворот кругом и уходит.*)

Сержант (*с воинственным и патриотическим задором, отказываясь признавать факт поражения*). Смирррно! Слушать команду! Голову выше, и пусть видят, что вам на них в высокой мере наплевать! Ружья на плечо! Кругом! По четыре, левое плечо вперед — марш!

Барабаны с оглушительным грохотом отбивают такт; оркестр начинает играть «Британских гренадеров», сержант, Брюднелл и английские солдаты, вызывая чеканя шаг, покидают площадь. За ними валит народ, крича и улюлюкая; в арьергарде доморощенный городской оркестр старательно выводит «Янки Дудль». Э с с и, пришедшая с оркестром, кидается к Ричарду.

Э с с и. Ох, Дик!

Р и ч а р д (*добродушно, но настойчиво*). Ну, ну, ладно. Быть повешенным — это еще куда ни шло, но чтобы меня оплакивали — не желаю.

Э с с и. Нет, нет. Я обещаю. Я буду умницей. (*Старается удержать слезы, но не может.*) Я... я хочу посмотреть, куда пошли солдаты. (*Отходит на несколько шагов, как бы для того, чтобы взглянуть вслед толпе.*)

Д ж у д и т. Обещайте, что вы ему никогда не расскажете.

Р и ч а р д. Можете быть спокойны.

Они скрепляют обещание рукопожатием.

Э с с и (*кричит*). Они возвращаются. Они идут за вами!

Всеобщее ликование. Толпа снова заполнила площадь; горожане под звуки своего оркестра окружают Ричарда и, подняв его на плечи, несут с приветственными возгласами.

ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА

ПРОЛОГ

Врата храма бога Ра в Мемфисе. Глубокий сумрак. Величественное существо с головой сокола, излучающее таинственный свет, выступает из мрака в глубине храма. Бог с величайшим презрением окидывает взором современную аудиторию и после некоторой паузы обращается к ней со следующими словами:

— Молчание! Умолкните и слушайте меня вы, чопорные маленькие островитяне! Внемлите мне вы, мужчины, что носите на груди своей белый папирус, на котором начертано ничего (дабы изобличить младенческую невинность мозгов ваших). Слушайте меня вы, женщины, облакающиеся в соблазнительные одежды, вы, скрывающие мысли свои от мужчин, дабы они верили, что вы считаете их сильными и могущественными повелителями, тогда как на самом деле в сердце своем вы знаете, что они неразумные дети. Смотрите на мою соколиную голову, смотрите и знайте: я — Ра, который некогда был могущественным богом в Египте. Вы не можете пасть передо мною на колени, распростершись ниц, ибо вы стиснуты в тесные ряды и лишены свободы движения и не видите дальше спины сидящего впереди вас; а к тому же ни один из вас не осмелится признать сие достойным и подобающим, пока не увидит, что и все остальные делают то же,— откуда и происходит, что в решительные минуты вы пребываете в бездействии, хотя каждый из вас говорит своему ближнему, что необходимо что-то сделать. Я не требую от вас преклонения, я требую лишь тишины. Пусть мужчины ваши не говорят, а женщины

пусть не кашляют, ибо я желаю перенести вас далеко в глубь времен, за две тысячи лет, за могилы шестидесяти поколений. Вы, жалкие последыши, не мните себя первыми. Другие глупцы видели до вас, как солнце всходило и закатывалось, а месяц менял лицо свое и час свой. Чем были они, тем вы стали ныне, но далеко вам до их величия; пирамиды, воздвигнутые моим народом, стоят и по сей день, а эти кучи праха, что вы зовете империями, где в рабстве влачите вы дни свои, рассыпаются по ветру, хотя вы и заваливаете их телами сынов ваших, дабы скопилось побольше праха.

Внемлите же мне, о вы, принудительно обученные! Узнайте, что, подобно тому как ныне у вас существует старая Англия и новая Англия и вы растерянно топчетесь между той и другой, так некогда, в те дни, когда люди поклонялись мне, существовал старый Рим и новый Рим, и между этими двумя Римами растерянно топтались люди. И старый Рим был мал и беден, свиреп и алчен и страдал многими пороками; но так как ум его был мал, а труд его был прост, он жил своим умом, и труд его спорился. И боги снисходили к нему, и помогали ему, и поддерживали его, и охраняли его; ибо боги проявляют терпение к малым. И вот старый Рим, словно нищий, очутившийся на коне, понадеялся на милость богов и сказал: «Увы мне! Нет ни величия, ни богатства в малости моей. Кто хочет идти путем богатых и великих, тот должен грабить бедных и убивать слабых!» И стали римляне грабить бедняков и овладели в совершенстве этим искусством, и были у них законы, в силу которых деяния их считались пристойными и честными. А когда выжали бедняков своих досуха, они стали грабить бедняков других стран и присоединили эти страны к Риму и создали новый Рим, богатый и необъятный. А я, Ра, смеялся над этим, ибо мозги римлян остались все такими же, между тем как владычество их распространилось по всей земле.

Так слушайте же меня, дабы понять то, что вы сейчас увидите. В те дни, когда римляне все еще топтались между старым и новым Римом, среди них явился могущественный воин, великий Помпей. Но путь война есть путь смерти, а путь богов — путь жизни; и поэтому бог к концу пути своего являет мудрость свою, а воин в конце пути своего оказывается глупцом. И вот Помпей стоял за старый Рим, где только воины могли достигнуть величия; но боги обернулись к новому Риму, в котором каждый человек, обладавший умом, мог сделаться тем, чем он хо-

тел. И друг Помпея, Юлий Цезарь, был на той же стороне, что и боги: он видел, что Рим перерос владык своих — старых маленьких римлян. И Цезарь этот был великий красноречивый и политик: он покупал людей словами и золотом, подобно тому как ныне покупают вас. А когда они перестали довольствоваться словами и золотом и потребовали побед и военной славы, Цезарь, уже не в юных летах, обратился к этому ремеслу; и те, что восставали против него, когда он заботился о благоденствии их, склонились перед ним, когда он стал убийцей и завоевателем. Ибо такова природа ваша, смертные. Что же до Помпея — он надоед своими успехами и тем, что он сам себя возомнил богом; ибо он толковал о законе, и долге, и о прочих вещах, которых не может касаться жалкая человеческая тварь. И боги улыбнулись Цезарю, ибо он смело жил жизнью, которую они даровали ему, и не хулил нас постоянно за то, что мы, созидая живое, не ведаем стыда, и не прятал деяний наших от людей, как если бы это было нечто постыдное. Вы хорошо знаете, о чем я говорю, ибо это один из ваших собственных грехов.

И так случилось между старым и новым Римом, что Цезарь сказал: «До тех пор, пока я не нарушу закон старого Рима, мне не удастся получить свою долю во владычестве над ним, и дар владычествовать, дар, который мне дали боги, погибнет и не принесет плода». Но Помпей сказал: «Закон выше всего, и если ты нарушишь его, ты должен погибнуть». И сказал Цезарь: «Вот я нарушу его, и пусть тот, кто осмелится, убьет меня». И он нарушил закон Рима. И Помпей пошел на него, как сказали бы вы, с великой армией, дабы уничтожить его и утвердить старый Рим. И Цезарь бежал через волны Адриатического моря, ибо великие боги хотели дать ему урок, тот же урок, что в свое время получите и вы, если вы так же будете забывать их и поклоняться этому пройдохе среди богов — Маммону. И поэтому, прежде чем вознести Цезаря и сделать его владыкой мира, они захотели бросить его в прах к ногам Помпея и очернить лицо его перед всеми народами. Помпея же они возвеличили и вознесли выше прежнего — и законы его и его высокомерный ум, который, словно обезьяна, пытался подражать богам. И сделали они это затем, дабы страшнее было его падение. И Помпей отправился в погоню за Цезарем, и раздавил его всем величием старого Рима, и стал над ним и над всем миром, подобно тому как вы стоите ныне с вашим

флотом, что покрывает воды морские на тридцать миль. И когда Цезарь был низринут и повержен в прах, он поднялся в последний раз, дабы умереть с честью, и не отчаялся, а сказал: «Вот они против меня — и Помпей, и старый Рим, и закон, и легионы — все, все против меня; но высоко надо всем этим — боги; а Помпей — глупец». И боги засмеялись и похвалили его. И на полях Фарсалы совершилось невозможное: кровь и железо, на которых держится ваша вера, пали перед духом человека, ибо дух человека — это воля богов. И могущество Помпея рассыпалось в руке его, подобно тому как рассыпалось могущество державной Испании, когда она обратилась против ваших предков* в те дни, когда Англия была мала, и жила своим умом, и полагалась на свой ум, а не на то, что она распространяет в газетах. И потому остерегайтесь, дабы какой-нибудь маленький народ, который вы обратили в рабство, не поднялся и не обратился в руках богов в бич, что обрушится на ваше хвостовство и вашу несправедливость, на ваши пороки и вашу глупость.

Так хотите ли вы теперь узнать о конце Помпея, или вы будете спать, когда говорит бог? Внемлите словам моим, ибо Помпей отправился туда, куда и вы пошли ныне,— в Египет, где стояла римская армия, подобно тому как ныне там стоит британская армия*. И Цезарь погнался за Помпеем в Египет; римлянин бежал, и римлянин гнался за беглецом: пес, пожирающий пса. И египтяне говорили: «Глядите, вот римляне, которые давали золото царям нашим и собирали с нас дань силой оружия своего, не они ли призывали нас быть верными им и предавать нашу родную страну. И вот теперь перед нами два Рима — Рим Помпея и Рим Цезаря. Которому же из них ныне должны мы хранить верность?» И в смущении своем они обратились к воину, который некогда служил Помпею, и знал пути Рима, и обладал всеми его пороками. И сказали ему: «Гляди, в твоей стране пес пожирает пса, и оба пса пришли к нам, дабы пожрать нас. Что ты можешь посоветовать нам?» И воин этот, которому было имя Луций Септимий* и которого вы ныне увидите перед собой, ответил: «Вам надлежит тщательно взвесить, который из двух псов сильнее, и затем убить слабейшего в утроду сильному и тем завоевать его милость». И египтяне сказали: «Ты дал дельный совет, но если мы убьем человека, мы преступим закон и поставим себя наравне с богами, а этого мы не смеем делать. Но ты — римлянин:

тебе привычно убийство, ибо у тебя страсть господствовать. Не возьмешься ли ты вместо нас убить того пса, который послабее?» И Луций ответил: «Да будет так, ибо я сделал Египет отчизной своей и желаю, чтобы вы почитали и слушали меня». И египтяне сказали: «Мы так и думали, что ты не станешь делать этого безо всякой мзды; ты получишь свою награду». И вот Помпей прибыл в Египет и пристал к берегам его один, на маленькой галере, положившись на его закон и обычай. И народ Египта увидел, что Помпей поистине слабый и ничтожный пес; и едва он успел ступить на берег, как его встретил его старый соратник Луций Септимий, который одной рукой приветствовал его, а другой отсек ему голову; и сохранил эту голову, как кочан капусты, дабы поднести ее в дар Цезарю. И род людской содрогнулся. А боги засмеялись: ибо Септимий был всего лишь мечом, отточенным рукой Помпея. И когда меч этот обратился против его собственного горла, боги сказали, что Помпею лучше было бы сделать Септимия хлебопашцем, а не столь доблестным и скорым на руку убийцей. И поэтому я снова говорю вам: остерегайтесь вы, которые все желали бы стать Помпеями, если бы осмелились; ибо война — это волк, и он может прийти и к вашей двери.

Вам, кажется, наскучила речь бога? Вас снедает нечистое желание послушать о жизни порочной женщины? Или имя Клеопатры пробудило в вас это любопытство? О, вы глупцы! Клеопатра всего лишь дитя, которое нянька наказывает розгой. И я, заботясь о благе ваших душ, хочу показать вам, как Цезарь, который пришел в Египет искать Помпея, нашел Клеопатру; и как принял он в дар этот кочан капусты, что некогда был головой Помпея; и что произошло между старым Цезарем и царицей-ребенком, пока он не покинул Египта и не проложил себе победный путь в Рим, затем чтобы быть убитым, подобно Помпею, людьми, в которых еще уцелел дух Помпея. Все это вы увидите и в невежестве своем будете удивляться тому, что за двадцать веков до ваших дней люди были такие же, как вы, жили и говорили, как вы, — не хуже и не лучше, не умнее и не глупее. И эти две тысячи лет, что минули с тех пор, — для меня, бога Ра, всего лишь мгновение; и то, что вы зовете сегодняшним днем, ничем не отличается от того дня, когда Цезарь впервые ступил на землю моего народа. А теперь я покину вас, ибо вы тупое племя и поучать вас — напрасная трата

слов; и я бы не стал расточать их, не будь я богом, а природа богов такова, что они вечно борются с прахом и тьмой и своей неизбывной жаждой божественного вечно стремятся высечь из праха и тьмы новые и новые искры жизни и света. Итак, сидите спокойно на ваших сидениях и молчите, ибо вы услышите сейчас речь человека, и, по вашему разумению, это был великий человек. И не бойтесь, я больше не заговорю с вами; да откроют вам истинный ход истории те, кто жил в ней. Прощайте и не вздумайте рукоплескать мне!

Храм исчезает в глубоком мраке.

ВАРИАНТ ПРОЛОГА

Октябрьская ночь на сирийской границе Египта в конце царствования XXXIII династии, 706-й год по римскому летоисчислению, 48-й до рождения Христова — по более позднему, христианскому исчислению. Яркий серебряный свет; заря лунной ночи полыхает на востоке. Звезды и безоблачное небо — наши современники, разве лишь на девятнадцать с половиной веков моложе, чем те, которые мы знаем. Но по их виду этого сказать нельзя. Внизу под ними — два весьма сомнительных завоевания цивилизации: дворец и солдаты. Дворец — старая низкая сирийская постройка из беленого ила — значительно менее уродлив, чем Букингемский дворец; и офицеры во дворце много культурнее, чем современные английские офицеры: так, например, они не имеют обыкновения выкапывать тела мертвых врагов и четвертовать их, как мы поступили с Кромвелем и Махди. Они разбились на две группы: одна с напряженным вниманием следит за игрой своего начальника Бельзенора, война лет пятидесяти; он положил копьё на землю около колена и, наклонившись, мечет кости, играя с молодым, лукавого вида, персидским наемником. Другая группа собралась вокруг одного из офицеров стражи, который только что рассказал непристойный анекдот (до сих пор пользующийся большим успехом в английских казармах), встреченный громовым хохотом. Всего их человек двенадцать; это молодые офицеры египетской гвардии, юноши из высокой аристократии. Они в красивой одежде, с оружием и в доспехах, при этом, в отличие от англичан, они не стыдятся своей профессиональной одежды и не тяготеют ею — наоборот, они явно и высокомерно воинственны и гордятся своей принадлежностью к военной касте.

Бельзенор — типичный ветеран, суровый и крутой: находчивый, усердный и исполнительный в тех случаях, когда требуется грубая сила; беспомощный и ребячливый, когда она не требуется; прекрасный сержант, неспособный генерал, никуда не годный диктатор. В современном европейском государстве, будь у него хорошие связи, несомненно подвизался бы на двух этих последних поприщах в силу своих заслуг на первом. Ныне, принимая во внимание, что Юлий Цезарь идет войной на его страну, он заслуживает сожаления. Не зная об этом, он весь поглощен игрой с персом, которого он, как чужеземца, считает способным и сплутовать.

Его подчиненные — по большей части красивые юноши; их интерес к игре и к непристойному анекдоту довольно полно характеризует основной круг интересов, которыми они живут. Их копья стоят у стены или лежат на земле, готовые служить им в любую минуту. Угол двора образует треугольник; одна сторона его — это фасад дворца с его главным входом, другая — стена с воротами. Группа, слушающая рассказчика, находится около дворца, игроки — ближе к воротам. Рядом с воротами, у стены, большой камень, с которого *н у б и е ц - ч а с о в о й* может оглядывать окрестность. Двор освещен факелом, воткнутым в стену. Когда хохот воинов, окружающих рассказчика, смолкает, *п е р с*, стоящий на коленях и выигравший этот кон, хватает ставку с земли.

Бельзенор. Аписом клянусь, перс, твои боги благоволят тебе.

Перс. Попробуем еще, о начальник. Отыграешься или проиграешь вдвое.

Бельзенор. Нет. Довольно. Мне сегодня не везет.

Часовой (*выглянув наружу, берет наперевес свое копье*). Стой. Кто идет?

Все настораживаются. Незнакомый голос отвечает из-за стены.

Гонец. Гонец с дурными вестями.

Бельзенор (*кричит часовому*). Пропустить!

Часовой (*опуская копье*). Приблизься, гонец с дурными вестями.

Бельзенор (*пряча в карман кости и поднимая с земли копье*). Принять с почестями этого человека. Он несет дурные вести.

Воины хватают свои копья и строятся около ворот, оставляя проход для пришельца.

Перс (*поднимаясь с колен*). Разве дурным вестям добавляют почести?

Бельзенор. Слушай меня, о невежественный перс, и учись. В Египте гонца с добрыми вестями приносят в жертву богам — как благодарственный дар; но ни один бог не примет крови посланца зла. Когда мы посылаем хорошую весть, мы вкладываем ее в уста самого негодного раба. Дурные вести несет благородный юноша, который желает отличиться.

Они присоединяются к тем, что стоят у ворот.

Часовой. Иди, о юный воин, и склони голову в доме царицы.

Голос. А ты намажь свое копьё свиным салом, о чернокожий. Ибо еще не вспыхнет утро, как римлянин заставит тебя проглотить его по самую рукоять.

Вестник — светловолосый щеголь, одетый иначе, чем дворцовая стража, но не менее вычурно, — смеясь, входит в ворота. На нем явственные признаки кровавой битвы: левая рука, на перевязи, выглядывает из разорванного рукава, в правой руке он держит римский меч в ножнах. Он важно шествует по двору. Перс справа от него, Бельзенор слева, стража толпится сзади.

Бельзенор. Кто ты, осмеливающийся смеяться в доме царицы Клеопатры и пред лицом Бельзенора, начальника ее стражи?

Пришелец. Я Бел-Африс, потомок богов.

Бельзенор (*торжественно*). Привет, родич!

Все (*кроме перса*). Привет, родич!

Перс. Вся стража царицы — потомки богов, кроме меня, о чужеземец. Я перс, потомок многих царей.

Бел-Африс (*страже*). Привет, родичи! (*Персу, снисходительно.*) Привет, смертный!

Бельзенор. Ты с поля битвы, Бел-Африс! Ты, воин, здесь среди воинов. Ты не допустишь, чтобы женщины царицы первыми услышали твои вести.

Бел-Африс. У меня нет иных вестей, кроме того, что всем здесь, женщинам и воинам, скоро перережут глотки.

Перс (*Бельзенору*). Говорил я тебе?

Часовой (*он слушал их*). Горе нам, горе!

Бел-Африс (*часовому*). Успокойся, бедный эфиоп. Судьба в руках богов, которые сделали тебя черным. (*Бельзенору.*) Что тебе говорил этот смертный? (*Показывает на перса.*)

Бельзенор. Он говорил, что римлянин Юлий Цезарь, который высадился с кучкой своих приверженцев у наших берегов, станет владыкой Египта. Он боится римских солдат!

Стража презрительно хохочет.

Бояться этого мужичья, что умеет только пугать ворон да тащиться за плугом! Этих сыновей кузнецов, медников и кожемяк! Нам, благородным потомкам богов, посвятившим себя оружию!

Перс. Бельзенор! Боги не всегда благосклонны к своим бедным родичам.

Бельзенор (*запальчиво, персу*). А что же, мы один на один не справимся с рабами Цезаря?

Бел-Африс (*становится между ними*). Послушай, родич. В бою один на один египтяне — боги в сравнении с римлянами.

Стража (*торжествующе*). Ага!

Бел-Африс. Но этот Цезарь не знает боя один на один, он бросает легион туда, где мы всего слабее, как бросают камень из катапульты. И этот легион подобен человеку с одной головой и тысячей рук, и он не знает бога. Я сражался с ним, и я знаю.

Бельзенор (*насмешливо*). Они испугали тебя, родич?

Стража гогочет, радуясь находчивости своего начальника.

Бел-Африс. Нет, родич. Но они меня сразили. Возможно, они испугались, но они раскидали нас, как солону.

Стража угрюмо ворчит, выражая свое презрение и гнев.

Бельзенор. А разве ты не мог умереть?

Бел-Африс. Нет, это было бы слишком легко, чтобы быть достойным потомка богов. Да к тому же я и не успел. Все кончилось в одно мгновение. Они напали на нас там, где мы их меньше всего ждали.

Бельзенор. Это значит, что римляне трусы.

Бел-Африс. Им все равно, трусы они или нет, римлянам: они бьются, чтобы победить. Гордость и честь войны неведомы им.

Перс. Расскажи нам о битве. Как было дело?

Стража (*нетерпеливо обступая Бел-Афрису*). Да, да, расскажи нам о битве.

Бел-Африс. Так вот узнайте: я недавно посвящен в стражу мемфисского храма Ра, я не служу ни Клеопатре, ни брату ее Птолемею, я служу великим богам. Мы двинулись в путь, чтобы узнать, зачем Птолемей прогнал Клеопатру в Сирию и как нам, египтянам, поступить с римлянином Помпеем, который только что прибыл в наши земли, после того как Цезарь разбил его под Фарсало. И что же узнали мы? А то, что Цезарь уже идет сюда по пятам своего врага, а Птолемей убил Помпея и отрубил ему голову, дабы преподнести ее в дар победителю.

Стража потрясена.

И еще мы узнали, что Цезарь уже здесь, ибо не прошли мы и полдня обратного пути, как увидели городскую чернь, бегущую от его легионов, которым она не могла помешать высидеться на берег.

Бельзенор. А вы, стража храма, вы не бросились в битву с легионами?

Бел-Африс. Мы сделали все, что может сделать человек. Но раздался рев трубы, и голос ее был как проклятие Черной Горы. Потом увидели мы стену из щитов, надвигавшуюся на нас. Всякий из вас знает, как замирает сердце, когда идешь приступом на укрепленную стену. Каково же, если сама стена ринется на вас?

Перс (*захлебываясь, ибо он уже говорил это*). Разве я тебе не говорил?

Бел-Африс. Когда стена приблизилась, она превратилась в строй солдат — простых, грубых людей в шлемах, в кожаных одеждах и с нагрудниками. И каждый из них метнул копье; и то, которое летело на меня, пронзило мой щит, словно папирус. Смотрите. (*Показывает на перевязанную левую руку.*) Оно бы пробило мне голову, но я нагнулся. И тут же они ринулись, сдвоив ряды, и их короткие мечи обрушились на нас вслед за копьями. Против таких мечей в рукопашном бою наше оружие бесполезно: оно слишком длинно.

Перс. Что же ты сделал?

Бел-Африс. Сжал кулак и что есть силы ударил римлянина в зубы. И оказалось, римлянин мой — простой смертный: он свалился оглушенный. Я проткнул его его же мечом. (*Вытаскивает меч.*) Вот — римский меч и кровь римлянина на нем.

Стража (*одобрительно*). Хорошо! (*Берут у него меч и передают из рук в руки, разглядывая его с любопытством.*)

Перс. А твои люди?

Бел-Африс. Обратились в бегство. Рассыпались, как овцы.

Бельзенор (*в ярости*). Трусливые рабы! Оставить потомков богов на растерзанье!

Бел-Африс (*с ядовитым спокойствием*). Потомки богов не остались на растерзанье, родич. Поле боя досталось не сильным, но в беге одолел скорый. У римлян нет колесниц, но они послали тучи всадников в погоню, и те перебили множество. Тогда полководец нашего верховного жреца призвал двенадцать потомков богов и заклинал нас погибнуть в бою. Я подумал: лучше стоять, нежели задыхаться в беге и погибнуть от удара в спину. Я остался на месте с военачальником. Римляне оказали нам

уважение; ибо никто не нападает на льва, когда поле полно овец,— если он не знает, что такое честь и гордость войны; а римляне не знают этого. Так мы спаслись. И я пришел сказать вам, чтобы вы открыли ворота Цезарю: ибо не пройдет и часа, как подойдут его передовые отряды. Между вами и его легионами нет ни одного египетского воина.

Часовой. О горе! *(Бросает свое копьё и бежит во дворец.)*

Бельзенор. Пригвоздить его к двери! Живо!

Стража гонится за часовым, потрясая копьями, но он ускользает от них.

Теперь твоя весть побежит по дворцу, как огонь по жнивью.

Бел-Африс. Что же нам сделать, дабы спасти женщин от римлян?

Бельзенор. А почему бы не убить их?

Перс. Потому что за кровь некоторых из них пришлось бы поплатиться головой. Пусть лучше их убьют римляне. Это дешевле.

Бельзенор *(в благоговении перед его сообразительностью)*. О хитроумный! О змий!

Бел-Африс. А ваша царица?

Бельзенор. Да. Мы должны увезти Клеопатру.

Бел-Африс. А разве вы не собираетесь подождать ее приказаний?

Бельзенор. Приказаний? Девчонки шестнадцати лет! Нет, у нас этого не водится. Это вы в Мемфисе считаете ее царицей; а мы-то здесь знаем. Я посажу ее на круп моего коня. Когда мы, воины, спасем ее от рук Цезаря, пусть жрецы и няньки опять выставляют ее царицей и нашептывают ей, что она должна приказать.

Перс. Выслушай меня, Бельзенор.

Бельзенор. Говори, о мудрый не по летам.

Перс. Птолемей, брат Клеопатры, враждует с ней. Продадим ему Клеопатру.

Стража. О хитроумный! О змий!

Бельзенор. Мы не смеем. Мы потомки богов, но Клеопатра — дочь Нила. И земля отцов наших не будет давать зерна, если Нил не поднимет свои воды и не питает ее. Без даров отца нашего мы станем нищими.

Перс. Это правда. Стража царицы не может жить на то, что ей дает царица. Но выслушайте меня, о вы, родители Осириса.

Стража. Говори, о хитроумный! Внемлите детищу змия!

Перс. Разве не правда то, что я говорил вам о Цезаре, когда вы думали, что я насмехаюсь над вами?

Стража. Правда, правда!

Бельзенор (*неохотно соглашаясь*). Так говорит Бел-Африс.

Перс. Так узнайте другое. Этот Цезарь — он очень любит женщин; они становятся ему друзьями и советчицами.

Бельзенор. Фу! Владычество женщин приведет к гибели Египет.

Перс. Пусть оно приведет к гибели Рим. Цезарь уже в преклонных летах. Ему больше пятидесяти лет, он утомлен битвами и трудом. Он стар для юных жен, а пожилые слишком мудры, чтобы благоволить к нему.

Бел-Африс. Берегись, перс! Цезарь близко, как бы он не услышал тебя.

Перс. Клеопатра еще не женщина, и мудрости нет у нее. Но она уже смущает разум мужчин.

Бельзенор. Верно! Это потому, что она дочь Нила и черной кошки от священного Белого Кота. Ну и что же?

Перс. Продадим ее тайно Птолемею, а сами пойдем к Цезарю и предложим ему пойти войной на Птолемея, чтобы спасти нашу царицу, прапраправнучку Нила.

Стража. О змий!

Перс. И он послушает нас, если мы придем и распишем ему, какова она. Он победит и убьет ее брата. И Клеопатра будет его царицей. А мы будем ее стражей.

Стража. О коварнейший из змиев! О мудрость! О чудо из чудес!

Бел-Африс. Он явится сюда, пока ты здесь разглагольствуешь, о длинноязыкий.

Бельзенор. Это правда.

Испуганные вопли во дворце прерывают его.

Скорей! Они уже бегут! К дверям!

Стража бросается к двери и загораживает ее копьями. Толпа слуганок и нянек показывается в дверях. Те, что впереди, пьются от копий и вопят задним, чтобы они не напирала. Голос Бельзенора покрывает их вопли.

Назад! На место! Назад, негодные коровы!

Стража. Назад, негодные коровы!

Бельзенор. Пошлите сюда Фтататиту, главную няню царицы!

Женщины (*кричат во дворце*). Фтататита, Фтататита! Иди сюда скорей. Говори с Бельзенором!

Одна из женщин. Да подайтесь же вы назад! Вы толкаете меня на копьё!

На пороге появляется рослая мрачная женщина. Лицо ее покрыто сетью тонких морщин; большие старые, умные глаза. Она мускулистая, высокая, очень сильная; у нее рот ищейки и челюсти бульдога; одета как важная особа при дворе, говорит со стражей высокомерно.

Фтататита. Дайте дорогу главной няне царицы.

Бельзенор (*с величавой надменностью*). Фтататита, я Бельзенор, начальник царской стражи, потомок богов.

Фтататита (*вдвойне высокомерно*). Бельзенор, я Фтататита, главная няня царицы, а твои божественные предки гордились тем, что изображения их живут на стенах пирамид великих царей, которым служили мои предки.

Женщины злорадно смеются.

Бельзенор (*со злобной насмешкой*). Фтататита, дочь длинноязыкого и оковращающего хамелеона, римляне на пороге!

Вопль ужаса среди женщин; если бы не копьё, они тут же бросились бы бежать.

Никто, даже потомки богов, не может преградить им путь, ибо у каждого из них семь рук и семь копий в каждой. Кровь в их жилах — как кипящая ртуть. Жены их становятся матерями через три часа, а назавтра их убивают и едят.

Женщины содрогаются в ужасе. Фтататита, преисполненная презрения к ним, пренебрежительно смотрит на солдат, она прокладывает себе дорогу сквозь толпу и идет, не смущаясь, прямо на копьё.

Фтататита. Тогда бегите и спасайтесь, о жалкие трусы, потомки грошовых глиняных божков, которых покупают рыбные торговки. Оставьте нас, мы сами позаботимся о себе.

Бельзенор. Но прежде исполни повеление наше, о ужас рода человеческого! Приведи к нам Клеопатру-царицу. А потом иди куда хочешь.

Фтататита (*с насмешливой улыбкой*). Теперь я знаю, почему боги взяли ее из наших рук.

Воины в смятении переглядываются.

Узнай же, глупый солдат, что ее нет с той поры, как закатилось солнце.

Бельзенор (*в ярости*). Ведьма, ты спрятала ее, чтобы продать Цезарю или брату ее, Птолемею. (*Хватает Фтататиту за руку и с помощью стражи тащит ее на середину двора, бросает на колени и заносит над ней смертоносный нож.*) Где она? Где она? Говори, или... (*Грозит перерезать ей горло.*)

Фтататита (*свирепо*). Тронь меня, собака! И Нил перестанет питать поля твои и в течение семижды семи лет обречет тебя на голод.

Бельзенор (*испуганно, но решившись на все*). Я принесу жертвы. Я откуплюсь. Нет, постой! (*Персу.*) Ты, о премудрый, земля твоих отцов лежит далеко от Нила, убей ее.

Перс (*угрожая ей ножом*). У персов один бог, и он лютит кровь старых женщин. Где Клеопатра?

Фтататита. Перс! Клянусь Осирисом, я не знаю. Я бранила ее за то, что она навлечет на нас дурные дни своей болтовней со священными кошками; она вечно таскает их на руках. Я грозила ей, что оставлю ее одну, когда придут римляне, в наказание за ее непослушный нрав. И она исчезла, убежала, спряталась. Я говорю правду. Да будет Осирис мне свидетелем..,

Женщины (*угодливо подхватывают*). Истинная правда, Бельзенор!

Бельзенор. Ты запугала девчонку. Она спряталась. Живо обыскать дворец! Обшарить все углы!

Стража во главе с Бельзенором прокладывает себе путь во дворец сквозь толпу женщин, которые не помня себя бросаются в ворота.

Фтататита (*вопит*). Святотатство! Мужчины в покаях царицы! Свято... (*Голос ее обрывается, перс подносит нож к ее горлу.*)

Бел-Африс (*кладет руку на плечо Фтататиты*). Подари ей еще минуту, перс. (*Фтататите, весьма внушительно.*) Мать, твои боги спят или развлекаются охотой. И меч у горла твоего. Отведи нас туда, где спряталась царица, и ты будешь жить.

Фтататита (*презрительно*). Кто остановит меч в руке глупца, если боги вложили меч в его руку? Послушайте меня вы, безумные юноши. Клеопатра боится меня, но римлян она боится еще больше. Есть только одна сила, которая для нее страшнее гнева царской няньки или жестокости Цезаря, — это Сфинкс, который сидит в пустыне и сторожит путь к морю. Она шепчет на ухо священным кошкам то, что ей хочется сказать ему. И в день своего рождения она приносит ему жертвы и украшает его маками. Так идите же в пустыню и ищите Клеопатру под сенью Сфинкса. Берегите ее больше жизни своей, дабы с ней не случилось худа.

Бел - А ф р и с (*персу*). Можно ли верить этому, о хитроумный?

Перс. Откуда идут римляне?

Бел - А ф р и с. Через пустыню от моря, мимо Сфинкса.

Перс (*Фтататите*). О мать вероломства, о язык ехидны! Ты придумала эту сказку, чтобы мы пошли в пустыню и погибли на римских копьях. (*Заносит нож.*) Вкуси же смерть!

Фтататита. Не от тебя, щенок! (*Ударяет его с силой по коленку, а сама бросается бежать вдоль дворцовой стены и исчезает в темноте.*)

Бел-Африс хохочет над упавшим персом. Стража выбегает из дворца с Бельзенором и кучкой беглянок, большинство тащит узлы.

Перс. Нашли вы Клеопатру?

Бельзенор. Она исчезла. Мы обыскали все закоулки.

Нубиец - часовой (*появляясь в дверях дворца*). Горе нам! Увы! Горе нам! Спасайтесь!

Бельзенор. Что еще там случилось?

Нубиец. Украли священного Белого Кота.

Все. Горе нам, горе!

Всеобщая паника. Все бегут с воплями ужаса. В суматохе падает и гаснет факел. Топот и крики беглецов замирают вдалеке. Тьма и мертвая тишина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Та же мгла, которая поглотила храм Ра и сирийский дворец. Та же мертвая тишина. Настороженное ожидание. Но вот черная неподвижная мгла подергивается мягкой серебряной дымкой. Слышится странная мелодия: это колеблемая ветром арфа Мемнона поет перед восходом луны. Громадная полная луна встает над пустыней, озаряя широ-

кий горизонт, на фоне которого смутно выступает огромная фигура; в расстилающемся лунном свете она постепенно принимает очертания Сфинкса, покоящегося среди песков. Свет становится все ярче, и теперь уже ясно видны открытые глаза истукана — они устремлены прямо вперед и вверх в бесконечном, бесстрашном бодрствовании; между его громадными лапами виднеется яркое пятно — груди красных маков, на которой неподвижно лежит девочка. Ее шелковая одежда тихо и мерно поднимается на груди от дыхания — спокойного дыхания спящей; заплетенные волосы сверкают в лунном блеске, подобно крылу птицы.

Внезапно издалека раздается смутный чудовищный гул — может быть, это рев Минотавра, смягченный далеким расстоянием, — и арфа Мемнона смолкает. Тишина, затем несколько далеких пронзительных звуков трубы. Снова тишина. Потом с южной стороны, крадучись, появляется человек. Восхищенный и изумленный этой загадкой ночи, он останавливается и замирает, погруженный в созерцание; но грудь Сфинкса с ее сокровищем скрыта от него огромным плечом истукана.

Человек. Слава тебе, Сфинкс! Юлий Цезарь приветствует тебя! Изгнанный рождением на землю, я скитался по многим странам в поисках утраченного мира, в поисках существ, подобных мне. Я видал стада и пастбища, людей и города, но я не встретил другого Цезаря, ни стихии, родственной мне, ни человека, близкого мне по духу, никого, кто бы мог совершить дела моих дней и разрешить думы моей ночи. В этом маленьком подлунном мире, о Сфинкс, я вознесен столь же высоко, как и ты в этой безбрежной пустыне; но я скитаюсь, а ты сидишь неподвижен; я завоевываю, а ты живешь в веках; я тружусь и изумляюсь, ты бодрствуешь и ждешь; я смотрю вверх — и я ослеплен, смотрю вниз — и омрачаюсь, оглядываюсь кругом — и недоумеваю, тогда как твой взор всегда, неизменно устремлен прямо, по ту сторону мира, к далеким краям утраченной нами отчизны. Сфинкс, ты и я — мы чужды породе людей, но не чужды друг другу: разве не о тебе, не о твоей пустыне помнил я с тех пор, как появился на свет? Рим — это мечта безумца; а здесь — моя действительность. В далеких краях, в Галлии, в Британии, в Испании, в Фессалии, видел я звездные твои костры, подающие знаки о великих тайнах бессменному часовому здесь, внизу, которого я нигде не мог найти. И вот он, наконец, здесь, этот часовой — образ неизменно-го и бессмертного в бытии моем, — безмолвный, полный дум, одинокий в серебряной пустыне. Сфинкс, Сфинкс! Я поднимался ночью на вершины гор, прислушиваясь издалека к вкрадчивому бегу ветров — наших незримых

детей, о Сфинкс, взметающих в запретной игре твои пески, лепечущих и смеющихся. Мой путь сюда — это путь рока, ибо я тот, чей гений ты воплощаешь: полужверь, полуженщина, полубог, и нет во мне ничего человеческого. Разгадал ли я твою загадку, Сфинкс?

Девочка (*проснувшись, осторожно выглядывает из своего убежища*). Старичок!

Цезарь (*сильно вздрагивает и хватается за меч*). Бессмертные боги!

Девочка. Старичок, не уходи отсюда.

Цезарь (*совершенно ошеломленный*). «Старичок, не уходи отсюда...» И это — Юлию Цезарю!

Девочка (*настойчиво*). Старичок!

Цезарь. Сфинкс, ты забыл о своих столетиях. Я мо- ложе тебя, хотя голос твой — голос ребенка.

Девочка. Полезай скорей сюда, а то сейчас придут римляне и съедят тебя.

Цезарь (*бежит, огибая плечо Сфинкса, и визит девочку*). Дитя у него на груди! Божественное дитя!

Девочка. Полезай скорей. Ты взберись по его боку, а потом ползи кругом.

Цезарь (*изумленный*). Кто ты?

Девочка. Я Клеопатра, царица Египта.

Цезарь. Цыганская царица, ты хочешь сказать?

Клеопатра. Ты не должен так непочтительно говорить со мной, а то Сфинкс отдаст тебя римлянам, и они съедят тебя. Лезь сюда. Здесь очень уютно.

Цезарь (*про себя*). Какой сон, какой дивный сон! Только бы не проснуться. Я готов завоевать десять материков, чтобы доглядеть его до конца. (*Он карабкается по туловищу Сфинкса и, обогнув правое плечо, появляется на пьедестале.*)

Клеопатра. Осторожней! Вот так. Теперь садись. Вот тебе другая его лапа. (*Усаживается поудобней на левой лапе Сфинкса.*) Он очень могущественный и защитит нас. Только... (*дрогнувшим, жалобным голосом*) он не обращает на меня никакого внимания и ничего мне не рассказывает. Я очень рада, что ты пришел: мне было так скучно. А ты нигде здесь не видел Белого Кота?

Цезарь (*усаживается на правую лапу; в крайнем удивлении*). Ты, значит, потеряла кошку?

Клеопатра. Да, священного Белого Кота. Подумай, какой ужас! Я несла его сюда, я хотела принести его в жертву Сфинксу, но только что мы отошли от города, его позвала черная кошка, и он вырвался у меня из рук и

убежал. А как ты думаешь, может быть эта черная кошка и есть моя прапрапрабабушка?

Цезарь (*не сводя с нее изумленных глаз*). Твоя прапрапрабабушка? Возможно. В эту диковинную ночь я ничему не удивлюсь.

Клеопатра. Да, я тоже так думаю. Прабабушка моей прабабушки была черной кошкой от священного Белого Кота, а Нил сделал ее своей седьмой женой. Вот потому у меня такие волнистые волосы. И мне всегда хочется все делать по-своему — все равно, хотят этого боги или нет. Потому что моя кровь — это воды Нила.

Цезарь. А что ты тут делаешь так поздно? Ты живешь здесь?

Клеопатра. Ну, конечно нет. Я — царица. Я буду жить во дворце в Александрии, когда убью своего брата, который меня прогнал оттуда. Когда я стану совсем большая, я буду делать все, что хочу. Я буду кормить ядом моих рабов и буду смотреть, как они корчатся. А Фтататиту я буду пугать, что ее посадят в огненную печь.

Цезарь. Гм... Ну, а сейчас почему ты не дома, не в своей постели?

Клеопатра. Потому что сюда идут римляне, и они нас всех съедят. Ты ведь тоже не дома и не в постели.

Цезарь (*с убеждением*). Нет, я дома. Мой дом — палатка. И я сейчас крепко сплю в своей палатке и вижу сон. Неужели ты думаешь, что ты существуешь на самом деле, ты, сонное наважденье, маленькая невысказанная колдунья?

Клеопатра (*хихикая, доверчиво прижимается к нему*). Ты смешной милый старичок! Ты мне очень нравишься.

Цезарь. Ах, ты мне портишь сон. Почему тебе не снится, что я молодой?

Клеопатра. Я была бы очень рада, если бы ты был молодой. Только тогда я бы тебя, наверно, боялась. Мне нравятся юноши, у которых круглые, сильные руки. Но я боюсь их. А ты старый, худой и жилистый. Но у тебя приятный голос; и я рада, что есть с кем поболтать, хотя ты, наверно, немножко сумасшедший. Должно быть, это луна на тебя действует, что ты так глупо разговариваешь сам с собой.

Цезарь. Как? Ты слышала? Я возносил мольбы великому Сфинксу.

Клеопатра. Да это вовсе не великий Сфинкс.

Цезарь (*в крайнем огорчении смотрит на иступану*). Что?

Клеопатра. Это милый, малюсенький, крохотный Сфинксик. Что ты! Великий Сфинкс — он до того большой, что у него целый храм стоит между лапами. А это мой дорогой Сфинксик. А скажи, как ты думаешь, у римлян есть такие колдуны, которые могут нас колдовством унести отсюда?

Цезарь. Что? Неужели ты боишься римлян?

Клеопатра *(совершенно серьезно)*. Ох, они нас съедят, если только поймают. Они — варвары. Их вождя зовут Юлий Цезарь. У него отец — Тигр, а мать — Пылающая Гора. А нос у него, как хобот у слона.

Цезарь невольно трогает себя за нос.

У них у всех длинные носы, клыки слоновьи и маленькие хвостики. И семь рук, и по сотне стрел в каждой; а едят они человечину.

Цезарь. Хочешь, я покажу тебе настоящего римлянина?

Клеопатра *(испутанно)*. Нет, не пугай меня.

Цезарь. Не все ли равно, ведь это только сон...

Клеопатра *(нетерпеливо)*. Нет, не сон, нет, не сон. Вот смотри. *(Вытаскивает шпильку из волос и колет его несколько раз в руку.)*

Цезарь. Ай! перестань! *(Гневно.)* Да как ты смеешь?

Клеопатра *(оробев)*. Ты ведь говорил, что ты спишь. *(Чуть не плача.)* Я только хотела доказать тебе...

Цезарь *(ласково)*. Ну, полно, полно, не плачь. Царицам нельзя плакать. *(Он потирает уколотую руку и удивляется совершенно реальному ощущению боли.)* Что это, правда, наяву? *(Он ударяет рукой по истукану, чтобы проверить себя. И ощущение оказывается настолько реальным, что он сбит с толку и растерянно бормочет.)* Да я... *(В совершенном ужасе.)* Нет, невысказано. Безумие, безумие! *(Вне себя.)* Скорее в лагерь, в лагерь! *(Вскакивает и собирается прыгнуть на землю.)*

Клеопатра *(в страхе цепляется за него и не пускает)*. Нет, не оставляй меня! Нет, нет, нет, не уходи! Мне страшно, я боюсь римлян.

Цезарь *(волей-неволей убеждаясь, что он действительно не спит)*. Клеопатра, ты хорошо видишь мое лицо?

Клеопатра. Да. Оно такое белое в лунном свете.

Цезарь. Ты уверена, что это только от луны оно кажется блее лица египтянина? *(Зловеще.)* Ты не находишь, что у меня очень длинный нос?

Клеопатра (*отшатываясь от него и замирая в ужасе*). Ой!

Цезарь. Это римский нос, Клеопатра.

Клеопатра. Ах! (*С пронзительным криком вскакивает и, юркнув за левое плечо Сфинкса, прыгает на песок и, упав на колени, вопит и взывает к Сфинксу.*) Раскуси его пополам, Сфинкс! Раскуси его пополам! Я хотела принести тебе в жертву Белого Кота — правда, я несла его тебе!

Цезарь спускается с пьедестала, трогает ее за плечо.

Ах! (*Съезживается и прячет лицо.*)

Цезарь. Клеопатра, хочешь, я научу тебя, что надо сделать, чтобы Цезарь не съел тебя?

Клеопатра (*умоляюще жметя к нему*). Ах, научи, научи. Я украду драгоценности у Фтататиты и подарю тебе. Я повелю Нилу питать твои поля дважды в год.

Цезарь. Успокойся, успокойся, малютка! Твои боги трепещут перед римлянами. Ты видишь, Сфинкс не смеет укусить меня. И если я захочу отдать тебя Юлию Цезарю, он не посмеет помешать мне.

Клеопатра (*жалобно уговаривая его*). Нет, ты не отдашь, ты не отдашь, ты сам сказал, что не отдашь.

Цезарь. Цезарь не ест женщин.

Клеопатра (*вскакивает, оживая надеждой*). Что?

Цезарь (*внушительно*). Но он ест девочек (*она снова целенеет*) и кошек. Ты глупенькая маленькая девочка, и ты родилась от черной кошки. Значит, ты и девочка и кошка.

Клеопатра (*грожа*). И он съест меня?

Цезарь. Да-а, если только ты не заставишь его поверить, что ты женщина.

Клеопатра. Так найди же волшебника, который делает из меня женщину. Может быть, ты сам волшебник?

Цезарь. Возможно. Но на это потребуются много времени; а тебе в эту же ночь предстоит встретиться лицом к лицу с Цезарем во дворце твоих предков.

Клеопатра. Нет, нет! Ни за что!

Цезарь. Как бы сердце твое ни трепетало от ужаса, как бы ни был для тебя страшен Цезарь, ты должна встретить его как мужественная женщина и великая царица: он не должен видеть, что ты боишься. Если твоя рука дрогнет или голос прервется, тогда — мрак и смерть.

Клеопатра стонет.

Но если он найдет тебя достойной царствовать, он посадит тебя на трон рядом с собой и сделает тебя истинной владычицей Египта.

Клеопатра (*в отчаянии*). Нет, он догадается, он увидит.

Цезарь (*с некоторой грустью*). Женщины легко обманывают его. Их глаза ослепляют его. Он видит их не такими, какие они есть, а такими, какими ему хочется их видеть.

Клеопатра (*с надеждой в голосе*). Так мы обманем его. Я надену наколку Фтататиты, и он примет меня за старуху.

Цезарь. Если ты сделаешь это — знай, он проглотит тебя одним глотком.

Клеопатра. А я сделаю ему сладкий пирог с моим волшебным опалом, а в тесте запекую семь волосков Белого Кота. И еще...

Цезарь (*прерывает ее*). Фу, какая ты дурочка! Он съест твой сладкий пирог, да и тебя вместе с ним. (*С презрением поворачивается и отходит.*)

Клеопатра (*бежит за ним и цепляется за него*). Ах, нет! Ну, пожалуйста, пожалуйста! Я сделаю все, что ты велишь. Я буду слушаться. Я буду твоя рабыня.

Снова из пустыни доносится мощный рев, теперь уже совсем близко.
Это бухцина — римский военный рог.

Цезарь. Слышишь?

Клеопатра (*грожа*). Что такое?

Цезарь. Это голос Цезаря.

Клеопатра (*тащит его за руку*). Так давай убежим. Идем, идем скорей.

Цезарь. Со мной тебе ничего не грозит, пока ты не взойдешь на трон, дабы принять Цезаря. Веди меня туда.

Клеопатра (*радуясь, что можно уйти*). Хорошо, хорошо.

Снова слышен рог.

Идем же скорей, идем, идем! Боги гnevаются. Слышишь, как дрожит земля?

Цезарь. Это поступь легионов Цезаря.

Клеопатра (*тащит его за собой*). Вот сюда, да скорей же! И давай посмотрим, нет ли где здесь Белого Кота. Это он превратил тебя в римлянина.

Цезарь. Неисправима, совершенно неисправима!
Ну, идем! *(Он следует за ней.)*

Рев букцины становится все громче, по мере того как они, крадучись, пробираются по пустыне. Лунный свет гаснет, горизонт снова зияет черной мглой, в которой причудливо выступает громада Сфинкса. Небо исчезает в беспросветной мгле. Затем в тусклом свете отдаленного факела взору открываются высокие египетские колонны, поддерживающие свод величественной галереи. В глубине ее раб - н у б и е ц несет факел. Цезарь следует за Клеопатрой, они идут за рабом. Проходя колоннадой, Цезарь с любопытством рассматривает незнакомую архитектуру и выступающие из мрака между колоннами, в свете бегущего факела, фигуры крылатых людей с соколиными головами и громадных черных мраморных котов, которые вдруг словно выскакивают из засады и так же внезапно прячутся. Галерея поворачивает за угол и образует просторный неф, где Цезарь видит направо от себя трон и за ним дверь. По обе стороны трона возвышаются стройные колонны, и на каждой из них светильник.

Цезарь. Что это такое?

Клеопатра. Здесь я сию на троне, когда мне позволяют надевать мою корону и порфиру.

Раб поднимает факел и освещает трон.

Цезарь. Прикажи рабу зажечь светильники.

Клеопатра *(смущенно)*. Ты думаешь, можно?

Цезарь. Конечно. Ты — царица.

Она не решается.

Ну, что же ты?

Клеопатра *(несмело рабу)*. Зажги все светильники.

Фтататита *(внезапно появляется позади трона)*.
Остановись, раб!

Раб останавливается. Фтататита строго обращается к Клеопатре, которая струсил, как напроказивший ребенок.

Кто это с тобой? И как ты осмелилась распорядиться зажечь светильники без моего разрешения?

Клеопатра от страха не может вымолвить ни слова.

Цезарь. Кто это?

Клеопатра. Фтататита.

Фтататита *(высокомерно)*. Главная няня цари...

Цезарь *(обрывая ее)*. Я говорю с царицей. Молчи! *(Клеопатре.)* Так-то твои слуги знают свое место? Ото-

шли ее. А ты *(обращаясь к рабу)* делай так, как тебе приказала царица.

Раб зажигает светильники. Клеопатра стоит и ежится, боясь Фтататиты.

Ты — царица; отошли ее.

Клеопатра *(заискивающе)*. Фтататита, милочка, пожалуйста, уйди — ну на минутку.

Цезарь. Ты не приказываешь, ты просишь. Ты не царица. Тебя съедят. Прощай. *(Он делает движение уйти.)*

Клеопатра *(хватается за него)*. Нет, нет, нет! Не оставляй меня!

Цезарь. Римлянам нечего делать с царицами, которые боятся своих рабов.

Клеопатра. Я не боюсь. Правда же, я не боюсь.

Фтататита. Посмотрим, кто здесь боится! *(Угрожающе.)* Клеопатра...

Цезарь. На колени, женщина! Или ты думаешь, и я дитя, что ты осмеливаешься шутить со мной? *(Показывает ей на пол у ног Клеопатры.)*

Фтататита, наполовину укрощенная, но вместе с тем взбешенная, медлит. Цезарь окликает нубийца.

Раб!

Нубиец подходит.

Ты сумеешь отсечь голову?

Нубиец кивает и осторожно ухмыляется, показывая все зубы.

(Цезарь берет меч в ножнах и подает его рукоятью вперед нубийцу, потом поворачивается к Фтататите и снова указывает на пол.) Ты опомнилась, женщина?

Фтататита, уничтоженная, падает на колени перед Клеопатрой, которая не верит своим глазам.

Фтататита *(хрипло)*. О царица, не забудь слугу твою в день твоего величия!

Клеопатра *(вне себя от возбуждения)*. Прочь! Поди прочь! Вон отсюда!

Фтататита поднимается и с опущенной головой пятится к двери.

(Клеопатра, восхищенная этой покорностью, чуть не хлопает в ладоши, руки у нее грожат. Внезапно она кри-

чит.) Дайте мне что-нибудь, я отхлещу ее. *(Хватает с трона змеиную кожу и, размахивая ею, как бичом, бросается за Фтататитой.)*

Цезарь мгновенно, одним прыжком, оказывается около Клеопатры и удерживает ее, пока Фтататита не исчезает.

Цезарь. Вот как? Ты царапаешься, котенок?

Клеопатра *(вырываясь)*. Я хочу побить кого-нибудь. Я побью его. *(Бросается на раба.)* Вот! вот! вот!

Раб опрометью бежит по галерее и скрывается.

(Клеопатра бросает змеиную кожу на ступеньки трона и, размахивая руками, кричит.) Вот теперь я настоящая царица! Настоящая царица — царица Клеопатра!

Цезарь с сомнением покачивает головой: преимущество этого превращения кажется ему сомнительным, когда он взвешивает его с точки зрения общественного блага Египта.

(Она поворачивается и смотрит на Цезаря сияя, потом соскакивает с трона, подбегает к нему, вне себя от радости бросается к нему на шею и кричит.) О, как я люблю тебя за то, что ты сделал меня царицей!

Цезарь. Царицам надлежит любить только царей.

Клеопатра. Все, кого я люблю, будут у меня царями. Я тебя сделаю царем. У меня будет много молодых царей с круглыми, сильными руками. А когда они наскучат мне, я их запорю до смерти. Но ты всегда будешь моим царем. Моим милым, добрым, умным, хорошим, любимым старым царем.

Цезарь. О мои морщины, мои морщины! И мое детское сердце! Ты будешь самой опасной из побед Цезаря.

Клеопатра *(опомнившись, в ужасе)*. Цезарь! Я забыла про Цезаря! *(В смятении.)* Ты скажешь ему, что я царица? Что я настоящая царица! Послушай *(ластясь к нему)*, давай убежим и спрячемся, пока Цезарь не уйдет?

Цезарь. Если ты боишься Цезаря, ты не настоящая царица. И хотя бы ты спряталась под пирамидой, он подойдет и поднимет ее одной рукой. И тогда... *(Щелкает зубами.)*

Клеопатра *(грожит)*. Ой!

Цезарь. Посмей только, испугайся!

Вдалеке снова раздается рев букцины. Клеопатра стонет от страха.

Ага! Цезарь идет к трону Клеопатры. Ступай сядь на свое место. *(Он берет ее за руку и ведет к трону. Она так перепугана, что не может выговорить ни слова.)* Эй, Титатота! Как ты зовешь своих рабов?

Клеопатра *(безжизненно опускается на трон, съезжается и дрожит)*. Хлопни в ладоши.

Цезарь хлопает в ладоши. Входит Фтататита.

Цезарь. Принеси одеяния царицы и ее корону. Позови служанок и обряди ее.

Клеопатра *(оживляясь и немного приходя в себя)*. Да, корону, Фтататита! Я надену корону.

Фтататита. Для кого должна царица облечься в свои царские одежды?

Цезарь. Для римского гражданина, для царя царей, Тотатита.

Клеопатра *(топая ногой)*. Как ты смеешь спрашивать? Иди и делай, что тебе приказано.

Фтататита уходит, угрюмо улыбаясь.

(Клеопатра нетерпеливо, Цезарю.) Цезарь узнает, что я царица, когда увидит мою корону и одеяние, правда?

Цезарь. Нет, откуда узнает он, что ты не рабыня, надевшая царское одеяние?

Клеопатра. Ты скажешь ему.

Цезарь. Он не станет меня спрашивать. Он узнает Клеопатру по ее мужеству, ее величию и красоте.

Клеопатра смотрит на него с крайним сомнением.

Ты дрожишь?

Клеопатра *(трясая от страха)*. Нет... я... я... *(совершенно угасшим голосом)* нет.

Фтататита и три женщины входят с царским одеянием.

Фтататита. Из всех приближенных женщин царицы остались только трое. Остальные бежали.

Они начинают одевать Клеопатру, которая подчиняется им, бледная, безжизненная.

Цезарь. Ничего, ничего. Достаточно и троих. Бедному Цезарю обычно приходится одеваться самому.

Фтататита (*презрительно*). Царицу Египта как сравнить с римским варваром! (*Клеопатре*.) Будь смелей, дитя мое! Выше голову перед этим чужеземцем.

Цезарь (*любясь Клеопатрой, возлагает ей корону на голову*). Ну как? Сладко ли быть царицей, Клеопатра?

Клеопатра. Не сладко.

Цезарь. Подави свой страх — и ты завоюешь Цезаря. Близко ли римляне, Тота?

Фтататита. Они на пороге, а стража разбежалась.

Женщины (*горестно стонут*). О, горе нам, горе!

По галерее бежит нубиец.

Нубиец. Римляне в ограде! (*Одним прыжком исчезает за дверью*.)

Женщины с воплями бросаются за ним. Фтататита смотрит со злобной решимостью. Она не двигается с места. Клеопатра еле удерживается, чтобы не броситься вслед за служанками. Цезарь держит ее за руку и сурово смотрит на нее, не сводя глаз. Она стоит, как мученица, обреченная на казнь.

Цезарь. Царица должна одна встретить Цезаря. Скажи: да будет так.

Клеопатра (*белая, как полотно*). Да будет так!

Цезарь (*отпуская ее*). Хорошо.

Слышен шум и тяжелый шаг вооруженных воинов. Ужас Клеопатры усиливается. Рев букцины раздается совсем рядом. Его подхватывает оглушительная фанфара труб. Это свыше сил Клеопатры, она издает вопль и бросается к двери. Фтататита безжалостно останавливает ее.

Фтататита. Я вынырнула тебя. Сейчас ты сказала: «Да будет так!» И если бы даже тебе пришлось умереть, ты должна сдержать слово царицы. (*Она подводит Клеопатру к Цезарю, и он ведет ее, еле живую от страха, к трону*.)

Цезарь. Теперь, если ты дрогнешь... (*Садится на трон*.)

Клеопатра стоит на ступеньках почти без чувств, приготовившись к смерти. Римские солдаты с грохотом идут по галерее. Впереди знаменосец с римским орлом, за ним трубач с букциной — рослый воин с рогом, обвивающимся вокруг его тела; медный раструб изображает воющую волчицу. Дойдя до нефа, они с изумлением глядят на трон; потом выстраиваются перед троном, выхватывают мечи и, потрясая ими в воздухе, кричат: «Слава Цезарю!» Клеопатра оборачивается и бессмысленно смотрит на Цезаря. Внезапно истина доходит до ее сознания, и она с воплем облегчения, рыдая, падает в его объятия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Александрия. Зал в нижнем этаже дворца, переходящий в лоджию, куда ведут две ступени. Через арки лоджии видно, как сверкают в утреннем солнце волны Средиземного моря. Высокие светлые стены покрыты фресками, представляющими процессию египетских царей, изображенных в профиль, в виде плоского орнамента; отсутствие зеркал, искусственных перспектив, мягкой мебели и тканей делает это место красивым, простым, здоровым, прохладным или, как сказал бы богатый английский фабрикант, — бедным, голым, нелепым и неудобным, ибо цивилизация Тоттенхэм-Корт-Род* по отношению к египетской цивилизации — все равно что стеклянные бусы и татуировка по отношению к цивилизации Тоттенхэм-Корт-Род.

Юный царь Птолемей - Дионис (десятилетний мальчик), которого ведет за руку его опекун Потин, сходит со ступеней лоджии. Двор собрался на царский прием. Придворные — мужчины и женщины разных племен и разного цвета кожи, но большей частью египтяне; некоторые из них значительно светлее — жители Нижнего Египта, другие, более смуглые — уроженцы Верхнего Египта; среди них несколько греков и евреев. В группе по правую руку Птолемея выделяется наставник Птолемея — Теодот; группу по левую руку Птолемея возглавляет Ахилл — военачальник Птолемея. Теодот — маленький, высохший старичок, с таким же высохшим и сморщенным лицом, на котором, господствуя над остальными чертами, выделяется высокий, прямой лоб; он смотрит с пронизательностью и глубокомыслием сороки и слушает то, что говорят другие, с придирчивой саркастичностью философа, внимающего ораторским упражнениям своих учеников. Ахилл — высокий красивый человек лет тридцати пяти, с роскошной черной бородой, курчавящейся, словно шерсть пуделя; умом не блещет, но вид имеет внушительный и не роняет своего достоинства. Потин — крепкий мужчина, примерно лет пятидесяти, евнух; пылкий, энергичный, находчивый, умом и характером не отличается, нетерпелив и не умеет владеть собой; у него пушистые волосы, похожие на мех. Царь Птолемей на вид гораздо старше, чем английский мальчик тех же лет, но держится ребячливо, привык к тому, чтобы его водили на помочах, беспощаден и раздражителен и, подобно всем возвращенным при дворе принцам, выглядит чересчур тщательно умытым, одетым и причесанным.

Царя встречают церемониальными поклонами, он сходит со ступенек к тронному креслу, которое стоит направо от него, — это единственное сидение во всем зале. Подойдя к креслу, он растерянно поглядывает на Потина, который становится по левую его руку.

Потин. Царь Египта скажет свое слово.

Теодот (*пискливым голосом, который звучит внушительно только благодаря его самомнению*). Внемлите слову царя!

Птолемей (*без всякого выражения; он, по-видимому, повторяет затверженный урок*). Узнайте, все вы. Я — перворожденный сын Авлета*, Певучей Флейты, который был вашим царем. Моя сестра Береника свергла его с трона и завладела его царством, но... но... (*Он заикается и смолкает.*)

Потин (*тихонько подсказывает*). Но боги не потерпели...

Птолемей. Да, боги не потерпели, не потерпели... (*Останавливается, и совершенно убитым голосом.*) Я забыл, чего боги не потерпели...

Теодот. Пусть Потин, опекун царя, скажет слово царя.

Потин (*с трудом подавляя раздражение*). Царь хотел сказать, что боги не потерпели, чтобы беззаконие сестры его осталось безнаказанным.

Птолемей (*поспешно*). Да, да, дальше я помню. (*Он снова начинает тем же монотонным голосом.*) И вот боги послали чужеземца Марка Антония, римского начальника всадников, через пески пустынь, и он вернул трон отцу моему. И отец мой взял сестру мою Беренику и отсек ей голову. И ныне, после кончины отца моего, другая дочь его, сестра моя Клеопатра, похитила у меня царство мое и хочет завладеть моим тронном. Но боги не потерпят...

Потин предостерегающе покашливает.

Боги... боги... не потерпят...

Потин (*подсказывает*). Не допустят...

Птолемей. Ах да... не допустят сего беззакония, они предадут ее голову секире, как предали голову сестры ее. Но с помощью колдуньи Фтататиты она заморозила римлянина Юлия Цезаря и заставила его поддерживать ее незаконные притязания на египетское царство. Узнайте теперь, что я не потерплю... Я не потерплю... (*Капризно, Потину.*) Чего я не потерплю?

Потин (*выведенный из себя, со всем пылом страстно негодующего политика*). Царь не потерпит, чтобы чужеземец похитил у него трон нашего египетского царства. (*Возгласы одобрения.*) Скажи царю, Ахилл, сколько воинов и всадников у этого римлянина?

Теодот. Военачальник царя скажет слово.

Ахилл. Всего два римских легиона, о царь! Три тысячи солдат и едва ли тысяча всадников.

Двор раздражается презрительным смехом, начинается оживленная болтовня; в это время в лоджии появляется римский офицер Руфий. Это рослый, сильный чернородый человек средних лет, с маленькими светлыми глазами, решительный и грубый; у него толстые нос и щеки, но сам он весь словно выкован из железа.

Руфий *(со ступеней)*. Эй, вы там! *(Смех и болтовня сразу прекращаются.)* Цезарь идет.

Теодот *(с большим присутствием духа)*. Царь разрешает римскому военачальнику войти.

Цезарь в простой одежде, но в венке из дубовых листьев, прикрывающем лысину, спускается из лоджии в сопровождении своего секретаря Британа: бритт, человек лет сорока, высокий, внушительный, уже слегка лысеющий, с густыми, спадающими вниз каштановыми усами, подстриженными так, что их концы переходят в опрятные баки. Он аккуратно одет во все синее; за поясом у него кожаная сумка, чернильница из рога и тростниковое перо. Его серьезный вид, свидетельствующий о важности предстоящего им дела, находится в очевидном несоответствии с добродушным интересом, который проявляет Цезарь, разглядывающий незнакомую обстановку с откровенным детским любопытством. Цезарь проходит к креслу царя. Британ и Руфий останавливаются возле ступеней, ведущих к лоджии.

Цезарь *(смотрит на Потина и Птолемя)*. Кто царь, мужчина или мальчик?

Потин. Я — Потин, опекун владыки моего, царя.

Цезарь *(ласково похлопывает Птолемя по плечу)*. Так это, значит, ты царь? Скучное занятие в твоем возрасте, а? *(Потину.)* Привет тебе, Потин. *(Он равнодушно отворачивается и медленно идет на середину зала, оглядываясь по сторонам и рассматривая придворных, пока не доходит до Ахилла.)* А этот молодец кто такой?

Теодот. Ахилл, военачальник царя.

Цезарь *(друзески Ахиллу)*. А, военачальник, я тоже военачальник. Но я слишком поздно начал, слишком поздно. Желаю тебе здравствовать и одержать много побед, Ахилл.

Ахилл. Как будет угодно богам, Цезарь.

Цезарь *(к Теодоту)*. А ты, кажется...

Теодот. Теодот, наставник царя.

Цезарь. Ты учишь людей быть царями, Теодот. Умное занятие, ничего не скажешь. *(Отворачивается, разглядывает богов по стенам, затем снова подходит к Потину.)* А что здесь собственно такое?

Потин. Палата советников царской сокровищницы, Цезарь.

Цезарь. А-а, ты мне напомнил. Мне нужны деньги.

Потин. Сокровищница царя оскудела, Цезарь.

Цезарь. Да, я вижу, здесь всего одно сиденье.

Руфий *(грубо кричит)*. Дайте сюда кресло для Цезаря!

Птолемей *(застенчиво поднимается и предлагает Цезарю свое кресло)*. Цезарь...

Цезарь *(ласково)*. Нет, нет, мой мальчик. Это твое место. Сядь.

Он заставляет Птолея сесть. Между тем Руфий, оглядываясь по сторонам, замечает в углу изображение бога Ра, которое представляет собой сидящего человека с соколиной головой. Перед этим изображением стоит бронзовый треножник размером с табуретку, на нем курится фимиам. Руфий, с находчивостью римлянина и свойственным ему равнодушием к чужеземным суевериям, быстро хватает треножник, стряхивает курения, сдувает пепел и ставит его позади Цезаря, почти посредине зала.

Руфий. Садись сюда, Цезарь.

Придворные содрогаются, раздается свистящий шепот: «Кошунство!»

Цезарь *(усаживаясь)*. Так вот, Потин, поговорим о деле. Мне очень нужны деньги.

Британ *(неодобрительно: ему не нравится такой неофициальный тон)*. Мой повелитель хочет сказать, что у Рима законный иск к Египту по обязательствам, заключенным вашим почившим царем с триумвиратом. И долг Цезаря по отношению к отчизне заставляет его требовать немедленной уплаты.

Цезарь *(учтиво)*. Ах да, я забыл. Я не представил вам моих соратников. Потин,— это Британ, мой секретарь. Островитянин, с западного края мира. От Галлии — день пути.

Британ чопорно кланяется.

А это Руфий, мой товарищ по оружию.

Руфий кивает.

Так вот, Потин, мне нужно тысячу шестьсот талантов.

Придворные ошеломлены, в толпе подымается ропот. Теодот и Ахилла безмолвно взывают друг к другу, возмущенные столь чудовищным требованием.

Потин (*в ужасе*). Сорок миллионов сестерций! Немыслимо! В царской сокровищнице нет таких денег.

Цезарь (*ободряюще*). Всего тысяча шестьсот талантов, Потин. Зачем считать на сестерции? Что купишь на одну сестерцию? Каравай хлеба.

Потин. А за талант можно купить породистого коня. Мы переживаем смутное время, ибо сестра царя, Клеопатра, незаконно оспаривает его трон. Царские подати не собирались целый год.

Цезарь. Их собирают, Потин. Мои воины сегодня с утра занимаются этим.

Снова шепот и общее изумление, кое-где среди придворных сдвоенные смешки.

Руфий (*резко*). Нужно платить, Потин. Что зря разговаривать. Вы и так отделаетесь недорого.

Потин (*язвительно*). Возможно ли, чтобы завоеватель мира, Цезарь, терял время на такие мелочи, как наши подати?

Цезарь. Друг мой, подати для завоевателей мира — самое главное дело.

Потин. Так слушай, Цезарь, сегодня же сокровища храмов и золото царской казны отдадут литейщикам монетного двора перелить на монету и уплатить выкуп на глазах у всего народа. И пусть увидит народ, как мы будем сидеть у голых стен и пить из деревянных чаш. Да падет гнев его на твою голову, Цезарь, если ты принудишь нас к этому святотатству.

Цезарь. Не опасайся этого, Потин: народ знает, как приятно пить вино из деревянной чаши. А я за твою щедрость готов уладить ваши споры из-за трона, если хочешь. Что ты скажешь на это?

Потин. Если я скажу «нет», разве я остановлю тебя?

Руфий (*вызывающе*). Нет.

Цезарь. Ты говоришь, что дело тянется уже целый год, Потин. Можешь ты уделить мне на это десять минут?

Потин. Ты сделаешь так, как тебе угодно, ясно.

Цезарь. Хорошо, но сначала позовите Клеопатру.

Теодот. Ее нет в Александрии, она убежала в Сирию.

Цезарь. Не думаю. (*Руфию.*) Позови Тотатиту.

Руфий (*кричит*). Эй, Титатота!

Ф т а т а т и т а появляется в лоджии и надменно останавливается на ступеньках.

Ф т а т а т и т а. Кто произносит имя Фтататиты, главной няньки царицы?

Цезарь. Никто, кроме тебя, его произнести не может, Тота. Где твоя повелительница?

К л е о п а т р а, которая прячется за Фтататитой, выглядывает и смеется. Цезарь встает.

Угодно царице почтить нас своим присутствием на минуту?

К л е о п а т р а (*отталкивает Фтататиту и высокомерно становится на ее место*). Я должна вести себя как царица?

Цезарь. Да.

Клеопатра тотчас же подбегает к трону, хватая Птолемея, стаскивает его с кресла и усаживается на его место. Фтататита опускается на ступеньки лоджии и пристально, с видом сивиллы, наблюдает эту сцену.

П т о л е м е й (*в страшном огорчении, едва удерживаясь от слез*). Цезарь, видишь, как она со мной обращается? И вот всегда так. Если я царь, так как же она смеет отнимать у меня все?

К л е о п а т р а. Не будешь ты царем, нюня. Тебя съедят римляне.

Цезарь (*тронутый огорчением мальчика*). Подойди сюда, мой мальчик, стань около меня.

Птолемей идет к Цезарю, который снова усаживается на свой треножник и ласково берет мальчика за руку. Клеопатра, вскочив, пожирает их ревнивым взглядом.

К л е о п а т р а (*с пылающими щеками*). На тебе твой трон. Не нужен он мне. (*Она бежит к Птолемею, который пятится от нее.*) Иди сию же минуту и садись на свое место.

Цезарь. Иди, Птолемей. Никогда не отказывайся от трона, когда тебе его предлагают.

Р у ф и й. Я надеюсь, Цезарь, у тебя хватит здравого смысла последовать собственному совету, когда мы вернемся в Рим.

Птолемей медленно идет к трону, далеко обходя Клеопатру, явно опасаясь ее. Она становится на его место, рядом с Цезарем.

Цезарь. Потин...

Клеопатра (*прерывая его*). Разве ты не хочешь говорить со мной?

Цезарь. Успокойся. Открой еще раз рот без моего разрешения, и я тебя съем на месте.

Клеопатра. А я не боюсь. Царица не должна бояться. Съешь моего мужа. Посмотри, как он боится.

Цезарь (*вскакивая*). Твоего мужа? Что ты говоришь?

Клеопатра (*показывая на Птолемея*). Вот эту дрянь.

Оба римлянина и бритт переглядываются, пораженные.

Теодот. Цезарь, ты чужеземец, и тебе неведомы наши законы. Цари и царицы Египта не могут вступать в брак ни с кем, кто не их царской крови. Птолемей и Клеопатра — царственные супруги, ибо они брат и сестра.

Британ (*шокированный*). Цезарь, это непристойно.

Теодот (*возмущенный*). Что?

Цезарь (*снова овладевая собой*). Прости его, Теодот. Он варвар и полагает, что обычаи его острова суть законы природы.

Британ. Напротив, Цезарь, это египтяне варвары, и ты напрасно поощряешь их. Я говорю, что это позор.

Цезарь. Позор или нет, мой друг, но это открывает врата миру. (*Серьезно обращается к Потину*.) Потин, выслушай мое предложение.

Руфий. Слушайте Цезаря.

Цезарь. Птолемей и Клеопатра будут царствовать в Египте вместе.

Ахилл. А как быть с младшим братом царя и младшей сестрой Клеопатры?

Руфий (*поясняя*). У них, оказывается, есть еще один маленький Птолемей.

Цезарь. Ну что ж, маленький Птолемей может жениться на другой сестре, и мы им обоим подарим Кипр.

Потин (*нетерпеливо*). Кому нужен Кипр?

Цезарь. Это неважно. Вы возьмете его во имя мира.

Британ (*бессознательно предвосхищая идею более поздних государственных деятелей**). Почетного мира, Потин.

Потин (*возмущенно*). Будь честен, Цезарь. Деньги, которые ты требуешь, — это цена нашей свободы. Возьми их и дай нам самим уладить наши дела.

Наиболее смелые из придворных (*обогранные тоном Потина и спокойствием Цезаря*). Да, да, Египет — египтянам!

Собрание превращается в перебранку, египтяне все более и более распалываются. Цезарь все так же невозмутим, но Руфий хмурится и свирепеет, а Британ презрительно высокомерен.

Руфий (*пренебрежительно*). Египет — египтянам! Вы забываете, что здесь стоит оккупационная армия, оставленная Авлием Габинием*, который посадил на трон вашего игрушечного царя.

Ахилл (*внезапно заявляя о своих правах*). И которая ныне находится под моим началом. Я здесь римский военачальник, Цезарь?

Цезарь (*забавляясь комизмом положения*). А также и египетский военачальник, не так ли?

Потин (*побегоносно*). Ты сказал, Цезарь.

Цезарь (*Ахиллу*). Значит, ты можешь пойти войной на египтян от имени Рима? И на римлян — на меня, если понадобится, — от имени Египта?

Ахилл. Ты сказал, Цезарь.

Цезарь. А не скажешь ли ты, военачальник, на какой стороне ты находишься сейчас?

Ахилл. На стороне права и богов.

Цезарь. Гм. Сколько у тебя войска?

Ахилл. Когда я двинусь в бой, враги узнают это.

Руфий (*воинственно*). А воины у тебя — римляне? Если нет, то не важно, сколько их у тебя, лишь бы не превышало пятьсот на десять.

Потин. Напрасно ты пытаешься запугать нас, Руфий. Цезарь терпел поражения раньше. Он может потерпеть его и теперь. Всего несколько недель тому назад Цезарь, спасая свою жизнь, бежал от Помпея. И, может быть, не пройдет нескольких месяцев, он побежит от Катона и Юбы Нумидийского*, царя Африканского.

Ахилл (*с угрозой, подхватывая речь Потина*). Что ты можешь сделать с четырьмя тысячами человек?

Теодот (*пискливым голосом, подхватывая слова Ахилла*). И без денег? Уйдите прочь!

Придворные (*яростно кричат и толпятся вокруг Цезаря*). Идите прочь! Египет — египтянам! Убирайтесь!

Руфий жует бороду, он слишком взбешен, чтобы говорить. Цезарь сидит совершенно спокойно, точно он завтракает, а к нему пристаёт кошка, треща кусочек копченой рыбы.

Клеопатра. Почему ты позволяешь им так говорить, Цезарь? Ты боишься?

Цезарь. Да что же, дорогая? Ведь то, что они говорят,— это истинная правда.

Клеопатра. Но если ты уйдешь, я не буду царицей.

Цезарь. Я не уйду, пока ты не станешь царицей.

Потин. Если ты не глупец, Ахилл, возьми эту девочку, пока она не ушла у нас из рук.

Руфий *(вызывающе)*. А почему бы заодно не прихватить и Цезаря, Ахилл?

Потин *(отвечая на вызов, словно ему пришлось по душе эта идея)*. Неплохо сказано, Руфий. Правда, почему бы и нет?

Руфий. Попробуй, Ахилл! *(Кричит.)* Гвардия, сюда!

Лоджия немедленно наполняется воинами Цезаря; обнажив мечи, они останавливаются на ступенях и ждут приказания своего центуриона, который держит жезл в руке. Сперва египтяне встречают воинов гордыми взглядами, но затем угрюмо, нехотя возвращаются на свои места.

Британ. Вы все здесь пленники Цезаря.

Цезарь *(милостиво)*. О нет, нет! Ни в коем случае. Вы гости Цезаря, господа.

Клеопатра. А почему ты не рубишь им головы?

Цезарь. Что? Отрубить голову твоему брату?

Клеопатра. А что же? Ведь он же отрубил бы мне голову, если бы представился случай? Правда, Птоломей?

Птоломей *(бледный и упрямый)*. И отрублю, когда буду большой.

Клеопатра борется в своем новообретенном величии царицы с неудержимым желанием показать язык Птоломеею. В последующей сцене она не принимает участия, но наблюдает с любопытством и изумлением; она вся дрожит от детского нетерпения; когда Цезарь встает, она садится на его треножник.

Потин. Цезарь, если ты попытаешься захватить нас...

Руфий. Он сделает это, египтяне. Будьте готовы к этому. Мы захватили дворец, побережье и Восточную пристань. Дорога к Риму открыта. И вы пойдете по ней, если такова будет воля Цезаря.

Цезарь *(любезно)*. Мне не оставалось ничего другого, Потин, надо было обеспечить отступление моим собственным воинам. Но ты свободен и можешь идти, как и все другие здесь во дворце.

Руфий (*возмущенный этим милосердием*). Как? И предатели? И вся клика?

Цезарь (*смягчая его выражения*). Римская оккупационная армия и все остальные, Руфий.

Потин (*вне себя*). Да... Но... но ведь...

Цезарь. Что ты хочешь сказать, друг мой?

Потин. Ты выгоняешь нас на улицу из нашего собственного дома. И с величественным видом заявляешь нам, что мы можем идти. Это вы должны уйти.

Цезарь. Твои друзья на улице, Потин. Тебе там будет спокойнее.

Потин. Это подвох. Я опекун царя. Я шагу отсюда не сделаю. Я здесь по праву. А где оно — твое право?

Цезарь. Оно в ножнах Руфия, Потин. И мне не удержать его там, если ты будешь слишком медлить.

Возмущенный ропот.

Потин (*с горечью*). И это римская справедливость!

Теодот. Но не римская благодарность, полагаю?

Цезарь. Благодарность? Разве я в долгу перед вами за какую-нибудь услугу, господа?

Теодот. Разве жизнь Цезаря так ничтожна в его глазах, что он забывает, что мы спасли ее?

Цезарь. Мою жизнь? И это все?

Теодот. Твою жизнь, твои лавры, твое будущее.

Потин. Он говорит правду. Я призову свидетеля, и он докажет, что, если бы не мы, римская оккупационная армия под предводительством величайшего воина мира держала бы ныне жизнь Цезаря в своих руках. (*Кричит в лоджию.*) Сюда, Луций Септимий!

Цезарь вздрагивает, потрясенный.

Если ты слышишь меня, приди сюда и подтверди мои слова Цезарю.

Цезарь (*содрогаясь*). Нет, нет.

Теодот. Да, говорю я! Пусть военный трибун принесет свидетельство.

Луций Септимий, подтянутый, чисто выбритый, выхоленный, атлетического сложения человек лет сорока, в одежде римского воина, с правильными чертами лица, решительным ртом и тонким красивым римским носом, проходит через лоджию и становится перед Цезарем, который на миг закрывает лицо плащом, но затем, овладев собой, откидывает плащ и с достоинством смотрит на трибуна.

Потин. Говори, Луций Септимий. Цезарь явился сюда, преследуя своего врага. Разве мы дали убежище его врагу?

Луций. Едва нога Помпея ступила на египетский берег, голова его упала от меча моего.

Теодот (*со змеиной радостью*). На глазах его жены и ребенка! Запомни это, Цезарь. Они видели это с корабля, с которого он только что сошел. Мы дали тебе полной мерой насладиться мезтью.

Цезарь (*в ужасе*). Мезтью?

Потин. Едва лишь галера твоя показалаея у гавани, нашим первым даром тебе была голова твоего соперника, того, что оспаривал у тебя владычество над миром. Подтверди это, Луций. Разве это не так?

Луций. Вот этой рукой, которая убила Помпея, я положил его голову к ногам Цезаря.

Цезарь. Убийца! Так же убил бы ты Цезаря, если бы Помпей победил при Фарсале.

Луций. Горе побежденному, Цезарь. Когда я служил Помпею, я убивал людей не менее достойных, чем он, только потому, что он победил их. Пришла и его очередь.

Теодот (*льетиво*). Это дело не твоих рук Цезарь, а наших; вернее, моих. Ибо это было сделано по моему совету. Благодаря нам ты сохранил славу милосердного и наслаждался мезтью.

Цезарь. Мезть! мезть! О, если бы я мог унизиться до мести, к чему бы только не принудил я вас в возмездие за кровь этого человека.

Они отшатываются, смятенные и пораженные.

Он был моим зятем, моим старым товарищем. В течение двадцати лет он был владыкой великого Рима, в течение двадцати лет победа следовала за ним. Разве я, римлянин, не разделял его славы? Или судьба, которая заставила нас биться за владычество над миром, это дело наших рук? Кто я — Юлий Цезарь или волк, что вы бросаете мне седую голову старого воина, венчанного лаврами победителя, могущественного римлянина, предательски убитого этим бессердечным негодяем? И еще требуете от меня благодарности! (*Луцию Септимию.*) Уйди, ты внушаешь мне ужас!

Луций (*холодно и безбоязненно*). Ха! Мало ли отрубленных голов видел Цезарь! И отрубленных правых рук, не так ли? Тысячи их были в Галлии, после того как ты

победил Верцингеторикса*. Пощадил ли ты их при всем твоём милосердии? Это ли была не месть?

Цезарь. Нет, клянусь богами! О, если бы это было так! Месть — это по крайней мере нечто человеческое. Нет, говорю я. Эти отрубленные правые руки и храбрый Верцингеторикс, гнусно удушенный в подземельях Капитолия, были жертвами (*содрогаясь, с горькой иронией*) мудрой строгости, необходимой мерой защиты общества; долг государственного мужа — безумие и бредни, в десять раз более кровавые, нежели честная месть. О, каким я был глупцом! Подумать только, что жизнь людей должна быть игрушкой в руках подобных глупцов! (*Смиренно.*) Прости меня, Луций Септимий. Как убийце Верцингеторикса упрекать убийцу Помпея? Можешь идти с остальными. Или оставайся, если хочешь, я найду тебе место у себя.

Луций. Судьба против тебя, Цезарь. Я уйду. (*Поворачивается и идет через лоджию.*)

Руфий (*вне себя, видя, как ускользает его добыча*). Значит, он республиканец!

Луций (*оборачивается на ступенях лоджии, вызывающе*). А ты кто?

Руфий. Цезарианец, как и все солдаты Цезаря.

Цезарь (*учтиво*). Поверь мне, Луций, Цезарь не цезарианец. Будь Рим истинной республикой, Цезарь был бы первым из республиканцев. Но ты сделал выбор. Прощай.

Луций. Прощай. Идем, Ахилл, пока еще не поздно.

Цезарь, видя, что Руфий не владеет собой, кладет ему руку на плечо и отводит в сторону, подальше от искушения. Британ идет за ним, держа по правую руку Цезаря. Таким образом, все трое оказываются совсем близко от Ахилла, который надменно отворачивается и переходит на другую сторону, к Теодоту. Луций Септимий проходит между рядами воинов, выстроившихся в лоджии; Потин, Теодот и Ахилл следуют за ним в сопровождении придворных, которые весьма опасливо поглядывают на воинов; сомкнув ряды, воины уходят вслед за ними, довольно бесцеремонно подгоняя их. Царь остался один на своем троне, жалкий, упрямый, лицо у него передергивается и руки дрожат. Во время всей этой сцены Руфий свирепо ворчит.

Руфий (*глядя на уходящего Луция*). Ты думаешь, он бы отпустил нас, если бы наши головы были в его руках?

Цезарь. Как смею я думать, что он поступил бы более низко, чем я?

Руфий. Ха!

Цезарь. Если бы я во всем следовал Луцию Септимию, Руфий, и, уподобившись ему, перестал быть Цезарем, разве ты остался бы со мной?

Британ. Цезарь, ты поступаешь неразумно. Твой долг перед Римом — лишить его врагов возможности причинять зло.

Цезарь, которого чрезвычайно забавляют моралистические увертки его деловитого британского секретаря, снисходительно улыбается.

Руфий. Что с ним спорить, Британ? Не трать понапрасну слов. Запомни одно, Цезарь: тебе хорошо быть милосердным, но каково твоим воинам? Ведь им завтра же придется драться с людьми, которых ты вчера пощадил! Ты можешь приказывать все, что тебе угодно, но я говорю, что твоя следующая победа будет резней из-за твоего милосердия. Я во всяком случае не буду брать пленных. Я буду убивать врагов тут же, на поле битвы, а потом толкуй о милости сколько хочешь. Мне уже не придется сражаться с ними. А теперь, позволь, я посмотрю за тем, чтобы они убрались подальше. *(Он поворачивается и хочет уйти.)*

Цезарь *(оглядывается и видит Птолемея)*. Как? Они оставили ребенка одного? Какой стыд!

Руфий *(берет Птолемея за руку и заставляет его встать)*. Идемте, ваше величество.

Птолемей *(вырывая руку у Руфия, Цезарю)*. Он хочет выгнать меня из моего дворца?

Руфий *(мрачно)*. Можешь оставаться, если хочешь.

Цезарь *(ласково)*. Иди, мой мальчик. Я не хочу обижать тебя. Но среди твоих друзей ты будешь в большей безопасности. Здесь ты в пасти льва.

Птолемей *(уходя)*. Я боюсь не льва, а *(глядит на Руфия)* шакала. *(Уходит через лоджию.)*

Цезарь *(одобрительно смеется)*. Храбрый мальчуган!

Клеопатра *(завидуя, что Цезарь похвалил брата, кричит вслепую Птолемею)*. Глупый щенок! Ты думаешь, это очень умно?

Цезарь. Британ! Проводи царя. Сдай его на руки этому самому, как его, Потину.

Британ идет за Птолемеем.

Руфий *(указывая на Клеопатру)*. А этот дар богов? С ней что делать? Ну, впрочем, полагаю, это можно предоставить тебе. *(Уходит через лоджию.)*

Клеопатра (*вспыхнув, поворачивается к Цезарю*). Ты хочешь, чтобы и я ушла с остальными?

Цезарь (*несколько озабоченный, со вздохом идет к трону Птолемея, между тем как Клеопатра, вся красная, сжав кулаки, ждет ответа*). Ты можешь поступить, как тебе нравится, Клеопатра.

Клеопатра. Так, значит, тебе все равно, останусь я или нет?

Цезарь (*улыбаясь*). Ну конечно, мне больше хотелось бы, чтобы ты осталась.

Клеопатра. Больше? Гораздо больше?

Цезарь (*кивает*). Больше. Гораздо больше.

Клеопатра. Тогда я согласна остаться. Потому что ты меня просишь. Но я этого не хочу. Запомни это.

Цезарь. Само собой разумеется. (*Кричит.*) Тотатита!

Фтататита поднимает на него угрюмый взгляд, но не двигается с места.

Клеопатра (*фыркает*). Ее зовут не Тотатита, а Фтататита. (*Зовет.*) Фтататита!

Фтататита поднимается и идет к Клеопатре.

Цезарь (*запинаясь*). Фтатафита простит неверный язык римлянина. Тота! Престольный город царицы будет в Александрии. Позови женщин, чтобы они прислуживали ей, и сделай все, что надо.

Фтататита. Я буду правительницей царского дома?

Клеопатра (*резко*). Нет, я правительница царского дома! Иди и делай, что тебе приказывают, а то я сегодня же брошу тебя в Нил, чтоб отравить бедняжек крокодилов.

Цезарь (*возмущенный*). Нет, нет!

Клеопатра. Нет — да! Нет — да! Ты слишком чувствителен, Цезарь. Но ты умный, и если ты будешь делать все, как я тебе говорю, ты скоро научишься править.

Цезарь, совершенно остолбенев от этой дерзости, поворачивается на сиденье и смотрит на нее, не говоря ни слова. Фтататита мрачно улыбается, показывая великолепный ряд зубов, и уходит, оставляя их вдвоем.

Цезарь. Клеопатра, я всерьез начинаю думать, что мне придется в конце концов съесть тебя.

Клеопатра (*опускается рядом с ним на колени и смотрит на него с жадным вниманием, наполовину искренним, наполовину притворным, желая показать, какая она стала умная*). Ты теперь не должен со мной так говорить, точно я маленькая.

Цезарь. С тех пор как Сфинкс познакомил нас вчера ночью, ты выросла. И ты уж думаешь, что знаешь больше, чем я?

Клеопатра (*пристыженная, спешит оправдаться*). Нет. Это было бы очень глупо с моей стороны, конечно, я понимаю. Но только... (*Внезапно.*) Ты сердишься на меня?

Цезарь. Нет.

Клеопатра. Тогда о чем же ты так задумался?

Цезарь (*погнимаясь*). Мне надо идти работать, Клеопатра.

Клеопатра (*отшатывается*). Работать? (*Оскорбленная.*) Тебе надоело разговаривать со мной, и ты это придумал, чтобы отделаться от меня.

Цезарь (*снова садится, успокаивая ее*). Ну хорошо, хорошо. Еще минутку, а потом — за работу.

Клеопатра. Работа? Какой вздор! Не забывай, что ты теперь царь. Я тебя сделала царем. Цари не работают.

Цезарь. Ах вот что! Кто тебя научил этому, котенок?

Клеопатра. Мой отец был царь Египта. Он никогда не работал. А он был великий царь, он отрубил голову моей сестре, когда она восстала против него и захватила его трон.

Цезарь. Так. А как же он получил свой трон обратно?

Клеопатра (*горячо, глаза у нее загораются*). Я сейчас тебе расскажу. Прекрасный юноша с круглыми сильными руками пришел сюда через пустыни с множеством всадников. И он убил мужа моей сестры и вернул отцу его трон. (*Грустно.*) Мне было тогда только двенадцать лет. Ах, мне бы хотелось, чтобы он пришел теперь, когда я царица. Я бы сделала его своим мужем.

Цезарь. Что ж, это можно будет как-нибудь устроить. Ибо ведь я послал сюда этого прекрасного молодого человека на помощь твоему отцу.

Клеопатра (*замирая от восторга*). Так ты знаешь его?

Цезарь (*кивая*). Знаю.

Клеопатра. И он пришел с тобою?

Цезарь отрицательно качает головой.

(*Она страшно огорчена.*) Ах, как мне хочется, чтобы он пришел! О, если бы он только пришел! Только бы мне быть чуть-чуть постарше, чтобы он не считал меня глупым котенком, как ты. Но, может быть, это потому, что

ты старый? Ведь он на много, много-много лет моложе тебя, правда?

Цезарь (*словно гавясь пилюлей*). Да, несколько моложе.

Клеопатра. А он согласится стать мужем мне, если я скажу ему? Как ты думаешь?

Цезарь. Весьма вероятно.

Клеопатра. Только мне не хочется просить. А ты не можешь его уговорить, чтобы он попросил меня и чтобы он не знал, что я хочу?

Цезарь (*тронутый ее невинностью и неведением характера этого прекрасного молодого человека*). Бедное дитя!

Клеопатра. Почему ты так говоришь, будто жалеешь меня? Может быть, он любит кого-нибудь другого?

Цезарь. Опасаюсь, что да.

Клеопатра (*глота слезы*). Тогда, значит, я буду не первая, кого он полюбит?

Цезарь. Не совсем первая. Он пользуется большим успехом у женщин.

Клеопатра. Ах, мне так хотелось бы быть первой! Но если он полюбит меня, я заставлю его убить всех остальных. Скажи мне, он все так же прекрасен? И его круглые сильные руки все так же сверкают на солнце, словно мрамор?

Цезарь. Он прекрасно сохранился, особенно если принять во внимание, сколько он ест и пьет.

Клеопатра. Нет, ты не должен говорить о нем такие грубые, низкие вещи! Потому что я люблю его. Он бог.

Цезарь. Он великий начальник всадников и быстрее в беге, чем любой из римлян!

Клеопатра. Как его настоящее имя?

Цезарь (*негоуменно*). Настоящее?

Клеопатра. Да, я всегда называла его Гор. Потому что Гор — самый прекрасный из всех наших богов. Но мне хочется знать его настоящее имя.

Цезарь. Его зовут Марк Антоний.

Клеопатра (*мелодично*). Марк Антоний... Марк Антоний... Марк Антоний... Какое прекрасное имя! (*Она бросается обнимать Цезаря*.) Ах, как я люблю тебя за то, что ты послал его на помощь отцу! Ты очень любил моего отца?

Цезарь. Нет, детка. Но твой отец, как ты сама говоришь, никогда не работал. А я всегда работал. Так вот, когда он потерял свою корону, ему пришлось пообещать

мне шестнадцать тысяч талантов за то, чтобы я вернул ему ее.

Клеопатра. А он тебе заплатил?

Цезарь. Не все.

Клеопатра. Он правильно поступил. Потому что это уж слишком много. Весь мир не стоит шестнадцати тысяч талантов.

Цезарь. Возможно, что это и так, Клеопатра. Так вот, те египтяне, которые работают, заплатили мне за это как раз столько, сколько он мог вытянуть из них. Остальное еще не уплачено. Но, так как похоже, что мне уж не видать этих денег, надо снова приниматься за работу. А ты пойдя погуляй немножко и пришли ко мне моего секретаря.

Клеопатра (*ласкаясь*). Нет, я хочу остаться с тобой, а ты мне расскажи про Марка Антония.

Цезарь. Если я не примусь за работу, то Потин и все прочие отрежут нас от пристани, и дорога в Рим будет закрыта.

Клеопатра. Мне все равно. Я не хочу, чтобы ты уезжал в Рим.

Цезарь. Но ведь ты хочешь, чтобы оттуда приехал Марк Антоний.

Клеопатра (*вскакивая*). О да, да, да! Я забыла! Иди скорей, принимайся за работу, Цезарь. И смотри, чтобы путь с моря был открыт для моего Марка Антония. (*Бежит через лоджию, посылая воздушный поцелуй Марку Антонию через море.*)

Цезарь (*поспешно идет на середину зала, к лестнице лоджии*). Гей, Британ! (*Сталкивается на верхней ступени с раненым солдатом.*) Что случилось?

Солдат (*показывая на свою перевязанную голову*). Вот, Цезарь. А два моих товарища убиты на рыночной площади.

Цезарь (*спокойно, но озабоченно*). Так. Как же это случилось?

Солдат. К Александрии подошла армия, которая называет себя римской армией.

Цезарь. Римская оккупационная армия?

Солдат. Да, под началом какого-то Ахилла.

Цезарь. И что же?

Солдат. Жители восстали против нас, как только эта армия вошла в город. Я был с двумя другими на рыночной площади, когда разнесся слух об этом. Они бросились на нас. Мне удалось пробиться, и вот я здесь.

Цезарь. Хорошо. Рад, что ты жив.

В лоджии поспешно входит Руфий, проходит мимо солдата и смотрит через арку на набережную внизу.

Руфий, нас осаждают.

Руфий. Как? Уже?

Цезарь. Сейчас или завтра, какое это имеет значение? Этого нельзя было избежать.

Вбегает Британ.

Британ. Цезарь!..

Цезарь (*перебивая его*). Да, я знаю.

Руфий и Британ спускаются из лоджии по обе стороны Цезаря, который задерживается минуту на ступенях, разговаривая с солдатом.

Передай приказ, друг, чтобы наши вышли на набережную и были наготове возле галер. Пусть позаботятся о твоей ране. Ступай.

Солдат поспешно уходит.

(*Цезарь сходит в зал, останавливается между Руфием и Британом.*) В Западной гавани стоят несколько наших кораблей, сожги их.

Руфий (*смотрит на него непонимающим взглядом*). Сжечь?

Цезарь. Возьми все лодки, что стоят в Восточной гавани, и захвати Фарос, остров с маяком. Оставь половину наших людей охранять часть берега и набережную позади дворца — то есть наш путь домой.

Руфий (*с крайним неодобрением*). Значит, отдаем город?

Цезарь. Мы не брали его, Руфий. Мы удерживаем этот дворец и... какое это там здание рядом?

Руфий. Театр.

Цезарь. Так вот и его тоже. Они господствуют над побережьем. А остальное: Египет — египтянам!

Руфий. Хорошо. Тебе лучше знать, я полагаю. Это все?

Цезарь. Все. А те корабли еще не горят?

Руфий. Будь покоен, я не стану терять времени. (*Убегает.*)

Британ. Цезарь, Потин просит тебя поговорить с ним. Мне кажется, его следует проучить. Он держит себя крайне вызывающе.

Цезарь. Где он?

Британ. Ждет снаружи.

Цезарь. Эй, там, пропустите Потина!

Потин появляется в лоджии, очень высокомерно проходит в зал и останавливается слева от Цезаря.

Цезарь. Что скажет Потин?

Потин. Я принес тебе наши требования, Цезарь.

Цезарь. Требования? Путь был свободен, ты мог уйти до того, как вы объявили войну. Теперь ты мой пленник. *(Подходит к креслу и развязывает тогу.)*

Потин *(презрительно)*. Я твой пленник? Да знаешь ли ты, что ты в Александрии и что царь Птолемей с армией, которая во сто раз превосходит твое маленькое войско, держат Александрию в своих руках?

Цезарь *(невозмутимо снимает с себя тогу, бросает ее на кресло)*. Ну что ж, друг, уйди, если сумеешь. И скажи твоим друзьям, чтобы они больше не убивали римлян на рыночной площади, а то мои солдаты, которые не обладают моим прославленным великодушием, пожалуй убьют тебя. Британ, предупреди стражу и дай мои доспехи.

Британ выбегает. Руфий возвращается.

Ну что?

Руфий *(показывает через арку лоджии на клубы дыма, поднимающиеся над гаванью)*. Смотри!

Потин с любопытством подбегает к ступенькам и выглядывает,

Цезарь. Как? Уже пылают? Невероятно!

Руфий. Да, пять добрых галер, и при каждой барка, груженная маслом. Но это не я. Египтяне избавили меня от хлопот. Они захватили Западную пристань.

Цезарь *(с беспокойством)*. А Восточная гавань, маж, Руфий?

Руфий *(внезапно раздражаясь бешеной руганью, сбегает к Цезарю и накидывается на него)*. Да разве я могу в пять минут погрузить легион на суда? Первая когорта уже на берегу. Больше сделать невозможно. Если тебе нужно скорей, пойд и делай сам.

Цезарь *(успокаивает его)*. Ну хорошо, хорошо! Терпение, терпение, Руфий.

Руфий. Терпение! Кому здесь не терпится, мне или тебе? Разве я был бы здесь, если бы не мог наблюдать за ними через арку?

Цезарь. Прости меня, Руфий, и *(нетерпеливо)* поторопи их как только можно...

Его прерывает отчаянный старческий вопль. Этот вопль быстро приближается, и в лоджии врывается Теодот, который рвет на себе волосы и издает горестные душераздирающие возгласы. Руфий отступает, глядя на него в недоумении и удивляясь его безумию. Потин оборачивается и прислушивается.

Теодот *(на ступенях, потрясая руками)*. Ужас неслыханный! Горе нам, горе! Помогите!

Руфий. Что такое?

Цезарь *(нахмурившись)*. Кого убили?

Теодот. Убили? Да это хуже убийства десяти тысяч человек! Утрата, непоправимая утрата для всего человечества!

Руфий. Что случилось?

Теодот *(бросаясь к ним)*. Огонь перебросился с ваших кораблей. Гибнет величайшее из семи чудес мира! Горит Александрийская библиотека!

Руфий. Фу-у! *(Совершенно успокоенный, поднимается в лоджию и следит за посадкой войск на берегу.)*

Цезарь. Это все?

Теодот *(не верит своим ушам)*. Все? Цезарь, потомство сохранит о тебе память как о варваре-солдате, который был так невежествен, что не знал, какова цена книгам.

Цезарь. Теодот, я сам писатель. И я скажу тебе: пусть лучше египтяне живут, а не отрешаются от жизни, зарывшись в книги.

Теодот *(падая на колени, с фанатизмом истинного книжника, со страстью педанта)*. Цезарь! Десять поколений сменятся одно другим, и за все это время однажды рождается бессмертная книга.

Цезарь *(непреклонно)*. Если она не льстит человечеству, ее сжигает палач.

Теодот. Если не вмешается история, смерть положит тебя рядом с последним из твоих солдат.

Цезарь. Смерть всегда так делает. Я не прошу лучшей могилы.

Теодот. Но ведь это горит память человечества!

Цезарь. Позорная память! Пусть горит.

Теодот *(вне себя)*. Ты готов разрушить прошлое?

Цезарь. Да. И построю будущее на его развалинах.

Теодот в отчаянии бьет себя кулаком по голове.

Но послушай, Теодот, наставник царей! Ты, оценивший голову Помпея не дороже, чем пастух ценит головку лука, вот ты теперь стоишь передо мной на коленях, и слезы льются из твоих старых очей, и ты умоляешь меня пощадить несколько овечьих кож, исцарапанных знаками заблуждений! Я не могу сейчас уделить тебе ни одного человека, ни одного ведра воды; но ты можешь свободно уйти из дворца. Иди, ступай к Ахиллу и проси у него его легионы, чтобы потушить огонь. *(Подталкивает его к ступеням и выпроваживает его.)*

Потин *(многозначительно)*. Ты понимаешь, Теодот? Я остаюсь пленником.

Теодот. Пленником?

Цезарь. И ты будешь тратить время на разговоры, в то время как горит память человечества? *(Кричит из лоджии.)* Эй, там! Пропустите Теодота! *(Теодоту.)* Ну, ступай!

Теодот *(Потину)*. Я должен идти спасать библиотеку. *(Поспешно уходит.)*

Цезарь. Проводи его до ворот, Потин. Скажи ему, пусть он внушит вашим людям, чтобы они, для твоей безопасности, не убивали больше моих людей.

Потин. Моя жизнь дорого обойдется тебе, Цезарь, если ты захочешь отнять ее. *(Идет вслед за Теодотом.)*

Руфий, поглощенный наблюдением за посадкой, не видит, что оба египтянина уходят.

Руфий *(кричит из лоджии на берег)*. Все готово?

Центурион *(снизу)*. Готово! Мы ждем Цезаря.

Цезарь. Скажи им, канальям, что Цезарь идет. *(Кричит.)* Британник! *(Это пышное производное от имени его секретаря — одна из обычных шуток Цезаря. Впоследствии это вполне серьезно и официально означало бы — завоеватель Британии.)*

Руфий *(кричит вниз)*. Отваливай все, кроме баркаса! Становись на посадку, стража Цезаря! *(Идет через лоджию в зал.)* А где же египтяне? Опять милосердие? Ты отпустил их?

Цезарь *(посмеиваясь)*. Я отпустил Теодота спасать библиотеку. Мы должны уважать литературу, Руфий.

Руфий *(в бешенстве)*. Да падет это безумие на голову безумца! Я думаю, что если бы ты мог вернуть к жиз-

ни всех перебитых в Испании, Галлии и Фессалии, ты бы сделал это, чтоб нам опять с ними драться и драться.

Цезарь. Ты думаешь, боги не разрушили бы вселенной, если бы их единственной заботой было сохранить мир на ближайший год? *(Руфий, потеряв терпенье, с раздражением отворачивается. Цезарь внезапно хватает его за рукав и шепчет лукаво ему на ухо.)* Кроме того, каждый пленный египтянин — это два римских солдата, которые должны стеречь его. Ясно?

Руфий. А! Я должен был догадаться, что за этими высокими разговорами скрываются какие-то лисьи хитрости. *(Отходит от Цезаря, раздраженно пожимая плечами, и идет в лоджию посмотреть на погрузку войск, затем уходит.)*

Цезарь. Что же это Британ спит? Я послал его за моими доспехами час тому назад. *(Кричит.)* Британник! Эй ты, британский островитянин! Британник!

Клеопатра бежит через лоджию с мечом и шлемом Цезаря, которые она выхватила у Британа. Тот следует за ней с латами и поножами. Они подходят — она слева, Б р и т а н справа.

Клеопатра. Я буду облачать тебя, Цезарь. Садись.

Цезарь повинуется.

Какие красивые эти римские шлемы! *(Снимает с его головы венок.)* Ах! *(Покатывается с хохоту.)*

Цезарь. Что ты смеешься?

Клеопатра. У тебя лысина? *(Она не договаривает и снова раздражается хохотом.)*

Цезарь *(почти рассердившись)*. Клеопатра! *(Встает, чтобы Британ мог надеть на него латы.)*

Клеопатра. Так вот зачем ты носишь венок! Чтобы ее не было видно.

Британ. Замолчи, египтянка, это лавры победителя. *(Затягивает латы.)*

Клеопатра. Сам молчи, островитянин! *(Цезарю.)* Ты должен втирать в голову крепкий сахарный настой. Они будут расти.

Цезарь *(с кислой миной)*. Клеопатра, тебе приятно, когда тебе напоминают, что ты очень молода?

Клеопатра *(надувшись)*. Нет.

Цезарь *(снова садится и подставляет ногу Британу, который надевает ему поножи)*. Ну, а мне не нравится, когда мне напоминают, что я не молод. Хочешь, я от-

дам тебе десять моих лишних лет? Тебе будет двадцать шесть, а мне только... ну не важно. Согласна?

Клеопатра. Согласна. Двадцать шесть, запомни. *(Надевает на него шлем.)* Ах, как красиво! Тебе в нем никак не больше пятидесяти.

Британ *(строго смотрит на нее)*. Ты не должна так говорить с Цезарем.

Клеопатра. А правда, что, когда Цезарь поймал тебя там, на твоём острове, ты был весь-весь выкрашен синей краской?

Британ. Синий цвет — это цвет бриттов высокого рождения. На войне мы окрашиваем наши тела в синий цвет. Наши враги могут снять с нас одежду, отнять нашу жизнь, но они не могут отнять у нас нашу респектабельность. *(Поднимается с колен.)*

Клеопатра *(держит в руках меч Цезаря)*. Дай я надену его на тебя. Теперь ты прямо замечательный! А в Риме есть твои статуи?

Цезарь. Да. Немало.

Клеопатра. Ты должен послать за одной и подарить мне.

Руфий *(возвращается в лоджию в страшном нетерпении)*. Ну, Цезарь, наговорился ты? Как только ты вступишь на борт, задержки не будет. Галеры наперегонки летят к маяку.

Цезарь *(вытаскивая меч и пробуя лезвие)*. Хорошо ли он наточен, Британник? Под Фарсалой он был туп, как втулка от бочки.

Британ. Рассечет волос египетский. Я точил его сам.

Клеопатра *(в внезапном страхе бросается на шею Цезарю, обнимает его)*. Нет, нет! Неужели ты в самом деле идешь затем, чтобы тебя убили?

Цезарь. Нет, Клеопатра, ни один человек не идет в бой затем, чтобы его убили.

Клеопатра. А их убивают. Муж сестры моей был убит в бою! Ты не должен уходить. Пусть он идет. *(Показывает на Руфия.)*

Все смеются над ней.

Пожалуйста, пожалуйста, не уходи! Что же будет со мной, если ты больше не вернешься?

Цезарь *(внушительно)*. Ты боишься?

Клеопатра *(съезживаясь)*. Нет.

Цезарь *(спокойно и властно)*. Иди на балкон, и ты увидишь, как мы возьмем Фарос. Тебе следует приучаться смотреть на бой. Иди!

Она идет, поникшая, и смотрит с балкона.

Вот и хорошо. Ну, Руфий, марш!

Клеопатра *(хлопая в ладоши)*. А вот ты и не сможешь уйти, Цезарь!

Цезарь. Что там еще?

Клеопатра. Они осушают гавань, они сейчас вычерпают оттуда всю воду ведрами. Сколько солдат! Вон там. *(Показывает налево.)*

Руфий *(поспешно выглядывает)*. Верно. Египетская армия! Усеяли всю Западную гавань, как саранча. *(Разозленный, подходит крупными шагами к Цезарю.)* Это все твое проклятое милосердие, Цезарь! Их привел Теодот.

Цезарь *(в восторге от собственной пронизательности)*. Я так и полагал, Руфий. Они пришли тушить огонь. Они будут возиться с библиотекой, а мы пока захватим маяк. *(Решительно идет через лоджию в сопровождении Британа.)*

Руфий *(с отвращением)*. Опять лисьи хитрости. Эх! *(Бросается за ними.)*

Крики солдат внизу возвещают появление Цезаря.

Центурион *(внизу)*. Все на борт! Расступись! Дай дорогу!

Снова крики.

Клеопатра *(машет шарфом из арки лоджию)*. Прощай, милый Цезарь! Возвращайся невредимый! Прощай!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Набережная перед дворцом, обращенная на западную сторону Восточной гавани Александрии; отсюда открывается вид на остров Фарос, на одном конце которого, выступающем узкой косой, стоит знаменитый маяк — громадная квадратная башня из белого мрамора, сужающаяся кверху от этажа к этажу и заканчивающаяся сигнальной вышкой. Остров с материком соединен Гептастадием — это большая дамба длиной в пять миль, она примыкает к гавани с южной стороны.

Посреди набережной стоит на посту римский часовый. В руке у него пилум, он с напряженным вниманием, прикрыв левой рукой глаза, смотрит на маяк. Пилум — это толстый деревянный кол в четы-

ре с половиной фута длиной, с железным наконечником длиною примерно в три фута. Часовой так поглощен своими наблюдениями, что не замечает, как с северной стороны набережной приближаются четверо египтян-носильщиков, которые несут тюки свернутых ковров. Впереди идут Фтататита и сицилиец Аполлодор. Аполлодор — блестящий молодой человек лет двадцати четырех, красивый, с непринужденными манерами; он одет с вычурной изысканностью — в серо-голубую с бледным пурпуром одежду с украшениями из бронзы, оксидированного серебра, нефрита и агата. Вороненое лезвие его меча, отделанного не хуже, чем средневековые кресты, блестит в прорезях пурпурных кожаных ножен с филигранным узором. Носильщики вслед за Фтататитой проходят позади часового к ступеням дворца, где они складывают свои тюки и присаживаются на корточки. Аполлодор отстает от них и останавливается, заинтересованный поведением часового.

Аполлодор (*окликающая часового*). Кто идет? Эй!

Часовой вздрагивает, круто поворачивается с пилумом наперевес; теперь видно, что это маленький, жилистый исполнительный молодой человек с несколько старообразным лицом и волосами песочного цвета.

Часовой. Что такое? Стой! Ты кто такой?

Аполлодор. Я Аполлодор, сицилиец. О чем это ты задумался? С тех пор как я провел караван через караул у театра, я прошел мимо трех часовых, и все они до того заняты маяком, что ни один из них не окликнул меня. Это что, римская дисциплина?

Часовой. Мы сторожим здесь не сушу, а море. Цезарь только что высадился на Фаросе. (*Смотрит на Фтататиту.*) А это что такое? Что это еще за египетская посудаина?

Фтататита. Усмири эту римскую собаку, Аполлодор. Скажи ему, чтобы он придержал язык в присутствии Фтататиты, царской домоправительницы.

Аполлодор. Друг мой, это знатная особа, которая пользуется покровительством Цезаря.

Часовой (*на которого это не произвело никакого впечатления, указывая на ковры*). А это что за добро?

Аполлодор. Ковры для покоев царицы. Я выбрал их из самых лучших ковров в мире, а царица выберет лучшие из тех, что отобрал я.

Часовой. Так ты, значит, торговец коврами?

Аполлодор (*загетый*). Друг мой, я патриций.

Часовой. Патриций! Хорош патриций, который держит лавку, вместо того чтобы носить оружие.

Аполлодор. Я не держу лавки. Я служитель в храме искусства. Я поклоняюсь красоте. Мое призвание — находить прекрасные вещи для прекрасных цариц. Мой девиз — искусство для искусства.

Часовой. Это не пароль.

Аполлодор. Это всемирный пароль.

Часовой. Я ничего не знаю насчет всемирных паролей. Или говори мне сегодняшней пароль, или проваливай назад в свою лавку.

Фтататита, возмущенная его враждебным тоном, подкрадывается шагом пантеры и становится позади часового.

Аполлодор. А если я не сделаю ни того ни другого?

Часовой. Проткну тебя пилумом.

Аполлодор. Я готов, друг. *(Обнажает свой меч и наступает на часового с невозмутимым изяществом.)*

Фтататита *(неожиданно хватая часового за руку)*. Воткни меч в глотку собаке, Аполлодор!

Рыцарственный Аполлодор, смеясь, отрицательно качает головой; он отходит от часового, идет к дворцу и опускает свой меч.

Часовой *(тщетно пытаясь вырваться)*. Проклятье! Пусти меня. Гей! На помощь!

Фтататита *(поднимая его на воздух)*. Проткни эту маленькую римскую ехидну! Посади его на свой меч!

Центурион с римскими солдатами выбегает с северной стороны набережной. Они выручают товарища и отбрасывают Фтататиту так, что она катится кубарем по земле налево от часового.

Центурион *(невзрачный человек лет пятидесяти; краткая и отрывистая речь и движения; в руках жезл из виноградной лозы)*. Что такое, что здесь творится?

Фтататита *(Аполлодору)*. Почему ты не проткнул его? У тебя было время.

Аполлодор. Центурион, я здесь по повелению царицы, ибо...

Центурион *(прерывая его)*. Царицы? Да, да. *(Часовому.)* Пропусти его. И пропускай всех этих рыночных торговцев с товарами к царице. Но берегись, если ты выпустишь из дворца хотя бы одного из тех, кого ты не пропускал туда, хотя бы саму царицу.

Часовой. Вот эта вредная старуха — она сильнее троих мужчин — подговаривала купца заколоть меня.

Аполлодор. Центурион, я не купец. Я патриций и служитель искусства.

Центурион. Эта женщина твоя жена?

Аполлодор (*испуганно*). Нет, нет! (*Спохватившись, учтиво.*) Конечно, нельзя отрицать, что по-своему эта дама весьма замечательна, но (*внушительно*) она не жена мне.

Фтататита (*центуриону*). Римлянин, я — Фтататита, домоправительница царицы.

Центурион. Руки прочь от наших мужчин, красотка, или я сброшу тебя в гавань, хотя бы ты была сильнее десяти мужчин. (*Солдатам.*) Марш на посты! (*Уходит с солдатами.*)

Фтататита (*проводя его злобным взглядом*). Мы еще увидим, кого больше любит Исида — свою служанку Фтататиту или эту римскую собаку!

Часовой (*Аполлодору, показывая пилумом на дворец*). Проходи. Да держись подальше. (*Обращаясь к Фтататите.*) Подойди хоть на шаг ко мне, древняя крокодилица, и я тебе всажу вот эту штуку (*потрясает пилумом*) прямо в глотку.

Клеопатра (*из дворца*). Фтататита! Фтататита!

Фтататита (*смотрит с возмущением вверх*). Отойди от окна, отойди от окна, здесь мужчины!

Клеопатра. Я иду вниз.

Фтататита (*растерянно*). Нет, нет! Что ты выдумала! О боги, боги! Аполлодор, прикажи твоим людям взять тюки. И следуйте за мной во дворец, скорей!

Аполлодор. Повинуйтесь домоправительнице царицы.

Фтататита (*нетерпеливо носильщикам, которые нагибаются поднять тюки*). Скорей, скорей, а то она сама придет сюда.

Клеопатра выходит из дворца и бежит по набережной к Фтататите.

О, лучше бы мне не родиться!

Клеопатра (*оживленно*). Фтататита, ты знаешь, что я придумала? Мне нужно лодку, сейчас же.

Фтататита. Лодку? Нет, и думать нечего. Аполлодор, поговори с царицей.

Аполлодор (*галантно*). Прекрасная царица! Я — Аполлодор, сицилиец, твой слуга. Я принес тебе с базара на выбор три прекраснейших в мире персидских ковров.

Клеопатра. Мне сейчас не нужно никаких ковров. Достань лодку.

Фтататита. Что за прихоть? Кататься по морю ты можешь только в царской барке.

Аполлодор. О Фтататита! Царственность не в барке, а в самой царице. Едва нога ее величества ступит на дно самой жалкой посуды в гавани, эта посуда станет царственной. *(Поворачивается к гавани и кричит в море.)* Эй, лодочник! Греби ко дворцу!

Клеопатра. Аполлодор, ты достойный рыцарь мой. И я всегда буду покупать ковры только у тебя.

Аполлодор радостно кланяется. Над парпетом набережной поднимается весло, и лодочник, бойкий круглоголовый ухмыляющийся парень, почти черный от загара, поднимается на ступеньки справа от часового и останавливается с веслом в руке.

Ты умеешь грести, Аполлодор?

Аполлодор. Весла мои будут крыльями твоему величеству. Куда прикажет отвезти себя царица?

Клеопатра. На маяк. Идем. *(Сбегает по ступеням.)*
Часовой *(преграждая путь пилумом)*. Стой! Тебе нельзя.

Клеопатра *(гневно вспыхивает)*. Как ты осмелился? Знаешь ты, что я царица?

Часовой. Я повинуюсь приказу. Не ведено пропускать.

Клеопатра. Я скажу Цезарю, и он убьет тебя за то, что не повинуюешься мне.

Часовой. Он поступит со мной еще хуже, если я послушаюсь моего начальника. Назад!

Клеопатра. Фтататита, задуши его.

Часовой *(с опаской глядя на Фтататиту, размахивает пилумом)*. Не приходи, ты!

Клеопатра *(бросается к Аполлодору)*. Аполлодор, скажи твоим рабам, чтобы они помогли нам.

Аполлодор. Мне не нужна их помощь, повелительница. *(Обнажает меч.)* Ну, воин, выбирай — чем будешь защищаться? Меч против пилума или меч против меча?

Часовой. Римлянин против сицилийца, будь он проклят! На, получай! *(Бросает свой пилум в Аполлодора, который ловко припадает на одно колено, и пилум со свистом пролетает над его головой, не причинив ему вреда. Аполлодор с криком торжества нападает на часового, который обнажает меч и, защищаясь, кричит.)* Эй, стража, на помощь!

Клеопатра, замирая от страха и восторга, прижимается к стене дворца, где сидят среди своих тюков носильщики. Лодочник в перепуге броса-

ется вниз по ступеням, подалее от поединка, но останавливается так, что над парапетом набережной видна его голова, и следит за боем. Часовому приходится трудно, так как он боится, как бы на него не напала сзади Фтататита. Его искусство фехтовать довольно грубо и не блещет изяществом, тем более что, нанося удар и отражая выпад Аполлодора, он нет-нет замахивается и на Фтататиту, чтобы отогнать ее. Центурион снова входит с несколькими солдатами. Аполлодор при виде этого подкрепления отскакивает назад, к Клеопатре.

Центурион (*подходя к часовому справа*). Что здесь еще?

Часовой (*отдуваясь*). Я бы отлично справился, коли бы только не эта старуха. Уберите ее от меня. Больше мне ничего не надо.

Центурион. Докладывай по порядку. Что случилось?

Фтататита. Центурион, он чуть не убил царицу.

Часовой (*грубо*). И скорей убил бы, а не выпустил. Она хотела взять лодку и отправиться, как она сказала, на маяк. Я остановил ее, как было приказано. А она нагнала на меня вот этого молодца. (*Идет, поднимает свой пилум и возвращается обратно.*)

Центурион (*Клеопатре*). Клеопатра, я не хотел бы прогневить тебя, но без особого приказа Цезаря мы не смеем пропустить тебя за линию римских постов.

Аполлодор. Скажи, центурион, а разве маяк теперь не в пределах римских постов, с тех пор как Цезарь высадился на Фаросе?

Клеопатра. Да, да! Что ты на это ответишь?

Центурион (*Аполлодору*). Ты, Аполлодор, благодари богов, что пилум не пригвоздил тебя к двери дворца за твое вмешательство.

Аполлодор (*очень любезно*). Друг мой воин, я рожден не для того, чтобы меня убили столь уродливым оружием. Если мне суждено пасть, так меня сразит (*выхватывает свой меч*) вот этот владыка всех клинков, единственное оружие, достойное служителя искусства. И так как ты теперь убедился, что мы не думаем выходить за пределы римских постов, дай мне прикончить часового и отправиться с царицей.

Центурион (*на гневное движение часового*). Спокойствие! Клеопатра, я подчиняюсь приказу, а не хитроумным толкованиям этого сицилийца. Тебе должно уйти во дворец и заняться там этими коврами.

Клеопатра (*надувшись*). Я не пойду. Я царица. Цезарь так не говорит со мной, как ты. Или центурионы Цезаря учатся говорить у судомоек?

Центурион (*хмуро*). Я исполняю мой долг. Это все. Аполлодор. Царица, когда глупец делает что-нибудь, чего он стыдится, он всегда заявляет, что это его долг.

Центурион (*гневно*). Аполлодор...

Аполлодор (*перебивая его, с вызывающим изыществом*). Я готов дать тебе удовлетворение мечом в надлежащее время и в надлежащем месте. Артист всегда готов к поединку. (*Клеопатре.*) Послушайся моего совета, о звезда востока! Пока этим солдатам не придет приказ от самого Цезаря, ты — пленница здесь. Отправь меня с поручением к нему и с подарком. И прежде чем солнце, склонясь в объятия моря, пройдет половину своего пути, я привезу тебе обратно приказ Цезаря.

Центурион (*издеваясь*). И ты, конечно, продашь царице ее подарок Цезарю?

Аполлодор. Центурион, царица получит от меня безо всякой мзды, как добровольную дань сицилийца, поклоняющегося египетской красоте, самый прекрасный из этих ковров для подарка Цезарю.

Клеопатра (*торжествуя, центуриону*). Ты видишь теперь, какая ты грубая, невежественная скотина!

Центурион (*отрывисто*). Глупец скоро расстается со своим добром. (*К солдатам.*) Еще двоих на этот пост, и никого не выпускать из дворца, кроме этого молодчика с его товаром. Если он обнажит меч в пределах поста — заколоть! Марш на посты! (*Уходит, оставляя двух лишних часовых.*)

Аполлодор (*вежливо и дружелюбно*). Друзья мои, не зайти ли нам во дворец и не утопить ли нашу размолвку в чаше доброго вина? (*Вытаскивает кошель, позвякивая монетой.*) У царицы нашлись бы подарки для всех вас.

Часовой (*очень угрюмо*). Ты слышал приказ? Иди своей дорогой.

Первый подчасок. Да, должен понимать. Убирайся.

Второй подчасок (*горбоносый мужчина, не похожий на своего товарища, у которого грубое, толстое лицо, с жадностью поглядывает на кошель*). Не искушай бедняка.

Аполлодор (*Клеопатре*). Жемчужина среди цариц! Центурион в двух шагах, а римский солдат неподкупен, когда на него смотрит его начальник. Мне придется отвезти твое поручение Цезарю.

Клеопатра (*задумчиво, уставившись на ковры*). Эти ковры очень тяжелые?

Аполлодор. Не все ли равно, тяжелы они или нет? У нас хватит носильщиков.

Клеопатра. А как они спускают эти ковры в лодки? Просто бросают их?

Аполлодор. В маленькие лодки, твое величество, их нельзя бросать, лодка может утонуть.

Клеопатра. Вот в такую лодку, как эта? (*Показывает на лодочника.*)

Аполлодор. Нет, эта уж слишком мала.

Клеопатра. Но ты сумеешь отвезти в ней ковер Цезарю, если я пошлю?

Аполлодор. Без сомнения!

Клеопатра. И ты будешь осторожно нести его по ступеням? И будешь очень беречь его?

Аполлодор. Положись на меня.

Клеопатра. Ты будешь очень-очень беречь его?

Аполлодор. Больше, чем свою голову.

Клеопатра. Ты обещаешь мне, что присмотришь за носильщиками, чтобы они не уронили его, не бросали кое-как?

Аполлодор. Положи в него кубок из самого тонкого стекла, что только есть во дворце, и если он разобьется, я заплачу за него своей головой.

Клеопатра. Хорошо. Идем, Фтататита.

Фтататита подходит. Аполлодор собирается сопровождать их.

Нет, Аполлодор, ты не должен идти. Я сама выберу ковер. Жди здесь. (*Бежит во дворец.*)

Аполлодор (*носильщикам*). Следуйте за этой особой (*показывает на Фтататиту*) и повинуйте ей.

Носильщики встают и поднимают тюки.

Фтататита (*обращаясь к носильщикам так, словно это нечто нечистое*). Сюда. И снимите обувь, прежде чем ступить на эту лестницу.

Входит во дворец, за ней носильщики с коврами.

Аполлодор тем временем подходит к краю набережной и смотрит на море. Часовые враждебно косятся на него.

Аполлодор (*часовому*). Друг мой!
Часовой (*грубо*). Молчать!

Первый подчасок. Закрой пасть, ты!

Второй подчасок (*полушепотом, с опаской поглядывая на северный край набережной*). Чего тебе не терпится? Не можешь подождать немного?

Аполлодор. Терпение — достопочтенный осел о трех головах!

Часовые ворчат.

(*Он не проявляет ни малейшего страха*.) Послушайте, вы что — за мной здесь наблюдаете или за египтянами?

Часовой. Мы свое дело знаем.

Аполлодор. Тогда почему же вы не делаете его? Глядите-ка, что там творится. (*Показывает на юго-западную часть мола*.)

Часовой (*желчно*). Мне не нужны советы такого, как ты.

Аполлодор. Чурбан! (*Кричит*.) Эй, там, центурион! Хо-хо!

Часовой. Проклятье на тебя. Чего ты лезешь. (*Кричит*.) Хо-хо! Тревога! Тревога!

Первый и второй подчаски. Тревога! Тревога! Хо-хо!

Центурион бежит со своими солдатами.

Центурион. Что такое еще? Опять на тебя старуха напала? (*Видит Аполлодора*.) Ты все еще здесь?

Аполлодор (*указывая снова туда же*). Посмотри-ка, египтяне зашевелились. Они собираются отбить у вас Фарос. Вот они уже готовы напасть и с суши и с моря. С суши — по большому молу, с моря — из Западной гавани. Поворачивайтесь вы, воины! Охота началась.

С разных сторон набережной раздаются звуки труб.

Ага! Я говорил!

Центурион (*поспешно*). Вы, двое лишних, передать тревогу на южные посты! Одному остаться на часах. Остальные — за мной! Живо!

Два подчаска бегут в южную сторону. Центурион с солдатами — в противоположную сторону. Сейчас же вслед за этим раздается рев бухцины. Четверо носильщиков выходят из дворца, неся свернутый ковер. За ними Ф т а т а т и т а.

Часовой (*с опаской поднимая пилум*). Опять ты!

Носильщики останавливаются.

Фтататита. Потихе, римлянин: ты теперь остался один. Аполлодор, этот ковер Клеопатра посылает в подарок Цезарю. В нем завернуты десять драгоценных кубков тончайшего иберийского хрусталя и сотня яиц священной синей голубки. Покались честью, что ни одно из них не будет разбито.

Аполлодор. Клянусь головой. *(Носильщикам.)* Несите в лодку. Осторожней!

Носильщики сходят с тюком по ступеням.

Первый носильщик *(смотрит вниз на лодку)*. Поостерегитесь, господин! Яйца, о которых говорит эта госпожа, весят, должно быть, каждое по фунту. Эта лодка не выдержит такой тяжести.

Лодочник *(в бешенстве вскакивает на ступени)*. О ты, злоязычный носильщик! Ты, противный естеству сын верблюдихи! *(Аполлодору.)* Моя лодка, господин, возила не раз по пять человек. Неужели она не свезет вашу милость да сверток с голубиными яйцами? *(Носильщику.)* Ты, облезлый дромадер! Пусть боги покарают тебя за твою злобу и зависть!

Первый носильщик *(флегматично)*. Я не могу бросить тюк, чтобы отдуть тебя. Но уж когда-нибудь я тебя подстерегу!

Аполлодор *(примирительно)*. Замолчите! Если бы эта лодка была всего-навсего щепкой, я бы все равно поплыл на ней к Цезарю.

Фтататита *(в тревоге)*. Заклинаю тебя богами, Аполлодор, не поступай неосмотрительно с этим тюком.

Аполлодор. Не бойся ты, о почтеннейшая из химер. Я понимаю, что ему нет цены. *(Носильщику.)* Клади, говорю я, да поосторожней, или ты десять дней не будешь есть ничего, кроме палки.

Лодочник спускается вниз, за ним носильщики с тюком. Фтататита и Аполлодор наблюдают с берега.

Аполлодор. Тише, сыновья мои! Тише, дети мои! *(С внезапным испугом.)* Да тише вы, собаки! Клади по ровней на корму. Так! Хорошо!

Фтататита *(вопит одному из носильщиков)*. Не наступи на него! Не наступи! О ты, бессмысленная скотина!

Первый носильщик (*поднимаясь по ступеням*).
Не волнуйся, госпожа. Все цело.

Фтататита (*задыхаясь*). Все цело. Как только сердце мое не разорвалось! (*Хватается за грудь*.)

Все четверо носильщиков поднялись и стоят на верхней ступени,
дожидаясь платы.

Аполлодор. Вот вам, голяки! (*Он дает деньги первому носильщику, который подбрасывает их на руке, чтобы показать остальным.*)

Они жадно толпятся вокруг и заглядывают, сколько он получил, уже приготовившись, по восточному обычаю, взывать к богам, проклиная жадность нанимателя. Но его щедрость ошеломляет их.

Первый носильщик. О щедрый царевич!

Второй носильщик. О повелитель базара!

Третий носильщик. О любимец богов!

Четвертый носильщик. О отец всех носильщиков рынка!

Часовой (*с завистью, злобно замахиваясь на них пилумом*). Пошли вон, собаки! Убирайтесь.

Они убегают по набережной в северном направлении.

Аполлодор. Прощай, Фтататита! Я буду на маяке раньше египтян. (*Спускается вниз.*)

Фтататита. Пусть боги даруют тебе скорый путь и защитят мое сокровище!

Часовой возвращается после погони за носильщиками, чтобы не дать Фтататите бежать.

Аполлодор (*снизу, в то время как лодка отчаливает*). Прощай, доблестный метатель пилума!

Часовой. Прощай, лавочник!

Аполлодор. Ха-ха! Налегай на весла, brave лодочник. Хо-хо-хо! (*Он начинает петь на мотив баркаролы, в такт веслам.*)

Сердце мое, крылами взмахни,
Время любви, сердце, стряхни.

Дай-ка мне весла, о сын черепахи.

Часовой (*угрожающе, Фтататите*). Ну, красавица, иди-ка в свой курятник. Марш отсюда!

Фтататита (*падая на колени и протягивая руки к морю*). Боги морей, вынесите ее невредимую на берег!

Часовой. Вынесите кого невредимой? Что это ты плетешь?

Фтататита (*глядя на него зловеще*). Боги Египта и боги Возмездия, сотворите так, чтобы этот римский болван был избит хуже всякой собаки начальником своим за то, что он недосмотрел и пустил ее в море.

Часовой. Проклятая! Так, значит, это она в лодке? (*Кричит в море.*) Хо-хо! Лодочник! Хо-хо!

Аполлодор (*поет вдалеке*).

Будь свободным, счастливым будь,
Злую неволю, сердце, забудь.

Тем временем Руфий, после утренней битвы, сидит на связке хвороста перед дверью маяка и жует финики; гигантская вышка маяка поднимается слева от него, уходя в небо. Между колен у Руфия зажат его шлем, полный фиников; рядом кожаная фляга с вином. Позади него громадный каменный пьедестал маяка, закрытый с моря низким каменным парпетом, с двумя ступенями посредине. Массивная цепь с крюком от маячного подъемного крана висит прямо над головой Руфия. Такие же вязанки хвороста, как и та, на которой он сидит, лежат рядом, приготовленные для маячного костра. Цезарь стоит на ступенях парпета и тревожно смотрит вдаль, по-видимому в довольно мрачном настроении. Из дверцы маяка выходит Британ.

Руфий. Ну как, островитянин-бритт? Поднимался ты на самый верх?

Британ. Да. Думаю, высота около двухсот футов.

Руфий. Есть там кто-нибудь?

Британ. Старый тириец, который работает краном, и его сын, благонравный юноша лет четырнадцати.

Руфий (*смотрит на цепь*). Ну-ну! Старик и мальчишка поднимают вот эту штуку? Да их там человек двадцать, наверно.

Британ. Только двое, уверяю. У них там противовесы и какая-то машина с кипящей водой — не знаю, в чем там дело; это не британское изобретение. Они поднимают бочонки с маслом и хворост для костра на вышке.

Руфий. А как же...

Британ. Прости, я спустился, потому что к нам по молу идут гонцы с острова. Нужно узнать, что им надо. (*Торопливо проходит мимо маяка.*)

Цезарь (*отходит от парпета, поеживаясь, явно не в духе*). Руфий, это была безумная затея. Нас расколотят. Хотел бы я знать, как там идет дело с баррикадой на большой дамбе?

Руфий (*огрызается*). Уж не прикажешь ли мне оставить еду и на голодное брюхо бежать туда, чтобы доложить тебе?

Цезарь (*нервно, но стараясь успокоить его*). Нет, Руфий, нет. Ешь, сын мой, ешь. (*Снова выходит на паркет.*)

Руфий продолжает поглощать финики.

Вряд ли египтяне настолько глупы, что не догадаются ударить по укреплению и ворваться сюда, прежде чем мы его доделаем. Первый раз решился на рискованный шаг, когда его можно было легко избежать. Не следовало мне идти в Египет.

Руфий. А всего какой-нибудь час тому назад ты ликовал и праздновал победу.

Цезарь (*оправдываясь*). Да. Я был глупцом. Опрометчивость, Руфий, мальчишество!

Руфий. Мальчишество? Ничуть. На-ка вот. (*Протягивает ему горсть фиников.*)

Цезарь. Зачем это?

Руфий. Съешь. Тебе как раз этого не хватает. Человечек в твоём возрасте всегда склонен раскисать натошак. Поешь и отхлебни вот этого. А тогда и поразмысли еще раз о наших делах.

Цезарь (*берет финики*). В моём возрасте... (*Качает головой и откусывает кусочек.*) Да, Руфий, я старый человек, изношенный. Это правда, сущая правда. (*Погружается в грустные размышления и машинально дожевывает второй финик.*) Ахилл — он ещё во цвете лет. Птолемей — мальчик. (*Жует третий финик, несколько приободряется.*) Ну что ж, каждому своё время. И я взял своё, жаловаться не приходится. (*Неожиданно оживившись.*) А неплохие финики, Руфий.

Возвращается Б р и т а н, он очень взволнован, в руках у него кожаная сума.

(*Цезарь уже опять стал самим собой.*) Что ещё?

Британ (*торжествующе*). Наши доблестные родосские моряки выловили сокровище. Вот! (*Бросает суму к ногам Цезаря.*) Теперь враги твои в наших руках.

Цезарь. В этой суме?

Британ. Дай договорить. В этой суме все письма, которые партия Помпея посылала в Египет оккупационной армии.

Цезарь. Ну и что же?

Британ (*досадуя на то, что Цезарь так туго сообщает*). Ну вот, теперь мы будем знать, кто враги твои. Имена всех, кто замышлял против тебя, с тех пор как ты перешел Рубикон*, могут оказаться здесь, в этих бумагах.

Цезарь. Брось это в огонь.

Британ (*остолбенев, изумленно*). Бросить?!!

Цезарь. В огонь! Неужели ты заставишь меня тратить ближайшие три года моей жизни на то, чтобы осуждать и отправлять в изгнание людей, которые могут стать мне друзьями, если я докажу им, что моя дружба стоит дороже дружбы Помпея или Катона? О ты, неисправимый бритт-островитянин! Или я бульдог, чтобы лезть в драку только затем, чтобы показать, какие у меня крепкие челюсти?

Британ. Но честь твоя — честь Рима?

Цезарь. Я не устраиваю человеческих жертвоприношений моей чести, как ваши друиды. Не хочешь сжечь — давай я их швырну в море. (Поднимает мешок и бросает через парапет в волны.)

Британ. Цезарь, это просто чудачество! Можно ли поощрять предателей ради красивого жеста и красивого словца?

Руфий (*вставая*). Цезарь, когда островитянин кончит свою проповедь, позови меня. Я пойду взглянуть на машину с кипящей водой. (*Уходит в маяк.*)

Британ (*с искренним чувством*). О Цезарь, мой великий повелитель! Если бы я мог убедить тебя, что на жизнь надо смотреть серьезно, как это делают люди моей страны.

Цезарь. А они действительно так смотрят?

Британ. Разве ты не был у нас? Разве ты не видал их? Разве бритт будет говорить с таким легкомыслием, как говоришь ты? Разве бритт может пренебречь молитвой в священной роще? Разве бритт решится носить такую пеструю одежду, вместо одноцветной синей, как подобает всем солидным, достойным уважения людям? Ведь для нас это вопросы морали.

Цезарь. Хорошо, хорошо, друг. Когда-нибудь, когда я устроюсь попрочнее, я, может быть, и заведу себе синюю тогу. А пока уж мне приходится выворачиваться как умею, на мой римский, распущенный лад.

Аполлодор проходит мимо маяка.

Это что такое?

Британ (*быстро оборачивается и с официальным высокомерием окликает чужеземца*). Это что значит? Кто ты такой? Как попал сюда?

Аполлодор. Успокойся, приятель. Я тебя не съем. Я приплыл на лодке из Александрии с драгоценными дарами для Цезаря.

Цезарь. Из Александрии?

Британ (*сурово*). С тобой говорит Цезарь.

Руфий (*появляясь в двери маяка*). Что тут такое?

Аполлодор. Слава великому Цезарю! Я Аполлодор, сицилиец, художник.

Британ. Художник? Кто пустил сюда этого бродягу?

Цезарь. Успокойся, друг! Аполлодор — именитый патриций, он художник-любитель.

Британ (*смущенно*). Прошу прощения, благородный господин. (*Цезарю.*) Я понял так, что это его ремесло. (*Несколько пристыженный, он уступает Аполлодору место рядом с Цезарем.*)

Руфий, окинув Аполлодора явно пренебрежительным взглядом, отходит на другой конец парадета.

Цезарь. Привет тебе, Аполлодор! Что ты хочешь от нас?

Аполлодор. Прежде всего поднести тебе дар от царицы цариц.

Цезарь. От кого это?

Аполлодор. От Клеопатры, царицы египетской.

Цезарь (*обращается к нему доверчиво, самым покупавшим тоном*). Аполлодор, сейчас нам не время забавляться подарками. Прошу тебя, вернись к царице и скажи ей, что если все сложится удачно, я нынче же вечером вернусь во дворец!

Аполлодор. Цезарь, я не могу вернуться. Когда мы подплывали к маяку, какой-то болван сбросил в море громадный кожаный мешок и сломал нос моей лодки. Я едва успел выбраться с ношей на берег, как эта несчастная посудина пошла ко дну.

Цезарь. Сочувствую тебе, Аполлодор. Болвана мы накажем. Ну, ладно! Расскажи, что ты привез мне? Царица будет в обиде, если я не взгляну.

Руфий. Разве есть время заниматься пустяками? Твоя царица — ребенок!

Цезарь. Вот именно. Поэтому-то нам и нельзя огорчать ее. Что же это за подарок, Аполлодор?

Аполлодор. Цезарь, это персидский ковер, красота из красот. И в нем, как мне сказали, голубиные яйца, хрустальные кубки и хрупкие драгоценности. Я отвечаю головой за мою ношу и поэтому не рискнул тащить ее сюда по узкой лесенке с мола.

Руфий. Можно поднять краном. Прицепи на крюк. Яйца пошлем повару, из кубков будем пить вино, а ковер пойдет на ложе Цезаря.

Аполлодор. Краном? Цезарь, я поклялся беречь тюк с ковром как собственную жизнь.

Цезарь *(шутливо)*. Тогда можно поднять вас обоих вместе. И если цепь оборвется, ты погибнешь вместе с голубиными яйцами. *(Подходит к цепи и с любопытством рассматривает ее.)*

Аполлодор *(Британу)*. Цезарь это серьезно говорит?

Британ. Он разговаривает таким легкомысленным тоном потому, что он итальянец, но то, что он говорит, он делает.

Аполлодор. Серьезно или нет, но он говорит дело. Дайте же мне отряд воинов, чтобы привести этот кран в действие.

Британ. Предоставь кран мне, а сам ступай вниз и дождайся, пока спустится цепь.

Аполлодор. Хорошо. Вы сейчас увидите меня вон там. *(Поворачивается к ним и красноречивым жестом показывает на небо.)* Я взойду там, словно солнце, с моим сокровищем. *(Уходит тем же путем, что и пришел.)*

Британ скрывается в помещении маяка.

Руфий *(ворчливо)*. Ты действительно намерен дожидаться здесь, чем кончится весь этот балаган?

Цезарь *(отходит в сторону, когда цепь начинает двигаться)*. Почему бы и нет?

Руфий. Египтяне сейчас покажут тебе, почему нет, если только у них хватит ума броситься на нас с берега, пока мы не возвели укрепление. А мы здесь стоим и ожидаемся, как малые ребята, чтобы нам показали ковер с голубиными яйцами.

Цепь с грохочущим лязгом поднимается над парапетом, затем, качиваясь, поворачивается вместе с краном и исчезает за маячком.

Цезарь. Не бойся, о Руфий, сын мой! Едва только первый египтянин станет на мол, наши затрубят тревогу.

И мы с тобой отсюда успеем добежать до укрепления раньше, чем египтяне с той стороны. Мы с тобой вдвоем, Руфий: я, старик, и ты, его старший сын. И старик будет там первым. Итак, успокойся! И дай-ка мне еще фиников.

Аполлодор (*с насыпи внизу*). Эй-хо! Давай, тяни! О-хо-хо!

Цепь поднимается и снова, раскачиваясь, появляется из-за маяка. Аполлодор висит в воздухе со своим тюком, паря над парашютом.

(Он поет.)

Наверху, надо мной, синева в небесах.
Не увидеть такой у красотки в очах...

Эй, вы там! Стоп! (*Перестает подниматься.*) Поворачивай!

Цепь возвращается снова к парашюту.

Руфий (*кричит наверх*). Ну, опускай!

Цепь с ношей начинает опускаться.

Аполлодор (*кричит сверху*). Осторожней! Тише! Не забудьте о яйцах.

Руфий (*кричит наверх*). Легче! Эй, вы там! Тише, тише!

Аполлодор со своей ношей невредимо опускается на кучу хвороста на парашюте. Руфий и Цезарь помогают Аполлодору отцепить тюк.

Руфий. Поднимай!

Цепь с лязгом взвивается прямо над их головой. Британ выходит из маяка и помогает им развязать тюк.

Аполлодор (*после того, как они сняли веревки*). Отойдите, друзья. Пусть смотрит Цезарь. (*Распахивает ковер.*)

Руфий. Ничего тут нет, кроме кучи тряпок. Где же голубиные яйца?

Аполлодор. Приблизься, Цезарь, и поищи их среди шалей.

Руфий (*обнажая меч*). А, предательство! Не подходи, Цезарь! Я вижу, шаль шевелится, там что-то живое.

Британ (*обнажая меч*). Змея!

Аполлодор. Осмелится ли Цезарь вложить руку в мешок, где шевелится змея?

Руфий (*оборачивается к нему*). Предатель, собака!

Цезарь. Успокойтесь. Уберите ваши мечи. Аполлодор, твоя змея уж слишком ровно дышит. (*Засовывает руки под шаль и освобождает оттуда чью-то голую руку.*) Хорошенькая маленькая змейка!

Руфий (*вытягивая оттуда другую руку*). А ну-ка, давай сюда и все остальное.

Они вытаскивают за руки Клеопатру, и она садится среди шалей. Британ, шокированный, вкладывает свой меч в ножны и возмущенно пожимает плечами.

Клеопатра (*едва переводя дух*). Ой, я чуть-чуть не задохнулась. Ах, Цезарь, кто-то на меня наступил в лодке, а потом на меня свалился с неба какой-то громадный, страшно тяжелый мешок. А потом лодка стала тонуть, а потом меня унесло куда-то в воздух и оттуда вниз...

Цезарь (*лаская ее, когда она, поднявшись, бросается к нему на грудь*). Ну, ничего, ничего. Теперь уже все кончено, ты здесь, цела и невредима.

Руфий. Н-да, а теперь, когда она здесь, что же нам с ней делать?

Британ. Она не может оставаться здесь, Цезарь, без присмотра какой-нибудь матроны.

Клеопатра (*ревниво, Цезарю, который явно не знает, что с ней делать*). Так, значит, ты не рад, что видишь меня?

Цезарь. О нет, я-то очень рад, но вот Руфий очень недоволен, а Британ шокирован.

Клеопатра. А ты отруби им головы, разве ты не можешь это сделать?

Цезарь. Я боюсь, моя ласточка, что с отрубленными головами они будут мне гораздо менее полезны.

Руфий (*Клеопатре*). Мы сейчас пойдем рубить головы кое-кому из твоих египтян. Ну, а что ты скажешь, если нас, не ровен час, побьют и ты попадешь в плен к своему маленькому братцу?

Клеопатра. Ты не должен покидать меня, Цезарь. Ты ведь не покинешь меня, правда?

Руфий. Еще бы! Вот сейчас загремит труба, и тогда жизнь каждого из нас будет зависеть от того, ступит ли Цезарь на баррикаду, прежде чем до нее доберется кто-нибудь из египтян.

Клеопатра. Ну и пусть они погибнут! Ведь это простые солдаты.

Цезарь (*внушительно*). Клеопатра, когда загремит труба, каждый из нас, не щадя себя, понесет жизнь свою в руке и швырнет ее в лицо смерти. И среди всех моих солдат, которые доверили мне свою судьбу, нет ни одного, чья рука не была бы мне дороже твоей головы.

Клеопатра совершенно уничтожена, глаза ее наполняются слезами.

Аполлодор, ты отвезешь ее обратно во дворец.

Аполлодор. Разве я дельфин, Цезарь, чтобы плавать по морям с юными девами на спине? Лодка моя погибла, и все ваши суда или у баррикады, или вернулись в город. Попробую окликнуть их — это все, что я в состоянии сделать. (*Уходит на мол.*)

Клеопатра (*глотающая слезы*). Мне все равно. Я не вернусь обратно. Я никому не нужна.

Цезарь. Клеопатра!

Клеопатра. Ты хочешь, чтобы меня убили.

Цезарь (*еще внушительней*). Твоя жизнь, бедное мое дитя, мало кому нужна здесь, кроме тебя самой.

Клеопатра не выдерживает, бросается на вязанки хвороста и плачет. Внезапно в отдалении поднимается сильный шум, сквозь него прорывается рев бухины и труб. Британ сбегает на парапет и смотрит на мол. Цезарь и Руфий обмениваются быстрым, понимающим взглядом.

Идем, Руфий.

Клеопатра (*вскакивает на колени и цепляется за Цезаря*). Нет, нет, не оставляй меня, Цезарь!

Цезарь вырывает свою одежду из ее рук.

Ах!

Британ (*с парапета*). Цезарь! Мы отрезаны. Египтяне подошли из Западной гавани и высадились между нами и баррикадой.

Руфий (*погбегая к нему*). Проклятье! Верно, мы попались, как крысы в капкан!

Цезарь (*со скорбным ужасом*). Руфий, Руфий! Мои солдаты на баррикаде, их окружают и с берега и с моря; я послал их на смерть!

Руфий (*возвращается с парапета, погходит к Цезарю справа*). Н-да, вот к чему приводит эта возня с девчонками.

Аполлодор (*поспешно идет с мола*). Взгляни с парапета, Цезарь.

Цезарь. Мы смотрели, друг. Нам придется защищаться здесь.

Аполлодор. Я бросил веревочную лестницу в море. Сюда они теперь не могут подняться.

Руфий. А мы не можем уйти. Об этом ты подумал?

Аполлодор. Не можем уйти? Почему? У вас же стоят корабли в Восточной гавани.

Британ (с *парапета*, с *надеждой в голосе*). Родосские галеры уже повернули к нам.

Цезарь торопливо подходит к Британу.

Руфий (*Аполлодору, нетерпеливо*). А скажи-ка, пожалуйста, как же мы попадем на галеры?

Аполлодор (*вызывающе-весело и наставительно*). Путем, который ведет всюду. Алмазным путем солнца и луны. Разве ты никогда не видал, как дети играют в сломанный мост? «Утки и гуси переправляются на ту сторону...» А? (*Бросает плащ и шляпу и привязывает меч себе на спину.*)

Руфий. Что ты плетешь?

Аполлодор. Сейчас покажу. (*Кричит Британу.*) Сколько отсюда до ближайшей галеры?

Британ. Локтей триста.

Цезарь. Нет, нет, они дальше, чем кажется в этом ясном воздухе глазам бритта. Около четверти мили, Аполлодор.

Аполлодор. Прекрасно. Продержитесь здесь, пока я не пришлю вам лодку с галеры.

Руфий. Что у тебя, крылья, что ли, есть?

Аполлодор. Морские крылья, воин. Смотри! (*Взбегает по ступенькам на скат парапета между Цезарем и Британом, подпрыгивает и бросается головой вниз в море.*)

Цезарь (*как мальчишка, в диком восторге*). Bravo, bravo! (*Сбрасывает плащ.*) Клянусь Юпитером, я тоже!

Руфий (*хватает его*). С ума сошел? Куда?

Цезарь. Почему? Разве я плаваю хуже?

Руфий (*вне себя*). Да разве может старый безумец плавать и нырять, точно молодой?

Цезарь (*отталкивая его*). Старый?..

Британ (*потрясенный*). Руфий, что ты говоришь!

Цезарь. Хочешь, отец Руфий, наперегонки до галеры за недельное жалованье?

Клеопатра. А я? А я? Что со мной будет?

Цезарь. Довезу тебя на спине, как дельфин, до галеры. Руфий, когда я вынырну, брось ее в воду. Я отвечаю. А после нее прыгайте вы оба.

Клеопатра. Нет, нет, ни за что! Я утону.

Британ. Цезарь, я человек и бритт, а не рыба. Мне нужна лодка. Я плавать не умею.

Клеопатра. И я не умею.

Цезарь (*Британу*). Тогда оставайся здесь, пока мы не отобьем маяк. Ну, Руфий!

Руфий. Ты действительно решился на это безумие?

Цезарь. За меня решили египтяне. А что делать? Ты только смотри, когда будешь прыгать. Я не хочу, чтобы твоя двухсотфунтовая туша свалилась мне на спину, когда я высуну нос из воды. (*Взбегает на ступеньки и становится на выступе.*)

Британ (*в смятении*). Еще одно слово. Цезарь. Умоляю тебя, не показывайся в аристократическом квартале Александрии, пока не переоденешься.

Цезарь (*кричит в море*). Эй, Аполлодор! (*Показывает на небо и поет на мотив баркаролы.*)

Облака блестят в синеве...

Аполлодор (*плывет вдаль и подхватывает*).

И пурпур в зеленой волне...

Цезарь (*в восторге*). А-ах! (*Бросается в волны.*)

Клеопатра (*в страшном волнении бежит к ступеням*). Дайте мне посмотреть, он сейчас утонет!

Руфий хватает ее.

Ай-яй-яй! (*Она вопит, он швыряет ее в воду.*)

Руфий с Британом в восторге покатываются от хохота.

Руфий (*глядя вниз*). Поймал ее, смотри! (*Британу*.) Держи эту крепость, бритт! Цезарь тебя не забудет! (*Прыгает.*)

Британ (*бежит на ступени и смотрит, как они плывут*). Ну как, целы вы, Руфий?

Руфий (*издалека*). Целы!

Цезарь (*далеко впереди него*). Укройся около костра. И навали побольше дров на дверцу люка.

Британ (*кричит ему*). Сделаю все и поручу себя богам моей отчизны!

Радостные крики с моря. Британ в неистовом восторге.

Лодка! К нему подошла лодка! Гип-гип-гип-ура!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Купание Клеопатры в водах Восточной гавани произошло в октябре 48 года до нашей эры. В марте 47 года она, после полудня, в своих покоях, окруженная придворными дамами, слушает девушку рабыню, которая играет на арфе. Арфистка стоит посредине комнаты. Учитель арфистики — старик музыкант, у него изрезанное морщинами лицо, большой нависший лоб, седая борода, взъерошенные, щетинистые усы и брови; он с нарочито глубокомысленным важным видом сидит на корточках на полу около музыкантши и следит за ее игрой. Фтататита восседает на своем посту у дверей, во главе маленькой кучки женщин рабынь. Все сидят, за исключением, арфистики: Клеопатра в кресле против двери, на другом конце комнаты; остальные — на полу. Придворные дамы Клеопатры — молоденькие женщины; из них наиболее выделяются Хармиана и Ирас, ее любимицы. Хармиана — маленький терракотовый бесенок, продолговатое лицо, быстрые движения, точеные ноги и руки. Ирас — пухленькое добродушное создание с копной рыжих волос; умом не блещет и рада похихикать по любому поводу.

Клеопатра. А я могла бы...

Фтататита (*грубо, музыкантше*). Замолчи, ты! Царица говорит.

Музыка обрывается.

Клеопатра (*старому музыканту*). Я хочу научиться сама играть на арфе. Цезарь любит музыку. Ты можешь научить меня?

Музыкант. Без сомнения. Только я — и никто другой — могу научить царицу. Разве не я открыл тайну древних египтян, которые заставляли дрожать пирамиду, касаясь единой басовой струны? Все другие учителя обманщики, я не раз изобличал их.

Клеопатра. Хорошо. Ты будешь учить меня. Сколько тебе надо времени?

Музыкант. Не очень много. Всего четыре года. Я должен сначала посвятить твое величество в философию Пифагора^{*}.

Клеопатра. А она (*показывая на рабыню*) посвящена в философию Пифагора?

Музыкант. Она рабыня! Она выучилась, как учатся собаки.

Клеопатра. Прекрасно. Я тоже хочу выучиться, как учатся собаки. Ты будешь учить меня каждый день в течение двух недель.

Музыкант поспешно поднимается и низко кланяется.

А после этого всякий раз, когда я ошибусь, тебя будут бичевать. А если я буду так часто ошибаться, что за мной не поспеют тебя бичевать, тебя бросят в Нил, крокодилам. (*Фтататита.*) Дай арфистке золотую монету и отошли их.

Музыкант (*растерянно*). Но истинное искусство нельзя принуждать.

Фтататита. Что? Ты осмеливаешься спорить с царицей? Убирайся! (*Выталкивает его.*)

За музыкантом идет рабыня арфистка под общий хохот приближенных женщин и рабынь.

Клеопатра. Ну, так кто же из вас может позабавить меня? Есть у вас рассказать что-нибудь новенькое?

Ирас. Фтататита...

Клеопатра. Ах, Фтататита, Фтататита! Вечно Фтататита! Опять какие-нибудь небылицы, чтоб восстановить меня против нее?

Ирас. Нет, на этот раз Фтататита проявила добродетель.

Приближенные смеются, но не рабыни.

Потин пытался подкупить ее, чтобы она пропустила его к тебе.

Клеопатра (*гневно*). Ах, все вы торгуете моими аудиенциями! Точно я должна смотреть на тех, кто угоден вам, а не мне. Хотела бы я знать, сколько этой рабыне арфистке придется отдать из своего золота, прежде чем она выйдет из дворца?

Ирас. Если хочешь, мы тебе это узнаем.

Приближенные смеются.

Клеопатра (*хмурясь*). Вы смеетесь? Берегитесь, берегитесь! Когда-нибудь я сумею заставить вас служить мне так, как служат Цезарю.

Хармиана. Горбоносый старикан!

Опять хохот.

Клеопатра (*разъяренная*). Молчать! Хармиана, тебе не пристало держать себя, как маленькой египетской дурочке! Знаете ли вы, почему я позволяю вам болтать в моем присутствии все, что вам придет в голову, вместо того чтобы обращаться с вами так, как обращалась бы Фтататита, будь она царицей?

Хармиана. Потому что ты стараешься во всем подражать Цезарю, а он позволяет говорить ему все что вздумается.

Клеопатра. Нет. А потому, что я спросила его однажды, почему он это делает? И он сказал: «Не мешай болтать твоим женщинам, и ты можешь многое узнать от них». — «А что же могу я узнать?» — спросила я. «Ты узнаешь, кто они», — сказал он. И, ах, если бы вы только видели глаза его, когда он произносил эти слова! Вы прямо в комочки сжались бы, жалкие ничтожества!

Они смеются.

(Клеопатра гневно накидывается на Ирас.) Над кем ты смеешься, надо мной или над Цезарем?

Ирас. Над Цезарем.

Клеопатра. Если бы ты не была душой, ты бы смеялась надо мной; а если бы не была трусихой, ты не побоялась бы сказать мне это.

Возвращается Фтататита.

Фтататита, мне сказали, что Потин предлагал одарить тебя, если ты допустишь его ко мне.

Фтататита (возмущенно.) Клянусь богами предков моих...

Клеопатра (властно обрывая ее). Сколько раз приказывала я тебе, чтобы ты не смела отпираться. Ты готова целый день взывать к богам твоих предков и призывать их в свидетели своих достоинств, если бы я тебе позволила. Поди возьми его золото и приведи Потина сюда.

Фтататита хочет возразить ей.

Не спорь. Иди!

Фтататита уходит. Клеопатра встает и начинает ходить взад и вперед, между креслом и дверью. Все поднимаются и стоят.

Ирас (неохотно поднимаясь). Ах, как бы мне хотелось, чтобы этот Цезарь уже был в Риме.

Клеопатра (угрожающе). Это будет плохой день для всех нас, когда он уедет туда. О, если бы я не стыдилась показать ему, что сердце мое столь же безжалостно, как сердце отца моего, я бы заставила тебя раскаяться в этих словах. Зачем это тебе, чтобы он уехал?

Ирас. Ты делаешься при нем такой ужасно скучной, ученой и фило-со-фичной. А в нашем возрасте это хуже, чем быть святошей.

Приближенные смеются.

Клеопатра. Перестаньте вы без конца кудахтать... Слышите? Прикусите языки.

Хармиана (*с насмешливой покорностью*). Хорошо, хорошо! Видно, всем уж нам придется взять себе в пример Цезаря.

Они снова хохочут. Клеопатра молча бесится и продолжает ходить взад и вперед. Фтататита возвращается с Потинном, который останавливается на пороге.

Фтататита (*в дверях*). Потин смиренно молит царицу преклонить слух...

Клеопатра. Ну хорошо, хорошо! Довольно! Пусть он войдет. (*Она опускается в кресло.*)

Все садятся, кроме Потина, — он выходит на середину. Фтататита занимает свое прежнее место.

Итак, Потин? Что слышно нового о твоих друзьях-мятежниках?

Потин (*нагменно*). Я не друг мятежу. К тому же пленник не знает новостей.

Клеопатра. Ты пленник не больше, чем я, чем Цезарь. Вот уж шесть месяцев мой дворец осажден моими подданными. Тебе дозволено разгуливать по набережной среди воинов, а могу ли я ступить далее? Может ли Цезарь?

Потин. Ты дитя, Клеопатра, и не понимаешь этого.

Приближенные смеются. Клеопатра смотрит на него непроницаемым взглядом.

Хармиана. Я вижу, ты не знаешь самой последней новости, Потин?

Потин. Какой?

Хармиана. Что Клеопатра больше уже не дитя. Хочешь, я научу тебя, как в один день сделаться много старше и много, много умнее.

Потин. Я предпочел бы стать умнее, не старея.

Хармиана. Так вот. Поднимись на вышку маяка и попроси кого-нибудь схватить тебя за волосы и бросить оттуда в море.

Приближенные смеются.

Клеопатра. Это правда, Потин. Немало самодовольства смоеся с тебя, когда ты выйдешь из волн на берег.

Приближенные смеются.

(Клеопатра гневно встает.) Идите прочь все! Я буду одна говорить с Потиним! Фтататита, прогони их.

Они, смеясь, выбегают. Фтататита закрывает за ними дверь.

Ты чего ждешь?

Фтататита. Не подобает царице оставаться с глазу на глаз...

Клеопатра *(обрывает ее)*. Фтататита! Или надо принести тебя в жертву богам отцов твоих, чтобы ты узнала, что царица Египта — я, а не ты?

Фтататита *(негодующе)*. Вот и ты теперь такая же, как все. Тебе хочется быть тем, что эти римляне именуют передовой женщиной. *(Уходит, хлопая дверью.)*

Клеопатра *(сагась)*. Ну, Потин, зачем старался ты подкупить Фтататиту и проникнуть ко мне?

Потин *(смотрит на нее испытующе)*. Клеопатра, то, что мне сказали, — правда: ты изменилась.

Клеопатра. Попробуй, поговори с Цезарем полгода день за днем, и ты изменишься.

Потин. Все говорят, что ты без ума от этого старика.

Клеопатра. Без ума? Что это такое? Лишилась рассудка? О нет! Я бы хотела его лишиться.

Потин. Ты хотела бы лишиться рассудка? Что ты хочешь сказать?

Клеопатра. Когда я была безрассудной, я делала то, что мне было приятно, когда не боялась, что Фтататита побьет меня. Но и тогда я обманывала ее и украдкой делала по-своему. Теперь, когда Цезарь дал мне мудрость, мне нет дела до того, нравится мне что-то или не нравится: я делаю то, что должно делать, мне некогда думать о себе. Это не счастье, но это величие. Если Цезарь уедет, я полагаю, что сумею управлять египтянами, ибо то, что Цезарь для меня, то я для окружающих меня глупцов.

Потин *(пристально смотрит на нее)*. Клеопатра, может быть, это тщеславие юности?

Клеопатра. Нет, нет! Это не значит, что я так уж умна, а просто, что другие — слишком глупы.

Потин *(задумчиво)*. Да, это великий секрет.

Клеопатра. Ну, теперь расскажи, что ты хочешь?

Потин *(в затруднении)*. Я? Ничего.

Клеопатра. Ничего?

Потин. Кроме того, чтобы просить тебя вернуть мне свободу. Это все.

Клеопатра. Об этом ты пришел бы молить Цезаря. Нет, Потин, ты явился с умыслом, уповая на то, что Клеопатра все еще глупый котенок. А теперь, когда ты видишь царицу, твои замыслы разрушились.

Потин *(покорно склоняя голову.)* Это так.

Клеопатра *(торжествуя).* Ага!

Потин *(устремляя на нее проницательный взгляд).* Так, значит, Клеопатра поистине царица, она больше не пленница, не рабыня Цезаря?

Клеопатра. Потин, все мы — рабы Цезаря, все в Египте, хотим мы этого или нет. И та, чьей мудрости открыто это, будет властительницей Египта, когда уйдет Цезарь.

Потин. Ты все повторяешь, что Цезарь уйдет.

Клеопатра. А если и так?

Потин. Значит, он не любит тебя?

Клеопатра. Любит? Потин, Цезарь никого не любит. Кого любим мы? Лишь тех, кого мы не ненавидим. Все люди чужды нам, все нам враги, кроме тех, кого мы любим. Но Цезарь не таков: он не знает ненависти, он дружит с каждым так же, как он дружит с собаками или детьми. Его доброта ко мне поистине чудо: ни мать, ни отец, ни нянька никогда не умели так заботиться обо мне, никто не открывал мне мысли свои с такой доверчивостью.

Потин. Разве это не любовь?

Клеопатра. Любовь? Таков же будет он для любой девчонки, что встретится ему на пути в Рим. Спроси раба его, Британа, он так же добр к нему. Что говорить? Спроси его коня. Его доброта не такова, чтобы любить что-то такое, что есть во мне, она просто в природе его.

Потин. Как можешь ты знать, что он не любит тебя так, как мужчина любит женщину?

Клеопатра. Я не могу заставить его ревновать. Я пыталась.

Потин. Гм! Может быть, мне следовало бы спросить: а ты любишь его?

Клеопатра. Как любить бога? И потом я люблю другого римлянина, я видела его задолго до Цезаря. Он не бог, он человек — он умеет любить и ненавидеть. Я могу заставить его страдать, и он может заставить страдать меня.

Потин. И Цезарь знает это?

Клеопатра. Да.

Потин. И не гневается?

Клеопатра. Он обещал послать его в Египет, чтобы угодить мне.

Потин. Не понимаю этого человека.

Клеопатра *(с величественным презрением)*. Тебе — понять Цезаря! Где тебе! *(Горделиво.)* Я понимаю его — душой.

Потин *(поразмыслив, с величайшим почтением)*. Твое величество изволило допустить меня к себе. Что соизволит сказать мне царица?

Клеопатра. А вот что. Ты думал, что, посадив моего брата на трон, ты будешь править Египтом, ибо ты опекун его, а он малыш и глупец?

Потин. Так говорит царица.

Клеопатра. Царица говорит тебе: Цезарь проглотит и тебя, и Ахилла, и брата моего, как кошка глотает мышь. Он накинёт себе на плечи эту страну, как пастух накидывает на себя одежду. А когда он сделает это, он уйдёт в Рим, а Клеопатра останется править Египтом от имени его.

Потин *(яростно)*. Этого не будет. У нас тысяча воинов против его десяти. В море загоним мы и его и его нищие легионы.

Клеопатра *(с презрением, поднимаясь)*. Ты мелешь вздор, как простолудин. Ступай, веди свои тысячи. И поторопись, ибо Митридат Пергамский* недалеко, и он ведет новое войско Цезарю. Цезарь сумел обуздать вас здесь с двумя легионами; посмотрим, что сделает он, когда у него будет двадцать!

Потин. Клеопатра!

Клеопатра. Довольно, довольно! Это Цезарь сбил меня с толку, и я, следуя его примеру, позволила себе говорить с таким ничтожеством, как ты. *(Уходит.)*

Потин, взбешенный, идет за ней. Появляется Ф т а т а т и т а и останавливает его.

Потин. Дай мне уйти из этого ненавистного дома.

Ф т а т а т и т а. Ты гневаешься?

Потин. Да падут на нее проклятия всех богов! Она продала страну свою римлянину затем, чтобы выкупить ее своими поцелуями.

Ф т а т а т и т а. Глупец, разве она не сказала тебе, что она ждет, чтобы Цезарь уехал?

Потин. Ты подслушивала?

Фтататита. Я позаботилась о том, чтобы честная женщина была на страже здесь, в то время как ты оставался с ней.

Потин. Клянусь богами...

Фтататита. Кому здесь нужны твои боги! Здесь правят боги Цезаря. И какой толк, что ты приходишь к Клеопатре? Ты ведь египтянин. Она не желает слушать никого из своего народа. Она считает нас детьми.

Потин. Да погибнет она за это!

Фтататита (*мрачно*). Да отсохнет у тебя язык за такие слова! Иди! Пришли сюда Луция Септимия, убийцу Помпея. Он римлянин; может быть, она послушает его. Ступай!

Потин (*зловеще*). Я знаю, к кому мне пойти...

Фтататита (*погозрительно*). К кому же?

Потин. К римлянину помогущественней, чем Луций. И запомни, домоправительница: ты думала, до того как явился Цезарь, что будешь со своей кликой править Египтом от имени Клеопатры; я воспротивился этому...

Фтататита (*прерывает его, бранчливо*). Да, а ты думал, что ты с твоей кликой будешь править от имени Птолемея?

Потин. Лучше я или даже ты, чем женщина с римским сердцем; а это то, чем стала теперь Клеопатра. Пока я жив, она не будет править. Запомни это! (*Уходит.*)

Близится время обеда. Стол накрыт на кровле дворца; туда-то и подымается Руфий, ему предшествует величественный придворный с жезлом; сзади идет раб и несет на руках инкрустированный табурет. Преодолев бесчисленные ступени, они, наконец, вступают под внушительную колоннаду кровли. Легкие занавеси протянуты между северными и восточными колоннами, дабы смягчить жар лучей заходящего солнца. Придворный подводит Руфия к одному из этих затененных мест. Шнур от занавесей висит между колоннами.

Придворный (*с поклоном*). Римский военачальник будет ожидать Цезаря здесь.

Раб ставит табурет около самой южной колонны и исчезает за занавесями.

Руфий (*усаживается, он несколько запыхался*). Уф! Вот это лестница! Высоко ли здесь?

Придворный. Мы на кровле дворца, о любимец побед!

Руфий. Хорошо, что любимцу не нужно карабкаться еще выше.

С противоположной стороны, пятясь, входит второй придворный.

Второй придворный. Цезарь идет.

Входит Цезарь. Он только что выкупался и облачился в новую пурпурную шелковую тунуку; вид у него сияющий, праздничный. За ним идут два раба и несут легкое ложе — нечто вроде скамьи, украшенной тонкой резьбой. Они ставят его возле самой северной из затянутых занавесями колонн и исчезают. Оба придворных с церемонными поклонами следуют за ними. Руфий встает навстречу Цезарю.

Цезарь (*подходя к нему*). А, Руфий! (*Разглядывает его одеяние с восхищенным удивлением.*) Новая перевязь! Новый золотой эфес на мече! Да ты подстригся! А бороде — нет, непостижимо уму! (*Нюхает бороде Руфия.*) Так и есть! Клянусь Юпитером Олимпийским, он надушился!

Руфий (*ворчливо*). Ладно, ведь не для себя же я стался.

Цезарь (*нежно*). Нет, Руфий, сын мой, для меня, конечно. Дабы почтить день моего рождения.

Руфий (*пренебрежительно*). День рождения! У тебя каждый раз день рождения, как только надо умаслить какую-нибудь смазливую девчонку или утихомирить какого-нибудь посла. За последние десять месяцев у тебя их семь было.

Цезарь (*сокрушенно*). Да, Руфий, это верно. Никак не могу отучить себя от этих маленьких хитростей.

Руфий. Кто обедает с нами, кроме Клеопатры?

Цезарь. Аполлотор, сицилиец.

Руфий. Этот шелкопер?

Цезарь. Полно. Этот шелкопер — забавный враль, всегда может рассказать что-нибудь, спеть песню и избавляет нас от труда расточать любезности Клеопатре. Что для нее два таких старых политика, эдакие лагерные медведи, вроде нас с тобой? Нет, Аполлотор в компании — чудесный малый, Руфий, чудесный малый.

Руфий. Да, он немножко плавает, немножко фехтует... Мог бы и хуже быть. Вот если бы он еще научился держать язык на привязи!..

Цезарь. Да сберегут его от этого боги. Ох, эта жизнь воина! Скучная, грубая жизнь — жизнь дела. Это самое худшее в нас, римлянах. Деляги, чернорабочие: пчелиный улей, обращенный в народ. То ли дело краснобай с таким умом и воображением, которые могут избавить человека от необходимости вечно что-нибудь делать!

Руфий. Гм, сунулся бы он к тебе со всем этим после обеда! Ты замечаешь, что я пришел раньше, чем положено?

Цезарь. Н-да, я сразу подумал, что это неспроста. Ну, что случилось?

Руфий. Нас слышат здесь?

Цезарь. Наше уединение располагает к подслушиванию, но это можно исправить. *(Он дважды хлопает в ладоши.)*

Занавеси раздвигаются, за ними открывается висячий сад, посреди которого стоит празднично убранный стол с четырьмя приборами — два на противоположных концах, два рядом. Конец стола, ближе к Цезарю и Руфию, уставлен золотыми ковшами и чашами. Величественный дворецкий наблюдает за целым штатом рабов, которые суетятся вокруг стола. По обе стороны сада идут колонны, и только в самой глубине — просвет, наподобие большой арки, ведущей на западный конец кровли, откуда открывается широкий горизонт. В глубине, посреди этой арки, на массивном пьедестале восседает бог Ра, с головой сокола, увенчанной аспидом и диском. У подножия его стоит алтарь из гладкого белого камня.

Ну вот, теперь нас видят все, и никому не придет в голову подслушивать нас. *(Садится на ложе, которое принесли рабы.)*

Руфий *(усаживаясь на свой табурет)*. Потин хочет говорить с тобой. Советую тебе повидаться с ним: тут какие-то козни среди женщин.

Цезарь. А кто это такой, Потин?

Руфий. Да этот, у которого волосы как беличий мех, — поводырь маленького царька, твой пленник.

Цезарь *(досадуя)*. И он не убежал?

Руфий. Нет.

Цезарь *(грозно поднимаясь)*. Почему? Зачем ты стережешь его, вместо того чтобы наблюдать за врагом? Разве не говорил я тебе, что пленникам надо всегда давать возможность бежать, если о них нет особых распоряжений. Ртов у нас и без него немало.

Руфий. Верно! Если бы у тебя было немного здравого смысла и ты позволил бы мне перерезать ему горло, наши рационы были бы целее. Но, как бы там ни было, он бежать не хочет. Три караула грозили ему, что проткнут его пилумом, если он снова попадетс я им на глаза. Что они еще могут сделать? Он предпочитает оставаться и шпионить за нами. Так же поступил бы и я на его месте, если бы имел дело с военачальником, страдающим припадками великодушия.

Цезарь *(которому нечего возразить, садится снова)*. Гм! И он хочет видеть меня?

Руфий. Да. Я захватил его с собой. Он ждет там *(показывает через плечо)*, под стражей.

Цезарь. И ты хочешь этого?

Руфий *(упрямо)*. Я ничего не хочу. Полагаю, что ты поступишь так, как тебе нравится. Пожалуйста, не сваливай на меня.

Цезарь *(всем видом показывает, что он делает это только из желания угодить Руфию)*. Ну хорошо, хорошо! Давай его сюда.

Руфий *(кричит)*. Эй, стража! Отпустите пленника, пусть он идет сюда. *(Подзывает рукой.)* Иди сюда!

Входит Потин и недоверчиво останавливается между ними, переводя глаза с одного на другого.

Цезарь *(приветливо)*. А, Потин! Добро пожаловать! Что у тебя нового сегодня?

Потин. Цезарь, я пришел предостеречь тебя от опасности и сделать тебе одно предложение.

Цезарь. Брось опасности, давай предложение.

Руфий. А ну тебя с предложениями! Говори, какая опасность?

Потин. Ты думаешь, Цезарь, что Клеопатра предана тебе?

Цезарь *(внушительно)*. Друг, я сам знаю, что думаю. Переходи к твоему предложению.

Потин. Я буду говорить прямо. Не знаю, какие неизвестные боги дали тебе силу защищать дворец и небольшой клочок берега против целого города и войска. Мы отрезали тебя от озера Мареотиса, но ты выкопал колодцы в соленых морских песках и черпаешь оттуда ведрами пресную воду, и мы узнали, что боги твои непобедимы и что ты можешь творить чудеса. Я ныне не угрожаю тебе...

Руфий *(насмешливо)*. Вот как! Очень великодушно с твоей стороны.

Потин. Да будет так. Ты — повелитель. Наши боги послали нам северо-западные ветры, дабы ты остался в наших руках, но ты сильнее их.

Цезарь *(ласково понукая его, чтобы он перешел к делу)*. Да, да, мой друг. Что же дальше?

Руфий. Выкладывай, приятель. Что у тебя на уме?

Потин. Я хочу сказать, что в твоём лагере есть предательница, Клеопатра...

Дворецкий *(у стола провозглашает)*. Царица!

Цезарь и Руфий встают.

Руфий (*в сторону Потина*). Тебе надо было выложить все это поскорей, дубина! Теперь поздно.

Клеопатра, в роскошнейшем одеянии, величественно появляется в арке колоннады и проходит мимо изображения Ра и мимо стола к Цезарю. Ее приближенные, возглавляемые домоправительницей Фататитой, присоединяются к слугам у стола. Цезарь предлагает Клеопатре свое место. Она садится.

Клеопатра (*живо, увидев Потина*). А он что здесь делает?

Цезарь (*усаживается рядом с ней в самом приветливом расположении духа*). Только что начал мне что-то рассказывать о тебе. Ты сейчас услышишь. Продолжай, Потин.

Потин (*в замешательстве*). Цезарь... (*Осекается.*)

Цезарь. Ну, говори.

Потин. То, что я имею сказать, это для твоего слуха, а не для слуха царицы.

Клеопатра (*подавляя ярость*). Есть средства заставить тебя говорить. Берегись!

Потин (*вызывающе*). Цезарь не прибегает к этим средствам.

Цезарь. Друг, когда человеку в этом мире не терпится что-нибудь сказать, трудность не в том, чтобы заставить его говорить, а в том, чтобы помешать ему повторять это чаще, чем нужно. Позволь мне ознаменовать день моего рождения дарованием тебе свободы. Прощай! Мы больше не встретимся.

Клеопатра (*гневно*). Цезарь, твое великодушие безрасудно.

Потин (*Цезарю*). Позволь мне побеседовать с тобой с глазу на глаз. Быть может, жизнь твоя зависит от этого.

Цезарь величественно поднимается.

Руфий (*Потину*). Осел! Теперь он пойдет ораторствовать!

Цезарь (*ораторским тоном*). Потин...

Руфий (*прерывая его*). Цезарь, обед остынет, если ты заведешь свою любимую проповедь насчет жизни и смерти.

Клеопатра (*внушительно*). Замолчи, Руфий. Я хочу слушать Цезаря.

Руфий (*бесцеремонно*). Твое величество уже слышало все это. На прошлой неделе ты это повторяла Аполлодору, и он думал, что это твое собственное измышление.

Все величие Цезаря мигом исчезает; очень довольный, он снова садится и лукаво поглядывает на разъяренную Клеопатру.

(Руфий кричит.) Эй, стража! Выпустите пленника. Он свободен. *(Потину.)* Ну, марш отсюда! Не сумел воспользоваться случаем.

Потин *(запальчивый нрав которого берет верх над его осторожностью)*. Я буду говорить.

Цезарь *(Клеопатре)*. Видишь? Никакая пытка не вырвала бы у него ни слова.

Потин. Цезарь, ты открыл Клеопатре искусство, с помощью которого римляне управляют миром.

Цезарь. Увы, они не умеют управлять даже сами собой. Ну и что же?

Потин. Что? Неужели ты так ослеплен красотой ее, что не видишь, как она жаждет царствовать над Египтом одна и всем сердцем ждет твоего отъезда?

Клеопатра *(вскакивая)*. Лжец!

Цезарь *(скандализованный)*. Что? Спорить? Пререкаться?

Клеопатра *(пристыжена, но вся грозит от сдерживаемой ярости)*. Нет, я не унижу себя, не стану выражать. Пусть говорит. *(Снова садится.)*

Потин. Я слышал это из ее собственных уст. Ты только орудие для нее: ты должен сорвать корону с головы Птолемея и возложить на ее голову. Предать нас всех в ее руки и себя тоже. А затем Цезарь может отправиться в Рим или во врата смерти, что вернее и ближе.

Цезарь *(спокойно)*. Ну что же, друг, все это так естественно.

Потин *(изумленный)*. Естественно? И тебя не возмущает предательство?

Цезарь. Возмущаться? Что даст мне возмущение, о глупый египтянин? Стану ли я возмущаться ветром, когда он леденит меня, или возмущаться ночью, что заставляет меня спотыкаться в темноте? Стану ли я возмущаться юностью, когда она отворачивается от старости, или возмущаться честолюбием, которому претит низкопоклонство? Прийти и говорить мне об этом — все равно, как если бы ты пришел мне сказать, что завтра взойдет солнце.

Клеопатра *(она больше не в силах сдерживаться)*. Но это ложь! Ложь! Я клянусь!

Цезарь. Это правда, хотя бы ты клялась тысячу раз и верила тому, в чем клянешься.

Клеопатра уже не владеет собой, лицо ее судорожно передергивается.

(Желая загородить ее, Цезарь встает и обращается к Потину и Руфию.) Идем, Руфий, проводим Потина мимо стражи. Мне нужно сказать ему несколько слов. *(Тихо.)* Нужно дать царице время овладеть собой. *(Громко.)* Идем. *(Уводит Потина и Руфия, беседуя с ними по дороге.)* Скажи друзьям твоим, Потин, пусть они не думают, что я противник того, чтобы разумно уладить дела в стране...

Они уходят, и конца фразы не слышно.

Клеопатра *(сдавленным шепотом)*. Фтататита, Фтататита!

Фтататита *(бросается к ней и успокаивает ее)*. Успокойся, дитя, не расстраивайся...

Клеопатра *(прерывает ее)*. Нас кто-нибудь слышит?

Фтататита. Нет, голубка, говори.

Клеопатра. Слушай меня. Если он выйдет из дворца, не показывайся мне на глаза!

Фтататита. Он? По...

Клеопатра *(бьет ее по губам)*. Убей его так, как я убила имя его на устах твоих. Сбрось его со стены, пусть разобьется о камни! Убей, убей, убей его!

Фтататита *(оскаливаясь)*. Смерть собаке!

Клеопатра. Если ты не сделаешь этого, скройся с глаз моих навеки!

Фтататита *(решительно)*. Да будет так! Ты не увидишь лица моего, пока глаза его не оденет мрак.

Возвращается Цезарь с изысканно разодетым Аполлодором и Руфием.

Клеопатра *(Фтататите)*. Возвращайся скорей, скорей!

Фтататита на секунду устремляет на свою повелительницу понимающий взгляд, затем мрачно проходит мимо Ра и скрывается. Клеопатра, словно газель, стремительно бросается к Цезарю.

Так ты вернулся ко мне, Цезарь? *(Ластясь к нему.)* А я думала, ты рассердился. Добро пожаловать, Аполлодор! *(Протягивает ему руку для поцелуя, другой рукой обнимает Цезаря.)*

Аполлодор. Клеопатра изо дня в день становится все более и более женственно-прекрасной.

Клеопатра. Правда, Аполлодор?

Аполлодор. О нет! Это еще далеко от правды. Друг Руфий бросил в море жемчужину — Цезарь выудил драгоценный алмаз.

Цезарь. Цезарь выудил ревматизм, друг мой. Идемте обедать. Обедать!

Идут к столу.

Клеопатра (*прыгая, словно козочка*). Да, да, обедать. Какой обед я заказала для тебя, Цезарь!

Цезарь. Да? Чем же ты угостишь нас?

Клеопатра. Павлинными мозгами...

Цезарь (*делая вид, точно у него слюнки текут*). Павлинны мозги, Аполлодор!

Аполлодор. Это не для меня. Я предпочитаю соловьиные языки. (*Подходит к столу и занимает место за одним из приборов, которые накрыты рядом.*)

Клеопатра. Жареный вепрь, Руфий!

Руфий (*облизываясь*). Превосходно! (*Занимает место рядом с Аполлодором, слева.*)

Цезарь (*глядя на свое место, в конце стола, по левую руку от Ра*). А где же моя кожаная подушка?

Клеопатра (*с другого конца стола*). Я велела сделать тебе новые.

Дворецкий. Эти подушки, Цезарь, из тончайшего мальтийского шелка, и набиты они розовыми лепестками.

Цезарь. Розовыми лепестками? Разве я гусеница? (*Сбрасывает подушки и усаживается на кожаную подстилку.*)

Клеопатра. Как не стыдно! Мои новые подушки!

Дворецкий (*склонившись у локтя Цезаря*). Что прикажешь подать себе, Цезарь, дабы возбудить аппетит?

Цезарь. А что есть у тебя?

Дворецкий. Морские ежи, белые и черные морские желуди, морская крапива, лесные жаворонки, багрянки...

Цезарь. А устрицы?

Дворецкий. Конечно, есть и устрицы, Цезарь.

Цезарь. Британские устрицы?

Дворецкий. Британские устрицы, Цезарь.

Цезарь. Тогда — устриц.

Дворецкий, выслушав распоряжение, всякий раз делает знак рабу, и тот исчезает, чтобы привести его в исполнение.

Я был когда-то в Британии, в этой легендарной западной стране. Это последний клочок суши на краю океана, омывающего мир. Я отправился туда на поиски их прославленных жемчужин. Но британские жемчужины оказались басней. Однако, разыскивая их, я нашел британские устрицы.

Аполлодор. Потомство благословит тебя за это. (Дворецкому.) Мне — морских ежей!

Руфий. А нет ли чего-нибудь посолидней для начала?

Дворецкий. Дрозды со спаржей...

Клеопатра (перебивая). Откормленные каплуны. Скушай каплуна, Руфий.

Руфий. Вот это я понимаю!

Клеопатра (жадно). А мне — дроздов.

Дворецкий. Какое вино соблаговолит выбрать Цезарь? Сицилийское, лесбосское, хиосское...

Руфий (пренебрежительно). Всё греческие вина.

Аполлодор. Кто станет пить римское вино, когда есть греческое? Отведай лесбосского. Цезарь.

Цезарь. Подайте мне мой ячменный отвар.

Руфий (с величайшим омерзением). Фу, дайте мне моего фалернского.

Ему подают фалернское.

Клеопатра (надувшись). Пустая трата времени — устраивать для тебя обеда, Цезарь. Мои поварята не согласились бы сидеть на такой пище, как ты.

Цезарь (уступая). Хорошо, хорошо! Попробуем лесбосского.

Дворецкий наполняет кубок Цезаря, затем Клеопатры и Аполлодора. Но когда я вернусь в Рим, я издам законы против этих излишеств и даже позабочусь, чтобы законы эти выполнялись.

Клеопатра (умильно). Ну стоит ли об этом думать? Сегодня ты будешь, как и все другие: ленивым, разнеженным и добрым. (Она протягивает ему руку через стол.)

Цезарь. Ну хорошо, один раз я готов пожертвовать своим покоем. (Целует ее руку.) Ну вот! (Отпивает глоток вина.) Теперь ты довольна?

Клеопатра. А ты больше не думаешь, что я только о том и мечтаю, чтобы ты уехал в Рим?

Цезарь. Я сейчас ни о чем не думаю. Мои мозги спят. К тому же кто знает, вернусь ли я когда-нибудь в Рим?

Руфий (*встревоженно*). Как? Что? Это еще что за новости?

Цезарь. Что может показать мне Рим, чего бы я уже не видел раньше? Годы в Риме идут один за другим, ничем не отличаясь друг от друга, разве только тем, что я старею, а толпа на Аппиевой дороге* остается все в том же возрасте.

Аполлодор. То же и здесь, в Египте. Старики, пресытившись жизнью, говорят: «Мы видели все, кроме истоков Нила».

Цезарь (*загораясь*). А почему бы нам не взглянуть на эти истоки? Клеопатра, хочешь, поедем со мной и проследим этот великий поток до его колыбели — там, в недрах неведомых стран? Оставим позади Рим — Рим, который достиг величия только затем, чтобы узнать, как величие поработывает племена и народы, коим не удалось стать великими. Хочешь, я создам для тебя новое царство и построю тебе священный город — там, в лоне Велико-Неведомого?

Клеопатра (*восхищенно*). Да, да, сделай это!

Руфий. Ну вот, теперь он завоюет всю Африку с двумя легионами, пока мы доберемся до жареного вепря.

Аполлодор. Нет, не смейся. Это благородный замысел: Цезарь, мечтающий об этом, не просто солдат-завоеватель, но творец и художник. Давайте придумаем имя священному городу и совершим ему возлияние лесбосским вином.

Цезарь. Пусть придумает сама Клеопатра.

Клеопатра. Он будет называться: Дар Цезаря возлюбленной.

Аполлодор. Нет, нет. Это должно быть гораздо шире — такое, что обнимало бы всю вселенную, как звездный небосклон.

Цезарь (*прозаически*). Почему не назвать просто: Колыбель Нила?

Клеопатра. Нет. Ведь Нил — мой предок, и он бог. Ах, что я придумала! Пусть Нил сам подскажет нам имя. Давайте спросим его. (*Дворецкому*.) Пошли за ним.

Трое мужчин в недоумении переглядываются, но дворецкий уходит, словно он получил самое обычное распоряжение.

(Свите.) А вы удалитесь.

Свита удаляется с почтительными поклонами. Входит жрец; в руках у него маленький сфинкс с крошечным треножником перед ним. На треножнике курится кусочек фимиама. Жрец подходит к столу и ставит сфинкса посредине. Освещение начинает меняться, принимая пурпурно-багряный оттенок египетского заката, словно бог принес с собой эту странно окрашенную мглу. Мужчины смотрят с твердой решимостью не поддаваться впечатлению, но, несмотря на это, они все же сильно заинтересованы.

Цезарь. Что это за фокусы?

Клеопатра. Ты увидишь. Это не фокусы. По-настоящему, нам следовало бы убить кого-нибудь, чтобы умилостивить его, но, может быть, Цезарю он ответит и так, если мы совершим ему возлияние вином.

Аполлодор *(кивая через плечо в сторону Ра)*. А почему бы нам не обратиться вот к этому нашему сокологлавному приятелю?

Клеопатра *(тревожно)*. Ш-ш-ш!.. Смотри, он услышит и разгневается.

Руфий *(флегматично)*. Источник Нила, надо полагать,— это не в его ведении.

Клеопатра. Нет. Я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме моего дорогого маленького сфинксика, придумывал имя моему городу, потому что ведь это в его объятиях Цезарь нашел меня спящей. *(Томно смотрит на Цезаря, затем повелительно обращается к жрецу.)* Иди! Я — жрица. И я имею власть взять это на себя.

Жрец низко кланяется и уходит.

Ну, теперь давайте вызывать Нил все вместе. Может быть, он стукнет по столу.

Цезарь. Что? Стучащие столы?* И такие суеверия существуют по сие время, на семьсот седьмом году республики?

Клеопатра. Это вовсе не суеверие. Наши жрецы многое узнают от столов. Правда ведь, Аполлодор?

Аполлодор. Да. Я объявляю себя обращенным. Когда Клеопатра — жрица, Аполлодор становится истинным святошей. Твори заклинанье.

Клеопатра. Вы должны повторять за мной. Пошли нам голос твой, отец Нил!

Все четверо (*вместе, поднимая кубки перед углом*). Пошли нам голос твой, отец Нил!

В ответ раздается предсмертный вопль человека, полный смертельного ужаса и агонии. Потрясенные мужчины опускают кубки и прислушиваются. Тишина. Пурпурное небо темнеет. Цезарь, бросив взгляд на Клеопатру, видит, как она с горящим взглядом, полным благоговения и благодарности, выплескивает перед божком вино из кубка. Аполлодор вскакивает и бежит на край кровли, смотрит вниз и прислушивается.

Цезарь (*пронизывая взглядом Клеопатру*). Что бы это могло быть?

Клеопатра (*разгряженно*). Ничего. Побили какого-нибудь раба.

Цезарь. Ничего?

Руфий. Готов поклясться, что в кого-то всадили меч.

Цезарь (*поднимаясь*). Убийство?

Аполлодор (*машет им рукой, чтобы они замолчали*). Ш-ш-ш! Тише! Вы слышали?

Цезарь. Опять крик?

Аполлодор (*возвращаясь к столу*). Нет, что-то грохнулось о землю. Как будто упало на берег.

Руфий (*мрачно, поднимаясь*). Что-то такое с костями, похоже.

Цезарь (*содрогаясь*). Замолчи, замолчи, Руфий. (*Он выходит из-за стола и идет к колоннаде.*)

Руфий следует за ним слева, Аполлодор справа.

Клеопатра (*по-прежнему за столом*). Ты покидаешь меня, Цезарь? Аполлодор, и ты уходишь?

Аполлодор. Поистине, возлюбленная царица, у меня пропал всякий аппетит.

Цезарь. Сойди вниз, Аполлодор, и узнай, что случилось?

Аполлодор кивает и уходит, направляясь к лестнице, по которой пришел Руфий.

Клеопатра. Должно быть, твои солдаты убили кого-нибудь. Что нам до этого?

Ропот толпы долетает до них снизу. Цезарь и Руфий переглядываются.

Цезарь. Нужно выяснить.

Он собирается последовать за Аполлодором, но Руфий останавливает его, положив ему руку на плечо, и они видят, как с противоположного конца кровли шатающейся походкой идет Фтататита; на лице ее, в глазах, в уголках кровавого рта тупое, пресыщенное выражение опьянения и довольства. У Цезаря мелькает мысль, что она пьяна, но Руфий хорошо понимает, какая красная влага опьянила ее.

Руфий (*понижая голос*). Здесь какие-то козни между этими двумя.

Фтататита. Царица да не отвратит очей от лица рабыни своей.

Клеопатра секунду смотрит на нее, упиваясь этой лютой радостью, затем открывает ей объятия, осыпает ее неистовыми поцелуями, срывает с себя драгоценности и сует ей. Мужчины смотрят на эту сцену и переглядываются. Фтататита — сонная, осовелая — тащится, волоча ноги, к алтарю, падает на колени перед Ра и застывает в молитве. Цезарь подходит к Клеопатре, оставив Руфия у колонн.

Цезарь (*испытующе и настойчиво*). Клеопатра, что случилось?

Клеопатра (*в смертельном страхе перед ним, но с необыкновенной умильностью*). Ничего, возлюбленный Цезарь мой. (*С болезненной нежностью, почти замيراющим голосом.*) Ничего... Я ни в чем перед тобой не виновата. (*Ласково подвигается к нему.*) Милый Цезарь, ты сердись на меня? Почему ты так смотришь на меня? Ведь я все время была здесь, с тобой. Как я могу знать, что случилось?

Цезарь (*в раздумье*). Это верно.

Клеопатра (*с великим облегчением, стараясь погладиться к нему*). Ну конечно, верно!

Он не отвечает на ее ласку.

Ведь правда, Руфий?

Ропот внизу внезапно переходит в угрожающий рев, потом затихает.

Руфий. А вот я сейчас узнаю. (*Крупными шагами стремительно подходит к алтарю и хватает Фтататиту за плечо.*) Ну-ка, ты, госпожа моя, идем за мной. (*Жестом приказывает ей идти впереди него.*)

Фтататита (*поднимаясь и окидывая его злобным взглядом*). Мое место возле царицы.

Клеопатра. Она не сделала ничего дурного, Руфий.

Цезарь (*Руфия*). Оставь ее.

Руфий (*сагясь на алтарь*). Отлично. Тогда мое место тоже тут, а ты сам потрудись узнать, что там такое творится. Похоже, что в городе настоящий бунт.

Цезарь (*с серьезным неудовольствием*). Руфий, не мешает иногда и повиноваться.

Руфий. А иногда не мешает и поупрямиться. (*Прочно усаживается, упрямо скрестив руки.*)

Цезарь (*Клеопатре*). отошли ее.

Клеопатра (*жалобным голосом, стараясь загорить его*). Хорошо, сейчас. Я сделаю все, что бы ты ни попросил, все что хочешь, Цезарь, все что угодно, потому что я люблю тебя. Фтататита, уйди!

Фтататита. Слово царицы — моя воля. Я буду рядом, если царице будет угодно позвать меня. (*Уходит мимо Ра, тем же путем, каким пришла.*)

Руфий (*следует за ней*). Помни, Цезарь, твой телохранитель тоже будет рядом. (*Уходит за ней.*)

Клеопатра. Почему ты позволяешь Руфию так обращаться с тобой? Ты должен проучить его, чтобы он знал свое место.

Цезарь. Научить его быть моим врагом? И скрывать от меня свои мысли так, как ты их сейчас скрываешь?

Клеопатра (*снова охваченная страхом*). Почему ты так говоришь, Цезарь? Ну правда, правда же, я ничего не скрываю от тебя. И ты напрасно так говоришь со мной. (*Подавляет рыданье.*) Я дитя по сравнению с тобой, а ты делаешься какой-то каменный только потому, что кто-то кого-то убил. Я не могу этого вынести. (*Нарочно дает волю слезам. Он смотрит на нее с глубокой грустью и невозмутимой холодностью; она украдкой поднимает на него глаза, чтобы узнать, какое впечатление производят на него ее слезы; видя, что это его не трогает, она притворяется, будто делает над собой усилие и мужественно овладевает собой.*) Ну хорошо, я знаю, ты ненавидишь слезы. Я не буду плакать, чтобы не раздражать тебя. Я знаю, ты не сердишься, ты просто огорчен. Но только я такая глупенькая, я не могу ничего с собой поделать — мне больно, когда ты говоришь со мной так холодно. Конечно, ты совершенно прав: это ужасно — подумать, что кого-то убили или хотя бы ранили. И я надеюсь, что ничего такого не... (*Голос ее прерывается от его презрительного, испытующего взгляда.*)

Цезарь. Почему ты в таком страхе? Что ты сделала?

Внизу на берегу раздается рев трубы.

Ага, это похоже на ответ!

Клеопатра (*грожа, опускается на скамейку и закрывает лицо руками*). Я не предавала тебя, Цезарь, клянусь!

Цезарь. Я знаю. Я никогда и не полагался на тебя. (*Отворачивается от нее и собирается уйти.*)

В это время появляются Аполлодор с Британом, которые тащат к нему Луция Септимия. За ними идет Руфий.

(*Цезарь вздрагивает.*) Опять этот убийца Помпея!

Руфий. Город обезумел. Они готовы разнести дворец и швырнуть нас всех в море. Мы захватили этого предателя, когда разгоняли толпу на дворе.

Цезарь. Отпустите его.

Они отпускают.

Что оскорбило горожан, Луций Септимий?

Луций. А чего мог ты ожидать другого, Цезарь? Потин был их любимец.

Цезарь. Что случилось с Потиним? Я даровал ему свободу, вот здесь, еще не прошло и получаса. Разве его не выпустили из дворца?

Луций. Его выпустили... из арки, с галереи, с высоты шестидесяти локтей, всадив ему пол-локтя стали между ребер. Он мертв, как Помпей. Мы поквитались в убийствах — ты и я!

Цезарь (*вне себя*). Убит? Наш пленник? Наш гость? (*С горьким упреком к Руфию.*) Руфий!

Руфий (*с жаром, предваряя его вопрос*). Кто бы это ни сделал, это был умный человек и друг тебе.

Клеопатра явно смеется.

Но никто из нас не причастен к этому. Так что тебе нечего хмуриться на меня.

Цезарь поворачивается и смотрит на Клеопатру.

Клеопатра (*бурно, поднявшись*). Он был убит по повелению царицы Египта. Я не Юлий Цезарь — мечтатель, который позволяет всякому рабу оскорблять себя. Руфий сказал, что я поступила хорошо. Пусть также и другие судят меня. (*Поворачивается к остальным.*) Этот Потин домогался от меня, чтобы я вступила с ним в заговор, дабы предать Цезаря Ахиллу и Птолемею. Я отказалась. Он проклял меня и тайком пришел к Цезарю, чтобы обвинить меня в своем собственном предательстве. Я за-

стигла его на месте. И он оскорбил меня — меня, царицу! — в лицо. Цезарь не захотел отомстить за меня. Он снял с него вину и отпустил его на свободу. Разве я не вправе была отомстить за себя? Говори, Луций!

Луций. Я не оспариваю. Но Цезарь не поблагодарит тебя за это.

Клеопатра. Говори, Аполлодор. Разве я не права?

Аполлодор. У меня только одно возражение, прекраснейшая. Ты должна была обратиться ко мне, твоему рыцарю, и в честном поединке я поразил бы клеветника.

Клеопатра (*пламенно*). Пусть даже раб твой судит меня, Цезарь. Британ, говори. Разве я не права?

Британ. Там, где предательство, ложь и бесчестие остаются безнаказанными, общество уподобляется арене, полной диких зверей, разрывающих друг друга на части. Цезарь не прав.

Цезарь (*со спокойной горечью*). Итак, по-видимому, приговор против меня.

Клеопатра (*в исступлении*). Слушай меня, Цезарь. Если во всей Александрии найдется хоть один человек, который скажет, что я не права, клянусь тебе — я прикажу моим собственным рабам распять меня на двери дворца.

Цезарь. Если в целом мире, ныне или когда-либо, найдется хоть один человек, который поймет, что ты была не права, этому человеку придется или завоевать мир, как это сделал я, или этот мир распнет его.

Снизу снова доносится рев толпы.

Ты слышишь? Те, что ломятся сейчас в ворота твоего дворца, и они тоже верят в отмщенье и убийство. Ты убила их вожда, и они будут правы, если убьют тебя. Если ты не веришь, спроси этих твоих четырех советчиков. А тогда, во имя того же права (*с величайшим презрением подчеркивает это слово*), разве я не должен буду убить их за то, что они убили свою царицу, и быть убитым в свою очередь их соотечественниками за то, что я вторгся в отчизну их? И что же тогда останется Риму, как не убить этих убийц, чтобы мир увидал, как Рим мстит за сынов своих и за честь свою? И так до скончания века — убийство будет порождать убийство, и всегда во имя права и чести и мира, пока боги не устанут от крови и не создадут породу людей, которые научатся понимать.

Неистовый рев, Клеопатра белеет от ужаса.

Слушай же, ты, которую не должно оскорблять! Поди приблизься к ним, послушай их слова. Ты узнаешь, что они горше, чем язык Потина. *(Торжественно, облекаясь в непроницаемое величие.)* Так пусть же царица Египта приступит ныне к отмщению, и да защитит она ныне сама себя, ибо она отрелась от Цезаря. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Клеопатра *(в ужасе бежит за ним, падает перед ним на колени)*. Цезарь, ты не покинешь меня! Цезарь, ты будешь защищать дворец!

Цезарь. Ты взяла на себя власть над жизнью и смертью. А я всего лишь мечтатель.

Клеопатра. Но ведь они убьют меня!

Цезарь. А почему бы им не убить тебя?

Клеопатра. Сжался!

Цезарь. Сжалиться? Как же это вдруг случилось, что ничто не может спасти тебя ныне, кроме жалости? Разве она спасла Потина?

Клеопатра вскакивает, ломая руки, и в отчаянии снова опускается на скамью. Аполлодор, в знак сочувствия, безмолвно становится позади нее. Небо теперь уже пышет ярким багрянцем и, постепенно угасая, затягивается бледно-оранжевой мглой, на фоне которой колоннада и священный истукан кажутся все темнее и темнее.

Руфий. Цезарь, довольно ораторствовать. Враг у ворот.

Цезарь *(набрасывается на него, давая волю своему гневу)*. Да? А что удерживало его у этих ворот все эти месяцы? Мое безумие, как ты говоришь, или наша мудрость? В этом Красном египетском море крови чья рука удерживала головы ваши над волнами? *(Обращаясь к Клеопатре.)* И вот, когда Цезарь говорит одному из них: «Друг, иди и будь свободен!», ты, которая теперь цепляешься за мой меч ради спасения своей маленькой жизни, ты осмеливаешься тайком нанести ему удар в спину. А вы, воины и благороднорожденные честные слуги, вы забываете о благородстве и чести и восхваляете убийство и говорите: «Цезарь не прав». Клянусь богами, меня искушает желание разжать руку и предоставить всем вам погибнуть в этой пучине!

Клеопатра *(с коварной надеждой)*. Но, Цезарь, если ты это сделаешь, ты же сам погибнешь!

Глаза Цезаря вспыхивают.

Руфий (*в сильном смятении*). Ах, клянусь Юпитером, она подзадоривает его, эта гнусная маленькая египетская крыса! Ему ничего не стоит ринуться одному в город, и тогда всех нас здесь изрубят на куски. (*С отчаянием, Цезарю.*) Неужели ты бросишь нас, оттого что мы кучка глупцов? Ведь я убиваю без зла, я делаю это по инстинкту, как собака душит кошку. Все мы псы, что бегут по следам твоим; но мы служили тебе верно.

Цезарь (*смягчаясь*). Увы, сын мой, сын мой Руфий! Вот и мы погибнем на улицах, как псы.

Аполлодор (*на своем посту, позади Клеопатры*). Цезарь, я слышу в твоих словах глас олимпийца. И в словах твоих истина, ибо в них — высокое искусство. Но я не покину Клеопатру. Если нам суждено умереть, да не лишится она в последнюю минуту преданного сердца мужского и крепкой мужской руки.

Клеопатра (*всхлипывая*). Но я не хочу умирать!

Цезарь (*грустно*). О недостойная, недостойная!

Луций (*становится между Цезарем и Клеопатрой*). Слушай меня, Цезарь. Может быть, это и правда недостойно, но я тоже хочу прожить как можно дольше.

Цезарь. Ну что же, друг, наверно ты переживешь Цезаря. Уж не думаешь ли ты, что я с помощью каких-то волшебных чар так долго держал армию вашу и целый город в страхе? Разве еще вчера было у них что-либо против меня, чтобы они поставили жизнь свою против меня? Но сегодня мы швырнули им их героя, пролили его кровь. И теперь каждый из них готов разнести это гнездо убийц — ибо таковы мы, и не более того. Мужайтесь же и приготовьте ваши мечи. Голова Помпея упала, и голова Цезаря ныне готова упасть.

Аполлодор. Цезарь отчаивается?

Цезарь (*с бесконечной гордостью*). Тот, кто никогда не знал надежды, не может отчаиваться. В худой или в добрый час — Цезарь всегда смотрит своей судьбе в лицо.

Луций. Гляди же ей в лицо и сейчас, и она улыбнется, как она всегда улыбалась Цезарю.

Цезарь (*с невольным высокомерием*). Ты осмеливаешься ободрять меня?

Луций. Я предлагаю тебе мои услуги. Я готов перейти на твою сторону, если ты примешь меня.

Цезарь (*внезапно снова спускаясь на землю, смотрит на него испытующим взглядом, стараясь угадать, что скрывается за этим предложением*). Ты? В эту минуту?

Луций (*твердо*). В эту минуту.

Руфий. Ты думаешь, что Цезарь лишился рассудка и поверит тебе?

Луций. Я не прошу его верить мне, пока он не одержит победы. Я прошу даровать мне жизнь и службу в войсках Цезаря. И так как Цезарь верен своему слову, я заплачу ему вперед.

Цезарь. Заплатишь? Как?

Луций. Доброй вестью, Цезарь.

Цезарь угадывает на лету.

Руфий. Какой вестью?

Цезарь (*с торжествующей, кипучей энергией, которая заставляет Клеопатру выпрямиться; она не сводит с него глаз*). Какая весть, спрашиваешь ты, сын мой Руфий? Пришло подкрепление, какая еще может быть для нас добрая весть! Не так ли, Луций Септимий? Сюда идет Митридат Пергамский.

Луций. Он взял Пелузий.

Цезарь (*в восхищении*). Луций Септимий! Отныне ты у меня на службе. Руфий, египтяне увели из города всех солдат до последнего, чтобы не дать Митридату переправиться через Нил. На улицах только чернь, чернь!

Луций. Это так. Митридат идет большой дорогой к Мемфису, он переправится через воды Нила выше Дельты. Ахилл даст ему бой у переправы.

Цезарь (*весь дерзновенъ*). Ахилл встретит там Цезаря! Смотри, Руфий. (*Подбегает к столу, хватая салфетку, окунает палец в вино и начинает чертить план.*)

Руфий и Луций Септимий стоят рядом, низко нагнувшись над чертежом, ибо дневной свет уже почти угас.

Вот дворец (*показывает на план*), вот театр. Ты (*к Руфию*) возьмешь двадцать человек и выйдешь здесь, чтобы они подумали, что ты хочешь идти этой улицей (*показывает*), а в то время пока они будут осыпать вас камнями, вот здесь (*показывает*) и здесь пройдут наши когорты. Правильно ли я начертил улицы, Луций?

Луций. Да, здесь финиковый базар...

Цезарь *(в возбуждении не слушая его)*. Я видал их в тот день, когда мы пришли. Прекрасно! *(Бросает салфетку на стол и снова идет к колоннам.)* Спеши, Британ! Скажи Петронию, что в течение часа половина наших сил должна отправиться на кораблях к Западному озеру. С остальными я обогну озеро и выйду к Нилу, навстречу Митридату. Приготовь моего коня и вооружение. Иди, Луций, и передай приказ.

Луций поспешно идет за Британом.

Аполлодор, одолжи мне твой меч и твою правую руку на этот поход.

Аполлодор. Охотно. И сердце мое и жизнь в придачу.

Цезарь *(стискивая его руку)*. Принимаю и то и другое. *(Крепкое рукопожатие.)* Готов ты на дело?

Аполлодор. Готов служить искусству — искусству войны. *(Бросается вслед за Луцием, совершенно забыв о Клеопатре.)*

Руфий. Да, это похоже на дело.

Цезарь *(воодушевленно)*. Не правда ли, сын мой единственный? *(Хлопает в ладоши.)*

Рабы появляются и бегут к столу.

Довольно этого отвратительного обжорства. Уберите всю эту гадость с глаз долой и убирайтесь вон.

Рабы начинают убирать стол. Занавеси сдвигаются, закрывая колоннаду.

Понял ты насчет улиц?

Руфий. Думаю, что да. Во всяком случае я пройду.

Во дворе внизу оживленный призыв букцины.

Цезарь. Идем же. Мы должны сказать слово воинам и воодушевить их. Ты — на берег. Я — во двор. *(Поворачивается к лестнице.)*

Клеопатра *(поднимаясь со своего кресла, где она сидела, забытая всеми, робко протягивает к нему руки)*. Цезарь!

Цезарь *(оборачивается)*. Что?

Клеопатра. Ты забыл обо мне?

Цезарь *(снихождительно)*. Мне сейчас некогда, дитя мое, очень некогда. Когда я вернусь, мы уладим все твои

дела. Прощай! Будь умницей и потерпи. *(Он уходит, очень озабоченный и совершенно равнодушный.)*

Клеопатра стоит, сжимая кулаки в немой ярости и унижении.

Руфий. Игра кончена, Клеопатра, и ты проиграла ее. Женщина всегда проигрывает.

Клеопатра *(нагменно)*. Иди! Ступай за своим господином!

Руфий *(на ухо ей, с грубоватой фамильярностью)*. Одно словечко сперва: скажи твоему палачу, что если бы Потин был убит половчее — в глотку, он бы не крикнул. Твой раб сплоховал.

Клеопатра *(загадочно)*. Откуда ты знаешь, что это был раб?

Руфий *(озадачен и сбит с толку)*. Но ты этого сделать не могла, ты была с нами. *(Она презрительно поворачивается к нему спиной. Он качает головой и отдергивает занавеси, чтобы уйти.)*

Прекрасная лунная ночь. Стола уже нет. В лунном и звездном свете вырисовывается Ф т а т а т и т а, которая снова стоит коленопреклоненная перед белым алтарем Ра.

(Руфий отшатывается, бесшумно задергивает занавеси и тихо говорит Клеопатре.) Неужели она? Собственной рукой?

Клеопатра *(угрожающе)*. Кто бы это ни был, пусть враги мои остерегаются ее. Берегись и ты, Руфий, осмевший меня, царицу Египта, перед Цезарем.

Руфий *(угрюмо смотрит на нее)*. Поберегусь, Клеопатра! *(Кивает ей в подкрепление своих слов и скрывается за занавесями, вытаскивая на ходу меч из ножен.)*

Римские воины *(во дворе, внизу)* Слава Цезарю! Слава! Слава!

Клеопатра прислушивается. Слышен снова рев букцины и трубные звуки фанфар.

Клеопатра *(кричит, ломая руки)*. Фтататита, Фтататита! Здесь темно, я одна! Иди ко мне!

Молчание.

Фтататита! *(Громче.)* Фтататита!

Безмолвие. Клеопатра в панике дергает шнур, и занавеси раздвигаются. Фтататита лежит мертвая на алтаре Ра, с пронзенным горлом.

Белый камень залит ее кровью.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Полдень. Празднество и военный парад на эспланаде перед дворцом. В Восточной гавани у набережной, почти вплотную к тем ступеням, откуда Аполлодор спускался со своим ковром в лодку, стоит пышно убранная, словно вся оснащенная цветами, галера Цезаря. Римская стража охраняет выход на сходни, откуда до середины эспланады, затем заворачивая на север, к главному входу во дворец, тянется красный ковер. На широких ступенях у входа толпятся приближенные женщины Клеопатры в своих самых ярких нарядах — это похоже на цветущий сад. Перед фасадом стоит дворцовая стража под началом все тех же щеголей, которым полгода назад в старом дворце на сирийской границе Бел-Африс возвестил о прибытии Цезаря. Вдоль северной стороны выстроились римские солдаты; позади их теснятся горожане и, поднимаясь на цыпочки, глядят через их головы на эспланаду, по которой, болтая, разгуливают начальники стражи. Среди них Бельзенор и Перс, а также центурион с виноградным жезлом в руке. Центурион помят в бою, на нем тяжелые походные сапоги, и его совершенно затмевают египетские офицеры как своими непринужденными манерами, так и нарядной одеждой. Аполлодор прокладывает себе дорогу через толпу горожан и, дойдя до римской стражи, окликает центуриона.

Аполлодор. Гей! Могу я пройти?

Центурион. Пропустите Аполлодора, сицилийца.

Стража расступается.

Бельзенор. Близко ли Цезарь?

Аполлодор. Нет. Он все еще на рыночной площади. Я больше не в состоянии был выносить этот солдатский рев. Когда полчаса подряд подышишь этим энтузиазмом, чувствуешь потребность глотнуть свежего морского воздуха.

Перс. Расскажи нам, что там было? Он предал казни жрецов?

Аполлодор. Это не в его обычае. Они вышли к нему навстречу на рыночной площади, посыпав главы свои пеплом, неся в руках своих идолов, и сложили богов своих к его ногам. Единственный, на кого стоило поглядеть, это был Апис: чудесной работы, из золота и слоновой кости. По моему совету Цезарь предложил за него главному жрецу два таланта.

Бельзенор *(в ужасе перед этим святотатством)*. Апис всеведущий!.. Два таланта!.. Что же сказал главный жрец?

Аполлодор. Он взывал к милосердию Аписа и просил пять.

Бельзенор. Апис не оставит это безнаказанным — голод и буря разразятся над страной.

Перс. Фью! Почему же Апис не помог Ахиллу победить Цезаря? А что слышно о войне, Аполлодор?

Аполлодор. Маленький царь Птолемей утонул.

Бельзенор. Утонул? Как так?

Аполлодор. Да, во время боя. Цезарь ринулся на них с трех сторон сразу и загнал их в волны Нила. Барка Птолемея потонула.

Бельзенор. Поистине удивительный муж, этот Цезарь! Скоро он будет здесь, как ты думаешь?

Аполлодор. Когда я уходил, он только что взялся улаживать еврейский вопрос.

Гром труб с северной стороны и волнение среди горожан возвещают о приближении Цезаря.

Перс. Скоро же он с ним расправился. Вот он приближается. *(Поспешно идет к своему посту впереди египетской стражи.)*

Бельзенор *(следуя за ним)*. Гей, стража! Цезарь идет!

Воины выравнивают ряды и становятся навтыяжку. Аполлодор подходит к рядам египтян.

Центурион *(поспешно направляется к страже у сходов)*. Смирно! Цезарь идет!

Цезарь, в полном параде, появляется с Руфием, за ними следует Британ. Солдаты встречают Цезаря восторженными криками.

Цезарь. Я вижу, мой корабль ждет меня. Час прощанья Цезаря с Египтом настал. Ну, Руфий, что мне еще осталось сделать перед отъездом?

Руфий *(по левую руку Цезаря)*. Ты еще не назначил римского губернатора в эту провинцию.

Цезарь *(лукаво косится на него, но говорит совершенно серьезно)*. Что ты скажешь о моем избавителе и спасителе, великом сыне Евпатора, Митридате Пергамском?

Руфий. Что сказать, кроме того, что он тебе еще понадобится? Разве ты забыл, что тебе придется на обратном пути сразить еще три или четыре армии?

Цезарь. Да, это верно. А что бы ты сказал о себе?

Руфий *(недоверчиво)*. Меня губернатором? Ты бредишь! Ты же знаешь, что я сын вольноотпущенника.

Цезарь *(ласково)*. Разве Цезарь не нарек тебя своим сыном? *(Обращаясь к толпе.)* Внимание! Слушайте меня!

Римские воины. Слушайте Цезаря!

Цезарь. Слушайте, я сообщу вам о службе, звании и чине римского губернатора Египта. Служба — щит Цезаря. Звание — друг Цезаря. Чин — римский воин.

Римские воины оглашают площадь торжествующими кликами.

Имя — Руфий.

Снова клики.

Руфий *(целуя руку Цезаря)*. Да, я — щит Цезаря! Но что пользы от щита, если он не на руке Цезаря? Ну, не важно... *(Голос у него прерывается, он отворачивается, чтобы овладеть собой.)*

Цезарь. Где островитянин мой, бритт?

Британ *(выступает из-за правого плеча Цезаря)*. Я здесь, Цезарь.

Цезарь. Кто повелел тебе, отвечай мне, броситься в бой у Дельты, издавая варварские крики твоей отчизны, лезть врукопашную один на четверых и непристойно поносить твоих противников египтян?

Британ. Цезарь, я прошу простить меня за грубые слова, они вырвались у меня в пылу боя.

Цезарь. А как же ты, не умея плавать, переплыл канал, когда мы ринулись на врага?

Британ. Цезарь, я ухватился за хвост твоего коня.

Цезарь. Это деяния не раба, Британник, а свободного человека.

Британ. Цезарь, я рожден свободным.

Цезарь. Но тебя зовут рабом Цезаря.

Британ. Только будучи рабом Цезаря, обрел я истинную свободу.

Цезарь *(растроганный)*. Хорошая речь! А я, неблагодарный, хотел даровать тебе свободу. Но теперь я не расстанусь с тобой и за миллион талантов. *(Дружески хлопывает его по плечу.)*

Британ, обрадованный, но несколько пристыженный, берет руку Цезаря и целует ее.

Бельзенор *(Персу)*. Этот римлянин знает, как заставить людей служить себе.

Перс. Да. Смиранных людей, которые не могут стать ему соперниками.

Бельзенор. О хитроумный! О циник!

Цезарь (*заметив Аполлодора возле египетской стражи*). Аполлодор, я поручаю тебе искусство Египта. Не забудь, Рим любит искусство и будет щедро покровительствовать ему.

Аполлодор. Понимаю, Цезарь. Рим сам не создает искусства, но он покупает и берет его себе всюду в тех странах, где его создают.

Цезарь. Что? Рим не создает искусства? А мир — разве не искусство? Война — не искусство? Государство — не искусство? Цивилизация — не искусство? Все это мы даем вам в обмен на несколько безделушек. Ты заключаешь на редкость выгодную сделку. (*Руфию.*) Ну, что же еще должен я сделать перед отплытием? (*С усилием старается припомнить.*) Что-то еще осталось... что бы это такое могло быть? Ну что ж, видно так уж придется оставить. Попутный ветер нельзя упускать. Прощай, Руфий!

Руфий. Цезарь, тягостно мне отпускать тебя в Рим без твоего щита. Слишком там много мечей.

Цезарь. Не все ли равно, друг. На обратном пути я закончу труд моей жизни; я уж достаточно пожил на свете. А потом, мне всегда как-то претила мысль умереть. Я предпочитаю быть убитым. Прощай!

Руфий (*вздыхая, потрясает руками, как бы беря небо в свидетели тому, что Цезарь неисправим*). Прощай.

Они жмут руки друг другу.

Цезарь (*машет рукой Аполлодору*). Прощай, Аполлодор! И вы, друзья мои, прощайте все! На борт!

С набережной на корабль перекинуты сходни. Когда Цезарь направляется к ним, Клеопатра, холодная и трагическая, выходит из дворца, проходит сквозь расступающуюся толпу своих приближенных и останавливается на ступенях лестницы. Она умысленно одета во все черное, без всяких украшений и драгоценностей, и производит разительное впечатление среди своей роскошно одетой свиты. Цезарь не замечает ее, пока она не начинает говорить.

Клеопатра. А о Клеопатре не вспомнят при расставанье?

Цезарь (*просияв*). Ах, я же знал, что-то еще осталось. (*Руфию.*) Как же ты мог допустить, чтобы я забыл про нее, Руфий? (*Спешит к ней.*) Я бы никогда не простил себе, если бы уехал, не повидавшись с тобой. (*Берет ее за руки и выводит на середину эспланады; она с каменным безучастием подчиняется этому.*) Этот траур — по мне?

Клеопатра. Нет.

Цезарь (*сокрушенно*). А, какой же я недогадливый! Это по твоем брате?

Клеопатра. Нет.

Цезарь. По ком же?

Клеопатра. Спроси римского губернатора, которого ты оставляешь нам.

Цезарь. Руфия?

Клеопатра. Да, Руфия. (*С презрением показывает на него пальцем.*) Того, кто будет править здесь именем Цезаря, по обычаю Цезаря, по тем законам жизни, которыми здесь похвалялся Цезарь.

Цезарь (*с некоторым сомнением в голосе*). Он будет править как сумеет, Клеопатра. Он взял это дело на себя и будет его делать по своему разумению.

Клеопатра. Значит, не по твоему разумению?

Цезарь (*озадаченно*). Что ты понимаешь под моим разумением?

Клеопатра. Без кары, без мести, без суда.

Цезарь (*одобрительно*). А, это правильный путь! Единственно возможный путь в конце концов! (*Руфию.*) Держись его, Руфий, если сумеешь.

Руфий. Да, я держусь его, Цезарь. Ты уже давно убедил меня. Но послушай меня. Ты сегодня отплываешь в Нумидию. Скажи мне, если ты повстречаешься там с голодным львом, ты не накажешь его, если он захочет тебя пожрать?

Цезарь (*недоумевая, к чему все это*). Нет.

Руфий. И ты не отомстишь ему за кровь тех, кого он уже успел пожрать?

Цезарь. Нет.

Руфий. Не будешь судить его за его преступления?

Цезарь. Нет.

Руфий. А что же ты сделаешь, чтобы уберечь свою жизнь от него?

Цезарь (*живо*). Убью его, дружище! Безо всякой злобы, точь-в-точь так же, как и он убил бы меня. Но что это за притча о льве?

Руфий. А вот. У Клеопатры была тигрица, которая убивала людей по ее повелению. Я опасался, как бы она не приказала ей в один прекрасный день убить и тебя. Так вот, не будь я учеником Цезаря, на какие благочестивые муки не обрек бы я эту тигрицу, каких только кар не придумал бы я для нее, чтобы отомстить ей за смерть Потина...

Цезарь (*воскликает*). Потина?!

Руфий (*продолжает*). И уж, конечно, я предал бы ее суду. Но я махнул рукой на все эти глупости... И безо всякой злобы просто перерезал ей горло. Вот почему Клеопатра явилась сегодня в трауре.

Клеопатра (*гневно*). Он пролил кровь слуги моей Фтататиты. Да падет ее кровь на голову твою, Цезарь, если ты оставишь это безнаказанным.

Цезарь (*убежденно*). Пусть она падет на мою голову. Ибо ты поступил правильно, Руфий. Если бы ты облекся в мантию судьбы и со всякими гнусными церемониями, взывая к богам, отдал бы эту женщину в руки наемного палача, чтобы тот казнил ее на глазах народа во имя справедливости, я бы теперь не мог без содрогания коснуться твоей руки. Но ты поступил естественно, ты просто заколол ее; и это не внушает мне отвращения.

Руфий удовлетворенно кивает Клеопатре, безмолвно предлагая ей иметь это в виду на будущее.

Клеопатра (*по-детски негодуя в своем бессилии*). Нет? Ну разумеется, ведь это римлянин убил египтянку. Весь мир узнает теперь, как несправедлив и порочен Цезарь.

Цезарь (*ласково берет ее за руку*). Полно. Не сердись на меня. Мне очень жаль эту бедную Тотатиту...

Клеопатра невольно смеется.

Ага, ты смеешься! Значит — мир?

Клеопатра (*сердясь на себя за невольный смех*). Нет! Нет! Нет! Мне просто смешно слышать, как ты ее называешь Тотатитой.

Цезарь. Как? Ты все такое же дитя, Клеопатра! Или я так и не сделал тебя женщиной?

Клеопатра. Нет, это ты сам большой ребенок. Ты заставляешь меня казаться дурочкой, потому что ты относишься ко мне несерьезно. Но ты поступил со мной дурно. И я тебе этого не прощу.

Цезарь. Пожелай мне счастливого пути.

Клеопатра. Не пожелаю.

Цезарь (*вкрадчиво*). А какой прекрасный подарок я пришлю тебе из Рима.

Клеопатра (*гордо*). Прекрасный! Какой же красотой может Рим удивить Египет? Что может дать мне Рим такого, чего не мог бы мне дать Египет?

Аполлодор. Это правда, Цезарь. Если ты хочешь сделать действительно прекрасный подарок, мне придется купить его для тебя в Александрии.

Цезарь. Друг, ты забываешь о тех сокровищах, которыми больше всего славится Рим. Их ты не купишь в Александрии.

Аполлодор. Что же это за сокровища, Цезарь?

Цезарь. Сыны Рима! Ну, Клеопатра, прости меня и пожелай мне доброго пути. И я пришлю тебе воина — римлянина с ног до головы и одного из самых благородных римлян; не старого, не такого, которого пора уже скосить долой; не с тощими руками и холодным сердцем, не прячущего плешивую голову под лаврами победителя, не согбенного под бременем мира, которое он взвалил себе на плечи, — но бодрого, свежего, сильного, юного, который утром просыпается с надеждой, дни проводит в бою, а вечером пирует. Возьмешь ли ты такого в обмен на Цезаря?

Клеопатра *(замирая)*. А как зовут его?

Цезарь. Может быть, Марк Антоний?

Клеопатра бросается в его объятия.

Руфий. Плохая мена. Продешевила ты, повелительница моя, променяв Цезаря на Антония.

Цезарь. Итак, значит, ты довольна?

Клеопатра. Ты не забудешь?

Цезарь. Не забуду. Прощай! Вряд ли мы еще встретимся. *(Он целует ее в лоб; она очень растрогана и начинает всхлипывать. Он идет к кораблю.)*

Римские воины *(когда он вступает на сходни)*. Слава Цезарю! Добрый путь!

Цезарь всходит на корабль и машет рукой Руфию, который отвечает ему тем же.

Аполлодор *(Клеопатре)*. Не надо слез, возлюбленная царица моя. Они пронзают сердце слуги твоего. Он еще вернется.

Клеопатра. Надеюсь, что нет. Но все-таки я не могу не плакать. *(Машет Цезарю платком.)*

Корабль отчаливает.

Римские солдаты *(обнажая мечи и потрясая ими в воздухе)*. Слава Цезарю!

СМУГЛАЯ ЛЕДИ СОНЕТОВ

Шестнадцатый век на исходе. Июньская ночь. Терраса дворца Уайтхолл, выходящая на Темзу. Дворцовые часы, отзвонив четыре четверти, бьют одиннадцать. Гвардеец-часовой на посту. К нему подходит неизвестный в плаще.

Часовой. Стой! Кто идет? Пароль!

Неизвестный. Пресвятая дева! Не знаю. Забыл, совсем забыл.

Часовой. Значит, не пройдет. По какому делу? Кто вы такой? Верный ли человек?

Неизвестный. О нет, приятель. Я что ни день, то меняю обличье: то я Адам, то Бенволио, а то и Дух.

Часовой. Дух! Да охраняют нас ангелы Господни!

Неизвестный. Хорошо сказано, приятель. С вашего разрешения, я это запишу, ибо память у меня никуда не годная. *(Достает вощепные таблички и пишет.)* Сдается мне, хорошая это сцена: вы стоите один на посту, а я приближаюсь, как призрак в лунном сиянии*. Не смотрите на меня так удивленно, но послушайте, что я вам скажу. У меня здесь сегодня свидание с одной смуглой леди. Она обещала мне подкупить часового. Я дал ей на это средства: четыре билета в театр «Глобус»*.

Часовой. Вот проклятая! Она дала мне только два.

Неизвестный *(отрывая табличку)*. Друг мой, только покажите эту дощечку, и вас с радостью пропустят в театр в любой день, когда будет идти пьеса Вилля Шекспира. Приводите жену. Приводите друзей. Приводите хоть весь гарнизон. Свободного места всегда достаточно.

Часовой. Не люблю я эти новомодные пьесы. В них ни слова не понять. Одни разговоры. Вы бы лучше дали мне пропуск на «Испанскую трагедию»*.

Неизвестный. «Испанскую трагедию» показывают за деньги, приятель. Вот получите. *(Дает ему золотой.)*

Часовой *(потрясен)*. Золото! О сэр, вы платите лучше, чем ваша смуглая леди.

Неизвестный. Женщины бережливы, мой друг.

Часовой. Истинная правда, сэр. Да еще примите во внимание, что даже самый щедрый человек старается заплатить подешевле за то, что он покупает ежедневно. Этой леди чуть ли не каждый вечер приходится дарить что-нибудь часовому.

Неизвестный *(бледнеет)*. Это ложь.

Часовой. А вот вы, сэр, готов поклясться, и два раза в год не пускаетесь в такое приключение.

Неизвестный. Презренный! Ты что же, хочешь сказать, что моя смуглая леди не в первый раз так поступает? Что она и другим назначает свидания?

Часовой. Помилуй вас Бог, как вы простодушны, сэр! Неужели вы думаете, что кроме вас нет красивых мужчин на свете? Веселая леди, сэр, уж такая вертихвостка! Да будьте спокойны: я не допущу, чтобы она водила за нос джентльмена, который дал мне золотой, ведь я их раньше и в руках не держал.

Неизвестный. Друг мой! Не странно ли, что мы, зная, как лживы все женщины, все же удивляемся, когда оказывается, что наша шлюха не лучше остальных?

Часовой. Не все, сэр. Много есть и порядочных.

Неизвестный *(убежденно)*. Нет, все лживы. Все. Если вы это отрицаете, вы лжете.

Часовой. Вы судите по тому, какие они при дворе, сэр. Вот там поистине можно сказать о ничтожности, что название ей — женщина.

Неизвестный *(опять достаёт таблички)*. Прошу вас, повторите, что вы сказали: вот это, насчет ничтожности. Какая музыка!

Часовой. Музыка, сэр? Видит Бог, я не музыкант.

Неизвестный. У вас в душе живет музыка; это редкое явление среди простых людей. *(Пишет.)* «Ничтожность, женщина, тебе названье!»* *(Повторяет, смакуя:)* «Женщина тебе названье».

Часовой. Ну что ж, сэр, всего четыре слова. Разве вы собиратель таких вот пустейших пустяков?*

Неизвестный (*живо*). Собиратель... (*Захлебывается.*)
О! Бессмертная фраза! (*Записывает ее.*) Этот человек более велик, чем я.

Часовой. У вас та же привычка, что у милорда Пемброка*, сэр.

Неизвестный. Очень возможно. Он мой близкий друг. Но что вы называете его привычкой?

Часовой. Сочинять сонеты в лунные ночи; да еще той же самой леди.

Неизвестный. Не может быть!

Часовой. Вчера вечером он был здесь по тому же делу, что и вы, и в таком же огорчении.

Неизвестный. И ты, Брут!* А я считал его другом!

Часовой. Так всегда бывает, сэр.

Неизвестный. Так всегда бывает. Так всегда бывало. (*Отворачивается, погавленный.*) Два веронца*. Иуда! Иуда!

Часовой. Неужели он настолько вероломен, сэр?

Неизвестный (*к нему вернулось обычное его спокойствие и человечность*). Вероломен? О нет. Он просто человек, приятель,— просто человек. Когда мы обижены, мы ругаем друг друга, как малые дети. Вот и все.

Часовой. Да, да, сэр. Слова, слова, слова*. Все ветер, сэр. Наполняем желудки свои восточным ветром, сэр, как говорится в Писании. Так каплуна не откормить*.

Неизвестный. Хороший ритм. Разрешите... (*Записывает.*)

Часовой. А что это за штука — ритм, сэр? Я о ней никогда не слышал.

Неизвестный. Такая штука, с помощью которой можно править миром, друг.

Часовой. Чудно вы говорите, сэр, не во гнев вам будь сказано. Но вы мне нравитесь, вы очень учтивый джентльмен; бедного человека так и тянет к вам,— чувствуется, что вы не прочь поделиться с ним мыслями.

Неизвестный. Это мое ремесло. Но — увы! — мир отлично обходится без моих мыслей.

Дверь дворца открывается изнутри, на террасу ложится полоса света.

Часовой. Вот и ваша леди, сэр. Я пойду в обход. Можете не торопиться: без предупреждения не вернусь, если только мой сержант не накроет меня. Сержант про-

ворный, сэр, и с крепкой хваткой. Доброй ночи, сэр, желаю счастья! (*Уходит.*)

Неизвестный. «С крепкой хваткой!»! «Сержант проворный!»! (Словно пробуя спелую сливу.) О-о-о! (*Записывает.*)

Леди, в темном плаще, ощупью выходит из дворца и идет по террасе; она спит.

Леди (*третьи руки, как будто моет их*). Прочь, проклятое пятно! Вы мне все измажете* этими белилами и притираньями. Бог дал вам одно лицо, а вы делаете себе другое*. Думай о смерти, женщина, а не о том, чтобы приукрашать* себя. Все ароматы Аравии* не отмоют добела эту руку наследницы Тюдоров*.

Неизвестный. «Все ароматы Аравии!»! «Приукрашать!»! Целая поэма в одном только слове. И это моя Мария? (*Обращаясь к леди.*) Почему ты говоришь не обычным своим голосом и в первый раз твои слова звучат как поэзия? Ты захворала? Ты движешься как мертвец, оставший из могилы. Мария! Мария!

Леди (*как эхо*). Мария! Мария! Кто бы подумал, что в этой женщине так много крови! Разве моя вина, что мои советчики нашептали мне кровавые дела? Фи! Будь вы женщинами, вы догадались бы побереечь ковер, а то посмотрите, какие гадкие пятна. Не поднимайте ее за голову: волосы-то фальшивые. Говорю вам еще раз: Мария погребена, она не встанет из могилы*. Я не боюсь ее; с этими мерзавками, которые лезут на трон, когда им место только на коленях у мужчин, разговор должен быть короткий. Что сделано, то сделано*. Прочь, говорю я. Фи! Королева — и вся в веснушках!

Неизвестный (*трясет ее за плечо*). Мария, послушай! Ты спишь?

Леди просыпается, вздрагивает и чуть не теряет сознание.
Неизвестный подхватывает ее.

Леди. Где я? Кто это?

Неизвестный. Смилуйте, умоляю вас. Я все время принимал вас за другую. Я думал, что вы моя Мария, моя любовница.

Леди (*вне себя*). Какая дерзость! Как вы смеете?

Неизвестный. Не гневайтесь на меня, миледи. Моя любовница на редкость порядочная женщина. Но говорит

она не так хорошо, как вы. «Все ароматы Аравии» — это было хорошо сказано. Произнесено с прекрасной интонацией и отменным искусством.

Леди. Разве я сейчас беседовала с вами?

Неизвестный. Ну да, прекрасная леди. Вы забыли?

Леди. Я спала.

Неизвестный. Никогда не просыпайтесь, о волшебница, ибо, когда вы спите, ваши слова текут, как мед.

Леди (*величественно и холодно*). Ваши речи дерзки. Знаете ли вы, с кем вы разговариваете, сэр?

Неизвестный (*не смущаясь*). Нет, не знаю, и не хочу знать. Вероятно, вы состоите при дворе. Для меня существуют только два рода женщин: женщины с чудесным голосом, нежным и звучным, и кудахтающие куры, которые бессильны вдохновить меня. Ваш голос бесконечно красив. Не жалейте, что вы на короткое мгновение уследили меня его музыкой.

Леди. Сэр, вы слишком смелы. На миг умерьте ваше изумленье и...

Неизвестный (*жестом останавливает ее*). «На миг умерьте ваше изумленье»...

Леди. Грубиян! Вы смеете меня передразнивать?

Неизвестный. Это музыка. Разве вы не слышите? Когда хороший музыкант поет песню, разве вам не хочется петь ее еще и еще, пока вы не уловите и не запомните ее дивную мелодию? «На миг умерьте ваше изумленье». Бог ты мой! В одном этом слове «изумленье» — целая повесть человеческого сердца. «Изумленье!» (*Берет табличку.*) Как это? «На час оставьте ваше восхищение...»

Леди. Очень неприятное нагромождение шипящих. Я сказала: «На миг умерьте...»

Неизвестный (*поспешно*). На миг, да, конечно, на миг, на миг, на миг! Будь проклята моя память, моя несчастная память! Сейчас запишу. (*Начинает писать, но останавливается, так как память изменяет ему.*) Но как же получилось это нагромождение шипящих? Вы очень правильно это заметили; даже мой слух уловил его, пока предательский мой язык произносил эти слова.

Леди. Вы сказали: «на час». Я сказала: «на миг».

Неизвестный. «На миг»... (*Исправляет.*) Так! (*Пылко.*) А теперь будьте моей не на миг и не на час, а навсегда.

Леди. Этого еще недоставало! Уж не вздумали ли вы докучать мне вашей любовью, низкий негодай?

Неизвестный. Нет, любовь — не моя, это ваше порождение; я только кладу ее к вашим ногам. Как мне не полюбить девушку, для которой так много значит правильно найденное слово. Так позволь, божественное чудо красоты...* Нет, это я уже где-то говорил, а словесное одеяние моей любви к вам должно быть с иголки новое.

Леди. Вы слишком много разговариваете, сэр. Преду-преждаю вас: я больше привыкла заставлять себя слушать, чем выслушивать проповеди.

Неизвестный. Это обычно для тех, кто хорошо говорит. Но изъяснитесь вы хоть ангельским языком, — а оно поистине так, — все же знайте, что король над словом — я.

Леди. Король, ха!

Неизвестный. Именно. Жалкие создания мы — мужчины и женщины.

Леди. Вы осмеливаетесь называть меня женщиной?

Неизвестный. Каким же более высоким именем мне назвать вас? Как иначе мне вас любить? А между тем у вас есть основания гнушаться этим именем: не сказал ли я только сейчас, что мы жалкие создания? Но есть могучая сила, которая может спасти нас.

Леди. Покорно вас благодарю за проповедь, сэр. Хочу надеяться, что я знаю свои обязанности.

Неизвестный. Это не проповедь, а живая правда. Сила, о которой я говорю, это сила бессмертной поэзии. Ибо знайте, что хоть этот мир и мерзок и хоть мы всегo-навсего черви, но стоит только облечь всю эту мерзость в волшебные одежды слов, как сами мы преобразуемся, и души наши парят высоко, и земля цветет, как миллионы райских садов.

Леди. Вы испортили ваши райские сады этими миллионами. Вы увлекаетесь. Надо же соблюдать какое-то чувство меры, когда говоришь.

Неизвестный. Вот это вы сказали, совсем как Бен*.

Леди. Что это еще за Бен?

Неизвестный. Ученый каменщик, который воображает, что небо не выше его лестницы, а потому считает своим долгом попрекать меня тем, что я летаю. Говорю вам: еще не создано слово, еще не пропета мелодия, достаточно величественная и неповторимая для той славы, которую нам могут открыть прекрасные слова. Отрицать это — ересь! Разве вас не учили, что вначале было слово?

Что слово было у Бога, даже больше,— что слово было Бог?

Леди. Смотрите, сударь, поосторожнее со Священным Писанием. Королева — глава церкви.

Неизвестный. Вы глава моей церкви, когда говорите так, как говорили вначале. «Все ароматы Аравии»! Разве королева может сказать что-либо подобное? Говорят, она хорошо играет на спинете. Пусть сыграет мне, и я буду целовать ей руки. Но до тех пор вы моя королева, и я буду целовать эти губы, которые усладили мое сердце музыкой. *(Обнимает ее.)*

Леди. Вот непомерная наглость! Прочь руки, если вам дорога жизнь.

Смуглая леди, пригнувшись, крадется позади них по террасе, как бегущая куропатка. Увидев их, она гневно выпрямляется во весь рост и ревниво прислушивается.

Неизвестный *(не замечая смуглую леди)*. Тогда сделайте, чтобы руки у меня не дрожали от потоков жизни, которые вы вливаете в них. Вы притягиваете меня, как Полярная звезда притягивает железо; меня влечет к вам. Мы погибли, и вы и я; отныне ничто не в силах разлучить нас.

Смуглая леди. А вот посмотрим, лживый ты пес, обманщик, ты и твоя грязная тварь! *(Двумя энергичными ударами отталкивает их друг от друга.)*

Неизвестный, которому, на горе, достался удар правой рукой, растягивается на плитах террасы.

Вот вам обоим!

Леди в плаще *(в неистовой ярости сбрасывает плащ и обращает к обидчице лицо, на котором написано оскорбленное величие)*. Государственная измена!

Смуглая леди *(узнает ее и в ужасе падает на колени)*. Виль, я погибла: я ударила королеву!

Неизвестный *(приподнимается со всем достоинством, какое допускает его бесславная поза)*. Женщина, ты ударила Вильяма Шекспира?

Королева Елизавета *(ошеломленная)*. Вот это мне нравится!!! Ударила Вильяма Шекспира, скажите на милость! А кто такой, во имя всех потаскух, и девок, и

распутниц, и обманщиц, от которых в моих владениях проходу не стало, этот Вильям Шекспир?

Смуглая леди. Ваше величество, он всего лишь актер. Ах, я готова дать отрубить себе руку...

Королева Елизавета. Возможно, что и придется, голубушка. А вы не подумали о том, что я, может быть, прикажу отрубить вам и голову?

Смуглая леди. Виль, спаси меня! О, спаси меня!

Елизавета. Спаси тебя! Подходящий спаситель, честное слово королевы! Я считала этого человека по крайней мере дворянином, ибо я надеялась, что даже самая дрянная из моих приближенных не обесчестит мой двор, распутничая с каким-то безродным слугою.

Шекспир (*с трудом встает на ноги, возмущенно*). Безродный! Это я, потомок стрэтфордских Шекспиров! Я, чья мать носила имя Арден!* Безродный! Не забывайте, ваше величество!

Елизавета (*в ярости*). Гром и молния! Это я забываюсь! Я вам покажу...

Смуглая леди (*встает с колен и бросается разнимать их*). Виль, ради всего святого, перестань сердить ее. Это смерть. Ваше величество, не слушайте его.

Шекспир. Даже для спасения твоей жизни, Мария, не говоря уже о моей, я не стану льстить королевской особе, которая позволила себе оскорбить мою семью. Я не отрицаю, что мой отец к концу жизни стал нищим; это все его благородная кровь, он был слишком великодушен, чтобы заниматься торговлей. Ни разу он не отрекся от своих долгов. Правда, он не платил их, но каждый мог подтвердить, что, беря в долг деньги, он давал в обмен векселя. Эти-то векселя в руках низких корыстолюбцев и погубили его.

Елизавета (*свирепо*). Сын вашего отца скоро узнает, как вести себя в присутствии дочери Генриха Восьмого.

Шекспир (*с надменным презрением*). Не упоминайте имени этого развратника рядом с именем самого достойного оддермена Стрэтфорда. Джон Шекспир был женат только один раз, а Генрих Тюдор имел шесть жен. Вы должны бы стыдиться произносить его имя.

Смуглая леди } (вместе). Виль, умоляю тебя!..
Елизавета } Наглый пес!..

Шекспир (*обрывая их*). Откуда вы знаете, что король Генрих действительно был вашим отцом?

Елизавета	}	(вместе).	Тысяча дьяволов! Клянись... (Скрежещет зубами от ярости.)
Смуглая леди			Она прикажет прогнать меня кнутом через весь город. О Боже! О Боже!

Шекспир. Научитесь вернее судить о себе, ваше величество. Я честный дворянин, никто не усомнится в моем происхождении, и я уже принял меры, чтобы мне дали герб, который мне по праву принадлежит. Можете ли вы сказать то же о себе?

Елизавета (*едва владея собой*). Еще одно слово, и я своими руками начну дело, которое завершит палач.

Шекспир. Вы не настоящая Тюдор: у этой вот Дряни столько же прав на ваш королевский трон, как и у вас. Что позволило вам удержаться на английском престоле? Ваш прославленный ум? Ваша мудрость, перед которой бессильны самые лукавые государственные мужи всего христианского мира? Нет! Счастье, случайное счастье, которое могло бы выпасть на долю любой скотницы. Каприз природы, сделавший вас образцом совершеннейшей красоты, какой еще не видел мир.

Елизавета, уже занесшая кулак, чтобы ударить его, опускает руку.

Вот поэтому все мужчины и оказались у ваших ног, и трон ваш зиждется на неприступной скале вашего гордого сердца, каменистого острова в море желаний. Вот вам, ваше величество, слова, сказанные по простоте, от чистого сердца. А теперь делайте со мной что хотите.

Елизавета (*с достоинством*). Мистер Шекспир, ваше счастье, что я милостивый монарх. Я оказываю вам снисхождение; вы росли в деревне и мало знаете. Но впредь запомните, что есть слова, пусть даже сказанные от чистого сердца, с которыми все же не подобает обращаться... не скажу к королеве, ибо вы меня таковой не считаете,— но к девственнице.

Шекспир (*без запинки*). Не моя вина, что вы девственница, ваше величество, это только моя беда.

Смуглая леди (*опять в испуге*). Ваше величество, заклинаю вас, не достаивайте его больше вашей беседы. У него вечно на языке какая-нибудь непристойная шутка.

Вы слышали, как он обращается со мной! В присутствии вашего величества назвал меня дрянью.

Елизавета. А что до вас, голубушка, то я еще не спросила, почему вы оказались здесь в такой поздний час и каким образом вы могли настолько увлечься актером, что из ревности к нему, как безумная, подняли руку на вашу королеву?

Смуглая леди. Ваше величество, клянусь жизнью, клянусь надеждой на вечное спасение...

Шекспир (*саркастически*). Ха!

Смуглая леди (*гневно*). Да, да, уж скорее спасусь я, чем ты, который и верит-то разве только в черную магию слов да стихов... Так вот, ваше величество, клянусь жизнью, что я пришла сюда, чтобы навсегда порвать с ним. Ах, ваше величество, если вы хотите узнать, что такое страдание, слушайте этого человека, который и больше, чем обыкновенный человек, и меньше. Он свяжет вас и будет копать у вас в душе, он исторгнет у вас кровавые слезы унижения, а потом будет лечить ваши раны лестью, против которой не устоит ни одна женщина.

Шекспир. Лесть?! (*Опускается на колени.*) О ваше величество, позвольте мне сложить мои грехи к вашим ногам. Я сознаюсь во многом. У меня грубый язык, я неотесан, я кощунствую против святости миропомазанного монарха, но скажите, о моя королева, неужели я льстец?

Елизавета. В этом я вас не виню. Вы слишком прамодушны.

Шекспир встает с колен, благодарный.

Смуглая леди. Ваше величество, он и сейчас вам льстит.

Елизавета (*грозно сверкая глазами*). Это правда?

Шекспир. Ваше величество, она ревнует, и — да простит меня Бог! — не без оснований. О, вы сказали, что вы милостивый монарх, но вы поступили жестоко, когда, застав меня здесь, скрыли ваше королевское достоинство. Ибо разве может меня удовлетворить эта черноволосая, чернобровая, черномазая чертовка после того, как я видел истинную красоту, истинное величие?!

Смуглая леди (*вне себя от обиды и отчаяния*). Он десятки раз клялся мне, что настанет день, когда черноволосых женщин будут больше ценить в Англии, чем рыжих.

(Шекспиру, злобно.) Попробуй скажи, что этого не было. О, он весь соткан из лжи и насмешек. Я устала от его прихотей: то он возносит меня до небес, то тянет вниз, в преисподнюю. Я горю от стыда, что унизилась до любви к человеку, которому мой отец не позволил бы держать мне стремя, который треплет мое имя перед всем светом, который выносит мою любовь и мой позор на посмешище в своих пьесах, так что я готова сгореть от стыда, который пишет обо мне такие сонеты, что под ними не подписался бы ни один благородный человек... У меня голова идет кругом; я сама не знаю, что говорю вашему величеству, нет женщины несчастнее меня!..*

Шекспир. Ага! Наконец-то горе выжало из тебя музыкальную фразу. «Нет женщины несчастнее меня».
(Записывает.)

Смуглая леди. Ваше величество, умоляю вас, дозвольте мне уйти. Мой разум мутится от стыда и горя. Я...

Елизавета. Идите.

Смуглая леди пытается поцеловать ей руку.

Не нужно. Идите.

Смуглая леди уходит, потрясенная.

Вы жестоко обошлись с этой бедной любящей женщиной, мистер Шекспир.

Шекспир. Я не жесток, ваше величество, но вы знаете предание о Юпитере и Семеле*. Не моя вина, что мои молнии опалили ее.

Елизавета. Вы самонадеянны и много мните о себе, сэр; это не нравится вашей королеве.

Шекспир. О ваше величество, разве прилично мне напоминать о себе скромным покашливанием, как второстепенному поэту, умаляя ценность своего вдохновения и сводя на нет величайшее чудо вашего царствования? Я сказал, что «замшелый мрамор царственных могил исчезнет раньше»* тех слов, которыми я по своей воле изображаю мир то полным великолепием, то глупым и смешным. Кроме того, я хотел бы быть достаточно великим в ваших глазах, чтобы вы удостоили меня одной милости.

Елизавета. Я надеюсь, что это милость, о которой можно просить, не оскорбив королеву-девственницу, сэр. Вы так дерзки, что я не доверяю вам, и прошу вас пом-

нить: я не потерплю, чтобы человек вашего звания — не в обиду будь сказано вашему родителю-олдермену — зашел слишком далеко.

Шекспир. О ваше величество, я не позволю себе забыть еще раз; хотя, клянусь жизнью, будь я властен превратить вас в служанку, вы остались бы королевой и девственницей ровно столько времени, сколько нужно молнии, чтобы пересечь Темзу. Но раз уж вы королева и не желаете знать ни меня, ни Филиппа Испанского, ни какого другого смертного мужчины, мне приходится сдерживать себя по мере сил и просить вас лишь о монаршей милости.

Елизавета. Монаршая милость? Так скоро? Вы становитесь царедворцем, как и все остальные. Вы жаждете отличий*.

Шекспир. «Жаждете отличий». С разрешения вашего величества,— фраза, достойная королевы. *(Собирается записать.)*

Елизавета *(вышибает табличку у него из рук)*. Ваши дощечки мне надоели, сэр. Я не за тем пришла сюда, чтобы писать за вас ваши пьесы.

Шекспир. Вы пришли сюда, чтобы вдохновлять их, ваше величество. Это, наряду с другими делами, предназначено вам судьбой. Но милость, которой я домогаюсь,— это чтобы вы отпустили средства на постройку большого дома для представлений, или, если вы разрешите мне изобрести для него ученое название,— Народного театра* для просвещения и услаждения подданных вашего величества.

Елизавета. Но послушайте, сэр, разве мало театров на Бэнксайд и в Блэкфрайерс?*

Шекспир. Ваше величество! Их держат необеспеченные, на все готовые люди, которые, чтобы не умереть с голоду, показывают глупцам то, что им больше всего по нраву; а по нраву им, видит Бог, отнюдь не то, что возвышает их душу и служит к их просвещению, как то являет нам пример церквей, куда народ нужно загонять силой, хоть они и открыты для всех и вход бесплатный. Только если в пьесе есть убийство, или заговор, или красивый юноша в юбке, или грязные проделки каких-нибудь распутников, только тогда ваши подданные согласны оплачивать дорогих, хороших актеров и их наряды, да так, чтобы и театру что-то осталось. В доказательство моих слов расскажу вам, что я написал две прекрасные, возвышенные

пьесы, в которых вывел женщин, наделенных таким же благородным сердцем и плодотворным рвением, как вы, ваше величество: одна искусная целительница*, другая — послушница монастыря, посвятившая себя добрым делам*. А еще я украл из одной пустой, непотребной книжки* две самые пустые нелепицы: одна — о женщине, что ходит в мужском платье и бесстыдно ухаживает за своим кавалером, а он радуется партер тем, что сбивает с ног знаменитого борца, другая — о красотке, что щеголяет своим умом, преподнося без счета непристойности вельможе, столь же развратному, как и она. Я написал их, чтоб помочь друзьям, но не скрыл своего презрения к таким глупым выдумкам и к тем, кто их восхваляет, ибо одну я назвал «Как вам угодно», подразумевая, что это не так, как мне угодно, а другую — «Много шума из ничего», чем она и является. И теперь эти две гнуснейшие пьесы изгнали со сцены своих более благородных собратьев, так что свою целительницу, например, я совсем не могу показать — такая порядочная женщина не по вкусу нашей публике. Поэтому, ваше величество, я обращаюсь к вам с покорной просьбой: прикажите выделить из государственных доходов средства на создание театра, где я мог бы ставить те мои пьесы, которых не берет ни один театральный делец, хорошо зная, что ему гораздо выгоднее ставить скверные вещи, чем хорошие. Это будет также поощрением для других, пьесы начнут писать люди, которые сейчас презирают это занятие и целиком отдают его в руки тех, чьи писания не могут прославить вашу корону. Ибо сочинение пьес — серьезное дело, ведь так сильно влияние театра на склонности людей и их умы, что все происходящее на сцене они принимают всерьез и стремятся перенести в действительный мир, который есть не что иное, как большая сцена. Еще не столь давно, как вам известно, церковь поучала народ при помощи представлений; но народ шел смотреть только такие пьесы, в которых показывали всякие нелепые чудеса да мучеников в кровавых язвах, так что церковь, и так уже понесшая убытки от политики вашего венценосного отца, отказалась от театрального искусства и перестала поощрять его. И таким образом оно угодило в руки нищих актеров и алчных дельцов, которые заботятся не о славе вашего королевства, а лишь о своем кармане. И теперь вашему величеству следует продолжить доброе дело, от которого ваша церковь отказалась, и вос-

становить былое достоинство театра и его высокое назначение.

Елизавета. Мистер Шекспир, я поговорю об этом с лордом-казначеем.

Шекспир. Тогда я пропал, ваше величество, ибо не было еще лорда-казначея, у которого нашелся бы сверх необходимых правительственных расходов хоть один пенни на что-либо, кроме войны или жалованья собственному племяннику.

Елизавета. Мистер Шекспир! Вы сказали истинную правду, но не в моих силах как-либо помочь делу. Я не могу обидеть моих беспокойных пуритан, взвалив на жителей Англии расходы по такому развратному учреждению, как театр; и есть тысяча вещей, которые нужно сделать здесь, у меня в Лондоне, прежде чем в казне найдется хоть пенни для вашей поэзии. Поверьте, мистер Вилль, пройдет триста лет, а может быть и того больше, пока мои подданные поймут, что не одним хлебом жив человек, но и словом, исходящим из уст тех, кого вдохновляет Всевышний. К тому времени мы с вами будем прахом под копытами лошадей, если, конечно, тогда еще будут лошади и люди будут ездить на них, а не летать по воздуху. Впрочем, к тому времени и ваши произведения, быть может, обратятся в прах.

Шекспир. Они пребудут в веках, ваше величество, за них не опасайтесь.

Елизавета. Возможно. Но в одном я уверена,— ибо я знаю моих соотечественников,— пока все другие страны христианского мира вплоть до варварской Московии и селений невежественных германцев не станут содержать театры за счет казны, Англия ни за что не решится на такой шаг. А если, наконец, решится, то лишь потому, что она всегда стремится следовать моде и смиренно и послушно проделывать все, что проделывают на ее глазах другие. Пока же довольствуйтесь тем, что есть, ставьте эти две пьесы, которые вы считаете самыми гнусными из всего вами написанного, но которые ваши соотечественники, уверяю вас, будут с пеной у рта причислять к лучшим вашим творениям. Одно я скажу: если б было в моей власти обратиться через века к нашим потомкам, я искренне посоветовала бы им исполнить вашу просьбу, ибо правильно сказал шотландский менестрель, что создающий песни народа могущественнее, чем создающий его законы. И то же самое можно сказать относительно интермедий и пьес.

Часы бьют первую четверть. Ч а с о в о й возвращается с обхода.

А теперь, сэръ, настал час, когда королеве-девственнице больше подобает быть в постели, чем беседовать наедине с самым дерзким из своих подданных. Эй, люди! Кто сегодня охраняет покои королевы?

Ч а с о в о й. Я, ваше величество.

Елизавета. Так смотрите, впредь охраняйте их лучше. Вы пропустили очень опасного кавалера к самым дверям нашей королевской опочивальни. Выведите его да известите меня, когда накрепко запретите за ним ворота; я не решусь снять одежды, пока дворцовая ограда не разделит нас.

Шекспир (*целует ей руку*). Я уйду через ворота во тьму, ваше величество, но мысли мои следуют за вами.

Елизавета. Что? К моему ложу?

Шекспир. Нет, ваше величество, к вашим молитвам, в которых я прошу вас помянуть и мой театр.

Елизавета. С этой молитвой я обращаюсь к потомству. А сами вы не забудьте вознести молитву к Богу. Доброй ночи, мистер Виль!

Шекспир. Доброй ночи, великая Елизавета! Боже, храни королеву!

Елизавета. Аминь!

Расходятся: она — в свои покои; он, под охраной часового, — к воротам, что обращены к Блэкфрайерс.

МИЛЛИОНЕРША

ПОМПЕЗНАЯ КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Погожее майское утро. Контора мистера Джулиуса Сэгемора, модного молодого адвоката, в Линколнз Инн Филдз. Это старое, отделанное панелями помещение. Мебель расставлена так, что мистер Сэгемор, который сидит спиной к окну и левым боком к зрительному залу, защищен письменным столом от излишней фамильярности со стороны экспансивных клиентов и возможного нападения со стороны клиентов вспыльчивых или ненормальных. Входная дверь расположена справа от письменного стола, в дальнем конце комнаты. Таким образом, свет из окна падает на лица клиентов, тогда как адвокат остается в тени. У противоположной стены камин, выложенный по эскизу Адамса*. Над ним потемневший от времени портрет какого-то судьи. На фронтоне входной двери, в правом дальнем углу, в нише, высится бюст какого-то другого судьи. Остальная часть стены занята книжными полками, на которых красуются своды судебных постановлений в переплетках из телячьей кожи. Как уже сказано, в стене, что позади мистера Сэгемора, большое окно; рядом этажерка с картотекой: черные металлические ящички с надписанными на них именами клиентов.

Все сказанное о комнате могло бы навести на мысль о XVIII веке, но поскольку сейчас 1935 год, а мистер Сэгемор не терпит ни пыли, ни плесени и нуждается в помещении, которое наводило бы на мысль о процветании его хозяина и давало бы клиентам женского пола возможность представлять перед адвокатом в самом авантажном виде, все в комнате сверкает чистотой. На полу новенький пушистый дорогой ковер зеленого цвета. Поддюжины кресел, четыре из которых стоят вдоль книжных полок, Чипендейл* самой последней подделки. В пятом восседает сам адвокат; шестое, стоящее между письменным столом и камином, предназначено для клиентов. На столе, под рукой у Сэгемора, телефон. Раздается звонок.

Сэгемор (*снимая трубку*). Слушаю. (*Приятно изумленный.*) О!.. Немедленно проводите ее сюда.

В комнату врывается атлетически сложенная элегантная дама с трагическим выражением лица. Адвокат предупредительно вскакивает.

Дама. Вы Джулиус Сэгемор, недостойный племянник Понтифекса Сэгемора, моего покойного поверенного?

Сэгемор. Я лично никогда не рекомендуюсь человеком недостойным, но Понтифекс Сэгемор действительно приходился мне дядей, и я вернулся сюда из Австралии, чтобы взять на себя ведение тех дел, которые доверяют мне его клиенты.

Дама. Ваш дядя рассказывал о вас, и я, вполне естественно, заключила, что, если вас пришлось спровадить в Австралию, значит, вы человек явно недостойный. Впрочем, это неважно: дело у меня очень простое. Я желаю составить завещание и назначить моего супруга единственным наследником. Тут, полагаю, даже вы ничего не напутаете.

Сэгемор. Постараюсь. Садитесь, пожалуйста.

Дама. Нет. Я волнуюсь. Сяду, когда устану.

Сэгемор. Как вам угодно. Прежде чем составлять завещание, мне надо знать, кто ваш муж.

Дама. Мой муж дурак и подлец. Попрошу отметить этот факт в завещании. Добавьте также, что именно он своим поведением довел меня до самоубийства.

Сэгемор. Но самоубийство еще не состоялось.

Дама. Состоится, как только завещание будет подписано.

Сэгемор. Разумеется, разумеется. Я просто сразу не сообразил. Как зовут вашего мужа?

Дама. Элестер Фицфесенден.

Сэгемор. Как! Чемпион по любительскому теннису и боксер-тяжеловес?

Дама. Вы его знаете?

Сэгемор. Мы с ним каждое утро занимаемся плаванием в клубе.

Дама. Подобное знакомство не делает вам чести.

Сэгемор. Считаю долгом уведомить вас, миссис Фицфесенден, что мы с ним близкие друзья и...

Дама. Не смейте называть меня его ненавистным именем. Занесите меня в ваши книги как Эпифанию Онъисанти ди Парерга.

Сэгемор (с поклоном). Польщен такой честью. Пожалуйста, присядьте.

Эпифания. Сядьте лучше сами и перестаньте суетиться.

Сэгемор. Если вы так хотите — извольте. (*Sagitt-ся.*) Ваш отец был изумительный человек, сударыня.

Эпифания. Мой отец был самый великий человек на свете и умер нищим. Я никогда не прощу этого свету.

Сэгемор. Нищим? Ничего не понимаю. Всем известно, что он оставил вам, своей единственной дочери, тридцать миллионов.

Эпифания. А что такое для него тридцать миллионов? Он потерял полтора года. Обещал оставить мне двести миллионов, а оставил какие-то жалкие тридцать. Это разбило его сердце.

Сэгемор. И все же годовой доход в полтора миллиона...

Эпифания. Вы забываете о налоге на наследство, любезнейший. У меня едва остается семьсот тысяч в год. Вы понимаете, что это значит для женщины, воспитанной на доходе, который выражался семизначной цифрой? Какое унижение!

Сэгемор. Вы поражаете меня, сударыня.

Эпифания. Я собираюсь поразить себя — мне сейчас не до ваших переживаний.

Сэгемор. Ах да, да! Ваше самоубийство. Я совсем о нем забыл.

Эпифания. В самом деле? Так вот, потрудитесь на минуту вспомнить о нем и представить мне на подпись завещание, по которому я оставляю Элестеру все, что у меня есть.

Сэгемор. Чтобы унизить его?

Эпифания. Нет. Чтобы погубить его. Уничтожить. Чтобы этот выскочка сошел с рельс и разбился вдребезги. Деньги ударят ему в голову. Я уже видела, как они на него действуют.

Сэгемор. Мне тоже случалось такое видеть. Но в таких вещах никогда ничего заранее не угадаешь. Ваш муж может жениться на разумной женщине.

Эпифания. Вы правы. Внесите оговорку, что он получит наследство при условии, что в течение месяца со дня моих похорон женится на подлой твари по имени Полли Бесчулочек.

Сэгемор (*записывая*). Оригинальная фамилия!

Эпифания. Ее настоящее имя Патриция Смит. Но письма к Элестеру она подписывает Полли Бесчулочек, намекая, вероятно, что он должен купить ей еще дюжину.

Сэгемор (*берет другой листок и пишет*). Я был бы рад познакомиться с Полли.

Эпифания. Это еще почему?

Сэгемор (*говорит и пишет одновременно*). Она этого, несомненно, заслуживает, если уж Элестер предпочел ее вам. Обязательно попрошу его представить меня.

Эпифания. Вы не слишком тактичны, Джулиус Сэгемор.

Сэгемор. Обстоятельство, не имеющее значения, поскольку вы получаете вот это. (*Вручает ей исписанный листок.*)

Эпифания. Что это такое?

Сэгемор. Рецепт для самоубийства. За цианид вам придется расписаться у аптекаря. Скажите, что эта соль нужна вам, чтобы уничтожить осиное гнездо. Винная кислота безвредна. Аптекарь подумает, что она вам нужна для приготовления лимонада. Растворите оба вещества отдельно в небольшом количестве воды. Затем смешайте их. Винная кислота и поташ соединятся и дадут калийную соль винной кислоты. Она нерастворима и оседет на дно стакана, а жидкость над ней будет чистой синильной кислотой. Один глоток ее убьет вас быстрее, чем удар молнии.

Эпифания (*в замешательстве мнет бумажку*). Вы, кажется, весьма хладнокровно относитесь к моей смерти, мистер Сэгемор.

Сэгемор. Я привык к таким вещам.

Эпифания. Уж не хотите ли вы сказать, что у вас столько отчаявшихся клиентов, что вам приходится всегда держать рецепт наготове?

Сэгемор. Да. Это безотказное средство.

Эпифания. И вы уверены, что все они умерли мгновенно и безболезненно?

Сэгемор. Напротив. Все они живы.

Эпифания. Живы! Значит, ваше средство — безвредная фальшивка?

Сэгемор. Отнюдь. Это смертельный яд. Но они не принимают его.

Эпифания. Почему?

Сэгемор. Не знаю. Только никто не принимает.

Эпифания. А я приму. Вас же, надеюсь, повесят за то, что вы дали мне его.

Сэгемор. Я действую исключительно как ваш поверенный. Вы говорите, что решили покончить с собой, и приходите ко мне проконсультироваться. Я делаю все,

что в моих силах, чтобы дать вам возможность умереть, не расходуя слишком много газа и не бросаясь в Серпентайн. А с ваших душеприказчиков я получу шесть шиллингов восемь пенсов.

Эпифания. За что? За совет, как покончить с собой?

Сэгемор. Да, но покончить не сегодня, а завтра.

Эпифания. Зачем откладывать?

Сэгемор. Затем, что завтра это сделать ничуть не труднее, чем сегодня. А сегодня или даже завтра может произойти что-нибудь интересное. Словом, спешить некуда.

Эпифания. Вы грубиян, скотина и свинья. Моя жизнь для вас ничто. Вы даже не спросили, что довело меня до этого. Вы наживаетесь на смерти своих клиентов.

Сэгемор. Совершенно верно. Ваша смерть дело серьезное, и улаживать ваши дела Элестер непременно поручит мне.

Эпифания. И вы надеетесь, что я лишу себя жизни, чтобы дать вам на этом заработать?

Сэгемор. Вы сами подали мне эту надежду, сударыня.

Эпифания. Боже! Что он говорит! Неужели вам никогда не приходило в голову, что женщина, жизнь которой разбита, нуждается в сочувствии, а не в пузырьке с ядом?

Сэгемор. Я, право, не могу сочувствовать самоубийству: оно как-то не внушает мне симпатии. Но уж если оно должно произойти, пусть все будет быстро и на научной основе.

Эпифания. Вы даже не спросили, что сделал мне Элестер!

Сэгемор. То, что он вам сделал, потеряет всякое значение, как только вы умрете. Так стоит ли об этом беспокоиться?

Эпифания. Вы отъявленный негодяй, Джулиус Сэгемор.

Сэгемор. Охота вам так волноваться из-за меня? Рецепт поправит все.

Эпифания. К черту ваш рецепт! Натэ! *(Рвет рецепт в клочки и швыряет ему в лицо.)*

Сэгемор *(расплываясь в улыбке)*. Средство-то, как видите, действительно безотказное. А теперь, когда вы спустили пары, вы, надеюсь, присядете и расскажете, в чем дело.

Эпифания. Вопль наболевшего сердца вы называете «спускать пары»?

Сэгемор. Как же еще именовать его?

Эпифания. Вы не человек, вы толстокожий носорог. И к тому же дурак.

Сэгемор. Что вы! Я всего лишь адвокат.

Эпифания. Вы дрянной адвокат. Вы не джентльмен. Вы оскорбляете меня в моем горе. Вы поддерживаєте моего мужа, а не меня. В вас нет ни порядочности, ни отзывчивости. У вас рыба кровь и тараканья душа. Слышите?

Сэгемор. Вполне. И поздравляю себя: мне придется вчинять немало исков за клевету, если только вы окажете мне честь, избрав меня своим поверенным.

Эпифания. Ошибаетесь — я никогда не позволяю себе клеветать. Мой отец досконально растолковал мне закон о клевете. Вот если б я усомнилась в вашей платежеспособности, это была бы клевета. Если бы я обвинила вас в супружеской неверности, это была бы клевета. Назвать же вас толстокожим носорогом, а вы действительно форменное толстокожее, значит всего лишь грубо оскорбить вас. Я слежу за собой и никогда не выхожу за рамки грубого оскорбления, поэтому мне ни разу не был вчинен иск за клевету. Ну что, таков закон или нет?

Сэгемор. Право, не знаю. Я проверю по справочникам.

Эпифания. Не трудитесь. Уверю вас, закон гласит именно так. Моему отцу приходилось разъяснять законы своим адвокатам всякий раз, когда он выходил за пределы того, что другие делают каждый день. Юристы не знают законов. Они сильны лишь там, где доходит до практики, как они выражаются. А мой отец был великий человек: он каждый день совершал такое, что никому и в голову не приходило. Я, вероятно, не великая женщина, но я все-таки его дочь. И, как его дочь, я женщина выдающаяся. Поэтому указывать вам законы буду я, а ваше дело — исполнять мои указания.

Сэгемор. Это существенно упростит наши отношения, сударыня.

Эпифания. И запомните еще одно: у меня нет чувства юмора. Я не позволю смеяться над собой.

Сэгемор. Мне и в голову не приходит смеяться над клиенткой с годовым доходом в три четверти миллиона.

Эпифания. А у вас есть чувство юмора?

Сэгемор. Я стараюсь держать его в узде, но боюсь, что оно у меня все-таки есть. Вы почему-то пробуждаете его.

Эпифания. В таком случае я, хладнокровно и тщательно взвесив каждое слово, заявляю вам, что вы бессердечный негодяй. Мое отчаяние, позор и унижение, крах всей моей жизни и полная неразбериха в ней вызывают у вас лишь смех. Если бы отец не завещал мне всячески избегать адвокатов, лишенных чувства юмора, я бы немедленно покинула эту контору и лишила вас клиентки, чье дело может принести вам целое состояние.

Сэгемор. Но, дорогая леди, мне же ничего не известно о вашем отчаянии и позоре, крахе всей вашей жизни и всем остальном. Могу ли я смеяться над тем, чего не знаю? Уверяю вас, если я все-таки смеюсь — хотя какой уж тут смех! — то смеюсь не над вашим несчастьем, а над вами.

Эпифания. Серьезно? Неужели я так смешна в своем горе?

Сэгемор. Но что у вас за горе? Да сядьте же, пожалуйста.

Эпифания. В голове у вас, кажется, только одна мысль — как бы заставить клиента сесть. Ну что ж, так и быть — сяду. *(Бросается в кресло. Спинка его с треском отлетает. Эпифания вскакивает.)* О Боже, стоит мне сесть в кресло, как разваливается даже оно! На мне какое-то проклятье!

Сэгемор падает на стол, содрогаясь от неудержимого хохота.

Смейтесь, смейтесь, дурак, шут!

Сэгемор *(вскакивает с решительным видом, подходит к книжным полкам и берет другое кресло)*. Погиб мой лучший поддельный Чипендейл. Он стоил мне четыре гинеи. *(Подает ей кресло.)* А теперь соблаговолите сесть как можно осторожнее и перестаньте осыпать меня бранными словами. После этого, если вам, конечно, будет угодно, вы расскажете мне, что же у вас стряслось. *(Поднимает отломанную спинку кресла и кладет ее на стол.)*

Эпифания *(с достоинством усаживается)*. Эта поломка несколько успокоила и облегчила меня: у меня такое чувство, словно я свернула вам шею, как мне и хотелось. Итак, слушайте.

Сэгемор приближается и с серьезным видом смотрит на Эпифанию.

Да не стойте у меня над душой, а сядьте на то, что осталось от вашего поддельного Чипендейла.

Сэгемор. Конечно сяду. (*Сажится.*) Начинайте.

Эпифания. Мой отец был самый великий человек на свете, я — его единственная дочь. Он опасался лишь одного — что я неудачно выйду замуж и потеряю те небольшие деньги, которые он сумел мне оставить.

Сэгемор. Совершенно верно, очень небольшие. Всего тридцать миллионов.

Эпифания. Не перебивайте... Он взял с меня слово, что каждому, кто сделает мне предложение, я поставлю одно условие.

Сэгемор (*внимательно*). Вот как? Что за условие?

Эпифания. Я должна была дать ему полтораста фунтов и сказать, что если за полгода он сумеет превратить эти полтораста фунтов в пятьдесят тысяч, я буду принадлежать ему. Если нет, я его больше не увижу. Я понимала, как это мудро. Только мой отец мог придумать такое безошибочное, трудное и свободное от всякой сентиментальности испытание. Я поклялась ему, что свято выполню его волю.

Сэгемор. И нарушили свою клятву. Понимаю.

Эпифания. То есть как это нарушила?

Сэгемор. Вы же вышли замуж за Элестера. Он славный, милый человек, в своем роде просто прелесть, но не станете же вы уверять, что он за полгода сумел сделать пятьдесят тысяч фунтов из полтораста.

Эпифания. Да, сумел. Как ни мудр был мой отец, ему иногда случалось забывать мудрые истины, высказанные им за пять минут до этого. Он предупреждал меня, что девяносто процентов из наших миллионеров, обязанных своим богатством лишь самим себе, — преступники, которые шли на риск, имея один шанс из пятисот, и выкручивались лишь благодаря счастливой случайности. Элестер именно такой преступник.

Сэгемор. Нет, нет, он не преступник. Это на него совсем не похоже. Он дурак в деловых вопросах — согласен. Но не преступник.

Эпифания. Как все поверенные, вы убеждены, что знаете моего мужа лучше, чем я. Так вот, после шестимесячного испытания Элестер вернулся ко мне с пятьюдесятью тысячами в кармане, вместо того чтобы отпра-

виться на каторгу, которой он безусловно заслуживал. Этот человек поразительно удачлив. Он всегда выигрывает. Выигрывает в теннис, выигрывает в боксе. Он выиграл меня, самую богатую наследницу Англии.

Сэге мор. Но он сделал это с вашего согласия. Иначе зачем вам было подвергать его испытанию? Что заставило вас дать ему на счастье эти полтораста фунтов?

Эпифания. Бокс.

Сэге мор. Бокс?

Эпифания. Мой отец считал, что женщина должна уметь защитить себя от мужской грубости. Он приохотил меня к боксу. Я стала болельщицей и ходила на все состязания. Я видела, как Элестер выиграл любительское первенство в тяжелом весе. Он владеет таким ударом в солнечное сплетение, какого никто не выдерживает.

Сэге мор. И вы вышли за человека только потому, что он умеет бить в солнечное сплетение!

Эпифания. Ну, он, кроме того, был красив. И к тому же, в отличие от других интересных мужчин, хорошо выглядел раздетым. А я отнюдь не глуха к зову пола.

Сэге мор (*торопливо*). О, конечно, конечно! Но не будем входить в подробности.

Эпифания. Если я захочу, то будем. Как мой поверенный, вы обязаны знать все подробности. Я совершила довольно распространенную ошибку: я думала, что этот неотразимый атлет будет пылким любовником. Ничего подобного! Весь его пыл — в кулаках. До смерти не забуду, как во время нашего медового месяца я, взбешенная его холодностью, набросилась на него и он с первого же выпада уложил меня этим своим отвратительным ударом. Вас никогда не сбивали с ног ударом в солнечное сплетение?

Сэге мор. Слава Богу, нет. Я не боксер.

Эпифания. В отличие от прямого в челюсть такой удар не погружает вас в забытье. Когда муж увидел, как я с лицом, искаженным от боли, корчусь на полу, он пришел в ужас. Он сказал, что все получилось непроизвольно: он всегда инстинктивно парирует таким образом удар противника. Но это не мешает ему угрожать, что он повторит этот опыт, если я опять выйду из себя.

Сэге мор (*огорченно*). Никогда бы не подумал, что Элестер способен на такие вещи!

Эпифания. Вздор! Я сама просила его об этом. Так мне легче держать себя в руках. Сила — одна из немногих его черт, которые многое искупают. В драке он энер-

гичен, серьезен, действует обдуманно. Я почти уважаю его за это.

Сэгемор. В чем же тогда дело? Почему вы хотите избавиться от него?

Эпифания. Я хочу избавиться от себя самой. Я хочу наказать себя за то, что погубила свою жизнь, выйдя замуж за дурака. Я, Эпифания Онъисанти ди Парерга, считала, что я самая выдающаяся женщина Англии и выхожу за самого замечательного мужчину. А была всего лишь гусыней, которая сочеталась браком с кроликом. Мне оставалось только умереть. А ваши дурацкие выходы поколебали мою решимость, и теперь я сама не знаю, чего хочу. Отвратительное состояние! Я из тех женщин, которым всегда нужно чего-то хотеть и добиваться своего.

Сэгемор. Вы стяжательница. Именно так. Великолепное определение!

Телефонный звонок. Сэгемор встает.

Прошу извинить. *(Подходит к столу и берет трубку.)* Слушаю... *(Торопливо.)* Одну минутку. Не вешайте трубку. *(Эпифании.)* Пришел ваш муж с какой-то женщиной. Хотят видеть меня.

Эпифания *(встает)*. С этой женщиной? Немедленно зовите их сюда.

Сэгемор. Могу я положиться на ваше самообладание?

Эпифания. Вы можете положиться на кулаки Элестера. Я должна взглянуть на эту леди Бесчулочек. Зовите их сюда, кому я говорю!

Сэгемор *(в телефон)*. Попросите мистера Фицфесендена и даму подняться ко мне.

Эпифания. Сейчас увидим, что собой представляет женщина, на которую он променял меня!

Сэгемор. Я заинтригован. Надеюсь, мне удастся увидеть нечто замечательное.

Эпифания. Не будьте дураком. Вы увидите что-нибудь самое заурядное.

Входят Элестер Фицфесенден и Патриция Смит. Он — великолепно сложенный атлет, большая часть мозга которого перековала в мускулы. Патриция — тихая миловидная невысокая женщина, по виду из тех, что сами содержат себя. Она невозмутимо подходит к столу, предоставив Элестеру объясняться с женой.

Элестер. Эппи! Что ты здесь делаешь? (*Сэгемору.*)
Почему вы меня не предупредили?

Эпифания. Представь женщину.

Патриция. Меня зовут Патриция Смит, миссис Фицфесенден.

Эпифания. Письма свои вы, кажется, подписываете иначе.

Элестер. Послушай, Эппи, не устраивай скандала...

Эпифания. Я разговариваю не с тобой, а с этой женщиной.

Элестер (*вспыхивая*). Не смей называть ее «этой женщиной»!

Патриция. Перестань, Элли. Ты же обещал мне...

Эпифания. Обещал! Какое право он имеет вам что-нибудь обещать? Как он смеет вам что-нибудь обещать? Как вы смеете требовать от него обещаний?

Элестер. Я не позволю оскорблять Полли!

Сэгемор (*добродушно*). Не правда ли, мисс Смит, вы ведь не обижаетесь?

Патриция (*беззаботно*). Ничуть. Моя сестра ведет себя точно так же.

Эпифания. Ваша сестра!.. Вы смеете сравнивать свою сестру со мной!

Патриция. Только тогда, когда она горячится вот так, как вы сейчас. Не обижайтесь на меня. Раз уж у вас такой характер, самое разумное — дать себе выкричаться. Элли, представь меня джентльмену.

Элестер. Прости, я совсем забыл. Джулиус Сэгемор, мой поверенный и старый приятель. Мисс Смит.

Эпифания. Она же Полли Бесчулочек.

Патриция. Это только мое прозвище. Смит же — наше родовое имя, как выражается мой старый мудрый милый папа.

Эпифания. Вот уже появился и мудрый папа! Только этого не хватало!

Сэгемор. Садитесь, пожалуйста, мисс Смит. (*Идет за креслом к книжной полке.*)

Патриция (*разглядывая сломанное кресло*). Ого! Кто это его поломал?

Эпифания. Его поломала я. Пусть это послужит вам предостережением.

Сэгемор придвигает к столу кресло для Патриции. Элестер ногой отбрасывает сломанное, приносит от стены другое и собирается сесть рядом с Патрицией, но Эпифания опережает мужа, садится сама и

указывает ему на свое кресло, оказавшись, таким образом, между Элестером и Патрицией: один справа от нее, другая слева. Сэгемор возвращается на свое официальное место за столом.

Патриция. Видите ли, мистер Сэгемор, дело обстоит так. Элестер...

Эпифания. Объяснения излишни. Я все объяснила мистеру Сэгемору сама. А вас я попрошу вести себя прилично в его и моем присутствии и называть моего мужа мистером Фицфесенденом, а не по имени.

Элестер (*сердито*). Конечно, Эппи, если ты никому не дашь рот раскрыть...

Эпифания. Я никому не затыкаю его. Если у тебя есть что сказать, говори.

Патриция. Прошу извинить, но у него слишком длинная фамилия. В моем маленьком кругу все зовут его Элли.

Эпифания (*раздраженно*). Как вам это нравится, мистер Сэгемор? Эти третьесортные людишки именуют моего мужа «Элли»! Да как они вообще смеют о нем разговаривать? И я должна все это терпеть?

Патриция (*мирно*). Да, мы знаем, что вам многое приходится терпеть, дорогая...

Эпифания (*топая ногой*). Дорогая!..

Патриция (*тем же тоном*). ...но так уж устроен мир.

Эпифания. Мир для нас устроен так, как устроены мы сами. Ваш мир — не мой мир. Мир каждой женщины — в ее собственной душе. Слушайте, мистер Сэгемор. Я вышла за этого человека. Я впустила его в свой мир, мир, который мое воображение населило героями и святыми. Он первый из реальных людей, который был впущен туда. Я приняла его за героя, святого, любовника — все в одном лице. А кем он оказался на деле — судите сами.

Элестер (*вскакивает, сжимая кулаки и багровея*). Будь я проклят, если потерплю это!

Эпифания (*поднимаясь, принимая позу мученицы и глядя ему в лицо*). На, ударь! Покажи ей, как ты нокаутируешь. Пусть она посмотрит, как ты обращаешься с женщиной.

Элестер (*растерянно*). Проклятье! (*Снова садится.*)

Патриция. Не надо нервничать, Элли. Ты только компрометируешь себя в глазах мистера Сэгемора. Поэтому, тебе лучше пойти домой, а мы с ней сами выясним отношения.

Эпифания. Потрудитесь не говорить обо мне в третьем лице. Я вам миссис Фицфесенден, а не местоимение. *(Высокомерно опускается в кресло.)*

Патриция. Извините, но у вас такая фамилия, что просто язык можно свернуть. Мистер Сэгемор, не находите ли вы, что Элли лучше пойти домой? Нехорошо, что он сидит здесь и слушает, как мы рассуждаем о нем в его же присутствии. Кроме того, он измучен: он почти всю ночь не сомкнул глаз.

Эпифания. Откуда вам это известно, скажите на милость?

Патриция. Неважно откуда. Известно, и все.

Элестер. Все было совершенно невинно. Куда же мне было деться после того, как ты учинила скандал и я был вынужден уйти из дому?

Эпифания *(неожиданно развеселившись)*. И ты пошел к ней?

Элестер. Я пошел к мисс Смит. Она тебе не местоимение — запомни! Я пошел туда, где надеялся найти покой и доброе к себе отношение, пошел к моей милой, нежной, чудесной Полли. Вот так!

Эпифания. Я, конечно, лишена чувства юмора, но все это кажется мне удивительно забавным. Ты в самом деле оставил меня, чтобы провести ночь в объятиях мисс Бесчулочек?

Элестер. Нет. Я уже сказал, что все было совершенно невинно.

Эпифания *(Патриции)*. Был он в ваших объятиях или нет?

Патриция. Разумеется, какое-то время был. Но не в том смысле, в каком вы думаете.

Эпифания. Значит, у него еще более рыба кровь, чем я считала. Впрочем, мужчина, способный ударить из дому в тот момент, когда жена уже готова простить его и подарить ему законные наслаждения, способен на любую глупость.

Элестер. Простить меня? За что простить? Что я сделал? За что ты набросилась на меня?

Эпифания. Я не набрасывалась на тебя — я всегда веду себя достойно, даже тогда, когда обида нестерпима.

Элестер. Тебя никто не обижал. Ты выгнала меня из дому.

Эпифания. Нет, не выгоняла. Я вовсе не хотела, чтобы ты ушел. Это было с твоей стороны отвратительно

эгоистично. Ты мог уйти к своей Бесчулочек, но мне-то уйти было не к кому — Эдриен за городом.

Сэгемор. Эдриен? Новое осложнение! Кто такой Эдриен?

Патриция. Эдриен — это воскресный муж миссис Фицфесенден, мистер Сэгемор.

Эпифания. Как вы сказали? Мой — кто?

Патриция. Ваш воскресный муж. То, что мистер Эдриен Блендербленд для вас, то Элли для меня. Вы все отлично понимаете.

Сэгемор. Но я-то не все понимаю. Что же такое мистер Блендербленд для вас, миссис Фицфесенден, смею спросить?

Эпифания. О, это джентльмен, с которым я говорю о вещах, выходящих за пределы умственных способностей моего мужа, человека на редкость ограниченного.

Элестер. Это парень, который выдает себя за интеллигента только потому, что отец его был издателем. Он крутится вокруг Эппи и делает вид, что влюблен в нее — у нее ведь хороший повар. А я говорю, что ему наплевать на все, кроме еды. Он вечно приходит к завтраку или обеду. Чревоугодник — вот кто он такой. И от меня требуют, чтобы я его терпел! А стоит мне самому взглянуть на Полли, и... О Боже мой!

Эпифания. Это совсем другое дело. Эдриен боготворит землю, по которой я ступаю,— это верно. Но ты грубо льстишь себе, если воображаешь, что твоя Бесчулочек боготворит землю, по которой ступаешь ты. Она терпит тебя и носится с тобой, пока ты покупаешь ей чулки и, видно, все остальное.

Патриция. Не стану спорить — от споров одни только неприятности, Боюсь, что я действительно дорого стою Элли: он ведь любит дарить мне красивые вещи, которых я не могу себе позволить.

Элестер (*нежно*). Нет, Полли, ты не стоишь мне дорого. Ты ведь сама чистое золото. Это я навязываю тебе всякую дрянь, которой ты не хочешь. Ты бережешь мои деньги гораздо больше, чем я сам.

Эпифания. Как трогательно! Вы, как я полагаю, его воскресная жена?

Патриция. Нет, миссис Фицфесенден. Я сказала бы, скорее, что его воскресная жена — это вы. Ведь за его одеждой и за тем, чтобы он своевременно стригся, слежу я.

Эпифания. Надеюсь, у него самого хватает ума хоть на то, чтобы следить за собой.

Патриция. Вы не понимаете мужчин. Они поглощены другими вещами и совсем опускаются, если рядом нет женщины, способной присмотреть за ними. Видите ли, мистер Сэгемор, дело обстоит так. В мире есть два сорта людей — люди, с которыми уживается кто угодно, и люди, с которыми не уживается никто. Люди, с которыми никто не уживается, могут быть хороши собой, энергичны, блестящи, темпераментны, романтичны и так далее. Когда они довольны собой и хотят быть приятными, они даже умеют сделать другого человека счастливым на полчаса. Но попробуйте пожить с ними — и они заедят вашу жизнь, заставят вас бегать за ними, прислуживать им и терпеть бесконечные ссоры. У них не пикнешь! На роли воскресного мужа или жены, на бешеную вспышку страсти или неистовую ссору, а еще чаще на то и другое вместе раз в месяц они годятся. Но как постоянные спутники жизни они невыносимы.

Эпифания. Итак, я — воскресная жена. (*Патриции, презрительно.*) А кто же, простите, вы?

Патриция. А я, в известном смысле слова, домашний ангел-хранитель.

Элестер (*громко всхлипывая*). Да, ты ангел, дорогая, ангел!

Эпифания (*Патриции*). Вы для него половик, о который вытирают ноги, вот вы кто.

Патриция. Половики — очень полезная вещь, если вы хотите, чтобы дома было чисто, дорогая.

Телефонный звонок. Сэгемор снимает трубку.

Сэгемор. Слушаю... Как вы сказали? Блендербленд?

Эпифания. Эдриен? Как он узнал, что я здесь?

Сэгемор. Попросите джентльмена обождать. (*Кладет трубку.*) Не расскажете ли мне о нем поподробнее, миссис Фицфесенден? Он, кажется, глава издательства «Дешевая книга»?

Эпифания. Нет, это его отец, который и основал издательство. Эдриен — член правления, но у него нет деловых способностей. Благодаря репутации своего отца он состоит членом пятнадцати правлений, но, насколько мне известно, еще ни одно из них не слышало от него дельной мысли.

Элестер. Ты несправедлива к нему, Эппи. Никто в Лондоне не умеет лучше него заказать обед; этому он и обязан своим положением в свете.

Сэгемор. Благодарю. Теперь я составил себе достаточное представление о нем. Пригласить его сюда?

Эпифания. Разумеется. Я хочу знать, зачем он явился.

Элестер. Не возражаю. Вы, конечно, понимаете, что я ничего не знаю о его отношениях с моей женой, каковы бы они ни были.

Эпифания. Они совершенно невинны... пока что. Я не совсем убеждена, что люблю Эдриена. Он просто ухаживает за мной, и все.

Сэгемор *(в телефон)*. Попросите мистера Блендербленда ко мне. *(Кладет трубку.)*

Элестер *(Патриции)*. Сейчас ты увидишь субъекта, который вытеснил меня из сердца Эппи.

Патриция. Не могу представить себе мужчину, который мог бы вытеснить тебя из сердца женщины, дорогой.

Эпифания. Не будете ли любезны воздержаться от нежностей в присутствии мистера Блендербленда?

Входит Эдриен Блендербленд, внушительный цветущий мужчина с викторианской бородкой. Он довольно красив и элегантен. Сэгемор встает. При виде собравшихся Эдриен на миг теряется, но тут же вновь обретает прежний апломб и с улыбкой приближается к ним.

Эдриен. Хэлло! Каким ветром нас всех сюда занесло? Доброе утро, миссис Фицфесенден. Привет, Элестер. Мистер Сэгемор, я полагаю? Я не знал, что у вас посетители.

Сэгемор. Вы пришли очень кстати, сэр. Не угодно ли присесть? *(Придвигает кресло от стены к столу справа от себя и слева от Патриции.)*

Эдриен *(усаживаясь)*. Благодарю. Надеюсь, я не прервал эту даму?

Патриция. Нет, нет, пустяки.

Сэгемор *(знакома их)*. Мисс Смит, близкий друг мистера Фицфесендена.

Патриция. Очень рада познакомиться.

Эдриен кланяется, затем поворачивается к Сэгемору.

Эдриен. Дело в том, что в разговоре со мной миссис Фицфесенден упомянула о вас как о своем новом

поверенном. Я и подумал, что мне тоже не стоит искать другого.

Сэге мор (*кланяясь*). Благодарю вас, сэр. Но разве у вас, простите, нет своего поверенного?

Эдриен. Дорогой мистер Сэге мор, никогда не следует удовлетворяться мнением одного человека. Заболев, я обращаюсь по меньшей мере к шести врачам сразу: противоречивость их предписаний и рецептов убеждает меня, что лечиться лучше всего самому. Когда у меня возникает юридический казус, я советуюсь с шестью адвокатами примерно с тем же...

Эпифания. Эдриен, у меня нет чувства юмора, и вам известно, как я не люблю, когда вы несете чушь, которая, по-видимому, должна считаться смешной. Вы пришли сюда, чтобы посоветоваться с мистером Сэге мором относительно меня?

Эдриен. Совершенно верно. Но я, разумеется, рассчитывал, что застаю его одного.

Патриция. А здесь, оказывается, собралась вся шайка.

Эпифания. Я говорю с мистером Блендерблендом, а не с вами. И я не принадлежу к вашей шайке, как вы извоили выразиться.

Патриция. Простите, дорогая. Я просто хотела показать, что я тоже слушаю.

Сэге мор. Имеет ли вопрос, о котором вы намерены посоветоваться со мной, отношение к семейным делам миссис Фицфесенден?

Эдриен. Да.

Сэге мор. И этот вопрос носит такой характер, что его рано или поздно придется обсудить со всеми взрослыми членами ее семьи?

Эдриен. Да. Вероятно, да. Но не лучше ли нам для начала переговорить приватно?

Эпифания. Ничего подобного! Я не желаю, чтобы мои дела обсуждались где бы то ни было публично или приватно. Они касаются меня одной.

Эдриен. Но разве я не вправе поговорить о своих личных делах?

Эпифания. Только не с моим поверенным. Я этого не потерплю.

Элестер. Ну вот, опять разошлась! Значит, лучше отправляться домой.

Эпифания (*встает, раздраженно*). Разошлась, разошлась! Стоит ли жить, если даже разойтись нельзя!

Элестер, ты суший головастик. *(Проходя мимо него, хватая его за голову и ерошит волосы.)*

Элестер. Не надо! *(Пытается пригласить шевелюру.)*

Эпифания *(Патриции)*. Пригладьте ему волосы, вы, домашний ангел!

Патриция *(подходя к Элестеру и приводя в порядок его прическу)*. Зачем вы делаете из него посмешище?

Сэгемор. Скажите, мистер Фицфесенден, почему вы женились на миссис Фицфесенден?

Эпифания. Почему? Разве это нужно объяснять? Я ведь уже рассказала вам, почему я вышла за него.

Элестер. Вряд ли вы мне поверите, но она, когда всерьез захочет, умеет быть чертовски очаровательной.

Эпифания. Почему это он вряд ли поверит? Что ты имеешь в виду?

Элестер. Он знает, что я имею в виду.

Эпифания. Опять, наверно, какая-нибудь глупая шутка?

Эдриен. Вы несете вздор, Фицфесенден. Ваша жена — самая обворожительная женщина на свете.

Эпифания. Не говорите так здесь, Эдриен. Если вы хотите продолжать в том же духе, увезите меня в такое место, где мы будем одни.

Элестер. Ради всего святого, увезите ее, пока она не свела нас всех с ума.

Сэгемор. Спокойствие! Спокойствие! Я уже сам не понимаю, где я. Вы все требуете от меня совета, но не говорите — о чем. Не лучше ли вам всем развестись?

Эпифания. А на что будет жить этот несчастный? У него за душой ни пенни. Ведь если бы дядя не построил его в страховую контору, он стал бы боксером или теннисистом-профессионалом. Впрочем, в конторе от него все равно не было толку.

Элестер. Послушай, Эппи, Сэгемору же все это неинтересно.

Эпифания. Нет, интересно. Должно быть интересно. Замолчи. Когда Элестер сделал мне предложение — он был слишком глуп, чтобы понимать, какая это наглость! — я сдержала слово, данное отцу. Я вручила ему чек на полтора фунтов и сказала: «Превратите их за полгода в пятьдесят тысяч, и я ваша!»

Эдриен. Вы мне этого никогда не рассказывали!

Эпифания. А зачем? Возмутительная история!

Элестер. Что тут возмутительного? Разве я не добился своего? Разве я не прошел сквозь ад, чтобы добыть эти деньги и завоевать тебя?

Эдриен (*остолбенело*). Вы сделали пятьдесят тысяч за полгода? Так я вас понял?

Элестер. А почему бы мне их не сделать?

Эпифания. Верьте не верьте, Эдриен, он их действительно сделал. Да, этот дурак заработал пятьдесят тысяч фунтов и получил в жены Эпифанию Онъисанти ди Парерга. Более того, обладание этими деньгами и мысль, что он сделал их сам, придало ему — вы не поверите мне! — известное величие. Я женщина импульсивная. Я сдержала слово и немедленно вышла за него. И лишь потом, когда было слишком поздно, я узнала, каким способом он их сделал.

Элестер. Ну и каким же? Собственным умом.

Эпифания. Умом! Скажи лучше, благодаря собственной глупости, невежеству, преступным наклонностям и удаче, которая сопутствует дуракам. Ты получишь мою руку, которой на коленях добивалась вся Европа. А на самом деле ты заслуживал совсем другого — пяти лет каторги.

Элестер. Пяти? Скорее пятнадцати. Вот чем я рисковал ради тебя. А что я за это получил? Жизнь с тобой оказалась пострашнее всякой каторги.

Эпифания. Она была бы для тебя раем, если бы природа создала тебя достойным такой спутницы, как я. А чем она стала для меня? Когда-то ни один мужчина не был для меня достаточно хорош. Как принцесса из сказки, я предлагала свою руку и состояние любому, кто за полгода сумеет превратить чек на полтораста фунтов в пятьдесят тысяч наличными. Люди достойные и блестящие, младшие отпрыски самых знатных семейств либо отказывались от такого испытания, либо не выдерживали его. Почему? Да потому что они были слишком честны или слишком горды. А этот выдержал, и я оказалась навсегда связанной с жалким насекомым.

Элестер. Говори что хочешь, но тогда ты была влюблена в меня не меньше, чем я в тебя.

Эпифания. Ну и что ж! Ты был молод, хорошо сложен, изумительно играл в теннис, великолепно дрался на ринге, и общение с тобой меня возбуждало.

Сэгемор. Стоит ли углубляться в такие подробности, миссис Фицфесенден?

Эпифания. Вы, Джулиус Сэгемор, можете быть, и набиты опилками, а я человек из плоти и крови. Элестер физически привлекателен, и это единственное оправдание

моего замужества. У вас, надеюсь, не хватит наглости заявить, что он наделен интеллектуальным обаянием?

Эдриен. Но как он все-таки сделал эти пятьдесят тысяч фунтов? Играл на бирже?

Эпифания. Вздор! Этот человек не способен отличить плюральную акцию от обыкновенной с отсроченным дивидендом. Он не сообразил бы даже, с чего начать на бирже.

Эдриен. Но как он все-таки начал? На моем счету в банке сегодня как раз около полутора ста фунтов, и мне страшно хочется узнать, как превратить их в пятьдесят тысяч. Вы так богаты, Эпифания, что каждый порядочный человек, приближаясь к вам, чувствует себя нищим авантюристом. Вы не понимаете, что испытывает мужчина, для которого полтора ста фунтов — крупная сумма, в объятиях женщины, для которой миллион — это деньги на булавки.

Эпифания. Равно как вы неспособны понять, что испытывает женщина в объятиях мужчины, которого, как ей известно, она может купить хоть двадцать раз, не переплатив при этом лишнего.

Эдриен. Вы можете мне поместить мои полтора ста фунтов, если я вам их дам?

Эпифания. Не стоит труда. Человек, который делает операций меньше чем на семьдесят тысяч в неделю, на бирже ничего не заработает. Не суйтесь в денежные дела, Эдриен, вы в них ничего не понимаете. Я предоставлю вам все что нужно.

Эдриен. Нет, увольте: я перестал бы уважать себя. Предпочитаю позволить себе роскошь бедняка — платить за ваш кэб, билеты в театр, завтраки в «Рице» и одалживать вам те небольшие суммы, которые вам нужны, когда мы бываем вместе.

Все удивленно смотрят на Эпифанию: она предстает им с неожиданной стороны.

Эпифания. Верно, у меня никогда не бывает карманных денег. Я, вероятно, вытянула у вас целые миллионы пятифунтовыми банкнотами. Я распоряджусь, чтобы мои банкиры открыли вам текущий счет на тысячу фунтов.

Эдриен. Нет, нет. Мне нравится одалживать вам пятерки. Но так как это угрожающе истощает мои сравнительно скромные ресурсы, я честно сознаюсь, что хо-

тел бы научиться у Элестера искусству превращать сотни в десятки тысяч.

Эпифания. Его пример вам ничего не даст, Эдриен. Элестер — одно из чудес природы, а в вас нет ничего чудесного, кроме вашего аппетита. Так вот, слушайте. Каждый год в день рождения бабушка дарила ему пластинку с записью знаменитого тенора Энрико Карузо. Случилось так, что природа, в минуту одного из своих необъяснимых капризов, наделила Элестера потрясающе звучным голосом почти сверхъестественного диапазона. Он берет такие высокие ноты, каких не брал еще ни один смертный. Он обнаружил, что может без труда имитировать граммофонные записи, и решил, что составит себе состояние как оперный тенор. Первое, что он сделал с моими деньгами, — дал пятьдесят фунтов директору какой-то дрянной оперной труппы, находившейся при последнем издыхании, а тот позволил ему выступить в одной из самых популярных ролей Карузо. Он даже взял меня с собой на этот спектакль.

Элестер. Это не моя вина. Я могу перепеть Карузо. Все это была интрига. Постоянный тенор этой труппы — свинья. Сам он не может взять си-бемоль, не вывихнув себе при этом шею. Но он нанял кучу разных мерзавцев, а те забрались на галерку и освистали меня.

Эпифания. Милый Элестер, суть в том, что природа, одарив тебя потрясающим голосом, к несчастью, забвела наделить тебя слухом. Реветь ты можешь громче, чем стадо в десять тысяч голов, а вот поешь по меньшей мере на четверть тона выше или ниже, чем надо. У себя в ложе я хохотала так, что свалилась на пол в форменной истерике. Зрители свистели и шикали, но их не слышно было из-за твоего рева. Наконец хористы утащили тебя со сцены, и местный тенор закончил спектакль, после чего выяснилось, что директор сбегал, прихватив с собой мои пятьдесят фунтов и оставив труппу без гроша. Примадонна оглохла на левое ухо — ты ревел в него изо всей силы. Мне пришлось уплатить актерам жалованье и распустить их.

Элестер. Говорю тебе, это была интрига. Почему людям не нравится мое пение? Я пою громче любого тенора и могу брать более высокие ноты.

Эпифания. Элестер, нельзя противостоять интриге, если в ней участвует весь мир.

Эдриен. И все же это не объясняет, как Элестер сделал свои пятьдесят тысяч.

Эпифания. Предоставляю ему самому изложить эту постыдную историю — он, по-моему, гордится ею. *(С презрительной миной опускается в свободное кресло.)*

Элестер. Все вышло очень здорово. Но, доложу вам, дело было рискованное. А сделал я вот что. После номера с оперой у меня осталась всего сотня. Тут я встречаю одного американца. Рассказываю ему, что схожу с ума по женщине, которая согласна выйти за меня лишь на том условии, что я за полгода заработаю пятьдесят тысяч, хотя сейчас у меня в кармане только сто фунтов. Он так и подскочил. «Милейший, раз у вас есть сто фунтов, вы можете открыть счет в банке и получить чековую книжку». «А какая мне от нее польза?» — спрашиваю я. А он: «Возьмете меня в дело на равных долях?» Я, конечно, согласился. Что мне еще оставалось? В тот же день мы и начали. Положили деньги в банк и получили чековую книжку на сто бланков. Сняли театр, набрали первоклассную труппу, нашли пьесу. Постановка получилась роскошная: декорации дивные, девушки тоже, а уж героиня как раз такая, каких любит публика, — глаза злые, голос какой-то непривычный, заморский, акцент голливудский. За ценой мы не стояли, а просто все дальше и дальше, по самые уши, лезли в тысячные долги.

Эдриен. Но чем же вы расплачивались?

Элестер. Чеками, разумеется. Ведь я же сказал — у нас была чековая книжка.

Эдриен. Но как только ваша сотня иссякла, чеки оказались недействительными.

Элестер. Да, но мы их все разменяли. Адская была работа!

Эдриен. Ничего не понимаю. Как можно разменять дутые чеки?

Сэгемор. Все это очень просто. Вы расплачиваетесь за что-нибудь чеком, после того как банк уже закрылся, а еще лучше в субботу или в канун праздника. Предположим, чек выдан вами на сто фунтов, а в банке у вас ни гроша. Тогда вам приходится упросить кого-то из приятелей или управляющего отелем разменять вам новый чек на сто фунтов. Этого достаточно для уплаты по первому чеку, но это же обязывает вас, если вас не устраивают полтора года каторги, упросить еще одного приятеля или управляющего отелем разменять вам третий чек — теперь уже на двести фунтов. И так, оперируя этими дутыми чеками, вы просаживаете уже не сотни, а тысячи и

рискуете уже не годом тюрьмы, а пятью, десятью и даже пятнадцатью.

Элестер. Если вы воображаете, что это легкая работа, попробуйте сами и убедитесь! Мне часто снятся те дни — и это мои самые страшные кошмары! Господи! Ведь ни я, ни мой компаньон до самой премьеры ни разу не были ни в театре, ни на репетициях: мы все время подписывали чеки и разменивали их. Конечно, постепенно нам становилось легче: платили мы исправно, а значит, и кредит находить стало проще. Но самые большие расходы пошли лишь тогда, когда состоялась премьера и в кассу потекли деньги. Я бы уложился в полцены, но американец считал своим долгом платить за все вдвое и раздавать людям паи за одну лишь болтовню — он уверял, что без этого он охладет к делу. Впрочем, все это потеряло всякое значение, как только начали поступать деньги. Боже, как они на нас сыпались! Героиня со злыми глазами свела весь город с ума. Мы гребли деньги корзинами. Они, как вино, ударили мне в голову. Они ударили в голову американцу. Они ударили в голову американским друзьям американца. Они купили у нас все права — на экранизацию, на перевод, на гастроли и множество других, о существовании которых я даже не подозревал. А потом они принялись перепродавать их друг другу, покуда каждый толстосум в Лондоне, Нью-Йорке и Голливуде не приобрел в них долю. В конце концов мой американец выкупил все эти права обратно за полмиллиона долларов и продал их какому-то американскому синдикату за миллион. Чтобы повернуть это дельце, понадобилось еще поддюжины американцев, каждому из которых пришлось дать долю. Мне же нужно было всего пятьдесят тысяч фунтов. Поэтому я вышел из игры, победоносно вернулся к Эппи и потребовал ее руки. Она решила, что я великий человек. Я им и был: деньги сделали меня великим. Скажу честно: я был пьян ими, я стал совсем другим человеком. Хотите верьте, хотите нет, но я даже ростом стал выше.

Эпифания. Все это истинная правда. Несчастный не привык к деньгам, и они переродили его. А я, наивная бедняжка, даже не подозревала, что деньги способны творить такие чудеса. Ведь я с колыбели уже владела миллионами и обращала на них столько же внимания, сколько на воздух, которым дышу.

Сэгемор. Тем не менее десять минут назад, когда я предложил развод, вы спросили, на что ваш муж будет жить. Что стало с этими пятьюдесятью тысячами?

Эпифания. Он спустил их в три недели. Он купил на них цирк. Он воображал, что все, к чему он ни прикоснется, превратится в золото. Через месяц мне пришлось продавать его цирк с торгов. Он уже готов был выпустить хищников на волю и сбежать, но я успела вмешаться. Это обошлось мне в четыреста тридцать фунтов шестнадцать шиллингов семь пенсов.

Элестер. А чем я виноват? Слон заболел инфлюэнцей. Министерство здравоохранения запретило представления и не разрешало мне переехать в другой город, потому что животные могли стать переносчиками ящура.

Эпифания. Как бы то ни было, его пятьдесят тысяч принесли не прибыль, а четыреста тридцать фунтов убытка. Я ждала доходов, достойных принца и героя, а мне пришлось содержать червяка. И теперь он вдобавок имеет наглость требовать развода.

Элестер. Я ничего не требовал. Развод предложил Сэгемор. Разве я могу позволить тебе развестись со мной? Пока я твой муж, у меня солидное положение в обществе и торговцы предоставляют мне неограниченный кредит.

Эпифания. В том числе на дамские чулки.

Патриция. О! *(Плачет.)* Значит, это она платит за них, Элестер?

Элестер. Не беда, дорогая! Я доказал, что умею делать деньги, когда нужно. Я опять сделаю их и на собственные деньги куплю тебе столько чулок, сколько потребуются. *(Встает и становится за креслом Патриции, сжав ее голову руками.)* Ну-ну, дорогая, не плачь.

Эпифания. Ого! Они полагают, что уже поженились.

Сэгемор. Вопрос о разводе решать не вам, мистер Фицфесенден. Миссис Фицфесенден может развестись с вами, невзирая на ваше согласие или несогласие: ваша жена может доказать, что недавно вы покинули ее и нашли себе прибежище в объятиях мисс Смит. Суд, несомненно, выскажется в пользу миссис Фицфесенден.

Патриция *(успокоившись и собравшись с духом)*. Ну и пусть. Я сумею содержать Элестера, пока он снова не разбогатеет. Вы все считаете его дураком, а он милый и славный. Мне просто противно смотреть, как вы все на него набрасываетесь, а жена обращается с ним так, словно он грязь под ее ногами. Интересно, чем бы стала она сама, не будь у нее денег?

Эпифания. Без денег любой из нас ничто, мисс Бесчулочек. Этому научил меня мой дорогой старик отец. «Держись за деньги,— говорил он,— остальное приложится». Он утверждал, что так сказано в Библии. Я не проверяла, верна ли эта цитата, но никогда не забывала ее. Я держалась за свои деньги и впредь намерена держаться за них. Как я ни богата, я не могу простить Элестеру причиненный мне убыток в четыреста тридцать фунтов.

Элестер. Шестнадцать шиллингов семь пенсов. Жадная тварь! Но я их тебе верну.

Патриция. Конечно вернешь, милый. Я продам свой страховой полис и дам тебе деньги.

Эпифания. И вы готовы подтвердить это письменно, мисс Смит?

Элестер. Да постыдись хоть самой себя, свинья ненасытная! Ты сама во всем виновата. Кто заставлял тебя продавать слона за тридцать фунтов? Он же стоил двести.

Сэгемор. Не будем уклоняться в сторону.

Эпифания. В сторону от чего?

Сэгемор. От того, что вы можете, если захотите, получить развод.

Эпифания. Нет, я не хочу. Вы думаете, я позволю трепать свое имя по судам и печатать в газетах свой портрет рядом с портретом этой твари? Позволю, чтобы каждая паршивая лондонская газетка перепевала историю о том, как я потеряла голову и влюбилась? Кроме того, замужем быть удобно. Это выглядит почтенно. Это отпугивает мужчин. Это обеспечивает мне свободу, которой у меня не было бы, будь я одинока. Я привыкла иметь мужа. Нет, я решительно не намерена разводиться с Элестером. Во всяком случае, не разведусь до тех пор, пока не найду ему такую замену, какая мне нужна.

Патриция. Вы все равно не можете с ним развестись без его согласия. Элестер слишком джентльмен, чтобы напоминать вам об этом. Но вы отлично знаете, что ваше собственное поведение не таково, чтобы суд и огласка пошли бы вам на пользу.

Эпифания. Элестер был первый мужчина, которого я полюбила; надеюсь, он будет не последним. Юридических же трудностей для людей с деньгами не существует. Впрочем, все это не имеет значения. Поскольку Элестер не может позволить себе развестись со мной, а я не на-

мерена разводиться с ним, вопрос о разводе не стоит. Который час?

Элестер. Честное слово, Эппи, ты могла бы купить себе ручные часики. Сколько раз тебе повторять это?

Эпифания. Зачем мне тратиться на часы, когда они есть у каждого и я всегда могу спросить, который час. Я не ношу часов с тех пор, как потеряла ключик от старых часов отца.

Патриция. Сейчас десять минут первого.

Эпифания. Боже мой! Я опоздала на урок. Какая досада!

Элестер. Урок? Чему ты теперь обучаешься, смею спросить?

Эпифания. Японской борьбе. Когда ты в следующий раз решишь позабавиться любимым спортом — битьем жены, остерегайся сюрприза. Зачем я приходила к вам, мистер Сэгемор?

Сэгемор. Вы собирались дать мне инструкции по составлению завещания.

Элестер. Она составляет новое завещание всякий раз, как выйдет из себя. Для вас, Сэгемор, выгодное дельце.

Эпифания. Замолчи, Элестер. Ты забываешь, что положение моего супруга обязывает тебя держаться с достоинством. Мистер Сэгемор, я переменяла намерение относительно завещания и готова забыть о вашей попытке отравить меня,

Сэгемор. Благодарю вас.

Эпифания. Сколько я обязана вам за эту бесплодную консультацию?

Сэгемор. Тридцать шиллингов четыре пенса, с вашего позволения.

Эпифания. Я никогда не ношу с собой денег. Эдриен, не одолжите ли мне тридцать шиллингов четыре пенса?

Эдриен сует руку в карман.

Нет, погодите. Мистер Сэгемор, будьте лучше нашим семейным поверенным в делах и пришлите счет в конце года.

Элестер. Не забудьте приложить к счету судебную повестку, Сэгемор, иначе плакали ваши денежки.

Эпифания. Попридержи язык, Элестер. Разумеется, я всегда жду судебной повестки: эта простая мера

предосторожности избавляет от опасности дважды уплатить по одному и тому же счету.

Сэгемор. Согласен, миссис Фицфесенден. Превосходное правило!

Эпифания. Вы здравомыслящий человек, мистер Сэгемор. А теперь мне пора на воздух: из-за всей этой семейной оргии здесь страшная духота. Идемте, Эдриен. Свезите меня куда-нибудь за город позавтракать. Я знаю одно прелестное местечко у реки. До свидания, мистер Сэгемор. До свидания, мисс Бесчулочек. Позаботьтесь об Элестере вместо меня. Его красивая внешность еще доставит вам немало приятных ощущений — от нее у вас мурашки по спине побегут. *(Уходит.)*

Сэгемор *(Эдриену, который направляется вслед за Эпифанией)*. Кстати, мистер Блендербленд, что за дело привело вас сюда?

Эдриен. Оно совершенно вылетело у меня из головы. Сегодня я ни на что больше не годен. *(Выходит, никому не кланяясь.)*

Сэгемор *(Элестеру)*. Ваша жена поразительная женщина.

Элестер сокрушенно вздыхает.

Патриция. Бедняжка! Он даже слов для нее не находит!

Сэгемор. А теперь, мистер Фицфесенден, могу я узнать, о чем хотели посоветоваться со мной вы?

Элестер. Не знаю. Стоит мне побыть десять минут с Эппи, и я уже не понимаю, стою я на ногах или на голове.

Патриция. Возьми же себя в руки, милый. Ты пришел посоветоваться насчет ухода от жены.

Элестер. Уход от жены! Это все равно что пытаться ударить от урагана. *(Впадает в нравоучительный тон.)* Послушайте, Сэгемор. Я один из тех несчастных... Вы, наверно, знаете кучу таких людей? Ручаюсь, немало их сидело в этом кресле и говорило с вами так же, как я сейчас...

Сэгемор *(не дождавшись конца фразы)*. Да? Так вы говорите...

Патриция. Не отвлекайся, Элли. Расскажи мистеру Сэгемору, каких людей ты имел в виду.

Элестер. Я имел в виду людей, откусивших больше, чем они могут проглотить: обыкновенных мужчин, же-

нившихся на необыкновенных женщинах, и обыкновенных женщин, вышедших за необыкновенных мужчин. Все они тоже считали, что им здорово повезло. Вот вам мой совет, мистер Сэгемор: ищите себе жену в своем кругу. Не поймите меня превратно — я говорю не о положении и деньгах. Я говорю о... о...

Патриция (*приходя ему на выручку*). Он говорит, что люди, вступающие в брак, должны одинаково смотреть на вещи и отличаться одинаковыми вкусами. Ни один не должен быть выше другого. Вы меня понимаете?

Сэгемор. Отлично понимаю. Могу я считать, что Элестер совершил подобную ошибку и лишь позднее (к сожалению, слишком поздно) нашел в вас — как бы это сказать? — родственную душу?

Элестер. Нет, это звучит как-то глупо. Я бы сказал — слишком литературно.

Патриция. Я бы выразилась иначе — единомышленницу.

Сэгемор. Вот именно. Благодарю вас. Единомышленницу, с которой ему легко и удобно.

Элестер (*горячо пожимая руку Сэгемору*). Спасибо, Сэгемор! Вы настоящий друг. Вы все поняли. Подумайте за нас о нашем деле. Идем, дорогая Полли,— мы не вправе отнимать время у занятого человека.

Выходит, оставив Патрицию наедине с Сэгемором. Она встает и подходит к столу.

Патриция. Вы поможете нам, мистер Сэгемор, правда? Вы спасете Элли от этой ужасной женщины? Спасете его для меня?

Сэгемор. Боюсь, что мне не справиться с нею, мисс Смит. И, что еще хуже, боюсь, что она справится со мной. Дело не только в том, что я не могу позволить себе ссориться с такой богатой клиенткой. Ее воля парализует мою — это редкий дар, но он встречается.

Патриция. Не бойтесь ее, мистер Сэгемор. У нее только один дар — делать деньги. Это у них фамильное. Деньги сами идут к ней. Но у меня тоже есть свой, хоть и небольшой, талант, и меня она не парализует.

Сэгемор. И что же это за талант, мисс Смит, смею спросить?

Патриция. Талант делать человека счастливым. К ней идут деньги, ко мне идут несчастные.

Сэгемор (*качая головой*). Не думаю, что воля у вас сильнее, чем у нее, мисс Смит.

Патриция. Я этого и не говорю, мистер Сэгемор. У меня вообще нет никакой воли. И все-таки я всегда добиваюсь чего хочу. Вы еще в этом убедитесь.

Элестер (*кричит за дверью*). Идем, Полли!

Патриция. Иду, дорогой. (*Сэгемору.*) До свидания, мистер Сэгемор.

Быстрый обмен рукопожатиями.

(*Спешит к двери.*) Вы еще убедитесь.

Сэгемор (*самому себе*). Поживем — увидим. (*Берется за прерванную работу.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Унылая кофейня в старинной гостинице на берегу реки. У задней стены огромный уродливый грязный полубуфет красного дерева. Над ним, наподобие картин, висят две почти совсем почерневшие от времени вывески: на одной изображен герб местного лендлорда, на другой — свинья, которая стоит на задних ногах и играет на флажолете. Под изображением свиньи подпись: «Свинья и дудка». Между обоими этими произведениями искусства, на полубуфете, висится стеклянная витрина с чучелом колоссальной рыбы не менее чем вековой давности.

Под прямым углом к полубуфету, почти через все помещение, тянутся два длинных стола, каждый из которых накрыт человек на двенадцать. Слишком тесно сдвинутые стулья из некрашеного дерева жестки и неудобны. Ножи и вилки дешевые, кухонные; между ними для приличия вкраплены рахитичные серебряные уксусницы и солонки. Грубые холщовые скатерти не отличаются свежестью. Стены оклеены безобразными викторианскими обоями. Вероятно, некогда это были блекло-лиловые гирлянды на темно-желтом фоне, но теперь рисунок, стертый от времени и загаженный мушинными следами, слился с фоном в пятна неопределенно грязного цвета, которые производят самое удручающее впечатление. Ковра на полу нет. Справа от полубуфета, если смотреть на него из зрительного зала, широко распахнутая дверь, над которой красуется надпись: «Кофейня». Подле двери, у стены, старомодная вешалка, где висят шляпа и легкое пальто мистера Эдриена Блендербленда.

Сам он сидит с Эпифанией на дальнем от двери конце стола. Они только что покончили с едой. На столе еще стоят сыр и бисквиты. Вид у Эпифании оживленный и счастливый, Эдриен пребывает в отвратительном настроении.

Эпифания. Как мило!

Эдриен (*пренебрежительно оглядывая помещение*). Я, должно быть, очень привлекательный мужчина.

Эпифания (*широко раскрыв глаза*). Серьезно? Нет, я, разумеется, не спорю, но какое это имеет отношение к тому, что я сейчас сказала?

Эдриен. Вы сказали: «Как мило!» — и я взглянул на этот грязный старый трактир, который пытаются выдать за старинную гостиницу. Мы только что съели отвратительный завтрак — томатную бурду под громким названием суп, остатки воскресного окорока, брюссельскую капусту, картофель и засохший консервированный сыр из Америки. Если вы способны вытерпеть такое да еще восклицать при этом: «Как мило!» — значит, здесь есть нечто неотразимо привлекательное для вас. А тут все, за исключением меня, может только отталкивать.

Эпифания. Неужели вам не нравятся такие милые старомодные места? Я их очень люблю.

Эдриен. А я — нет. Всю эту рухлядь надо искоренить, смести с лица земли, сжечь дотла. Одна обстановка вашей квартиры на набережной в Лондоне стоит дороже, чем весь этот дом от погреба до чердака. У себя вам достаточно снять телефонную трубку, и вы получите вполне приличный, прекрасно сервированный завтрак. Ваш роскошный автомобиль мгновенно доставит вас в любой первоклассный отель, расположенный в живописной местности. А вы предпочитаете этот мерзкий трактир да еще говорите: «Как мило!» Стоит ли для этого быть миллионершей?

Эпифания. Чушь! Когда-то я, впервые получив неограниченные деньги, окунулась в светскую жизнь. И как вы думаете, сколько мне потребовалось времени, чтобы устать от беготни по магазинам и почувствовать тошноту от всей той роскоши, которая вам так по душе? Меньше двух недель. Мой отец, имея сто миллионов, всегда ездил в третьем классе и не тратил на себя больше десяти шиллингов в день, кроме тех случаев, когда он принимал нужных людей. Зачем ему было тратить лишнее? Ел и пил он столько же, сколько любой другой, одежды носил тоже не больше. Я поступаю, как он.

Эдриен. Тогда почему же вы любите деньги и терпеть не можете их тратить?

Эпифания. Потому что деньги — это сила. Деньги — это уверенность. Деньги — это свобода. Одно дело жить на вулкане, другое — наслаждаться покоем в садах Гесперид*.

Кроме того, деньги приносят постоянную радость оттого, что ты умножаешь их, а это нетрудно, когда у тебя есть с чего начинать. Превратить один миллион в два мне легче, чем какой-нибудь бедной женщине сделать десять фунтов из пяти, даже если она сумеет раздобыть эти первые пять. Деньги, по существу говоря, оборачиваются сами собой.

Эдриен. Для меня деньги — вульгарная проза, растлевающая душу забота. Конечно, они мне нужны, но я их не люблю. Когда это возможно, я о них совсем не думаю.

Эпифания. О чем же вы думаете, если не о деньгах? О женщинах?

Эдриен. Да, но не только о них.

Эпифания. О еде?

Эдриен. Тоже не всегда, хотя я в ней довольно привередлив. Сознаюсь, что ожидал не такого завтрака. *(Указывает на стол.)*

Эпифания. А, так вот отчего у вас плохое настроение! Верно?

Эдриен *(раздраженно)*. Вовсе нет. Но вы обещали мне изысканное развлечение. Вы сказали, что нашли прелестное местечко на берегу реки, где мы сможем побыть вдвоем и съесть восхитительный деревенский завтрак на лоне природы. Уж не эту ли грязную дыру вы называете прелестной? Приходилось ли вам хоть раз в жизни завтракать отвратительнее, чем сегодня? Здесь нет даже отдельного кабинета, и сюда в любую минуту может войти кто угодно. В Ричмонде или Мейденхеде нам было бы куда лучше. К тому же, по-моему, пошел дождь.

Эпифания. Это тоже моя вина?

Эдриен. Это дополняет ваше представление о дне, приятно проведенном за городом. Почему у людей, умеющих наслаждаться жизнью, никогда не бывает денег, а люди, у которых они есть, не умеют пользоваться ими?

Эпифания. Вы не слишком любезны, Эдриен.

Эдриен. А вы не слишком щедрая хозяйка, Эпифания. Умоляю, сядем в машину и прокатимся куда-нибудь. Ваш автомобиль куда роскошнее этой грязной кофейни. К тому же в нем легче найти уединение.

Эпифания. Мне надоела моя машина.

Эдриен. А мне нет. Я бы не прочь иметь такую.

Эпифания. Я думала, вам будет приятно посидеть и поболтать со мной в этом обветшалом уединенном рес-

торанчике. Но теперь я вижу, что вы капризный старый холостяк. Вы думаете только о еде и своих мелких удобствах. Вы еще хуже, чем Элестер: с тем, по крайней мере, можно поговорить о боксе и теннисе.

Эдриен. А с вами только о деньгах.

Эпифания. Неужели вам это не интересно? Ах, если бы вы знали моего отца!

Эдриен. Очень рад, что не знал.

Эпифания (*сразу становясь опасной*). Что вы сказали?

Эдриен. Милая Эпифания, раз мы друзья, я имею право быть откровенным. То, что вы рассказали мне о своем отце, убеждает меня в одном: несмотря на всю его родительскую нежность и заботливость, которые извиняют чрезвычайно развитый в вас, но страшно утомительный эдипов комплекс, как выразился бы доктор Фрейд, он, по-видимому, был невыносимо нудным человеком, способным обезлюдить даже Ротари-клуб*.

Эпифания. Мой отец? Вы смеете так отзываться о моем отце, вы, беспредельное ничтожество? Мой отец сделал сто пятьдесят миллионов, а вы за всю жизнь не сделали и полумиллиона.

Эдриен. Милое дитя, ваш отец не сделал ровно ничего. Я не имею ни малейшего представления о том, как он ухитрился на законном основании присвоить себе то, что сделали другие; но я знаю, что он потерял четыре пятых присвоенного, так как, бесконечно отстав от жизни, принялся скупать земли русских помещиков-эмигрантов в надежде, что Англия за три недели или около того покончит с советской революцией. Можно ли впасть в более идиотскую ошибку? Такую не совершу даже я, хоть вы и считаете меня дураком. Одним словом, Эпифания, мир ровно ничего не потерял бы, если бы ваш отец вовсе не родился. Вы ведь и сами понимаете это, правда?

Эпифания (*вскакивая и становясь в позу боксера*). Вот теперь я вышла из себя. Поднимайся, трус! Встань в позицию! Закройся руками!

Эдриен (*растерянно поднимаясь, но еще не осознав до конца опасность*). Ей-богу, Эпифания, вы зря выходите из себя.

Эпифания (*наносит ему прямой в челюсть слева*). Это тебе за то, что мой отец нудный человек. А вот за то, что он ничего не сделал. (*Делает яростный выпад правой.*)

Эдриен (*корчась на полу*). На помощь! Полиция! Убивают! (*Подняться он не в состоянии, поэтому, задыхаясь, катится и ползет к двери.*)

Эпифания (*пинком выбрасывая его за дверь*). Дрянь! Невежа! (*Срывает с вешалки его шляпу и пальто и швыряет ему вслеп.*)

Слышен грохот катящегося с лестницы тела.

Эдриен (*жалобно*). Помогите! Помогите!

Эпифания. Негодяй! Ты убил меня! (*Шатаясь, бредет к ближайшему стулу, опускается на него и падает грудью на стол, конвульсивно сжимая и вытягивая вперед руки. Посуда летит на пол.*)

Вбегает представительный египетский джентльмен средних лет в поношенном черном костюме и феске. По-английски он говорит слишком правильно, чтобы его можно было принять за англичанина.

Египтянин (*властно*). Что случилось? Что здесь происходит?

Эпифания (*медленно погняв голову и уставившись на него*). Кто вы такой, черт вас побери?

Египтянин. Я врач из Египта. Я услышал страшный шум. Я поспешил сюда, чтобы выяснить, в чем дело. И застал вас в конвульсиях. Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Эпифания. Умираю.

Врач. Глупости! Вы же еще в состоянии ругаться. Припадок прошел. Теперь сядьте — вот так. Вы совершенно здоровы. До свидания!

Эпифания. Стойте! Мне дурно. Я при смерти. Мне нужен врач. Не беспокойтесь, я богата.

Врач. В таком случае вы без труда найдете себе английского врача. Есть тут еще кто-нибудь, кому нужна моя помощь? Я был наверху. Я слышал, как кто-то упал с лестницы. У пострадавшего возможен перелом. (*Торопливо уходит.*)

Эпифания (*встает и кричит ему вслеп*). Бросьте его! Даже если у него переломаны все кости, так ему и надо. Сейчас же вернитесь — вы мне нужны. Вернитесь! Вернитесь!

Врач (*возвращается*). Хозяин повез джентльмена в местную больницу на вашей машине.

Эпифания. На моей? Не разрешаю. Пусть вызывает «скорую помощь».

Врач. Машина уже ушла. Вам следовало бы радоваться, что вы смогли помочь человеку.

Эпифания. Ваше дело лечить меня, а не читать мне нотации.

Врач. Я не ваш домашний врач — я не занимаюсь частной практикой. Я содержу клинику для неимущих эмигрантов-магометан, а также служу в больнице. Я не могу взять на себя ваше лечение.

Эпифания. Нет, можете. Должны. Или вы намерены оставить меня здесь умирать?

Врач. Вы не умираете. Во всяком случае, пока что. Обратитесь к своему домашнему врачу.

Эпифания. Моим врачом будете вы. Повторяю — я богатая женщина. Расходы на врача для меня ничего не составляют — вы получите любой гонорар. Но вы обязаны заняться мною и займетесь. Вы отвратительный грубиян, но как врач внушаете доверие.

Врач. Если я начну лечить каждого, кому внушаю доверие, меня не хватит и на неделю. А я должен беречь себя для людей бедных и полезных.

Эпифания. Значит, вы или дурак, или большевик.

Врач. Я всего лишь слуга Аллаха.

Эпифания. Ничего подобного. Вы мой врач. Понятно? Я больная, и вы не имеете права бросить меня при смерти в этой паршивой дыре.

Врач. Я не усматриваю у вас никаких болезненных симптомов. Вам больно?

Эпифания. Да. Ужасно!

Врач. Где?

Эпифания. Не допрашивайте меня с таким видом, словно не верите мне. Я покалечила себе все суставы на руке о подбородок этого мерзавца.

Врач. На какой руке?

Эпифания (*протягивая ему левую руку*). На этой, разумеется.

Врач (*берет ее руку, деловито вытягивает и поворачивает пальцы и кисть*). Рука в полном порядке.

Эпифания. Откуда вы знаете? Это моя рука, а не ваша.

Врач. Вы вопили бы на весь дом, будь у вас вывихнута рука. Вы притворяетесь, вы лжете. Зачем? Чтобы казаться интересной?

Эпифания. Казаться? Запомните: я и так интересная.

Врач. С медицинской точки зрения — нисколько. А чем интересны вы с других точек зрения?

Эпифания. Я — самая интересная женщина Англии. Я — Эпифания Онъисанти ди Парерга.

Врач. Первый раз слышу. Вы, вероятно, итальянская аристократка?

Эпифания. Аристократка? Уж не за дуру ли вы меня принимаете? Мои предки еще пятьсот лет назад ссужали деньги всей Европе. А сейчас мы банкиры всего мира.

Врач. Значит, вы еврейка?

Эпифания. Я христианка до последней капли крови. Евреи бросают чуть ли не половину своих денег на благотворительность и разные фантастические затеи вроде сионизма. Там, где дело доходит до денег, самый глупый из ди Парерга обведет вокруг пальца умнейшего еврея. Мы — единственная подлинная аристократия в мире. Денежная аристократия.

Врач. Вернее, плутократия.

Эпифания. Пусть так. А я — плутократка из плутократов.

Врач. Так вот, это болезнь, от которой я не лечу. Единственное известное мне лекарство от нее — революция. Но его применение сопряжено с высокой смертностью; кроме того, когда революция получается не такая, какая нужна, она только усугубляет недуг. Я ничем не могу вам помочь. Мне пора на работу. До свидания.

Эпифания (*удерживая его*). Но это и есть ваша работа. Что вам еще делать, как не лечить меня?

Врач. В жизни хватает дела и кроме лечения мнимобольных богачей.

Эпифания. Но если вам за это хорошо платят?..

Врач. Те небольшие деньги, которые мне нужны, я зарабатываю трудом, который считаю более важным.

Эпифания (*отталкивает его и разгряженно расхаживает взад и вперед*). Вы свинья, скотина и большевик. Бросая меня здесь в минуту несчастья, вы поступаете отвратительно. Моя машина ушла. Денег у меня нет — я никогда не ношу их с собой.

Врач. А мне вот и носить с собой нечего. Машина ваша сейчас вернется, и вы сможете одолжить деньги у своего шофера.

Эпифания. Вы форменный бегемот. Вы башибузук. Я должна была догадаться об этом раньше по вашей смехотворной феске. Снимите ее — вы находитесь в моем

присутствии. *(Срывает с врача феску и прячет ее за спину.)* Наберитесь вежливости и побудьте со мной хотя бы до возвращения моего шофера.

За сценой гудок автомобиля.

Врач. Он уже вернулся.

Эпифания. Ах, черт! Неужели вы не можете подождать, пока он выпьет чаю и выкурит сигарету?

Врач. Нет, не могу. Потрудитесь вернуть мне феску.

Эпифания. Я только хотела посмотреть, как вы без нее выглядите. *(Деликатно водружает феску ему на голову.)* Послушайте. Ведь это же приключение. Неужели вы совсем чужды романтики? Просто любопытства, наконец. Разве вам не интересно узнать, за что я спустила этого скота с лестницы? Неужели вам не хочется хоть раз в жизни послать ко всем чертям свою жалкую работу и провести денек за городом с привлекательной женщиной?

Врач. Женщины, за исключением больных, не интересуют и не привлекают меня: я слишком много знаю о них — как снаружи, так и изнутри. Вы же совершенно здоровы.

Эпифания. Лгун! Совершенно здорового человека не было, нет и не будет. *(С надутым видом садится.)*

Врач. Верно. Вы неглупы — в некотором смысле. *(Садится напротив нее.)* Помнится, еще молодым, в начале своей карьеры, я убил нескольких больных: меня учили, что я должен резать до тех пор, пока не останутся только совершенно здоровые ткани. А так как подобных тканей не существует, я искромсал бы больных в куски, если бы меня не остановила сестра. Поэтому они умерли не на операционном столе, а позже, по выходе из больницы. Но раз их унесли со стола живыми, я был вправе утверждать, что операция удалась. Вы замужем?

Эпифания. Да. Но вам нечего опасаться — муж открыто изменяет мне и не сможет подать на вас в суд, если вы начнете ухаживать за мной. Если понадобится, я просто с ним разведусь.

Врач. А кого вы спустили с лестницы? Кто он такой? Он ухаживал за вами?

Эпифания. Нет. Он оскорбил память моего отца, потому что здешний завтрак разочаровал его. А когда я думаю об отце, обыкновенные люди кажутся мне просто мусором. Вы — необыкновенный человек. Я хотела бы продолжить наше знакомство. Теперь, когда вы задали

такие интимные вопросы о моей семейной жизни, а я ответила на них, вы не можете не считать себя моим домашним врачом. Словом, все решено.

В р а ч . Вы, кажется, упомянули об эдиповом комплексе?*

Эпифания кивает.

И об избытке денег?

Э п и ф а н и я . Избыток? У меня всего-навсего жалких тридцать миллионов.

В р а ч . Психологически любопытный случай! Я уделю ему внимание.

Э п и ф а н и я . Уделите внимание? Вы должны были сказать: благодарю за честь, польщен, восхищен!

В р а ч . Все ясно. Безграничная самоуверенность, безрассудная наглость, патологическая самовлюбленность, сексуальная холодность.

Э п и ф а н и я . Холодность! С чего это вы взяли, что я холодна?

В р а ч . Вы разговариваете со мной, как мужчина. В мужчинах для вас нет ничего загадочного, особого, святого. Мужчина для вас всего лишь разновидность той же породы, что и вы.

Э п и ф а н и я . Вот вздор! Мужчина — существо совершенно другой и гораздо более низшей породы, в этом вы убедитесь после пятиминутного разговора с моим мужем. Но, конечно, на свете есть и другие мужчины: великие люди, как мой отец; хорошие врачи, как вы.

В р а ч . Благодарю вас. А что говорит о вас ваш постоянный врач?

Э п и ф а н и я . У меня нет постоянного врача. Обзаведись я им, он оперировал бы меня каждую неделю, пока от меня и моего счета в банке ничего бы не осталось. Не бойтесь: я не потребую, чтобы вы терзали меня стетоскопом. Легкие у меня, как у кита, желудок луженый. Внутри у меня все работает, как часовой механизм. Я сплю по восемь часов в сутки, и сон у меня мертвецкий. Когда я чего-нибудь хочу, я настолько теряю голову, что непременно добиваюсь желаемого.

В р а ч . И чего же вы хотите особенно часто?

Э п и ф а н и я . Всего чего угодно. Желания возникают у меня мгновенно, как вспышка молнии, и тут уж меня не остановишь.

В р а ч . Желать всего значит не желать ничего.

Эпифания. Пять минут назад я пожелала вас. Теперь я вас получила.

Врач. Оставьте! Не пытайтесь обмануть врача. Ведь если вы пожелаете достать с неба солнце, луну или звезды, вам их все равно не получить.

Эпифания. Именно поэтому я всячески стараюсь не желать их. Я желаю только того, что могу получить.

Врач. Отлично. У вас практический ум. А чего, например, вы хотите сейчас?

Эпифания. В том-то и горе, черт возьми! Мне нечего желать, кроме новых денег.

Врач. А как насчет новых мужчин?

Эпифания. Еще одного Элестера? Или Блендербленда? Это мелкие желания. Сейчас мне хочется иметь катер.

Врач. В этой глухой деревушке его не купить.

Эпифания. Скажите хозяину, пусть остановит и купит первый же, который будет проходить мимо.

Врач. Чепуха! Люди не расстаются так вдруг со своими катерами.

Эпифания. А вы пробовали купить?

Врач. Нет.

Эпифания. Я пробовала. Когда мне нужен автомобиль, моторка или катер, я покупаю их прямо на шоссе, на реке или в порту. Когда покупаешь их новыми, они стоят тысячи; но купите их, и через день за них не выручишь даже полсотни фунтов. Предложите за любую такую штуку триста, и владелец не рискнет отказать: он знает, что подобное предложение не повторится.

Врач. Ага! Вы психолог. Очень интересно.

Эпифания. Ерунда! Я просто умею покупать и продавать, если вы это имели в виду.

Врач. Вот так хорошие психологи и делают деньги.

Эпифания. А вы их сделали?

Врач. Меня интересуют не деньги, а наука.

Эпифания. Без денег она бесполезна. Вы женаты?

Врач. Моя жена — наука, и мне хватает ее, хотя моя религия разрешает мне иметь четыре жены.

Эпифания. Четыре? Что вы хотите этим сказать?

Врач. Я так называемый магометанин.

Эпифания. Ну так вот, если вы женитесь на мне, вам придется довольствоваться двумя.

Врач. Ого! Разве между нами уже встал вопрос о браке?

Эпифания. Да. Я хочу выйти за вас.

Врач. Ничего не выйдет, сударыня. Моя жена — наука.

Эпифания. Она останется при вас — к ней я ревновать не буду. Но я торжественно поклялась отцу, когда он был на смертном ложе...

Врач (*перебивая*). Погодите. Мне лучше сказать вам сразу, что я тоже дал торжественную клятву матери на ее смертном ложе.

Эпифания. Что?..

Врач. Моя мать была мудрая женщина. Она взяла с меня клятву, что, если женщина захочет выйти за меня, а я почувствую искушение жениться на ней, я вручу ей двести пиастров и предупрежу, что она должна, имея при себе только то, что на ней надето, и эти деньги, просуществовать своим трудом, без посторонней помощи, в течение полугода. В противном случае я никогда не увижусь с ней.

Эпифания. А если она выдержит испытание?

Врач. Тогда я обязан жениться на ней, даже если это самая уродливая образина на свете.

Эпифания. И вы смеете подвергать меня, Эпифанию Онъисанти ди Парерга, такому испытанию? Да и вообще какому бы то ни было испытанию?

Врач. Я дал клятву. У меня тоже эдипов комплекс — так судил Аллах, и я ничего не могу поделать.

Эпифания. Кто была ваша мать?

Врач. Прачка и вдова. Она вырастила одиннадцать человек детей. Я был самым младшим и ее любимцем. Остальные десять — простые честные труженики. С их помощью она сделала из меня ученого. Ее заветной мечтой было иметь сына, который умел бы читать и писать. Она молилась Аллаху, и он наделил меня соответствующими талантами.

Эпифания. И вы думаете, я спасую перед какой-то прачкой.

Врач. Боюсь, что да. Вам не выдержать испытания.

Эпифания. В самом деле? А как насчет испытания, которое мой отец избрал для мужа, достойного меня?

Врач. Ого! Значит, муж тоже должен подвергнуться испытанию? Мне это не приходило в голову.

Эпифания. Вашей матушке, видимо, тоже, поэтому лучше предупредить вас сразу. Я должна вручить вам полтора фунта, из которых вам предстоит за полгода сделать пятьдесят тысяч. Что вы скажете о таком испытании?

Врач. Вполне определенно отвечу, что к исходу шести месяцев у меня, слава Аллаху, не останется ни пенни.

Эпифания. Значит, признаете себя побежденным?

Врач. Целиком и полностью.

Эпифания. И вы думаете, я тоже потерплю поражение?

Врач. Несомненно. Вы не знаете, что такое жизнь бездомной нищей, и милосердный Аллах позаботится, чтобы никогда не узнали.

Эпифания. Двести пиастров — сколько это на наши деньги?

Врач. По курсу в день смерти моей матери примерно тридцать пять шиллингов.

Эпифания. Давайте их сюда.

Врач. К сожалению, моя мать забыла дать мне эту сумму. А у меня нет тридцати пяти шиллингов. Мне придется занять их у вас.

Эпифания. У меня с собой ни гроша. Впрочем, неважно — одолжу у шофера. Вам он под мое ручательство тоже одолжит полтора фунтов, если вы, конечно, осмелитесь попросить об этом. До свидания — через полгода. *(Уходит.)*

Врач. О Аллах, все в твоих руках и воле! Но неужели это еще одна из твоих страшных шуток, о великий и преславный?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Полуподвальное помещение на Комершел-роуд. За столом сидит молодой мужчина с беспокойным выражением лица, бедно одетый и похожий на крысу. Слева, рядом с ним, его жена. Он углублен в счетные книги, она пришивает пуговицы к куртке, причем работает очень быстро. На столе, справа от нее, гора курток, ожидающих той же операции; слева — куртки, уже подвергшиеся ей. Стол до самого пола покрыт старой скатертью. С каменной лестницы, ведущей в полуподвал, скупо падает дневной свет, который не доходит, однако, до угла, где сидит супружеская пара; поэтому над столом с потолка свешивается на шнуре маленькая электрическая лампочка. Между лестницей и столом — старая, грязная, залатанная занавеска, прикрывающая вход в соседнее помещение. Звонок. Женщина мгновенно бросает шитье и прячет кипы курток под стол. По лестнице спускается Эпифания: на ней старенький плащ, прикрывающий ее платье, и шляпа, умышленно приведенная в негодность. Она окидывает взглядом хозяев, затем осматривается, подходит к занавеске и заглядывает за нее. Пожилой мужчина бросается вперед, чтобы помешать ей, но уже поздно. Он вырывает у нее из рук занавеску и преграждает ей дорогу.

Мужчина. Чего вам тут нужно? Зачем пришли?

Эпифания. Мне нужна работа. Какая-то женщина сказала мне, что здесь мне ее дадут. Я очень нуждаюсь.

Мужчина. Что же вы суете нос куда не положено? Так работу не ищут. Убирайтесь! Женщины у нас не работают.

Эпифания. Врете. Здесь их работает целых шесть. И на кого как не на вас?

Мужчина. Ишь как заговорили! Больно много вы о себе воображаете! За кого вы меня принимаете?

Эпифания. За червяка!

Мужчина яростно делает протестующий жест.

Полегче. Я сама умею пускать в ход кулаки, а если надо, то и стрелять.

Женщина (*бросаясь к мужчине и вцепляясь в него*). Осторожно, Джо. Она — инспекторша. Видишь, какие на ней туфли.

Эпифания. Я не инспекторша. И при чем здесь мои туфли?

Женщина (*почтительно*). Ну подумайте сами, мэм, может ли женщина, которая ищет грошовой работы, позволить себе такие шикарные туфли? Уверяю вас, никакие женщины у нас тут не работают. Мы только присматриваем за помещением.

Эпифания. Но я же видела шесть женщин.

Мужчина (*отдергивая занавеску*). Где они? Ни души здесь нет, хоть весь этот чертов подвал обыщите.

Женщина. Хватит, хватит, Джо. Не говори так с леди. Здесь нет ни души, мэм, — сами видите.

Эпифания. Я носом чую, что есть. Вы просто дали им знак спрятаться. Вы нарушаете закон. Дайте мне работу, или я пошлю на вас заявление в полицию.

Мужчина. Послушайте, леди, а не поладить ли нам по-хорошему? Ну что вам за расчет делать мне неприятности? Что вы получите, если мою мастерскую закроют?

Эпифания. А что я получу за то, что промолчу?

Мужчина. Как вы насчет полкроны в неделю?

Эпифания. На полкроны в неделю не проживешь.

Мужчина. А вы посмотрите, что кругом делается, — и проживете. Мы не одни такие.

Эпифания. Давайте адреса других. Раз уж приходится жить шантажом, мне нужна широкая клиентура.

Мужчина. Раз уж приходится платить мне, почему не платить и другим? Берете полкроны? *(Протягивает ей монету.)* Видите? Да вы послушайте, как звенит! *(Бросает монету на стол.)* Так вот, берите, и каждую пятницу будете приходиться за новой, если избавите меня от инспектора.

Эпифания. Нечего передо мной полукронами звенеть — я их видала. И я отлично знаю, что, если захочу, вы дадите и пять шиллингов.

Женщина. Ох, мэм, будьте добрей. Вы даже не знаете, как туго нам приходится.

Мужчина *(грубо)*. Хватит! Мы не нищие. Я заплачу столько, сколько это стоит, и ни пенни лишку. Вы, видно, знаете, что с нашего дела можно взять пять шиллингов. А раз знаете, вам должно быть понятно, что больше с нас не возьмешь. Берите ваши пять шиллингов, будьте вы прокляты! *(Бросает на стол две полкроны.)*

Женщина. Ох, да не спеши ты, Джо!

Мужчина. Заткнись! Думаешь выканючить у нее шиллинг-другой? Не выйдет. Я и не глядя на туфли сразу угадал, что это хапуга. Она застучала нас и знает, что застучала.

Эпифания. Не нравится мне заниматься шантажом. Конечно, если придется, так буду. Но все-таки, не найдется ли у вас для меня настоящей работы?

Мужчина. Чтобы поглубже залезть в наши дела, а?

Эпифания. Глубже мне лезть незачем — я и без того все уже знаю. У вас тут работает шесть женщин. Вон та штука в углу — газовая машина; это значит, что вы нарушаете закон. Добавим к этому еще отвратительные санитарные условия — и узнавать мне больше нечего. Вы у меня в руках. Дайте мне работу, на которую можно прожить, или я уничтожу вас, как осиное гнездо.

Мужчина. Я, пожалуй, лучше смотаюсь отсюда в такое местечко, где вы меня легко не разыщете: адреса я менять привык.

Эпифания. Это ваш главный козырь. Вы не лишены деловых способностей. Скажите, почему вы не хотите взять меня на работу за ту же плату, что и женщин, которых я видала здесь?

Мужчина. Не люблю, когда мои работницы знают слишком много.

Эпифания. Понятно. Они могут вызвать инспектора.

Мужчина. Инспектора? Ну что за дура! Да они его боятся больше, чем я.

Эпифания. Почему? Разве они не хотят, чтобы их защитили?

Женщина. Инспектор не станет их защищать. Он просто закроет мастерскую, и они лишатся работы. Знай они, что у вас хватит жестокости заявить на нас, они на коленях молили бы вас о пощаде.

Мужчина. Раз вы все знаете, так должны знать и то, что на таком месте роскоши не жди. Здесь работают по дешевке. Пока я нахожу работниц, согласных на обычную плату, я еще могу свести концы с концами. Но роскошествовать — ну уж нет. Никакой платы по профсоюзным расценкам. Никаких санитарных условий, как вы выражаетесь: ни побелки каждые полгода, ни отдельного помещения для еды, ни ограждений в опасных местах у машин. Насчет ограждений — это я просто так: у меня всего-навсего одна старая газовая машина. Она и мухе не повредит, хоть и подводит меня под проклятый закон о мастерских — это уж вы в самую точку попали. Да, больших машин у меня нет, но я должен продавать дешевле, чем те, у кого они есть. Если я подниму цены хоть на пенни, их машины угробят меня. То же получится, если меня заставят платить по профсоюзным расценкам и выполнять требования инспектора: за неделю я вылечу в трубу.

Эпифания. И сколько же вы платите своим работницам?

Мужчина. Два с половиной пенса в час при двенадцатичасовом рабочем дне.

Эпифания. Рабство!

Женщина. Что вы, мэм! Какое же это рабство, когда хорошая работница выгоняет двенадцать-пятнадцать шиллингов в неделю?

Мужчина. А сколько платило правительство в начале войны, когда женщин призвали внести свой вклад в дело борьбы с врагом? Ровно столько же. Что ж, мне, по вашему, платить больше, чем платит британское правительство?

Женщина. Уверяю вас, мэм, это очень приличный и к тому же надежный заработок.

Мужчина. Надежный, как пятипроцентные бумаги Английского банка. Что бы там ни говорили инспектора, предприятие у меня солидное.

Эпифания. А может женщина прожить на двенадцать шиллингов в неделю?

Мужчина. Кто ей мешает? Конечно может.

Женщина. Знаете, мэм, я девчонкой работала на спичечной фабрике. Там мне платили пять шиллингов в неделю, и то эти деньги были для моей матери прямо даром Божьим. А одинокая девушка в те времена всегда могла устроиться в какую-нибудь семью за четыре шиллинга шесть пенсов, и обращались там с ней лучше, чем в отцовском доме.

Мужчина. Да я вам такую семью и сегодня найду, несмотря на все эти проклятые пособия по безработице и комиссии по зарплате. Из-за них все вверх ногами идет: девчонкам хочется Бог знает чего, а средств на это все равно по-прежнему нет.

Эпифания. Ладно. Я согласна даже на такую плату, лишь бы доказать, что могу работать и содержать себя. Словом, давайте работу, и хватит разговоров.

Мужчина. А кто их начал? Вы или я?

Эпифания. Я. Благодарю за сведения, которые вы мне дали: они поучительны и полезны. А теперь за работу, за работу! Мне не терпится начать.

Мужчина. А что вы умеете?

Женщина. Шить? Петли обметывать?

Эпифания. Конечно нет. Я это за работу не считаю.

Мужчина. Какой же вам еще надо работы?

Эпифания. Умственной.

Мужчина. Да она психическая!

Эпифания. Той работы, какую делаете вы. Руководящей работы. Организаторской работы. Работы, которая двигает дело. Рассказывайте, что вы здесь производите. Как сбываете продукцию.

Мужчина (жене). Иди-ка лучше работай. Пусть она посмотрит. *(Эпифании, пока женщина вытаскивает из-под стола груды курток и покорно садится за шитье.)* А когда удовлетворите свое любопытство, может, возьмете пять шиллингов да уйдете с Богом?

Эпифания. С какой стати? Разве мой приход не приятное событие в вашей трущобной жизни?

Мужчина. В жизни такой нахалки не видел! *(Садится за свои счетные книги.)*

Эпифания (женщине, указывая на груды курток). Что вы с ними делаете, когда они готовы?

Женщина (не переставая работать). Сдаем одному человеку, а он увозит их на грузовике.

Эпифания. Он за них и платит?

Женщина. Нет. Он дает квитанцию, а мистер Сьюперфлу платит по ней в конце недели.

Эпифания. А что делает с куртками мистер Сьюперфлу?

Женщина. Он отвозит их оптовику, который снабжает его материей. Тот же грузовик, что забирает готовые вещи, подбрасывает нам и материю.

Эпифания. А почему бы вам не вести дела непосредственно с оптовиками?

Женщина. Ах, из этого ничего не выйдет. Мы их не знаем, а мистер Сьюперфлу знает. Кроме того, держать грузовик нам не по карману.

Эпифания. Значит, это грузовик мистера Сьюперфлу?

Женщина. Нет. Зачем ему свой грузовик? Он нанимает его у Болтона и платит с часа.

Эпифания. Шофер всегда один и тот же?

Женщина. Всегда. Это старый Тим Гудинаф.

Эпифания (мужчине). Запишите мне все эти фамилии — Сьюперфлу, Болтон, Гудинаф.

Мужчина. Еще чего! Я к вам в конторщики не нанимался.

Эпифания. Скоро найметесь. А пока делайте, что говорят.

Мужчина. Ну и нахалка!.. *(Повинуется.)*

Эпифания. Когда Гудинаф приедет в следующий раз, велите ему, пусть скажет Болтону, что нашел человека, который согласен купить у него грузовик за четырнадцать фунтов. Добавьте, что если он уговорит Болтона уступить машину за эту цену, вы дадите ему фунт и наймете его на ту же работу с прибавкой в полкроны против его теперешнего жалованья. Он знает оптовиков. Мистер же Сьюперфлу — лишний. Мы сами будем отвозить свою продукцию, а заодно и продукцию всех потогонщиков.

Мужчина. Потогонщиков? Это кого же вы так называете?

Эпифания. Человек, познай сам себя. Вы потеете сами, выжимаете пот из жены и работниц. Вы живете за счет пота.

Мужчина. Так не годится. Зачем же грубить? Я плачу правильно, столько, сколько все. Я даю людям работу. Они без нее пропадут.

Эпифания. Вы, кажется, чувствительны к таким вещам? Я — нет. Я намерена покончить с мистером

Сьюперфлу. Теперь выжимать пот из Тимоти Гудинафа будет уже не мистер Сьюперфлу, а я.

Мужчина. Погодите. Мастерская-то чья — моя или ваша?

Эпифания. Потом разберемся. Ну как, купите грузовик?

Мужчина. Откуда возьмутся деньги?

Эпифания. Откуда берутся деньги? Из банка.

Мужчина. Но их сперва надо туда положить, верно?

Эпифания. Вовсе нет. Кладут их другие, а банк ссужает их вам, если находит, что вы сумеете расширить свое предприятие.

Женщина (*в ужасе*). Джо, не клади деньги в банк. От банков таким, как мы, хорошего ждать нечего. Не поддавайся ей, Джо.

Эпифания. Когда у вас в последний раз был день отдыха?

Женщина. День отдыха? У меня? Мы не можем позволить себе отдыхать. В последний раз у меня был день отдыха восемнадцать лет назад, когда объявили перемирие.

Эпифания. Значит, чтобы дать вам день отдыха, нужны мировая война и смерть двадцати миллионов ваших собратий. Я могу все устроить гораздо проще!

Женщина. Мы таких разговоров не понимаем. Да и некогда нам ими заниматься. Будьте ласковы, возьмите от нас подарочек и уходите.

Звонок.

Мужчина. Тим приехал — за куртками.

Эпифания (*властно*). Сидите. Я сама с ним поговорю. (*Уходит.*)

Мужчина, поколебавшись, беспомощно садится.

Женщина (*с плачем*). Ох, Джо, не слушай ее, не давай ей соваться в наши дела. Эта женщина за неделю спустит все наши маленькие сбережения, и нам до конца дней придется потеть, чтобы собрать их снова. А я уже не могу работать так, как раньше, — мы с тобой не молоды.

Мужчина (*угрюмо*). Что ты за жена? Вечно ты меня лишаешь мужества. Крутом полно людей, которые шикуют и разбрасывают деньги, полученные от банка. Они целыми днями только и делают, что бегают в банк и об-

ратно, да знай себе покуривают сигары и тянут шампанское. Пятифунтовая бумажка для них все равно что для меня пенни. Почему бы мне не попробовать сыграть в ту же игру, вместо того чтобы потеть здесь за гроши?

Женщина. Потому что ты не умеешь в нее играть, Джо. Мы идем своей дорогой и, пока не сойдем с нее, не погибнем, несмотря на всю нашу бедность. Кто с нами станет разговаривать? Кто нас знает? Кто протянет нам руку помощи в трудную минуту, если мы начнем делать то, чего никто не делает? Очень ты будешь доволен, если выйдешь на Комершел-роуд и увидишь, что все твои знакомые лавочники смотрят на тебя волком и не дают в долг даже на неделю? Джо, все эти годы я без единой жалобы шла с тобой нашей привычной дорогой. И я готова еще долго идти по ней, чтобы спокойно пожить под старость, когда я уже не смогу шить, а ты подсчитывать каждый пенс. Но если ты рискнешь всем, вложишь наши деньги в банк и свернешь со знакомой дороги, мне не выдержать. Это убьет меня. Иди, останови ее, Джо. Не давай ей спорить, а просто выставь ее. Будь мужчиной, милый. Не бойся ее. Не разбивай мне сердце, не губи себя. Ох, да не сиди ты так, сложа руки! Ты даже не представляешь себе, что она может наделать! Ох! Ох! Ох! *(Голос ее прерывается от рыданий.)*

Мужчина (поднимается, но не очень решительно). Хватит, хватит! Не шуми! Я не дам ей соваться в наши дела. Я ее выставлю, вот увидишь. *(Направляется к лестнице и сталкивается с Эпифанией, которая спускается вниз.)* Вот что, хозяйка: давайте договоримся...

Эпифания. Договариваться не о чем. Тим уверен, что Болтон отдаст грузовик за десять фунтов. Теперь Тим — мой преданный раб. Уймите-ка лучше эту жалкую женщину — хватит ей хныкать. А я покамест ухажу — здесь для меня слишком мало работы: на нее хватит полдня в неделю. Чтобы заполнить время, я наймусь судомойкой в какую-нибудь гостиницу. Но сначала я пройду по адресам, которые дал мне Тим, и договорюсь, что мы будем отправлять нашу продукцию непосредственно к ним, а заодно собирать ее у других, как делал Сьюперфлу. Когда я все улажу с оптовиками, я вернусь и устрою ваши дела. А пока продолжайте в том же духе. До свидания! *(Уходит.)*

Мужчина (остолбенело). Мне все кажется, что это вроде как сон. Но что я могу поделать?

Женщина (которая перестала плакать, как только Эпифания упомянула о ней). Делай, что она велит, Джо. Мы — как дети... (Опять тихо плачет.) Больше говорить нечего.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кофейня гостиницы «Свинья и дудка», превратившаяся теперь в холл фешенебельного загородного отеля «Под кардинальской шапкой». Длинные столы исчезли: их заменили чайные столики с дорогими креслами вокруг них. Старого полубуфета, чучела рыбы и вывесок-щитов больше нет. Теперь в комнате стоит элегантное двухместное бюро, разделенное на две половины перегородкой и освещенное электрическими лампами под изящными абажурами. Рядом стол, на нем груда всевозможных газет и журналов. В дальнем конце комнаты, со стороны двери, стоит диван с красивыми подушками, рассчитанный на трех человек. У противоположной стены — три кресла, которые вместе с диваном полукольцом окружают камин. Старая вешалка отправилась на ту же свалку, что и полубуфет. Стены заново оклеены обоями приятной цветовой гаммы. Паркетный пол щедро покрыт точными коврами. Налицо все атрибуты новенького с иголочки холла в первоклассном отеле.

Элестер в костюме гребца с довольным видом развалился на диване и читает иллюстрированный журнал. Патриция в своем лучшем летнем платье, спокойная и радостная, вяжет, сидя в среднем из трех кресел, напротив дивана.

Вторая половина погожего летнего дня. Общая атмосфера — райское блаженство воскресенья, проводимого за городом.

Элестер. Знаешь, Полли, тут просто красота!

Патриция. Да, милый, здесь очень хорошо.

Элестер. Провести конец недели на реке — что может быть лучше? Утром погрестишь, чтобы размяться и нагулять аппетит, потом хорошенько позавтракал — и лоботрясничай сколько влезет. Чего еще в жизни надо?

Патриция. Ты так великолепно гребешь, Элли! Люблю, когда ты сидишь на веслах. И когда шестом орудуешь — тоже. Ты такой красивый, когда стоишь в лодке.

Элестер. Самое лучшее на реке — это ее покой, благословенный покой. Ты тоже очень спокойная: я никогда не боюсь, что ты ни с того ни с сего поднимешь скандал. И река такая тихая. Не знаю, что меня больше успокаивает — ты или река. А дома мне кажется, что я три раза на дню перебираюсь через Ниагару.

Патриция. Не думай об этом, дорогой. Твой дом не там, а здесь.

Элестер. Ты права, родная: дом и должен быть таким, хотя здесь всего-навсего отель.

Патриция. Да разве на свете есть что-нибудь лучше, чем хороший отель? Здесь отдыхаешь от всех домашних забот: никаких осложнений с прислугой, никаких налогов и платежей. Мне нигде не бывает так спокойно, как в гостинице. Впрочем, для мужчин это, наверно, не так.

Входит управляющий отелем — молодой элегантно одетый человек. Он держит в руках книгу регистрации посетителей, которую раскрывает и кладет на газетный столик, после чего подобострастно приближается к гостям.

Управляющий (*остановившись посередине между Элестером и Патрицией*). Добрый день, сэр. Надеюсь, вам у нас нравится?

Элестер. Благодарю вас, да. Но что вы сделали с бывшей гостиницей? Год тому назад, когда я был здесь, тут стоял обыкновенный трактир под вывеской «Свинья и дудка».

Управляющий. Так и было до самого последнего времени, сэр. Мой отец держал «Свинью и дудку», как это делали его предки чуть ли не со времен Вильгельма Завоевателя. Однажды в «Свинье и дудке» на целый час остановился кардинал Вулзи — его мул потерял подкову и животное пришлось отвести к кузнецу. Уверяю вас, предки мои были очень высокого мнения о себе. Но, как люди необразованные, они погубили гостиницу, всячески стараясь улучшить ее и выбрасывая поэтому старинную утварь. В последнее ваше посещение гостиница была уже при последнем издыхании. Мне было стыдно за нее.

Элестер. Ну, сейчас-то она у вас первоклассная.

Управляющий. О, это не моя заслуга, сэр: я не хозяин, а только управляющий. Вы не поверили бы мне, расскажи я вам, как все получилось. На мой взгляд, это куда романтичнее, чем старая басня о кардинале Вулзи. Но не стану мешать вам болтовней. Не угодно ли вам еще чего-нибудь для полного вашего удобства?

Патриция. Мне хотелось бы узнать, что же произошло с вашей старой «Свиньей», если вы, конечно, располагаете временем.

Управляющий. Всегда к вашим услугам, сударыня.

Элестер. Валяйте, старина.

Управляющий. Так вот, в один прекрасный день к нам явилась наниматься в судомойки какая-то женщина. У моего бедного старика отца не хватило духу выставить ее, и он согласился взять ее на пробу на день-другой. Она приступила к работе. Вымыла две тарелки, разбила полдюжины. Моя старушка мама была просто вне себя — она страшно дорожила своими тарелками. Она, бедняжка, и не подозревала, что посуда у нее дешевая, уродливая и старомодная. Она сказала, что раз судомойка разбила тарелки, то ей за них и платить: пусть остается на месяц, а там их стоимость вычтут у нее из жалованья. Судомойка тут же отправилась в Рединг и привезла груду посуды; мать, как увидела, разразилась слезами: говорит, что мы навеки опозорим себя, если станем подавать гостям еду в такой старомодной посуде. Но на другой же день одна американка, приехавшая сюда на лодке с целой компанией, купила эту посуду прямо со стола за тройную цену. После этого матушка не решалась даже пикнуть. Судомойка взяла дело в свои руки, да так, как нам бы никогда не суметь. Это было жестоко по отношению к нам, но она всегда была права — этого у нее не отнимешь.

Патриция. Жестоко? Достать для вас хорошую посуду — разве это жестоко?

Управляющий. Дело, конечно, не в посуде. Это пустяк, легкий и милый эпизод. Старая посуда только и заслуживала, чтобы ее перебили и выбросили в мусорный ящик. Главное не в этих толстенных тарелках, отбивавших у гостей аппетит, а в том, что «Свинья и дудка» была единственным пристанищем для стариков, которые уже сделали в жизни свое дело и не умели приспособиться к новым веяниям. Без гостиницы им оставалось одно — день-два побродить по улицам, а затем отправиться в рабочий дом. У нас был бар, который мои родители обслуживали сами; мать всегда работала в нем, прифрантившись, как ей казалось: бедняжка даже не подозревала, что мир повзрослел со дня ее свадьбы. Судомойка раскрыла моим родителям глаза на самих себя. Это их совершенно убило, потому что она была права, этого нельзя отрицать. Старикун пришлось сдаться: он жил только на закладную с земли и совсем было зашел в тупик с уплатой процентов. А тут судомойка полностью расплатилась по закладной, и мы окончательно попали к ней в руки. «Вам пора продать землю и отправиться на покой. Ничего путного вы здесь не сделаете», — объявила она старикам.

Патриция. Ужасно! Как она могла вот так взять и выбросить их?

Управляющий. Да, нам пришлось тяжело, но все было правильно. Продолжай мы хозяйничать сами, наше имущество все равно бы рано или поздно описали. Дело есть дело: сантименты здесь ни при чем. Кроме того, подумайте, сколько она сделала нам добра. Мать с отцом никогда бы не выручили за свою землю столько, сколько дала она. А возьмите, к примеру, меня. Я стыдился своей гостиницы, но из любви к родителям все-таки держался за «Свинью и дудку», хоть и понимал, что дело безнадежно. Теперь же наш отель делает честь всей округе и дает работу большему числу людей, чем старая «Свинья» в лучшие ее дни. А я — управляющий отелем с таким жалованьем и процентами, о которых и мечтать не смел.

Элестер. Значит, вас она не выставила, старина?

Управляющий. Нет, сэръ. Видите ли, я был достаточно умен, чтобы понять ее правоту, хоть сам и не сумел бы ничего переменить. Я с самого начала поддержал ее. Я до такой степени верю в эту женщину, что, прикажи она мне сегодня поджечь отель, я без малейшего колебания сделаю это. До чего бы она ни дотронулась, все превращается в золото. Раньше стоило моему отцу перерасходовать пять фунтов, как банк посылал ему предупреждение; теперь директор его сам толкает ее на перерасход — он чувствует себя несчастным, если у нее на счету остается хоть пенни. Поразительная женщина, сэръ! Еще вчера была судомойкой, а сегодня уже владелица первоклассного отеля.

Патриция. А ваши старики довольны? Они счастливы?

Управляющий. Пожалуй, нет: для их возраста поворот оказался слишком крутым. Отца хватил удар, и, боюсь, он долго не протянет. Мать тоже стала немного не в себе. И все же так для них лучше. У них есть все удобства, которые им нужны.

Элестер. Очень трогательно! Все это волнует меня гораздо больше, чем вы предполагаете, старина: я ведь тоже знаком с одной женщиной такого сорта. Кстати, я послал своему другу телеграмму с приглашением провести с нами конец недели. Это некий мистер Сзгемор. Надеюсь, у вас найдется для него номер?

Управляющий. Все будет в порядке, сэръ. Благодарю вас.

Патриция. Много у вас сейчас гостей?

Управляющий. Меньше, чем обычно, сударыня. Здесь живет один египетский врач — он столуется у нас. Очень ученый человек, насколько могу судить. И очень тихий: ни с кем не разговаривает. Затем есть еще один джентльмен. Он инвалид и только что вышел из больницы. Египетский врач рекомендовал ему нашего повара, и он тоже столуется у нас. И это пока все, сударыня, если, конечно, не появятся новые постояльцы.

Элестер. Ну что ж, придется с ними примириться.

Управляющий. Кстати, сэр, прошу извинить за беспокойство, но утром, приехав сюда, вы не зарегистрировались в книге посетителей. Я захватил ее с собой. Не будете ли настолько любезны?.. *(Берет книгу со стола и подает ее Элестеру вместе с вечным пером.)*

Элестер *(пристраивая книгу на коленях)*. Простите, совсем забыл. *(Расписывается.)* Вот, пожалуйста. *(Снова вытягивает ноги.)*

Управляющий. Благодарю вас, сэр. *(Просматривает запись, собираясь закрыть книгу. Прочитав фамилию гостя, широко раскрывает глаза.)* О! Это большая честь для нас, сэр.

Элестер. Я что-нибудь не так написал?

Управляющий. Нет, нет, сэр, все в порядке. Мистер и миссис Фицфесден. Какая необычная фамилия! Я, кажется, имею честь беседовать со знаменитым...

Элестер *(перебивая)*. Да, да. Я чемпион по теннису, боксу и так далее. Но я приехал сюда отдохнуть и не желаю слышать обо всем этом.

Управляющий *(закрывая книгу)*. Вполне понимаю вас, сэр. Я никогда бы не заговорил на эту тему, если бы не одно обстоятельство: владелица нашего отеля, та женщина, о которой я рассказывал, тоже миссис Фицфесден.

Элестер *(с воплем вскакивает)*. Что? Скорее прочь отсюда! Складывай вещи, Полли! Немедленно пришлите счет.

Управляющий. Как вам угодно, сэр. Позвольте лишь заметить, что в данный момент моя хозяйка отсутствует и в это воскресенье я ее не жду.

Патриция. Не кипятись, милый. За свои деньги мы имеем такое же право жить в ее отеле, как и любой другой гость.

Элестер. Хорошо, пусть будет по-твоему. Но мой отдых испорчен.

Управляющий. Не волнуйтесь, сэр, она не придет. Она уже перестала наносить нам неожиданные визиты, так как убедилась, что на меня можно положиться. *(Выходит, но тут же возвращается и объявляет.)* Сюда идет ваш друг мистер Сэгемор с джентльменом-инвалидом.

Распахивает дверь перед Сэгемором и Эдриеном, берет регистрационную книгу и уходит. Первым входит Эдриен, опирающийся на две трости, — он сильно хромает, на голове у него повязка. При виде Фицфесендена и Патриции он неприятно поражен.

Эдриен. Элестер! Мисс Смит! Что это значит, Сэгемор? Вы даже не заикнулись о том, к кому вы меня ведете, а просто сказали: «К двум друзьям». Честное слово, Элестер, я не знал, что вы здесь. Сэгемор уверил меня, что его ждут друзья, которые будут рады и мне.

Патриция. Мы действительно рады вас видеть, мистер Блендербленд. Не хотите ли присесть?

Элестер. Что с вами, старина? Бога ради, что вы с собой сделали?

Эдриен *(всплывшая)*. Каждый лезет ко мне с этим вопросом! Ничего я с собой не сделал. Вы, вероятно, говорите вот об этом и об этом? *(Указывает на свои увечья.)* Так все это сделала со мной ваша жена. Вот почему Сэгемору не следовало звать меня сюда.

Элестер. Поверьте, старина, мне чертовски вас жаль!

Патриция *(встав, заботливо)*. Сядьте же, мистер Блендербленд. Устраивайтесь на диване. *(Подкладывая подушки.)* Боже мой! Боже мой!

Элестер. Знаете, Эппи уж так устроена.

Эдриен. Теперь знаю. Но мне не следует быть здесь. Сэгемор зря позвал меня с собой.

Патриция. Почему? Поверьте, мы счастливы видеть вас, а до миссис Фицфесенден нам нет дела.

Эдриен. Зато мне есть. Вы очень любезны, но я не могу считаться вашим другом и в то же время вчинять вашей жене иск об оскорблении действием.

Элестер. Можете, старина. Ситуация для нас не новая: жертвы всегда обращаются к нам за сочувствием. Устраивайтесь поудобнее.

Эдриен *(осторожно опускаясь на диван и устраивая на нем свои покалеченные ноги)*. Это очень мило с вашей стороны — я действительно не в силах больше стоять. Но я все-таки не понимаю, зачем Сэгемор сыграл со мной такую шутку. И с вами, конечно, тоже.

Патриция садится на свое место и снова принимается вязать.

Сэгемор (*усаживаясь в кресло слева от Патриции*). По правде говоря, дело в том, что Блендербленд не желает вникать в здравому смыслу, и я надеюсь, что вы поможете урезонить его.

Эдриен (*упрямо*). Бесплезно, Сэгемор. Две с половиной тысячи плюс судебные издержки — и ни пенсом меньше.

Сэгемор. Это слишком много. До смешного много. Суд мог бы еще присудить вам пятьсот, если бы вы полностью потеряли трудоспособность или если бы обвиняемая совершила какой-нибудь чисто женский проступок, например облила вас кислотой. Но вы же не зарабатываете себе на жизнь своим трудом, поскольку являетесь всего лишь пассивным компаньоном в фирме, основанной вашим отцом. Наконец, подумайте, черт побери,— мужчина обвиняет женщину в оскорблении действием!

Элестер. Почему вы не двинули ей в солнечное сплетение?

Эдриен. Ударить женщину? Немыслимо!

Элестер. Вздор! Женщина, которая затевает драку, должна получить по заслугам.

Патриция. Посмотрите, как она разукрасила вас, мистер Блендербленд. Вы не должны были терпеть — это только ее подзадорило.

Элестер. А вот на мне вы не найдете шрамов. В первый же раз, когда она попробовала свои штучки со мной, я сам так разукрасил ее, что второго раза уже не было.

Эдриен. К сожалению, у меня нет ни ваших мускулов, ни ваших познаний в боксе. Но я начну учиться ему, как только поправлюсь. А заплатит за уроки она. Две тысячи пятьсот. И за расходы на лечение тоже заплатит. И за судебные издержки.

Сэгемор. Не забудьте доставку вас в местную больницу.

Эдриен. Нет, туда меня отвезли на ее собственной машине. Кстати, вы напомнили мне, что я дал на чай шоферу. Не поймите меня превратно. Дело не в деньгах, Я просто не желаю быть побитым женщиной. Это вопрос чести, вопрос самоуважения.

Сэгемор. Понимаю. Но почему вы остановились именно на этой сумме? Почему ваша честь и самоуважение стоят две с половиной тысячи, а не два с половиной миллиона?

Эдриен. Мой брат, попав под электрокар на платформе Педдингтонского вокзала, получил с железнодорожной компании две с половиной тысячи фунтов. Меньшим Эпифания от меня не отделается. Это было грубое, зверское, ничем не спровоцированное нападение.

Сэгемор. Так-таки ничем не спровоцированное? Вряд ли вам удастся заставить суд проглотить такую пресную выдумку.

Эдриен. Я снова повторяю, что нападение было решительно ничем не спровоцировано. Правда, в результате полученного мною сотрясения мозга я начисто забыл все обстоятельства, непосредственно предшествующие нападению. Последнее, что сохранилось у меня в памяти, был совершенно безобидный разговор о деньгах ее отца.

Сэгемор. Тем хуже для вас: она может обвинить вас в чем угодно. И запомните: в британском суде присяжных возмездия убытков добывается только тот, кого суд считает высоконравственным человеком.

Эдриен. Вы хотите сказать, что я безнравственный человек?

Сэгемор. Я — нет, но адвокат миссис Фицфесенден обязательно это скажет, если вы подадите на нее в суд.

Эдриен. Глупости! Неужели на основании моей вывихнутой ступни, разбитого колена и дыры в черепе, по величине равной страусовому яйцу, присяжные поверят в то, что мы с Эпифанией были любовниками?

Сэгемор. Ваши увечья — лучшее свидетельство против вас. Любовные ссоры бывают только у любовников. А допустите, что она заявит, будто защищалась от преступного посягательства!..

Эдриен. Она не посмеет так нагло лгать под присягой!

Сэгемор. А вы почему знаете, что это ложь? Вам же, в конце концов, неизвестно, что произошло, коль скоро у вас было сотрясение мозга.

Эдриен. Да, но уже после нападения.

Сэгемор. Верно, но из-за этого вы не помните, что произошло до него. Откуда вы знаете, что вы делали в эти минуты?

Эдриен. Послушайте, да вы чей поверенный — ее или мой?

Сэгемор. Судьбе, по-видимому, было угодно сделать меня поверенным всех, кто связан с нею. Если мне придется выбирать между нею и вами, я вынужден буду отказаться от вас. Не могу же я потерять клиентку с такими доходами и таким характером, как у миссис Фицфесенден! Ее вспышки — верные две-три тысячи в год для любого поверенного.

Эдриен. Прекрасно, Сэгемор, я вам этого не забуду. Вы же отлично понимаете ситуацию и знаете, что право и справедливость на моей стороне.

С озабоченным видом входит у п р а в л я ю щ и й.

У п р а в л я ю щ и й (*Элестеру*). Чрезвычайно сожалею, сэр, но миссис Фицфесенден внизу с египетским врачом. Поверьте, я не ждал ее.

Э п и ф а н и я (*врываясь в комнату и яростно накидываясь на управляющего*). Вы позволили моему мужу привести в мой отель постороннюю женщину и зарегистрировать ее под моей фамилией. Вы уволены. (*Она находится за диваном и поэтому не замечает Эдриена.*)

Сэгемор встает.

У п р а в л я ю щ и й. Простите, сударыня, но я не знал, что этот человек ваш муж. Тем не менее вы, как всегда, правы. Вам угодно, чтобы я ушел сегодня же или подождал, пока вы подыщете мне замену?

Э п и ф а н и я. Мне угодно, чтобы вы не уходили: я нанимаю вас снова. Немедленно вышвырните их обоих отсюда.

Элестер. Ха-ха-ха!

Сэгемор. Ваш управляющий не в силах вышвырнуть Элестера. Если до этого дойдет, Элестер сам вышвырнет нас всех. Что же касается мисс Смит, то, поскольку ваш отель официально зарегистрирован, она имеет такое же право находиться здесь, как вы или я.

Э п и ф а н и я. Если понадобится, я сожгу эту гостиницу. (*Замечает Эдриена.*) Ого! Это еще что? Эдриен тоже здесь? Что у вас с головой, Эдриен? Почему при вас эти палки? (*Управляющему.*) Немедленно пришлите сюда врача. (*Эдриену.*) Вы расшиблись?

Управляющий убегает, радуясь тому, что дешево отделался.

Эдриен. Я расшибся? Я?

Эпифания. Попали под машину?

Эдриен. Эта женщина чуть не убила меня, а теперь спрашивает, не расшибся ли я! Я пересчитал на лестнице все ступеньки, вывихнул себе ступню, разбил колено, сломал голень, повредил спину. В местной больнице, куда меня отвез ваш шофер, мне пришлось сделать взнос. Оттуда меня направили в частную клинику. Двенадцать гиней в неделю! Я обращался к трем хирургам с Харли-стрит, и ни один из них не смог поставить мне коленную чашечку на место. Тогда мне пришлось вызвать костоправа, и он содрал с меня пятьдесят гиней.

Эпифания. Почему же вы не спустились с лестницы, как все люди? Были пьяны?

Эдриен (*задыхаясь*). Я...

Сэгемор (*спеша вмешаться*). Он утверждает, мисс Фицфесенден, что эти увечья были нанесены ему вами во время вашей последней встречи.

Эпифания. Мною? Разве я призовой борец? Или грузчик?

Эдриен. И то и другое.

Сэгемор. Вы отрицаете, что напали на него?

Эпифания. Разумеется отрицаю. Никогда не слышала более чудовищной лжи. Дело было так. Он грубо и без всякого повода оскорбил моего отца в тот момент, когда я имела все основания ожидать от него всяческих проявлений нежности. Кровь бросилась мне в голову. Я помню только, как я лежала, упав грудью на стол и почти что умирая. Врач, подоспевший в эту минуту, может подтвердить, в каком я была состоянии.

Эдриен. Меня не интересует, в каком состоянии были вы. А известно вам, в каком состоянии подобрал меня ваш шофер?

Сэгемор. Словом, ни один из вас не знает, чем кончилось дело.

Эдриен. У меня есть медицинское свидетельство.

Эпифания. У меня тоже.

Эдриен. Посмотрим. Вам не уговорить меня прекратить дело.

Эпифания. Что вы подразумеваете под словом «дело»?

Сэгемор. Он подает на вас в суд.

Эпифания. В суд? Прекрасно! Вам известно мое неизменное правило, Сэгемор. Оберите его до последней нитки, чего бы это ни стоило. Если понадобится, дойдите

до палаты лордов. Увидим, чей кошелек выдержит дольше. Я не дам себя шантажировать.

Эдриен. Вы думаете, отцовские деньги ставят вас выше закона?

Эпифания *(вспыхивая)*. Опять! *(Замахивается, но Элестер хватая ее сзади, отбрасывает в сторону Сэгемора и, предостерегающе помахивая кулаками, занимает позицию между нею и диваном.)*

Элестер. Легче, легче! Без фокусов! Токо, девочка, токо!

Сэгемор. Токо? Что такое «токо»?

Элестер. Она знает. Токо — безотказное лекарство от нервов. Удар в солнечное сплетение и денек в постельке — вот что такое токо.

Эпифания. Вы, мистер Сэгемор, свидетель того, как мой муж угрожает мне грубым насилием. Он сильнее меня, он может избить, замучить, умертвить меня. Это последний довод низшей природы в ее борьбе против высшей. Я невиновна, но беспомощна. Делай что хочешь. *(С достоинством опускается в кресло Сэгемора.)*

Элестер. Теперь вы в безопасности, леди и джентльмены. *(Берет свой иллюстрированный журнал, отходит к самому отдаленному столику, усаживается и спокойно погружается в чтение.)*

Эдриен *(Эпифании)*. Теперь вы поймете, что почувствовал я. Так вам и надо.

Эпифания. Продолжайте. Оскорбляйте меня. Запугивайте. Шантажируйте. Сейчас вы все это можете проделывать безнаказанно.

Сэгемор *(становясь за ее креслом)*. Не воспринимайте вещи в таком мрачном свете, миссис Фицфесенден. Никто вас не шантажирует и не оскорбляет. Я только хочу, прежде чем мы перейдем к вашим супружеским делам, уладить вопрос об увечьях, причиненных мистеру Блендербленду.

Эпифания. Я не желаю слышать ни о нем, ни о его смехотворных увечьях.

Сэгемор. Будьте чуточку благоразумней, миссис Фицфесенден. Можно ли обсуждать вопрос о возмещении, причитающемся мистеру Блендербленду, не упоминая о его увечьях?

Эпифания. Мистеру Блендербленду не причитается никакого возмещения. Все, что он получил, им заслужено.

Сэгемор. Но он вчиняет вам иск.

Эпифания. Вчините ему встречный, раньше чем он успеет подать в суд.

Сэгемор. Встречный иск за что?

Эпифания. За что угодно, только не надоедайте мне. Потребуйте двадцать тысяч фунтов убытков. Повторяю: я не дам себя шантажировать.

Эдриен. Я тоже. Мне причитается возмещение, и я его получу.

Сэгемор (*становясь между ними*). Тише! Тише, пожалуйста! Я никому из вас не советую обращаться в суд. Но серьезно, миссис Фицфесенден, мистер Блендербленд имеет право на известное возмещение. Вы можете себе это позволить.

Эпифания. Мистер Сэгемор, даже будучи очень богатой, я не могу ничего себе позволять. Я должна бороться за каждый пенс, который у меня есть. Каждый нищий, шантажист, жулик, каждое благотворительное общество, рекомендательное письмо, политическая организация, лига и братство, каждая церковь, часовня и учреждение с утра до вечера заняты одним — как бы высосать из меня последнюю каплю крови. Если я дрогну хотя бы на минуту и выпущу из рук хотя бы пени, не пройдет и месяца, как я буду разорена. Я вношу гинею в год в Лигу защиты интересов налогоплательщиков, и это все, да, все. Моя неизменная инструкция вам — опротестовывать любой иск и пресекать любую попытку взыскать с меня возмещение путем встречного иска на сумму в десять раз большую. Вот единственное для меня средство начертать в небесах: «Руки прочь от моих денег!»

Сэгемор. Как видите, мистер Блендербленд, спорить бесполезно. Вы должны отказаться от мысли об иске.

Эдриен. Не откажусь.

Сэгемор. Откажетесь. Должны отказаться. Миссис Фицфесенден, он ничем не может вам повредить. Разрешите мне обратиться к вам и воззвать...

Эпифания (*нетерпеливо*). Ах, не тратьте вы время попусту. У меня есть дела поважнее. Дайте ему десять фунтов, и покончим с этим.

Эдриен. Десять фунтов!

Сэгемор (*протестуя*). Но, миссис Фицфесенден...

Эпифания. Да, десять фунтов. Ни один человек не откажется от десятифунтовой бумажки, если похрустеть ею у него перед носом.

Сэгемор. Но он требует две с половиной тысячи.

Эпифания (*ошеломленная, привстает*). Две с пол...
(*У нее захватывает дух.*)

Эдриен. И ни пенсом меньше.

Эпифания (*минуту Сэгеора, направляется к дивану*). Эдриен, мальчик мой, я недооценила вас. Ваша наглость, пронырливость и упрямство внушают мне уважение. Я спустила с лестницы недопеченного джентльмена, а мой шофер подобрал под ней великолепный в своем совершенстве экземпляр вонючки.

Эдриен (*в бешенстве*). Теперь пять тысяч. Слышите, Сэгеор?

Сэгеор. Прошу вас, прошу вас!.. Сдерживайтесь!

Эдриен. Сами сдерживайтесь. Разве она искалечила вас на всю жизнь? Украсила вам голову шишкой? Обозвала вас вонючкой?

Сэгеор. Еще нет, но может в любую минуту.

Эпифания (*с возгласом восхищения обнимая его*). Ха-ха-ха! Ну и Сэгеор! Сокровище мое! Не дать ли ему две с половиной тысячи с условием, что он за полгода должен превратить их в миллион?

Эдриен. Я сделаю с ними что захочу. Я получу их без всяких условий.

Сэгеор (*деликатно высвобождаясь из объятий Эпифании*). Мистер Блендербленд, большая ошибка — обращаться в суд в качестве человека, которого обозвали вонючкой: присяжные с самого начала будут рассматривать вас именно в этом свете. Не менее трудно завоевать их сочувствие истцу, которого побил женщина. Если бы миссис Фицфесенден ударила вас ножом, выстрелила в вас или дала вам яд, все было бы в порядке вещей — ваша честь не пострадала бы. Но миссис Фицфесенден знает, что делает. Ей в точности известны привилегии слабого пола, и она никогда ни на йоту не перейдет границ дозволенного. Она предстанет перед судом в великолепном туалете и в самом авантажном виде. Женщина умеет быть и женственной и обаятельной, когда ей нужно выглядеть настоящей леди. Задолго до того, как нам удастся внести ваш иск в список дел, назначенных к рассмотрению, шишка у вас на голове спадет, сломанная кость срастется, на щеках заиграет румянец. Если вам не удастся спровоцировать миссис Фицфесенден еще раз напасть на вас накануне суда — а для этого она слишком умна, — то шансов выиграть у вас один из миллиона.

Элестер (*вставая и подходя к ним с другого конца комнаты*). Именно так, Блендербленд. Шансов у вас ни-

каких. В следующий раз, когда она замахнется на вас, увертывайтесь и парируйте. Если не сумеете получить удовлетворение таким путем, не получите никаким. *(Садится по правую руку Патриции.)*

Патриция. Да, мистер Блендербленд, Элестер прав. Попросите ее по-хорошему — может быть, она и оплатит ваши расходы.

Эдриен *(садится, схватившись за голову. Он потрясен и чуть не плачет)*. Существует ли справедливость для мужчины, когда его противник женщина?

Сэгемор *(сажаясь рядом с ним, чтобы погбогрить его)*. Поверьте мне — нет. В особенности когда она миллионерша.

Эпифания. А где искать справедливости миллионерше?

Сэгемор. В суде...

Эпифания. Я говорю не о суде: там ни для кого нет справедливости. Я имею в виду справедливость небесную.

Элестер. О Боже! Ну, теперь мы пропали! *(Демонстративно обнимает Патрицию за талию.)*

Эпифания. Элестер, как тебе не стыдно насмеяться надо мной? Неужели только потому, что я миллионерша, я не могу удержать ни мужа, ни поклонника — ничего, кроме моих денег? Вот ты сидишь и у меня на глазах прижимаешься к этому жалкому ничтожеству, которому не на что даже купить чулок. И вы оба счастливы. *(Поворачивается к Эдриену.)* Вот сидит костюм на двух палках. Что в нем осталось?

Эдриен *(сломленный)*. Оставьте меня в покое, слышите!

Эпифания. Что в нем осталось от того, кому нравилось когда-то ссужать мне пятерки, которых он не требовал обратно? Почему не требовал? Из внимательности ко мне? Из любви? Нет, из бахвальства. Ну как же! Бедняк одалживает деньги миллионерше! В своем божественном гневе я сломала его, как ребенок ломает надоевшую игрушку. И, разломав его до истинной сущности, я увидела, что была для него не женщиной, а банковским счетом с хорошим поваром.

Патриция. Все это очень тонко замечено, дорогая, но ведь с вами вправду никто не в силах ужиться.

Эпифания. Зато любой, по-видимому, в силах ужиться с вами, а вы с любым.

Элестер. Полли говорит истинную правду. С тобой никто не в силах ужиться.

Эпифания. Но почему? Почему?

Сэгемор. Будьте благоразумны, миссис Фицфесенден. Можно ли ужиться с ураганом, с землетрясением, с лавиной?

Эпифания. Да, можно. Тысячи людей живут на склонах вулканов, на пути лавин, на суше, которую землетрясение только вчера подняло из воды. А с миллионершей, которая способна возвыситься до назначенного ей удела и распорядиться той властью, какую дают ей деньги, жить нельзя. Что ж, пусть так. Я останусь в своем одиноком доме, останусь сама собой и буду копить миллионы, пока не найду человека, достойного быть для меня тем же, чем Элестер для Бесчулочек.

Патриция. Надеюсь, вам не придется ждать долго.

Эпифания. Я никогда не жду. Я иду вперед, а когда натыкаюсь на то, что мне нужно, хватаю это. Так я захватила Элестера. Я нахожу, что он мне не подходит: он бьет меня...

Элестер. Только в порядке самозащиты. Я никогда не поднимал на тебя руку иначе как для самозащиты.

Эпифания. Да, ты похож на великие державы: ты всегда дерешься только в целях самозащиты. Но ты на четырнадцать килограммов тяжелее меня, и в ближнем бою мне против тебя не выстоять. Ты мне не подходишь. Я бросаю тебя. Можешь уходить к этой хищнице Бесчулочек и лупить ее сколько влезет. Мистер Сэгемор, устройте нам развод. Повод — жестокое обращение и супружеская измена.

Патриция. Но мне это не нравится — это нечестно по отношению к Элестеру. Почему вы разводитесь с ним, а не он с вами?

Эпифания. Мистер Сэгемор, вчините Патриции Смит иск за похищение сердца моего мужа. Требуйте возмещения в двадцать тысяч фунтов.

Патриция. Да разве такое возможно, мистер Сэгемор?

Сэгемор. Боюсь, что да, мисс Смит. Вполне возможно.

Патриция. Ну что ж. Мой милый старый папа говорил, что единственный способ выиграть в суде тяжбу с человеком, у которого очень много денег, это вовсе их не иметь. Вам не получить с меня двадцати тысяч фунтов. Называйте это тщеславием, если угодно, но мне да-

же хочется, чтобы весь мир узнал, что я сумела отнять самого лучшего и милого мужчину в Англии у самой богатой женщины этой страны.

Эпифания. Будь он проклят, ваш отец!

Элестер (с громким хохотом). Ха-ха-ха! Один-ноль в нашу пользу, Эппи! (Целует Патрицию.)

Сэгемор (с улыбкой). Боюсь, миссис Фицфесенден, что последним смеялся старый мистер Смит: где ничего нет, там ничего и не возьмешь.

Эпифания. Нет, я больше так не могу. Я не дам низвести себя в болото вульгарности, где я захлебнусь. Я буду жить в полном одиночестве и останусь целомудренна до тех пор, пока не найду подходящего мужчину, спутника жизни, созданного для меня небом, человека, способного стоять рядом со мной на вершинах и не терять при этом голову. Где-то же должен быть такой.

Врач (появляясь в дверях). Управляющий сказал, что я здесь нужен. Кому именно?

Эпифания. Мне. Идите сюда. (Повелительно протягивает ему руку.)

Врач (приближаясь и щупая ей пульс). Что-нибудь не в порядке с кровяным давлением, а? (Изумленно.) Ого! В жизни не слышал такого пульса. Настоящий кузнечный молот.

Эпифания. Это тоже моя вина?

Врач. Нет, воля Аллаха. Наш пульс тоже в его воле.

Элестер. Послушайте, док, в нашей стране так говорить не годится — мы в Аллаха не верим.

Врач. Это нисколько его не смущает, мой друг. Пульс все же бьется — медленный, наполненный. (Эпифании.) Вы ужасная женщина, но я влюблен в ваш пульс. Я никогда не встречал ничего подобного.

Патриция. Подумать только! Он влюбился в ее пульс.

Врач. Я врач. Женщина, в вашем смысле этого слова, для меня лишь ходячая куча недугов. Но жизнь! Пульс! Это же биение сердца Аллаха, единого, великого, всемогущего! (Отпускает руку Эпифании.)

Эпифания. Мой пульс никогда не изменится. Вот любовь, которой я жажду. Я выхожу за вас. Мистер Сэгемор, исхлопочите специальное разрешение, как только разделаетесь с Элестером.

Врач. Но это невозможно — мы связаны нашими клятвами.

Эпифания. А разве я не выдержала испытания, назначенного вашей матерью? Вы получите бухгалтерское

подтверждение. За первые же полчаса поисков работы я выяснила, что прожиточный минимум одинокой женщины — пять шиллингов в неделю. Еще до конца первой недели я заработала достаточно, чтобы просуществовать сто лет. И заработала честным, законным путем. Я уже объясняла вам, каким.

Врач. Это не путь Аллаха, милосердного и сострадательного. Если бы вы прибавили хоть пенни в час своим работницам, из которых выжимают все соки, все это грязное предприятие пошло бы прахом. Вы просто продали его Сьюперфлу, из которого вытянули за это последние гроши, а работницы по-прежнему надрываются у него за пиастр в час.

Эпифания. Рыночную цену рабочей силы изменить невозможно — это не удастся даже вашему Аллаху. Но я пришла в здешнюю гостиницу судомойкой — самой неумелой из всех судомоек, когда-нибудь бивших обеденные сервизы. Сейчас я владелица этого отеля и плачу своим служащим отнюдь не гроши.

Врач. На открытках отель выглядит очень привлекательно, а здешняя заработная плата была бы целым состоянием для любого труженика с берегов Нила. Но как насчет стариков, для которых гостиница была родным домом? Что вы скажете о старике, которого хватил удар? О старухе, потерявшей рассудок? О всех, кто угодил в рабочий дом? Вы грабили нищих! Мне ли, слуге Аллаха, жить на такие доходы? Мне ли, целителю, помощнику, стражу здоровья и советнику жизни, связывать свою судьбу с той, кто наживает на нищете?

Эпифания. Я вынуждена принимать мир таким, каков он есть.

Врач. Гнев Аллаха да поразит того, кто оставляет мир таким, каким он его принял.

Эпифания. Мне кажется, Аллах любит тех, кто делает деньги.

Сэгемор. Все с полной очевидностью подтверждает это.

Врач. Я смотрю на вещи по-другому. Я полагаю, что богатство — это проклятье, нищета — тоже проклятье, а справедливость, правда и счастье — лишь в служении Аллаху. Но все это праздные разговоры. Эта леди без труда выполнила условие, поставленное моей матерью. Но я не выполнил условие, поставленное отцом этой леди.

Эпифания. На этот счет не беспокойтесь — полгода еще не истекли. Я научу вас, как превратить ваши полтораста фунтов в пятьдесят тысяч.

Врач. Не научите. Их уже нет.

Эпифания. Но вы же не могли истратить их полностью: вы живете скудно, как церковная мышь. Что-то должно было остаться.

Врач. Ни пенса. Ни пиастра. Аллах...

Эпифания. Черт бы взял вашего Аллаха! Куда вы дели деньги?

Врач. Черт не в силах взять Аллаха. В тот день, когда вы расстались со мной и отправились зарабатывать себе на жизнь, я воззвал к милосердному и сострадательному, чтобы он открыл мне, не есть ли вы одна из его бесконечных шуток. Затем я сел и развернул газету. И подумайте! Взор мой упал на колонку, озаглавленную: «Завещания и посмертные дарения». Я прочел в ней имя, которое уже забыл. Миссис такая-то, Клепэм-парк, оставила сто двадцать две тысячи фунтов. Она никогда ничего не делала, просто жила в Клепэм-парке. И все-таки оставила сто двадцать две тысячи. Но чье же имя шло следующим? Имя учителя, который изменил всю мою жизнь и дал мне новую душу, открыв передо мной мир науки. Я четыре года был его ассистентом. Он своими руками делал приборы для экспериментов, и однажды ему понадобилась металлическая нить, способная выдерживать температуру, при которой платина плавится, как сургуч.

Эпифания. Купите у него для меня патент, если только кто-нибудь не опередил нас.

Врач. Он не брал патента: он считал, что наука не может быть ни чьей собственностью. И у него не было ни времени, ни денег на беготню по патентным бюро. Люди, для которых наука ничто, а деньги все, сделали на его открытии миллионы. Он же оставил своей вдове, доброй женщине, заменившей мне мать, четыреста фунтов. Это давало ей в лучшем случае шиллинг в день, то есть меньше пиастра в час.

Эпифания. Вот к чему приводит брак с ни на что не годным мечтателем. Вы собираетесь просить, чтобы я помогла ей? Запомните: мне надоели неимущие вдовы. Я сама превращусь в нищую, если взвалю их всех себе на плечи.

Врач. Не бойтесь. Аллах, милосердный и сострадательный, внял мольбам вдовы. Слушайте. Однажды мне пришлось лечить премьер-министра, вообразившего, будто он болен. И вот теперь я отправился к нему и объявил, что Аллаху угодно, чтобы вдове была назначена пенсия за счет гражданского листа. Она получила ее — это сто

фунтов в год. Затем я пошел в большой металлургический трест, эксплуатирующий изобретение моего учителя, и сказал директорам, что бедность его вдовы позорит их перед ликом Аллаха. Они были богаты и щедры: они выпустили для нее специальные учредительские акции, приносящие три сотни в год. Они полагали, что тем самым она вступает в дело на самых выгодных для нее условиях. Да внемлет ее молитвам и будет к ним милостив тот, в ком единый источник власти и силы. Но все это потребовало времени. На уход за мужем, сиделку, похороны, передачу лаборатории и переезд на более дешевую квартиру вдова истратила все, что у нее было, хотя ни врач, ни адвокат не взяли с нее ни пенса, а лавочники не торопили с уплатой долгов: воля Аллаха воздействовала на всех них сильнее, чем на британское казначейство, взыскавшее с вдовы налог на ее крошечное наследство. Между кончиной моего учителя и назначением пенсии образовался разрыв величиной как раз в полтораста фунтов. Но Господь, который справедлив и точен, соизволил, чтобы руки вашего шофера и мои заполнили этот разрыв известной вам суммой. Она преисполнила сердце мое такой радостью, какой никогда еще не доставляли мне деньги. Но вместо того, чтобы явиться к вам с пятьюдесятью тысячами фунтов, я задолжал за свое пропитание в вашем отеле и со дня на день жду, что ваш управляющий потеряет терпение и потребует уплаты.

Элестер. Ничего, старина. Свои дела вы не устроили, зато чертовски благородно поступили с вдовой. А заодно ускользнули от Эппи. Она не выйдет за вас, пока у вас в кармане пусто.

Эпифания. А почему бы нет? Из этого изобретения, вероятно, уже сделано десять раз по пятьдесят тысяч. Доктор, покрыв моими деньгами неотложные расходы вдовы, косвенным образом вложил их в изобретение. И проявил при этом исключительные деловые способности. Верно, мистер Сэгемор?

Сэгемор. Безусловно. Он выжал деньги из премьер-министра. Он выжал деньги из имперского металлургического треста. И устроил как нельзя лучше дела вдовы.

Врач. Но не свои собственные. Я задолжал за стол.

Эпифания. Ну, раз уж дошло до этого, скажу, что я тоже задолжала за стол. Сегодня утром я получила письмо от своих поставщиков, которые уведомляют, что за два года не получили от меня ни пенса и впредь до по-

ступления от меня хоть какой-нибудь суммы вынуждены прибегнуть к содействию судебных властей.

Врач. Как это понимать?

Эпифания. А так, что они опишут мою обстановку.

Врач. Боюсь, что не смогу продать свою обстановку, — у меня ее нет.

Эдриен. Если у вас есть хотя бы тросточка, она сумеет ее продать. Это самая скаредная женщина в Англии.

Эпифания. И потому самая богатая. Мистер Сэгмор, я решила выйти замуж за этого врача. Установите его имя и подготовьте все, что полагается.

Эдриен. Смотрите, доктор! Выходя за вас замуж, она нарушает супружескую верность. До вас она флиртowała со мной, возила меня за город и подавала надежду, что я заменю ей Элестера. Но посмотрите, что она сделала со мной! Она и с вами сделает то же самое, когда ей понравится очередной мужчина.

Врач (*Эпифании*). Что вы на это скажете?

Эпифания. Что вы должны научиться не упускать удачу. Этот разочарованный волокита пытается запугать вас моей неверностью. Но он никогда не был женат, а я была замужем и говорю вам: ни в одном, даже самом счастливом браке не бывает так, чтобы супруги не изменяли друг другу в мелочах тысячу раз на дню. Начинается с того, что вам кажется, будто у вас всего один муж, а у вас, как выясняется, их целая дюжина в одном лице. Рядом с вами оказывается человек, которого вы ненавидите и презираете, хотя связаны с ним на всю жизнь; однако еще до конца завтрака этот дурак говорит вам что-нибудь приятное и снова становится мужчиной, которым вы восхищаетесь, которого вы любите. А между двумя этими полюсами вы проходите тысячи этапов — с другим мужчиной или с другой женщиной на каждом из них. Для мужчины все женщины воплощены в его жене: она дьявол во плоти, она заноза в его теле, ревнивое чудовище, неотступный сыщик, нуда, скандалистка, мучительница. Но стоит ему сказать ей любую утешительную ложь, как она становится его отрадой, помощницей, бесценным сокровищем — в худшем случае, его беспокоящим, но любимым ребенком. В каждой из жен заключены все женщины сразу, в каждом муже — все мужчины. Что знает холостяк об этой бесконечно опасной, надрывающей сердце, непрестанно изменчивой и полной приключений жизни, которую именуют браком? Смотрите

на нее так же, как смотрели на любую рискованную операцию, каких вы делали сотни.

Врач. Поистине, кто мудрей и лукавей женщины, когда она пытается уловить в свои сети мужчину, избранного для нее Аллахом? Но мне хорошо и без жены. Зачем мне ломать свою жизнь? Я буду счастлив, и оставаясь старым холостяком.

Эпифания (*протягивая ему руку*). А сумеете вы проверять мой пульс, оставаясь старым холостяком?

Врач (*щупая ее пульс и механически вытаскивая часы*). Ах, про него-то я и забыл. Раз, два, три... Нет, он неотразим. Такой пульс бывает один на сто тысяч. Я люблю его. Я не могу расстаться с ним.

Эдриен. Вы будете раскаиваться в этом до последнего дня своей жизни.

Эпифания. Мистер Сэгемор, вы получили мои указания.

Сэгемор кланяется.

Патриция. Поздравляю, дорогая.

Так заканчивается пьеса, когда ее играют в странах капитализма. Однако в России, а также в странах, где симпатизируют коммунистам, зрители хотят, чтобы пьеса имела иную мораль в финале. Поэтому после того, как врач щупает пульс Эпифании, объявляя, что влюбился в него и не в силах от него отказаться, Блендербленд говорит:

Эдриен. Остерегайтесь, на ее руке проклятье. Это рука Мидаса — чего бы она ни коснулась, все превращается в золото.

Врач. На моей руке проклятье пострашнее: золото ускользает у меня между пальцев. Почему я беден? Я не желаю быть бедным.

Эпифания. Почему я богата? Я не желаю быть богатой.

Элестер. Тогда поезжайте оба в Россию — там нет ни богатых, ни бедных.

Эпифания. А почему бы и не поехать? В последнее время я покупаю исключительно русские акции.

Эдриен. Но русские пристрелят вас как бешеную собаку: вы же проклятая капиталистка.

Эпифания. Здесь — да. Зато в России я стану труженицей. И еще какой! Здесь я растрчиваю свой интеллект впустую. Такова судьба богатства в капиталистиче-

ском мире: оно транжирится на бездельников и на их приживалов. Здесь я окружена морем рабства, нищеты, болезней и грязи, и черная пучина его готова поглотить меня в любую минуту, по первому же капризу денежного рынка. А в России такие энергичные женщины, как я, нужны. В Москве я перестану быть миллионершей, но через полгода буду заседать в Совнаркоме, а через год — в Политбюро. Здесь я лишена настоящей власти, свободы и уверенности в завтрашнем дне: любой из нас может умереть в рабочем доме. В России я завоюю такой авторитет и получу такие возможности развивать свои природные дарования, каких не было даже у императрицы Екатерины. Клянусь, не пройдет и двадцати лет, как каждый русский ребенок прибавит в весе на пять фунтов, а средний возраст взрослых удлинится на десять лет. Но я не сделаюсь императрицей, а буду работать не покладая рук, и через десять столетий священная страна будущего — Россия — канонизирует еще одну святую по имени Эпифания.

Эдриен. Ну и самомнение!

Сэгемор. Боюсь, что в России теперь нет святых.

Врач. Святые есть всюду — это единственный ряд людей, который нельзя истребить. Императоры, короли, полководцы, епископы рано или поздно разделяют участь всех идолов: их повергают во прах и разбивают, после чего вся королевская конница и вся королевская рать уже не поднимут их вновь. Святые же во веки веков пребудут нетленны во храме серпа и молота. Но в Россию мы все-таки не поедem: русские не нуждаются в нас. Они остались у себя дома и спасли собственные души. Не лучше ли нам остаться здесь и спасти свои? Почему бы нам не превратить Британскую империю в Советскую республику?

Эпифания. Обязательно превратим. Только для начала нам придется устранить всех совершеннолетних и начать перестройку общества с новорожденных. А раз так, нам следует пожениться. Мистер Сэгемор, займитесь необходимыми документами.

Сэгемор кланяется.

Патриция. Поздравляю, дорогая.

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О СЕБЕ САМОМ

Написано для сборника «Неприятные пьесы», изданного в 1898 году.

С. 16. Уолли Ричард (1787—1863) — дублинский архиепископ, писатель.

С. 17. Гаррик Давид (1717—1779) — знаменитый английский актер, которому принадлежит заслуга возрождения Шекспира на английской сцене.

Джонсон Сэмюэл (1709—1784) — видный английский писатель, критик и языковед эпохи Просвещения.

С. 19. Пинеро Артур (1855—1934) — модный английский драматург, представитель бытописательской мещанской драматургии.

С. 20. *Байрейтский театр* («Дом торжественных представлений») — театральное здание, построенное в 1876 году специально для постановок музыкальных драм Р. Вагнера близ города Байрейта, на юге Германии, в Баварии. При открытии театра исполнялась оперная тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунгов» (1853—1874). Регулярных представлений в театре не было, время от времени давались циклы вагнеровских музыкальных драм.

«Кукольный дом» (1879) — драма Г. Ибсена.

Грейн Джекоб Томас (1862—1935) — английский театальный критик и режиссер. Один из основателей и руководителей «Независимого театра» в Лондоне (открыт в 1891 году).

С. 21. Вильям Арчер (1856—1924) — английский театальный критик и драматург.

С. 22. Чарльз Уайнгрэм (1837—1919) — английский актер и режиссер, с 1876 года руководил театром «Крайтирион».

С. 23 ...*Разоблачение и пресечение взяточничества, свирепствовавшего тогда в парламенте.* — Имеется в виду пьеса Филдинга (1707—1754) «Исторический календарь за 1736 год» (1737), в которой он разоблачал парламентскую коррупцию. Пьеса эта нанесла сильный удар правительству Уолпола, и, чтобы положить конец сатирическим нападкам со сцены, в июне 1737 года через парламент был проведен закон о театральной цензуре.

Уоллол Роберт (1676—1745) — английский политический деятель, премьер-министр (1721—1742).

С. 26. *Хальма* — настольная игра, напоминающая игру в шашки.

С. 29. *Метерлинк* Морис (1862—1949) — бельгийский писатель-мистик.

Генри Ирвинг (1838—1905) — крупный английский режиссер и актер, постановщик многих трагедий Шекспира. Роль Шейлока в пьесе Шекспира «Венецианский купец» принадлежит к числу известнейших из сыгранных Г. Ирвингом.

Ага Реган (1860—1916) — американская актриса.

Питер Тизл — действующее лицо в комедии Шеридана «Школа злословия» (1777).

С. 30. *Мерегут* Джордж (1828—1909) — английский романист и поэт.

ДОМА ВДОВЦА

Пьеса «Домá вдовца» (Widowers' Houses) написана в 1885—1892 годах. Впервые поставлена 9 декабря 1892 года Независимым театром (Лондон) в помещении театра Ройалти. Опубликована в 1893 году.

В последние годы эта пьеса Шоу неоднократно ставилась на советской сцене. В 1950 году, под названием «Лондонские трущобы», ее поставил Московский театр сатиры, затем Ленинградский драматический театр. «Лондонские трущобы» шли также во многих городах Советского Союза.

С. 37. *Хэмстег-Хис* — район в северной части Лондона, где живет преимущественно мелкая буржуазия.

С. 39. *Бегекер* — путеводитель для путешественников (по имени составителя наиболее распространенных немецких изданий такого рода).

ПРОФЕССИЯ МИССИС УОРРЕН

«Профессия миссис Уоррен» (Mrs. Warren's Profession) написана в 1893—1894 годах; напечатана в 1898 году. Пьеса долгое время не могла быть поставлена из-за вмешательства театральной цензуры. Премьера ее состоялась 5 января 1902 года на сцене лондонского Нью-Лирик-Театра в постановке «Театрального общества», продолжавшего традиции Независимого театра.

На русской сцене впервые поставлена 30 ноября 1907 года, в петербургском Александрийском театре, под названием «Доходы миссис Уоррен». Роль миссис Уоррен с большим успехом ис-

полняла выдающаяся русская актриса М. Г. Савина. Спектакль неоднократно ставился на советской сцене, под названием «Профессия этой женщины».

С. 106. Чэнсери-лэйн — судейский квартал в Лондоне.

С. 115. Герцог Веллингтон (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель; принадлежал к крайнему правому крылу консервативной партии.

С. 121. Судьбы страшится только тот,

Кто слишком осторожен... —

Отрывок из стихов Джеймса Грэхема, маркиза Монтроза (1612—1650).

С. 150. Линкольн-Инн — одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих юристов; находится вблизи Чэнсери-лэйн (Лондон).

С. 151. Ричмонд — западный пригород Лондона, где расположен бывший королевский парк, излюбленное место отдыха лондонцев.

КАНДИДА

«Кандида» (Candida) написана в 1894—1895 годах, впервые исполнялась 30 марта 1895 года, в театре Ройал (Саутшилдс, Англия); опубликована в 1898 году, в цикле «Приятные пьесы».

В 1910 году «Кандиду» поставил Московский Малый театр в Озерках под Петербургом. На советской сцене исполнялась в 1922 году, в петроградском Передвижном театре.

С. 169. Морис Джон Фредерик Денисон (1805—1872) — английский священник и писатель, один из основателей движения «христианских социалистов»,

Браунинг Роберт (1812—1889) — видный поэт викторианской Англии. Произведения Браунинга крайне трудны по форме.

«*Прогресс и бедность*» (1879) — книга американского мелкобуржуазного публициста и экономиста Генри Джорджа (1839—1897), имевшая исключительный успех среди социалистически настроенной интеллигенции. Джордж считал, что не протарсарская революция, а национализация земли и всех средств производства буржуазным государством способна положить конец обнищанию масс в капиталистическом обществе.

«*Фабианские опыты*». — Здесь речь идет о ряде брошюр, написанных Б. Шоу в тесном сотрудничестве с С. Узббом и опубликованных в 1889 году.

«*Сон про Джона Болла*» (1888) — утопический роман английского писателя-социалиста Вильяма Морриса (1834—1896), в котором изображается будущее счастливое общество. Джон Болл — английский народный проповедник, один из вождей

крестьянского восстания Уота Тайлера в Англии. Казнен в 1381 году при подавлении восстания.

...*Репродукция с главной фигуры Тицианова «Успения».* — Тициан Вечеллио ди Кадоре (1477—1576) — великий итальянский живописец, представитель искусства Возрождения. Картина «Успение» создана в 1518 году (церковь Фрари в Венеции). Главная фигура картины — богородица, возносящаяся на небо.

Христианский социалист — сторонник христианского социализма, учения, пытающегося примирить социалистические идеи с религиозным мировоззрением.

С. 170. Независимая рабочая партия (НРП) — английская реформистская партия, основанная по инициативе К. Гарди в 1893 году и ставившая себе целью добиться независимости рабочего движения от буржуазных политических партий. Реформистский характер программы НРП вскоре привел ее, однако, к сближению с буржуазными партиями.

Социал-демократическая федерация — организация, образованная в 1884 году из буржуазно-радикальной Демократической федерации, созданной в 1882 году.

С. 171. Конфирманты — у протестантов — юноши и девушки, достигшие шестнадцати лет, которым предстоит конфирмация: проверка знаний церковных догматов, а также последующий обряд приобщения к церкви.

Фабианское общество — реформистская организация английской буржуазной интеллигенции, основанная в 1884 году. О характере этого общества говорит уже само его название, данное по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей осторожной стратегией. Б. Шоу был одним из первых и самых деятельных членов Фабианского общества, ставшего проводником буржуазных влияний в рабочем движении. Отрицая классовую борьбу, представители фабианского социализма считали, что капиталистический строй должен на основе «сотрудничества» буржуазии с пролетариатом постепенно переродиться в социализм.

«Церковный реформатор» — журнал, издававшийся в Лондоне в 1882—1895 годах.

С. 177. Работный дом — приют для бедных в ряде капиталистических стран. Работные дома в Англии созданы в XVII веке и, согласно закону о бедных (1834), пребывание в них стало обязательным для всех нуждающихся в общественном пособии. Тяжелые условия жизни в этих работных домах, прозванных «бастилиями для бедных», вынуждали бедняков искать любую работу на фабрике, но не идти в работные дома.

С. 188. Ларошфуко Франсуа (1613—1680) — французский писатель-моралист, автор книги «О морали» и сборника афоризмов «Размышления, или сентенции и максимы о морали» (1665). Фраза «...браки бывают удобные, но счастливых браков не бывает» взята из «Максим» Ларошфуко.

УЧЕНИК ДЬЯВОЛА

Пьеса «Ученик Дьявола» (The Devil's Disciple) написана в 1896—1897 годах и опубликована в цикле «Пьесы для пуритан» (1901). Поставлена впервые в городе Олбэни (США) 1 октября 1897 года, а 26 сентября 1899 года — в Лондоне.

На русской сцене впервые исполнялась под названием «Мятежник» в Воронежском городском театре в 1906 году и с тех пор ставилась неоднократно. В 1933 году «Ученик Дьявола» был поставлен в Москве, в Театре-студии под руководством Ю. А. Завадского; роль Ричарда исполнял Н. Д. Мордвинов. «Ученик Дьявола» — один из наиболее популярных спектаклей Б. Шоу в СССР.

С. 236. 1777 год — это год, когда американские колонии, не столько в силу своих стремлений, сколько в силу своей тяжести, только что оторвались от Англии. — Имеется в виду освободительная война английских колоний в Северной Америке против Англии в 1775—1783 годах. 1777 год явился решающим в ходе войны. В этот год американские войска одержали крупную победу под Саратогой, принудив к капитуляции английские войска.

С. 257. Мэри Уолстонкрафт (1759—1797) — английская писательница и публицистка, одна из первых поборниц женских прав; горячо приветствовала французскую революцию. В «Защите прав женщины» (1792) М. Уолстонкрафт применила взгляды английских и французских просветителей к положению женщин.

С. 261. Филипп Уэбб (1831—1915) — английский архитектор и художник-декоратор.

С. 283. Бэргойн Джон (1722—1792) — английский генерал. В 1777 году, во главе английских войск, двигался из Канады на соединение с войсками генерала Хоу, но 17 октября 1777 года был разбит американскими колонистами под Саратогой.

С. 291. Гамалиил — упоминаемый в Новом завете ученый раввин, проповедовавший веротерпимость.

С. 294. Лорд Норт Фридрих (1732—1792) — английский премьер-министр с 1770 по 1782 год. Введенная им пошлина на чай, ввозимый в Америку, привела к «чайному бунту» в Бостоне (1773), положившему начало борьбе за независимость североамериканских колоний.

С. 302. Генерал Хоу Вильям (1729—1814) — в 1777 году был командующим английскими войсками в американских колониях Великобритании.

С. 311. «Янки-Дугль» — североамериканская патриотическая песенка эпохи борьбы за независимость.

ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА

Пьеса «Цезарь и Клеопатра» (Caesar and Cleopatra) написана в 1898 году, издана в 1901 году, поставлена 1 мая 1901 года в Чикаго (США). В Англии пьеса была впервые поставлена (не считая концертного исполнения 15 марта 1899 года в Ньюкаслон-Тайне) 16 сентября 1907 года (Лидс, Гранд-Театр).

В России пьесу впервые поставил 14 октября 1909 года Московский Малый театр. Несколько раз она ставилась на советской сцене (Государственный Академический театр драмы, театр «Просвещение» в Ленинграде и др.).

С. 315. ...Как рассыпалось могущество державной Испании, когда она обратилась против ваших предков...— Речь идет о Непобедимой Армаде — большом флоте, снаряженном в 1588 году Филиппом II Испанским против Англии. Армада была рассеяна бурей и затем по частям разбита английским флотом.

...В Египет, где стояла римская армия, подобно тому как ныне там стоит британская армия.— В 1882 году английские войска оккупировали Египет и неограниченно хозяйничали в стране.

Луций Септимий — один из центурионов (начальник древнеримского отряда) Помпея, который 29 сентября 48 года до н. э. убил его, когда Помпей, после поражения под Фарсалою, прибыл в Египет.

С. 317. ...Они не имеют обыкновения выкапывать тела мертвых врагов и четвертовать их, как мы поступили с Кромвелем и Махди.— Тело вождя английской революции XVII века Оливера Кромвеля, похороненное в усыпальнице королей — Вестминстерском аббатстве,— было после реставрации Стюартов публично повешено, а затем обезглавлено. Тело вождя арабских повстанцев, боровшихся против английских завоевателей, Махди Мухаммеда Ахмеда (1848—1885), после подавления восстания (1898) было выброшено из могилы.

С. 326. Арфа Мемнона — статуя в Египте, известная также под названием «Поющий Мемнон», так как на рассвете под действием солнечных лучей, нагревавших камень после холодной ночи, она издавала различные звуки.

С. 338. Тоттенхэм-Корт-Рог — центральная торговая улица на северо-западе Лондона, типично буржуазная по своему облику.

С. 339. Авлет (в переводе значит: игрок на флейте) — египетский царь, правивший в 80—51 годах до н. э. Изгнан из Египта, бежал в Рим и с помощью Помпея в 55 г. до н. э. вернулся на престол, казнив свою старшую дочь Беренику, которая правила во время его изгнания.

С. 344. ...Предвосхищая идею более поздних государственных деятелей.— Имеются в виду слова английского премьер-

министра Б. Дизраэли: «Почетный мир», сказанные им о результатах Берлинского конгресса 1878 года, на котором остров Кипр был передан Англии.

С. 345. *Авлий Габиний* — римский военачальник, войска которого помогли египетскому царю Авлету вернуться на египетский трон.

Юба Нумидийский — африканский царь, сторонник Помпея. После поражения последнего покончил самоубийством. Нумидия — рабовладельческое государство в Северной Африке (на территории современного Алжира), образовавшееся в III веке до н. э.; в 46 году до н. э. было превращено в римскую провинцию.

С. 349. *Верцингеторикс* — вождь галлов, потерпевший поражение от Юлия Цезаря (51 г. до н. э.)

С. 357. *Горит Александрийская библиотека!* — Знаменитая Александрийская библиотека имела 400 000 томов и сильно пострадала от пожара в 47 году до н. э.

С. 374. ...*С тех пор как ты перешел Рубикон.* — В 49 году до н. э. Цезарь, вопреки воле сената, перешел со своими легионами реку Рубикон, служившую границей между Цизальпинской Галлией и Италией, и тем самым начал гражданскую войну в Италии. С тех пор выражение «перейти Рубикон» означает: принять бесповоротное решение, совершить решительный поступок.

С. 382. *Пифагор* (ок. 580—500 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист и математик. В области музыки Пифагору и его ближайшим ученикам принадлежит заслуга математического обоснования музыкальной гармонии.

С. 388. *Митридат Пергамский* — сын царя Митридата VI Евпатора (I в. до н. э.); вопреки политике своего отца, поддерживал римлян. Пергам — древний город в Малой Азии, один из крупнейших торговых и культурных центров в период эллинизма.

С. 398. *Аппиева дорога* — одна из наиболее знаменитых дорог в древнем Риме (между Римом и Капуей), проложенная цензором Аппием Клавдием в 312 году до н. э.

С. 399. *Что? Стучащие столы?* — Намек на увлечение спиритизмом, распространенное в английских буржуазных кругах в конце XIX века.

СМУГЛАЯ ЛЕДИ СОНЕТОВ

«Смутная леди сонетов» (The Dark Lady of the Sonnets) написана в 1910 году и впервые поставлена в театре Хеймаркет (Лондон) 24 ноября 1910 года; опубликована в 1914 году. В 1910 году было отпечатано несколько экземпляров для участников постановки.

С. 417. Да охранят нас ангелы Господни.— Шекспир, «Гамлет», действие I, сцена 4.

...Вы стоите один на посту, а я приближаюсь, как призрак в лунном сиянии — намек на сцену с призраком в первом действии трагедии Шекспира «Гамлет».

Театр «Глобус» — самый крупный театр в Англии времен Шекспира, построен в 1599 году Джеймсом Бербедежем.

С. 418. «Испанская трагедия» (1594) — трагедия английского драматурга Томаса Кида (1558—1594), в которой изображаются буйные проявления страстей; пользовалась большой популярностью у современников,

«Ничтожность, женщина, тебе названье».— Шекспир, «Гамлет», действие I, сцена 2.

...Собираешь таких вот пустейших пустыяков.— Шекспир, «Зимняя сказка», действие IV, сцена 3.

С. 419. Пемброк, Вильям Герберт (1580—1630) — английский граф. В пьесе «Смутная леди сонетов» Б. Шоу разделяет выдвинутую в 1890 году Томасом Тейлором гипотезу о том, что героиня сонетов Шекспира — любовница Пемброка, Мэри Фиттон (1578—1647).

И ты, Брут! — с такими словами умирающий Цезарь обратился к Бруту, оказавшемуся в числе заговорщиков, напавших на него в сенате (Шекспир, «Юлий Цезарь», действие III, сцена 1).

«Два веронца» — название одной из комедий Шекспира (1594).

Слова, слова, слова.— Шекспир, «Гамлет», действие II, сцена 2.

Так каплуна не откормить.— Шекспир, «Гамлет», действие III, сцена 2.

С. 420. «С крепкой хваткой!» «Сержант проворный!» — Шекспир, «Гамлет», действие V, сцена 2.

Прочь, проклятое пятно! Вы мне все измажете...— Шекспир, «Макбет», действие V, сцена 1.

Бог дал вам одно лицо, а вы делаете себе другое.— Шекспир, «Гамлет», действие III, сцена 1.

Приукрашать.— Шекспир, «Гамлет», действие II, сцена 2.

Все ароматы Аравии.— Шекспир, «Макбет», действие V, сцена 1.

Наследница Тюдоров — английская королева Елизавета Тюдор (1533—1603), последняя из династии Тюдоров.

Мария погребена, она не встанет из могилы.— Перефразированные слова леди Макбет из трагедии Шекспира «Макбет», действие V, сцена 1. Королева Елизавета говорит о шотландской королеве Марии Стюарт (1542—1587), казненной по ее приказу.

Что сделано, то сделано.— Шекспир, «Макбет», действие V, сцена 2.

С. 421. На миг умерьте ваше изумленье.— Шекспир, «Гамлет», действие I, сцена 1.

С. 422. Так позволь, божественное чудо красоты.— Шекспир, «Ричард III», действие I, сцена 2.

Бен — Бен Джонсон (1573—1637), английский драматург, современник Шекспира.

С. 424. ...*Мать носила имя Арден*.— Мать Шекспира Мэри Арден (ум. в 1608 г.) была дочерью эсквайра (нетитулованного землевладельца) Роберта Ардена.

С. 427. *Нет женщины, несчастнее меня*.— Шекспир, «Гамлет», действие III, сцена 1.

Предание о Юпитере и Семеле.— Согласно древнегреческому мифу, Семела, возлюбленная бога Юпитера (Зевса), по внушению его ревнивой супруги, решившей ее погубить, стала просить Юпитера явиться ей во всем блеске своего величия, с громом и молниями. Вынужденный своей клятвой исполнить просьбу Семелы, Юпитер предстал перед ней в небесном огне, испепелившем смертную женщину.

«Замшелый мрамор царственных могил исчезнет раньше...» — Шекспир, сонет 55.

С. 428. *Вы жаждете отличий*.— Шекспир, «Гамлет», действие III, сцена 2.

Народный театр.— Пьеса «Смутная леди сонетов» была написана в связи с кампанией за создание Шекспировского народного театра в Англии. Шоу умышленно вкладывает в уста Шекспира призыв к организации такого театра.

Бэнксайд — район в Лондоне, на южном берегу Темзы, где во времена Шекспира находились театры «Глобус», «Лебедь», «Роза». *Блэкфрайерс* — театр времен Шекспира, на северном берегу Темзы, в районе Сити.

С. 429. *Огня искусная целительница* — Елена из комедии Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается» (1602).

...*Другая — послушница монастыря, посвятившая себя добрым делам*.— Изабелла из комедии Шекспира «Мера за меру» (1604).

...*Я украд из одной пустой, непопулярной книжки*.— Речь идет о книге Томаса Лоджа (1558—1625) «Розалинда, или Золотое наследие Эвфуза» (1590).

МИЛЛИОНЕРША

Пьеса написана в 1935 г. Первая постановка состоялась в Австрии в «Бургтеатре» (Вена) 4 января 1936 г., затем «Миллионершу» сыграла труппа «Макмэхон плейерз» в Австралии в Мельбурне. В Англии к комедии Шоу первой обратилась «Мэтью Форсайт Репертори компани», показавшая семь представлений в ноябре 1936 г. В Лондоне зрители познакомились с новым произведением Шоу лишь в 1944 г., когда режиссер Джофри Уордуэлл осуществил постановку в театре «Кью».

Несомненно, что среди пьес Шоу позднего периода «Миллионерша» — самая популярная в нашей стране. Ее в разных переводах (П. Мелковой, И. Головни) охотно ставили советские театры. Самые известные постановки — москов-

ского Театра им. Евг. Вахтангова (1964, режиссер А. Ремизова, исполнители основных ролей: Ю. Борисова — Эпифания. Г. Пашкова — Патриция Смит, В. Этуш — Эдриен Блендербленд, Ю. Яковлев — доктор и др.) и ленинградского Театра им. В. Ф. Комиссаржевской (1965, режиссер А. Белинский, в роли Эпифании — Г. Короткевич). С успехом шла пьеса в театрах Красноярска, Саратова, Душанбе, Орла и др.

С. 432. *Агамс*, Роберт (1728—1792) — архитектор и декоратор, создатель английского неоклассицистического стиля интерьера. В богатых особняках камины, лестницы, потолки и т. п. долгое время делались по его эскизам.

Чипендейл — английский стиль мебели и интерьера, введенный в моду Томасом Чипендейлом (1718—1779) и до последнего времени соответствующий представлению о наиболее импозантной обстановке. Его отличают преимущественное использование красного дерева, искусная резьба, несколько укрупненные габариты и стремление к удобству и целесообразности.

С. 436. *Серпентайн* — узкий длинный пруд с лодочной станцией и пляжем в лондонском Гайд-Парке.

С. 460. *Флажолет* — деревянный духовой музыкальный инструмент наподобие флейты.

С. 461. *Сады Гесперида* — в древнегреческой мифологии сады с золотыми яблоками, охраняемые нимфами Гесперидами. В переносном смысле — место безмятежного счастья, куда заказан вход простым смертным.

С. 462. *Мейденхег* — район в пригороде Лондона на берегу Темзы, известный своими парками и ресторанами.

С. 463. *Ротари-клуб* — клуб деловых людей — бизнесменов и представителей свободных профессий, созданный в 1905 г. в Чикаго и к 1922 г. ставший международным клубом. В Англии отделения его имелись во всех крупных городах; члены его еженедельно собирались на лекции и дискуссии.

С. 468. *Эдипов комплекс* — термин, введенный австрийским психиатром Зигмундом Фрейдом (1856—1939) для обозначения подсознательного влечения сына к матери или дочери к отцу. Эдип — легендарный греческий царь, которому по воле богов было суждено убить отца и жениться на собственной матери.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Новиков. <i>Неординарность как норма</i>	5
---	---

ПЬЕСЫ

Предисловие. Главным образом о себе самом. <i>Перевод</i> <i>О. Холмской</i>	15
Домá вдовца. <i>Перевод О. Холмской</i>	36
Профессия миссис Уоррен. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	101
Кандида. <i>Перевод М. Богословской и С. Боброва</i>	168
Ученик Дьявола. <i>Перевод Е. Калашниковой</i>	236
Цезарь и Клеопатра. <i>Перевод М. Богословской и С. Боб-</i> <i>рова</i>	312
Смутная леди сонетов. <i>Перевод М. Лорие</i>	417
Миллионерша. <i>Перевод П. Мелковой</i>	432
Комментарии А. Николюкина	501

Золотая серия

Зарубежная литература

Бернард Шоу

Избранные сочинения
в двух томах

Том первый

Редактор *Б. Акимов*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректоры *Э. Михалева, А. Сорокина*

ООО «Мир книги»
109052, Москва, ул. Смирновская, д. 4, стр. 2
Лицензия ЛР № 071810 от 9.03.99.

ООО РИЦ «Литература»
115407, Москва, ул. Судостроительная, д. 40

Подписано в печать 30.10.2003 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 0313700.

ISBN 5-8405-0076-3

Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

